ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2025, Том 8, №7

Подписано к публикации: 23.10.2025

Главный редактор журнала

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек)– доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: hb-journal@yandex.ru
Сайт: https://hb-journal.ru

DOI:10.58224/2658-5685-2025-8-7

© Исторический бюллетень, 2025

Содержание

Акимцев Д.А.
К вопросу элементов языческих (дохристианских) верований крестьянского сознания в историографии 6-12

Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.
Феномен фашизма как предмет изучения в современной зарубежной историографии и политической науке 13-18

Надырова Э.И., Спичак А.В.
Гендерное распределение труда в обществе как отражение положения женщины в обществе в арктической и приарктической зонах западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века 19-25

Григорькин В.А., Ряхмятуллов А.Р.
Развитие бокса в Республике Мордовия (1960 гг. – начало XXI в.) 26-32

Воробьева Н.В.
«Защита исторической правды»: теоретические подходы и судебная практика 33-40

Мельник Э.В., Кучумов И.В.
Французский историк П.-Ш. Левек о дворцовом перевороте 1762 г. в России 41-47

Андриайнен С.В.
Великий князь Константин Павлович: критик военных реформ Николая I 48-54

Егоров И.А.
Образ «другого» в британской и российской периодической печати периода англо-бурской войны (1899-1902 гг.) 55-60

Заровнятных Е.В.
Взаимоотношения новгородского общества любителей древности с музеем допетровского искусства и быта в контексте археологического изучения Новгорода 61-67

Тихомиров П.Б.
Республиканско-монархическая дискуссия в Австралии середины XX века, на примере спора в газете «Канберра Таймс» 68-73

Воробьева Н.В.
Коммеморативные практики в контексте формирования традиционных духовно-нравственных ценностей обучающихся 74-78

Абдулпатахов М.А.
Кавказская линия укреплений и изменение на ее форпостах численности казачьего населения в XVIII веке 79-83

Гаврыш О.В.
Поддержка материнства и детства в решении демографических проблем советского общества в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны 84-89

Павленко А.И.
Советское военное присутствие в Германии после победы: структура, задачи и силы ГСОВГ 90-95

Карпов Д.В.
Гастрономический туризм в Поволжье 96-103

Авдеев Р.Ю.
Модернизация судебной системы в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации в 1990 г. – начале 21 в. 104-109

Сковорода Е.В.
К вопросу об особенностях военной реформы 1924-1928 годов на примере организации военно-учетной работы в Псковской губернии 110-115

Иванов С.Е.
Образ советского учителя в 60-70-е гг. XX в. на страницах «Учительской газеты» 116-121

Перфильева И.А.
Особенности создания советской милиции в Забайкалье в 1922-1925-х гг. 122-128

Кушков Е.А.
Проекты по реформированию уголовно-процессуального права в Уложенной комиссии 1720-х гг. 129-136

Павленко А.И.
Обеспечение безопасности и правопорядка советскими войсками в Германии в условиях оккупационного режима 137-141

Андреевских Л.В., Борозенец Т.А.
Развитие Ханты-Мансийского благочиния Ханты-Мансийской епархии 142-150

Волков А.С.
Хронологические таблицы основных исторических событий в Европе, Египте и Малой Азии на промежутке времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I (согласно датировкам, полученным методом астрономической хронологии) 151-161

Сковорода Е.В.
К вопросу о создании и деятельности Псковского городского военного комиссариата в предвоенные годы 162-167

Амелина Т.В.
Изучение деятельности института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в российских регионах: опыт историографического обзора 168-178

Болашенкова Е.А.
Образы эпохи саманидов (IX-X вв.) в текстах современных поэтов Таджикистана 179-189

Киселев А.Г.
«Омский дневник, 1917-1920 гг.» и его автор Татьяна Николаевна Машинская 190-199

Мкртчян Н.А.
Особенности освещения отдельных эпизодов вооружённого противостояния в Дагестане во второй половине 40-х – 50-е годы XIX в. в публикациях авторов газеты «Кавказ» 200-210

Звягинцев Н.В.
Динамика российско-египетских отношений: основные направления и региональное значение (2013-2025 гг.) 211-220

Курков В.В., Симакова В.Н., Бункова А.В.
Военное противостояние России и Османской империи: к вопросу о систематизации учебного материала в школьном курсе истории 221-229

Скопа В.А.
Научный вклад А.А. Кауфмана в методологию статистических исследований: из истории статистической мысли конца XIX – начала XX века 230-236

Варвариков Д.С.
Источниковый комплекс по истории ОСОАВИАХИМа Якутской АССР: проблемы репрезентативности и интерпретации 237-241

Кузнецов В.Н., Лавская К.К.
Деятельность главного управления и политорганов гражданского воздушного флота по активизации духовного фактора во фронтовых и тыловых условиях в годы Великой Отечественной войны 242-249

Павленко А.И.
Разворот на Восток: вывод ЗГВ из Германии и конец эпохи 250-255

Звягинцев Н.В.
Политика «мягкой силы» как ресурс российского влияния в Восточном Средиземноморье (2019-2024 гг.) 256-265

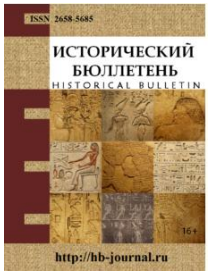
Амбарян С.С.
Журнал «Интернациональная литература» как выразитель образа Запада в глазах СССР 266-271

Алаеддин М.М.
Политика Российской Федерации по продвижению русского языка: глобальные стратегии и реализация в Сирии в условиях трансформаций 272-280

Волкова В.С., Куделин А.А.
От "Тора! Тора! Тора!" до "Перл-Харбора": эволюция образа японской атаки на Перл-Харбор в зарубежном кинематографе 281-289

Иванов А.М., Кисилёва А.Н., Лаврова Е.В., Меша Т.В.
Военно-патриотическое и интернациональное воспитание учащийся молодежи в середине 1980-х годов по материалам Смоленского региона 290-295

Топильский А.Г., Житин Р.М.
Проблемы модернизации помещичьих имений и деятельность общественных организаций Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века 296-304



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.2

К вопросу элементов языческих (дохристианских) верований крестьянского сознания в историографии

[1] Акимцев Д.А.,
[1] Пензенский государственный университет

Аннотация: цель данной работы – решить проблему о степени изученности вопроса языческих рудиментов в религиозном сознании крестьянского сословия. Новизна исследования заключается в дифференциации историографической проблемы религии как фактора обуславливающего сознание крестьянства на составные части для более детального анализа. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты данной научной статьи в дальнейших исследованиях этой проблемы. В статье констатируется, что интерес к языческим рудиментам крестьянского религиозного сознания присутствовал в советский историографии, а позже стал развиваться в рамках исторической антропологии в постсоветской. Подходы к изучению данной проблемы был разноплановым от этнографии до социально-психологической истории.

Ключевые слова: языческий рудимент, религиозный синкретизм, дохристианские верования, историография, историческая антропология

***Для цитирования**: Акимцев Д.А. К вопросу элементов языческих (дохристианских) верований крестьянского сознания в историографии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 6 – 12.*

Поступила в редакцию: 1 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

To the question of the elements of pagan (pre-Christian) beliefs of the peasant consciousness in historiography

[1] Akimtsev D.A.,
[1] Penza State University

Abstract: the purpose of this work is to solve the problem of the degree of study of the issue of pagan rudiments in the religious consciousness of the peasant class. The novelty of the research lies in the differentiation of the historiographical problem of religion as a factor determining the consciousness of the peasantry into its component parts for a more detailed analysis. The practical significance of the work lies in the possibility of using the results of this scientific article in further research on this problem. The article states that interest in the pagan vestiges of peasant religious consciousness was present in Soviet historiography, and later began to develop within the framework of historical anthropology in the post-Soviet. Approaches to the study of this problem were diverse, from ethnography to socio-psychological history.

Keywords: pagan vestige, religious syncretism, pre-Christian beliefs, historiography, historical anthropology

For citation: *Akimtsev D.A. To the question of the elements of pagan (pre-Christian) beliefs of the peasant consciousness in historiography. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 6 – 12.*

The article was submitted: July 1, 2025; Approved after reviewing: September 1, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Хронологические рамки большинства фундаментальных исследований двоеверия в историческом контексте – это период Древней Руси: Б.А. Рыбаков «Язычество Древней Руси» [25]; Д.С. Лихачев «Крещение Руси и государство Русь» [18]; А.В. Карпов «Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX-XI вв.» [14]; А.П. Кузьмин «Падение Перуна: Становление христианства на Руси» [15]; А.Л. Устименко «Народная религия Руси: «между» язычеством и православием» [30]. Проблема слияния религиозных верований в сознании народных масс является актуальной в современной науке. Обуславливают это обстоятельство существование слабоизученных аспектов вопросов, а также факты современной действительности. Прецеденты совершения молитвенных практик в отношении памятников лидерам советского государства говорят о новой форме трансформации религиозного сознания населения постсоветского пространства.

Для того чтобы проводить многогранные исследования в направлении синкретизма сознания XX-XXI вв. необходимо решить вопрос о степени изученности двоеверия в историографии. То есть необходимо историографическое исследование, определяющее наличие научных поисков слияния религиозных конструктов в сознании народа. В историческом ключе сразу определяются параметры, задающие вектор работы. Основу населения любого доиндустриального социума составляло крестьянское сословие. Европейские и российский социумы еще в средневековье выбрали христианство как государственную религию (были христианизированы). Возможный вариант религиозного синкретизма в таких условиях – это проникновение языческих (дохристианских) рудиментов в христианское сознание. Таким образом, в рамках данной научной статьи объект исследования – религиозное христианское сознание крестьянства в историографии. Предмет исследования – языческие рудименты религиозного сознания крестьянского сословия в историографии.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд исследовательских задач:

1. Проанализировать научные тенденции, обусловившие исследовательский интерес к проблеме языческих рудиментов в сознании крестьянства.

2. Определить место дохристианских верований в крестьянском сознании в зарубежной историографии.

3. Исследовать вопрос изученности отечественными историками языческих элементов религиозной культуры в контексте мировосприятия крестьянского сословия.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов для настоящего историографического исследования стали труды по этнографии, исторической антропологии и отечественной истории. При написании статьи использовались методы сравнительного анализа,

В ходе исследовательской работы использовались труды зарубежных и отечественных ученых XX-XXI вв. С полным перечнем работ, ставших источниками для данной историографической статьи можно ознакомиться в разделе «список литературы».

Результаты и обсуждения

Результаты исследования следующие: в условиях развития такого исследовательского направления как историческая антропология во второй половине XX в. возрос интерес к проблеме религии как фактора, который обуславливает народное сознание. В отечественной науке также развивались данные тенденции, вопросы синкретизма народного сознания поднимались в рамках марксистско-ленинского подхода. Таким образом, в период формирования отечественной исторической антропологии существовала уже обширная база исследований религии в контексте народного сознания. В рамках постсоветской исторической науке, религиозный синкретизм и проблема языческих рудиментов в сознании крестьянства отмечались как важный компонент мировосприятия народа. Но отдельных масштабных исследований этой проблемы не проводилось. Данный факт обуславливает актуальность и перспективность выделенного в данной работе направления исследовательской деятельности.

В XX в. проходил процесс институционального оформления такого направления исследовательской деятельности как историческая антропология. Учеными во многих государствах издавались журналы («Анналы экономической и социальной истории» во Франции, «Исторические тетради» в Италии, «Одиссей» в России), вокруг которых консолидировались сторонники нового подхода к

изучению прошлого. Социально-психологическое направление исследовательской деятельности исследовало историю с позиций человека – представителя народных масс. Ученые данной области выделяли компоненты, аспекты, с позиций которых рассматривали менталитет. Менталитет или ментальность – это социально-психологические установки, автоматизмы, привычки сознания, способы видения мира, представления людей. Все эти характеристики изучаются относительно конкретной социально-культурной общности. Данный термин был введен для обозначения предмета исследований «новой исторической науки» [11, с. 75-76].

Объектом исследований в рамках исторической антропологии становилось крестьянское сословие. Это было обусловлено тем, что данный социальный слой преобладал во всех доиндустриальных социумах. Один из ключевых аспектов, обуславливающий сознание крестьянского сословия в условиях традиционных экономики, культуры – это религия [11, с. 85].

В зарубежной историографии религию как фактор, формирующий крестьянское сознание рассматривал М. Блок [3]. К детальному исследованию религии в контексте менталитета перешли представители третьего поколения школы анналов. Хрестоматийный пример – работы Ле Руа Ладюри.

В рамках третьего поколения школы анналов была опубликована работа Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока» («Les Paysans Languedoc») 1966 г. Необходимо отметить, что это исследование вызвало масштабную полемику в научном сообществе, историки-марксисты выступали с отрицательной критикой данного труда.

В 1975 г. вышла еще одна работа Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294-1324)» [19], которая стала образцом исследования для представителей школы исторической антропологии. Именно здесь Ладюри значительное место отвел исследованию языческих рудиментов в крестьянском менталитете.

Особенностью трудов Ладюри является тот факт, что он тщательно анализировал религию как фактор формирования менталитета, выделяя антирелигиозный компонент в сознании крестьянства, к которому как раз относил языческие верования, рудименты которых сохранялись в сознании французского крестьянина после принятия христианства [19, с. 277].

Для того чтобы подтвердить тезис об актуальности проблемы языческих рудиментов в сознании крестьян в зарубежной историографии рассмотрим еще один хрестоматийный пример историко-антропологического исследования – труд итальянского историка Карло Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» [5].

В работе К. Гинзбурга исследуются факторы, влиявшие на трансформацию мировосприятия деревенского жителя, сформировавшего еретические выводы. Факторы следующие: народные дохристианские религиозные верования, популярные в тот период книги, протестантизм, социально-политическая ситуация в Италии.

Таким образом, можно выделить сходство исследований Ладюри и Гинзбурга. Оба исследователя выделяют языческие верования как фактор обуславливающий отклонение крестьянского мировосприятия от параметров, установленных институтами католической церкви и государства.

Гинзбург через анализ установок инакомыслящего мельника делал вывод о том, что реформация являлась катализатором для публичной презентации народных самобытных идей, а автономный крестьянский радикализм в мышлении – это явление, которое появилось в среде итальянского народа задолго до начала движения за переустройство католической церкви. То есть новые протестантские религии, по мнению К. Гинзбурга, создавали возможность транслировать положения крестьянской языческой традиции [5, с. 139]. Элементы дохристианского культа, сохранявшиеся в сознании средневекового итальянского крестьянства следующие: поклонение богиням типа Перхты, Хольды и др., а также ведовство.

Гинзбург писал про мировоззренческий код, основанный на устной культурной традиции, а также про конфронтацию официального института католической церкви и крестьянской религии, которая тяготела к языческим верованиям, что в свою очередь приводило к критическому восприятию ряда христианских догм.

Таким образом, проанализировав два фундаментальных историко-антропологических труда ведущих авторитетных специалистов второй половины XX в., которые задавали стандарты исследовательской деятельности для своего поколения, можно сделать вывод, что проблема языческих рудиментов была одной из центральных в зарубежной историографии.

Теперь необходимо перейти к исследованию вопроса языческих рудиментов в крестьянском сознании в отечественной историографии.

Синкретизм религиозного сознания русского народа очевиден. Он выражался в праздничной культуре, включавшей в себя дохристианские языческие праздники. Пример – масленица, Иван Купала и др. Отличительная особенность двоеверия

русского народа – это публичность. Данный феномен не скрывался от официальной церкви, а в культуре некоторые его элементы получили институциональное оформление. Пример – централизованное празднование масленицы в дореволюционной России.

Проблема языческого наследия в сознании православного русского крестьянства исследовалась в отечественной науке достаточно тщательно еще до формирования школы исторической антропологии. Например, советский ученый В.Я. Пропп в своей монографии «Русские аграрные праздники» [22] делал вывод о том, что славянские обряды, не потерявшие актуальность в XIX – начале XX вв. были наполнены языческими рудиментами. Пропп оценивал восточнославянские праздничные практики как более архаичные, чем античные и древневосточные [22, с. 108]. Его работу характеризуют как этнографическую, тут необходимо отметить, что данное направление исследовательской деятельности оценивалось рядом ученых как смежное исторической антропологии. А.Я. Гуревич писал, что этнология – одна из наук, ставших основой исторической антропологии, а Д. Филд отмечал их смежность [29, с. 17].

В условиях преобладания марксистско-ленинской методологии в отечественной науке большинство религиозных аспектов рассматривались в контексте классовой борьбы: Н.В. Румянцев «Православные праздники, их происхождение и классовая сущность» [24]; Л.И. Емелях «Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции» [12]; Л.И. Емелях «Крестьяне и церковь накануне Октября» [13]; В.И. Брудный «Обряды вчера и сегодня» [4] др.

В условиях антирелигиозной политики проблема двоеверия теряла актуальность в исторической науке. Религиозный синкретизм затрагивается, например, в научном труде В.А. Руднева «Обряды народные и обряды церковные» [23]. В рамках данной научной работы рассматривался феномен новых социалистических обычаев и традиций [23, с. 3]. В контексте этого вопроса констатируется факт того, что множество народных обрядовых практик сформировались до появления мировых монотеистических религий [23, с. 3]. Руднев писал, что обычай – есть основа народного быта, в нем отражается или трудовой цикл или какой-либо социальный элемент (бракосочетание). После принятия христианства на Руси обычаи, которые невозможно было изъять из народного сознания. Проходил процесс «переработки в церковном духе» народных традиций [23, с. 5]. Труд Руднева был выполнен в рамках марксистско-ленинского подхода, это обусловило специфику интерпретации проблемы формирования религиозного синкретизма, церковь рассматривалась как институт, который стремился взять под контроль народное сознание. С этой целью проводилась политика со стороны феодального государства, которое существовала в симбиозе с христианством, по «духовному закрепощению» [23, с. 6].

Проблема обрядовых практик в народном сознании исследовалась Л.А. Тульцевой. Она написала ряд научных работ на тему крестьянских традиций и верований: «Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян» [27]; «Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX-XX вв.» [28].

Анализируя отечественную историографию социально-психологических аспектов крестьянского мировосприятия, выясняется факт того, что российские ученые, исследуя менталитет общинников, выделяли религию как ключевой фактор его формирования. То есть данный аспект крестьянского мировоззрения занимал важное место в отечественной историографии крестьянского вопроса на всех этапах ее развития.

В постсоветской историографии ряд исследователей продолжал работу в направлении изучения религии как фактора обуславливающего крестьянское сознание. Например, еще в советской историографии. М.М. Громыко [8] разработала концепция неотделимости социальных норм от религиозности, а в 1990-х и 2000-х гг. продолжила исследование проблемы крестьянских верований в следующих работах: «Этнографическое изучение православной жизни русских в XX веке (обзор основных тенденций)» [10]; «О воззрениях русского народа» (в соавторстве с А.В. Бугановым) [9].

С.В. Кузнецов провел ряд научных исследований религии как аспекта крестьянского мировосприятия [16].

Примером исследований крестьянства в рамках исторической антропологии последних лет, в котором рассматривается религия как ключевой фактор, обуславливающий сословное сознание являются работы В.Б. Безгина [1]. Он писал о большом уровне религиозности крестьянского сознания. Религиозный фактор обуславливал сочувствие арестантам, которое В.Б. Безгин отмечал как феномен крестьянского правосознания. Преступник в общинном мировосприятии являлся жертвой обстоятельств, несчастным человеком [2, с. 16]. Базовая заповедь христианства: «Не судите, да не судимы будете» обуславливала снисходительное, добродушное отношение крестьян к преступникам. Таким образом, Безгин пришел к выводу, что правосознание русских крестьян в значительной степени было обусловлено религиозными догмами

и суевериями. То есть христианская традиция оказывала большое влияние на сознание народных масс рубежа XIX-XX вв.

В отечественной науке можно выделить и дискуссионный компонент в вопросе двоеверия. Как отмечает М.Ю. Садырова, ряд ученых постсоветского этапа развития отечественной исторической науки выдвигал точку зрения, что в крестьянском сознании существовало не двоеверие, а поверхностное восприятие крестьянским сословием сущности православия [26].

Таким образом, можно констатировать, что религия как фактор определяющий сознание крестьянского сословия представляла исследовательский интерес и в советский, и в постсоветский период развития отечественной науки. Проблема религиозного синкретизма поднималась исследователями в ходе научных изысканий, но не занимала центральных позиций в контексте крестьянской истории.

Решив данную исследовательскую задачу, необходимо перейти к анализу отечественных работ, которые рассматривали проблемы языческих, дохристианских рудиментов в сознании крестьянского сословия.

Историческая антропология в постсоветской науке стала оформляться в соответствии со стандартами западных школ в 1990-х гг. (к западным стандартам относятся: терминология, методы исследования, концепции и т.п.). В отечественной историографии факт наличия языческих установок в крестьянском сознании выделяли: А.В. Гордон [6], Л.В. Милов [20].

А.В. Гордон писал о том, что ритуализация процесса сельскохозяйственной деятельности появилась в языческом мировосприятии, производственная обрядность была адаптирована к системе православных праздников, сохраняя свой первоначальный смысл [6, с. 59]. То есть данный ученый рассматривал языческие рудименты как фактор, обуславливающий крестьянское сознание.

Л.В. Милов выделял природно-климатический фактор как ключевой в процессе формирования менталитета крестьянского сословия. В своих исследованиях и интерпретациях он соотносил крестьянское мировосприятие не только с православием, но и с язычеством. Данный момент исследователь объяснял тем, что в силу сохранения большого влияния природно-климатического фактора и сохранения аграрного производства как ведущего вида экономической деятельности, некоторые языческие мотивы (язычество сводилось к поклонению обожествленным природным силам) долгое время сохранялись в крестьянском мировосприятии после распространения христианства вплоть до начала XX в.

Выводы

Проанализировав работы французских и итальянских исследователей, был сделан вывод, что акцент на дохристианских верованиях в сознании народных масс занимал значительное место в исследованиях школы исторической антропологии.

В отечественной историографии религия исследовалась многоаспектно от этнографии и контекста классовой борьбы до истории менталитета. Ведущие исследователи отечественной исторической науки выделяли языческие рудименты в сознании крестьянского сословия как важный фактор, определяющий коллективное сознание.

Подводя итог, можно сделать вывод, что вопрос элементов языческих (дохристианских) верований в крестьянском сознании занимал одно из центральных мест в зарубежной и отечественной историографии. Но рассматривался он в контексте крестьянского мировосприятия как составной элемент. Этот факт обуславливает перспективы научных исследований данного вопроса в отечественной исторической науке.

Список источников

1. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. 304 с.

2. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Безгин. Тамбов, 2012. 124 с.

3. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957. 313 с.

4. Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. М.: Наука, 1968. 200 с.

5. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. Москва: РОССПЭН, 2000. 272 с.

6. Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 57 – 74.

7. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.

8. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.

9. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа М.: Паломникъ, 2000. 541 с.

10. Громыко М. М. Этнографическое изучение православной жизни русских в XX веке (обзор основных тенденций) // Исторический вестник. 1999. № 1. С. 8 – 19.

11. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. 1989. Вып. 1. С. 75 – 89.

12. Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.: Наука, 1965. 201 с.

13. Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Ленинград: Наука, 1976. 182 с.

14. Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX-XI вв. СПб: Алетейя: Ист. кн., 2008. 179 с.

15. Кузьмин А.П. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М.: Молодая гвардия, 1988. 238 с.

16. Кузнецов С.В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 285 – 293.

17. Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России. М.: Индрик, 2004. 216 с.

18. Лихачев Д.С. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. 1988. №6. С. 249 – 258.

19. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324). Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. 544 с.

20. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 40 – 56.

21. Мильков В.В., Пилюгина Н.Б. Христианство и язычество: проблема двоеверия // Введение христианства на Руси. М.: Мысль, 1987. С. 263 – 273.

22. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб: Терра-Азбука, 1995. 176 с.

23. Руднев В.А. Обряды народные и обряды церковные. Ленинград: Лениздат, 1982. 159 с.

24. Румянцев Н.В. Православные праздники, их происхождение и классовая сущность. М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1933. 293 с.

25. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.

26. Садырова М.Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв.: по материалам Пензенской и Саратовской губерний: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2010. 276 с.

27. Тульцева Л.А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М.: Знание, 1990. 63 с.

28. Тульцева Л.А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX-XX вв. // Советская этнография. 1978. № 3. С. 31 – 46.

29. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 7 – 21.

30. Устименко А.Л. Народная религия Руси: «между» язычеством и православием // Ценности и смыслы. 2017. № 2 (48). С. 33 – 45.

References

1. Bezgin VB Everyday life of the peasantry (traditions of the late 19th – early 20th centuries). M.-Tambov: TSTU Publishing House, 2004. 304 p.

2. Bezgin VB Legal customs and justice of Russian peasants in the second half of the 19th – early 20th centuries. Bezgin. Tambov, 2012. 124 p.

3. Blok M. Characteristic features of French agrarian history. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1957. 313 p.

4. Brudny V.I. Rituals yesterday and today. Moscow: Nauka, 1968. 200 p.

5. Ginzburg K. Cheese and worms. Picture of the world of one miller who lived in the 16th century. Moscow: ROSSPEN, 2000. 272 p.

6. Gordon A.V. Farming as the Basis of Peasant Worldview. Mentality and Agrarian Development of Russia (19th-20th Centuries). Proceedings of the International Conference. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1996. P. 57 – 74.

7. Gromyko M.M. Traditional Norms of Behavior and Forms of Communication of Russian Peasants in the 19th Century. Moscow: Nauka, 1986. 274 p.

8. Gromyko M.M. The World of the Russian Village. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991. 446 p.

9. Gromyko M.M., Buganov A.V. On the Views of the Russian People Moscow: Palomnik, 2000. 541 p.

10. Gromyko M.M. Ethnographic Study of Orthodox Life of Russians in the 20th Century (Review of Main Trends). Historical Bulletin. 1999. No. 1. P. 8 – 19.

11. Gurevich A.Ya. The Problem of Mentality in Modern Historiography. General History: Discussions, New Approaches. 1989. Issue 1. P. 75 – 89.

12. Emelyakh L.I. The Anticlerical Movement of Peasants during the First Russian Revolution. Moscow: Nauka, 1965. 201 p.

13. Emelyakh L.I. Peasants and the Church on the Eve of October. Leningrad: Nauka, 1976. 182 p.

14. Karpov A.V. Paganism, Christianity, Dual Faith: Religious Life of Ancient Rus in the 9th-11th Centuries. St. Petersburg: Aleteia: Ist. kn., 2008. 179 p.

15. Kuzmin A.P. The Fall of Perun: The Formation of Christianity in Rus'. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1988. 238 p.

16. Kuznetsov S.V. Faith and Ritual in the Economic Activity of the Russian Peasantry. Mentality and Agrarian Development of Russia (19th-20th Centuries). Proceedings of the International Conference. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1996. P. 285 – 293.

17. Levin I.V. Dual Faith and Folk Religion in the History of Russia. Moscow: Indrik, 2004. 216 p.

18. Likhachev D.S. Baptism of Rus and the State of Rus. Novy Mir. 1988. No. 6. P. 249 – 258.

19. Le Roy Ladurie E. Montaillou, Occitan village (1294-1324). Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2001. 544 p.

20. Milov L. V. Natural and climatic factors and mentality of Russian peasantry. Mentality and agrarian development of Russia (19th-20th centuries). Proceedings of the international conference. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1996. P. 40 – 56.

21. Milkov V.V., Pilyugina N.B. Christianity and paganism: the problem of dual faith. Introduction of Christianity in Rus'. Moscow: Mysl, 1987. P. 263 – 273.

22. Propp V.Ya. Russian agrarian holidays: (An attempt at a historical and ethnographic study). St. Petersburg: Terra-Azbuka, 1995. 176 p.

23. Rudnev V.A. Folk rites and church rites. Leningrad: Lenizdat, 1982. 159 p.

24. Rumyantsev N.V. Orthodox holidays, their origin and class essence. Moscow: State antireligious publishing house, 1933. 293 p.

25. Rybakov B.A. Paganism of Ancient Rus. Moscow: Nauka, 1987. 782 p.

26. Sadyrova M.Yu. Religion and the church in the everyday life of the Russian peasantry in the late 19th – first third of the 20th centuries: based on materials from the Penza and Saratov provinces: diss. … cand. history sciences. Penza, 2010. 276 p.

27. Tultseva L.A. Traditional beliefs, holidays and rituals of Russian peasants. Moscow: Knowledge, 1990. 63 p.

28. Tultseva L.A. Religious beliefs and rituals of Russian peasants at the turn of the 19th-20th centuries. Soviet ethnography. 1978. No. 3. P. 31 – 46.

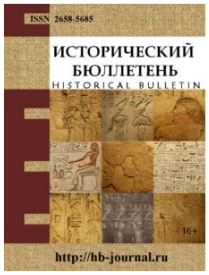
29. Field D. History of mentality in foreign historical literature. Mentality and agrarian development of Russia (19th-20th centuries). Proceedings of the international conference. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1996. P. 7 – 21.

30. Ustimenko A.L. Folk religion of Rus': “between” paganism and Orthodoxy. Values and meanings. 2017. No. 2 (48). P. 33 – 45.

Информация об авторе

Акимцев Д.А., аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

© Акимцев Д.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 940.4:909.835

Феномен фашизма как предмет изучения в современной зарубежной историографии и политической науке

[1] Вититнев С.Ф.,
[2] Шмелева А.В.,
[1] Российский государственный социальный университет,
[2] Государственный университет просвещения

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу эволюции изучения феномена фашизма в современной зарубежной историографии и политической науке. Подчеркивается, что исследования отошли от упрощенных моделей времен Холодной войны, таких как марксистская трактовка и теория тоталитаризма. Современная гуманитарная мысль стремится к междисциплинарному и многогранному пониманию сущности фашизма, его идеологических корней, социальной базы и потенциала для возрождения в новых формах, что обусловлено актуальными политическими вызовами. В качестве методологической основы современного подхода в статье рассматриваются компаративные исследования, направленные на выявление «родового фашизма». Ключевыми аналитическими инструментами, которые анализируются, выступают концепция «палингенетического ультранационализма» Роджера Гриффина, определяющая фашизм как революционную идеологию национального возрождения, и типологический подход Стэнли Пейна. Последний позволяет гибко классифицировать движения на основе их идеологии, отрицаний (антилиберализм, антикоммунизм) и особенностей стиля, отделяя фашизм от консервативных диктатур. В ходе анализа представлены основные результаты современных исследований. Рассматривается функциональный подход Роберта Пакстона, изучающий фашизм как динамический процесс из пяти стадий, и концепция «политической религии» Эмилио Джентиле, акцентирующая внимание на ритуалах и мифах. Показано, что социальная база фашизма была гетерогенной и межклассовой, а не ограниченной мелкой буржуазией. Также освещаются гендерные исследования, демонстрирующие противоречивую политику в отношении женщин, и анализ экономики, которая подчинялась политическим целям государства, а не следовала строгой доктрине. Обсуждаются географические границы применения термина, вводятся понятия «парафашизма» и «клерикального фашизма».

Ключевые слова: фашизм, историография, палингенетический ультранационализм, политическая религия, праворадикальный популизм

***Для цитирования**: Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Феномен фашизма как предмет изучения в современной зарубежной историографии и политической науке // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 13 – 18.*

Поступила в редакцию: 2 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The phenomenon of fascism as a subject of study in contemporary foreign historiography and political science

[1] Vititnev S.F.,
[2] Shmeleva A.V.,
[1] Russian State Social University,
[2] Federal State University of Education

Abstract: this article is devoted to the analysis of the evolution of the study of the phenomenon of fascism in contemporary foreign historiography and political science. It is emphasized that research has moved away from the simplified models of the Cold War era, such as the Marxist interpretation and the theory of totalitarianism. Modern humanities seek an interdisciplinary and multifaceted understanding of the essence of fascism, its ideological roots, social base, and potential for revival in new forms, driven by current political challenges. As the methodological basis of the modern approach, the article examines comparative studies aimed at identifying the "generic fascism." Key analytical tools reviewed include Roger Griffin's concept of "palingenetic ultranationalism," which defines fascism as a revolutionary ideology of national rebirth, and Stanley Payne's typological approach. The latter allows for the flexible classification of movements based on their ideology, negations (antiliberalism, anti-communism), and stylistic features, distinguishing fascism from conservative dictatorships. The analysis presents the main results of recent research. It considers Robert Paxton's functionalist approach, which studies fascism as a dynamic process of five stages, and Emilio Gentile's concept of "political religion," which emphasizes rituals and myths. It is shown that the social base of fascism was heterogeneous and cross-class, not limited to the petty bourgeoisie. Gender studies are also highlighted, demonstrating contradictory policies toward women, as well as analyses of the economy, which was subordinated to the political goals of the state rather than adhering to a strict doctrine. The geographical boundaries of the term's application are discussed, along with the introduction of the concepts of "parafascism" and "clerical fascism".

Keywords: fascism, historiography, palingenetic ultranationalism, political religion, far-right populism

***For citation**: Vititnev S.F., Shmeleva A.V. The phenomenon of fascism as a subject of study in contemporary foreign historiography and political science. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 13 – 18.*

The article was submitted: July 2, 2025; Approved after reviewing: September 1, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Феномен фашизма, спустя более столетия после своего зарождения и восемьдесят лет после военного разгрома его наиболее могущественных режимов, продолжает оставаться одной из самых сложных и остро дискуссионных тем в современной гуманитарной науке. Его изучение далеко вышло за рамки простого исторического описания и превратилось в междисциплинарное поле, где пересекаются интересы историков, политологов, социологов и культурологов. Современная зарубежная историография и политическая наука отказались от упрощенных моделей времен Холодной войны и стремятся к более глубокому, многогранному пониманию того, что представлял собой фашизм, каковы были его сущностные черты, социальная база, идеологические корни и, что наиболее важно, каков его потенциал для возрождения в новых формах в XXI веке. Актуальность этих исследований продиктована не только академическим интересом, но и очевидными политическими вызовами современности, связанными с подъемом праворадикальных и популистских движений по всему миру.

В первые десятилетия после Второй мировой войны доминировали две основные парадигмы в осмыслении фашизма. Первая, марксистская, видела в фашизме террористическую диктатуру наиболее реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала. Эта точка зрения, сформулированная Георгием Димитровым на VII конгрессе Коминтерна, сводила сложный социокультурный и политический феномен к его экономической функции, рассматривая его как инструмент правящего класса для подавления рабочего движения в условиях кризиса капитализма. Вторая парадигма, теория тоталитаризма, получила широкое распространение на Западе в контексте противостояния с Советским Союзом. Такие мыслители, как Ханна Арендт, Карл Фридрих и

Збигнев Бжезинский, объединяли нацистскую Германию и сталинский СССР под общим понятием «тоталитаризм», подчеркивая их общие черты: наличие всеобъемлющей идеологии, однопартийной системы во главе с харизматическим лидером, системы террористического полицейского контроля, монополии на средства массовой информации и централизованного управления экономикой. Хотя теория тоталитаризма [2] позволила выявить важные структурные сходства между режимами, ее критики указывали на то, что она игнорирует фундаментальные различия в их идеологических целях, социальных базах и исторических траекториях, по сути, служа идеологическим оружием Холодной войны.

Материалы и методы исследований

Поворотным моментом в изучении фашизма, ознаменовавшим переход к современному этапу, стало появление в конце XX века компаративных исследований, направленных на выявление так называемого «родового фашизма» (generic fascism). Исследователи стремились найти некий «фашистский минимум» – набор ключевых характеристик, присущих всем движениям, которые можно с полным правом назвать фашистскими, отделив их от других форм авторитарного национализма или консервативных диктатур. Одним из наиболее влиятельных теоретиков этого направления стал британский историк Роджер Гриффин. В своей работе «Природа фашизма» он предложил ставшее каноническим определение фашизма как формы политической идеологии, мифическим ядром которой в ее различных проявлениях является палингенетическая форма популистского ультранационализма. Концепция «палингенетического ультранационализма» [5] стала ключевым аналитическим инструментом. «Палингенез» (от греческого palin – снова, и genesis – рождение) означает идею возрождения, воскрешения нации после периода упадка и деградации. Фашизм, согласно Гриффину, – это не просто реакционное или консервативное движение, стремящееся вернуть прошлое. Напротив, это революционная идеология, которая стремится разрушить существующий либеральный, демократический и декадентский порядок, чтобы на его руинах построить новое общество, создать «нового человека» и возродить нацию к новой славе. Этот революционный, ориентированный на будущее порыв, сочетающийся с крайним национализмом, и составляет, по Гриффину, сущностное ядро фашизма.

Другой крупный специалист в области сравнительного фашизма, американский историк Стэнли Пейн, предложил свой, типологический подход. Он выделил три группы характеристик: идеологию и цели, «фашистские отрицания» (антилиберализм, антикоммунизм, антиконсерватизм) и особенности стиля и организации (партийная милиция, культ лидера, массовая мобилизация, акцент на молодежи и маскулинности). Такой подход [2] позволяет более гибко анализировать различные движения, определяя, насколько они соответствуют «идеальному типу» фашизма. Пейн также провел важное различие между фашизмом и другими правыми авторитарными режимами, такими как режимы Франко в Испании или Салазара в Португалии, которые он классифицировал как консервативные, корпоративистские диктатуры, лишенные революционного динамизма и палингенетических устремлений, свойственных подлинному фашизму.

Результаты и обсуждения

Особое место в современной историографии занимает функциональный подход, разработанный Робертом Пакстоном. В своей книге «Анатомия фашизма» он утверждал, что изучать фашизм нужно не столько через анализ его зачастую противоречивых и эклектичных доктрин, сколько через наблюдение за его действиями и развитием. Пакстон предложил динамическую модель из пяти стадий, через которые проходят фашистские движения: 1) зарождение и первоначальная мобилизация; 2) укоренение в политической системе в качестве влиятельной силы; 3) захват власти (что, по его мнению, никогда не происходило без содействия старых элит); 4) отправление власти, где происходит сложный баланс между движением, лидером и традиционными институтами (армией, церковью, бизнесом); 5) радикализация или энтропия, когда режим либо движется к все более экстремальным целям (как в нацистской Германии), либо постепенно теряет свой революционный пыл и бюрократизируется. Этот фокус на процессе, а не на статичной идеологии [1], позволил лучше понять, как фашисты приходили к власти и как их режимы функционировали на практике, подчеркивая их оппортунизм и готовность к союзам с консервативными элитами.

Современные исследования также уделяют огромное внимание социокультурным аспектам фашизма, стремясь понять его притягательность для миллионов людей. Здесь ключевой фигурой является итальянский историк Эмилио Джентиле, который разработал концепцию фашизма как

«политической религии». По его мнению, фашизм не был просто политической программой, он претендовал на тотальное преобразование сознания человека, создавая собственную систему верований, мифов, ритуалов и символов, которая должна была заменить традиционные религии и идеологии. Массовые шествия, культ вождя как мессии, сакрализация нации и государства, почитание павших героев как мучеников – все это были элементы новой светской религии [8], призванной интегрировать индивида в коллективное тело нации и мобилизовать его на служение государству. Этот подход был развит в работах Джорджа Мосса, который в своем труде «Национализация масс» [1] исследовал, как эстетика – монументальная архитектура, массовые праздники, символика – использовалась для формирования нового политического сознания в Германии. Фашизм, с этой точки зрения, был не просто набором идей, а мощным эстетическим и эмоциональным опытом, который предлагал людям чувство принадлежности, цели и порядка в эпоху кризиса и неопределенности.

Важным направлением исследований стал анализ социальной базы фашистских движений. Классическое марксистское представление о том, что фашизм опирался исключительно на мелкую буржуазию, напуганную пролетарской революцией и разоряемую крупным капиталом, было значительно пересмотрено. Современные историки, такие как Майкл Манн в своей работе «Фашисты» [5], на основе анализа обширных данных показывают, что социальная база фашизма была гораздо более гетерогенной и включала представителей разных классов. Безусловно, ветераны Первой мировой войны, студенты, представители свободных профессий и мелкие собственники составляли ядро этих движений, но к ним примыкали и фермеры, и часть рабочего класса, разочарованная в левых партиях, и представители элит, видевшие в фашистах спасение от коммунистической угрозы. Фашизм предстает не как классовое движение в строгом смысле, а как межклассовый альянс, объединенный национализмом, страхом перед упадком и верой в харизматического лидера.

Отдельного внимания заслуживает гендерный анализ фашизма. Исследования, подобные работе Виктории де Грации «Как фашизм правил женщинами» [4], показывают всю противоречивость гендерной политики фашистских режимов. С одной стороны, женщина прославлялась в своей традиционной роли матери, хранительницы очага, чья главная задача – рожать новых солдат и граждан для нации. Проводилась активная пронаталистская политика, аборты были запрещены. С другой стороны, режимы активно вовлекали женщин в свои организации, мобилизуя их для участия в общественной жизни, пусть и в строго отведенных рамках. Параллельно с этим культивировался идеал гипермаскулинности, образ «нового фашистского человека» – воина, атлета, строителя нового мира, презирающего слабость и буржуазный комфорт. Эта милитаризированная маскулинность была неотъемлемой частью фашистской эстетики и идеологии.

Сложным вопросом остается экономическая политика фашизма. Современные исследователи в основном сходятся во мнении, что у фашизма не было единой и последовательной экономической доктрины. Он не был ни капиталистическим в классическом либеральном смысле, ни социалистическим. Фашистские режимы, как правило, сохраняли частную собственность и рыночные механизмы, но жестко подчиняли экономику политическим целям государства – автаркии (экономической самодостаточности), перевооружению и подготовке к войне. Идея «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом, часто декларируемая фашистами, на практике выливалась в создание корпоративистской системы, где государство выступало арбитром между трудом и капиталом, подавляя независимые профсоюзы и интегрируя все экономические силы в единую систему служения нации. Экономика была не целью, а инструментом тотальной государственной власти. Этот прагматичный подход, направленный на максимальную мобилизацию ресурсов для достижения политических целей, является одной из ключевых характеристик фашистского правления [7].

Дискуссии ведутся и о географических границах применения термина «фашизм». Если в отношении Италии Муссолини и Германии Гитлера существует консенсус, то вопрос о том, можно ли считать фашистскими режимы и движения в других частях мира, остается открытым. Многие историки [9] с осторожностью относятся к расширительному толкованию этого понятия. Например, споры ведутся вокруг режима Перона в Аргентине, режима Варгаса в Бразилии или милитаристской Японии. Часто для описания подобных режимов используются термины «парафашизм» или «авторитарный национализм», чтобы подчеркнуть, что, несмотря на наличие некоторых общих черт (национализм, авторитаризм, культ лидера), им не хватало ключевого элемента – революционной, палинге-

нетической идеологии тотального обновления нации, которая была центральной для европейского фашизма. Особую категорию составляет «клерикальный фашизм», где ультранационалистическая идеология тесно переплеталась с радикальным религиозным фундаментализмом, как, например, в случае с режимом усташей в Хорватии или движением «Железная гвардия» в Румынии.

Наконец, наиболее актуальным направлением политической науки стало изучение современных форм ультраправых движений и их связи с историческим фашизмом. Политологи вводят новые понятия для анализа текущей ситуации. Термин «неофашизм» обычно применяется к движениям, которые открыто заявляют о своей идеологической преемственности с историческим фашизмом. Однако гораздо более распространенным явлением стал «постфашизм», который исследует, в частности, Энцо Траверсо [6]. Этот термин описывает партии и движения, которые имеют исторические корни в фашизме, но в условиях современной либеральной демократии отказались от тоталитарных амбиций, революционной риторики и открытого насилия, приняв правила электоральной политики. Они маскируют свой идеологический багаж, смещая акцент на темы иммиграции, национальной идентичности и критики «глобалистских элит».

Выводы

Другой влиятельный исследователь современных правых, Кас Мудде, предлагает разграничивать фашизм и «праворадикальный популизм». Популизм, по его определению [3], – это идеология, которая разделяет общество на две гомогенные и антагонистические группы: «чистый народ» и «коррумпированную элиту», и утверждает, что политика должна быть выражением общей воли народа. Праворадикальный популизм сочетает этот популизм с нативизмом (идеей, что государство должно принадлежать коренной группе, а чуждые элементы представляют угрозу) и авторитаризмом (верой в жестко упорядоченное общество). Хотя между праворадикальным популизмом и фашизмом есть точки соприкосновения [3], ключевое различие, по мнению многих ученых, заключается в том, что популисты, как правило, не призывают к полному уничтожению демократической системы и замене ее тоталитарной диктатурой, а стремятся действовать в ее рамках, пусть и подрывая ее либеральные основы (разделение властей, права меньшинств, верховенство права). Изучение этих различий и сходств имеет решающее значение для понимания современных политических угроз. Миф о вожде, например, который был центральным для фашизма, как показал Ян Кершоу на примере Гитлера [10], трансформируется в современных условиях, но не исчезает полностью.

Таким образом, современная зарубежная историография и политическая наука проделали огромный путь в изучении фашизма. От идеологически ангажированных моделей Холодной войны они перешли к комплексному, междисциплинарному анализу, который учитывает идеологические, культурные, социальные и политические аспекты этого феномена. Благодаря разработке таких аналитических инструментов, как «палингенетический ультранационализм», «политическая религия» и функциональные модели развития, ученые смогли создать гораздо более тонкое и точное понимание того, чем был и чем не был фашизм. Сегодняшние исследования сосредоточены не только на уточнении исторических деталей, но и на применении накопленных знаний для анализа современных политических процессов. Изучение фашизма перестало быть исключительно исторической дисциплиной; оно стало жизненно важным инструментом для диагностики и осмысления вызовов, стоящих перед демократическими обществами в XXI веке,помогая отличать исторические аналогии от реальных современных угроз. Этот непрекращающийся академический диалог доказывает, что фашизм — не просто страница из прошлого, а вечно актуальный предмет для изучения и тревожное напоминание о хрупкости цивилизации.

Список источников

1. Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелёва А.В. Феномен фашизма в трактовках современных зарубежных авторов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 133 – 145.

2. Беляев А.А. Трансформация представлений о фашизме в современной историографии // StudArctic Forum. 2024. Т. 9. № 3. С. 16 – 23.

3. Мальченков С.А., Федоров В.Г. Фашизм как форма подавления свободы и гуманности: политико-психологический анализ // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 1 (61). С. 95 – 107.

4. Макаренко В.П. Традиционные и современные диктатуры: случай фашизма (введение в проблему) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 5. С. 26 – 44.

5. Ковба В.И., Чугунов Е.А. Предпосылки и исторические условия зарождения идеологии фашизма, её содержание и античеловеческая сущность (часть I) // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2025. № 1 (39). С. 101 – 114.

6. Кондратюк С.В. Уточнение понятия "фашизм" в аспекте правоприменения // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11. № 4 (41). С. 10 – 13.

7. Кикнадзе В.Г., Илиевский Н.В. Что такое фашизм, нацизм и неонацизм? Генезис фашизма, механизмы его влияния на массы, взаимосвязи с нацизмом и тоталитаризмом: теория, история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 1 (34). С. 1.

8. Сергеенкова И.Ф. "Культурный поворот" и современные подходы к исследованию фашизма в англо-американской историографии // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2023. Т. 33. № 5. С. 1035 – 1046.

9. Карякина Е.С., Шихова А.В. Социально-политический и экономический контекст появления фашизма как политической идеологии // Дельта науки. 2021. № 1. С. 11 – 14.

10. Басик И.И. Исторические предпосылки и условия возникновения фашизма: уроки истории // Вестник Академии военных наук. 2022. № 3 (80). С. 151 – 154.

References

1. Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V. The phenomenon of fascism in the interpretations of modern foreign authors. Locus: people, society, cultures, meanings. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 133 – 145.

2. Belyaev A.A. Transformation of ideas about fascism in modern historiography. StudArctic Forum. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 16 – 23.

3. Malchenkov S.A., Fedorov V.G. Fascism as a form of suppression of freedom and humanity: political and psychological analysis. Humanitarian: current problems of humanitarian science and education. 2023. Vol. 23. No. 1 (61). P. 95 – 107.

4. Makarenko V.P. Traditional and modern dictatorships: the case of fascism (introduction to the problem). Humanitarian of the South of Russia. 2023. Vol. 12. No. 5. P. 26 – 44.

5. Kovba V.I., Chugunov E.A. Prerequisites and historical conditions for the emergence of the ideology of fascism, its content and anti-human essence (part I). Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces. 2025. No. 1 (39). P. 101 – 114.

6. Kondratyuk S.V. Clarification of the concept of "fascism" in the aspect of law enforcement. Azimuth of scientific research: economics and management. 2022. Vol. 11. No. 4 (41). P. 10 – 13.

7. Kiknadze V.G., Ilievsky N.V. What is fascism, Nazism and neo-Nazism? The genesis of fascism, the mechanisms of its influence on the masses, the relationship with Nazism and totalitarianism: theory, history and modernity. Science. Society. Defense. 2023. Vol. 11. No. 1 (34). P. 1.

8. Sergeenkova I.F. "Cultural turn" and modern approaches to the study of fascism in Anglo-American historiography. Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2023. Vol. 33. No. 5. P. 1035 – 1046.

9. Karyakina E.S., Shikhova A.V. Socio-political and economic context of the emergence of fascism as a political ideology. Delta of Science. 2021. No. 1. P. 11 – 14.

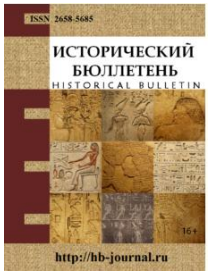
10. Basik I.I. Historical prerequisites and conditions for the emergence of fascism: lessons of history. Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2022. No. 3 (80). P. 151 – 154.

Информация об авторах

Вититнев С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет, svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Государственный университет просвещения, lug-anna@yandex.ru

© Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 396.6, 392.37

Гендерное распределение труда в обществе как отражение положения женщины в обществе в арктической и приарктической зонах западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века

[1] Надырова Э.И.,
[1] Спичак А.В.,
[1] Нижневартовский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению положения женщины в обществе у коренных народов в середине XIX – начале XX в. на территориях, соответствующих современным Ямало-Ненецкому автономному округу и двум районам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Белоярском и Березовском. В настоящее время, когда пристальное внимание уделяется исследованию жизни населения арктических и приарктических территорий, влиянию климатических условий на состояние здоровья, актуальным является рассмотрение вопросов, связанных с хозяйственной деятельностью различных народов, включая гендерное распределение труда. Результаты исследования можно использовать как в учебно-просветительской деятельности и социальном просвещении, так и учитывать при переработки законодательства и построения стратегических планов развития регионов.

Ключевые слова: Арктика, арктическая зона, приарктическая зона, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, гендерное распределение труда, положение женщины в обществе

***Для цитирования**: Надырова Э.И., Спичак А.В. Гендерное распределение труда в обществе как отражение положения женщины в обществе в арктической и приарктической зонах западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 19 – 25.*

Поступила в редакцию: 3 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Gender distribution of labor in society as a reflection of women's position in society in the Arctic and Subarctic zones of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries

[1] Nadyrova E.I.,
[1] Spichak A.V.,
[1] Nizhnevartovsk State University

Abstract: the article is devoted to the study of the position of women in society among indigenous peoples in the mid-19th – early 20th centuries in the territories corresponding to the modern Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and two districts of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Beloyarsky and Berezovsky. At present, when close attention is paid to the study of the life of the population of the Arctic and subarctic territories, the influence of climatic conditions on health, it is relevant to consider issues related to the economic activities of various peoples, including the gender distribution of labor. The results of the study can be used both in educational

and social education activities, and taken into account when revising legislation and creating strategic plans for regional development.

Keywords: Arctic, Arctic zone, subarctic zone, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, gender distribution of labor, position of women in society

For citation: *Nadyrova E.I., Spichak A.V. Gender distribution of labor in society as a reflection of women's position in society in the Arctic and Subarctic zones of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 19 – 25.*

The article was submitted: July 3, 2025; Approved after reviewing: September 2, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

В 2024-2025 гг. за время выполнения гранта Ректора Нижневартовского государственного университета была проведена работа по поиску и анализу источников и литературы по теме «Эволюция положения женщин в семье и обществе в арктической и приарктической зонах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века». Методологической основой работы стали общенаучные и специальные методы исторической науки, такие общенаучные принципы, как объективность и системность. Исторический подход позволил проследить развитие положения женщин в XIX – начале XX века. В русле антропологически ориентированной исторической науки исследование сосредоточено на человеке и его взаимоотношениях с обществом, рассматривая индивида и группу во всем многообразии их проявлений. В ходе работы опираются на принципы и подходы социальной истории, в частности применяются историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический и проблемно-хронологический методы. Особенно важным оказался историко-типологический метод, ведь он позволил структурировать и классифицировать сведения из исторических источников, исходя из их характерных признаков. Такие направления, как микроистория и история повседневности, способствуют не только рассмотрению конкретных судеб людей в изменяющихся условиях российской истории, но и выделению общих тенденций. Применение указанных подходов, направленных на решение единой группы задач и дополняющих друг друга, представляется вполне оправданным и перспективным.

Материалы и методы исследований

Хронологические границы исследования охватывают период с середины XIX века до начала XX столетия, что обусловлено степенью отражения данной темы в историографических трудах и доступных документальных источниках. В отличие от советского и современного периодов, дореволюционный этап изучения положения женщин в Арктике остается наименее проработанным. Территориально внимание сосредоточено на быте, традициях и повседневной жизни народов, проживающих в арктических и приарктических районах Западной Сибири, в частности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, а также Белоярского и Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Сам правовой термин «Арктическая зона Российской Федерации» был предложен в рамках законопроекта 2018 года и получил дальнейшее развитие в 2020 году после принятия Федерального закона № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». В настоящее время к принадлежащим суше Арктической зоны РФ относят Мурманскую область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, а также отдельные территории Республики Карелия, Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области.

Результаты и обсуждения

Коренными жителями ЯНАО являются ненцы, селькупы, эвенки, северные ханты и коми-зыряне. По статистике, в ЯНАО проживает порядка 42 тысяч представителей коренных народов, что составляет 8% от всего населения автономного округа, наиболее многочисленны среди них ненцы (почти 30 тысяч человек), ханты (9,5 тысяч) и селькупы (около 2 тысяч). Коренные жители ХМАО-Югры представлены хантами и манси (близкородственными народами, образующими группу обских угров). В настоящее время коренные народы занимают около 2% от общего числа жителей края.

ХМАО-Югра стала десятым регионом, чьи территории входят в географическое и экономическое объединение «Арктическая зона

Российской Федерации». 18 января 2024 года российское правительство одобрило законопроект об увеличении границ арктической зоны, в состав которой включены Березовский и Белоярский муниципалитеты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Это расширение призвано дать дополнительный толчок к развитию экономики и социальной сферы, а также повысить уровень и качество жизни местных жителей.

Вместе с тем, прежде чем определять стратегические направления по улучшению условий проживания, необходимо детально изучить историю хозяйственной деятельности данных территорий, поскольку решение любой комплексной проблемы традиционно начинается с анализа ее истоков. Актуальность данного вопроса подтверждается результатами последних исследований, в частности, трудами С.Х. Хакназарова. По его мнению, тема социально-экономического роста северных регионов и мест проживания коренных народов Севера всегда оставалась важной для России, ведь почти 70% территории страны находятся в северной зоне.

Согласно результатам исследования, которое провели сотрудники Обско-угорского института прикладных исследований (г. Ханты-Мансийск) в 2019 году, представители коренных народов Севера дали низкую оценку работе районной администрации. Они указали на недостаточное решение целого ряда проблем: создание новых рабочих мест, борьба с алкоголизмом, удержание цен на продукты питания под контролем, а также улучшение качества медицинского обслуживания [12].

Кроме того, актуальность работы состоит в возрастающей социальной роли женщин, их деятельности во всех сферах жизни общества. Изучение эволюции положения женщин в обществе в арктической и приарктической зонах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. позволит изучить процесс вхождения женщин в социум, выявить, когда произошло осознание важности и необходимости их роли во многих сферах жизни общества.

Проект соответствует такому направлению п. 20 Стратегии научно-технологического развития РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642, как возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук.

Видами хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера относятся собирательство (заготовка и реализация пищевых лесных ресурсов); животноводство, в том числе кочевое (оленеводство); строительство национальных традиционных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности; рыболовство и реализация водных биологических ресурсов; промысловая охота; художественные промыслы и народные ремесла (изготовление инвентаря, лодок, нарт, берестяных изделий и другие виды промыслов и ремесел); заготовка древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд [7].

Обские угры (ханты и манси)

Согласно убеждению А.Н. Рейнсон-Правдина, в начале XX века у обских народов сохранился патриархально-родовой уклад, при котором мужская и женская деятельность были жестко разграничены. Женщины в основном заботились о домашнем хозяйстве, выполняли швейную работу, обрабатывали меха и кожу, а также изготавливали утварь из бересты и луба. При этом мужчины контролировали основные промыслы – охоту, рыболовство и оленеводство, владея всем производственным инвентарем и материальными ресурсами, которые доставляли эти отрасли. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции женщинам представилась реальная возможность стать полноправными участницами промыслов [10].

Приготовление пищи женщиной в повседневности рассматриваемого периода стало основным элементом. В полевых материалах исследователи отмечали строгое распределение в приготовлении жертвенной пищи. Жертвоприношения, связанные с кровью, совершались мужчинами, бескровные пищевые приношения – женщинами. Это объяснялось причинами хозяйственно-экономического плана: охота, рыболовство и оленеводство были достаточно трудоемкими и требовали мужской физической силы. Статус женщины в различных пищевых ритуалах был неоднозначен [11].

Ханты (остяки). В традиционной хантыйской семье обязанности были чётко распределены. Мужчины, начиная примерно с 15-16 лет, сосредотачивались на промысловой деятельности, изготавливали инструменты и орудия для охоты и рыбалки, строили жильё и создали средства передвижения. Женщины, в свою очередь, вели домашнее хозяйство: обрабатывали и заготавливали на будущее полученную продукцию, шили одежду и обувь, отвечали за

приготовление пищи и обеспечивали семью дровами [6]. При этом в работе А.И. Андреева содержатся сведения о том, что иноверцы Туруханского и Березовского округов занимались промыслом со всем своим семейством. Женщины во время пути везли аргиши, ставили чумы, готовили дрова, а мужья их этим не занимались, а только «изловя оленей, запрягают аргишы». Женщины занимались рукоделием, шили как для себя, так для мужа и детей обувь и одежду, чего мужчины делать не умели. Остячки также ходили «для высмотра ловушек» и помогали ловить рыбу [2].

В традиционном укладе быта на женщин возлагалось ведение хозяйственных работ: они занимались переработкой и сохранением добытых ресурсов, шили одежду и обувь, обрабатывали шкуры, обеспечивали запасы дров. При этом исключительно в обязанности женщин входили кулинария, доставка воды в дом, а также постоянное поддержание очага [5]. Орудия промысла и транспортные средства считались семейной собственностью, хотя отмечаются и коллективные формы владения ими. Олени принадлежали главе семьи, а в собственности женщины находились те олени, которые были даны ей в приданое [6].

У хантов при совершении религиозно-культовых обрядов каждому духу-хозяину (будь то мужчина или женщина), покровительствующему реке, отводился особый священный участок. Он всегда выделялся на фоне окружающей природы и считался неприкосновенным. Запрещалось вести там любую хозяйственную или промысловую деятельность: все обитатели – от растений и рыб до птиц и животных – принадлежали божеству. Каждый путник, проезжая мимо, обязан был сделать остановку и преподнести угощение, так называемые «поры», в дар духу. При этом данной территорией женщины пользоваться не могли – для них она оставалась строго запретной [5].

Женщины не посещали святилищ, а когда проходили или проезжали мимо священного мыса, священной рощи, отворачивали и закрывали лицо от духа, подобно тому, как они «избегали» старших родственников мужа [6]. Почти повсеместно был распространен обычай, запрещающий женщине перешагивать через орудия охоты мужчины. По сообщению К.Ф. Карьялайнена, «у северных остяков женщины (беременные или кормящие) не могут есть то, что убито стрелой» [5].

Манси. До наступления родов женщина-манси продолжала вести хозяйство так же, как и раньше, не отказываясь от каждодневных обязанностей. Когда время родить было совсем близко, она уходила из общего жилища в специально отдалённую хижину, куда мужчине появляться не позволялось. После рождения ребёнка мать оставалась там как минимум три недели, стараясь не попадаться на глаза мужчинам. Находясь в этой уединённой хижине, женщина переодевалась в старую одежду, сама (при возможности) растапливала печь, кипятила воду и нагревала на огне плоские камни для дополнительного тепла. Муж в это время должен был оставаться в основном жилище и ждать известий о рождении ребёнка [4].

Самоеды (ненцы, селькупы). С древних времён женскую кровь наделяли одновременно огромной силой и скрытой угрозой. Считалось, что вся жизнь женщины условно разбивается на три крупных этапа: время активного деторождения, период регулярных менструаций и стадию после их окончания, когда женщине продолжали приписывать определённый сакральный запрет, но уже не в полном объёме. В зависимости от конкретного положения женщины – беременность, послеродовой период или наличие менструального цикла – ей предписывалась череда разноплановых запретов. Так, беременным и только что родившим женщинам, не прошедшим специальный очистительный обряд, не разрешалось присутствовать ни при жертвоприношениях, ни во время шаманских ритуалов. Женская природа воспринималась в двух противоположных аспектах: с одной стороны, ей приписывали разрушительную мощь, с другой – исключительные созидательные способности. Чтобы защитить саму женщину и весь её род от бедствий, считалось необходимым накладывать на неё различные «табу» — они отражали как страх перед возможным вредом, исходящим от женщины, так и стремление уберечь её от опасных воздействий извне. В частности, по языческому шаманскому закону «самоеды» относили женскую сущность к «нечистой», полагая, что всё, через что переступала замужняя представительница этого народа, оскверняло [8].

Во время месячных очищений она не допускалась к приготовлению пищи, ей не разрешалось кушать мясо недавно убитого животного. Контактировать с менструальной кровью или просто находиться в присутствии менструирующей женщины считалось опасным, даже пагубным. К выполнению своих обязанностей женщина могла вернуться лишь после «очищения». В течение этого периода

ненецкая женщина спала отдельно от мужа, так как считали, что женская нечистота лишает мужчину удачи в промысле, делает его слабым и больным [8].

Основные запреты и ограничения касались социальной сферы и хозяйственной деятельности женщины и преследовали цель уберечь людей и культурные объекты от вредоносного влияния. Считалось, что, если женщина прикоснется к орудиям труда мужчины, они тут же потеряют свою промысловую удачу. Нельзя ей было пользоваться мужскими лыжами и нартами. Если женщина наступала на одежду мужчины, то считали – это к несчастью. Но если наступала на самого мужчину, то это предвещало смерть. Мужчина сразу же проводил обряд очищения. Аналогичный запрет существовал и для мужчины относительно женских вещей [8].

Ненцы. В историографии имеется мнение, что социальный статус женщины у ненцев был более низким. В то же время трудно согласиться с широко распространенным мнением авторов первой трети XX в. о «рабском» положении ненецких женщин, которое опровергается учеными современного периода внимательными наблюдателями того времени. Скорее следует говорить об объективно обусловленном разделении труда между мужчинами и женщинами. Мужчины занимались основными жизнеобеспечивающими видами хозяйственной деятельности – выпасом оленей, рыбным промыслом, охотой на дикого оленя, водоплавающую дичь и пушного зверя. Они производили нарты, упряжь, шесты чума, орудия труда и домашнюю утварь. Женщины присматривали за детьми и отвечали за содержание чума, изготавливали его покрышки, обрабатывали шкуры, шили одежду и обувь, готовили пищу, носили воду и заготавливали дрова [6].

По свидетельству Н. Ф. Прытковой, все женщины, обладавшие трудоспособностью, принимали участие в промысловой деятельности наравне с мужчинами [9]. Между тем, М. М. Броднев подчёркивал, что у ненцев ещё сохранялись черты родового строя, среди которых особо выделялось половозрастное распределение труда. Так, все работы, связанные с ловом рыбы, охотой, а также изготовлением орудий производства, выполнялись мужчинами, тогда как ведение внутреннего хозяйства полностью лежало на женщинах. Примечательно, что вязка сетей, считавшаяся несложной задачей, оставалась исключительной обязанностью мужчин, и женщинам эта деятельность была недоступна. Между тем такая тяжёлая в условиях тундры работа, как заготовка топлива, считалась женским уделом. Установившийся порядок был настолько глубок, что даже наиболее прогрессивную часть ненецкого общества удавалось лишь с большими усилиями склонить к его пересмотру. Пережитки этого рода традиционного подхода к труду стали серьёзным препятствием при попытках вовлечь женщин в колхозное производство в советский период. Потребовалось немало времени, чтобы преодолеть подобные остаточные формы полового и возрастного разделения обязанностей и обеспечить массовое участие женщин в рыболовном промысле, оленеводстве, а отчасти и в охоте [3].

Селькупы. Согласно устоявшимся нормам традиционного общества, обязанности мужчины включали создание орудий для охоты и рыболовства, уход за оленями и постройку землянок. Женщины, хотя и не были полностью отстранены от добычи ресурсов, основное внимание уделяли домашнему хозяйству: они шили одежду и обувь, отвечали за приготовление пищи и заботу о детях [6].

Коми. Женщины были лишены права участвовать в общественной жизни села, не имели права голоса на сходах [6].

Коми-зыряне. Наряду с мужчинами женщины участвовали в сельскохозяйственных работах. Кроме того, традиции коми-зырян допускали участие женщин в рыбной ловле и охоте, хотя в основном это была мужская сфера деятельности [6].

Тунгусы (эвенки). Тунгусских женщинах характеризовали следующим образом: «Вы никогда не увидите ее, как самого тунгуса, с одной трубкой в зубах без всякого дела. Она по целым дням шьет, вышивает, одевает, кормит всех и за всеми прибирает. Едва-едва горит огонек среди зимней полярной ночи, чад и дым вылетают из полусухого гнилого топлива и затемняют свет в чуме. Слезы безостановочно струятся из воспаленных глаз, а женщина сидит лицом к огню, выкраивает лоскуток за лоскутом по красивому узору, сортирует волоса по цветам, прицепляет разные мелкие привязочки и кисточки, красит и шьет, сшивает, вышивает и нанизывает бисеринку за бисеринкой на самодельные нитки, которые она сумела расщипить и спрясть из сухих жилок оленя. Она вышивает таким образом весь костюм для щеголя тунгуса и для всех близких ее сердцу. Тунгус ведает одно: он охотится, осматривает свои засеки, ямы, капканы, ловушки, самострелы, но, вернувшись в чум, он и выпрягать оленей не станет, это дело работницы жены» [1].

Выводы

Таким образом, положение женщин в обществе, связанное с гендерным распределением труда у разных народов в арктической и приарктической зонах Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. имело как общие характеристики, так и отличия, связанные как с объективными причинами физических особенностей полов (более тяжелые работы выполняли мужчины – промысел, а женщины те, с которыми могли справиться физически – домашнее хозяйство и т.д.), так и с рядом ограничений женского пола как следствий верований и обычаев (например, строгое распределение в приготовлении жертвенной пищи, запретные для женщин священные места). Однако нельзя утверждать, что такие ограничения преследовали целью принизить женщин, «табу» зачастую ставились, чтобы оградить самих женщин и их род от несчастий, которые исходят не только от них, но и в их адрес. Таким образом, требуется более тщательное изучение традиций и обычаев, связанных с положением женщин в обществе, связанных с гендерным распределением труда с учетом верований коренных малочисленных народов Западной Сибири.

В условиях возрастающего интереса к исследованию населения Арктики и прилегающих северных регионов, а также к влиянию экстремальных климатических факторов на здоровье людей, все более значимой представляется задача комплексного изучения процессов хозяйственного освоения разных этносов. При этом особое внимание уделяется тому, как в них исторически распределялись трудовые обязанности между мужчинами и женщинами.

Результаты исследования планируется использовать в качестве следующих ресурсов, согласно Концепции государственной семейной политики: целенаправленная пропаганда в поддержку традиционных ценностей брака и семьи, морали и нравственности в средствах массовой информации, научных изданиях; проведение информационных проектов, популяризирующих традиционные семейные ценности, а также, что важно, создание привлекательных условий для информационных проектов в сферах образования и науки, направленных на укрепление престижа и роли семьи в обществе и государстве.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Ректора Нижневартовского государственного университета на 2024-2025 гг.

Список источников

1. Александрова Н.А. Сибирская тайга. Тунгусы. Москва, 1900.
2. Андреев А.И. Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84 – 99.
3. Бродневъ М.М. От родового строя к социализму (По материалам Ямало-Ненецкого национального округа) // Советская этнография. 1950. № 1. С. 92 – 106.
4. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века): Монография. СПб.: Алмаз-Граф, 2014. 287 с.
5. История и культура хантов / под редакцией Н.В. Лукиной, Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 162 с.
6. История Ямала: в 2-х томах / под общ. ред. В.В. Алексеева. Т. 1, кн. 2: Ямал традиционный. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. 323 с.
7. Коренные малочисленные народы севера, проживающие на территории Белоярского района // Официальный сайт органов местного самоуправления Белоярского района [сайт]. URL: https://admbel.ru/area/econom/sever/1/62/ (дата обращения: 14.04.2025)
8. Лар Л.А., Вануйто В.Ю. Религиозные традиции ненцев в XVIII – начале XX вв. Тюмень; Салехард: Экспресс, 2011. 211 с.
9. Прыткова Н.Ф. Отчет о работе на Севере // Советская этнография. 1946. № 3. С. 159 – 161.
10. Рейнсон-Правдин А.Н. Игра и игрушка народов Обского севера // Советская этнография. 1949. № 3. С. 109 – 132.

11. Решетникова Р.Г. Традиционная пища обских угров в системе этических норм // Меншиковские чтения – 2021: сборник докладов Всероссийской научной конференции, Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 12 ноября 2021 г. / Местная общественная организация «Центр развития инициатив в сфере культуры и спорта Березовского района», Муниципальное автономное учреждение «Березовский районный краеведческий музей». Тюмень: Айвекс, 2021. С. 90 – 93.

12. Хакназаров С.Х. О некоторых социально-экономических проблемах коренных жителей: на примере Березовского района Югры // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. Т. 10-1 (61). С. 103 – 106.

References

1. Aleksandrova N.A. Siberian Taiga. Tungus. Moscow, 1900.

2. Andreev A.I. Description of the Life and Exercises of Various Yasak-Paying Infidels Living in the Turukhansk and Berezovskaya Districts. Soviet Ethnography. 1947. No. 1. P. 84 – 99.

3. Brodnev M.M. From the Tribal System to Socialism (Based on Materials from the Yamalo-Nenets National Okrug). Soviet Ethnography. 1950. No. 1. P. 92 – 106.

4. Ivanova V.S. Local Peculiarities in the Ritualism of the Northern Mansi (Late 19th – Early 21st Century): Monograph. SPb.: Almaz-Graf, 2014. 287 p.

5. History and Culture of the Khanty. edited by N.V. Lukina, Tomsk: Tomsk University Press, 1995. 162 p.

6. History of Yamal: in 2 volumes. edited by V.V. Alekseev. Vol. 1, book 2: Traditional Yamal. Yekaterinburg: Basko Publishing House, 2010. 323 p.

7. Indigenous Peoples of the North Living in the Beloyarsky District. Official Website of Local Government Bodies of the Beloyarsky District [website]. URL: https://admbel.ru/area/econom/sever/1/62/ (date of access: 14.04.2025)

8. Lar L.A., Vanuito V.Yu. Religious Traditions of the Nenets in the 18th – Early 20th Centuries. Tyumen; Salekhard: Express, 2011. 211 p.

9. Prytkova N.F. Report on work in the North. Soviet Ethnography. 1946. No. 3. P. 159 – 161.

10. Reinson-Pravdin A.N. Game and toy of the peoples of the Ob North. Soviet Ethnography. 1949. No. 3. P. 109 – 132.

11. Reshetnikova R.G. Traditional food of the Ob Ugrians in the system of ethical norms. Menshikov Readings – 2021: collection of reports of the All-Russian scientific conference, Berezovo (Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra), November 12, 2021. Local public organization "Center for the Development of Initiatives in the Sphere of Culture and Sports of the Berezovsky District", Municipal Autonomous Institution "Berezovsky District Museum of Local History". Tyumen: Aiveks, 2021. P. 90 – 93.

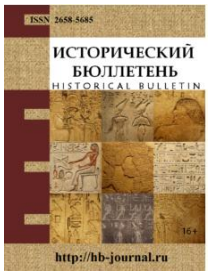
12. Khaknazarov S.Kh. On some socio-economic problems of indigenous people: on the example of the Berezovsky district of Ugra. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 10-1 (61). P. 103 – 106.

Информация об авторах

Надырова Э.И., Нижневартовский государственный университет, nadyrova.elvina@mail.ru

Спичак А.В., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем, Нижневартовский государственный университет, spichak-89@mail.ru

© Надырова Э.И., Спичак А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 338.49:796

Развитие бокса в Республике Мордовия (1960 гг. – начало XXI в.)

[1] Григорькин В.А.,
[1] Ряхмятуллов А.Р.,
[1] Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Аннотация: статья посвящена анализу исторических этапов становления и развития бокса в России и Республике Мордовия. Рассматриваются истоки данного вида спорта, начиная с древних кулачных боёв и формирования классического английского бокса XVIII века, а также процесс его распространения на российской территории. Особое внимание уделяется региональной специфике: описывается появление первых секций бокса в Мордовии в 1930-е гг., трудности организационного и кадрового характера, а также вклад тренеров В.Д. Михайлова и их воспитанников в формирование локальной спортивной школы. На основе анализа архивных данных и воспоминаний участников показаны динамика развития секций, результаты спортсменов на всероссийских и международных турнирах, а также факторы, определившие кризис 1990-х гг. и последующее возрождение бокса в XXI веке. Делается вывод о том, что современный этап развития бокса в Мордовии характеризуется сочетанием государственной поддержки и инициатив тренерских школ, однако для выхода на международный уровень требуется систематизация подготовки и привлечение молодежи.

Ключевые слова: бокс, боксер, Республика Мордовия, Саранск, ринг, турнир, мастер спорта, спортивное общество, Вячеслав Михайлов, Юрий Шарапов, Вячеслав Коликов, Олег Маскаев

***Для цитирования**: Григорькин В.А., Ряхмятуллов А.Р. Развитие бокса в Республике Мордовия (1960 гг. – начало XXI в.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 26 – 32.*

Поступила в редакцию: 3 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The development of boxing in the Republic of Mordovia (1960 – early 21st century)

[1] Grigorkin V.A.,
[1] Ryakhmyatullov A.R.,
[1] Ogarev Mordovian State University

Abstract: the article analyzes the historical stages of the establishment and development of boxing in Russia and the Republic of Mordovia. The origins of this sport are examined, beginning with ancient fistfights and the formation of classical English boxing in the eighteenth century, as well as the process of its dissemination in Russia. Special attention is paid to the regional context: the emergence of the first boxing sections in Mordovia in the 1930s, organizational and staffing difficulties, and the contribution of coach V.D. Mikhailov and his students to the formation of a local boxing school. Based on archival sources and eyewitness accounts, the dynamics of section development, the achievements of athletes in national and international tournaments, and the factors of the 1990s crisis and subsequent revival in the 21st century are revealed. The study concludes that the current stage of boxing

development in Mordovia is characterized by a combination of state support and coaching initiatives, while advancement to the international level requires systematic training programs and the involvement of young athletes.

Keywords: boxing, boxer, Republic of Mordovia, Saransk, ring, tournament, master of sports, sports society, Vyacheslav Mikhailov, Yuri Sharapov, Vyacheslav Kolikov, Oleg Maskaev

***For citation**: Grigorkin V.A., Ryakhmyatullov A.R. The development of boxing in the Republic of Mordovia (1960 – early 21st century). Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 26 – 32.*

The article was submitted: July 3, 2025; Approved after reviewing: September 2, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Бокс – вид силового спорта, сочетающий пропаганду развития физических способность человека, техничность поединков и огромную зрелищность, и популярность.

История бокса насчитывает несколько тысяч лет. «Самые ранние свидетельства состязаний, в которых соперники наносили друг другу удары кулаками по голове и телу, датируются третьим тысячелетием до нашей эры. Подобные схватки запечатлены на шумерских, египетских и минойских рельефах. Причём египетский рельеф II тыс. до н.э. зафиксировал не только боксёров, но и присутствующих при этом зрителей» [1].

«Современный классический бокс зародился в Англии в начале XVIII века. Если же оглянуться в прошлое, то можно заметить, что бокс прошел очень непростой и долгий путь от примитивного кулачного боя к четким правилам, которые сформировали бокс как вид спорта» [2].

Целью исследования является выявление исторических закономерностей становления и развития бокса в России и Республике Мордовия, а также определение факторов, повлиявших на формирование региональной спортивной школы и её перспективное развитие в современный период.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили архивные документы, опубликованные источники, воспоминания спортсменов и тренеров, статистические данные о спортивных достижениях боксеров Мордовии, а также труды отечественных исследователей, посвященные истории физической культуры и спорта. В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, историко-сравнительный метод, позволивший выявить специфику развития бокса в Мордовии в контексте общероссийских тенденций, а также метод исторической реконструкции, использованный при обобщении фактического материала и воссоздании ключевых этапов развития бокса в регионе.

Результаты и обсуждения

В программу современных Олимпийских игр представленный вид единоборств был включен в 1904 году.

В России кулачные бои были особенно популярны, и как народное развлечение, так и как своеобразная форма воспитания физических и моральных качеств. Они возникли уже в Древней Руси и кулачные бойцы упомянуты в древних источниках и литературе (легендарный кожемяка Ян Усмошивец и др.).

«В 1910 г. российское общество физического развития «Санитас» организовало первые состязания на Первенстве Петербурга по английскому боксу. Начало было скромным. Однако популярность бокса росла» [3].

По некоторым данным, боксировал и великий борец Иван Поддебный, который отнюдь не зацикливался на одной борьбе и активно экспериментировал с приемами иных видов единоборств.

До Мордовии данный вид спорта добрался в 1930-х гг. В это время, как и по всему Советскому Союзу, в провинциальной автономной республике заметно растет число физкультурных кружков. «В республике стали культивироваться новые виды спорта. В апреле-мае 1935 года в Саранске была открыта новая спортивная секция – бокса, созданная при спортивном обществе «Динамо»» [6].

Это можно считать первым в истории упоминанием бокса в нашей Республике. Вместе с тем, развитию бокса, как нового вида спорта, препятствовали все сложности, характерные для 1930-х гг. в Советском Союзе: нехватка как материальной базы, так и тренерского состава. Кроме того, популярность силовых видов спорта сильно зависела от количества (и качества) поединков, прошедших при большом количестве зрителей, а этим Мордовская АССР в те годы похвастать не могла. Кроме того, приоритет отдавался промышленному развитию, и спорт финансировался по остаточному принципу.

«Несмотря на значительный рост физкультурно-спортивного движения в Мордовии в 1930-е годы, оно по-прежнему отставало от возросших потребностей населения. Отсутствие стадионов, спортивных баз и площадок тормозило ход развития физкультуры и спорта в Республике» [6].

Поэтому, основной отправной точкой в становлении и развитии бокса в Республике Мордовии нужно считать 1965 год, когда из Магнитогорска в столицу Мордовии г. Саранск приехали молодой, но знающий, тренер Вячеслав Дмитриевич Михайлов и его подопечный, перспективный боксер Юрий Шарапов.

Уже через год Ю. Шарапов стал победителем юношеского Первенства Российского Совета детского спортивного общества (ДСО) «Спартак» в Перми. Пожалуй, это был первый значительный успех мордовского бокса того периода. Боксерская секция становилась все более популярной среди саранской молодежи.

Мордовский боксер Сергей Викторович Тюрин, за которым много заметных спортивных достижений, писал: «В 1969 году в Саранске открылся дворец спорта. И мы с друзьями пришли туда записываться. А потом уже и двоюродный брат тоже стал боксом заниматься. В нашей школе было несколько мастеров спорта, победителей и призеров всесоюзных соревнований, некоторые из нас провели по несколько десятков международных встреч» [7].

Популярности бокса способствовало и то, что силовые виды спорта стали популярны и в Советской армии. Когда представители вооруженных сил сами набирали себе призывников, предпочтение отдавалось именно участникам спортивных секций (борьба, бокс, дзюдо, самбо), можно было выбирать и, таким образом, иметь преимущество в спортивных соревнованиях армейского и флотского уровня.

На рубеже 1960-70-х годов в школе тренера В. Д. Михайлова было подготовлено немало отличных боксеров. В летопись спортивных успехов Республики Мордовия навеки вписаны славные имена его учеников: Анатолий Грачев, Валерий Журов, Владимир Нефедов, Сергей Тюрин, Юрий Каюров и другие.

Секции бокса появились в спортивных обществах «Спартака», «Трудовых резервах», «Урожае», «Буревестнике», «Локомотиве», в детско-юношеских спортивных обществах гг. Саранск, Ковылкино, поселка Зубовой Поляны и других.

Вячеслав Михайлов, Виктор Волков, Владимир Овчинников, Сергей Морозов и другие представители нового поколения молодых и талантливых тренеров сумели создать базу, отталкиваясь от которой мордовские боксеры все чаще выходят на всесоюзную, а потом и на международную арену.

Спортивная хроника боксерских состязаний весьма красноречива:

– 1968 год. «В Новотроицке состоялось открытое первенство РСФСР по боксу. Спортивную честь Саранска защищали Анатолий Щукин, Александр Зотов, Владимир Краилин, Виктор Курочкин, Филипп Тетюшкин и Николай Рябов. В результате трехдневных боев саранские боксеры заняли третье общекомандное место. Чемпионом открытого первенства РСФСР стал А. Щукин. Кроме того, наши спортсмены завоевали два вторых и три третьих места [10].

В том же году саранские боксеры приняли участие в открытом первенстве Азербайджана. В результате упорной пятидневной борьбы мордовские боксеры завоевали первое общекомандное место.

Чемпионами Азербайджана стали Владимир Нефедов и Александр Чекашкин. Другие боксеры, выступавшие за Мордовию (Ю. Шарапов, Г. Мордасов, А. Подлеснов, В. Маскинсков, Ю. Башуев, В. Дураев и А. Никишин) стали призерами.

– 1969 год. В Новокузнецке состоялся традиционный турнир по боксу, посвященный памяти мастера спорта СССР, двукратного чемпиона РСФСР Баранова. Боксеры Мордовии впервые приняли в нем участие. Дебют оказался удачным. Вячеслав Коликов стал победителем соревнований среди юношей, а Александр Филиппов завоевал серебряную награду среди взрослых спортсменов.

– 1972 год. Успешно дебютировал на международном ринге мастер спорта из Саранска Вячеслав Валерьевич Коликов. Он был включен в состав сборной РСФСР, которая встречалась в товарищеском матче с боксерами Англии. Поединки состоялись 1 ноября в лондонском «Альберт-Холле». В. Коликов в отличном стиле одержал победу над П. Гоуделлом. Общий счет встречи 8:2 в пользу боксеров Российской Федерации» [10].

– 1973 год. В Кургане прошли Всесоюзные соревнования по боксу среди юношей, посвященные памяти героя-пионера Зауралья Коли Мяготина. В этом турнире приняли участие 200 боксеров из 28 команд. За команду Мордовии выступали: А. Гуляев, С. Паршин, И. Котлов, Р. Алмакаев, А. Заварцев и С. Тюрин.

В личном зачете победителем стал Александр Гуляев. «Серебро» получили Р. Алмакаев и С. Паршин. В командном зачете мордовская команда заняли третье место.

– 1974 г. В Алма-Ате состоялся розыгрыш кубка СССР по боксу. Саранский боксер, мастер спорта Вячеслав Коликов выступал за сборную команду «Спартака». В напряженной борьбе наш спортсмен одержал победы во всех своих поединках. Тем не менее, команда «Спартака» уступила в финале сборной команде Вооруженных Сил и заняла второе место.

– 1975 год. В Бресте состоялся Всесоюзный турнир по боксу, посвященный памяти героев

Брестской крепости. Честь Мордовии на этих состязаниях защищали боксеры Сергей Тюрин, Владимир Овчинников и Владимир Нефедов. Наибольшого успеха добился С. Тюрин, выступавший в весовой категории до 57 кг.

Сергей Тюрин не только стал победителем соревнований, но и за свою техничность был признан лучшим боксером турнира. Кроме того, став победителем мемориала, Сергей Тюрин выполнил норматив мастера спорта СССР. Успешным можно признать и выступление других наших боксеров: В. Овчинников стал серебряным призером, а В. Нефедов завоевал «бронзу».

– В 1981 году в Омске состоялся чемпионат Российского Совета ДСО «Буревестник» по боксу. Успешно на этих соревнованиях выступили студенты Мордовского университета. Иван Авдюшкин и Иван Родькин стали обладателями бронзовых наград, а Владимир Идашин – серебряной.

– В 1982 году в Ижевске состоялся Всероссийский юношеский турнир по боксу, посвященный 65-летию Октябрьской революции. Успешно выступили на нем юные боксеры ДСО «Буревестник» из Саранска. Андрей Мурюмин стал серебряным призером соревнований, а Андрей Зверков и Юрий Ивенин завоевали бронзовые награды.

– 1983 год. В Омске прошло первенство Российского Совета ДСО «Буревестник» по боксу. Сто двадцать спортсменов из 32 команд вели спор за право быть сильнейшим. Хорошего результат добились боксеры Саранска. Учащийся Саранского ТУ-2 Алексей Полозов и студент Мордовского госуниверситета Владимир Идашин уверено провели свои поединки и стали чемпионами Российского Совета ДСО «Буревестник».

– 1986 год. В Алма-Ате состоялся открытый чемпионат ЦС ДСО «Динамо» по боксу. Саранский боксер Алексей Полозов стал бронзовым призером соревнований.

– 1990 год. В Красноярске состоялся Всесоюзный боксерский турнир, посвященный памяти академика Л. П. Киренского. Серебряную награду завоевал студент МГУ им. Н. П. Огарева Игорь Федосеев.

Безусловно, бывали и поражения, порой – довольно громкие. В декабре 1972 года сборная команда города и области Старицы (11 человек) в г. Ковылкино встретилась с командой мордовских боксеров. Право участвовать в данной матчевой встрече было предоставлено «лучшим из лучших» [8].

В начале матча, старицкий боксер Вячеслав Вершинский одержал победу над чемпионом Мордовской республики Виктором Бекреневым. Чемпион Старицы Михаил Моряков убедительно победил мордвина Александра Новихина.

Звездным моментом встречи, стал бой капитана старицкой команды Юрия Жерносекова против чемпиона республики Владимира Какаева (провел на ринге более 100 боев, являлся победителем ЦС ДСО «Урожай» и др.). Этот бой действительно стал подлинным украшением турнира. Но закончился он по техническим причинам – судья остановил бой ввиду травмы Юрия Жерносекова – из-за сильного рассечения брови.

В общекомандном зачете, все же команда Мордовии уступила гостям…

Как часто бывает, история бокса в Мордовии имеет и свои «взлеты и падения». И в период распада СССР начинается период боксерского «упадка».

С.В. Тюрин без прикрас рассказывает об этой неприглядной стороне: «Началось все с того, что в 1975 году ушел Михайлов. Такого тренера, как он, в Мордовии не появилось до сих пор. Он был очень неудобным человеком, он и сейчас вредный. Но он был очень хорошим психологом. После его ухода мы по инерции еще несколько лет побеждали. У нас всегда три-четыре человека боксировали на первенстве Советского Союза. Потом в 1978 году нас всех призвали в армию, в Самару, в СКА. В то время сборная Приволжского военного округа по боксу наполовину состояла из мордовских спортсменов. С нами тогда тренировались и чемпионы Европы, и победители Олимпийских игр. И на тренировках никто на титулы не смотрел. Ты мог попасть в спарринг с олимпийским чемпионом. В таких условиях боксер очень быстро растет. Сейчас в Мордовии, конечно, есть талантливая молодежь. Но нет системы подготовки. А ведь для роста спортсмена необходимо участие в сборах, там спортсмен быстрее растет, нельзя варится в собственном соку» [7].

С.В. Тюрин несколько сгущает краски (кроме В.Д. Михайлова, в Мордовии были и другие хорошие тренеры. Н было никаких препятствий для выезда и тренировок за пределами Республики Мордовия: тот же Вячеслав Коликов тренировался под руководством заслуженного тренера Владимира Петровича Грымзина, ВСО «Динамо», г. Подольск), но в целом его слова заслуживают доверия.

В эпоху 1990-х гг. главенствующие позиции в мордовском спорте прочно удерживают ходоки, борцы, легкоатлеты (Ольга Микаева, Роман Рассказов, Алексей Мишин, Александр Кручинкин и др.). Мордовский бокс практически находится в забвении – никто не назовет известных боксеров – уроженцев нашей Республики тех лет.

Парадоксально, но некоторым образом это компенсировалось открытием в этот период большого количества спортивных секция по «восточным единоборствам» (ушу, карате и др.). Таким образом молодежь все-таки вовлекалась в спорт, развивала свое физическое состояние.

Ситуация поправляется в начале 2000-х гг., после того, как руководство Республики серьезно обратило внимание на возрождение спорта в нашем регионе. Одной из главных заслуг руководства – в том, что в спорт активно оказались вовлечены юноши 1994-1995 годов рождения.

Первым в XXI веке «окно в мир» открыл уроженец села Пензятка Лямбирского муниципального района – Рушан Максутов. В 2002 году он за явным преимуществом выиграл юношеское Первенство страны, а затем стал серебряным призером Чемпионата мира в Баку.

На российском и европейском ринге в последние годы успешно выступают и другие воспитанники мордовского бокса. Мастер спорта Константин Кочетков неоднократно становился победителем и призером юношеских и юниорских Чемпионатов России, участвовал в европейских Первенствах. На европейское Первенство среди кадетов сумел пробиться юный саранский боксер Максим Гвоздев. В январе 2006 года в Краснодаре саранский боксер Евгений Аверьянов завоевал серебряную медаль Чемпионата страны среди студентов.

Мастер спорта Евгений Хохлов в 2006 году выиграл Международный турнир класса «А» в Тольятти. На этих же соревнованиях победу одержал мастер спорта Александр Матяев, который является сильнейшим боксером-тяжеловесом в Приволжском федеральном округе. Свой класс К. Кочетков и А. Матяев подтвердили в марте 2007 года в Туле, где стали победителями отборочного этапа Чемпионата России среди взрослых.

Своеобразным подспорьем для мордовского бокса стали спортивные успехи боксера-профессионала Олега Александровича Маскаева, чемпиона мира среди супертяжеловесов, не скрывающего своего мордовского происхождения. Его именем названы Школа бокса в г. Саранске и улица в селе Вадовские Селищи Зубово-Полянского муниципального района.

В железнодорожной столице Мордовии Рузаевке с 6 по 8 июня 2008 года проходил VII Всероссийский турнир по боксу. Он был посвящен памяти воинов, павших в локальных конфликтах 1990-х гг. Участие в турнире приняли более 160 боксеров из Саранска, Рузаевки, Ковылкино, Саратова, Сызрани, Ульяновска и других городов России.

Мордовские боксеры добились немало впечатляющих побед. Золотые медали получили боксеры из Саранска: Амир Ахметов, Дамир Аксаитов, Александр Соболев, Александр Кулясов, Сергей Тряшин, Вячеслав Федяшин, из Рузаевки – Руслан Коновалов, Артем Кондратьев, Никита Страдымов, Вячеслав Юртайкин, из Ковылкино – Мехман Алиев, Сергей Чекашкин.

Ситуация в XXI веке облегчается тем, что существенно улучшилась ситуация с квалифицированным тренерским составом. Так, в ардатовском боксёрском клубе «СЮПАРД», созданном по инициативе Юрия Павловича Сапунов, ветерана органов государственной безопасности, руководство осуществляет Александр Кочетков, прекрасный тренер, который воспитал много ребят.

Кстати, название «Сюпард» придумали друзья ветерана госбезопасности, объединив первые буквы его инициалов – Сапунов Юрий Павлович – и названия города детства – Ардатов. Этот клуб успешно работает при моральной и финансовой поддержке его организатора, юные бойцы выступают на различных состязаниях республиканского масштаба, занимая только призовые места. Все эти годы Юрий Павлович не просто курирует работу клуба, но и следит за спортивными успехами подопечных, поощряет наиболее целеустремленных ребят и всячески участвует в жизни каждого из них. Если у кого-то из них появляется серьезное желание служить и работать в правоохранительной системе, он старается помочь таким ребятам исполнить мечту и по долгу службы, поскольку является еще и президентом Совета ветеранов органов госбезопасности. Так, первые выпускники клуба либо уже служат и работают в различных спецподразделениях, либо заканчивают или учатся в высших учебных заведениях по линии ФСБ, а некоторые в данный момент защищают Родину в зоне СВО. Юрий Павлович отмечает, что эти ребята – настоящие патриоты, которых воспитал в том числе и спорт. Он считает, что бокс – «мыслящий» вид спорта, его цель – научить не драться на улицах, а уметь постоять за себя и других в случае опасности. Задачей клуба он считает не только физическое развитие подростков, но и моральную подготовку к предстоящей службе в армии.

Тренерской работой занимались также Никита Балаев (бронзовый призер Первенства России по боксу среди юношей), Иван Кошелев, Александр Архипов (председатель федерации бокса РМ на 2019 г.).

На сегодня во всех отделениях бокса в Мордовии занимаются около тысячи человек.

22 июля 2019 года в Саранске приверженцы этого боевого вида спорта провели показательные выступления прямо на брусчатке площади Тыся-

челетия. Так спортсмены решили отметить свой профессиональный праздник – Международный день бокса. Это был своеобразный способ еще и популяризировать свой вид спорта, восходящий к массовым спортивным акциям 1930-40-х годов.

Выводы

Таким образом, бокс в Республике Мордовия прошел сложный и трудный путь. В определенной степени он повторил судьбу страны, в которой зародился. Начавшись в середине 1960-х гг., он успешно развивался, добивался немалых успехов даже на общесоюзном уровне, чтобы скатиться в тотальный кризис 1990-х гг.

Сейчас мордовский бокс находится на распутье – с одной стороны, спорту отдается приоритетное развитие на только на местном, но и на всероссийском уровне, ведется большая работа по вовлечению в бокс молодежи, ведется большая рекламная работа по его популяризации. С другой – необходима масштабная тщательная и сложная работа, как по поиску и вовлечению в этот вид спорта талантливой молодёжи, так и по систематизации тренерской работы, для появления в нашей Республике боксеров мирового уровня.

Остается надеяться, что боксу Мордовии в XXI веке предстоит «эпоха Ренессанса» и мы станем свидетелями новых успехов наших боксеров – тем более, для этого есть все необходимые условия.

Список источников

1. Глаза богинь горят огнем азарта // Советский спорт. 1990. С. 4.
2. Доля С.В. Кружева и сталь. Заметки о Семилетней войне 1756-1763 годов. Ч. VII. М.: ООО «Белый ветер», 2018. 365 с.
3. Зарин А.Е. XI. Театр и зрелища. 1. Начало театральных представлений. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. С. 109.
4. Замотаев Н. Спорт: Победы, титулы, рекорды // Все о Мордовии: Энцикл. справ. Саранск, 1997. С. 414 – 422.
5. Замотаев Н.Н., Мухина Г.Д. История Мордовии в лицах. Саранск, 1999. 100 с.
6. Шевелев К. Бесстрашные, задорные // Заре навстречу: Воспоминания, рассказы, очерки о славном пути комсомола Мордовии 1918-1968. Саранск, 1968. С. 108 – 113.
7. «Бокс – это искусство, все остальное – это спорт!» [Электронный ресурс]. URL: https://vsar.ru/17397-boks-eto-iskusstvo_vse_ostalnoe-eto_sport (дата обращения: 20.05.2025)
8. В красном углу ринга – Михаил Моряков [Электронный ресурс]. URL: https://st-vestnik.ru/sport/v-krasnom-uglu-ringa-mixail-moryakov.html (дата обращения: 20.05.2025)
9. Пилоян Р.А. Исторические аналогии в судьбе современного спорта // Научно-информационные основы физкультурного образования. 1995. № 1. С. 24 – 32.
10. Летопись спортивной жизни Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-35799477_5048?w=wall-35799477_5048 (дата обращения: 20.05.2025)
11. Громов Б. Страсти вокруг ринга // Советский спорт. 1990. С. 3.

References

1. The eyes of the goddesses burn with the fire of passion. Sovetsky sport. 1990. Page 4.
2. Dolya S.V. Lace and steel. Notes on the Seven Years' War of 1756-1763. Part VII. Moscow: OOO "Be-lyi veter", 2018. 365 p.
3. Zarin A.E. XI. Theater and spectacles. 1. The beginning of theatrical performances. Moscow: T-vo I. D. Sytin, 1913. P. 109.
4. Zamotaev N. Sports: Victories, titles, records. All about Mordovia: Encyclopedia of reference. Saransk, 1997. Pages 414 - 422.
5. Zamotaev N.N., Mukhina G.D. History of Mordovia in faces. Saransk, 1999. 100 p.
6. Shevelev K. Fearless, perky. Towards the dawn: Memories, stories, essays about the glorious path of the Komsomol of Mordovia 1918-1968. Saransk, 1968. Pp. 108 - 113.
7. "Boxing is an art, everything else is a sport!" [Electronic resource]. URL: https://vsar.ru/17397-boks-eto-iskusstvo_vse_ostalnoe-eto_sport (date of access: 05/20/2025)
8. In the red corner of the ring – Mikhail Moryakov [Electronic resource]. URL: https://st-vestnik.ru/sport/v-krasnom-uglu-ringa-mixail-moryakov.html (date of access: 20.05.2025)
9. Pilojan R.A. Historical analogies in the fate of modern sports. Scientific and informational foundations of physical education education. 1995. No. 1. P. 24 – 32.

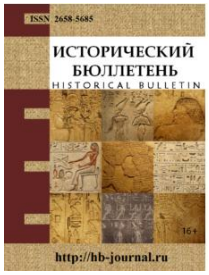
10. Chronicle of the sports life of the Republic of Mordovia [Electronic resource]. URL: https://vk.com/wall-35799477_5048?w=wall-35799477_5048 (date of access: 20.05.2025)
11. Gromov B. Passions around the ring. Soviet sport. 1990. P. 3.

Информация об авторах

Григорькин В.А., кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, wormannmeister@gmail.com

Ряхмятуллов А.Р., аспирант, Историко-социологический институт, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, azat_boxing99@mail.ru

© , Григорькин В.А., Ряхмятуллов А.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930+342

«Защита исторической правды»: теоретические подходы и судебная практика

[1] Воробьева Н.В.,
[1] Омский государственный университет путей сообщения

Аннотация: целью статьи является описание результатов исследования понятия «защита исторической правды» в нормативных правовых актах, принятых в Российской Федерации в 2014-2025 годах. Автор отмечает, что государственная политика памяти направлена на защиту государственных интересов. На основании проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: трактовка понятия «реабилитация нацизма» судебной системой в контексте судебной практики по применению статьи 354.1 УК РФ за 2016-2024 годы в подавляющем большинстве связана с противодействием антивоенной и антисоветской символике, публичной поддержкой в интернет-пространстве альтернативных интерпретаций советской истории и отрицанием приговоров Международных военных трибуналов. С 2023 года преобладают приговоры, связанные с противоправным и оскорбительным поведением в отношении мемориальной культуры. Практическое применение выводов статьи: уточнение понятия «историческая правда» в нормативных правовых актах, разработка историческим сообществом единых критериев соответствия и несоответствия исторической правде и их использование в контексте исторической экспертизы, применяемой в отечественном судопроизводстве.

Ключевые слова: защита исторической правды, реабилитация нацизма, судебная практика, историческая память, историческое сознание

***Для цитирования**: Воробьева Н.В. «Защита исторической правды»: теоретические подходы и судебная практика // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 33 – 40.*

Поступила в редакцию: 4 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

"Protection of historical truth": theoretical approaches and judicial practice

[1] Vorobyeva N.V.,
[1] Omsk State Transport University

Abstract: the purpose of the article is to describe the results of the study of the concept of "protection of historical truth" in the regulatory legal acts adopted in the Russian Federation in 2014-2025. The author notes that the state policy of memory is aimed at protecting state interests. Based on the study, the author came to the following conclusions: the interpretation of the concept of "rehabilitation of Nazism" by the judicial system in the context of judicial practice on the application of Article 354.1 of the Criminal Code for 2016-2024 is overwhelmingly associated with counteracting anti-war and anti-Soviet symbols, public support in the Internet space of alternative interpretations of Soviet history and denial of the sentences of the International Military Tribunals. Since 2023, sentences related to unlawful and offensive behavior in relation to memorial culture have prevailed. Practical application of the article's conclusions: clarification of the concept of "historical truth" in regulatory legal acts, development by the historical community of uniform criteria of conformity and non-conformity with historical truth and their use in the context of historical examination applied in domestic legal proceedings.

Keywords: protection of historical truth, rehabilitation of Nazism, judicial practice, historical memory, historical consciousness

***For citation**: Vorobyeva N.V. "Protection of historical truth": theoretical approaches and judicial practice. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 33 – 40.*

The article was submitted: July 4, 2025; Approved after reviewing: September 2, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Изменение государственной политики памяти в контексте конституционной реформы 2020 г. привело к тому, что одним из значимых аспектов традиционных духовно-нравственных ценностей является защита исторической правды. Поправки к Конституции 2020 г. на высшем законодательном уровне установили в ч. 3 ст. 67.1 Конституции нашей страны, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [1]. Политика памяти глобально повлияла на концептуальные идеологические аспекты понимания важнейших аспектов национальной идентичности и национальной безопасности. Согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400» определён стратегический национальный приоритет «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [2].

Таким образом, исследование феномена «исторической правды» в общегуманитарном и правовом контекстах предсталяются важной и научнозначимой задачей. Соотнесения трактовок «исторической правды» позволяет получить представление об основных идеологических векторах как современного российского общества, так и государственных органов.

Материалы и методы исследований

Основными методами исследования являются как общенаучные: типологизация, классификация и систематизация, так и частные методы: контент- и дискурсный анализ массива документальных источников. Интеграция дискурсных исследований с устоявшимися методологиями расширяет возможности изучения исторической памяти и исторического сознания, предоставляя дополнительный и динамичный аналитический инструмент.

Материалом исследований послужили нормативно-правовые акты, в которых используется понятие «защита исторической правды». Также в исследовании концепта «историческая правда» мы использовали данные судебных решений, представленные на Интернет-платформе «Судебные и нормативные акты РФ» [3]. Изучение судебных решений позволяет сделать вывод об особенностях правоприменительной практики и трактовки судебными органами понятия «историческая правда» в контекте трактовки статьи 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Результаты и обсуждения

Следует обратить внимание на то, что с 2012 г. внесены существенные изменения в ряд нормативно-правовых актов, касающихся формирования гражданственности и идентичности россиян.

В частности, в № 273-ФЗ, утвержденный указом Президента РФ 29 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации» в пункте втором статьи 2 утверждается, что воспитание является деятельностью, в том числе направленной на «создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе <…> уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества» [4].

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ включил в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 354.1 «Реабилитация нацизма», которая призвана предотвратить распространение нацистской идеологии на территории Российской Федерации [5].

Поправки к Конституции 2020 г. на высшем законодательном уровне установили в ч. 3 ст. 67.1 Конституции нашей страны, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [6].

В исследовательской литературе выработано несколько подходов к трактовке вышеуказанных нормативно-правовых актов. П.А. Астафичев указывает на дилемму между правами человека и гражданина (в том числе свободу свободного волеизъявления и по-сути, собственных трактовок событий отечественной истории), изложенными во второй главе Конституции и статьей 67.1, предписывающей определенную государственную установку [7, с. 7].

М.А. Кожевина подчеркивает, что важнейшим аспектом практической реализации статьи 67.1 в судебной практике становится историческая экс-

пертиза как «средство верификации исторического факта» [8, с. 15-16].

С.А. Куликова и И.Д. Кирносов провели сравнительный анализ мемориальных законов в правовых системах КНР, Республики Южная Корея, Арабской Республики Египет, Республики Польша, пришли в выводу о б отсутствии существенных различий в сравнении с Российской Федерацией, особенно в оценке нацизма [9, с. 67].

Г.Л. Москалев на примере статей 243.4 и 354.1 Уголовного Кодекса указывает на отличия в трактовках понятия «историческая правда» с точки зрения объективизации и однозначности понятия и с позиции субъективизации допустимости различных трактовок [10, с. 1073], похожий ракурс рассмотрения проблемы избирает и М.В. Пономарев [11, с. 252-256].

Таким образом, неодназначность трактовок понятия приводят к сложностям его интерпретации. В 2022-2023 гг. внесены существенные изменения в основные стратегические нормативно-правовые акты: №809-ФЗ, утвержденный указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в пункте 5 определяются традиционные российские духовно-нравственные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [4].

Внесенные 25 января 2023 г. Изменения в «Основы государственной культурной политики» определяют понятие «культурный суверенитет» (раздел III) как «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность <…> сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [12].

Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, утверждённая решением Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации, протокол № ПК-1вн от 23 октября 2020 г. установила обязательность «сохранения плюрализма оценок и суждений в рамках исторических исследований» (раздел 4.1 части 4-й) [13].

С 1 сентября 2023 г. в 101 Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования формулировка универсальной компетенции 10 «способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению» изменена на основании Приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208, и излагается следующим образом: «способен формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности» [13].

Казалось бы приведенный выше нормативно-правовой акт не имеет прямого отношения к исторической памяти и сознанию, однако в Указе Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» в числе основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму указаны мероприятия в области образования и государственной молодежной политики, в том числе издание учебно-методических материалов, направленных в том числе на воспитание культуры межнационального (межэтнического) и межконфессионального общения, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, на формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности; введение в образовательную деятельность в целях патриотического воспитания подростков и молодежи единого курса истории России, объективно освещающего и оценивающего наиболее значимые события, связанные со становлением и развитием нашей страны как государства, а также раскрывающего внешние и внутренние угрозы существованию России в разные исторические периоды [14].

Таким образом, за 2014-2024 гг. официально-государственная трактовка исторической памяти напрямую связана как с традиционными духовно-нравственными ценностями, так и с фундаментальным понятием национального суверенитета и безопасности.

Как реализуется указанное направление государственной политики? Рассмотрим один из аспектов: введение уголовно-правовой ответственности за реабилитацию нацизма. Со времени включения статьи 354.1 в Уголовный кодекс, в общей сложности вынесены судебные приговоры по 327 делам, связанным с реабилитацией нацизма, в том числе по 100 уголовным. На основе анализа открытых источников портала судебных решений (https://sudact.ru/) мы составили статистику частотности рассмотрения уголовных дел:

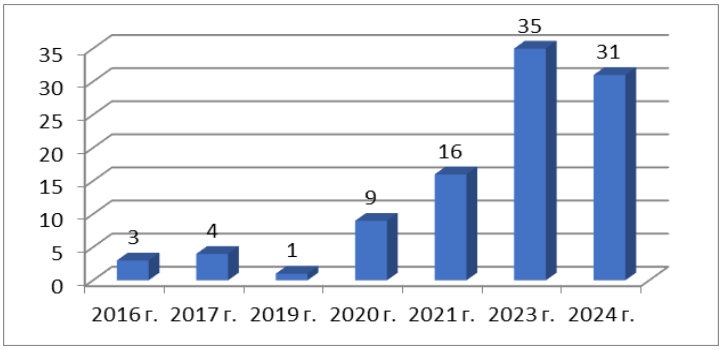


Рис. 1. Статистика частотности рассмотрения уголовных дел.
Fig. 1. Statistics on the frequency of criminal cases.

Как видно из вышеприведенной диаграммы, резкий подъем количества дел приходится на 2023-2024 гг. Рассмотрим подробнее судебные решения по статье 354.1 за 2021-2024 гг.

Следует отметить, что онлайн преступления составляют чуть больше половины. Первые уголовные дела касались публичной акции «Бессмертный полк онлайн», которая в период пандемийных ограничений 2020-2021 гг. проходила на Интернет-платформе https://polkrf.ru/. Гражданами размещались не портреты родственников (военнослужащих, тружеников тыла), а фотографии лидеров НСДАП и их пособников, осужденных Международным военным трибуналом как военные преступники: размещение фотоизображений А. Гитлера (Приговор № 2-25/2020 от 2 декабря 2020 г. по делу № 2-25/2020; Приговор № 2-35/2020 от 28 декабря 2020 г. по делу № 2-35/2020; Приговор № 2-15/2021 от 26 мая 2021 г. по делу № 2-15/2021; Приговор № 2-5/2021 от 21 июля 2021 г. по делу № 2-5/2021; Приговор № 2-12/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 2-12/2021), Г. Гиммлера (Приговор № 2-14/2021 от 5 августа 2021 г. по делу № 2-14/2021), генерала А. Власова (Приговор № 2-37/2021 от 12 августа 2021 г. по делу № 2-37/2021; Приговор № 2-43/2021 от 20 августа 2021 г. по делу № 2-43/2021). Все судебные приговоры приводятся на основании данных ресурса: Судебные и нормативные акты РФ: Крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов [3]. Наказания в виде штрафов от 50 до 200 тысяч рублей, лишения свободы до 1 года, в виде обязательных работ сроком на 100 часов.

В 2023-2024 гг. участились случаи размещения в социальных сетях информации, отрицающей итоги Второй мировой войны. Состав преступления связан с размещением информации: видеофильмов, оправдывающих Холокост и другие преступления нацистов; графических изображений – как непосредственно нацистских преступников и колаборантов, так и оскорбительных коллажей с ветеранами войны, символами Победы (например, с Георгиевской лентой). Кроме этого не только непосредственное размещение в публичный доступ порочащей информации, но и копирование (репост) на личную страницу в соцсетях – 37 уголовных дел, повлекшие уголовное наказание в виде штрафов от 30 до 500 тысяч рублей, лишения свободы в срок от 8 месяцев до трех лет. Следует отметить заметное увеличение подобных преступлений в 2023-2024 гг.

Декоммунизация зачастую служит явным шагом в сторону уголовной ответственности. К примеру, посты в социальных сетях публичного характера направленные против В.И. Ленина, отрицание дня воинской славы 23 февраля (День защитника Отечества), с точки зрения антисоветской позиции, прославляющие коллаборационистов борцов с советской властью (например, казачество РОА) (Приговор № 2-27/2023 2-61/2022 от 11 апреля 2023 г. по делу № 2-27/2023), против СССР и его героев (Приговор № 2-48/2023 от 13 июня 2023 г. по делу № 2-48/2023; Приговор № 2-2-40/2023 от 6 сентября 2023 г. по делу № 2-2-40/2023; Приговор № 2-30/2023 от 16 ноября 2023 г. по делу № 2-30/2023; Приговор № 2-22/2023 от 6 декабря 2023 г. по делу № 2-22/2023; Приговор № 2-13/2024 2-55/2023 от 25 марта 2024 г. по делу № 2-13/2024; Приговор № 2-5/2024 от 2 мая 2024 г. по делу № 2-5/2024; Приговор № 2-12/2024 от 4 июня 2024 г. по делу № 2-12/2024; Приговор № 2-16/2024 от 10 июня 2024 г. по делу № 2-16/2024;). Наказания варьируются от штрафов до лишения свободы на сроки от 1 года до 2 лет.

В одном из уголовных дел подсудимым являлся предприниматель-волонтер СВО с положительными характеристиками, в том числе от священников Русской православной церкви (Приговор № 2-12/2024 от 4 июня 2024 г. по делу № 2-12/2024).

Антисоветские высказывания в социальных сетях, порочащие Советскую власть и мифологизирующие причины Второй Мировой войны, вклю-

чая ответственность СССР (Приговор № 2-114/2021 от 2 августа 2021 г. по делу № 2-114/2021; Приговор № 2-27/2022 2-8/2023 от 15 февраля 2023 г. по делу № 2-27/2022; Приговор № 2-27/2023 2-61/2022 от 11 апреля 2023 г. по делу № 2-27/2023; Приговор № 2-4/2023 от 24 июля 2023 г. по делу № 2-4/2023; Приговор № 2-10/2023 от 22 августа 2023 г. по делу № 2-10/2023; Приговор № 2-29/2023 от 23 августа 2023 г. по делу № 2-29/2023; Приговор № 2-13/2024 2-55/2023 от 25 марта 2024 г. по делу № 2-13/2024; Приговор № 2-4/2024 от 21 марта 2024 г. по делу № 2-4/2024; Приговор № 2-12/2024 от 4 июня 2024 г. по делу № 2-12/2024; Приговор № 2-16/2024 от 10 июня 2024 г. по делу № 2-16/2024). Штрафы от 150 тысяч рублей до полутора лет лишения свободы.

Интернет-мемы, статус в мессенджере wattsapp, комментарии, репосты в социальных сетях (Телеграмм, ВК) открытого доступа антисемитского характера, отрицающие Холокост, либо оправдывающие его (Приговор № 2-8/2021 от 17 августа 2021 г. по делу № 2-8/2021; Приговор № 2-38/2022 2-5/2023 от 6 февраля 2023 г. по делу № 2-38/2022; Приговор № 2-19/2023 от 20 апреля 2023 г. по делу № 2-19/2023; Приговор № 02-8/2023 от 12 июня 2023 г. по делу № 02-8/2023; Приговор № 2-21/2023 от 18 октября 2023 г. по делу № 2-21/2023; Приговор № 2-4/2023 от 23 октября 2023 г. по делу № 2-4/2023; Приговор № 2-22/2024 от 20 февраля 2024 г. по делу № 2-22/2024; Приговор № 1-39/2024 от 4 марта 2024 г. по делу № 1-39/2024; Приговор № 2-04/2024 2-4/2024 от 27 февраля 2024 г. по делу № 2-04/2024; Приговор № 1-71/2024 от 7 мая 2024 г. по делу № 1-71/2024; Приговор № 2-15/2024 от 5 сентября 2024 г. по делу № 2-15/2024). Наказания от штрафа 36 тысяч рублей до трех лет лишения свободы.

Комментарии и изображения оскорбительного характера, направленные против ветеранов Великой Отечественной войны, найденных поисковиками останков героев войны, размещенные в открытом доступе в Интернете: оскорбительные коллажи с Георгиевской лентой, надругательство над изображением монумента Родина-Мать (Приговор № 2-11/2021 от 28 октября 2021 г. по делу № 2-11/2021; Приговор № 2-1/2023 2-8/2022 от 13 марта 2023 г. по делу № 2-1/2023; Приговор № 2-27/2023 2-61/2022 от 11 апреля 2023 г. по делу № 2-27/2023; Приговор № 2-48/2023 от 13 июня 2023 г. по делу № 2-48/2023; Приговор № 2-4/2023 от 24 июля 2023 г. по делу № 2-4/2023; Приговор № 2-10/2023 от 22 августа 2023 г. по делу № 2-10/2023; Приговор № 2-14/2023 от 10 ноября 2023 г. по делу № 2-14/2023; Приговор № 2-30/2023 от 16 ноября 2023 г. по делу № 2-30/2023; Приговор № 2-22/2023 от 6 декабря 2023 г. по делу № 2-22/2023; Приговор № 2-13/2024 2-55/2023 от 25 марта 2024 г. по делу № 2-13/2024; Приговор № 2-32/2024 от 4 июня 2024 г. по делу № 2-32/2024; Приговор № 2-8/2024 от 18 июня 2024 г. по делу № 2-8/2024; Приговор № 2-39/2024 от 22 октября 2024 г. по делу № 2-39/2024). Наказания от штрафа 36 тысяч рублей до 3 лет шести месяцев лишения свободы.

Немаловажным аспектом указанных преступлений является непосредственное администрирование Интернет-сообществ, посвященных реабилитации нацизма, сайтов экстремистской направленности. Создание и администрирование интернет-ресурсов, реабилитирующих нацизм (Приговор № 2-27/2022 2-8/2023 от 15 февраля 2023 г. по делу № 2-27/2022 - администратор группы с 150 подписчиками; Приговор № 2-2-40/2023 от 6 сентября 2023 г. по делу № 2-2-40/2023; Приговор № 2-5/2024 от 2 мая 2024 г. по делу № 2-5/2024 – администратор неоказаческой группы в социальных сетях, приверженец контркультуры скинхедов; Приговор № 2-32/2024 от 10 сентября 2024 г. по делу № 2-32/2024). Уголовные наказания в виде штрафа 4 млн рублей, лишение свободы на срок 3,5 года.

Оффлайн преступления можно разделить на несколько категорий: публичные акции (высказывания, публичная демонстрация жестов, относящихся к экстремистским, надругательство над мемориалами, памятниками).

Высказывания в публичном пространстве в виде отрицания значения общегосударственного праздника День Победы, отрицание роли СССР в победе во Второй Мировой войне, в основном принадлежат уже осужденным лицам (Приговор № 2-12/2021 от 18 октября 2021 г. по делу № 2-12/2021; Приговор № 2-26/2021 от 8 октября 2021 г. по делу № 2-26/2021; Приговор № 2-15/2023 от 10 июля 2023 г. по делу № 2-15/2023; Приговор № 2-2/2024 от 13 марта 2024 г. по делу № 2-2/2024; Приговор № 2-15/2024 от 19 мая 2024 г. по делу № 2-15/2024; Приговор № 2-10/2024 от 10 октября 2024 г. по делу № 2-10/2024)

Одобрение государственной политики нацистской Германии, направленной на уничтожение народов: евреев, поляков, цыган и других, в том числе различных этнических и социальных групп (советских военнопленных, русскоязычного населения и других), татуировки с нацистской символикой, записи с цитатами и изображениями лидеров организаций, признанных в Российской Федерации экстремистскими (Приговор № 2-2/2024 от 13 марта 2024 г. по делу № 2-2/2024). Наказания в виде лишения свободы на сроки от 6 месяцев до 1 года 3 месяцев.

Публичная демонстрация нацистского приветствия (Приговор № 1-501/2024 от 19 сентября 2024 г. по делу № 1-501/2024): наказание 10 месяцев принудительных работ.

Приговор № 2-9/2024 от 2 сентября 2024 г. по делу № 2-9/2024, подсудимый закрасил краской граффити с изображением георгиевской ленты в виде Z, понес наказание в виде штрафа 1 млн 200 тыс.

Надругательство над памятниками (Приговор № 2-06/2021 2-6/2021 от 18 августа 2021 г. по делу № 2-06/2021; Приговор № 2-6/2023 от 12 февраля 2023 г. по делу № 2-6/2023; Приговор № 1-19/2023 от 7 июня 2023 г. по делу № 1-19/2023; Приговор № 2-16/2023 от 1 октября 2023 г. по делу № 2-16/2023; Приговор № 2-24/2023 от 17 октября 2023 г. по делу № 2-24/2023; Приговор № 2-14/2023 от 28 ноября 2023 г. по делу № 2-14/2023; Приговор № 2-38/2023 от 18 декабря 2023 г. по делу № 2-38/2023; Приговор № 2-51/2023 от 19 декабря 2023 г. по делу № 2-51/2023; Приговор № 2-44/2024 от 7 августа 2024 г. по делу № 2-44/2024; Приговор № 2-45/2024 от 22 октября 2024 г. по делу № 2-45/2024). Оскорбление мест памяти: Вечного огня, Братской могилы, мемориал «Вечная слава» Памятник воинам-сыктывкарцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, Музейно-мемориальный комплекс «Дорога жизни», входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль «Зеленый пояс Славы Ленинграда», являющегося компонентом объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» под наименованием «Мемориал в память обороны города в 1941-1945г.г. «Зеленый пояс Славы Ленинграда» (распитие спиртных напитков, гашение, поджаривание продуктов, воровство цветов из памятных венков, закрашивание Красной звезды нацистской свастикой). Наказания в виде штрафа от 200 тысяч до 1,5 млн рублей, обязательных работ до 240 часов, лишения свободы на срок 10 месяцев до 2 лет

Апелляционные заявления по аналогичным уголовным делам на 90% оставлены без удовлетворения.

Выводы

В нормативно-правовых актах констатируется необходимость защиты исторической правды, но критерии истинности тех или иных суждений не установлены. Что касается судебной практики, то по статье 354.1 Уголовного кодекса РФ в судебной практике превалируют преступления, совершенные в интернете. Максимальное наказание – 3 года 6 месяцев применено к оскорблению символа Победы (георгиевская лента), приравниванию акции Бессмертный полк к параду ЛГБТ (организации, признанной экстремистской в Российской Федерации); наибольший штраф в 4 млн рублей вынесен за создание и администрирование ресурса «Декоммунизация», порочащего подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Ужесточение наказаний наблюдается в 2023-2024 гг., как увеличение преступлений не в сети Интернет.

Что касается примеров из судебной практики по административному судопроизводству 2024 г., превалирующими правонарушениями по ст. 20.3 являются:

Во-первых, публичная демонстрация татуировок с экстремистской символикой – 115 дел, 57,5%, в том числе с демонстрацией символики нацистского типа.

Во-вторых, размещение и репосты роликов экстремистского содержания на странице социальных сетей (ВК, Одноклассники), мессенджеров фотографий с изображением запрещенной символики – 76 дел, 38%.

В-третьих, демонстрирование нацистской атрибутики в виде украшений – 2,5%. В-четвертых, публичная пропаганда экстремистской идеологии в общественных местах – 2%.

На наш взгляд необходимо, уточнить понятие «историческая правда» в нормативно-правовых актах, выработать единые критериисоответствия и несоответствия исторической правде с целью использования их в рамках проведения исторической экспертизы, применяемой в отечественном судопроизводстве.

Список источников

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2025)

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 07.02.2021 N 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351. П. 93.

3. Судебные и нормативные акты РФ: Крупнейшая в сфере экономики и нормативных актов. https://sudact.ru/ (дата обращения: 27.04.2025)

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и международным традиционным российским духовно-нравственным ценностям: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.04.2025)

6. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2025)

7. Астафичев П.А. Защита исторических прав как новый принцип в конституционном праве со временной России // Правоприменение. 2020. № 4.

8. Кожевина М.А. Реализация статьи 67.1 Конституции РФ в двадцатом научном историко-правовом опыте // Правоприменение. 2021. № 5 (3). С. 5 – 19.

9. Куликова С.А., Кирносов И.Д. Охрана истории института памяти как конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. 2022. № 1. С. 65 – 72.

10. Москалев Г.Л. Охрана исторических прав: новая проблема российских прав // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. № 15 (8). С. 1073.

11. Пономарев М.В. «Историческая правда» как доктринальная новелла и юридическая категория российской конституции / Под ред. В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. М.: Изд-во «Саратовский источник», 2021. С. 252 – 256.

12. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208 «О внесении изменений в федеральные образовательные стандарты высшего образования» (Зарегистрирован 31.03.2023 № 72833) // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029 (дата обращения: 27.04.2025)

13. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124 / Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580 (дата обращения: 27.04.2025)

14. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208 «О внесении изменений в федеральные образовательные стандарты высшего образования» (Зарегистрирован 31.03.2023 № 72833). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029 (дата обращения: 27.04.2025)

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 04.27.2025)

2. On the national security strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 07.02.2021 N 400 // SZ RF. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351. P. 93.

3. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: The largest in the field of economics and regulatory acts. https://sudact.ru/ (date of access: 04.27.2025)

4. On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation of international traditional spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809. Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46, art. 7977.

5. "Criminal Code of the Russian Federation" (CC RF) dated 06/13/1996 N 63-FZ (latest revision). ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 27.04.2025)

6. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 27.04.2025)

7. Astafichev P.A. Protection of historical rights as a new principle in constitutional law since modern Russia. Law enforcement. 2020. No. 4.

8. Kozhevina M.A. Implementation of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation in the Twentieth Scientific Historical and Legal Experience. Law Application. 2021. No. 5 (3). P. 5 – 19.

9. Kulikova S.A., Kirnosov I.D. Protection of the History of the Institute of Memory as a Constitutional Law: Russian and Foreign Experience. Bulletin of the Saratov University. 2022. No. 1. P. 65 – 72.

10. Moskalov G.L. Protection of Historical Rights: A New Problem of Russian Rights. Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 2022. No. 15 (8). P. 1073.

11. Ponomarev M.V. “Historical Truth” as a Doctrinal Novella and a Legal Category of the Russian Constitution. Ed. by V.V. Stroev, D.A. Pashentsev, N.M. Ladnushkina. M.: Saratovsky Istochnik Publishing House, 2021. P. 252 – 256.

12. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 02/27/2023 No. 208 “On Amendments to the Federal Educational Standards of Higher Education” (Registered on 03/31/2023 No. 72833). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029 (date of access: 04.27.2025)

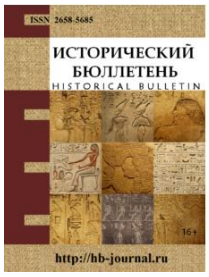
13. Decree of the President of the Russian Federation dated 12/28/2024 No. 1124 / President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580 (date of access: 04.27.2025)

14. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 02/27/2023 No. 208 "On Amendments to Federal Educational Standards of Higher Education" (Registered on 03/31/2023 No. 72833). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029 (date of access: 04.27.2025)

Информация об авторе

Воробьева Н.В., доктор исторических наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3494-4635, Омский государственный университет путей сообщения, 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35, nat.vorobiova@gmail.com

© Воробьева Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 94(47).066: 930(44)"17"

Французский историк П.-Ш. Левек о дворцовом перевороте 1762 г. в России

[1] Мельник Э.В.,
[2] Кучумов И.В.,
[1] Саратовское высшее военное инженерное училище радиационной, химической и биологической защиты имени И.А. Кириллова,
[2] Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Аннотация: Статья посвящена анализу истории дворцового переворота 1762 г. в России в сочинении французского историка Пьера-Шарля Левека (1736-1812) «История Российская». Левек тщательно изучил доступные ему письменные источники об этом событии, но, обнаружив в них неточности, обратился к устным свидетельствам очевидцев. Его работа стала первой в мировой историографии научной реконструкцией прихода к власти Екатерины II. Левек стремился дать более объективную оценку императору Петру III, который позже, в дореволюционной и советской историографии часто изображался как самодур. Французский ученый отмечает, что за короткий срок правления Петр III провел важные реформы, включая освобождение дворян от обязательной государственной службы. Однако, Левек не скрывает и негативных черт личности императора. Исследовав различные источники о причастности Екатерины II к смерти мужа, Левек приходит к выводу, что она не желала его гибели. Ставшие известными позже новые документы по истории дворцового переворота 1762 г. подтвердили многие выводы французского ученого.

Ключевые слова: Екатерина II, Петр III, Пьер-Шарль Левек, переворот 1762 г., историография, Клод Рюльер, Жан-Анри Кастера

***Для цитирования**: Мельник Э.В., Кучумов И.В. Французский историк П.-Ш. Левек о дворцовом перевороте 1762 г. в России // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 41 – 47.*

Поступила в редакцию: 5 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

French historian P.-Ch. Levesque on the 1762 palace coup in Russia

[1] Melnik E.V.,
[2] Kuchumov I.V.,
[1] Saratov Higher Military Engineering School of Radiation, Chemical and Biological Defense named after I. A. Kirillov,
[2] R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article is devoted to the analysis of the history of the 1762 palace coup in Russia in the work of the French historian Pierre-Charles Levesque (1736–1812) "Histoire de Russie". Leveque carefully studied the written sources available to him about this event, but, having discovered inaccuracies in them, he turned to the oral testimo-

nies of eyewitnesses. His work became the first scientific reconstruction of Catherine II's rise to power in world historiography. Leveque sought to give a more objective assessment of Emperor Peter III, who was often portrayed as a willful and stupid person in pre-revolutionary and Soviet historiography. The French scientist notes that during the short period of his reign, Peter III carried out important reforms, including the exemption of nobles from compulsory public service. However, Leveque does not hide the negative personality traits of the emperor. After examining various sources about Catherine II's involvement in her husband's death, Levesque comes to the conclusion that she did not want him to die. New documents on the history of the palace coup of 1762, which became known later, confirmed many of the conclusions of the French scientist.

Keywords: Catherine II, Pierre III, Pierre-Charles Lévesque, coup d'état de 1762, historiographie, Claude de Rulhière, Jean Henri Castéra

***For citation**: Melnik E.V., Kuchumov I.V. French historian P.-Ch. Levesque on the 1762 palace coup in Russia. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 41 – 47.*

The article was submitted: July 5, 2025; Approved after reviewing: September 3, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Государственный, или, как его называли в советское время, дворцовый (в таком виде этот термин был впервые введен С.М. Соловьевым, но получил устоявшее значение в конце XIX в. у его ученика В.О. Ключевского) переворот 28 июня (9 июля) 1762 г. в России долгое время был загадкой для историков. По понятным причинам отечественные исследователи более ста лет не имели возможности писать о событиях тех дней, а важнейшие источники по этой теме были неизвестны общественности, в том числе научной, до середины XIX в. [9].

В связи с этим, как уже не раз бывало в российской историографии, инициатива изучения табуированной темы перешла к зарубежным авторам. Первые французские публикации, подробно освещающие события июньского переворота 1762 г., появились только после смерти Екатерины II. Русская императрица скончалась в период ухудшения русско-французских отношений. После ее смерти французские власти начали открыто поощрять издание враждебной покойной правительнице литературы, более не делая тайны из слухов, которые со времен указанного переворота ходили о смерти ее супруга [20, p. 215]. Однако основанные на этих сомнительных источниках книжные и газетные публикации больше напоминали политические памфлеты.

Исключением из этого правила являлся труд француза Пьера-Шарля Левека (1736-1812) – одного из ведущих европейских специалистов по истории России. Его ныне во многом забытая «История Российская» уникальна тем, что излагает материал с максимально возможной на тот момент объективностью и поэтому, на наш взгляд, занимает особое место в мировой историографии. Располагая весьма ограниченным кругом источников и литературы, французский ученый, высказывая свое мнение по тому или иному вопросу, старался, по возможности, учесть все известные ему факты, все имевшиеся в его распоряжении точки зрения [3, 5, 6, 7]. На страницах этого сочинения был впервые реконструирован ход переворота 1762 г.

Материалы и методы исследований

В статье использованы методы историографического анализа, изучены основные источники, которыми пользовался Левек для реконструкции предпосылок и хода дворцового переворота 1762 г. в России. Показано, что автор критически оценивал имеющуюся в современной ему науке и публицистике информацию об этом событии, что позволило ему в целом объективно осветить историю прихода к власти Екатерины II.

Результаты и обсуждения

В первом и втором изданиях «Истории Российской» (1782, 1783 гг.) описание переворота 1762 г. отсутствовало. Во-первых, для Левека, как академического исследователя, видимо, было неприемлемым создавать свой нарратив на ходивших в Европе слухах и сплетнях, а иных источников по этой теме тогда не существовало. Во-вторых, как признавался позднее сам Левек, в те годы он не хотел видеть в делах Екатерины только плохое. Это, конечно, во многом объяснялось тем, что у России и Франции в то время были дружественные и даже союзнические отношения, поэтому отношение к русской императрице у французского правительства было комплиментарным. И, наконец, в-третьих, в условиях Старого режима во Франции законопослушный обыватель-интеллигент Левек, всегда избегавший участия в политике и следовавший официальной линии (что отчасти объясняет его постоянные споры с уже покойным к тому времени Вольтером), не мог и не желал подвергать сомнению всякой монархии, в том числе российской.

Лишь новые тенденции в общественно-политическом дискурсе и появление на Западе сочинений К.К. Рюльера [17], Ж. Кастерá [11] и У. Кокса [13] – первых подробных публикаций о перевороте 1762 г. в России – позволили Левеку значительно углубить представления об обстоятельствах прихода к власти Екатерины II и более объективно подойти к оценке ее деятельности в целом. Однако отношение ученого к русской императрице существенно не изменилось, он не превратился в ее ненавистника, заявив, что всегда будет защищать ее от всяких клеветнических нападок [14, p. 3].

Таким образом, Левек, будучи вдумчивым и объективным исследователем, отказался однозначно следовать господствовавшему в революционной и послереволюционной Франции общественному мнению на этот счет. Дело в том, что в 1790-е гг. на родине ученого издавалось множество разоблачавших Екатерину памфлетов и карикатур, порой довольно вульгарного свойства. Порожденные Французской революцией, они были пронизаны ненавистью к тиранам, демонстрировали самовластие русской монархии, проявленное в ее крепостнической доктрине, его вредоносное влияние на нравы народа и изобличали пороки самой императрицы. Как писал Ш. Корбе, «в конце XVIII в. “русский мираж” угас, громкая иллюзия потерпела крах. Теперь все знали, что Россия движется отнюдь не в направлении к свободе» [12, p. 29].

Однако здоровый консерватизм Левека не превратился у него в догматизм. В третьем издании «Истории Российской», вышедшем в 1800 г., Левек подробно описал события июня 1762 г. В основе его рассказа об этом лежит сочинение французского поэта, писателя и историка, члена Французской академии Клода Карломана Рюльера (1735–1791) «История и анекдоты о перевороте 1762 года в России», содержащее ранее неизвестные публике сведения, которые не в лучшем свете представляли деяния императрицы и ее окружения. Изобилующий неточностями и преувеличениями памфлет Рюльера «на многие десятилетия и даже столетия вперед стал законодателем моды» в вопросе об обстоятельствах свержения и убийства Петра III [4, с. 41]. До публикации своего сочинения Рюльер читал его в парижских салонах. Поэтому Левек, выпустивший третье издание своей работы (в котором впервые были описаны события 1762 г.) в 1800 г., мог узнать о содержании этого опуса либо на этих публичных чтениях, либо, как он сам признается в своем каталоге-резоне использованных им источников, из личной беседы с автором [16, p. 475].

Впоследствии С.М. Соловьев, впервые в отечественной историографии обстоятельно описавший и основательно проанализировавший переворот 1762 г., обратил внимание на слабую осведомленность иностранных авторов в данной теме и их явную предвзятость. «Сочинения иностранцев о России и русских событиях, – писал он, – обыкновенно преисполнены ошибками, преувеличениями и смешениями всякого рода» [10, с. 85]. Поэтому можно только удивляться интуиции Левека, который еще за три четверти века до этого выдающегося русского историка, не располагая появившимися позднее источниками, отнесся к рассказу Рюльера критически: «Автор являлся свидетелем переворота, возведшего на престол Екатерину II, но рассказ о событиях, в которых он лично не участвовал, содержит ошибки» [16, p. 475].

Среди новых работ по рассматриваемой теме внимание Левека также привлекло сочинение французского дипломата, историка и писателя Жана-Анри Кастеры (1749-1838) «Жизнь Екатерины II», которое на рубеже XVIII-XIX вв. пользовалось огромной популярностью не только в Европе, но и в России. В этом произведении, как и в работах других иностранных авторов, было много фактических ошибок и необоснованных, порой язвительных суждений. Но даже из него Левек, благодаря своей критичности и объективности, извлек немало полезного. Ученый оценил «прелестный и непринужденный» стиль Кастеры и сожалел, «что в основном он пользовался источниками, которые отличаются пристрастностью, а иногда свидетельствуют о неосведомленности их авторов… Однако… последние годы царствования Екатерины изложены им верно, ибо он располагал записками шевалье де Сегюра, в то время французского посла в России» [16, p. 476].

На страницах «Истории Российской» показана роль участников переворота – самой Екатерины, братьев Орловых, Екатерины Дашковой, фельдмаршала Миниха, графов Панина и Кирилла Разумовского. Согласно Левеку, «…императрица организовала заговор с целью сохранения свободы своему сыну, а себе еще и жизни» [15, p. 278]. Однако причины насильственной смены власти в 1762 г. были гораздо более глубокими. «Трудно сказать, – пишет ученый, – был ли Петр любим народом, но вскоре император вызвал недовольство гвардии, отправив два ее полка на войну с Данией, что лишило их возможности вести праздный образ жизни в столице. Государь не пользовался уважением и в армии, которую изнурял прусской муштрой, переодел в новые мундиры и предпочитал ей голштинское войско. Дворяне были возмущены тем, что Петр всячески благоволил иностранцам и назначил принца Голштинского главнокомандующим. Патриоты своего отечества были вне себя от императо-

ра, который хвастался, что во время войны России с Пруссией посвящал ее короля во все секреты русского правительства, и в результате этого предательства русские терпели поражения. Те, кто имел хоть каплю собственного достоинства, презирали монарха, окружившего себя безнравственными и невежественными иностранными паяцами, с которыми он предавался разврату и позволял им оскорблять уважаемых людей. Его отношение к собственной супруге повергало в ужас всякого, кто испытывал к ней уважение» [15, p. 275-276].

Левеку пришлось приложить большие усилия, чтобы получить хотя бы отчасти объективное представление об обстоятельствах свержения Петра III. Как уже говорилось, историк не склонен был безоговорочно доверять имевшимся в его распоряжении источникам. С другой стороны, после прихода к власти Екатерина II старалась всячески опорочить свергнутого с престола мужа (см., в частности, «Обстоятельный манифест о восшествии Ее императорского величества на всероссийский престол» от 6 июля 1762 г., опубликованный 9 июля). Сугубо отрицательные оценки Петра были известны Левеку из официальных публикаций. Полностью преодолеть их суждения он в силу своих ограниченных возможностей не смог. Вот почему Петр III у него – малообразованный распутник, издевавшийся над супругой, и большой любитель алкоголя, во время Семилетней войны передававший военные секреты России ее врагам [15, p. 268, 273-274], и в тоже время – заботящийся о благе своих подданных монарх и смелый реформатор, выступивший с проектом дарования свободы дворянам, «что положило начало великому делу освобождения народа...» Согласно Левеку, «в действительности император не был причастен к тем безумным деяниям, которые ему приписывают» [15, p. 275].

В Европе тогда не сомневались, что Петр III убит, но не было ясно, причастна ли к его гибели Екатерина. В публикациях того времени об этом либо намекалось [17, p. 145], либо говорилось прямо [18, p. 102-103, 106] (рус. пер. [8, с. 197-198]). Левек, ссылаясь на информацию, полученную из Петербурга (к тому времени он уже уехал из России), а также на собранные им еще в России устные сведения, напротив, отрицает это: «Люди, хорошо знавшие петербургский двор и Екатерину II, уверяли меня, что ни императрица, ни Григорий Орлов не имели никакого отношения к этому преступлению, а убийцы действовали по собственной инициативе… Нет, она не испытывала жалости к своему давно опостылевшему мужу, который намеревался заточить ее в монастырь и, возможно, даже лишить жизни. Однако Екатерина понимала, что в его убийстве обязательно обвинят ее и поэтому не желала такого ущерба своей репутации… Однако ясно одно: убийцы были твердо уверены в своей безнаказанности. Совершив это преступление, они нанесли ущерб репутации своей госпожи, но вернули ей душевное спокойствие, которого она была лишена, пока ее супруг был жив» [15, p. 296-297]. Здесь ученому могли оказать помощь его русские друзья или французские дипломаты (хотя их мнение разделял, в частности, немецкий издатель и книготорговец К.-Ф. Шван, публиковавшийся под псевдонимом де ла Марш, чьим сочинением Левек пользовался [19, p. 209-211]): в XVIII в. среди них существовало практически единогласное мнение о непричастности Екатерины к убийству Петра III [1, с. 132, прим. 1]. По всей видимости, в вопросе о том, была ли Екатерина причастна к смерти императора, Левек больше доверял мнению своих русских друзей и французских дипломатов, чем сочинениям Рюльера и Сальдерна, которые, по его мнению, были явно предвзятыми.

В четвертом, посмертном издании «Истории Российской», рассказ о предпосылках и ходе переворота 1762 г. был дополнен примечаниями одного из его научных редакторов – французского историка немецкого происхождения Георга Бернгара Деппинга (1784-1853). Однако эти дополнения не всегда были удачными – Левек, как можно предполагать, в сложных вопросах больше доверял устным свидетельствам о перевороте, которые зачастую являлись более точными, чем имевшиеся тогда публикации.

В частности, Деппинг, привлекая весьма ненадежные источники, появившиеся уже после выхода труда Левека, сообщает об обширных познаниях Петра III, его председательстве на заседаниях Петербургской академии наук, о приказе белому духовенству брить бороды, носить одежду, похожую на протестантскую, сократить количество икон в церквях и т.д. [15, p. 273, 292] Ничего этого в действительности не было.

Ошибается Деппинг и когда сообщает о беременности Екатерины в дни переворота [15, p. 279]. Этот факт он позаимствовал у Сальдерна [18, p. 78] (рус. пер. [8, с. 188]), сочинение которого современные исследователи считают недостоверным [2, с. 622]. В действительности ее внебрачный сын от Г.Г. Орлова, Алексей Григорьевич Бобринский (1762-1813), родился 11 (22 апреля), тогда как дворцовый переворот свершился позднее – 28 июня (9 июля). Заметим, что современный переводчик фрагмента сочинения Сальдерна, А.Н. Спащанский, в своем комментарии ошибочно называет отцом Бобринского Алексея, а не Григория Орлова [8, с. 188, прим. 1]. Эти примеры показывают, что Левек, вероятно, мог сравнивать письменные свидетель-

ства с устными, которые он получал в ходе общения с очевидцами событий во время своего пребывания в Санкт-Петербурге или в ходе последующей переписки с ними.

Выводы

Таким образом, П.-Ш. Левеку принадлежит первая в мировой историографии научная реконструкция дворцового переворота 1762 г. Она опирается на всю совокупность имевшихся в распоряжении автора и критически проанализированных им источников по этой теме. Располагая весьма ограниченным их кругом, Левек в целом верно описал это важное в истории России событие. При этом он, опираясь на рассказы современников, избежал многих неточностей и не поддался клеветническим инсинуациям, которыми изобиловали опубликованные в Европе свидетельства о приходе к власти Екатерины II.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН № 1022040500508 1-6.1.1 «Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие этнических групп в республиках Урало-Поволжья (на примере Республики Башкортостан)»

Список источников

1. Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Берлин: Издание Фридриха Готтгейнера, 1900. Т. 1. 659 с.
2. Иванов О.А. Петр III: загадка смерти. М.: Центрполиграф, 2018. 862 с.
3. Ильиченко Э.В. (Мельник Э.В.) Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века: Пьер-Шарль Левек: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 22 с.
4. Крючкова М.А. Триумф Мельпомены: убийство Петра III в Ропше как политический спектакль. М.: Русскій Міръ, 2013. 335 с.
5. Кучумов И.В., Мельник Э.В., Сахибгареева Л.Ф. Пьер-Шарль Левек – французский исследователь истории и этнографии России // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 153 – 161.
6. Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. Предшественник Н.М. Карамзина: П.-Ш. Левек как историк России // Диалог со временем. М.: Аквилон, 2024. № 88. Спец. выпуск. Историческая память и исторические судьбы: народы, люди, идеи. С. 337 – 352. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.88.88.024
7. Мельник Э.В. Восприятие становления основ российской государственности деятелями эпохи Просвещения (на примере «Российской истории» П.-Ш. Левека) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 2. С. 279 – 285. DOI: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-279-285
8. Сальдерн К. фон. История жизни Петра III императора Всероссийского, показующая беспристрастно причины произшедшей в 1762 году революции // Петр III и Екатерина II: тайные истории любви и смерти в книгах европейских авторов XVIII века / сост., пер. с фр. и англ., коммент. А.Н. Спащанского. СПб.: Паритет, 2019. С. 183 – 202.
9. Сафонов М.М., Соловьев С.М. Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 года // С.М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка. Сб. ст. по материалам Всероссийской конференции. Москва, 20-21 октября 2020 года / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 152 – 169.
10. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Мысль, 1994. Кн. 13: История России с древнейших времен: Т. 25 – 26 / комментарии С.М. Каштанова. 621 с.
11. Castera J. Vie de Catherine II, impératrice de Russie. Paris: Chez F. Buisson, 1797. T. 1-2. 427+467 p.
12. Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: M. Didier, 1967. 491 p.
13. Coxe W. Voyage en Pologne, Russie, Suède, Dannemarc & c. / trad. de l'angl., enrichi de notes & des éclaircissemens nécessaires & augm. d'un voyage en Norvège par m. P.H. Mallet. Genève: Barde, Mancet & co., impr., 1786. T. 1-2. 380+404 p.
14. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe. 4 éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 1. 371 p.
15. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 5. 466 p.
16. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe. 4 éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 6. 476 p.
17. Rulhière C.C. Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie; en l'année 1762. Paris: Chez Desenne, An V de la Rép., 1797. 175 p.

18. Saldern K. de. Histoire de la vie de Pierre III: empereur de toutes les Russies: présentant, sous un aspect impartial, les causes de la révolution arrivée en 1762. Francfort-sur-le-Mein; Metz: Collignon, 1802. 322 p.

19. Schwan Ch. F. Anecdotes russes ou lettres d'un officier allemand à un gentilhomme livonien, écrites de Petersbourg en 1762: Tems du règne et du detrônement de Pierre III, empereur de Russie. Recueillies et publiées par C. F. S. de la Marche. Londres: [s. n.], 1764. 230 p.

20. Somov V.A. Le livre de Castéra d'Artigues sur Catherine II et sa fortune // Catherine II et l'Europe / Sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1997. P. 211 – 224.

References

1. Bilbasov V.A. History of Catherine the Great. Berlin: Edition Friedrich Gottgeiner, 1900. Vol. 1. 659 p.

2. Ivanov O.A. Peter III: the mystery of death. Moscow: Centerpoligraf, 2018. 862 p.

3. Ilyichenko E.V. (Melnik E.V.) Russian-French cultural and scientific ties in the second half of the 18th century: Pierre-Charles Leveque: author's abstract. diss. ... Cand. of History. Sciences. Saratov, 2011. 22 p.

4. Kryuchkova M.A. Triumph of Melpomene: the murder of Peter III in Ropsha as a political spectacle. Moscow: Russkiy Mir, 2013. 335 p.

5. Kuchumov I.V., Melnik E.V., Sakhibgareeva L.F. Pierre-Charles Levesque – French researcher of the history and ethnography of Russia. Questions of History. 2016. No. 10. P. 153 – 161.

6. Kuchumov I.V., Sakhibgareeva L.F. Predecessor of N.M. Karamzin: P.-Ch. Levesque as a historian of Russia. Dialogue with Time. Moscow: Akvilon, 2024. No. 88. Special issue. Historical memory and historical destinies: nations, people, ideas. P. 337 – 352. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.88.88.024

7. Melnik E.V. Perception of the Formation of the Foundations of Russian Statehood by Figures of the Enlightenment (Based on the Example of P.-Ch. Levesque's "Russian History"). Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science. 2019. Vol. 46. No. 2. P. 279 – 285. DOI: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-279-285

8. Saldern K. von. The Life History of Peter III, Emperor of All Russia, Showing Impartially the Causes of the Revolution that Occurred in 1762. Peter III and Catherine II: Secret Stories of Love and Death in the Books of European Authors of the 18th Century. compiled, translated from French and English, commented by A.N. Spaschansky. SPb.: Paritet, 2019. P. 183 – 202.

9. Safonov M.M., Soloviev S.M. E.R. Dashkova and the palace coup of June 28, 1762. S.M. Soloviev and his era: on the 200th anniversary of the historian's birth. Coll. art. based on the materials of the All-Russian conference. Moscow, October 20-21, 2020. ed. Yu.A. Petrov. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2020. P. 152 – 169.

10. Soloviev S.M. Works: In 18 books. ed. I.D. Kovalchenko. Moscow: Mysl, 1994. Book. 13: History of Russia from Ancient Times: Vol. 25-26. Commentary by S. M. Kashtanova. 621 p.

11. Castera J. View of Catherine II, Empress of Russia. Paris: Chez F. Buisson, 1797. Vol. 1-2. 427+467 p.

12. Corbet Ch. Opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: M. Didier, 1967. 491 p.

13. Coxe W. Voyage en Pologne, Russie, Suède, Dannemarc & c. Translation of English, Enrichment of Notes & Necessary Historical Records & Augmentation. d'un voyage en Norvege par m. P.H. Mallet. Genève: Barde, Mancet & co., impr., 1786. T. 1-2. 380+404 p.

14. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe. 4 ed. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 1. 371 p.

15. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe. 4. ed. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 5. 466 p.

16. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe. 4 ed. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 6. 476 p.

17. Rulhière C.C. Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie; en l'année 1762. Paris: Chez Desenne, An V de la Rép., 1797. 175 p.

18. Saldern K. de. Histoire de la vie de Pierre III: empereur de toutes les Russies: présentant, sous un aspect impartial, les causes de la révolution arrivée en 1762. Francfort-sur-le-Mein; Metz: Collignon, 1802. 322 p.

19. Schwan Ch.F. Anecdotes russes ou lettres d'un officier allemand à un gentilhomme livonien, écrites de Petersbourg en 1762: Tems du règne et du detrônement de Pierre III, empereur de Russie. Recueillies et publiées par C. F. S. de la Marche. Londres: [s. n.], 1764. 230 p.

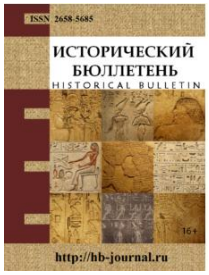
20. Somov V.A. Le livre de Castéra d'Artigues sur Catherine II et sa fortune. Catherine II et l'Europe/ Sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1997. P. 211 – 224.

Информация об авторах

Мельник Э.В., кандидат исторических наук, доцент, Саратовское высшее военное инженерное училище радиационной, химической и биологической защиты имени И.А. Кириллова, ilichev851@rambler.ru

Кучумов И.В., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, ivku@yandex.ru

© Мельник Э.В., Кучумов И.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94: (47)

Великий князь Константин Павлович: критик военных реформ Николая I

[1] Андриайнен С.В.,
[1] Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация: автор исследует роль великого князя Константина Павловича в реализации военных реформ императора Николая I. Автор приходит к выводу, что великий князь Константин был критиком деятельности императора. Взгляды Константина Павловича включают консервативные идеи, вследствие чего он сопротивлялся участию России в войне с Османской империей в 1828 г. Великий князь упорно защищал особый статус Польши и польской армии в составе Российской империи. Константин Павлович занимал уникальное место в политической элите Российской империи. Он мог критиковать политику императора. Свои замечания великий князь сообщал не только императору, но и некоторым членам политической элиты России.

Ключевые слова: Российская империя, российская императорская армия, Николай I, военные реформы

***Для цитирования**: Андриайнен С.В. Великий князь Константин Павлович: критик военных реформ Николая I // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 48 – 54.*

Поступила в редакцию: 6 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Grand Duke Konstantin Pavlovich: critic of Nicholas I's military reforms

[1] Andriainen S.V.,
[1] St. Petersburg State University of Economics

Abstract: the author explores the role of Grand Duke Konstantin Pavlovich in the implementation of the military reforms of Emperor Nicholas I. The author comes to the conclusion that Grand Duke Konstantin was a critic of the emperor's activities. Konstantin Pavlovich's views include conservative ideas, as a result of which he resisted Russia's participation in the war with the Ottoman Empire in 1828. The Grand Duke stubbornly defended the special status of Poland and the Polish army within the Russian Empire. Konstantin Pavlovich occupied a unique place in the political elite of the Russian Empire. He could criticize the emperor's policies. The Grand Duke communicated his remarks not only to the emperor, but also to some members of Russia's political elite.

Keywords: Russian Empire, Russian Imperial Army. Nicholas I, military reforms

***For citation**: Andriainen S.V. Grand Duke Konstantin Pavlovich: critic of Nicholas I's military reforms. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 48 – 54.*

The article was submitted: July 6, 2025; Approved after reviewing: September 4, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Великий князь Константин Павлович являлся одной из центральных фигур среди военного руководства Российской империи. Он принимал участие в нескольких ключевых военных кампания-сражался под командованием Суворова во время Итальянского и Швейцарского походов 1799-1800 гг. Константин Павлович командовал российской гвардией в кампании 1805 г. против Франции и в начальный период Отечественной войны 1812 г.

В мирное время он участвовал в обсуждении военных реформ в Российской империи, возглавлял специальные военные комиссии. Наконец, Константин Павлович был инструктором и организатором многих гвардейских полков Российской империи. Огромные, хотя и противоречивые усилия Константин Павлович приложил для развития армии Царства Польского.

Наместником Царства Польского и командующим польской армией Константин оставался вплоть до Ноябрьской революции 1830 г. в Польше. Константин Павлович был одним из ведущих военных руководителей Российской империи, он внимательно наблюдал и комментировал армейские реформы.

Материалы и методы исследований

Несмотря на большую и разностороннюю деятельность Константина Павловича, серьезного изучения его военной деятельности в научной литературе не существует. Изданные биографии Константина Павловича носят обзорный характер. [3; 6] В нашей статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: 1. Можно ли считать, что Константин Павлович находился в оппозиции к военным реформам своего брата, императора Николая Павловича? 2. Какова специфика позиции Константина Павловича? В каких выражения и до какой степени он позволял себе критиковать политик Николая? Насколько публичной была критика Константина?

В данном исследовании использовался типологический метод. Мы стремились выделить ключевые отличия критической позиции цесаревича Константина Павловича.

Результаты и обсуждения

Великий князь Константин Павлович прошел большой и сложный жизненный путь, однако уже в ранней молодости, в 1790- ее гг. определились некоторые характерные черты его личности. Константин был страстно предан военному делу и отличался страстной любовью к строевой подготовке войск. В политическом отношении Константин был консерватором и противником революционных движений.

Будучи 15-летним подростком, великий князь Константин так описал свои взгляды на военную дисциплину в письме к своему воспитателю, Ф. Лагарпу:

«1 правило

Офицер есть ничто иное как машина

2 правило

Все что командир приказывает своему подчиненному должно быть исполнено хотя бы это была жестокость

Последствия

1. И так офицеру, который приказывает стрелять по проходим должно повиноваться в точности; тем хуже для несчастных жертв; исполнители его приказаний заслуживают похвалы, он один ответственен

2 Подчиненный должен повиноваться своему командиру, каких бы он от него не требовал услуг, ибо подчиненный есть только машина, так он может по фантазии начальника сделаться его слугою и быть употребляем на все.

3. Офицер получающий от своего командира именное приказание сделать гнусный поступок, должен быть наказан если он только осмелится просить объяснений или выразить малейшее сомнение

4. военная дисциплина существует толь при такой совершенной бесчувственности

5.Образование, рассуждения, чувства чести и прямоты вредны для строгой дисциплины. Никогда офицер не должен употреблять свой здравый рассудок или познания; чем меньше у него чести, тем он лучше. Надобно что его могли безнаказанно оскорблять, и чтобы он был убежден в необходимости глотать оскорбления молча» [10, с. 58-59].

На протяжении своей жизни Константину приходилось высказываться по важнейшим политическим вопросам. В 1801 г., потрясенный дворцовым переворотом и убийством своего отца, императора Павла I, великий князь заявил об отказе занимать императорский престол, даже если ему предоставилась бы такая возможность [6, с. 78].

В период после Тильзитского мира, когда большая часть русского образованного общества испытывала антифранцузские настроения, великий князь Константин открыто заявлял о своем восхищении Наполеоном Бонапартом [3, с. 102-103]. Периодически Константин Павлович переходил от критических высказываний к прямым политическим интригам. В начальный период войны 1812 г. он пытался добиться смещения с должности командующего 1 армией генерала М.Б.Барклая де Толли. Интрига потерпела неудачу и Констан-

тин был вынужден покинуть действующую армию по требованию Барклая де Толли [2, с. 675].

По окончании наполеоновских войн Константин Павлович, находясь в Варшаве, активно критиковал военные мероприятия своего брата, императора Александра I. При этом позиция Константина выглядела парадоксальной. Он был страстным знатоком строевой подготовки солдат. Несмотря на это, Константин активно критиковал командование Гвардейского корпуса в Петербурге за «излишнюю» строевую муштру солдат. Мы можем предположить, что цесаревич стремился сохранить за собой удобную для него позицию «штатного критика» в Российской империи. Играла свою роль и ревность. Константин Павлович не собирался признавать, что кто-то в России может обучать войска лучше него самого.

Другой особенностью Константина Павловича как критика было его стремление поделиться своими замечаниями со знакомыми ему генералами и офицерами. То есть Константин Павлович позволял себе критиковать распоряжения военного характера, идеологом которых являлся его брат император, и делал такие замечания достоянием ряда лиц. Во второй половине 1810-х гг. Константин активно переписывался с генералом Н.М. Сипягиным. [1]

Константин Павлович стремился маскировать свою критику, он часто заявлял, что является всего лишь усердным исполнителем императорской воли. В одном из своих писем к Ф.Лагарпу великий князь писал: "... я никуда не годен для оппозиции... И так смею сказать, что недовольные никогда не найдут во мне поддержки или сборного пункта вокруг меня" [10, с. 72].

По словам Константина, он высказывал свое мнение только в ответ на прямой запрос от императора. Если император был с ним не согласен, то Константин якобы смиренно исполнял чужую волю: "Я столько же делаю себе чести и славы действуя вопреки моему мнению, как если б я действовал согласно с оным» [10, с. 67-72].

Несмотря на свое удаление из Петербурга, Константин сохранял большое влияние на текущее управление российской армией, то есть его критические замечания могли быть реализованы в практические мероприятия. Великий князь сохранял за собой руководство конницей по должности генерал-инспектора. В 1818 г. командующий Отдельным Грузинским корпусом генерал А.А.Ермолов захотел назначить командира Оренбургского уланского полка Н.А.Столыпина командиром бригады в 20 пехотной дивизии. (20 дивизия входила в состав Отдельного Грузинского корпуса). Ермолов в своей переписке с дежурным генералом Военного министерства А.А.Закревским отметил, что он боится неудовольствия великого князя Константина. поскольку «офицера из кавалерии берут без его соизволения" [2, с. 137].

Таким образом, к началу царствования Николая I его старший брат Константин имел длинную репутацию критика и оппонента. Двусмысленное поведение Константина в период междуцарствия в декабре 1825 г. только добавило специфики в отношения братьев. Как известно, великий князь в декабре 1825 г. так и не явился в Петербург, чтобы указать всем сомневающимся, что власть по праву передана Николаю I.

В период с 1826 по 1830 гг. Константин Павлович активно критиковал и комментировал ключевые военно-политические решения своего брата-императора. Николай I считал важным советоваться с Константином по ключевым вопросам. Константин оставлял за собой право спорить с императором. В одном из своих писем, посланных в Петербург летом 1826 г. он писал, что всегда будет позволять себе, (пока император не сочтет это неуместным), излагать правду в том виде, «в каком она есть»., и со всей своей откровенностью. [7, с. 18-19].

При этом переписка Константина и Николая строилась по определённым правилам. В начале каждого письма от Константина шли благодарности за любезное письмо от императора и уверения в преданности. В конце письма шли поклоны семье Николая I. Но при этом в середине письма могла содержаться тонко или остро сформулированная критика.

Константин Павлович отправлял свои письма не только самому императору. Чтобы узнать мнение Петербурга по важным для себя вопросам, Константин писал также своему бывшему адъютанту Ф.П.Опочинину, который потом передавал эти письма императору Николаю [11] В диалоге Константина и Николая также участвовал их младший брат – Михаил. О своих военно-политических взглядах Константин не раз сообщал бывшему своему воспитателю Ф.Лагарпу. Таким образом, пространство, в котором циркулировала критика Константина Павловича увеличивалось.

Одной из главных внешнеполитических проблем для России были отношения с Османской империей. В 1821 г. в Греции вспыхнуло мощное антитурецкое восстание. Османская империя подавляла его активно и весьма жестоко. Император Александр Павлович вплоть до 1825 г. так и не решился занять жесткую антитурецкую линию. Николай Павлович склонялся к жесткому давлению на турок и защиту греков. Такая политика

находила поддержку в Англии и Франции. В 1827 г. к побережью Греции отправилась соединенная эскадра Англии, Франции и России с целью принудить Османскую империю к переговорам с греками. После провала идеи с переговорами произошла Наваринская битва, в которой турецкая эскадра была уничтожена силами европейских союзников.

Константин Павлович был противником вмешательства России в турецкие дела. В своем письме к Ф. Лагарпу он так изложил свою позицию: «Многие я знаю не разделяют моего мнения, но это меня мало заботит, и я откровенно признаюсь, что сожалея об участи и положении греков, я не нахожу их дела справедливым и не могу допустить в моих принципах эмансипации народа посредством возмущения у соседа или ближнего и поддерживать ее не вызывая подобных событий у себя, где конечно их бы даже и не потерпели и где бы употребили самые энергичные средства, чтобы их подавить. С которых же пор великие поборники греческого дела и либералы, как их ныне называют, сделались такими христианами...

Это потому, что под этим знаменем они могут собрать благомыслящих людей, чтобы достигнуть своей цели, т.е. взволновать все, что могут... По моему мнению я не люблю якобинцев ни красных, ни белых, ни черных и между ними я еще предпочитаю якобинцев в красной шапке и санкюлота, потому что знаешь, с кем имеешь дело, тогда как с другими часто ошибаешься, видя их в звёздах и лентах. Вход соединенных флотов в Наварин есть нарушение народного права... и если бы его величество, покойный император, король, покровитель и посредник печальной и славной памяти Наполеон I позволил бы себе такую вещь, как бы кричали против него и бранили его. Другие времена другие нравы. Но справедливость всегда остается справедливостью, она непоколебима. Греки покорены оружием и признаны за турками трактатами. Начните у себя и эмансипируйте своих прежде, чем поддерживать эмансипацию у соседа. Вот мое суждение; выражая его, я замечаю, что поступаю как Фигаро, который говорит, что может рассуждать о вещах, не понимая их" [10, с. 74-75].

В этом письме мы видим все присущие позиции Константина черты – заявление о своей «некомпетентности» в обсуждаемом вопросе, отрицательное отношение к революциям, защита памяти Наполеона Бонапарта.

Константин Павлович оставался последователен в своей позиции. В ноябре 1827 г. Константин в своем письме к Николаю Павловичу высказывал сожаления об участии России в Наваринском сражении. По мнению Константина, только англичанам было выгодно истребление турецкого флота [7, с. 196]. Принципиальная позиция Константина привела его к крупному столкновению с императором по принципиальному вопросу.

Весной 1828 г. началась русско-турецкая война, которая приобрела затяжной и кровопролитный характер. В своем очередном письме к Константину 9 июня 1828 император Николай попросил великого князя отправить на войну 2 польские дивизии (одну пехотную и одну уланскую), которые войдут в резервные силы России на Балканах. При этом император заранее оговаривался, что он готов был принять любое решение своего брата в Варшаве [7, с. 240].

Константин Павлович в ответном письме от 15 июня 1828 г. решительно отказался отправлять польские войска на Балканы. Они привел целый ряд аргументов: войска могли прибыть на Дунай не ранее конца сентября и потому вряд ли бы приняли участие в кампании 1828 г., отправка части войск ставила бы в ложное положение самого Константина, который не мог бы командовать своими солдатами в бою [7, с. 243]. Разочарованный император согласился и отметил, что доводы веские. и значит «нечего и говорить» [7, с. 246].

Константин Павлович также принципиально относился и к другим военным начинаниям Николая. С большим трудом император мог добиться, чтобы в польской армии и русских в частях в Польше изменялось обмундирование в соответствии со вкусами Николая Павловича. Константин ревниво отстаивал свои права определять для частей в Польше форму. В 1826 г. Николай I внес изменения в форму русской и польской армии, Константин не просто негодовал, но и позволял говорить об этом публично. Когда Константин впервые провел смотр пехотной роты в Варшаве, которая была одета по новой форме, он заявил окружающим его офицерам свиты: "Это тяжело… я уступил ему трон, он мог уступить мне что касается штанов» [12, с. 91].

Николай стремился добиться согласия с Константином по вопросам о форме и вещевом снабжении войск. В 1825 г. появился новый образец полковых знамен для польской армии, на которых отныне стоял вензель MI (Mikolai) Чтобы Константин согласиться с изменением дизайна, Николай использовал брата Михаила (у которого с цесаревичем Константином были хорошие отношения). Император просил Михаила показать Константину новые знамена. В итоге строгий варшавский критик смягчился, в очередном своем послании за 1826 г. Константин хвалил новые знамена для кавалерии, которые вызвали у солдат желание служить на сверхсрочной службе [12, с. 128].

Большой проблемой для Николая был дефицит государственного бюджета. Для борьбы с ним император сокращал расходы, в том числе на содержание армии. С этой целью в 1826 г. было сокращено количество эскадронов в полках регулярной кавалерии. Император был вынужден письменно оправдываться перед братом за такие меры [10, с. 105].

Однако Константин в ответном послании прямо заявил, что остается при своем мнении: сокращение штатов кавалерии губительно скажется на боеспособности конницы. В связи с этим цесаревич просил, чтобы в его армии все оставили по старым штатам [10, с. 108].

Константин Павлович также был противником другой важной для императора меры – распространения рекрутской повинности на евреев. При этом император изначально высказал в письме к своему брату компромиссную идею. Николай предлагал призывать евреев не в регулярные части, но хотя бы в военно-рабочие роты. Цесаревич Константин считал даже такую меру бесполезной. По его мнению, иудеи не могли бы стать хорошими солдатами. В любом случае Константин предлагал их во время армейской службы удалить как можно дальше от родины [7, с. 151-155].

Бесконечные препирательства между Николаем и Константином возникали по кадровым вопросам. Великий князь Константин ревниво отстаивал право предлагать своих кандидатов для занятия командных должностей в армии Царства Польского или Литовском корпусе, в котором служили уроженцы Западного края. (В Российской империи Западным краем называли территории бывшей Речи Посполитой, которые вошли в состав России с 1772 по 1807 годы, то есть не включали собственно Царство Польское, присоединенное к России в 1815 г. В состав Западного края входили 6 литовско-белорусских и 3 украинских губернии от Ковно на севере до Подолии на юге).

Осенью 1827 г. у великого князя Константина произошел конфликт с генералом Адамом Ожаровским, который командовал Литовским корпусом. После того как Ожаровский был отправлен в отставку, сам Константин выдвинул новую кандидата в командиры Литовского корпуса – генерала Г.В.Розена. Император согласился с таким выбором [7, с. 181-182].

Однако существовали пределы уступчивости Николая в отношениях со своим строптивым братом. Николай категорически сохранял за собой право решать крупные политические вопросы. На протяжении 1820-х гг. среди поляков ходили слухи, что русские власти согласятся соединить в единое целое Царство Польское и Западный край. Польское и русское общественное мнение считало, что сам Константин Павлович сочувствовал этой идее.

В письме 24 октября 1827 г. император решил окончательно расставить все акценты. Николай прямо заявил в письме, что он готов затронуть сюжет, который может вызвать противоположное мнение Константина. По словам императора, не могло быть и речи о соединении Польши и Литвы. Как заявил император Николай, этого не случится "пока я нахожусь на посту, на который ты и наш ангел меня поставили". В семействе Павла I «Ангелом» называли Александра Павловича [7, с. 184]. Император стремился подчеркнуть, что при этом он остается другом Польши. По словам Николая, высказанные суждения не мешают ему «быть таким же хорошим поляком, как и хорошим русским" и строго соблюдать польскую конституцию.

Такая политика императора – отделение Царства Польского и Западного края, находила свое отражение и в военной сфере. В сентябре 1827 г. встал вопрос о принципах комплектования Литовского корпуса. Значительная группа русских нижних чинов, военнослужащих корпуса, уходила в отставку. Если бы Литовский корпус был в 1827-1828 гг. укомплектован за счет Западного края, это привело бы к доминированию в нем поляков, чего Николай I опасался. Существование Литовского корпуса с польским составом могло рождать у поляков Царства Польского иллюзии, что это первый шаг к соединению Западного края и Царства.

В связи с этим Николай Павлович обратился к Константину с просьбой. Император предложил, чтобы часть рекрут от Западного края (из Виленской и Подольской губерний) были направлены шли в обычные полки российской армии. Взамен император отправил бы на пополнение Литовского корпуса рекрут из Твери и Пскова [7, с. 185].

Константин Павлович был вынужден согласиться с четко выраженной императорской волей. Однако после этого великий князь стал торговаться и требовать себе уступок. Константин просил не забирать у него новобранцев из Подолии и Волыни, поскольку они красивы и могут стать видными солдатами. Также Константину не нравилась идея о пополнении его частей рекрутами из Твери и Пскова, которых он находил «посредственными» [7, с. 187].

В ноябре 1827 г. братья достигли компромисса. Константин согласился чтобы в 1 армию были направлены рекруты из Виленской и Гродненской губерний. Взамен Николай отдал в Литовский корпус рекрут из Ярославской и Пензенской губерний. По мнению Николая, рекруты из этих ре-

гионов считались лучшими во всей империи. Поскольку и для Константина, и для Николая важнейшую роль играло комплектование гвардии лучшими людьми, этот сюжет был также затронут в рамках предложенной «сделки». Константин соглашался не выбирать из виленских и гродненских рекрут лучших людей в польские гвардейские части. В свою очередь, Николай обещал, что из рекрутских партий Ярославля и Пензы тоже не будут брать людей в российскую гвардию [7, с. 191]. Таким образом, русская армия получала всех рекрут из Вильны и Гродно, включая самых видных и здоровых.

Николай Павлович и в дальнейшем принимал меры к тому, чтобы польская и русская армия сближались и понимали, что они служат одному государю. С.231 В мае 1828 г Николай настойчиво потребовал от Константина отправить в Петербург в командировку 4 офицеров польской службы. По словам Николая, это было важным политическим делом, надо было «побратать мундиры» [7, с. 231].

Такая политика Николая встречала ревнивый отпор со стороны Константина, который воспринимал такие переводы офицеров как пренебрежение службой в Варшаве. Это приводило к очередным спорам между братьями. В 1830 г. Николай упрекал Константина за то, что великий князь не отпускал офицеров из Польши на время в Санкт-Петербург. Константин Павлович оправдывался, что указанные Николаем офицеры находятся на службе в Польше и при этом часто ездят в командировки по Царству Польскому. Кроме того, по словам Константина, многие польские офицеры были слишком бедны для вояжей в Петербург [8, с. 10].

В ноябре 1830 г. в Польше разразилась революция, направленная и против российской власти и лично против Константина Павловича. В результате великий князь был вынужден с русскими гвардейскими полками выйти из Польши. Авторитет великого князя в глазах императора был непоправимо подорван и роль Константина как критика николаевской России закончилась

Выводы

Великий князь Константин Павлович на протяжении многих лет был главным критиком военных реформ Николая I. У цесаревича Константина был авторитет старшего члена династии, он занимал несколько влиятельных постов в командовании российской армии. Немаловажно, что он находился вне Петербурга и занимал крупный самостоятельный пост в Варшаве.

У великого князя Константина было не много самостоятельных идей. Его критика носила в основном отрицательный характер. Он выступал против вмешательства России в Восточный вопрос, отказывался признавать необходимость сокращения бюджетных расходов. При этом Константин ревниво защищал особый статус Польши и польской армии в составе Российской империи.

Критика Константина Павловича несколько раз приводила к замедлению или модификации военной политики Николая I. Критические замечания Константина Павловича были частично известны в политической элите Российской империи. В переписку братьев. Константина и Николая, в той или иной степени были вовлечены доверенные лица обеих сторон.

Список источников

1. Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков (Из переписки с Н.М. Сипягиным) // Рус. старина. 1900 г. Апрель – май – июнь. Т. 102. С. 91 – 120.

2. Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816-1860. СПб.: Звезда, 2014. 834 с.

3. Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. СПб, 1899, 296 с.

4. Каштанова О.С. Военная деятельность великого князя Константина Павловича в России и Царстве Польском // Пермский государственный архив социально-политической истории: офиц.сайт. URL https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/doklady-romanovskie-chteniya-2021/doklady-romanovskie-chteniya-2021-2/voennaya-deyatelnost-velikogo-knyazya-konstantina-pavlovicha-v-rossii-i-tsarstve-polskom.html (дата обращения: 17.05.2025)

5. Константин Павлович, великий князь // Военная энциклопедия: Том XIII. Кобленц – Круз. СПб., 1913. С. 138 – 144.

6. Кучерская М.А. Константин Павлович. М.: Молодая гвардия, 2013. 341 с.

7. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем: в 2 т. Т. I. 1825-1829 // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб, 1910. Т. 131. 407 с.

8. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем: в 2 т. Т. I. 1830-1831 // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб, 1910. Т. 132. 407 с.

9. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827-1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 556 с.

10. Письма Императора Александра I-го и других особ царственного дома к Ф.Ц. Лагарпу. С/Пб., 1870. 126 с.

11. Цесаревич Константин Павлович в 1826 г.: переписка с Ф.П. Опочининым // Русская старина. Том VIII. 1873. Вып. 7-12. С. 374 – 397.

12. Tokarz W. Armia Krolestwa Polskiego (1815-1830). Piotrkow, 1917. 389 p.

References

1. Grand Duke Konstantin Pavlovich in doubts and denials of the order of his time (From the correspondence with N.M. Sipyagin). Russ. antiquity. 1900. April – May – June. Vol. 102. P. 91 – 120.

2. Ermolov A.P. Caucasian letters. 1816-1860. St. Petersburg: Zvezda, 2014. 834 p.

3. Karnovich E.P. Tsarevich Konstantin Pavlovich. St. Petersburg, 1899, 296 p.

4. Kashtanova O.S. Military activities of Grand Duke Konstantin Pavlovich in Russia and the Kingdom of Poland. Perm State Archive of Social and Political History: official website. URL https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/doklady-romanovskie-chteniya-2021/doklady-romanovskie-chteniya-2021-2/voennaya-deyatelnost-velikogo-knyazya-konstantina-pavlovicha-v-rossii-i-tsarstve-polskom.html (date of access: 17.05.2025)

5. Konstantin Pavlovich, Grand Duke. Military Encyclopedia: Volume XIII. Koblenz – Cruz. St. Petersburg, 1913. P. 138 – 144.

6. Kucherskaya M.A. Konstantin Pavlovich. Moscow: Young Guard, 2013. 341 p.

7. Correspondence of Emperor Nicholas Pavlovich with the Grand Duke Tsarevich Konstantin Pavlovich: in 2 volumes. Vol. I. 1825-1829. Collection of the Imperial Russian Historical Society. St. Petersburg, 1910. Vol. 131. 407 p.

8. Correspondence of Emperor Nicholas Pavlovich with the Grand Duke Tsarevich Konstantin Pavlovich: in 2 volumes. Vol. I. 1830-1831. Collection of the Imperial Russian Historical Society. St. Petersburg, 1910. Vol. 132. 407 p.

9. Petrovsky-Stern J. Jews in the Russian army: 1827-1914. Moscow: New Literary Review, 2003. 556 p.

10. Letters of Emperor Alexander I and other persons of the royal house to F.C. Laharpe. St. Petersburg, 1870. 126 p.

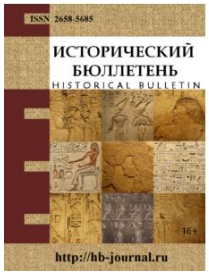
11. Tsarevich Konstantin Pavlovich in 1826: correspondence with F.P. Opochinin. Russkaya Starina. Volume VIII. 1873. Issues 7-12. P. 374 – 397.

12. Tokarz W. Armia Krolestwa Polskiego (1815-1830). Piotrkow, 1917. 389 p.

Информация об авторе

Андриайнен С.В., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0003-0071-3599, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, andriainen2012@yandex.ru

© Андриайнен С.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 93/94

Образ «другого» в британской и российской периодической печати периода англо-бурской войны (1899-1902 гг.)

[1] Егоров И.А.,
[1] Псковский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается репрезентация образа «другого» в британской и российской периодической печати периода англо-бурской войны (1899-1902 гг.), ставшую не только войной нового образца, предвосхитившим конфликты XX века, но и первым «медийным» противостоянием, где пресса играла ключевую роль в формировании общественного восприятия событий, освещая ход боевых действий практически в ежедневном режиме. Особое внимание автор уделил сравнительному анализу британских и российских источников рубежа XIX-XX веков, позволившему обнаружить устойчивые медийные паттерны и инструменты формирования образа «другого» в печати обеих стран, а также проследить национальные особенности репрезентации войны. Опыт освещения конфликта демонстрирует роль прессы, выступающую не просто средством отражения общественных настроений и пассивным свидетелем событий, а активным актором международных отношений, влияющим на восприятие внешнеполитических процессов обществом.

Ключевые слова: историческая имагология, образ врага, образ союзника, периодическая печать, Англо-бурская война, Британская империя, Российская империя, информационная война, общественное сознание

***Для цитирования**: Егоров И.А. Образ «другого» в британской и российской периодической печати периода англо-бурской войны (1899-1902 гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 55 – 60.*

Поступила в редакцию: 6 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The image of the "other" in the British and Russian periodicals of the period of the Anglo-Boer War (1899-1902)

[1] Egorov I.A.,
[1] Pskov State University

Abstract: the article examines the representation of the image of the "other" in the British and Russian periodicals of the period of the Anglo-Boer War (1899-1902), which became not only a new type of war that anticipated the conflicts of the 20th century, but also the first "media" confrontation, where the press played a key role in shaping public perception of events, covering the course of hostilities. on a daily basis. The author paid special attention to a comparative analysis of British and Russian sources from the turn of the 19th and 20th centuries, which made it possible to discover stable media patterns and tools for shaping the image of the "other" in the press of both countries, as well as to trace the national characteristics of the representation of war. The experience of covering the conflict demonstrates the role of the press, which is not just a means of reflecting public sentiment and a passive witness to events, but an active actor in international relations, influencing the perception of foreign policy processes by society.

Keywords: historical imagology, the image of an enemy, the image of an ally, periodicals, the Anglo-Boer War, the British Empire, the Russian Empire, information warfare, public consciousness

***For citation**: Egorov I.A. The image of the "other" in the British and Russian periodicals of the period of the Anglo-Boer War (1899-1902).. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 55 – 60.*

The article was submitted: July 6, 2025; Approved after reviewing: September 4, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Англо-бурская война (1899-1902 гг.) стала одним из ключевых эпизодов в истории британской колониальной политики на рубеже XIX-XX вв., оказав существенное влияние на формирование образа «другого» в массовом сознании. Британская периодическая печать была не только информационным инструментом, но и выполняла идеологическую задачу, активно участвуя в формировании образа буров как своего политического и культурного оппонента в условиях борьбы за ресурсы и территории Южной Африки [3].

Помимо того, что англо-бурская война была первым «медийным» конфликтом, события которого освещались в средствах массовой информации практически в ежедневном режиме, она стала важной вехой в развитии военного искусства – настоящей войной нового образца [13]. После того как на полях открытых сражений были разбиты последние бурские отряды, еще два года продолжалась мобильная партизанская война. Именно здесь, в Южной Африке, мир узнал о новых методах, которые позже станут неотъемлемой частью глобальных конфликтов: от концлагерей и снайперских засад до карательных облав. Существенные новшества появились и в самой практике ведения боевых действий: изменение тактики боя, значение тяжелой артиллерии в полевой маневренной войне, использование траншей, полевых укреплений, системы окопов и др. [7].

Информационное пространство становилось таким же полем идеологической борьбы, и пресса создавала контент и контекст, в рамках которого формировались позиции и взгляды [12]. Обращения к наглядным символам, эмоционально окрашенным нарративам и устойчивым клише позволяли выстраивать четкий образ врага в общественном сознании. Впоследствии полстолетия спустя именно эти инструменты создания образов и стереотипов стали широко применяться в условиях «холодной войны», когда массовая культура прочно вошла в арсенал информационного противоборства ведущих мировых держав [14, 15]. Имагогемы и стереотипы отличаются высокой устойчивостью к искоренению, как отмечал Уолтер Липпман: «Нет ничего более невосприимчивого к образованию и критике, чем стереотип» [2].

Материалы и методы исследований

Автор постарался комплексно подойти к решению поставленных в работе задач, используя для этого как общенаучные, так и специально-исторические методы научного исследования. В исследовании применялись контент-анализ и методы исторической имагологии, позволяющие выявить и проследить устойчивые стереотипы, имагогемы, формировавшие представления о сторонах конфликта. Сравнительный метод позволил обнаружить устойчивые медийные паттерны образа «другого» в печати обеих стран, а также проследить национальные особенности репрезентации войны.

Результаты и обсуждения

Конструирование образа буров в период англо-бурской войны (1899-1902) проходило под влиянием нескольких тенденций: бурное развитие дешевой ежедневной прессы, усиление конкуренции между периодическими изданиями, не стоит забывать и про использование технических новшеств, таких как телеграф, ротационные печатные машины, фотогравюра, которые способствовали существенному расширению аудитории изданий и увеличению скорости распространения информации [3].

В начале войны британское общество не было единодушно в оценках и восприятии конфликта, но потребность в мобилизации общественного мнения для поддержки боевых действий диктовала необходимость использования всех имеющихся средств и инструментов государственной пропаганды. Так уже в первые же недели войны редакции ведущих изданий были очищены от журналистов, симпатизировавших бурам, а задача патриотического подъема проникла во все сферы жизни англичан [8]. Необходимость патриотического сплочения объяснялась также тем, что некоторые колонии – в частности, карибские острова, сохранявшие относительную обособленность, – противодействовали попыткам британского правительства навязать им более тесное административное объединение и настойчиво отстаивали собственную автономию [10]. Разумеется, что в британской

периодической печати встречались и иные позиции, например, «The Manchester Guardian» нередко публиковала более критические материалы, однако в целом подавляющее большинство изданий поддерживало боевые действия на протяжении всей войны [4].

Основными инструментами формирования общественного мнения через средства печати были газеты, занимающие ведущее положение в этом процессе, а также иллюстрированные журналы и публицистические материалы. Газеты «The Times», «Daily Mail» и «The Morning Post» стремились не только давать читателю информацию о ходе конфликта, но и способствовать формированию патриотического воодушевления, подчеркивая «цивилизаторскую» миссию Британской империи и оправдывая действия британских сил в Южной Африке. О степени влияния на читателя может сказать и тот факт, что уже в начале 1900 года ежедневный тираж газеты «Daily Mail», впервые вышедшей в 1896 году, превысил миллион экземпляров, что на тот момент было рекордом для любой газеты в мире [4].

Особое место в освещении войны и формировании образа буров занимали иллюстративные журналы такие, как «The Illustrated London News» и сатирический «Punch». Гравюры, фотографии и другие визуальные материалы, «прибывающие из Южной Африки в изобилии», несли в себе мощный эмоциональный заряд, «помогая тем, кто живёт в спокойствии и комфорте, представить себе сцены, о которых они уже узнали из телеграммы или информационного бюллетеня» и часто закрепляли устойчивые стереотипы о бурах как «упорных, но примитивных» противников [1]. Исследования британской карикатуры данного периода позволяют увидеть, что на начальном этапе войны буров часто представляли в духе «благородного врага», мужественных фермеров, защищающих свою землю, однако по мере затягивания конфликта и роста британских потерь этот образ трансформировался в негативный [5]. При этом всевозможные визуальные репрезентации, использующиеся для закрепления образов «нецивилизованных» противников империи, были не менее важны, чем текстовые материалы, поскольку давали возможность транслировать идеологические послания даже малообразованным слоям населения. В то же время именно в них наиболее явно прослеживается объединение культурных традиций и визуальных образов, а также присвоение фотографии статуса доказательства «правдивости» и легитимности [5]. Распространенная идеологема о бурах «как благородных дикарях» находила свое отражение на страницах проправительственной британской периодической печати, которая писала, что война ведется для того, чтобы «цивилизовать» буров, связывая в общественном сознании африканеров и африканцев как нецивилизованные народы [6].

Публицистика отдельных видных фигур британской культуры усиливала многие представления и выступала в качестве пропаганды. Так, Артур Конан Дойл в работе «The War in South Africa: Its Cause and Conduct» (1902) обосновывал необходимость начала войны и покорения бурских республик как шага к прогрессу. Похожую позицию транслировал в своих работах и Редьярд Киплинг, использовавший своё литературное имя для оправдания войны и создания образа «необходимого завоевания» [6].

В то же время возникало некое противоречие использования, распространенного в британской колониальной политике, дискурса «бремени белого человека» и «цивилизаторской миссии». Буры во многих отношениях были очень похожи на любого другого белого европейца, они не были «иными» по расе или внешности, поэтому образы в прессе в основном пытались показать читателю разницу в поведении и образе жизни, стирая возникающее первоначально чувство «схожести». В этой риторике превращение в «другого» проходило не только по политическим признакам, но и культурному коду, где противопоставлялись представители «архаичного» аграрного государства и «современной» империи [2].

Интересным для сравнения представляется привлечение российской периодической печати исследуемого периода и выявление различий в формировании образа буров. В отечественной историографии широкий интерес к англо-бурской войне был связан как с общими антиколониальными настроениями, так и, возможно, с некоторыми попытками проведения параллелей между бурами и положением славянских народов на Балканах. Но, прежде всего, основной мотив этого интереса лежал в широком англо-русском противостоянии, в рамках которого российское правительство стремилось использовать ситуацию для ослабления Британии на международной арене [9]. Необходимо отметить, что становлению и закреплению англофобии как доминирующего дискурса в российском обществе в отношении к Британии способствовали противостояние в Крымской войне (1853-1856 гг.), враждебность и дипломатическая борьба во время Русско-турецкой войны (1877-1878 гг.), соперничество за сферы влияния в Средней Азии (т.н. «Большая игра») и другие эпизоды напряженных международных отношений второй половины XIX века [19].

Сопоставление британских и российских источников рубежа XIX-XX веков выявляет существенные различия в формировании образа буров. Если британские периодические издания постепенно смещали акценты от «упорного и благородного противника» к образу «варвара, противостоящего цивилизации», российская пресса конца XIX – начала XX века чаще представляла буров в позитивном ключе, как «малый, но свободолюбивый народ», сопротивляющейся имперской агрессии [17]. Можно утверждать, что отечественные периодические издания того времени (от либеральных «Русских ведомостей» до консервативных «Московских ведомостей») справедливо отражали общее настроение сочувственного отношения к бурам широких слоев российского общества [7]. Как мы видим, даже идеологически противоположные лагеря имели схожие негативные оценки британской политики в Южной Африке.

Большинство отечественных изданий, включая и «Вестник Европы», обвиняли англичан в развязывании войны, называли ее захватнической и видели истинную причину конфликта в стремление Британии к овладению богатыми рудниками, привлекавших английских предпринимателей и мешавших спокойно относиться к существованию самостоятельных бурских республик [16]. Так на страницах газеты «Новое время», притязания Англии оценивались как «разбойничьи», а политика – как «бесцеремонный грабеж». И даже несмотря на изменения в англо-российских отношениях в первые послевоенные годы образ Британии был негативным, часто она была изображена прессой в качестве «морской разбойницы» [16]. Отдельно стоит остановиться на издании «Новое время», главной задачей которого было обслуживание интересов российской дипломатии. Более того, газета выполняла роль альтернативного информационного канала для внешнеполитических кругов, позволявшего выражать позицию и предложения без ограничений официальной коммуникации. В этот период «дипломатия прессы» превращается в значимый рычаг международных отношений [18].

Особый интерес для исследователей представляют отличия в визуальных стратегиях. На страницах британских иллюстрированных изданий буры часто изображались в грубой, архаичной манере [5]. В российской же карикатуре, напротив, использовались образы, позволяющие находить общие черты и проводить параллели с привычными для аудитории социальными типами – русским крестьянином («мужиком») или казаком, усиливая тем самым сочувствие к африканерам в общественном сознании. Стоит отметить и политику двойных стандартов российской прессы, которая часто представляла буров как находчивых и хитрых воинов, умело применявших военные уловки и тактику партизанской войны, в то же время аналогичные же шаги со стороны англичан трактовались как проявление вероломства. Характерные в отечественной периодике симпатия к бурам и антагонизм по отношению к Британской империи не были изолированной российской национальной спецификой. Подобные представления разделяли многие европейские страны, где англофобские настроения были также сильно заметны. В Германии, Франции, Голландии пресса в противовес попыткам Англии принизить буров до уровня «дикарей» стремилась представить их идеализированными европейцами [6].

Выводы

Англо-бурская война (1899-1902 гг.) уникальна тем, что не только предвосхитила конфликты XX века [14], оказала влияние на развитие международного гуманитарного права, но и стала первым «медийным» конфликтом в истории, где периодическая печать играла ключевую роль в формировании общественного восприятия событий. Сравнительный анализ британских и российских репрезентаций буров демонстрирует, что образ «другого» можно рассматривать как продукт социально-политического конструирования, а не только как отражение и фиксацию общественных настроений. В Британии эти образы служили инструментами продвижения колониальной экспансии, закрепляя иерархические отношения между «цивилизованной» метрополией и «отсталыми» народами. Напротив, в России же буры изображались союзниками по духу, олицетворяющими идеалы свободы и сопротивления внешнему давлению. Подобные примеры позволяют считать медиа актором международных отношений, способным влиять на восприятие внешнеполитических событий массовой аудиторией.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00480, https://rscf.ru/project/25-18-00480/

Список источников

1. Drawn on the spot: War artists and the illustrated press // National Army Museum. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nam.ac.uk/explore/illustrated-press (дата обращения: 28.04.2025)

2. Kent K.S. Propaganda, Public Opinion, and the Second South African Boer War // Inquiries Journal/Student Pulse. 2013. № 5 (10).

3. Koss S. The Rise and Fall of the Political Press in Britain. Vol. 2: The twentieth century. London: Hamish Hamilton, 1984. 718 p.

4. Morgan K. The Boer War and the Media (1899-1902) // Twentieth Century British History. 2002. № 13. P. 1 – 16.

5. Popple S. From "Brother Boer" to "Dirty Boers": Colonizing the colonizers through the popular representations of the Boer in the British illustrated journal 1899-1902 // Journal of War & Culture Studies. 2012. № 5 (2). P. 137 – 156.

6. Smith M. The Boers and the Anglo-Boer War (1899-1902) in the twentieth-century moral imaginary // Victorian Literature and Culture. 2003. № 31 (2). P. 429 – 446.

7. Англо-бурская война 1899-1902 годов: опыт и перспективы исследования: колл. монография. М.: Институт Африки РАН, 2023. 372 с.

8. Антонова Л.В. От «решительной враждебности» к «сердечному согласию»: “The Times” об эволюции образа Британии в российской печати начала XX в. // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9. № 1 (33). С. 145 – 164.

9. Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 31 – 51.

10. Егоров А.М., Егоров И.А. Административное устройство и система управления британских колоний в Вест-Индии // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 2. С. 117 – 122.

11. Егоров А.М., Егоров И.А. Особенности взаимодействия отечественных спецслужб на северо-западе Российской империи в условиях Первой мировой войны // Метаморфозы истории. 2023. № 28.

12. Егоров А.М., Егоров И.А. Философия войны через призму политико-правовых доктрин: проблема интерпретации // Человек и общество в культурно-цивилизационном измерении / Псковский государственный университет. Псков: Псковский государственный университет, 2021. С. 14 – 20.

13. Егоров А.М., Егоров И.А. Философский анализ современных войн: соотношение теоретических подходов // Трансформация современной войны: Материалы II Всероссийской научной конференции, Омск, 21 октября 2022 года. Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2022. С. 63 – 69.

14. Егоров И.А., Егоров А.М. Имагология холодной войны: «свои» и «чужие» в массовой культуре 1980-х гг. // Метаморфозы истории. 2025. № 35.

15. Егоров И.А., Егоров А.М. Образы «холодной войны» и их отражение в современной массовой культуре // Метаморфозы истории. 2025. № 36.

16. Кривоногова С.А. Англо-бурская война и эволюция образа Англии в российском общественном сознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 9 (226). С. 31 – 33.

17. Петухов Л. Образ чужого: Джон Буль и русская политическая сатира периода англо-бурской войны // Историк и художник. 2007. № 1. С. 40 – 54.

18. Петухов Л.А. Между варварством и цивилизацией: англо-бурская война на страницах российского внешнеполитического официоза // Отечественная история. 2007. № 1. С. 116 – 125.

19. Фролов В.В. Образ Великобритании на страницах военного периодического издания "Летопись войны 1914-1917 гг." в первые годы Первой мировой войны (1914-1915 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 2. С. 129 – 132.

References

1. Drawn on the spot: War artists and the illustrated press. National Army Museum. [Electronic resource]. URL: https://www.nam.ac.uk/explore/illustrated-press (date of access: 04.28.2025)

2. Kent K.S. Propaganda, Public Opinion, and the Second South African Boer War. Inquiries Journal/Student Pulse. 2013. No. 5 (10).

3. Koss S. The Rise and Fall of the Political Press in Britain. Vol. 2: The twentieth century. London: Ham-ish Hamilton, 1984. 718 p.

4. Morgan K. The Boer War and the Media (1899-1902). Twentieth Century British History. 2002. No. 13. P. 1 – 16.

5. Popple S. From "Brother Boer" to "Dirty Boers": Colonizing the colonizers through the popular representations of the Boer in the British illustrated journal 1899-1902. Journal of War & Culture Studies. 2012. No. 5 (2). P. 137 – 156.

6. Smith M. The Boers and the Anglo-Boer War (1899-1902) in the twentieth-century moral imaginary. Victorian Literature and Culture. 2003. No. 31 (2). P. 429 – 446.

7. The Anglo-Boer War of 1899-1902: Experience and Research Prospects: Collected Works. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. 372 p.

8. Antonova L.V. From "resolute hostility" to "cordial agreement": "The Times" on the evolution of the image of Britain in the Russian press at the beginning of the 20th century. Journal of Frontier Studies. 2024. Vol. 9. No. 1 (33). P. 145 – 164.

9. Davidson A.B., Filatova I.I. The Anglo-Boer War and Russia. Modern and Contemporary History. 2000. No. 1. P. 31 – 51.

10. Egorov A.M., Egorov I.A. Administrative structure and system of governance of the British colonies in the West Indies. Historical Bulletin. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 117 – 122.

11. Egorov A.M., Egorov I.A. Features of the interaction of domestic special services in the north-west of the Russian Empire during the First World War. Metamorphoses of History. 2023. No. 28.

12. Egorov AM, Egorov IA Philosophy of war through the prism of political and legal doctrines: the problem of interpretation. Man and society in the cultural and civilizational dimension. Pskov State University. Pskov: Pskov State University, 2021. P. 14 – 20.

13. Egorov AM, Egorov IA Philosophical analysis of modern wars: the relationship of theoretical approaches. Transformation of modern war: Proceedings of the II All-Russian scientific conference, Omsk, October 21, 2022. Omsk: Omsk Armored Engineering Institute, 2022. P. 63 – 69.

14. Egorov IA, Egorov AM Imagology of the Cold War: "Ours" and "Them" in the Mass Culture of the 1980s. Metamorphoses of History. 2025. No. 35.

15. Egorov I.A., Egorov A.M. Images of the "Cold War" and their Reflection in Modern Mass Culture. Metamorphoses of History. 2025. No. 36.

16. Krivonogova S.A. The Anglo-Boer War and the Evolution of the Image of England in the Russian Public Consciousness. Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities. 2011. No. 9 (226). P. 31 – 33.

17. Petukhov L. The Image of the Alien: John Bull and Russian Political Satire of the Anglo-Boer War Period. Historian and Artist. 2007. No. 1. P. 40 – 54.

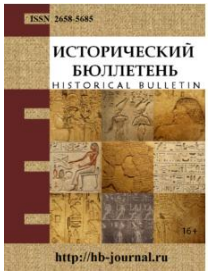
18. Petukhov L.A. Between barbarism and civilization: the Anglo-Boer War on the pages of Russian foreign policy officialdom. Domestic history. 2007. No. 1. P. 116 – 125.

19. Frolov V.V. The image of Great Britain on the pages of the military periodical "Chronicle of the war of 1914-1917" in the early years of the First World War (1914-1915). Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2021. No. 2. P. 129 – 132.

Информация об авторе

Егоров И.А., научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности», ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0400-9446, Псковский государственный университет, 180000, Псковская область, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, tribunus.laticlavius@mail.ru

© Егоров И.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47):001.32

Взаимоотношения новгородского общества любителей древности с музеем допетровского искусства и быта в контексте археологического изучения Новгорода

[1] Заровнятных Е.В.,
[1] Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Аннотация: целью статьи является изучение взаимоотношений Музея допетровского искусства и быта (МДИБ) с Новгородским обществом любителей древности (НОЛД) в период историко-археологических экспедиций руководителя Музея Н.К. Рериха на Новгородскую землю 1898-1914 гг. Исследование проблемы на материале двух означенных учреждений позволит проанализировать ряд аспектов механизма сотрудничества между дореволюционными научными обществами. В работе проводится анализ предпосылок сотрудничества МДИБ и НОЛД, процесса подготовки к археологическим раскопкам, юридического оформления работ, их производства и свертывания. В ходе исследования установлены причины конфликта между учреждениями и прекращения работ. Сделаны выводы о слабости юридической стороны оформления совместных раскопок и о полном отсутствии организационной стороны дела. Непроработанность правовых норм охраны памятников и археологических исследований в дореволюционном законодательстве отразилась и на взаимоотношениях между организациями. Непрофессиональная постановка работы, ограниченность материальных и кадровых ресурсов добровольных обществ привели к последующему сокращению гражданских инициатив и огосударствлению в области научно-исследовательских проектов в конце 1920-х гг. Практическое применение статьи состоит в возможности ее использования для подготовки краеведческих пособий, экскурсионных материалов, а также научных работ по истории дореволюционных археологических обществ.

Ключевые слова: НОЛД, Н.К. Рерих, Новгород, дореволюционная археология, культурное наследие, Новгородский кремль, Музей допетровского искусства и быта

***Для цитирования**: Заровнятных Е.В. Взаимоотношения новгородского общества любителей древности с музеем допетровского искусства и быта в контексте археологического изучения Новгорода // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 61 – 67.*

Поступила в редакцию: 7 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The relationship of the Novgorod Society of Antiquities Lovers with the Museum of Pre-Petrine Art and Everyday Life in the context of the archaeological study of Novgorod

[1] Zarovnyatnykh E.V.,
[1] St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the purpose of the article is to study the relationship between the Museum of Pre-Petrine Art and Everyday Life (Museum) and the Novgorod Society of Antiquities Lovers (NSAL) during the period of historical and archaeological expeditions of the Museum's head Nicholas Roerich to the Novgorod land in 1898-1914. The study of the problem based on the material of the two mentioned institutions will allow analyzing a number of aspects of the mechanism of cooperation between pre-revolutionary scientific societies. The paper analyzes the prerequisites for cooperation between the Museum and the NSAL, the process of preparation for archaeological excavations, the legal registration of works, their production and curtailment. The study established the causes of the conflict between the institutions and the termination of work. Conclusions are drawn about the weakness of the legal side of the design of joint excavations and the complete absence of the organizational side of the case. The lack of elaboration of legal norms for the protection of monuments and archaeological research in pre-revolutionary legislation also affected the relationship between organizations. The unprofessional formulation of the work, the limited material and human resources of scientific societies led to a subsequent reduction in civic initiatives and the nationalization of research projects in the late 1920s. The novelty of the work lies in the fact that the problems of the relationship between these two organizations have been comprehensively analyzed for the first time in this study. The practical application of the article consists in the possibility of its use for the preparation of local history manuals, excursion materials, as well as scientific papers on the history of pre-revolutionary archaeological societies.

Keywords: Novgorod Society of Antiquities Lovers, N.K. Roerich, Novgorod, pre-revolutionary archaeology, cultural heritage, Novgorod Kremlin, Museum of Pre-Petrine Art and Everyday Life

***For citation**: Zarovnyatnykh E.V. The relationship of the Novgorod Society of Antiquities Lovers with the Museum of Pre-Petrine Art and Everyday Life in the context of the archaeological study of Novgorod. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 61 – 67.*

The article was submitted: July 7, 2025; Approved after reviewing: September 5, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Эпоха Николая II характерна развитием государственных и общественных инициатив в области изучения и охраны памятников культурного наследия Древней Руси. В данный период активно расширялась сеть региональных научных обществ и губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), а местные краеведы активно сотрудничали со столичными профессорами и академиками. В период с 1896 по 1911 гг. состоялось 6 Всероссийских Археологических съездов (АС), последний из которых прошел в Новгороде в 1911 г. Задолго до Съезда история, культура и искусство древнего Новгорода стали предметом интереса научных кругов и интеллигенции в целом. Город привлекал как отечественных, так и зарубежных исследователей, художников, литераторов. Изучение взаимоотношений между научными обществами и столичными учеными позволит осветить важные аспекты научной и культурной жизни эпохи.

Особый интерес к Новгороду Н.К. Рерих – известный русский живописец, академик Императорской Академии художеств, путешественник и исследователь – стал проявлять в период организации Музея допетровского искусства и быта (МДИБ). В конце XIX – нач. XX вв. исследования Н.К. Рериха были направлены на восстановление истории и культуры Новгорода, осмысление исторического прошлого Новгородской земли и народов, населявших её. В этом смысле его устремления полностью совпадали с целями местной научной общественной организации – Новгородского общества любителей древности (НОЛД).

Материалы и методы исследований

Источниковой базой работы являются документы из фондов Отдела письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ), Государственного архива Новгородской области (ГАНО), Сборники научных трудов НОЛД, мемуары Н.К.

Рериха, документы XV АС. В литературе имеются лишь отрывочные указания на факт сотрудничества МДИБ и НОЛД. Конфликт между учреждениями затрагивается в небольшой публицистической статье С.В. Трояновского [16]. Авторы монографии «Н.К. Рерих-археолог» указывают, что «в Новгороде Н.К. Рерих столкнулся с немалыми трудностями. Новгородское общество любителей древностей, по существу, не выполнило своих обязательств, связанных с организацией археологических исследований в городе» [4, с. 43]. П.Г. Гайдуков и Н.Н. Жервэ лишь указывают, что «отношения с НОЛД не сложились и 28 июля раскопки были прекращены» [1, с. 310]. Таким образом, проблема остается практически неизученной.

Методология настоящего исследования включает в себя следующие элементы: 1) источниковедческий анализ, позволяющий оценить информационное наполнение документа и степень объективности его содержания; 2) палеографический анализ, позволяющий установить авторство анонимных рукописных бумаг и реконструировать текст документа; 3) критический анализ, позволяющий выявить возможные искажения или предвзятые мнения авторов, а также установить контекст возникновения документа; 4) хронологический принцип, благодаря которому устанавливаются причинно-следственные связи и события помещаются в исторический контекст времени.

Результаты и обсуждения

Первые археологические пробы Н.К. Рериха на Новгородской земле относятся к 1898 г. В очерке «На кургане» [12, с. 65-82] автор рассказывает об исследовательской поездке по территориям бывшей Водской пятины Новгородской земли, описывает изученные курганы, ссылается на труды А.А. Спицына. Из местных, новгородских археологов-краеведов автор никого не упоминает, указывая, что в деле исследования данных земель «первое место заслуженно принадлежит ныне покойному прозектору Военно-Медицинской Академии Л.К. Ивановскому» [12, с. 67]. Хотя, вполне допустимо, что Н.К. Рерих уже тогда знал о существовании НОЛД. Председателем Общества в 1897-1898 гг. являлся архимандрит Дмитрий (Сперовский) [5, л. 16], впоследствии коллега Н.К. Рериха по другой организации – Обществу возрождения художественной Руси (ОВХР), членами-учредителями которого они оба являлись [17].

Сохранились данные о раскопках Н.К. Рериха 1899 г. в районе села Дубровны на р. Шелони [11, с. 74]. В «путевом очерке» видна озабоченность Н.К. Рериха состоянием ряда памятников Новгорода и отношением к этому местных жителей и властей: «Чем ближе продвигались мы к Новугороду <…>, тем сильней и сильней овладевало нами какое-то разочарование. Разочаровал нас вид Кремля <…> разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места» [11, с. 78]. Также имеются сведения [4, с. 16-22] о раскопках 1902 г., проведенных Н.К. Рерихом 1) в районе с. Кончанского (Боровичского уезда); 2) у оз. Пирос и оз. Мстино (Валдайского уезда); 3) в Крестецком уезде; 4) в р-не с. Полищи (Окуловской волости). Работы ознаменовались обнаружением значительного количества древних ювелирных украшений и бытовых предметов. Вдоль русла р. Вельгии Н.К. Рерих обнаружил около 20 курганов. Впоследствии, как сообщил краевед Г.И. Ивановский, почти все курганы были разрушены [2, с. 231]. Собранная Н.К. Рерихом коллекция археологических древностей навела художника на мысль о необходимости создания специального Музея допетровского искусства и быта.

В документах НОЛД имя Н.К. Рериха впервые упоминается в статье от 14 ноября 1909 г. «Карельские жальники» [13, с. 2-10] И.В. Аничкова, члена правления НОЛД с 7 апреля 1908 г. [6, л. 1]. Автор указал, что «сведения о жальниках, благодаря раскопкам археологов В.Н. Глазова и Н.К. Рериха, в Новгородской и Псковской губерниях, значительно пополнились, и мы имеем достаточно данных, чтобы иметь представление о значении жальнических погребений, являющихся остатками прошлого в погребальных обрядах русского народа» [13, с. 2]. В результате раскопок 1898 г. в Порховском и Валдайском уездах было выделено 6 типов «жальничных погребений» [13, с. 4]: 1) большой каменный круг, 2) малый каменный круг, 3) четырехугольник, 4) овал, 5) смешанный тип, 6) поздний тип (захоронения без камня). И.В. Аничков заключил, что полевые факты, сообщенные Н.К. Рерихом, подтверждают гипотезу почетного члена НОЛД профессора Н.В. Покровского о том, «что жальники, служившие в языческие времена могильниками, обращались с принятием христианства в кладбища» [13, с. 6].

НОЛД, заинтересованное в активном участии во всех археологических работах по Новгороду и губернии, искало поддержки со стороны столичных археологических центров. В начале 1910 г. запросы НОЛД к Императорской Археологической Комиссии (ИАК) о выдаче субсидии на археологические раскопки не увенчались успехом [7, л. 1]. Однако Новгородская Городская Дума (НГД) пошла навстречу Обществу и бесплатно выделила на 1910 – 1911 гг. для раскопок участок в Кремле около Спасской башни [7, л. 1 об.] – между Пискуплей улицей и восточным пряслом стены [10, л. 219 об.]. На данном участке планировалась по-

стройка Реального училища, в связи с чем НГД искала производительных сил в лице НОЛД для исследования земли в археологическом отношении [10, л. 231]. Согласием на совместное проведение раскопок ответила Комиссия по устройству МДИБ, возглавляемая Н.К. Рерихом.

Переписка с Комиссией МДИБ началась по инициативе члена НОЛД Л.Н. Целепи в первом квартале 1910 г. В ходе переговоров каждая из организаций составила свой перечень условий совместных работ. В письме от 28 марта 1910 г. Н.К. Рерих сообщил условия Комиссии МДИБ [10, л. 217 об.]: 1) исследование производится под наблюдением Комиссии, состоящей из пяти членов от МДИБ и пяти членов от НОЛД; председателем соединенной Комиссии состоит председатель Комиссии МДИБ (т.е. Н.К. Рерих – Е.З.); 2) средства для исследования состоят из 1000 руб. от Комиссии МДИБ и из средств, ассигнуемых НОЛД (сумма не указана – Е.З.); 3) предметы, найденные при исследовании, передаются в МДИБ, временно помещающийся в здании Академии Наук. Дублеты и предметы равноценного значения, а также «вещи громоздкие» могут быть помещены по усмотрению НОЛД; 4) «хлопоты по исходатайствованию» разрешения на право производства раскопок берет на себя Комиссия МДИБ, а НОЛД принимает на себя все переговоры с местной администрацией; 5) Комиссии предоставляется право приглашать для участия в исследованиях лиц, способных оказать пользу своим личным участием; 6) в Комиссию по исследованию Новгородского Детинца со стороны МДИБ избраны: Н.К. Рерих, В.А. Плотников, А.Е. Элкин, Б.К. Рерих, Н.Е. Макаренко.

На заседании НОЛД 29 марта 1910 г. М.В. Муравьев огласил условия НОЛД [7, л. 6]: 1) Все найденные в ходе раскопок древности должны быть разделены на две равноценные части, одна из которых останется в ведении НОЛД, а другая будет передана в организуемый Н.К. Рерихом Музей; 2) надлежит организация двух комиссий: от НОЛД из пяти человек и от МДИБ из того же числа членов, причем во главе соединенной Комиссии из 10 человек решено поставить Н.К. Рериха; 3) в комиссию от НОЛД избраны: С.К. Матвеевский, Л.Н. Целепи, И.С. Романцев, М.В. Муравьев, А.И. Конкордин, а также кандидатами – А.И. Анисимов и И.В. Аничков; 4) со своей стороны финансирование раскопок НОЛД постановило осуществить за счет средств (150 руб.), выделенных Белозерским и Демянским уездными земскими собраниями на проведение XV АС, а также ходатайствовать о выделении дополнительной суммы из активов Новгородского Предварительного Комитета (НПК) по подготовке Съезда.

В целом стороны приняли встречные условия за исключением п. 3 условий МДИБ о разделении находок. Так, М.В. Муравьев писал Н.К. Рериху 3 апреля 1910 г. о том, что «некоторое разногласие представляет только вопрос о принадлежности находок, но <…> по этому вопросу вполне достижимо соглашение на заседании смешанной Комиссии, а повторное их обсуждение в каждом из Обществ порознь только затянет разрешение вопроса и отложит работу» [10, л. 219]. В ответ Н.К. Рерих 5 апреля 1910 г. кратко телеграфировал: «Будем в Новгороде в воскресенье одиннадцатого. Просим собрать заседание Комиссии в восемь вечера» [10, л. 216]. Данных о состоявшемся заседании и корректировке «условий» раскопок не обнаружено. В письме Городской управе от 20 мая 1910 г. М.В. Муравьев высказал мысль, что все археологические находки по действующему закону должны быть представлены на обозрение ИАК, которая и распорядится их дальнейшим распределением. Пункт условий МДИБ о передаче предметов Музею М.В. Муравьев назвал «фикцией» [3, л. 72 об.]. Таким образом, важный вопрос о принадлежности будущих находок остался неурегулированным в юридическом отношении. Этот факт упустил из внимания С.В. Трояновский, посчитав, что соглашение было достигнуто [16, с. 5].

Н.К. Рерих искал в лице НОЛД организацию, способную координировать работу на месте, поэтому был расположен к сотрудничеству с Обществом. Об этом говорит и тот факт, что в мае того же года он присоединился к протесту НОЛД против передачи «27 сажен» Городского земляного вала в пользу 22-ой артиллерийской бригады «для постройки на его месте офицерского собрания» [14, с. 164]. Подробное обоснование того, что земляной вал является памятником истории и археологии и не может предоставляться под застройку, было опубликовано НОЛД с упоминанием позиции Н.К. Рериха. Тогда же, в мае 1910 г., Н.К. Рерих известил М.В. Муравьева об избрании последнего на должность Товарища Председателя соединенной Комиссии по проведению раскопок в Детинце [10, л. 230 об.].

После нерезультативных проб на Рюриковом Городище Н.К. Рерих, исходя из соображений экономии средств и времени, выбрал участок наиболее перспективный для исследования. «Ясно, что на первую тысячу мы не можем вскрыть многое. Хочется захватить поудобнее, повернее», – писал председатель Комиссии [16, с. 6]. В результате группа МДИБ приняла решение сменить участок и перенесла работы к южной стене Де-

тинца, между башнями Кокуй и Княжой. Тем временем на оговоренном участке, за Андреевской церковью, были произведены пробы, осуществленные Городской управой в целях изучения почвы под постройку фундамента Реального училища. Как сообщалось Управой, вырытые ямы «носили чисто технический характер» [16, с. 6]. НОЛД не увидело в этом помехи для археологических исследований, но Н.К. Рерих отказался копать на данном участке. Смена участка послужила первым поводом для конфликта.

Другой причиной осложнения отношений стал вопрос размещения группы МДИБ в Новгороде. Задолго до начала июльских раскопок, Н.К. Рерих обратился к НОЛД с просьбой о предоставлении квартиры для рабочей группы. Так, 24 апреля он писал М.В. Муравьеву следующее: «мы натолкнулись на вопрос о помещении, т.к. при гостинице будет тягостно. Не найдется ли возможным губернатору или городскому управлению предоставить нам помещение для остановки. Для Н.Г. Макаренко это обстоятельство очень важно» [10, л. 229]. С той же просьбой обратился 22 июня 1910 г. к председателю НОЛД и сам Н.Е. Макаренко [10, л. 233]. Однако для группы петербургских исследователей помещения подготовлено так и не было, что впоследствии НОЛД признало как свой просчет.

Далее обстоятельства складывались весьма неблагоприятно для общего дела. Встреча Комиссии МДИБ в Новгороде должным образом не состоялась. В городе отсутствовали главные организаторы со стороны НОЛД: М.В. Муравьев, С.К. Матвеевский, И.В. Аничков, А.И. Анисимов, а А.И. Конкордин был занят делами в духовной консистории [10, л. 226 об.]. В Новгороде из членов Комиссии НОЛД находился только И.С. Романцев. Последний с сожалением писал 18 июля 1910 г. М.В. Муравьеву, пребывавшему у себя в имении: «Недовольство большое – и квартиры не подписали мы и рабочих-арестантов насилу достали они (а должны были мы) и средства от Предварительного Комитета будут ли – не выяснили <…> вообще – неладно идет дело» [10, л. 224]. 28 июля, И.С. Романцев сообщил М.В. Муравьеву, что Н.К. Рерих и почти вся группа МДИБ покинула Новгород. «От такого поведения “знаменитых иностранцев” я потерял голову», – заключил И.С. Романцев [10, л. 226 об.]. Кроме того, отправитель указал, что Б.К. Рерих (брат Н.К.) просил принять меры к устройству кровли над местом раскопок. При этом Б.К. Рерих сообщил, что денег у петербургской группы на эту работу нет. Обществом средств выделено не было, и траншеи остались без кровли. «Рерих и К° так игнорировали местную группу, – писал И.С. Романцев, – (все делали одни, без Комиссии, на нашем участке не копали), с находками не познакомили, не оставили даже чернового перечня их, вообще говоря, так странно вели себя, что я сомневаюсь, надо ли нам соблюдать все обязательства, раз другая сторона не соблюдала их решительно» [10, л. 227]. В итоге группа МДИБ покинула Новгород, траншеи были зарыты, а все археологические находки увезены в Петербург.

В газете «Новое время» № 12351 от 1 августа 1910 г. появилась заметка, где говорилось, что раскопки в Новгородском Кремле, «так удачно начатые акад. Рерихом и художником Макаренко, должны были прекратиться, так как Новгородское Общество любителей древности, участвовавшее в половинных затратах, не изыскало средств для исследования Кремля и, кроме того, не уберегло Кремль от ненаучных раскопок, сделанных Городскою управою с ведома архивной комиссии» [10, л. 232]. По возвращении в Новгород из своего имения М.В. Муравьев ознакомился с положением дел. Выставление НОЛД в невыгодном свете озадачило председателя, и он решил обратиться к Н.К. Рериху с просьбой, чтобы последний в печати разъяснил ситуацию [10, л. 241]. Однако глава МДИБ от письменных объяснений уклонился [8, л. 4].

В марте 1911 г. к М.В. Муравьеву приезжал секретарь Комиссии МДИБ Н.Е. Макаренко. В ходе своего визита секретарь внес предложение считать совместные раскопки 1910 г. несостоявшимися, и предложил передать НОЛД половину обнаруженных находок, а также сообщил готовность Комиссии продолжить совместную с НОЛД работу летом 1911 г. Мнения в Обществе разделились, и соглашение о совместной работе с МДИБ было поставлено на голосование. Большинством голосов (22 против 5) решено возобновить сотрудничество с МДИБ на условиях 1910 года с учетом согласия МДИБ на разделение находок [8, л. 7]. Однако далее нить событий прервалась. Известно, что в 1911 г. Н.К. Рерих был направлен в качестве делегата от Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО) на XV АС. Его «Доклад “Исследование южной части Новгородского детинца” был заявлен в программе, но не прочитан» [1, с. 311].

Летом 1913 г. Б.К. Рерихом были вывезены из Новгорода и переданы ИРВИО планы Кремля 30-х гг. XIX в., «представляющие значительный интерес для изучения Детинца того времени» [15, с. 183]. Член НОЛД инженер-строитель Р.Р. Эргле сообщил, что губернский инженер Ф.Т. Куратов выдал Б.К. Рериху чертежи на кратковременный просмотр, причем последний обещал вернуть их

«через два-три часа». Однако «прошло много часов, дней и недель. Рериха давно уже не было в Новгороде, не было и чертежей» [9, л. 1 об.]. Совет ИРВИО объяснил ситуацию следующим образом: «Летом минувшего года, командированным <…> в составе экспедиции по изучению и описанию древнего Новгородского Детинца, Б.К. Рерихом были взяты десять планов названного Детинца начала XIX столетия, каковые и переданы нам в Разряд военной археологии и археографии Общества. Разряд, приступая к изданию трудов помянутой экспедиции, <…> вошел с ходатайством об оставлении означенных планов в его распоряжении» [9, л. 1 об.]. Правление НОЛД обратилось с просьбой к ИРВИО о возвращении в Новгород означенных чертежей. Но ходатайство не получило хода, и чертежи Детинца остались в распоряжении ИРВИО.

Выводы

В заключении следует выделить следующие недочеты, приведшие к свертыванию работ и прекращению сотрудничества между МДИБ и НОЛД. Со стороны НОЛД: 1) отсутствие стремления к изысканию денежных средств для финансирования раскопок (150 руб. против 1000 руб. от МДИБ); 2) непредоставление оговоренного помещения (квартиры) для рабочей группы МДИБ; 3) непредоставление оговоренных рабочих сил для производства раскопок; вынуждение Комиссии МДИБ самостоятельно искать и нанимать «рабочих-арестантов»; 4) отъезд из Новгорода большего числа ответственных организаторов Комиссии НОЛД в период работ; 5) отказ взять под свою охрану траншеи; отказ в постройке кровли. Со стороны МДИБ: 1) смена оговоренного участка для проведения раскопок без согласования с НОЛД; 2) начало и окончание работ без извещения Комиссии НОЛД; 3) изъятие всех находок в пользу МДИБ (против п. 3 «условий» МДИБ и п. 1 «условий» НОЛД); 4) сокрытие полевых журналов и результатов исследований; 5) вывоз Б.К. Рерихом из Новгорода планов Кремля 30-х гг. XIX в. и передача их ИРВИО. Таким образом, очевидно несоблюдение обязательств как со стороны новгородских, так и петербургских исследователей.

На примере взаимоотношений МДИБ и НОЛД видна слабость юридической стороны оформления археологических и памятникоохранных работ в начале XX в., а также отсутствие их должной организации. Задействованные учреждения (НОЛД, МДИБ, ИАК, ГУАК, Городская управа) продемонстрировали отсутствие слаженности действий, недостаток контроля и планирования работ, ограниченность материальных и кадровых ресурсов, стремление перехватить инициативу на себя в ущерб общему делу. Означенные недостатки общественных учреждений привели впоследствии к свертыванию гражданских инициатив и огосударствлению научно-исследовательских проектов в конце 1920-х гг. в условиях требований времени к интенсивному научному и промышленному развитию.

Список источников

1. XV Археологический съезд в Новгороде. 1911. Путеводитель / Сост.: П.Г. Гайдуков, Н.Н. Жервэ. М., 2011. 328 с.

2. Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Выпуск 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.). М., Псков: ИА РАН, 2018. 376 с.: ил.

3. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 104 Оп. 1. Связка К. 46. Д. 1410. Дело о подготовке к предстоящему в г. Новгороде XV археологическому съезду в 1911 году. 25.06.1908 11.07.1912.

4. Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. Н.К. Рерих-археолог / Отв. ред. В.Е. Ларичев; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. 115 с. : ил., цв. ил., портр.

5. Отдел письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 7. Протоколы заседаний НОЛД 1894-1895, 1898 гг. 11 док. 16 лл.

6. ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 19. Журналы заседаний НОЛД за апрель-декабрь 1908 г. 7 док. 18 лл.

7. ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 22. Журналы заседаний НОЛД о раскопках в Детинце, 1911 г. 2 док. 8 лл.

8. ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 23. Журналы заседаний НОЛД об открытии фресок в ц. Федора Стратилата, 1911 г. 7 док. 19 лл.

9. ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 47. Сообщение инженера-строителя о передаче Б.К. Рерихом чертежей кремля в ИРВИО, 11 апреля 1914 г. 1 док. 2 лл.

10. ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 141. Устав НОЛД и переписка с археологическими обществами, 1910 г. 172 док. 245 лл.

11. Полякова, Е.И. Николай Рерих. М.: Искусство, 1985. 304 с., 22 л. ил., портр.

12. Рерих Н.К. Духовные сокровища: философские очерки и эссе. Москва: Эксмо, 2015. 768 с.
13. Сборник НОЛД. Новгород, Вып. III. Февраль 1910 г.
14. Сборник НОЛД. Новгород, Вып. IV. Март 1911 г.
15. Сборник НОЛД. Новгород, Вып. VII. Июль 1914 г.
16. Трояновский С.В. Раскопки в Новгородском кремле. История о том, как Н.К.Рерих с новгородцами поссорился // Чело. Альманах Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1996. № 1 (8). С. 5 – 7.
17. Archive.today [Электронный ресурс]: сайт. URL: https://archive.ph/TXeX (дата обращения: 12.05.2025)

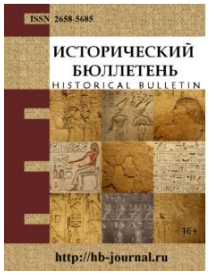
References

1. The 15th Archaeological Congress in Novgorod. 1911. Guide.Comp.: P.G. Gaidukov, N.N. Zherve. Moscow, 2011. 328 p.
2. Archaeology and history of Pskov and the Pskov land: Yearbook of the Seminar named after Academician V.V. Sedov. Issue 33. Materials of the 63rd meeting (2017). Moscow, Pskov: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2018. 376 p.: ill.
3. State Archives of the Novgorod Region (GANO). F. 104 Op. 1. Bundle K. 46. D. 1410. File on preparations for the upcoming 15th archaeological congress in Novgorod in 1911. 25.06.1908 11.07.1912.
4. Lazarevich O.V., Molodin V.I., Labetsky P.P. N.K. Roerich the Archaeologist.Ed. V.E. Larichev; Rus. Acad. Sci. Siberian Branch. Institute of Archaeology and Ethnography. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2002. 115 p. : ill., color ill., port.
5. Department of Written Sources of the Novgorod State United Museum-Reserve (OPI NGOMZ). F. 6. Op. 1. Unit. 7. Minutes of the NOLD meetings 1894-1895, 1898. 11 doc. 16 pp.
6. OPI NGOMZ. F. 6. Op. 1. Unit 19. Minutes of the meetings of the NOLD for April-December 1908. 7 doc. 18 pp.
7. OPI NGOMZ. F. 6. Op. 1. Unit 22. Minutes of the meetings of the NOLD on excavations in Detinets, 1911. 2 doc. 8 pp.
8. OPI NGOMZ. F. 6. Op. 1. Unit 23. Minutes of the meetings of the NOLD on the discovery of frescoes in the Church of Theodore Stratilates, 1911. 7 doc. 19 pp.
9. OPI NGOMZ. F. 6. Op. 1. Unit 47. Message from a civil engineer about B.K. Roerich's transfer of the Kremlin drawings to IRVIO, April 11, 1914. 1 doc. 2 pp.
10. OPI NGOMZ. F. 6. Op. 1. Unit. 141. Charter of NOLD and correspondence with archaeological societies, 1910. 172 doc. 245 pp.
11. Polyakova, E.I. Nicholas Roerich. Moscow: Iskusstvo, 1985. 304 pp., 22 pp. ill., port.
12. Roerich, N.K. Spiritual Treasures: Philosophical Essays and Sketches. Moscow: Eksmo, 2015. 768 pp.
13. Collection of NOLD. Novgorod, Issue Ⅲ. February 1910
14. Collection NOLD. Novgorod, Issue Ⅳ. March 1911
15. Collection NOLD. Novgorod, Issue Ⅶ. July 1914
16. Troyanovsky S.V. Excavations in the Novgorod Kremlin. The story of how N.K. Roerich quarreled with the Novgorodians. Chelo. Almanac of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Novgorod, 1996. No. 1 (8). P. 5 – 7.
17. Archive.today [Electronic resource]: website. URL: https://archive.ph/TXeX (date of access: 12.05.2025)

Информация об авторе

Заровнятных Е.В., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-4169-5937, SPIN-код: 6519-8971, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7, evzarov@mail.ru

© Заровнятных Е.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(9)

Республиканско-монархическая дискуссия в Австралии середины XX века, на примере спора в газете «Канберра Таймс»

[1] Тихомиров П.Б.,
[1] Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н Ельцина

Аннотация: в статье рассматривается вопрос формирования республиканско-монархической дискуссии в прессе 1960-х гг. Представлен ретроспективный анализ проблемы формирования австралийского самосознания в разных политических течениях. Автор проводит анализ политических настроений в прессе, на примере статей газеты «Канберра Таймс» за авторством её читателей. акцентируя, при этом, основные черты австралийского республиканизма и монархизма, с помощью статей известных публицистов и журналистов Д. Хорна (1921-2005), Дж. П. Даттона (1922-1998) и П. Коулмена (1928-2019). Сравнительный анализ выше приведённых точек зрения, позволил автору прийти к выводу о том, что противостояние двух направлений оказало позитивное влияние на формирование австралийской социально-политической дискуссии и национального самосознания.

Ключевые слова: Австралия, республика, республиканизм, монархия, монархизм, пресса, публицистика, социально-политическая сфера

***Для цитирования**: Тихомиров П.Б. Республиканско-монархическая дискуссия в Австралии середины XX века, на примере спора в газете «Канберра Таймс» // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 68 – 73.*

Поступила в редакцию: 8 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The republican-monarchical debate in mid-20th century Australia, illustrated by The Canberra Times dispute

[1] Tikhomirov P.B.,
[1] Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: the article examines the formation of the republican-monarchist debate in the press of the 1960s. It presents a retrospective analysis of the problem of Australian self-awareness development within different political movements. The author analyzes political sentiments in the press using the example of articles from "The Canberra Times" written by its readers, highlighting the main features of Australian republicanism and monarchism through the works of renowned publicists and journalists D. Horne (1921-2005), G. P. Dutton (1922-1998), and W. P. Coleman (1928-2019). A comparative analysis of the aforementioned perspectives led the author to conclude that the confrontation between these two movements had a positive impact on the formation of Australian socio-political discourse and national identity.

Keywords: Australia, republic, republicanism, monarchy, monarchism, press, journalism, socio-political sphere

***For citation**: Tikhomirov P.B. The republican-monarchical debate in mid-20th century Australia, illustrated by The Canberra Times dispute. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 68 – 73.*

The article was submitted: July 8, 2025; Approved after reviewing: September 6, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

За всю историю Австралии вопрос о переходе к республике всерьёз и публично поднимался несколько раз. Несмотря на то что Австралия по сей день сохраняет верховную власть монарха, республиканизм и сопутствующие ему идеи становились основой австралийского политического мышления в разные периоды истории [10, с. 4]. Республиканцы 1880-х годов отстаивали идею конституционной федеративной республики [13, с. 189-195]. Федерация стала путём объединения австралийских провинций в единое государство, а ограниченная конституцией монархия стала основой государства [1].

Материалы и методы исследований

Данная статья опирается на комплексный анализ документов и материалов, отражающих австралийскую социально-политическую дискуссию в 1960-х гг. Основную часть составляют материалы периодической печати, в частности газета «Канберра Таймс» (The Canberra Times) [16]. Так как она стала ареной для спора республиканцев и монархистов, которому посвящена данная статья. Также приводятся статьи из журнала «Бюллетень» (The Bulletin), который с XIX века являлся главной площадкой для республиканизма в стране [10]. Книга журналиста и главного редактора «Бюллетеня» Дональда Хорна «Счастливая страна» (Lucky Country) 1964 г. впервые за долгое время подняла тему республики [9]. Статья «Республиканская Австралия. Или назад к Королеве Виктории» [17], вышедшая 30 октября 1965 года, начала публичную дискуссию о республике и монархии в австралийской прессе. Она же побудила публициста и историка Джеффри Даттона собрать симпозиум и издать сборник статей «Австралия и монархия» [4], который стал первым научным взглядом на республиканизм и монархизм в Австралии 60-х гг. [3].

Основной метод исследования – контент-анализ. Для доступа к материалам австралийской периодической печати использовался электронный ресурс «Тров» (Trove) [18]. Это проект Национальной библиотеки Австралии, который дает открытый доступ к более чем 13 000 000 оцифрованным архивным единицам. Основная часть этих материалов – периодическая печать федерального уровня и уровня штатов. Доступ ко всем используемым в исследовании материалам периодической печати был получен с помощью сервиса «Тров».

Результаты и обсуждения

Во второй половине 60-х гг. XX века республиканизм вновь стал популярен и спровоцировал формирование противоположных монархически-консервативных взглядов [17, с. 13]. Идеи модернизации Австралии в республику и интеграции с растущими экономиками Азии противостояли представлениям о принадлежности к великой империи и об осколке европейской цивилизации на диком востоке [9, с. 104-107]. Примером такой дискуссии может послужить спор республиканцев и монархистов, развернувшийся в ноябре-декабре 1969 года на страницах столичной газеты «Канберра Таймс».

10 ноября 1969 года выходит статья с интервью принца Филиппа, взятого у него в Вашингтоне на торжественном приёме у президента Ричарда Никсона. В интервью принц прокомментировал положение королевской власти в Австралии, Новой Зеландии и Канаде и призвал данные страны положить конец монархии, если их народы не желают её более видеть [16, с. 10].

В ответ на эту статью 26 ноября выходит статья Дж. О. Гудмана с заголовком «Флаг Республики». Автор статьи считает, что, продолжая тему, начатую принцем Филиппом, необходимо начать обсуждение грядущей республики и её флага. Дж. О. Гудман приводит четыре неаккуратно нарисованных схемы возможного будущего флага республики (рис. 1), которые представляют собой версии существующего национального флага, но без Юнион-Джека. Хоть автор и не затрагивает конкретных политических вопросов, он лишь назвал отношения Австралии к Великобритании «подхалимством», его статья вызвала спор в столичной газете [6, с. 2].

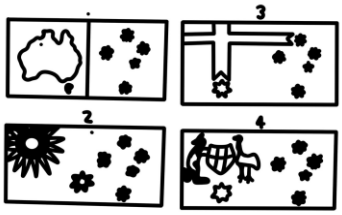


Рис. 1. Проекты флагов, предложенные Дж. О. Гудаманом.
Fig. 1. Flag designs proposed by J. O. Goodaman.

Через 3 дня выходит ответ на статью Гудмана с заголовком «Монархия защищена» за авторством Дж. Фурз-Морриша. Несмотря на то что статья Дж. О. Гудмана посвящена флагу, ответ Фурз-Морриша является претензией к республиканизму в целом. Свой ответ он составил из пяти пунктов, каждый из которых разбирает «непроверенные обобщения» Дж. О. Гудмана [5, с. 2].

В первом пункте, опираясь на результаты опросов Гэллапа среди австралийцев и новозеландцев, он не соглашается с популярностью республиканских идей среди народа [5, с. 2].

Второй пункт ответа посвящён характеру отношений между Британией и Австралией. Мистер Фурз-Морриш не согласен с тем, что Австралия «подхалимничает» перед Британией. Автор видит отношения двух стран как сотрудничество, а позицию Гудмана он описал как нервозную пропаганду ненависти [5, с. 2].

Третий пункт посвящён Джеку на австралийском флаге. Фурз-Морриш назвал желание Дж. О. Гудмана убрать Юнион-Джек плохим жестом, так как он символизирует британское наследие, которым следует гордиться. Австралийцам следует ценить это наследие. А те, кто имеет «враждебную иностранную идентичность», должны быть благодарны Британии за то, что могут наслаждаться свободой и убежищем, пишет Фурз-Морриш [5, с. 2].

В четвёртом пункте автор заявляет, что сохранение отношений с Британией напрямую связано с сохранением Австралии. По его мнению, Австралия не способна себя защитить, поэтому ей необходима военная защита от более сильной державы, как Британия или США [5, с. 2].

Пятый пункт статьи опирается на представления автора о монархии как о моральном ориентире для всего мира. Отказаться от такого морального ориентира было бы глупостью. Свою статью Дж. Фурз-Морриш заканчивает оскорблением в сторону республиканцев. По его мнению, все республиканцы – крысиные мешки, а все крысиные мешки – республиканцы [5, с. 2].

Пять пунктов из ответа Дж. Фурз-Морриша хорошо иллюстрируют монархические взгляды, которые имели популярность в Австралии середины XX века. Его позиция соответствует тому, что журналист и профессор Питер Коулмен [12] описал в своей статье «Фальшивые дебаты» из сборника «Австралия и монархия», который стал первым исследованием нового республиканизма 1960-х гг. [4, с. 28-30]. П. Коулмен и другие публицисты сформировали позицию австралийского монархиста как охранительную [3, с. 171-182]. Такой человек считал королеву моральным ориентиром и смотрел на Австралию как на несамостоятельную страну, которой необходим большой союзник [17, с. 13]. При этом монархисты причисляли себя не только к Австралии, но и к доминирующей англосаксонской идентичности, которая является источником морали и правды для всего мира [5, с. 2].

Важной составляющей монархических взглядов была критика возможного республиканского режима, который может стать причиной исчезновения демократии. Такую позицию отстаивал Дж.Р. Пэджет в своей статье-ответе Дж.О. Гудману от 3 декабря 1969 года. Дж.Р. Пэджет считает, что республика не является гарантией демократии и может привести к появлению австралийского Шарля де Голля, который сконцентрирует всю власть у себя в руках в обход институтов. Такую опасность республика несёт в себе при учёте проведения республиканской реконструкции австралийского государства. Автор отмечает, что простая смена флага и замена генерал-губернатора на президента ничего не поменяет, что делает такой переход к республике бессмысленным. Под конец автор просит Дж.О. Гудмана доказать ему, почему республика лучше и почему Австралия должна менять форму правления [14, с. 19].

Дж.О. Гудман написал два отдельных ответа своим оппонентам. 5 декабря выходит статья, посвящённая Дж. Фурз-Морришу, где он сравнивает его взгляды о правильных и неправильных национальных идентичностях со взглядами Адольфа Гитлера. При этом Гудман соглашается с Фурз-

Морришем, что обороноспособность Австралии недостаточна, чтобы обеспечить безопасность без помощи союзников. Но падающее мировое влияние Великобритании и неудачи США в Азии должны подтолкнуть Австралию к построению собственной сильной обороны [7, с. 16]. В статье, вышедшей 11 декабря, которая являлась ответом Дж.Р. Пэджету, автор выдвигает предложение избирать будущего президента путём объединённого голосования в нижней палате парламента, а также в федеральном сенате и палате представителей. Ещё более демократично, пишет Гудман, иметь президента, избираемого народом, но это «гораздо дороже». В ответ на вопрос Пэджета, что республика – это то же самое, но с другим названием, Гудман отвечает, что переход к республике мог бы стать поводом для национальной гордости, знаком того, что австралийцы сами управляют своим государством. Республика может положить конец комплексу неполноценности австралийского народа [8, с. 2].

Взгляд Дж.О. Гудмана на республику схож с тем, как её описывали в других республиканских трудах этого времени.

Питер Коулмен назвал таких людей «шоковыми терапевтами». Они воспринимали монархию как причину культурного застоя и отсутствия крепкой национальной идентичности, часто не обращая внимания на институционально-правовую сторону вопроса. Переход к республике мог бы стать своеобразной шоковой терапией, которая вынудила бы австралийский народ активнее участвовать в жизни государства и нации [3, с. 171-182].

В данном контексте позиция Дж.Р. Пэджета как монархиста интересна тем, что он смотрит на проблему республиканизма и монархизма с точки зрения государства и права, впадая в недопонимание с республиканцами, как Дж.О. Гудман. В своей статье от 17 декабря Дж. Р. Пэджет пишет, что Великобритания не может быть законным препятствием для самостоятельного развития Австралии, так как у Британии и Австралии юридически два разных монарха, но оба поста занимает одно лицо. Поэтому Дж.Р. Пэджет предложил королеве отречься от австралийского престола в пользу другого члена королевской семьи, так как это позволит Австралии сохранить конституционную монархию и стать полностью независимой от Великобритании. Переход к республике автору кажется опасным, так как большая часть демократически избранных президентов в мире разрушили демократию в своих странах [15, с. 2].

Выводы

Данный спор в газете «Канберра Таймс» интересен тем, как наглядно он демонстрирует обе позиции. Он не является описанием всего республиканизма и всего монархизма в Австралии, однако даёт нам ясное понимание о том, как выглядела дискуссия сторонников перехода к республике и людей, считавших необходимым сохранить монархию. Такая дискуссия в национальном масштабе сыграла большую роль в австралийской дискуссии.

Процесс становления Австралии независимой страной не был единовременным. Он растянулся на десятилетия, начиная от образования федерации в 1901 году [1], заканчивая актом 1986 года, который исключил возможность влияния британского парламента на Австралию [2]. Процесс формирования австралийской идентичности был столь же долгим. Через рассуждения о форме правления австралийцы формировали свою национальную и культурную идентичность на протяжении XX века. В письмах и доводах Дж.О. Гудмана можно проследить националистический нарратив. Он считал, что республика поможет положить конец комплексу неполноценности австралийского народа [8, с. 2]. Похожий посыл можно встретить в первой статье «Республиканская Австралия» 1965 года, где автор ставит проблему зависимости австралийской культуры от британской и американской культур. По его мнению, такое зависимое положение Австралии не позволяет ей полноценно развиваться [17, с. 13]. Второй важной характеристикой республиканизма является понимание республики как более демократичной или «правильной» формы правления. На вопрос Дж. Р. Пэджета о необходимости республики для Австралии Гудман отвечает исходя из создания более демократичных условий [8, с. 2]. Такой взгляд на республику давно был характерен для течения. Джон Данмор Лэнг (1799-1878), священник, профессор и один из первых представителей республиканизма, в своей книге «Свобода и Независимость золотых земель Австралии» (Freedom and Independence of Golden Lands of Australia) описал республику как единственную правильную и божественную форму правления [11, с. 51-60]. В данном случае Дж. О. Гудман рассуждает в традициях политического течения.

Монархизм же нельзя назвать каким-либо организованным политическим течением. Это позиция, которая доминировала в среде обычного народа, заключалась в сохранении текущего положения. Дж. Фурз-Морриш является характерным представителем этого общества. Он считал корону моральным ориентиром, отказаться от которого было бы глупостью, и негативно относился к сторонникам республики, что подтверждают его

оскорбления в сторону республиканцев [5, с. 2].

Позиция Дж.Р. Пэджета несколько отличается. Для него конституционная монархия выступала как самая лучшая политическая система. По его мнению, республика не гарантирует демократию, доказывая это тем, что большая часть недемократических режимов была сформирована демократически избранными лидерами. Монархия для него выступает сдерживающим фактором, который не позволяет узурпацию власти [14, с. 19]. При этом, по мнению Дж.Р. Пэджета, сохранение монархии в Австралии не означает власть Великобритании над Австралией, так как у двух стран юридически два разных монарха. Такое положение, пишет Пэджет, позволяет Австралии иметь другого человека из королевской семьи в роли короля/королевы Австралии, что может стать началом новой династии [15, с. 2].

Данный тезис важен тем, что он свидетельствует о том, что в 60-е гг. XX века республиканизм и монархизм уже не спорили о надобности отделения Австралии от Великобритании в культурном и национальном планах. Их дискуссия была направлена на выбор лучшей политической системы для Австралии и самостоятельного пути развития. Несмотря на то что монархисты считали Австралию близкой к Британии и британскому миру страной, и те и другие двигались в сторону создания самостоятельной от Великобритании и США политической дискуссии. А приведённый спор в газете «Канберра Таймс» лишь свидетельствует об этом.

Список источников

1. Австралия // «Энциклопедия Британника» (Encyclopedia Britannica) [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com/place/Australia (дата обращения: 09.01.2025)

2. АКТ ОБ АВСТРАЛИИ 1986 NO. 142, 1985 // Австралазийский институт правовой информации [Электронный ресурс]. URL: https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/cth/num_act/aa1986114/longtitle.html (дата обращения: 09.01.2025)

3. Коулмен У.П. Фальшивые дебаты // Австралия и Монархия / Под ред. Даттона Дж. П. «Сан Букс» (Sun Books). Мельбурн. 1966.

4. Даттон Дж.П. Республиканская Австралия // «Бюллетень» (The Bulletin). 1965. 20 ноября.

5. Фурз-Морриш Дж. Защита монархии // «Канберра Таймс» (The Canberra Times). 1969. 29 ноября.

6. Гудман Дж.О. Флаг для республики // «Канберра Таймс» (The Canberra Times). 1969. 26 ноября.

7. Гудман Дж. О. Атака на монархию // «Канберра Таймс» (The Canberra Times). 1969. 5 декабря.

8. Гудман Дж.О. Республиканская альтернатива // «Канберра Таймс» (The Canberra Times). 1969. 11 декабря.

9. Хорн Д.Р. Счастливая страна. «Пингвин Букс Австралия Лтд» (Penguin books Australia ltd), 1964.

10. Арчибальд Дж.Ф. Имя, стоящее за судебным процессом о картине Добеля на прошлой неделе // «Манилла Экспресс» (Manilla Express). 17 ноября. 1944.

11. Лэнг Дж.Д. Свобода и Независимость золотых земель Австралии. Лондон. 1852.

12. Поздно раскравшийся писатель рассказывал потерянные истории // «Сидней Морнинг Геральд» (The Sydney Morning Herald). 2011. 15 ноября. [Электронный ресурс]. URL: https://www.smh.com.au/national/late-blooming-writer-told-lost-tales-20111114-1nfeb.html (дата обращения: 11.04.2025)

13. Маккенна М. Плененная республика: история республиканизма в Австралии 1788-1996. Издательство Кембриджского университета (Cambridge University Press), 1996.

14. Пэджет Дж. Р. Защита монархии // «Канберра Таймс» (The Canberra Times). 1969. 3 декабря.

15. Пэджет Дж. Р. Защита монархии // «Канберра Таймс» (The Canberra Times). 1969. 17 декабря.

16. «Королеве нужна прибавка, или дворец останется без хозяина» // «Канберра Таймс» (The Canberra Times). 1969. 10 ноября.

17. Республиканская Австралия. Или назад к королеве Виктории // «Бюллетень» (The Bulletin). 1965. 30 октября.

18. Тров // Национальная Библиотека Австралии [Электронный ресурс]. URL: https://trove.nla.gov.au/ (дата обращения: 27.04.2025)

References

1. Australia. "Encyclopedia Britannica" [Electronic resource]. URL: https://www.britannica.com/place/Australia (date of access: 01/09/2025)

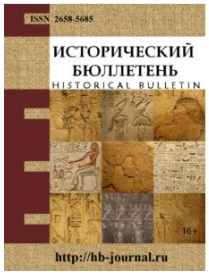
2. AUSTRALIA ACT 1986 NO. 142, 1985. Australasian Legal Information Institute [Electronic resource]. URL: https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/cth/num_act/aa1986114/longtitle.html (date of access: 01.09.2025)

3. Coleman W.P. Fake Debates. Australia and the Monarchy. Ed. Dutton J.P. "Sun Books". Melbourne. 1966.
4. Dutton J.P. Republican Australia. The Bulletin. 1965. November 20.
5. Furze-Morrish J. Defence of the Monarchy. The Canberra Times. 1969. November 29.
6. Goodman J.O. A Flag for a Republic. The Canberra Times. 1969. November 26.
7. Goodman J.O. Attack on the Monarchy. The Canberra Times. 1969. December 5.
8. Goodman J.O. The Republican Alternative. The Canberra Times. 1969. December 11.
9. Horne D.R. The Happy Country. Penguin books Australia ltd, 1964.
10. Archibald J.F. The name behind last week's Dobelle trial. Manilla Express. November 17, 1944.
11. Lang J.D. Freedom and Independence in Australia's Gold Lands. London. 1852.
12. Late-Blooming Writer Told Lost Stories. The Sydney Morning Herald. 2011. November 15. [Electronic resource]. URL: https://www.smh.com.au/national/late-blooming-writer-told-lost-tales-20111114-1nfeb.html (accessed: 11.04.2025)
13. McKenna M. Captive Republic: A History of Republicanism in Australia 1788-1996. Cambridge University Press, 1996.
14. Paget J.R. Defence of the Monarchy. The Canberra Times. 1969. December 3.
15. Paget J.R. Defence of the Monarchy. The Canberra Times. 1969. December 17.
16. " The Queen needs a raise or the palace will be left without a master". The Canberra Times. 1969. November 10.
17. Republican Australia. Or Back to Queen Victoria. The Bulletin. 1965. October 30.
18. Trove. National Library of Australia [Electronic resource]. URL: https://trove.nla.gov.au/ (date of access: 27.04.2025)

Информация об авторе

Тихомиров П.Б., Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина

© Тихомиров П.Б., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 37.01

Коммеморативные практики в контексте формирования традиционных духовно-нравственных ценностей обучающихся

[1] Воробьева Н.В.,
[1] Омский государственный университет путей сообщения

Аннотация: целью статьи является описание результатов исследования коммеморативных практик гражданского общества во взаимосвязи с реализацией государственной политики памяти. Автор отмечает, что государственная политика памяти направлена на противодействие фальсификации истории, укреплению гражданственности и патриотизма и включает национально-государственные символы, официальные подходы к трактовке исторических событий, а также региональные, социокультурные, поколенческие и иные поля коммеморации, в рамках которых происходит осмысление значимых исторических достижениях общества и государства. На основе проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что организованные формы публичной коммеморации и личные свидетельства, воспоминания об историческом процессе зачастую находятся в конфронтации, оспаривая понимание смысла того или иного исторического явления. Практическое применение выводов статьи: разработать и апробировать в образовательном процессе дидактические средства совершенствования процесса формирования у обучающихся способности к противодействию деструктивному информационному воздействию, защите исторической правды, противостоянию искажениям и мифологизации исторического наследия, фальсификации истории.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморативные практики, историческая память, историческое сознание

***Для цитирования**: Воробьева Н.В. Коммеморативные практики в контексте формирования традиционных духовно-нравственных ценностей обучающихся // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 74 – 78.*

Поступила в редакцию: 8 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Commemorative practices in the context of the formation of traditional spiritual and moral values of students

[1] Vorobyeva N.V.,
[1] Omsk State Transport University

Abstract: the purpose of the article is to describe the results of the study of commemorative practices of civil society in connection with the implementation of state memory policy. The author notes that state memory policy is aimed at counteracting the falsification of history, strengthening citizenship and patriotism and includes national and state symbols, official approaches to the interpretation of historical events, as well as regional, socio-cultural, generational and other fields of commemoration, within which the understanding of significant historical achievements of society and the state occurs. Based on the conducted research, the author came to the conclusion that organized forms of public commemoration and personal testimonies, memories of the historical process are often in

confrontation, challenging the understanding of the meaning of a particular historical phenomenon. Practical application of the article's conclusions: to develop and test in the educational process didactic means of improving the process of developing in students the ability to resist destructive information influence, protect historical truth, resist distortions and mythologization of historical heritage, and falsification of history.

Keywords: politics of memory, commemorative practices, historical memory, historical consciousness

***For citation**: Vorobyeva N.V. Commemorative practices in the context of the formation of traditional spiritual and moral values of students. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 74 – 78.*

The article was submitted: July 8, 2025; Approved after reviewing: September 6, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Глобальные изменения государственной политики памяти связаны с конституционной реформой 2020 г. (поправка в виде статьи 67.1). С точки зрения официального дискурса «защита исторической памяти» является приоритетом нацтональной политики безопасности.

В.В. Аристархов, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Москва) в аналитическом докладе «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике» отмечает, что «плюрализм оценок и суждений» в истории не может распространяться на вопросы ценностного характера: «воспитание общероссийской гражданской идентичности предполагает опору именно на традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые и должны являться основой и исходной точкой для любых оценок изучаемых событий, фактов и личностей. Для преподавания истории это особенно важно» [1].

Для того чтобы исторический факт был признан правдивым, необходимо публичное признание установленного факта историческим сообществом. Историческая правда является результатом выявления и описания событий прошлого, а не его неконтролируемой интерпретации, о чем свидетельствует, к примеру, внесение блогеров и журналистов-популяризаторов истории в реестр иноагентов Министерством юстиции (Т. Эйдельман, Л. Парфенов, Е. Панасенков, Б. Акунин) [2], признание ряда исторических сообществ экстремистскими организациями (правозащитный центр «Мемориал») [3].

Что именно выступает в качестве критериев исторической правды? Может ли публикация архивных данных порочить память героев и не соответствовать принципу и норме: «уважение памяти защитников Отечества»? Каким образом сохранять историческую память и незыблемость оценок исторического прошлого России и отвечать научным требованиям верификации исторических источников, их свободному анализу и интерпретации? Насколько свободен историк в оценках прошлого?

Материалы и методы исследований

Методологической базой исследования является социальная теория памяти, исторический переход от официальной политики памяти и героизации, реализуемой в рамках государственных программ к минималистским, партиципаторным контрмемориалам, способствующим рефлексии и множественной памяти индивидов.

В совокупности эти подходы подчёркивают динамичную, аффективную и политическую природу коммемораций и подчёркивают их значимость для понимания социального конструирования памяти. Коммеморативные практики – это не просто репрезентации прошлого, но и материальные, символические и эмпирические площадки, посредством которых исторический смысл непрерывно создаётся и оспаривается.

Материалы исследования составили публикации в Интернет СМИ общественной организации «Народный фронт» и 348 высших учебных заведений, реализующих коммеморативные практики.

Результаты и обсуждения

Историческая память как основа исторического сознания формируется посредством социализации и инкультурации изначально как семейня и обыденная, впоследствии как научно-теоретическая при условии системного интереса и приоритета гражданина к саморазвитию. У обывателя отсутсвует системное представление о ходе исторического процесса, историческое сознание и историческая память фрагментарны. Большинство не обладает навыками работы с историческими источниками, к тому же формирование семейного архива (документального и устного) скорее представляют исключение, нежели правило. Многие граждане не видят ценности в исторической преемственности, поскольку их социализация и инкультурации происходили тогда, когда героическое

прошлое оспаривалось, ценностная система советской цивилизации попиралась) прививались ценности «новой этики», права человека, индивидуализация процесса самоидентификации приводила к отказу от традиционных ценностей как «тоталитарных», «авторитарных», «колониальных» и пр. традиционные советские формы поколенческой преемственности подвергались осмеянию [4].

Тем не менее, за последние годы возобновлены номинативно-организационные формы коммеморации: переименовываются учебные заведения, устанавливаются мемориальные доски, «парты героя» [5]; музейно-выставочные формы исторической памяти связаны с открытием новых и поддержанием и развитием уже существующих музеев учебных заведений [6].

Министерством образования и науки РФ совместно с Общероссийской общественно-государственной просветительской организацией «Российское общество «Знание» проводятся лекции, направленные на геополитическое просвещение студенческой молодежи: в 2023-2025 гг. лекции были проведены в свыше 700 российских университетах, очно в них приняли участие свыше двух миллионов студентов, 5 млн чел. просмотрели лекции в онлайн формате. В рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» активно действует Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь» [7]. Студенческие патриотические клубы занимаются поиском и популяризацией героев-современников России, развивают патриотический туризм и сохраняют историческую правду.

Коммеморативные практики представляют собой форму тактического создания памяти снизу, которая реструктарализует мнемонические пространства города. Низовая память может встраивается в традиционное пространство, управляемое сверху вниз и передающее официальные, поддерживаемые государством национальные ценности. Различие между инициативами памяти, идущими сверху вниз и снизу вверх, усложняется при рассмотрении коммеморативных практик низовых участников памяти, которые тактически используют альянсы для достижения своих целей. Как показывает анализ, представленный в данной статье, стратегии, идущие снизу вверх, реализуемые общественными группами, и инициативы, идущие сверху вниз, продвигаемые властями, часто переплетаются или сливаются, что подтверждается как практиками и переговорами, связанными с созданием коммеморативных акций.

Например, в публичной акции памяти «Огонь Победы» в 2025 г. приняли участие 54 региона, более 130 городов России, автопробег с ретроавтомобилями, в Республике Калмыкии огонь ветерану доставил всадник, в Ярославле развернули 30-метровое Знамя Победы, в освобождённых городах Донбасса мы зажгли огни памяти [8].

Используемые методы цифровой антропологии были использованы, к примеру, в рамках акции Народного фронта «Кто ты из героев?». На базе социальной сети ВК было создано приложение с помощью искусственного интеллекта при загрузке собственной фотографии можно определить, на какого героя ты максимально похож [9]. Таким образом, в формировании и развитии исторического сознания было использовано сенсорное восприятие, подчеркивая многовременную и аффективную природу практик памяти.

Большое значение в формировании понятия «историческая правда» играют краудфандинговые кампании, когда любой желающий может принять участие в сборе на нужды бойцов СВО, для мирных жителей Донбасса [10]. Например, на базе 348 университетов Российской Федерации развернуты штабы акции #МЫВМЕСТЕ, в работу которых вовлечено более 70 тыс. студентов, осуществляющие адресную помощь членам семей военнослужащих, детям из детских домов Луганской и Донецкой народных республик, Запорожской области и другие благие нужды.

Выводы

Помимо официальных государственных органов, менее крупные акторы мнемонического пространства могут мобилизовать коммеморативную солидарность, встраивая локальную работу (акции памяти) в более широкие транснациональные рамки исторической памяти и национальной идентичности. Коммеморативные практики вузов и общественных организаций, таким образом, представляет собой пример того, как общественные группы участвуют в формировании памяти снизу, и как эти практики могут порождать альтернативные проекты, эффективно дополняющие официальный нарратив исторической памяти.

В качестве рекомендации мы предлагаем разработать и апробировать в образовательном процессе дидактические средства совершенствования процесса формирования у обучающихся способности к противодействию деструктивному информационному воздействию, защите исторической правды, противостоянию искажениям и мифологизации исторического наследия, фальсификации истории; организовать студенческий дискуссионный клуб для обсуждения следующих проблем:

– оценки исторического процесса обучающейся молодежью в долгосрочной перспективе;

– поколенческие особенности и восприятие исторического процесса;

– роль семейной истории в формировании исторического сознания;

– мифы и искажения в репрезентации истории России в современной культуре;

– образы России, государственной власти в художественной литературе, интернет-пространстве, визуальной культуре.

Ввести в исторические и правовые дисциплины обязательные курсы архивной практики и источниковедения, а также специальных семинаров по работе с мемуарными источниками (в т.ч. введенными в научный оборот).

Указанные меры, на наш взгляд, смогут оказать влияние на развитие традиционных духовно-нравственных ценностей, укрепление гражданственности, нравственности, патриотизма.

Список источников

1. Аристархов В.В. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике. Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2023. 83 с.

2. Реестр иностранных агентов: Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/ (дата обращения: 27.04.2025)

3. Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 27.04.2025)

4. "Нацепили на него эти медали". Как Навальный хамил в адрес ветерана войны – Российская газета. https://rg.ru/2021/02/05/nacepili-na-nego-eti-medali-kak-navalnyj-hamil-v-adres-veterana-vojny.html (дата обращения: 27.04.2025)

5. Фронт. Всё для Победы! URL: https://pobeda.onf.ru/ (дата обращения: 27.04.2025)

6. Более 14 тысяч музеев и экспозиций об участниках СВО открыты в российских школах // Минпросвещения России. 2023. 9 декабря. URL: https://edu.gov. ru/press/7929/bolee-14-tysyach-muzeev-i-ekspoziciy-ob-uchastnikah-svo-otkryty-v rossiyskih-shkolah (дата обращения: 27.04.2025)

7. Вдохновители. Общая Победа превыше всего. URL: https://герои-времени.рф/

8. Передача частицы Вечного огня, взятого у Могилы Неизвестного солдата в Александровском саду в Москве. URL: vk.com/app53519220 (дата обращения: 27.04.2025)

9. Народный фронт. Сбор для региона Омская область / Народный фронт. Всё для победы! URL: https://pobeda.onf.ru/requirements/omskaya (дата обращения: 27.04.2025)

References

1. Aristarkhov V.V. Protection of traditional Russian spiritual and moral values in the system of regulatory legal acts related to state cultural and educational policy. Moscow: Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, 2023. 83 p. 2. Register of Foreign Agents: Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/ (date of access: 27.04.2025)

3. List of public and religious associations, other organizations in respect of which a court decision on liquidation or prohibition of activities on the grounds stipulated by Federal Law of 25.07.2002 No. 114-FZ "On Counteracting Extremist Activity" has entered into legal force: Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (date of access: 27.04.2025)

4. "They pinned these medals on him." How Navalny was rude to a war veteran – Rossiyskaya Gazeta. https://rg.ru/2021/02/05/nacepili-na-nego-eti-medali-kak-navalnyj-hamil-v-adres-veterana-vojny.html (accessed: 27.04.2025)

5. Front. Everything for Victory! URL: https://pobeda.onf.ru/ (accessed: 27.04.2025)

6. More than 14 thousand museums and exhibits about SVO participants have been opened in Russian schools. Ministry of Education of Russia. 2023. December 9. URL: https://edu.gov. ru/press/7929/bolee-14-tysyach-muzeev-i-ekspoziciy-ob-uchastnikah-svo-otkryty-v-rossiyskih-shkolah (date of access: 27.04.2025)

7. Inspirers. Common Victory Above All. URL: https://герои-верени.рф/

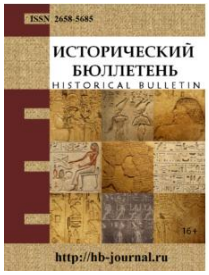
8. Transfer of a particle of the Eternal Flame taken from the Tomb of the Unknown Soldier in the Alexander Garden in Moscow. URL: vk.com/app53519220 (date of access: 27.04.2025)

9. People's Front. Collection for the Omsk Region. People's Front. Everything for Victory! URL: https://pobeda.onf.ru/requirements/omskaya (date of access: 27.04.2025)

Информация об авторе

Воробьева Н.В., доктор исторических наук, профессор, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-3494-4635, Омский государственный университет путей сообщения, 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35, nat.vorobiova@gmail.com

© Воробьева Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.67)

Кавказская линия укреплений и изменение на ее форпостах численности казачьего населения в XVIII веке

[1] Абдулпатахов М.А.,
[1] Дагестанский государственный университет

Аннотация: рассмотрены государственные меры по интеграции казачества в военную структуру империи через систему пограничной охраны и участие в военных кампаниях. Исследованы механизмы административного управления казачьими формированиями и их постепенная трансформация в регулярные военные подразделения. Отмечено влияние колонизации Северного Кавказа на развитие межэтнических контактов среди местного населения, формирование новых хозяйственных и культурных связей.

Проанализирована система укреплений Кавказской линии, включая динамику численности казачьих гарнизонов на форпостах и особенности их материального обеспечения. Определены географические границы оборонительного комплекса, состоящего из сети крепостей, редутов и форпостов, распределенных по стратегическим направлениям. Исследована эффективность различных типов укреплений в контексте обеспечения безопасности приграничных территорий.

Представлены архивные материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан, раскрывающие организацию материального обеспечения казачьих формирований. Изучена служебная документация Кизлярской комендантской канцелярии, включая еженедельные рапорты с форпостов о движении личного состава и потребностях в снабжении. Документы позволяют реконструировать повседневную служебную деятельность казачества, характер выполняемых задач и распределение личного состава. Особое внимание уделено анализу системы снабжения продовольствием, фуражом и военным снаряжением.

Введен в научный оборот значительный массив ранее неопубликованных источников, позволяющих детально исследовать различные аспекты военной и хозяйственной деятельности казачества на Кавказской линии. Анализ финансовой документации по хозяйственным работам демонстрирует масштабное привлечение казачьих подразделений российским правительством для охраны пограничных территорий. Выявлены особенности организации караульной службы, разведывательной деятельности и взаимодействия с местным населением.

Ключевые слова: казак, линия укреплений, Кавказ, форпост, войско, крепость, рапорт

***Для цитирования**: Абдулпатахов М.А. Кавказская линия укреплений и изменение на ее форпостах численности казачьего населения в XVIII веке // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 79 – 83.*

Поступила в редакцию: 8 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The Caucasian line of fortifications and the change in the number of Cossack population at its outpost in the 18th century

[1] *Abdulpatakhov M.A.,*
[1] *Dagestan State University*

Abstract: the study examines government measures to integrate the Cossacks into the empire's military structure through border protection and participation in military campaigns. The mechanisms of administrative management of Cossack formations and their gradual transformation into regular military units are investigated. The impact of North Caucasus colonization on the development of interethnic contacts among the local population, formation of new economic and cultural ties is noted.

The system of fortifications of the Caucasian Line is analyzed, including the dynamics of Cossack garrison numbers at outposts and peculiarities of their material support. The geographical boundaries of the defensive complex are defined, consisting of a network of fortresses, redoubts, and outposts distributed along strategic directions. The effectiveness of various types of fortifications in the context of border territory security is examined.

Archival materials from the Central State Archive of the Republic of Dagestan are presented, revealing the organization of material support for Cossack formations. The official documentation of the Kizlyar Commandant's Office is studied, including weekly reports from outposts on personnel movement and supply needs. The documents allow reconstructing the daily service activities of the Cossacks, the nature of tasks performed, and personnel distribution. Special attention is paid to the analysis of the system of food, forage, and military equipment supply.

A significant array of previously unpublished sources has been introduced into scientific circulation, allowing detailed research of various aspects of military and economic activities of the Cossacks on the Caucasian Line. Analysis of financial documentation on economic works demonstrates the large-scale involvement of Cossack units by the Russian government for the protection of border territories. The peculiarities of guard duty organization, reconnaissance activities, and interaction with the local population are revealed.

Key words: Cossack, line of fortifications, Caucasus, outpost, army, fortress, report

***For citation**: Abdulpatakhov M.A. The Caucasian line of fortifications and the change in the number of Cossack population at its outpost in the 18th century. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 79 – 83.*

The article was submitted: July 8, 2025; Approved after reviewing: September 6, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Исследование повседневной жизни различных социальных групп позволяет раскрыть глубинные мотивы поведения людей через призму человеческого фактора. Современная историография существенно расширяет традиционные рамки изучения казачества, выходя за пределы описания конкретных событий, характерного для советского и российского периодов научной мысли. Актуальными направлениями становятся анализ взаимоотношений между группами казачьего населения, особенности ментальности, специфика бытовой культуры.

Процесс интеграции казачества в военную структуру государства завершился превращением вольных общин в привилегированное сословие, выполнявшее пограничную службу и участвовавшее в военных кампаниях XVIII века. Освоение казаками территорий Северного Кавказа способствовало формированию единого экономического пространства, развитию межкультурных связей, установлению прочных контактов между народами региона.

Переселенцы из российских городов и сел, обосновавшиеся на северокавказских землях, оказались в уникальной этнокультурной среде. Взаимодействие с местными народами отразилось на культурном облике казачьих общин Терека, Сунжи, Кубани. Специфика организации жизненного пространства проявлялась в создании особых поселений. Гребенские казаки первоначально возводили временные укрепленные пункты, позднее преобразованные в постоянные городки-зимники. Архаичные казачьи поселения, состоявшие из землянок и шалашей, закрепились в народной памяти под названием «курени», или «зимники» [2, с. 289].

Терские казаки представляли многочисленную группу русских старожилов Северного Кавказа. Начало XVIII века ознаменовалось значительным ростом терского казачества благодаря притоку переселенцев. Расширение казачьих территорий со-

провождалось основанием новых станиц, переносом существующих поселений на иные места [3, с. 41].

Терское казачество проявило мудрость в выстраивании конструктивных отношений с народами Кизлярского региона и прилегающих территорий. Казаки целенаправленно поддерживали атмосферу добрососедства, предотвращали развитие межнациональных конфликтов, способствовали сохранению мирной обстановки.

Развитие экономических, культурных, родственных контактов привело к распространению института куначества среди казаков. Данная форма кавказского гостеприимства переросла в прочные дружеские связи, основанные на взаимном доверии и поддержке. Куначество способствовало приобщению горских народов к русской культуре. Горцы Северного Кавказа считали священной обязанностью оказание материальной помощи кунаку-казаку. Аналогичное отношение демонстрировали казаки к своим кунакам из числа горцев.

Материалы и методы исследований

Методологическую базу исследования составляет обширный массив документов, значительная часть которых впервые подвергается научному анализу. Применение хронологического и компаративного подходов в сочетании с фундаментальными принципами исторической науки позволило провести всестороннее изучение проблематики. Исследовательская работа опирается на системный анализ источниковой базы с соблюдением критериев научной достоверности.

Результаты и обсуждения

Оборонительный рубеж Кавказской линии простирался от Кизляра до Червленого городка Гребенского войска, охватывая дистанцию примерно 70 верст. Нижний участок от Кизляра до фельдшанца (Терского редута) на морском побережье укреплялся постовыми сооружениями, выполнявшими двойную функцию: обеспечение коммуникации между укреплениями и предотвращение проникновения горцев Дагестана [4, с. 15].

Станицы Гребенского войска (Червленая, Курдюковская, Старогладковская, Новогладковская, Щедринская) представляли собой миниатюрные крепости, оснащенные рвами, валами и тыном. Фортификационные сооружения защищали казачьи семьи от внезапных набегов, служили пунктами временной дислокации регулярных подразделений и базами казачьего резерва. Промежутки между станицами контролировались сторожевыми постами с наблюдательными вышками. Особую опасность представлял участок между Щедринской и Новогладковской станицами, включавший 12 бродов, удобных для переправы противника.

Фортификационная система Кавказской линии включала крепости, редуты, форпосты и иные укрепленные пункты, размещенные на стратегических дистанциях. Согласно рапорту графа И.В. Гудовича 1792 г., оборонительный комплекс Предкавказья насчитывал 10 крепостей, 22 редута и фельдшанец. Военный контингент поддерживался в 9 крепостях и 7 редутах. Гарнизоны формировались из поселенных казаков, пехотных и драгунских подразделений. К 1792 г. численность Терского Семейного Войска составляла 1051 военнослужащего, Терского Кизлярского – 279 человек.

Документальные материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан содержат обширные сведения об организации снабжения казачьих полков различными видами армейского довольствия в рассматриваемый период.

Масштабы продовольственного обеспечения казачьих войск Притеречья за 1735-1800 гг. характеризуются следующими показателями: мука – 346593 четверти 3 четверика 2 гарнца, крупы – 63231 четверть 4 четверика 1 гарнец, сухари – 4919 четвертей, овес – 153542 четверти 5 гарнцев 2 кварты, ячмень – 22145 четвертей 2 четверика 3 гарнца 2 кварты [4, с. 16].

Форпосты регулярно направляли в Кизлярскую комендантскую канцелярию отчетную документацию о численности военного состава, включая казачьи подразделения, потребностях материального обеспечения.

Архивные документы фиксируют конкретные случаи перемещения личного состава: январь 1751 г. – прибытие 10 гребенских казаков на Бороздинский форпост, 2 января 1751 г. – прибытие одного терского казака на Урчуковский форпост. Недельный рапорт Дубовского форпоста (18-25 июня 1766 г.) отражает наличие 7 строевых лошадей у служащих гребенского казачьего войска.

Каргалинский форпост докладывал о 14 казаках гребенского войска с 22 лошадьми (11-18 июня 1766 г.). Рапорт этого же форпоста за 10-17 июня 1766 г. подтверждает присутствие 14 военнослужащих, отмечая: «казаками разъезд проводим был и никаких перелазов воровских людей и тако провозу товаров и прогону скота не имелось» [5, л. 6].

Архивные документы детализируют распределение казачьих ресурсов на форпостах. Рапорт Каргинского форпоста от 24 июня 1766 г. свидетельствует о наличии 19 лошадей у гребенских казаков: 16 использовались для перевозок, 3 находились в разъездах [6, л. 86].

Новогладовский форпост направил в Кизлярскую комендантскую канцелярию сведения о состоянии конского состава за период 3-8 июня 1766 г., зафиксировав 18 подъемных и казачьих лошадей.

Военнослужащие Терско-Семейного казачьего войска выполняли разнообразные служебные обязанности. Казаки несли почтовую службу в Кизляре и Моздоке, обеспечивали охрану на Чебарольском, Долобнинском, Курпленском и Голодавеском пикетах. Значительные силы были задействованы на Ларканском и Сантабековском форпостах. Регулярные разъезды осуществлялись вдоль реки Терек. Часть личного состава привлекалась к службе при воинской канцелярии, работе в ногайских аулах у пристава, обеспечению шинакаевской почты. Военнослужащие размещались в костековском горском укреплении при каменной мастерской, охраняли Лашуринский караул, обслуживали переправы через реку Борозды, организовывали подводную повинность и почтовую связь при станицах [7, л. 40].

Документация Гребенского казачьего войска за апрель 1748 г. содержит подробные данные о видах выполняемых работ и количестве задействованного личного состава.

Архивные документы детально фиксируют распределение служебных обязанностей гребенских казаков. В разъездах по реке Терек для осмотра лесов находилось 19 человек, в геодезических работах участвовало 30 казаков, сопровождением торговых подвод занимались 6 человек. Почтовую службу в Фельшанце несли 4 военнослужащих. На перевозке камней для артиллерийских нужд Кизляра трудился 21 казак. Охрану мареновых плантаций обеспечивали 2 человека. В картографических работах с кондуктором участвовали 12 казаков [8, л. 11].

Значительные силы привлекались к охране: у Бороздинского моста – 3 казака, конских табунов – 80, скотских табунов – 24. Стрелковую службу несли 7 человек, ординаторскую – 18. При городских почтовых станциях служили 40 казаков, государевых конюшнях – 32. Медицинское обеспечение осуществляли 30 человек. На строительстве Кизлярской крепости работали 32 казака. Общая численность задействованного личного состава достигала 700 человек [8, л. 11].

В августе-сентябре 1749 г. гребенские казаки выполняли разнообразные задачи в Кизляре: обслуживали астраханскую почту, заготавливали строительные материалы, охраняли чеченского князя Расланбека, обеспечивали почтовые перевозки [9, с. 5].

Военнослужащие несли караульную службу на многочисленных форпостах и пикетах: Комаровском, Урчуковом, Енкалинском, Кочинском, Лютицком, Каргалинском, Кулиманском. Казаки охраняли плантации, ногайские аулы, войсковую канцелярию, осуществляли разъезды вдоль Терека, обеспечивали почтовое сообщение между станицами. Дальние командировки включали поездки в Кабарду, Тарковскую и Андреевскую деревни, урочище Моздок.

Выводы

Современная историография демонстрирует значительный интерес к изучению повседневной жизни регионов и народов России. Научное сообщество представило масштабные исследования в виде кандидатских и докторских диссертаций, монографических работ. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли Газиева А.А., Гасанов М.М., Курбанов А.Д., Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д. [10].

Колонизация степных территорий Северного Кавказа в XVIII в. способствовала формированию уникального культурного пространства. Освоение новой территории различными этническими группами сопровождалось не только адаптацией к местным условиям, но и модификацией традиционных хозяйственных практик. Результатом стало становление особого хозяйственно-бытового уклада, органично соответствующего природно-климатическим и социальным реалиям региона.

Российское правительство активно привлекало казачьи формирования для решения стратегических задач. Казачество выступало эффективным инструментом охраны южных и восточных рубежей государства, способствуя закреплению пограничных территорий в составе империи.

Список источников

1. Сухарева И.В., Проданова Н.А., Рогожкин В.А. Историко-библиографический обзор литературы по интеграции народов Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи: к вопросу о современном состоянии // Вопросы истории. 2023. № 9. С. 108 – 115.

2. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Издательство МГУ, Москва, 1974. 424 с.

3. Записки М.Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. 1893. № 7.

4. Абдулпатахов М.А., Гарунова Н.Н. О роли российской военной администрации в развитии торговли и обменных связях с населением северо-восточного Кавказа в XVIII веке // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. № 2. С. 23 – 31.

5. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГАРД). Ф. 339. Оп. 1. Д . 61. Л. 6.

6. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д . 624. Л. 86.

7. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 624. Л. 40.

8. ЦГ АРД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 9. Л. 11.

9. Гарунова Н.Н. Развитие транспортной инфраструктуры в процессе хозяйственного освоения юга России в конце XVIII – первой половине XIX вв// Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 5 – 12.

10. Газиева А.А, Вагабов М.М. Сунженский кордон и передовая Чеченская линия в военно-политическом подчинении и казачьей колонизации Восточного Кавказа// Былые годы. 2025. № 20 (2). С. 701 – 709.

11. Газиева А.А., Гасанов М.М., Алилов А.Н. Трансформация социально-экономического пространства кавказского фронтира: государственные стратегии и региональные практики (на примере Восточного Кавказа в XIX веке) // Всеобщая история. 2024. № 4. С. 8 – 15.

References

1. Sukhareva I.V., Prodanova N.A., Rogozhkin V.A. Historical and bibliographical review of the literature on the integration of the peoples of the North-East Caucasus into the Russian Empire: on the issue of the current state. Questions of History. 2023. No. 9. P. 108 – 115.

2. Zasedateleva L.B. Terek Cossacks (mid-16th – early 20th centuries). Historical and ethnographic essays. Moscow State University Publishing House, Moscow, 1974. 424 p.

3. Notes of M.Ya. Olshevsky. The Caucasus from 1841 to 1866. Russian Antiquity. 1893. No. 7.

4. Abdulpatakhov M.A., Garunova N.N. On the role of the Russian military administration in the development of trade and exchange relations with the population of the north-eastern Caucasus in the 18th century. Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities. 2024. Vol. 39. No. 2. P. 23 – 31.

5. Central State Archives of the Republic of Dagestan (hereinafter CGARD). F. 339. Op. 1. D. 61. L. 6.

6. CGARD. F. 379. Op. 1. D. 624. L. 86.

7. CGARD. F. 379. Op. 1. D. 624. L. 40.

8. CG ARD. F. 379. Op. 3. D. 9. L. 11.

9. Garunova N.N. Development of transport infrastructure in the process of economic development of the south of Russia in the late 18th – first half of the 19th centuries. Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 5 – 12.

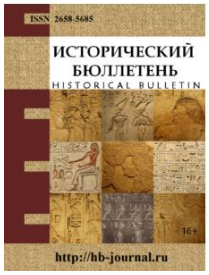
10. Gazieva A.A., Vagabov M.M. Sunzha cordon and the advanced Chechen line in military-political subordination and Cossack colonization of the Eastern Caucasus. Bylye Gody. 2025. No. 20 (2). P. 701 – 709.

11. Gazieva A.A., Gasanov M.M., Alilov A.N. Transformation of the socio-economic space of the Caucasian frontier: state strategies and regional practices (on the example of the Eastern Caucasus in the 19th century). General History. 2024. No. 4. P. 8 – 15.

Информация об авторе

Абдулпатахов М.А., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Дагестанский государственный университет

© Абдулпатахов М.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 364.326-787.2 (470.6*Донбасс) «1944/1945»

Поддержка материнства и детства в решении демографических проблем советского общества в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны

[1] Гаврыш О.В.,
[1] Луганский государственный педагогический университет

Аннотация: статья посвящена анализу политики поддержки материнства и детства в решении демографических проблем советского общества в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны. В этот период перед советским руководством одной приоритетных задач являлась разработка и реализация особого направления социальной политики, главной целью которой становилось создание всех условий для повышения уровня рождаемости населения. Эта задача была особенно актуальной для таких индустриально развитых и стратегически важных регионов, как Донбасс. В статье рассматриваются основные направления государственной поддержки материнства и детства в контексте решения демографических проблем в Донбассе в 1944-1945 годах. В частности, автор уделяет внимание экономическим, пропагандистским и административно-юридическим мерам. На основании анализа архивных источников рассматривается эффективность реализации данных мероприятий в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны. В результате, автор приходит к выводу, что в изучаемый период советским руководством применялся комплексный подход к решению демографических проблем, в том числе и в Донбассе. При этом ограниченность эффективности реализации указанных мер была обусловлена продолжающейся войной, нехваткой ресурсов, масштабами разрушений и другим. Тем не менее, несмотря на специфику и ограничения, этот исторический опыт стоит учитывать при решении современных демографических проблем в условиях продолжающегося военного конфликта.

Ключевые слова: материнство и детство, рождаемость, демографические проблемы, Донбасс, меры государственной поддержки, Великая Отечественная война

Для цитирования: *Гаврыш О.В. Поддержка материнства и детства в решении демографических проблем советского общества в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 84 – 89.*

Поступила в редакцию: 9 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Support for motherhood and childhood in solving demographic problems of Soviet society in Donbass at the final stage of the Great Patriotic war

[1] Gavrysh O.V.,
[1] Lugansk State Pedagogical University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the policy of supporting motherhood and childhood in solving the demographic problems of Soviet society in Donbass at the final stage of the Great Patriotic War. During this period, one of the priorities of the Soviet leadership was the development and implementation of a special direction of social policy, the main goal of which was to create all conditions for increasing the birth rate of the population. This task was especially relevant for such industrially developed and strategically important regions as Donbass. The article examines the main directions of state support for motherhood and childhood in the context of solving demographic problems in Donbas in 1944-1945. In particular, the author pays attention to economic, propaganda, and administrative-legal measures. Based on the analysis of archival sources, the effectiveness of the implementation of these measures in Donbass at the final stage of the Great Patriotic War is considered. As a result, the author comes to the conclusion that during the period under study, the Soviet leadership applied an integrated approach to solving demographic problems, including in the Donbas. At the same time, the limited effectiveness of the implementation of these measures was due to the ongoing war, lack of resources, the scale of destruction, and others. Nevertheless, despite the specifics and limitations, this historical experience should be taken into account when solving modern demographic problems in the context of the ongoing military conflict.

Keywords: motherhood and childhood, birth rate, demographic problems, Donbass, state support measures, the Great Patriotic War

***For citation**: Gavrysh O.V. Support for motherhood and childhood in solving demographic problems of Soviet society in Donbass at the final stage of the Great Patriotic war. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 84 – 89.*

The article was submitted: July 9, 2025; Approved after reviewing: September 7, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

В последние десятилетия решение демографических проблем привлекает внимание, как специалистов, так и представителей широкой общественности, приобретая при этом все большее значение. На данном этапе исторического развития в Донбассе наблюдается тенденция депопуляции народонаселения, что означает превышение смертности над рождаемостью. 80 лет назад, в связи с негативными последствиями Великой Отечественной войны, в Донбассе, как и в целом, во всем Советском Союзе, также налицо был демографический кризис. В связи с этим актуальность представленного исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, существует потребность в теоретическом комплексном изучении и анализе государственной политики в сфере решения демографических проблем в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Во-вторых, этот регион и сегодня находится в центре затяжного военного конфликта, что обуславливает необходимость учета практического опыта прошлого для успешного решения демографических проблем в Донбассе в настоящее время.

Изучением основных направлений государственной поддержки материнства и детства в сфере решения демографических проблем в СССР занимается достаточно большое количество современных исследователей. Прежде всего, стоит обратить внимание на работы С.В. Захарова, М. Накачи, Э. Россмана, А.А. Рубан и др [7, 10, 11, 12]. В то же время, проблематика системы государственных мер, направленных на повышение уровня рождаемости в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны, практически не исследована в современной отечественной исторической науке, что обусловило выбор предмета для анализа в данной работе.

Материалы и методы исследований

В работе использован историко-описательный метод с элементами сравнительного анализа. Материалом послужили нормативно-правовые документы, архивные источники, материалы периодической прессы изучаемого периода, а также результаты современных научных исследований, посвящённых государственной поддержке материнства и детства в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Анализ проводится в хронологическом порядке, с выделе-

нием ключевых направлений, реформ и программ, оказавших значительное влияние на реализацию политики поддержки материнства и детства в решении демографических проблем советского общества в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Результаты и обсуждения

Великая Отечественная война, как одно из наиболее катастрофических событий XX века, негативно отразилась на всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни советского народа. В результате военных действий значительно был нарушен демографический баланс государства. Ключевыми аспектами при этом стали масштабные человеческие потери, резкое снижение рождаемости и увеличение смертности, насильственные миграции. Согласно статистическим данным в 1939 г. в СССР родилось 6286 тыс. детей. В 1945 г. этот показатель был снижен до 2506 тыс. детей, то есть уровень рождаемости за этот период снизился на 60% [9]. Следовательно, на государственном уровне задача создания всех условий для повышения уровня рождаемости населения становилась одним из приоритетных направлений социальной политики. Особенно этот вопрос становился актуальным для таких промышленно развитых и значимых регионов, как Донбасс.

Первым шагом в процессе развития эффективной системы государственных мер, направленных на повышение рождаемости на завершающем этапе войны стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и основания ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»».

В соответствие с Указом, была увеличена государственная помощь беременным женщинам и многодетным матерям. В частности, государственную поддержку стали получать многодетные матери при рождении третьего ребенка и каждого последующего. До выхода Указа такую помощь женщины могли получить только в случае рождения седьмого ребенка. Кроме того, предусматривалось увеличение льгот для беременных женщин и матерей. Предписывалось, что со стороны руководства предприятий и учреждений этой категории работников должны были предоставляться очередные отпуска и наличие достаточного количества комнат для кормления, детских яслей и детских садов. Не менее важной стала мера по увеличению размера материальных выплат на ребенка [13, с. 11-12].

Четкие директивы были разосланы по регионам. Например, уже в сентябре 1944 г., при Ворошиловградском облфинотделе и горфинотделе были созданы отделы по государственным пособиям одиноким и многодетным матерям, в функции которых входила не только выплата денежных пособий, но и выдача продуктового пайка данным категориям населения [1, л. 363]. В частности, по Краснодонскому району Ворошиловградской области в период с июля 1944 г. по январь 1949 г. было выплачено более 13 млн. руб. пособий многодетным и одиноким матерям [14].

Однако, не стоит забывать о факте высокой инфляции в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Поэтому повышение размеров помощи многодетным матерям после выхода Указа от 8 июля 1944 г., иногда даже на 50%, приводило зачастую к индексированию этой помощи [16, с. 58-59]. Несмотря на это, в целом, государственная материальная помощь была важной и необходимой, особенно для таких регионов, как Донбасс, которые недавно были освобождены от длительной нацистской оккупации. Следовательно, такая политика советского руководства частично решала материальную сторону проблемы повышения рождаемости в регионе.

Стоит обратить внимание и на принятый народными комиссариатами торговли и здравоохранения приказ «Об отпуске продовольственных пайков для беременных женщин, женщин-кормилиц и комплектов белья для новорожденных» от 7 сентября 1944 г. № 431/592. Согласно документу, беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности, женщинам-кормилицам в течение четырех месяцев после родов, а также кормилицам лечебных и детских учреждений и женщинам, которые сдавали грудное молоко в консультации, дома и ясли наркомата здравоохранения, предусматривалось дополнительное ежемесячное обеспечение продовольственными товарами. В частности, эта категория женщин должна была получать дополнительно 800 гр. смальца, 600 гр. сахара, 1200 гр. крупы и 12 л натурального молока. При этом категорически запрещалось отпускать заменители в счет вышеуказанной дополнительной продовольственной помощи. Это свидетельствовало о заботе руководства по поводу употребления качественных продуктов и о здоровье детей и матерей. А женщин, которые не работали и имели более трех детей, обеспечивали хлебом и другими непродовольственными продуктами по нормам, установленным для рабочих [15, с. 88].

В условиях полного обнищания после длительной оккупации беременным женщинам и кормящим мамам была необходима подобная помощь от государства. Однако, в тяжелых условиях послевоенного восстановления часты были случаи недобросовестного исполнения указаний руководства государства на местах. Так во время обсуждения Указа от 8 июня 1944 г. женщины Сталинской области обращали внимание на то, что обеспечение нормы сухого пайка для беременных и кормящих происходило с перебоями. Кроме того, были проблемы и с качеством поставляемых продуктов. В пайки часто включали неполноценные продукты: «Вместо манной крупы – фасоль, вместо масла – хлопковое масло». То же было и с комплектами белья: «К нам часто приносят завернутых буквально в лохмотья детей» [16, с. 58].

Кроме того, большинство специализированных медицинских учреждений в Сталинской и Ворошиловградской области не были обеспечены нужным объемом продуктовых наборов (часто практиковалась выдача заменителей мяса и жира), повсеместно возникали проблемы с завозом нужного количества топлива на зиму [2, л. 16]. В связи с военными действиями очень сложной была ситуация с укомплектованием медицинского персонала. Так, в 1944 г. в Сталинской области от общего количества поступивших беременных под надзор женских консультаций своевременно, то есть до 3 месяцев, наблюдалось только 25,2% [15, с. 89]. На завершающем этапе войны в Донбассе достаточно остро стояла проблема с медицинским обеспечением материнства и детства. Этот вопрос требовал немедленного решения.

Положительным шагом в направлении решения демографических проблем в СССР в целом, и в Донбассе, в частности, стало восстановление и реформирование таких учреждений, как Дома отдыха для беременных женщин-одиночек и ослабленных кормящих матерей и Домов матери и ребенка. [6, с. 34]. Таким образом, безусловно, государство помогало одиноким матерям и их детям.

Следует отметить, что большинство женщин в условиях продолжающейся войны практически сразу после родов выходили на работу. Поэтому особое внимание было уделено возобновлению работы сети детских яслей. Так, в Ворошиловградской области к октябрю 1944 г. уже работало 186 детских садов, в которых находилось 13,1 тыс. детей, а в Сталинской уже в июле 1944 г. функционировало 314 детских садов, которые посещали 1014 детей [15, с. 91]. И тут возникала проблема с материальным обеспечением детских яслей. Так, в мае 1945 г. жители Троицкого района Ворошиловградской области обратились к местным властям с просьбой улучшить бытовые условия детских яслей колхоза «Большевик». С их слов, в то время, когда женщины спешили на поле для того, чтобы выполнить двойную норму, их дети в яслях спали на нарах без матрацев в грязном неприспособленном помещении [8]. Подобные случаи не были единичными явлениями.

Способом морального поощрения стало введение «Медали материнства» двух степеней для награждения матерей, родивших и воспитывающих 5 и 6 детей; ордена «Материнская слава» трех степеней для награждения матерей, родивших и воспитывающих 7-9 детей; те, кто имел 10 и более детей удостаивались почетного звания «Мать – героиня» [13, с. 11-12]. На 10 августа 1945 г. по Ворошиловградской области было выявлено 2562 многодетных матерей, имеющих право претендовать на государственные награды. Однако, к наградам был представлен лишь 321 человек [2, л. 122-123]. Остальные сталкивались с бюрократическими проблемами в вопросах оформления документов и соответственно не получали материальную помощь. Тем не менее, в дальнейшем наблюдается более положительная тенденция. Так в 1953 г. по Ворошиловградской области планировалось представить к награде 1868 многодетных матерей, а награждено было 2420 человек [4, л. 22].

Кроме того, значительные изменения происходят в семейном законодательстве. Официально трансформация государственной политики в отношении института семьи объяснялась необходимостью стабилизации данного института в советском обществе. Так, была установлена обязательная регистрация брака, значительно была усложнена процедура бракоразводного процесса. В отношении детей, которые родились вне брака, существовал запрет установления отцовства. При этом государство выплачивало матерям-одиночкам ежемесячную материальную помощь [13, с. 11-17]. В данном случае такой подход решал вопрос воспроизводства населения. При этом у государства существовала возможность сбережения значительного массива бюджетных средств. Обусловлено это было следующими факторами: во-первых, признание только официально зарегистрированных браков позволяло экономить бюджетные средства за счет освобождения от выплаты пенсии детям погибших военнослужащих, находящихся до войны в фактических брачных отношениях; во-вторых, пенсия по потере кормильца была значительно больше, чем материальная помощь матерям-одиночкам.

Агитационная и санитарно-профилактическая работа проводилась, прежде всего, в средствах массовой информации. «Ни в какой другой стране

мира женщина – мать и дети не окружены такой заботой со стороны государства, как в нашей советской стране», – подобными лозунгами пестрили не только страницы советских журналов для женщин («Работница», «Крестьянка»), но и местная периодическая пресса [14]. В то же время, в периодике печатались некоторые просьбы и жалобы молодых матерей, что позволяет выявить существование реальных проблем в процессе государственного социального обеспечения материнства в Донбассе на завершающем этапе войны. К примеру, в августе 1945 г. в «Ворошиловградской правде» было напечатано обращение И. Василенко, которая писала, что в г. Ворошиловград существует всего два магазина, в которых беременные женщины могли получать пайки. В этих же магазинах продуктовые наборы получали и другие социальные категории населения. В итоге будущим мамам приходилось простаивать в очереди долгие часы [5].

Сложные социальные условия военного периода негативно влияли на демографическое поведение женщин. Поскольку одним из главных факторов низкого уровня рождаемости называлось искусственное прерывание беременности, в этот период получила распространение кампания борьбы с абортами. Указом от 8 июля 1944 г. была установлена уголовная ответственность: за незаконный аборт женщины карались одним годом принудительных работ, а при повторном – заключением на срок до 3 лет; врачи – от 3 до 5 лет заключения. На местах создавались абортивные комиссии в составе заведующего райздравотдела, врачей-гинекологов и представителей союза медсантруда, прокуратуры, райисполкома. Они должны были внимательно прислушиваться к причинам, которые заставили беременную сделать аборт; проводить массово-агитационную работу и привлекать общественность к преодолению этого явления путем лекций, бесед. Информация о каждом случае аборта должна была передаваться главными врачами участков в органы прокуратуры в течение 24 часов [16, с. 58]. Выход из этой ситуации женщины находили, но часто с тяжелыми последствиями для здоровья. Следовательно, такая политика советского руководства сдерживала отдельных представительниц прекрасного пола, но не могла значительно повлиять на позитивную динамику рождаемости в государстве.

Выводы

Таким образом, анализ основных направлений государственной поддержки материнства и детства в СССР в исследуемый период свидетельствует о том, что она играла ключевую роль в решении демографических проблем в Донбассе на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Осознавая стратегическую важность восстановления народонаселения региона, государство в тяжелых условиях военного времени принимало комплекс мер для нормализации жизни и развития Донбасса. Стоит отметить комплексный подход к решению демографических проблем в Донбассе, так как система мер включала в себя материальную помощь, развитие сети медицинских учреждений, пропагандистскую работу и другое. Несмотря на то, что эффективность этих мер была ограничена из-за продолжающейся войны, нехватки ресурсов и масштабов разрушений, их реализация свидетельствует о том, что одним из приоритетов советской политики в изучаемый период было преодоление демографических последствий войны путем комплексной поддержки материнства и детства. В целом, этот опыт, с учетом его специфики и ограничений, является ценным источником для решения современных демографических проблем в условиях продолжающегося военного конфликта.

Список источников

1. Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-693. Оп. 3. Д. 3.
2. Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-693. Оп. 3. Д. 17.
3. Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-693. Оп. 3. Д. 42.
4. Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-2452. Оп. 5. Д. 4.
5. Ворошиловградская правда. 1945. 7 августа.
6. Гаврыш О.В. Приоритетные направления советской государственной семейной политики в 1945 – начале 1950-х гг. (на материалах УССР) // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 33 – 35.
7. Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 4 – 43.
8. Звезда. 1945. 25 мая.

9. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. М., 2015. URL: https://www.great-country.ru/content/library/knigi/sssr/sssr_i_strany_mira_v_cifrah_kalabekov_i_g/sssr_i_strany_mira_v_cifrah_kalabekov_i_g.pdf

10. Накачи М. Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х – 1960-х годах // Демографическое обозрение. 2022. Т.9. № 1. С. 34 – 55.

11. Россман Э. Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 2. С. 119 – 122.

12. Рубан А.А. Советская демографическая политика: особенности и результаты // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4А. С. 50 – 55.

13. Сборник законодательства об охране материнства и детства / ред. кол. К.И. Згурская и др. К.: Советская школа, 1959. 448 с.

14. Социалистическая Родина. 1949. 12 июня.

15. Удалова Т.М. Особенности социальной защиты детей и матерей Украины в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) // Исторические и политологические исследования. 2009. № 1. С. 87 – 94.

16. Шипик Н.Ф. Реализация пронаталистской политики в послевоенные годы на примере Сталинской области // Научные труды. 2009. Т. 115. Вып. 2. С. 56 – 62.

References

1. Archival Service of the Lugansk People's Republic. F. R-693. Op. 3. D. 3.

2. Archival Service of the Lugansk People's Republic. F. R-693. Op. 3. D. 17.

3. Archival Service of the Lugansk People's Republic. F. R-693. Op. 3. D. 42.

4. Archival Service of the Lugansk People's Republic. F. R-2452. Op. 5. D. 4.

5. Voroshilovgrad Pravda. 1945. August 7.

6. Gavrysh O.V. Priority Directions of the Soviet State Family Policy in 1945 – Early 1950s (Based on Materials of the Ukrainian SSR). Almanac of Modern Science and Education. 2015. No. 10. P. 33 – 35.

7. Zakharov S.V. History of birth rate in Russia: from generation to generation. Demographic review. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 4 – 43.

8. Zvezda. 1945. May 25.

9. Kalabekov I.G. USSR and countries of the world in figures. Reference publication. M., 2015. URL: https://www.great-country.ru/content/library/knigi/sssr/sssr_i_strany_mira_v_cifrah_kalabekov_i_g/sssr_i_strany_mira_v_cifrah_kalabekov_i_g.pdf

10. Nakachi M. Analysis of pro-natalist family policy in the USSR in the 1940s – 1960s. Demographic Review. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 34 – 55.

11. Rossman E. Mobilizing single mothers: demographic policy in the post-war USSR. Demographic Review. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 119 – 122.

12. Ruban A.A. Soviet demographic policy: features and results. Issues of Russian and international law. 2023. Vol. 13. No. 4A. P. 50 – 55.

13. Collection of legislation on the protection of motherhood and childhood. ed. staff. K.I. Zgurskaya et al. K.: Sovetskaya shkola, 1959. 448 p.

14. Socialist Motherland. 1949. June 12.

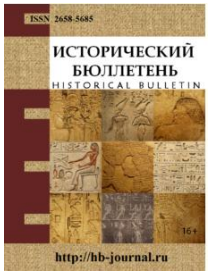
15. Udalova T.M. Features of social protection of children and mothers of Ukraine during the Second World War (1939-1945). Historical and political studies. 2009. No. 1. P. 87 – 94.

16. Shipik N.F. Implementation of pro-natalist policy in the post-war years on the example of the Stalinist region. Scientific works. 2009. Vol. 115. Issue 2. P. 56 – 62.

Информация об авторе

Гаврыш О.В., кандидат исторических наук, доцент, Луганский государственный педагогический университет

© Гаврыш О.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).084

Советское военное присутствие в Германии после победы: структура, задачи и силы ГСОВГ

[1] *Павленко А.И.,*
[1] *Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Челябинске*

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования ГСОВГ в 1945-1946 гг. Особое внимание уделено структуре, численности вооруженных сил СССР на немецкой территории в послевоенный период. Особое внимание уделено тому, что ГСОВГ выполняла стратегические задачи, связанные с обороной социалистического блока. В структуру ГСОВГ входили различные виды войск, включая танковые, мотострелковые и артиллерийские подразделения, а также единицы воздушной поддержки и разведки. Основные задачи, стоящие перед ГСОВГ, варьировались от обеспечения военной безопасности до участия в политическом управлении в зоне своей ответственности.

Ключевые слова: Вторая мировая война, ГСОВГ, СССР, ГДР, Берлинский кризис

***Для цитирования**: Павленко А.И. Советское военное присутствие в Германии после победы: структура, задачи и силы ГСОВГ // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 90 – 95.*

Поступила в редакцию: 9 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The Soviet military presence in Germany after the victory: the structure, tasks and forces of the GSOFG

[1] Pavlenko A.I.,
[1] Branch of the Military Training and Scientific Center of the Air Force Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin in Chelyabinsk

Abstract: the article discusses the problem of the formation of the GSOFG in 1945-1946. Special attention is paid to the structure and strength of the USSR armed forces on German territory in the post-war period. Special attention is paid to the fact that the GSOFG fulfilled strategic tasks related to the defense of the socialist bloc. The structure of the GSOFG included various types of troops, including tank, motorized rifle and artillery units, as well as air support and reconnaissance units. The main tasks facing the GSOFG ranged from ensuring military security to participating in political governance in their area of responsibility.

Keywords: World War II, GSOFG, USSR, GDR, Berlin crisis

***For citation**: Pavlenko A.I. The Soviet military presence in Germany after the victory: the structure, tasks and forces of the GSOFG. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 90 – 95.*

The article was submitted: July 9, 2025; Approved after reviewing: September 8, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

После окончания Второй Мировой войны СССР укрепил свое влияние в Восточной Европе, в том числе и на территории Германии. Создание Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) стало ключевым элементом военного присутствия СССР в разделённой стране. ГСОВГ (позднее ГСВГ) играла центральную роль в поддержании советского влияния в Восточной Германии, а также служила важным инструментом в холодной войне против НАТО.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на принцип объективности и принцип историзма, что подразумевает то, что автор руководствовался следующими принципиальными подходами: анализ исторических событий в их взаимосвязи, а не изолированно, выстраивая цепочки причин и следствий между различными историческими феноменами. В работе учтена разноплановость проблемы, ее неоднозначность и внутренние противоречия. ходе исследования использованы следующие методы: общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, логический метод, факторный анализ; исторические методы: историко-типологический метод, историко-системный метод.

Результаты и обсуждения

Исследованию проблемы дислоцирования группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) посвящено большое количество как отечественной, так и зарубежной научной исторической литературы. В частности, анализируют деятельность, основные задачи и цели ГСОВГ, количественный состав. В этой связи можно отметить работы А.А. Бабакова, А.М. Филитова, С.Н. Мудрова, А.П. Сенторусова и других. Зарубежными историками данный вопрос изучается в рамках исследования проблемы формирования «холодной войны», а также при анализе военно-политических стратегий СССР в послевоенное время (Foitzik J., Matthias U.).

Результаты исследования имеют важное значение для анализа размещения вооруженных сил СССР на немецкой территории в послевоенный период. Изучение данного вопроса представляет собой ключевой элемент для осмысления противостояния сверхдержав и значения СССР в европейской политике после 1945 года. ГСОВГ выступали фундаментальной составляющей оборонительной стратегии и геополитических расчетов Москвы, определяя соотношение военных потенциалов в центрально-европейском и восточно-европейском регионах. Изучение организационной структуры и стратегических целей советских войск позволяет глубже понять военную доктрину СССР и её эволюцию в ответ на трансформации международной обстановки.

На момент полной капитуляции Германии 8 мая 1945 свыше миллиона военнослужащих СССР находились в территории, впоследствии названной советской зоной оккупации (СОЗ). В основном это были солдаты, переброшенные с 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Также присутствовали части 1-го Украинского фронта, отряды НКВД, различные специальные советские группы и два польских военных соединения [1].

10 июня 1945 года произошло важное изменение: по распоряжению высшего руководства армии СССР, подписанному 29 мая, оперативное соединение под командованием маршала Г.К. Жукова, ранее известное как 1-й Белорусский фронт, получило новое официальное наименование – Группа советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). В оперативном отношении ГСОВГ по-прежнему подчинялись двум дивизиям 1-й польской армии и Днепровской флотилии.

Кроме того, на территории советской оккупационной зоны (далее – СОЗ) находились еще десять полков Внутренних войск СССР (НКВД/МВД), насчитывавших более 15000 человек. В их обязанности входила, прежде всего, охрана объектов важных зданий и сооружений советской разведки в СОЗ. Солдаты Внутренних войск также взяли на себя охрану десяти специальных лагерей, созданных НКВД в СОЗ, предназначенных для содержания под стражей бывших национал-социалистов и политических оппонентов. В СОЗ воздушную защиту войск обеспечивала 16-я воздушная армия со штабом, изначально размещенным в пригороде Берлина – Вольтерсдорфе. Армия включала в себя 9 истребителей, шесть бомбардировщиков и одну ночную бомбардировочную дивизии с общим авиапарком свыше 2000 летательных аппаратов.

Наряду с формированием группы советских оккупационных войск в Германии Сталин распорядился расформировать 13 стрелковых корпусов и 45 Стрелковых дивизий, которые также все еще находились на территории СОЗ. Одновременно с этим стартовало масштабное перемещение войсковых формирований на территорию Дальнего Востока для участия в военных действиях против Японии. В результате численность военнослужащих СССР, размещенных в подконтрольной Советскому Союзу части Германии в летний период 1945 года, уменьшилась на 700 тысяч солдат. В то

же время оставшиеся в СОЗ начали советские соединения приказом № 4 главнокомандующего ГСОВГ маршала Жукова от 15 июня 1945 г. возобновили боевую подготовку. Начавшаяся в июле 1945 года демобилизация Советской Армии, в ходе которой с военной службы были уволены в общей сложности 33 солдата, также повлияла на ГСОВГ. Еще в конце 1945 года соединения 47-й, 49-й и 70-я армия вернулась в СССР, где была расформирована. К осени 1946 года к 2-й и 5-й ударным армиям присоединились еще два оперативных соединения из состава группы советских оккупационных войск [10].

В то же время в рамках расформирования войск в рамках ГСОВГ отдельные дивизии изменили свое прежнее подчинение. Так, например, руководство 9 Стрелкового корпуса, ранее входившего в состав 5-й ударной армии, было включено в состав 3-й ударной армии. В их состав также вошла 94-я гвардейская стрелковая дивизия, которая осталась в составе 5-й ударной армии, которая должна была быть расформирована в СОЗ. 18-я стрелковая дивизия переформирована в 18-ю механизированную дивизию. Поскольку их расположение по-прежнему оставалось в Перлеберге, командование ГСОВГ передало и эту дивизию в подчинение 3-й ударной армии [9].

В 1947 году две танковые дивизии – 1-я и 11-я – были отделены от Группы советских войск в Германии. 11-ю дивизию перевели обратно в СССР, распределив её полки между разными военными объединениями. 1-я танковая дивизия номинально прекратила существование, но фактически её три танковых полка были переданы под командование 39-й и 207-й пехотных дивизий ГСОВГ. Эти структурные изменения, включая интеграцию 20-й механизированной дивизии, существенно укрепили боевой потенциал пехотных подразделений. «В 1945 году из 33-й и 364-я стрелковая дивизия сформировала 15-ю механизированную дивизию, но в том же году полностью распустила советское военное руководство, та же участь постигла и 82-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Однако части их подразделений нашли применение в 9-й механизированной дивизии. Таким образом, общая численность ГСОВГ к концу 1947 года снизилась примерно до 3000 человек» [10].

Несмотря на существенное уменьшение численности советских военных формирований в Советской оккупационной зоне и репатриацию множества подразделений и техники в Советский Союз, оставшиеся в Германии части достигли максимальной боевой эффективности. Оборудование и вооружение ликвидированных отрядов преимущественно передавалось ГСОВГ, где служило для укрепления, дооснащения и технического совершенствования военных структур.

К 1947 году внешний облик ГСОВГ претерпел значительные изменения. Изношенное обмундирование и защитные жилеты, характерные для военного периода 1945 года, полностью ушли в прошлое. ГСОВГ достигла полной моторизации всех своих подразделений. Автомобильный парк стрелковых дивизий расширился стремительными темпами: если в 1944 году на дивизию приходилось только 418 транспортных средств, то к 1948 году их число возросло до 1488 единиц – более чем в три раза [10]. Структура войск также изменилась: стрелковые дивизии усилились отдельными танковыми полками, а стрелковые полки получили дополнительные батареи самоходных зенитных установок. Используя имеющиеся в избытке вооружения, командование ГСОВГ приступило к трансформации ряда обычных стрелковых дивизий в моторизованные для повышения общей боеспособности группировки.

Военная компетентность пехотных объединений существенно усилились после реструктуризации и технического обновления в послевоенный период. Начиная с 1946 года, в их состав входили одна-две пехотные дивизии, моторизованное соединение и специализированные корпусные подразделения. Интегрировав моторизованную дивизию с новейшими артиллерийскими формированиями, руководство советских вооруженных сил предполагало, что пехотные корпуса обретут критическую способность автономно преодолевать оборонительные рубежи противника и осуществлять стремительное продвижение вглубь территории [4].

Перед обычными армейскими подразделениями стояли схожие цели, в их распоряжении находились пара пехотных корпусов и вспомогательные части. К 1950-м годам эти формирования трансформировались в мобильные оперативные объединения, обладающие превосходящим количеством танков и бронированной техники по сравнению с танковыми армиями СССР конца Второй Мировой войны. Однако, ключевой ударной мощью ГСОВГ выступали две механизированные армии, созданные на основе танковых соединений. Они включали в себя по две танковые и механизированные дивизии в одном случае, и три танковых плюс одну механизированную дивизию в другом, что пришло на смену предыдущей корпусной организации. Одновременно с этим, интеграция дополнительных вооруженных комплексов и подразделений дивизионного уровня обеспечила формирования большим количеством бронетехни-

ки, моторизованной пехоты и артиллерийских систем по сравнению с прежним 122-м корпусом [9].

Но для группы советских войск в Германии на первом плане стояли оборонительные задачи. Об этом свидетельствует хотя бы оперативный план, разработанный в ноябре 1946 года Оперативным управлением Генерального штаба Вооруженных Сил СССР для ГСОВГ. Планы Генерального штаба предусматривали, что в случае вооруженного конфликта с бывшими союзниками территория СОЗ изначально ни в коем случае не должна защищаться непосредственно на границе. Вместо этого основная линия обороны ГСОВГ должна была располагаться восточнее рек Эльбы и Заале. При этом армии общего назначения должны были замедлить продвижение противника, чтобы дать двум механизированным армиям, дислоцированным в СОЗ время для контратаки.

В соответствии с этими требованиями приказ №015 Главнокомандующего группой советских войск в Германии предусматривал: 15 января 1946 г. приступить к военным действиям в следующем порядке:

а) оборонительные операции,

б) операции отступления,

в) наступательные операции [2].

Уже два года спустя стало очевидным первое изменение в практике ГСОВГ. Теперь в первую очередь предстояли наступательные действия, такие как обширные маршевые учения в составе корпуса, а также проведение фронтовых контратак и высадки десанта по плану маневров. Берлинский кризис, начавшийся в июне 1948 года, окончательно привел к тому, что план обороны ГСОВГ от 1946 года был окончательно утвержден. В ночь с 23 на 24 июня 1948 года с прекращением всего железнодорожного и автомобильного сообщения между Берлином и Хельмштедтом началась горячая фаза блокады, перед группой советских войск в Германии стояла задача оказать военное давление на планы И.В. Сталина по захвату Западного Берлина [1].

Основа для военной кампании была создан еще в начале 1948 года. По завершении переговоров шести стран в Лондоне, где согласовали федеративную структуру будущего западно-германского государства и его участие в плане восстановления Европы, советское командование получило распоряжение сформировать стратегию «контрольно-ограничительных действий», связывающих Берлин и советскую территорию с зонами оккупации западных держав в Германии.

25 и 27 марта 1948 года маршалом В.С. Соколовским были изданы сверхсекретные приказы № 002 и 003. Эти приказы должны были свести к минимуму не только пассажирские и грузовые перевозки западных войск в Берлин и из него. В то же время охрана западной границы зоны СОЗ была значительно усилена. Советский Союз также укрепил кольцо вокруг Берлина. Согласно приказу № 003, который предусматривал «усиление охраны и контроля на внешних границах Большого Берлина, четыре мотострелковых батальона 1-й и 18-й механизированных дивизий вышли на позиции на окраинах города. Американская разведка и другие западные спецслужбы владели информацией о перемещении советских военных сил. Они отслеживали передислокацию примерно 20 тысяч солдат регулярной армии СССР и около 12 тысяч бойцов внутренних войск к приграничным территориям на западе социалистического лагеря. Кроме того, разведке было известно о проведении внезапных учений с поднятием войск по тревоге [10].

Так, на внешних границах Берлина советское военное руководство разместило в СОЗ пять-шесть своих дивизий, а также подразделения военно-воздушных сил и противовоздушной обороны. В их задачи входило обеспечение блокировки наземных и водных путей сообщения с Западным Берлином. Присутствие советских войск вокруг Берлина и на коммуникационных маршрутах города на запад исключало для США и их союзников, по крайней мере, возможность силового прорыва. Хотя Г. Клей все еще считал этот вариант перспективным в начале кризиса, Вашингтон быстро дал понять главнокомандующему американскими вооруженными силами в Европе, что «ввиду потенциального риска кризиса и недостаточной подготовки Соединенных Штатов к глобальному конфликту» правительство США выступает против вооруженных конвоев в Западный берлин.

К середине 1948 года военное присутствие Советского Союза в СОЗ составляло приблизительно 300 тысяч военных. Однако во время блокады Берлина количество советских войск в Восточной Германии существенно возросло. Параллельно с этим командование СССР обеспечило полную боевую готовность всех размещенных там воинских подразделений. Во время первого берлинского кризиса советские вооруженные силы в ГДР существенно укрепились. К ГСОВГ присоединились 8 новых дивизий – 4 танковые и 4 механизированные, а также сопутствующие армейские части. Контингент пополнился примерно 95 тысячами военнослужащих, переброшенных с территории СССР и Австрии. Военная техника была усилена приблизительно 2450 танками, 1400 самоходными артиллерийскими установками и 884 артиллерий-

скими орудиями разных типов. Интересно отметить, что по численности эти силы были сопоставимы с американским военным присутствием в Европе того периода. С дополнительным размещением двух армий в районе Большого Берлина советское военное руководство значительно изменило существующий баланс сил в свою пользу.

И.В. Сталин уклонялся от попыток воспрепятствовать воздушным перевозкам западных союзников с помощью военной силы и, очевидно, не собирался начинать войну из-за Берлина. 12 мая 1949 года он снял блокаду Западного Берлина, тем самым признав «первую крупную битву» холодной войны проигранной. Последующее формирование ФРГ и вскоре создание ГДР никак не повлияло на военные задачи ГСОВГ.

Выводы

Таким образом, структура ГСОВГ включала разнообразные военные формирования: от наземных армейских соединений и бронетанковых подразделений до воздушных сил и вспомогательных частей. Ключевая миссия данного военного контингента состояла в обеспечении безопасности западных границ Советского Союза и готовности к решительному отражению потенциальной агрессии.

Список источников

1. Бабаков А.А. Вооруженные Силы СССР: Вопросы и ответы. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1987. 141 с.

2. Генералов А.П. Историческое значение роли группы советских войск в германии (ГСОВГ, ГСВГ, ЗГВ) в поддержании мира и безопасности в Европе с 1945 по 1994 г. и нарушение баланса безопасности после ее вывода // XI Волконские чтения, посвященные 260-летию Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 309 – 331.

3. История Германской Демократической Республики. М.: Наука, 1975. 488 с.

4. Калинин А.М. Советская военная администрация в Германии и ее деятельность по демилитаризации советской зоны оккупации в 1945-1949 гг. (современная историография проблемы) // Власть. 2011. № 6. С. 161 – 163.

5. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Стат. исслед. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.

6. Сталинское десятилетие холодной войны = Stalin`s decade of the cold war: Stalin`s decade of the cold war: Факты и гипотезы / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 1999. 251 р.

7. Уль М. «Старший брат»: группа советских войск в германии как фактор власти советского союза в ГДР, 1945-1989 гг. // Имперская традиция в российской государственности в Новое и Новейшее время. Материалы международной научной онлайн-конференции. Москва, 2023. С. 221 – 229.

8. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941-1990. М.: Наука, 2009. 331 с.

9. Foitzik J., Petrow N.W. Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953. Berlin: De Gruyter, 2009. 527 p.

10. Matthias U. Krieg um Berlin? Die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. München, 2008. 301 p.

References

1. Babakov A.A. “The Armed Forces of the USSR: Questions and Answers.” Moscow: Novosti Press Agency Publishing House, 1987. 141 p.

2. Generalov A.P. “The Historical Significance of the Role of the Group of Soviet Forces in Germany (GSOVG, GSVG, ZGV) in Maintaining Peace and Security in Europe from 1945 to 1994 and the Disruption of the Security Balance after its Withdrawal.” In: The 11th Volkonsky Readings dedicated to the 260th Anniversary of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, 2024. P. 309 – 331.

3. History of the German Democratic Republic. Moscow: Nauka, 1975. 488 p.

4. Kalinin A.M. The Soviet Military Administration in Germany and Its Activities to Demilitarize the Soviet Occupation Zone in 1945-1949 (Modern Historiography of the Problem). Vlast. 2011. No. 6. P. 161 – 163.

5. Krivosheev G.F. Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Armed Forces Losses: Statistical Research. Moscow: OLMA-PRESS, 2001. 607 p.

6. Stalin's Decade of the Cold War = Stalin's Decade of the Cold War: Stalin's Decade of the Cold War: Facts and Hypotheses. Russian Academy of Sciences. Institute of General History. Moscow: Nauka, 1999. 251 p.

7. Uhl, M. "Big Brother": The Group of Soviet Forces in Germany as a Factor in the Power of the Soviet Union in the GDR, 1945-1989. The Imperial Tradition in Russian Statehood in the Modern and Contemporary Times. Proceedings of the International Online Scientific Conference. Moscow, 2023. P. 221 – 229.

8. Filitov A.M. Germany in Soviet Foreign Policy Planning, 1941-1990. Moscow: Nauka, 2009. 331 p.

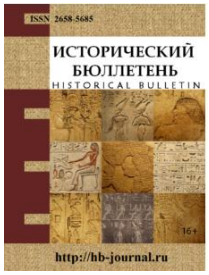
9. Foitzik J., Petrow N.W. The Soviet Revolution in the SBZ/DDR from 1945 to 1953. Berlin: De Gruyter, 2009. 527 p.

10. Matthias U. Krieg um Berlin? Die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. München, 2008. 301 p.

Информация об авторе

Павленко А.И., старший преподаватель, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Челябинске, г. Челябинск, 11-й городок, 1, belgorod890@yandex.ru

© Павленко А.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 379.85

Гастрономический туризм в Поволжье

[1] Карпов Д.В.,
[1] Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Аннотация: в статье рассматривается феномен гастрономического туризма в России как инструмента сохранения культурного наследия и развития регионального туризма. Автор анализирует ключевые направления гастрономического туризма в различных субъектах Российской Федерации, включая Республики Башкортостан, Татарстан, Мордовию, Нижегородскую и Самарскую области. Особое внимание уделяется роли национальной кухни в формировании туристической привлекательности регионов, а также влиянию гастрономических фестивалей и событийных мероприятий на продвижение локальных брендов. Исследуются механизмы взаимодействия туристической индустрии, малого бизнеса и сельского хозяйства в рамках гастротуризма. На основе анализа региональных практик делается вывод о значительном потенциале данного направления для устойчивого развития внутреннего и въездного туризма в России.

Ключевые слова: гастрономический туризм, национальная кухня, культурное наследие, региональный туризм, гастрономические фестивали

***Для цитирования**: Карпов Д.В. Гастрономический туризм в Поволжье // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 96 – 103.*

Поступила в редакцию: 10 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Gastronomic tourism in the Volga region

[1] Karpov D.V.,
[1] N.P. Ogarev Mordovian State University

Abstract: the article examines the phenomenon of gastronomic tourism in Russia as a tool for preserving cultural heritage and developing regional tourism. The author analyzes the key areas of gastronomic tourism in various regions of the Russian Federation, including the Republics of Bashkortostan, Tatarstan, Mordovia, Nizhny Novgorod and Samara regions. Special attention is paid to the role of national cuisine in shaping the tourist attractiveness of the regions, as well as the influence of gastronomic festivals and events on the promotion of local brands. The mechanisms of interaction between the tourism industry, small business and agriculture in the framework of gastrotourism are investigated. Based on the analysis of regional practices, it is concluded that this area has a significant potential for the sustainable development of domestic and inbound tourism in Russia.

Keywords: gastronomic tourism, national cuisine, cultural heritage, regional tourism, gastronomic festivals

***For citation**: Karpov D.V. Gastronomic tourism in the Volga region. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 96 – 103.*

The article was submitted: July 10, 2025; Approved after reviewing: September 8, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Гастрономический туризм в России – это увлекательное путешествие в мир национальных вкусов и кулинарных традиций. Он позволяет туристам не просто пробовать блюда, а глубже понимать культуру и историю регионов через их гастрономическое наследие. Россия с её огромной территорией и многообразием народов предлагает богатейшую палитру вкусов – от сытных блюд русской кухни до изысканных кавказских и азиатских угощений.

Одним из главных преимуществ гастрономического туризма является его способность привлекать путешественников в любое время года. В отличие от пляжного или горнолыжного отдыха, гастротуры не зависят от сезона, что делает их стабильным направлением для развития внутреннего и въездного туризма. Например, зимой туристы могут насладиться горячими сибирскими пельменями и сбитнем, а летом – свежими дарами природы, такими как алтайский мёд или астраханские арбузы [9].

Российские регионы активно развивают гастрономические бренды. Казань славится татарской кухней с её эчпочмаками и чак-чаком, Краснодарский край – казачьими угощениями, а Калининград привлекает любителей балтийской кухни, особенно свежей рыбы и копчёностей. Особый интерес вызывают гастрофестивали, такие как астраханский «Рыбный день» или воронежский «Праздник борща», которые собирают тысячи гурманов и способствуют популяризации локальных продуктов [7].

Гастрономический туризм также поддерживает малый бизнес и фермеров, создавая новые рабочие места в сельских районах. Дегустации, кулинарные мастер-классы и экскурсии на местные производства, будь то сыроварни, винодельни или пасеки, делают путешествие более интерактивным и запоминающимся [1].

Ещё одно важным направлением является этническая кухня, которая помогает сохранять традиции малых народов России. Доступ к старинным рецептам этнической кухни того или иного региона способствуют более глубокому погружению в историю народа, его обычаи и традиции. Предлагается рассмотреть основные туристические маршруты регионов Поволжья, которые направлены на популяризацию их культуры и истории через призму национальной кухни.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование выполнено на основе комплексного анализа научной, статистической и справочной литературы, а также материалов региональных туристских порталов и официальных сайтов органов власти. В качестве эмпирической базы использованы публикации в профильных журналах по туризму и культурологии, отчёты о развитии региональных туристских маршрутов, данные Федерального агентства по туризму, Министерства культуры РФ и региональных комитетов по туризму.

Методологическую основу составили сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить эволюцию гастрономических практик в контексте культурных традиций народов Поволжья, и контент-анализ, применённый к материалам СМИ и интернет-ресурсов о гастрономических фестивалях и событиях. Использование системного подхода обеспечило целостное рассмотрение гастрономического туризма как социокультурного и экономического явления.

Результаты и обсуждения

Открывает маршрут Башкортостан. Исконный уклад жизни башкир, веками балансировавший между зимовкой в стационарных деревнях и летними кочевьями, нашел прямое отражение в их кулинарных традициях. Это объясняет необычайное богатство и самобытность местной кухни. Основополагающим ингредиентом местной кухни является мясо (особенно конина и баранина) в любых его проявлениях: запечённое, вареное, жареное, сушеное, как основа для бульонов и лагманов. Это исторически обусловлено высокими энергозатратами башкирского народа и необходимостью быстрого восстановления сил такой сытной пищей. Характерной чертой является и обязательная подача к трапезе молочных продуктов: ни одно застолье не обходится без кумыса, айрана, корота, эремсека, сметаны или просто свежего молока. Кулинарное наследие региона зиждется на мастерском использовании злаков, которое нашло выражение далеко за пределами простых каш. Зерно здесь становится основой для насыщенных супов, всевозможных изделий из теста, отварных в бульоне или молоке, и, конечно, обильной выпечки. Подлинным кулинарным символом, пережившим века, остается усбосмак (также встречающийся как эчпочмак или учпочмак). Этот румяный треугольный пирожок, с его сбалансированной начинкой из мяса, картофеля и лука, ведет свою родословную от традиций тюркских кочевников. В одном ряду с ним стоят и другие знаковые угощения: рассыпчатый чак-чак, тонкие лепешки кыстыбый и сочные балеши.

Не менее глубоко укоренена в местной традиции особая философия совместного чаепития. Здесь оно давно перестало быть просто употреб-

лением напитка, превратившись в формат неспешной трапезы и общения. Стол к такому чаю никогда не бывает пустым. Предпочтение отдается черному чаю, который часто оживляют такими травами как душица, зверобой, чабрец. Венчает же эту традицию уникальный рецепт «розового чая»: когда очень крепкую заварку смягчают сливками, добиваясь нежного розовато-персикового оттенка [4].

Современные башкирские семьи демонстрируют глубокую преемственность в отношении гастрономического наследия, где кулинарные традиции осознанно культивируются как важная часть культурной идентичности. Сохранение аутентичных рецептов и многовековых практик питания здесь носит не формальный, а живой характер: согласно исследованиям, более 90% сельских и около 70% городских женщин регулярно готовят не менее десяти национальных блюд, а многие свободно владеют репертуаром из двадцати и более рецептов.

Эта кулинарная преемственность ярко проявляется в событийной палитре региона. Приготовление традиционных яств стало смысловым центром многих праздников и обрядов. Например, на фестивале «невестки – свекрови» в Абзелиловском районе молодые женщины состязаются в искусстве тонкой нарезки лапши и создании изысканной выпечки. Выставки-дегустации, организуемые сельскими жительницами, превратились в визитную карточку республиканских торжеств, а такие масштабные события, как Сабантуй, целостно посвящены демонстрации богатства башкирской кухни.

Особого признания удостоился гастрономический фестиваль «Гусь и мед» из Сибая, получивший в 2020 году специальную награду Russian Event Awards в номинации «Лучшее событие в области гастрономического туризма». Этот успех свидетельствует не только о высоком кулинарном мастерстве местных жителей, но и о растущем интересе к башкирской гастрономии как значимому туристическому ресурсу, способному рассказать о культурном коде региона через вкус и традиции.

Центральным элементом ключевых туристических маршрутов края по праву считается легендарный башкирский мед – гастрономическая визитная карточка региона. Его история неразрывно связана с древним бортничеством, познакомиться с которым сегодня можно на территории таких заповедных зон как биосферный заповедник «Шульган-Таш», заказник «Алтын Солок» и национальный парк «Башкирия» в Бурзянском районе. Здесь гостям предлагают уникальный опыт: принять непосредственное участие в сборе дикого меда прямо из дупла, совмещая это с наблюдением за аутентичными природными ландшафтами.

Данное направления получило новый импульс в развитии после открытия в 2018 году современного медоперерабатывающего завода и новой экспериментальной бортевой пасеки. Владельцы последней планируют создать уникальный туристический продукт в виде путешествия на традиционных телегах с полным погружением в историю и культурный контекст добычи этого уникального продукта. Таким образом, мед становится не просто сувениром, а точкой входа в живую историю и традиции края.

Следующей жемчужиной в гастрономической карте Поволжья по праву считается Республика Татарстан. С 2016 года столица республики становится местом проведения ежегодного гастрономического фестиваля «Вкусная Казань», главная цель которого заключается в комплексном знакомстве гостей и жителей города с многогранной татарской кухней, включая наследие знаменитого кулинара Юнуса Ахметзянова, а также с кулинарными традициями других народов.

Особое внимание в рамках фестиваля уделяется современным тенденциям: здесь представлены как новейшие, так и проверенные временем мировые тренды уличной еды, а также инновационные кулинарные проекты. В 2018 году событие было синхронизировано с чемпионатом мира по футболу FIFA, и особой достопримечательностью стала масштабная инсталляция – скатерть с национальной символикой стран-участниц [3].

Параллельно развивается и уникальный гастрономический бренд «Тюбетей» – сеть быстрого питания, предлагающая исключительно халяль-меню традиционной татарской кухни. Концепция отличается тотальной продуманностью: от аутентичных рецептур и составов начинок до деталей сервировки и фирменного стиля сотрудников. Архитектурное решение киосков повторяет форму традиционного головного убора. Кулинарную основу составляют знакомые и соседним регионам мучные изделия: очпочмак, элеш, перемяч, сладкая губадия и кыстыбый, дополненные десертными специалитетами – чак-чаком и баурсаком.

В марте 2018 года инициатива Государственного комитета по туризму Республики Татарстан, реализованная совместно с АНО «Центр развития туризма» и ведущими туроператорами Казани, воплотилась в брендовый маршрут «Татарстан: 1001 удовольствие». Маршрут предлагает новый взгляд на известные достопримечательности: от погружения в легенды Казани через образ царицы Сююмбике до яхтенной прогулки по Казанке, от изучения быта острова-града Свияжск и Великого

Болгара до гастрономических открытий в лучших ресторанах республики. Программа обогащена интерактивом: уроками танца «Апипа» в Старо-Татарской слободе, дегустациями местных настоек и памятными подарками от Visit Tatarstan.

Отдельного внимания заслуживает активная интернет-политика мэрии Казани, которая целенаправленно освещает гастрономические события города. Согласно информации пресс-центра, в 2022 году успешно прошел гастрофест «На Лебяжьем», а в августе 2023 года стартовал уже ставший традиционным фестиваль «Вкусная Казань», развернувшийся на территории у Центра семьи «Казан» и во дворе Присутственных мест.

Как сообщает информационное агентство «Татар-Информ», ключевой особенностью мероприятия в этом году стала оригинальная концепция «гастрономического городка» с тематическим зонированием: бургеры и шашлыки разместились на «проспекте Батыра», выпечка и напитки — на «улице Су Анасы», десерты и сладости – на «площади Сююмбике», а сувенирная продукция – на «аллее Зиланта». Помимо богатого разнообразия татарской национальной кухни, гости могли познакомиться с кулинарными традициями других народов – были представлены блюда турецкой, греческой, грузинской, мексиканской, итальянской и других кухонь мира.

Особым событием в программе фестиваля стал эксклюзивный мастер-класс от шеф-поваров, отмеченных звездами Michelin и участвующих в популярном реалити-сериале «Повара на колесах», что придало мероприятию международный престиж и профессиональный уровень.

Нижегородская область уверенно заявляет о себе на гастрономической карте России, предлагая уникальный кулинарный опыт. Визитной карточкой региона стал эксклюзивный фестиваль «Арзамасский гусь» в селе Морозовка, органично вписавшийся в общероссийский календарь гастрономических событий. Мероприятие разворачивается на территории природного комплекса «Морозовский», где гости погружаются в атмосферу настоящего праздника вкуса.

Фестивальная программа представляет собой гармоничный сплав гастрономии и традиций: профессиональные кулинарные баталии под руководством звездных шеф-поваров, аутентичный конкурс барбекю, где участники соревнуются в мастерстве приготовления на открытом огне, красочная ярмарка фермерских продуктов и ремесленных изделий. Завершаются дни фестиваля масштабными концертными программами и праздничным фейерверком, собирая до 10 тысяч ценителей качественной еды согласно статистике ТурСтата.

На территории Борского района располагается эко-аул «Джайляу». Он представляет собой уникальный культурно-гастрономический кластер, где воссоздан традиционный уклад казахского кочевого поселения. Гостей ожидает полное погружение в этническую атмосферу: жизнь в настоящих войлочных юртах, кулинарные практикумы по приготовлению плова и лепке мантов, знакомство с древними рецептами в ресторане «Астана». Особой популярностью пользуется ритуальная купель «Батыр-чан» с травяными настоями, предлагающая необычный спа-опыт на открытом воздухе.

Дополняют гастрономическую палитру региона:

- бар «Fidel» с концептуальной коктейльной картой;
- «Кулинарный театр со вкусом» с интерактивными гастрономическими шоу;
- историческая ресторация «Пяткинъ» с воссозданной дореволюционной кухней;
- арт-пространство «Шоколадная мастерская» с авторскими кондитерскими изделиями.

Каждый объект представляет собой не просто место питания, а законченный культурный нарратив, раскрывающий гастрономическую идентичность Нижегородчины через призму современных интерпретаций и бережного сохранения традиций.

Шоколадная мастерская в Дзержинске представляет собой камерное арт-пространство, специализирующееся на создании шоколадных изделий ручной работы и авторских печатных пряников по эксклюзивным рецептурам. В мастерской организована специальная зона для проведения интерактивных мастер-классов, где гости не только осваивают технологию создания шоколадных деликатесов и традиционных печатных пряников, но и учатся готовить современные десерты без использования муки и сахара.

Особенностью шоколадных мастер-классов является погружение в исторический контекст: участникам рассказывают о происхождении шокалада, этапах его трансформации от древних цивилизаций до современности. Практическая часть включает создание собственных шоколадных изделий под руководством опытного шоколатье, а также конкурс по художественному декорированию фигурного печенья глазурью и шоколадом, где каждый участник может проявить творческие способности.

Также туристам Нижнего Новгорода предлагается совершить однодневное путешествие на молочную ферму-сыроварню «Светлоярское» с дегустацией, а также в Старообрядческий край и сто-

лицу Золотой хохломы – Семенов с посещением местных музеев и знакомством с древнерусской архитектурой и промыслами.

Также в Нижнем Новгороде действует знаменитая Сормовская кондитерская фабрика, образованная в 1937 году. Это единственное предприятие Нижегородской области, которое выпускает все категории кондитерских изделий и имеет первичную переработку какао-бобов. На фабрике проводятся экскурсии, на которых можно продегустировать продукцию.

В целом, среди событийных кулинарных мероприятий Нижегородской области, можно отметить: фестиваль меда и фестиваль «Картофельный бум» в Арзамасском районе, праздники русской каши в Павловском районе, пряника в Городце, гастрономические торжества «Спелая вишня» и «Русская уха» в Бутурлинском районе, фестивали по ловле и приготовлению форели в Кстовском районе и чаепития «Со своим самоваром» в г. Бор, «Шашлыкиада» в Сосновском районе и кулинарный фестиваль в Лысковском районе. Все эти празднества представлены в районах, где пролегают основные туристические маршруты [6].

Следующей точкой поволжского гастротуризма является Самарская область. Она демонстрирует стремительное развитие гастрономического туризма, основанное на уникальном агрокультурном потенциале. Исторически сложившаяся благоприятная аграрная экосистема региона, особенно в сфере зерноводства, создала предпосылки для многопрофильного развития пищевой промышленности. К концу XIX века зерновое изобилие способствовало созданию пивоваренного производства – легендарного Жигулёвского пивоваренного завода, основанного австрийским предпринимателем Альфредом фон Вакано [5].

Завод, запущенный в марте 1881 года, первоначально выпускал пиво под брендом «Венское», которое мгновенно завоевало национальный рынок. Сегодня Жигулёвское пиво стало не просто напитком, а культурным феноменом, символизирующим Самару. В историческом здании завода функционирует культовый бар «Дно» – архитектурно-гастрономический памятник, притягивающий ценителей пивной культуры со всей России. Здесь можно не только продегустировать классическое Жигулёвское и крафтовые сорта, но и погрузиться в атмосферу дореволюционного пивоварения.

Гастрономическая идентичность региона ярко раскрывается через ежегодные фестивали, среди которых выделяется фестиваль народных традиций «Жигулёвская вишня». Мероприятие превращается в масштабную open-air лабораторию вкуса: гости участвуют в дегустациях вишнёвых пирогов от домашних пекарей и профессиональных шефповаров, становятся свидетелями процесса приготовления авторских видов варенья из местных ягод. Особую социальную значимость фестивалю придает благотворительная составляющая – доходы от продаж направляются в фонды поддержки местных сообществ.

Особой гордостью фестиваля «Жигулёвская вишня» стала возможность продегустировать уникальный сорт – бещевскую вишню, созданную селекционером-энтузиастом Алексеем Бещевым. Его многолетняя страсть к садоводству воплотилась в удивительном сорте: компактные деревья с крупными сочными ягодами, демонстрирующие исключительную урожайность. Особенностью этого сорта является позднее созревание – ягоды достигают пика совершенства к началу осени, что отличает их от традиционных летних сортов.

Самарская область представляет собой настоящий фруктовый кластер, где научно-исследовательский институт «Жигулёвские сады» систематизирует и развивает сортовое разнообразие. Учёными института изучены и адаптированы к местным условиям такие сорта вишни, как шаринская, финаевская, аморель ранняя (клон), десертная волжская и левошинская, каждый из которых обладает уникальными вкусовыми характеристиками и агротехническими свойствами.

Не менее значимым гастрономическим событием является фестиваль «Сызранский помидор», проводящийся с 2001 года. Это карнавальное действо начинается с красочного шествия по главному проспекту Сызрани, за которым следуют кулинарные баттлы, тематические викторины и выборы «Мисс Помидорки» и «Мистера Помидора». Кульминацией праздника становится запуск в небо символа фестиваля – гигантского красного шара Синьора Помидора.

Гастрономическая составляющая фестиваля представляет собой настоящую лабораторию томатных трансформаций: от классических варений и соусов до инновационных десертов, пирожных и крепких наливок из томатов. Посетители могут проследить эволюцию вкуса, начинающуюся от традиционных блюд и заканчивающих авангардными кулинарными интерпретациями, что делает фестиваль уникальной площадкой для гастрономических экспериментов и открытий.

Этот дуэт вишнёвого и томатного фестивалей создаёт гармоничный гастрономический годовой цикл, отражающий кулинарную идентичность Самарской области.

Завершает маршрут Республика Мордовия. В Республике Мордовия за последние годы инду-

стрия гостеприимства получила активное развитие. В регионе построены новые гостиницы, реконструируются памятники, религиозные объекты, открываются новые кафе, развлекательные, спортивные и торговые комплексы, магазины по реализации туристского снаряжения, сувениров и местной продукции, благоустраиваются места отдыха, создаются глэмпинги, ремонтируются и строятся дороги к объектам туристического показа, проходят различные фестивали, выставки, соревнования международного, общероссийского и республиканского уровней, проводятся обучающие мероприятия по развитию туристического бизнеса, разрабатываются приоритетные инвестиционные проекты, региональные бренды, интересные туристские маршруты, развиваются разные, в том числе новые, направления туризма [2]. Особого внимания заслуживает гастрономический туризм, так как Мордовия славится своей национальной кухней.

На территории республики проводится экскурсионно-гастрономический тур «Национальная кухня». Тур проводится на базе Мордовского государственного природного заповедника имени П. Г. Смидовича, где в рамках посещения достопримечательностей центральной усадьбы заповедника можно познакомиться с блюдами из трех национальных кухонь на выбор: русской, мордовской и татарской.

Программа тура включает в себя:

– посещение визит-центра в центральной усадьбе заповедника – поселке Пушта (мероприятия на различные темы в зависимости от программы, круглогодично);

– экскурсия по экологической тропе «Знакомьтесь: Мордовский заповедник!». Кольцевая экотропа познакомит с разнообразием природы Мордовского заповедника и его обитателями (май - октябрь);

– экскурсия на подкормочные площадки в рамках тура «Наблюдения за животными» (в зимний период);

– экскурсия в Музей природы. Современный музей природы из 4 залов закрепит знания о природе, полученные на экологической тропе;

– обед в самобытной самоварной.

Также в поселке Пушта проводится гастрономический тур «Кулинарные традиции Темникова». Программа данного тура включает в себя мастер-классы, увлекательные развлекательные программы и, конечно же, дегустации блюд русской и мордовской кухни. Предлагается посетить этно-дом «Русский» и окунуться в атмосферу народных традиций, а затем отправиться в этно-дом «Мордовский», чтобы попробовать мордовские блины «пачат» из печи.

Так как мордовский край славится своими сырами, на территории сыроваренного завода «Сармич» в Ичалковском районе регулярно проводятся гастрономические экскурсии. На сегодняшний день «Сармич» является одним из крупнейших предприятий сыроваренной отрасли в России. Предприятие оснащено уникальным оборудованием, на заводе выпускается более 15 наименований твердых и полутвердых сыров, натуральное сливочное масло. Здесь расскажут о производстве, покажут изготовление, упаковку и хранение выпускаемой продукции. Кроме этого, предлагается продегустировать различные сорта сыра.

В Теньгушевском районе в селе Шокша действует козья ферма «Мардарика», на которой располагается своя сыроварня. На ферме производится 12 разных вкусов консервированного козьего сыра. Помимо этого, проводятся уникальные агроэкскурсии, на которых можно посетить козью ферму, пообщаться с такими животными как козы, козлята, куры, кролики, собаки, а также поучаствовать в мастер-классах по доению коз.

В Мордовии активно набирает популярность пчеловодство. В селе Пайгарма Рузаевского района располагается семейная пасека «Традиции Турбиных», по которой радушные владельцы регулярно проводят экскурсии. На ней можно узнать о жизни пчел, о способах создания меда и других продуктах пчеловодства, об уникальных свойствах маточного молочка, трутневом молочке, пыльце, перге, прополисе, пчелином яде.

Программа экскурсии на пасеку «Традиций Турбиных» состоит из 3 частей:

– весёлые игры на улице. Они направлены на сплочение детского коллектива, командообразование; развитие интереса к соревнованиям; развитие внимания, быстроты, ловкости; приобщение школьников к здоровому образу жизни.

– погружение в таинственный мир пчёл, изучение процесса их рождения, сбора нектара и многое другое. Интерактивный формат с рассказом от опытного пчеловода;

– чаепитие с дегустацией мёда и пчелиного хлеба. И главный гвоздь программы – медовый фонтан.

В Мордовии производится собственный сидр в сидрерии «Край Земли», которая находится в Ардатовском районе. История данного места начинается аж с 1927 года – с момента образования организации «Агролес». По неподтвержденным данным в дореволюционное время землями садов владел состоятельный мордовский купец Спасов, который выращивал саженцы лесных культур. В

течение следующих десятилетий плодопитомник занимался выращиванием саженцев вишни, яблони, смородины. С середины 50-х годов в плодопитомнике стали заниматься ягодными культурами и заложили новый сад с яблонями на карликовых подвоях.

В 1988 предприятие переименовывают в совхоз «Мордовский». В последующие 20 лет происходит реорганизация, смена названий и увеличение территории совхоза до 351 гектара. В дальнейшем земли садов становятся бесхозными, а в 2021 году их выкупает уроженец с. Безводного Ардатовского района Александр Земченко. В 2023 году в старом здании цеха по переработке овощей и фруктов начинается модернизация и перестройка помещений под сидрерию «Край Земли». На данный момент предприятие производит различные сорта мордовского сидра, которые пользуются спросом по всей России.

Выводы

Подводя итог, можно сделать вывод, что гастрономический туризм в Поволжье представляет собой уникальный синтез культурных традиций, исторического наследия и современных кулинарных трендов. Регионы демонстрируют удивительное разнообразие гастрономических брендов – от кочевых традиций башкирской кухни до татарских концепций быстрого питания. Фестивальная культура стала мощным драйвером развития, превращая локальные продукты в объекты международного внимания через такие события, как «Жигулёвская вишня» и «Сызранский помидор». Особую ценность представляет сохранение аутентичных рецептов и культурных практик, что позволяет говорить о гастротуризме как о форме сохранения нематериального культурного наследия. Такие интерактивные форматы как мастер-классы в шоколадной мастерской, участия в бортевом пчеловодстве создают незабываемые впечатления даже для самых взыскательных и искушенных туристов. Развитая инфраструктура гастрономического туризма способствует экономическому развитию территорий, поддерживая малый бизнес и фермерские хозяйства. Поволжский гастрономический кластер успешно сочетает этническую аутентичность с современными интерпретациями, предлагая многогранное путешествие во вкусе и времени.

Список источников

1. Белова С.К. Цели и ценности развития гастрономического туризма регионов России // Социально-экономическое развитие регионов в условиях цифровой трансформации: Международная научно-практическая конференция: сборник статей: в 2-х ч. Омск, 30 ноября – 01 2023 года. Омск: Омская гуманитарная академия. 2024. С. 209 – 222.

2. Гриненко С.В., Логинова А.Д. Гастрономический туризм как форма детского и семейного туризма // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2021. № 2 (10). С. 41 – 53.

3. Карасева Я.С., Садыкова Г.Р., Михеева Е.Е. Гастрономический туризм как инструмент продвижения событийного туризма в Республике Татарстан // «Тур-фактор 2018" – "событийный туризм как главный фактор развития территории»: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Казань, 12 апреля 2018 года. Казань: ООО "Ро́кета". 2018. С. 47 – 50.

4. Киреева Ю.А., Молчанова А.О. Возможности и перспективы развития гастрономического туризма в Республике Башкортостан // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2023. Т. 17. № 1. С. 34 – 44.

5. Алексушин Г.В., Кузьмина В.В. Самарская кухня - концепт гастрономического туризма // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XL Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 декабря 2020 года. Пенза: «Наука и Просвещение». 2020. С. 119 – 121.

6. Левковец А.В., Аникина А.В. Событийные мероприятия и туризм в сельских поселениях // Развитие аграрного сектора экономики России в условиях санкций. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых. ФГБОУ ВПО «НГСХА». 2016. С. 149 – 150.

7. Сивашински А.И. Событийно – гастрономический туризм, как дополнительный способ развития туризма в регионах России Федерации // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2020. № 1. С. 284 – 288.

8. Чаусов Н.Ю., Сандомирская А.Ю. Гастрономический туризм как перспективное направление развития внутреннего туризма в России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 1. № 8 (140). С. 55 – 64.

9. Юрченко А.А. Этно-гастрономический туризм как способ сохранения и Возрождения этнокультурного наследия в рамках развития внутреннего туризма // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2024. № 1. С. 166 – 168.

References

1. Belova S.K. Goals and values of developing gastronomic tourism in the regions of Russia. Socio-economic development of regions in the context of digital transformation: International scientific and practical conference: collection of articles: in 2 parts. Omsk, November 30 – January 01, 2023. Omsk: Omsk Humanitarian Academy. 2024. P. 209 – 222.

2. Grinenko S.V., Loginova A.D. Gastronomic tourism as a form of children's and family tourism. Professor's journal. Series: Recreation and tourism. 2021. No. 2 (10). P. 41 – 53.

3. Karaseva Ya.S., Sadykova G.R., Mikheeva E.E. Gastronomic tourism as a tool for promoting event tourism in the Republic of Tatarstan. "Tour factor 2018" - "event tourism as the main factor in the development of the territory": Proceedings of the IX International scientific and practical conference, Kazan, April 12, 2018. Kazan: OOO "Roketa". 2018. P. 47 – 50.

4. Kireeva Yu.A., Molchanova A.O. Opportunities and prospects for the development of gastronomic tourism in the Republic of Bashkortostan. Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 34 – 44.

5. Aleksushin G.V., Kuzmina V.V. Samara cuisine – a concept of gastronomic tourism. Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations: Collection of articles of the XL International scientific and practical conference, Penza, December 15, 2020. Penza: "Science and Education". 2020. P. 119 – 121.

6. Levkovets A.V., Anikin A.V. Event activities and tourism in rural settlements. Development of the agricultural sector of the Russian economy under sanctions. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation of students and young scientists. FGBOU HPE "NGSKhA". 2016. P. 149 – 150.

7. Sivashinsky A.I. Event and gastronomic tourism as an additional way to develop tourism in the regions of the Russian Federation. ASOU Conference: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences. 2020. No. 1. P. 284 – 288.

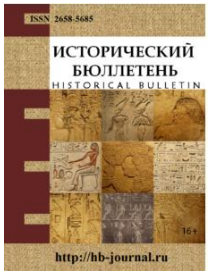
8. Chausov N.Yu., Sandomirskaya A.Yu. Gastronomic tourism as a promising direction for the development of domestic tourism in Russia. Economy and Management: Problems, Solutions. 2023. Vol. 1. No. 8 (140). P. 55 – 64.

9. Yurchenko A.A. Ethno-gastronomic tourism as a way to preserve and revive ethnocultural heritage in the framework of domestic tourism development. Proceedings of the scientific and scientific-methodical conference of the faculty of the Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism. 2024. No. 1. P. 166 – 168.

Информация об авторе

Карпов Д.В., аспирант, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, gaz_978@mail.ru

© Карпов Д.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (47)

Модернизация судебной системы в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации в 1990 г. – начале 21 в.

[1] Авдеев Р.Ю.,
[1] Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока

Аннотация: статья посвящена анализу реформы судебной системы России в конце 20 века, с акцентом на изменениях в Дальневосточном федеральном округе. Выявлено, что в этот период судебная система претерпела значительные структурные и функциональные преобразования, обусловленные переходом от советской модели к новой правовой парадигме. Реформа судебной системы включала в себя пересмотр статуса судей: были введены принципы несменяемости, неприкосновенности и профессиональной независимости. Законодательные изменения, такие как принятие Закона «О статусе судей в Российской Федерации», установили новые требования к квалификации и этике судей. В Дальневосточном регионе это привело к постепенному обновлению судейского корпуса, хотя сохранялись проблемы с кадровым дефицитом и уровнем профессиональной подготовки в отдалённых районах. Здесь исторически существовали особенности правоприменения из-за географической удалённости и многонационального состава населения, поэтому реформы приобрели специфический характер. В целом трансформация судебной системы в Дальневосточном федеральном округе отразила общероссийские тенденции, но имела и региональную специфику, связанную с географическими, экономическими и социальными факторами.

Ключевые слова: трансформация, судебная система РФ, судебная власть, арбитражные суды, судебная реформа, Дальневосточный регион

***Для цитирования**: Авдеев Р.Ю. Модернизация судебной системы в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации в 1990 г. – начале 21 в. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 104 – 109.*

Поступила в редакцию: 11 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Modernization of the judicial system in the Far Eastern Federal District of the Russian Federation in the 1990s - early 21st century

[1] Avdeev R.Yu.,
[1] Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East

Abstract: the article is devoted to the analysis of the reform of the Russian judicial system at the end of the 20th century, with a focus on the changes in the Far Eastern Federal District. It has been identified that during this period, the judicial system underwent significant structural and functional transformations driven by the transition from the Soviet model to a new legal paradigm. The judicial reform included a revision of the status of judges: principles of irremovability, immunity, and professional independence were introduced. Legislative changes, such as the adoption of the Law «On the Status of Judges in the Russian Federation» established new requirements for judges' qualifications and ethics. In the Far Eastern region, this led to a gradual renewal of the judicial corps, although

problems with personnel shortages and the level of professional training in remote areas persisted. Historically, there were peculiarities in law enforcement here due to geographic remoteness and the multiethnic composition of the population, which gave the reforms a specific character. Overall, the transformation of the judicial system in the Far Eastern Federal District reflected nationwide trends but also had regional specifics related to geographic, economic, and social factors.

Keywords: transformation, judicial system of the Russian Federation, judicial power, arbitration courts, judicial reform, Far Eastern region

***For citation**: Avdeev R.Yu. Modernization of the judicial system in the Far Eastern Federal District of the Russian Federation in the 1990s – early 21st century. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 104 – 109.*

The article was submitted: July 11, 2025; Approved after reviewing: September 19, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Процессы трансформации российской судебной системе, как целом, так и в отдельных региона рассматриваются в ряде научных публикаций. Так, В.В. Геранин и С.Н. Мальцева [5], А.Н. Ермаков и Л.Г. Щербакова изучив отличительные признаки, присущие судебной власти в правовом государстве, акцентируют внимание на проблемах обеспечения единого правового пространства Российской Федерации, нормативном значении решений Конституционного Суда РФ, отнесения их к источникам права, и трудностях, с которыми столкнулась судебная система при создании и функционировании присяжных заседателей [8]. Анализируя влияние судов разного типа на правовое пространство, ученые заостряют внимание на специализации судебной деятельности, иерархии органов судебной власти, а также подробно останавливаются на упразднении Высшего Арбитражного Суда РФ и передачи его полномочий Верховному Суду РФ [8]. Е.Е. Пономарева [14], П.А. Гук [7], Р.А. Александров, В.А. Горленко, И.Н. Кондрат, И.Л. Третьяков [1], признают приоритет интеграции судов в региональную систему государственной власти, но и важность осуществления своих полномочий самостоятельно и организационно обособленно от других органов государственной власти субъектов РФ.

Изучая особенности судебных реформ в РФ, В.Ю. Пантелеев доказывает, что актуальным направлением судебной реформы является дальнейшая специализация судов и судей, что проявляется в принятии Кодекса административного судопроизводства РФ, создании специализированных арбитражных судов, дальнейшем распространении конституционных (уставных) судов субъектов РФ [12].

Часто обращаются специалисты и к вопросу перспектив развития российской судебной системы. Так, А.П. Феоктистов, считает, как и иные авторы [13], что главным направлением направлений судебной реформы является объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ» [20]. А.К. Горбуз и В.Ф. Попондопуло в своих трудах рассматривают вопрос децентрализации судебной системы, что напрямую связано с разрешением судебного федерализма [6, 16]. А.И. Лебедев рассматривал судебную систему региона как важный компонент его статуса [10]. М.А. Пономарева в докторской диссертации обосновывает наличие причинно-следственных связей между зарождением рыночных отношений после распада СССР, сопровождающихся появлением экономических споров между хозяйствующими субъектами, и отсутствием соответствующего правового обоснования [15].

Управленческие структуры старались исправить ситуацию, но война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики» [11].

Материалы и методы исследований

Анализ современного состояния судебной системы РФ основывается на аксиоме, что именно она является основой правовых механизмов по эффективной защите прав и свобод граждан, конституционно закрепленные права и свободы человека и гражданина являются действующими. Каждому гарантируется судебная защита прав и свобод независимым и беспристрастным судом. Реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений, а также оптимизация судебного процесса и упрощение процедуры рассмотрения споров и исполнения судебных решений являются основными направлениями развития судебной реформы в РФ.

Трансформация советского общества, безусловно, повлияла на реформирование судебной системы Российской Федерации. Переход к ры-

ночной экономике, демократизация политического процесса и формирование правового государства потребовали пересмотра роли судебной власти.

В Дальневосточном регионе, где исторически существовали особенности правоприменения из-за географической удалённости и многонационального состава населения, реформы приобрели специфический характер.

Принятие Конституции РФ 1993 г. закрепило принцип разделения властей и независимости судебной системы, что стало ключевым фактором её модернизации. Введение института судебного конституционного контроля, а также создание новых судебных инстанций, таких как арбитражные суды и мировые судьи, способствовало децентрализации судебной власти. В Дальневосточном федеральном округе это проявилось в усилении роли судов в разрешении экономических споров, связанных с развитием региона, а также в повышении доступности правосудия для населения.

К проблемам, приведшим к становлению системы арбитражных судов на Дальнем Востоке России в конце 20 века, можно отнести, прежде всего, крах плановой экономики и появление рыночных отношений, что привело к увеличению числа хозяйствующих субъектов, включая частные предприятия и кооперативы. До 1991 г. экономические конфликты между предприятиями рассматривались государственными арбитражами, которые были частью исполнительной власти и не обладали независимостью [19].

Результаты и обсуждения

Старые структуры не были приспособлены для работы в условиях рыночной конкуренции и многообразия форм собственности. С появлением частного бизнеса такая система стала неэффективной, поскольку не хватало правовых механизмов для защиты интересов предпринимателей, решения принимались под административным давлением, а не на основе права. Это потребовало новых механизмов разрешения экономических споров, которые ранее регулировались административными методами через государственные арбитражи. На Дальнем Востоке, где экономика традиционно зависела от госпредприятий (рыболовство, судостроение, добыча ресурсов), конфликты между частными компаниями и государством требовали независимого арбитража [17].

Такие проблемы возникали повсеместно и для их решения в 1991 г. был принят Закон РСФСР «Об арбитражном суде», который упразднил государственные арбитражи и создал независимые арбитражные суды. В 1992 г. был принят первый Арбитражный процессуальный кодекс (АПК РФ), который установил процедуру рассмотрения споров. В 1995 г. последовало утверждение ФКЗ «Об арбитражных судах», которым была введена трехзвенная система (суды субъектов, окружные суды, Высший Арбитражный Суд).

Становление системы арбитражных судов на Дальнем Востоке России в конце 20 века происходило в контексте масштабных экономических и судебных реформ в стране в несколько этапов. Первый – условно определяется с конца 1980 г. до начала 1990 г. когда в СССР и РСФСР начался переход к рыночной экономике и приняты законы, заложившие основы частной собственности и предпринимательства (Закон СССР «О кооперации» (1988) и законы РСФСР «О собственности» и «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1990), что потребовало создания независимых судебных структур. Реформы заложили основу для дальнейшего развития независимой судебной власти в России.

Второй этап – 1991-1992 гг. когда начинается формирование системы арбитражных судов после принятия Закона РСФСР «Об арбитражном суде», который упразднил государственные арбитражи и создал новую судебную систему для разрешения экономических споров. В 1992 г. был создан Хабаровский краевой арбитражный суд, который стал первым в Дальневосточном регионе. Его возглавил Виктор Елизаров, который сыграл ключевую роль в организации работы суда. Первоначально штат состоял из 21 судьи, но материальная база была слабой [9]. Сложности заключались в острой нехватке кадров. Так, судьям приходилось совмещать несколько должностей. Почти полностью отсутствовала инфраструктура, суды работали в неприспособленных помещениях [3].

Будучи председателем Хабаровского арбитражного суда, а затем ФАС ДВО, В. А. Елизаров активно участвовал в формировании судебной практики. Например, под его руководством суды начали применять новые нормы ГК РФ, что помогло бизнесу адаптироваться к рыночным условиям. К началу 2000 г. система арбитражных судов на Дальнем Востоке стала частью судебной системы России, обеспечив защиту прав предпринимателей в условиях рыночной экономики. В частности, арбитражные суды Дальнего Востока часто рассматривали конфликты между рыболовецкими компаниями и государством из-за квот и налогов. Решения судов способствовали легализации теневого оборота в отрасли [2].

Третий этап характеризуется развитием арбитражной системы в 1990 г. В 1995 г. был принят Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», который закрепил трехзвенную систему арбитражных су-

дов: суды субъектов, окружные суды и Высший Арбитражный Суд РФ. В том же году Хабаровский краевой арбитражный суд был переименован в Арбитражный суд Хабаровского края, а также был образован Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа (ФАС ДВО) в Хабаровске [18]. Он стал кассационной инстанцией для судов Дальнего Востока, включая Приморский край, Камчатку, Сахалин и другие регионы. Становление арбитражных судов на Дальнем Востоке сопровождалось трудностями: нехваткой кадров, слабой материально-технической базой и отсутствием судебной практики. Тем не менее, уже в первые годы работы арбитражные суды региона зарекомендовали себя как эффективные инструменты защиты прав предпринимателей. Была налажена система рассмотрения споров, а также началось внедрение современных технологий, таких как видеоконференц-связь [4].

Четвертый этап условно определяется с начала 2000 г., когда система арбитражных судов на Дальнем Востоке была трансформирована на основе нового Арбитражного процессуального кодекса (2002 г.), который ввел апелляционные суды, завершив переход к четырехзвенной системе. Реформа судебной системы включала в себя пересмотр статуса судей: были введены принципы несменяемости, неприкосновенности и профессиональной независимости. Законодательные изменения, такие как принятие Закона «О статусе судей в Российской Федерации», установили новые требования к квалификации и этике судей. В Дальневосточном регионе это привело к постепенному обновлению судейского корпуса, хотя сохранялись проблемы с кадровым дефицитом и уровнем профессиональной подготовки в отдалённых районах.

Выводы

Таким образом, становление арбитражных судов на Дальнем Востоке стало частью масштабной судебной реформы, направленной на создание независимой и эффективной системы правосудия в экономической сфере. Судебная система Дальневосточного федерального округа, как и всей России, приобрела более чёткую организационную структуру, основанную на принципах независимости и профессионализма. Однако процесс модернизации сопровождался трудностями, включая недостаточное финансирование, низкую скорость адаптации правовых норм и сохраняющееся влияние региональных элит на судебные процессы. В целом, как видится, трансформация судебной системы в Дальневосточном федеральном округе отразила общероссийские тенденции, но имела и региональную специфику, связанную с географическими, экономическими и социальными факторами.

Список источников

1 Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX-XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. 2012. № 1. С. 97 – 101.

2 Арбитражные суды. Елизаров Виктор Александрович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--d1aiaa2aleeao4h.xn--p1ai/sudii/elizarov-viktor-aleksandrovich/from/4 (дата обращения: 15.05.2025)

3 Арбитражный Суд Дальневосточного Округа (АС ДВО). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pravo.ru/arbitr_practice/courts/4/ (дата обращения: 15.05.2025)

4 Арбитражный суд Хабаровского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://khabarovsk.arbitr.ru/ (дата обращения: 15.05.2025)

5 Геранин В.В., Мальцева С.Н. Судебная власть в системе разделения властей и ее отличительные признаки // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 11. С. 237 – 243.

6 Горбуз А.К. Суд в системе разделения властей: российская модель // Кодекс info. 2001. № 11 (323). С. 3 – 37.

7 Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: процессы демократизации // Юридическая техника. 2014. №8. С. 126 – 129.

8 Ермаков А.Н., Щербакова Л.Г. Роль судов в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 232 – 238.

9 Зеркало истории российского арбитража. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-06-20-06-17/zerkalo-istorii-rossiyskogo-arbitrazha/ (дата обращения: 15.05.2025)

10 Лебедев А.И. Статус субъекта Российской Федерации (основы концепции, конституционная модель, практика). М.: ИГиП РАН, 1999. 197 с.

11 Обращение к советскому народу Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gorby.ru/userfiles/gkchp_19_3.pdf (дата обращения: 15.05.2025)

12 Пантелеев В.Ю. Построение эффективной системы защиты прав граждан – основная задача судебной реформы в РФ // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 4 (23). С. 74 – 89.

13 Плескунов А.В. Основные этапы формирования судебной системы РФ // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 5. С. 124 – 127.

14 Пономарева Е.Е., Курбачевская К.И. Место и роль судебной власти в системе государственной власти РФ // Вопросы студенческой науки. 2024. № 4 (92). С. 194 – 198.

15 Пономарева М.А. Власть и общество на юге России в условиях политических и социально-экономических преобразований в 1960-1990-е гг.: диссертация. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказский федеральный университет 2020. 665 с.

16 Попондопуло В.Ф. Система третьей власти: от горизонтальной организации к вертикальной // Закон. 2004. № 10. С. 113 – 118.

17 Приговор дальневосточному «Общаку». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.debri-dv.ru/article/1764 (дата обращения: 15.05.2025)

18 Сайт «Шестой арбитражный апелляционный суд». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://6aas.arbitr.ru/ (дата обращения: 15.05.2025)

19 Современное Состояние Экономики Дальнего Востока России и Северо-Восточная Азия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ier.hit-u.ac.jp/~kumo/RussianFarEast_ru.pdf (дата обращения: 15.05.2025)

20 Феоктистов А.В. Перспективы развития российской судебной системы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. №2 (22). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 20.05.2025)

References

1 Aleksandrov R.A., Gorlenko V.A., Kondrat I.N., Tretyakov I.L. Russia at the Turn of the 20th-21st Centuries: Reform of the Judicial System. The World of Politics and Sociology. 2012. No. 1. P. 97 – 101.

2 Arbitration Courts. Elizarov Viktor Aleksandrovich. [Electronic resource]. Access mode: https://xn--d1aiaa2aleeao4h.xn--p1ai/sudii/elizarov-viktor-aleksandrovich/from/4 (date of access: 05.15.2025)

3 Arbitration Court of the Far Eastern District (AC FED). [Electronic resource]. Access mode: https://pravo.ru/arbitr_practice/courts/4/ (date of access: 15.05.2025)

4 Arbitration Court of Khabarovsk Krai. [Electronic resource]. Access mode: https://khabarovsk.arbitr.ru/ (date of access: 15.05.2025)

5 Geranin V.V., Maltseva S.N. Judicial power in the system of separation of powers and its distinctive features. Humanitarian Scientific Bulletin. 2020. No. 11. P. 237 – 243.

6 Gorbuz A.K. Court in the system of separation of powers: Russian model. Codex info. 2001. No. 11 (323). P. 3 – 37.

7 Guk P.A. Judicial practice as a form of judicial rule-making in the legal system of Russia: democratization processes. Legal technique. 2014. No. 8. P. 126 – 129.

8 Ermakov A.N., Shcherbakova L.G. The role of courts in ensuring a single legal space of the Russian Federation. Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 501. P. 232 – 238.

9 Mirror of the history of Russian arbitration. [Electronic resource]. Access mode: https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-06-20-06-17/zerkalo-istorii-rossiyskogo-arbitrazha/ (date of access: 15.05.2025)

10 Lebedev A.I. Status of a subject of the Russian Federation (fundamentals of the concept, constitutional model, practice). Moscow: Institute of Law and Legal Policy of the Russian Academy of Sciences, 1999. 197 p.

11 Appeal to the Soviet people of the State Committee on the State of Emergency in the USSR. [Electronic resource]. Access mode: https://www.gorby.ru/userfiles/gkchp_19_3.pdf (date of access: 15.05.2025)

12 Panteleev V.Yu. Building an effective system for protecting citizens' rights is the main task of judicial reform in the Russian Federation. Bulletin of the Humanitarian University. 2018. No. 4 (23). P. 74 – 89.

13 Pleskunov A.V. The main stages of the formation of the judicial system of the Russian Federation. International scientific journal "Innovation Science". 2015. No. 5. P. 124 – 127.

14 Ponomareva E.E., Kurbachevskaya K.I. The place and role of the judiciary in the system of state power of the Russian Federation. Issues of student science. 2024. No. 4 (92). P. 194 – 198.

15 Ponomareva M.A. Power and society in the south of Russia in the context of political and socio-economic transformations in the 1960-1990s: dissertation. Rostov-on-Don: North Caucasus Federal University 2020. 665 p.

16 Popondopulo V.F. The system of the third power: from horizontal to vertical organization. Law. 2004. No. 10. P. 113 – 118.

17 Sentence to the Far Eastern "Obshchak". [Electronic resource]. Access mode: http://www.debri-dv.ru/article/1764 (date of access: 05.15.2025)

18 Website "Sixth Arbitration Court of Appeal". [Electronic resource]. Access mode: https://6aas.arbitr.ru/ (date of access: 15.05.2025)

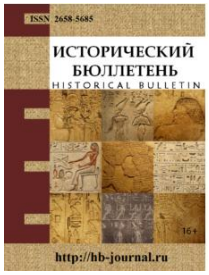
19 Current State of the Economy of the Russian Far East and Northeast Asia. [Electronic resource]. Access mode: https://www.ier.hit-u.ac.jp/~kumo/RussianFarEast_ru.pdf (date of access: 15.05.2025)

20 Feoktistov A.V. Prospects for the Development of the Russian Judicial System. Electronic scientific journal "Science. Society. State". 2018. Vol. 6. No. 2 (22). [Electronic resource]. Access mode: http://esj.pnzgu.ru (date of access: 20.05.2025)

Информация об авторе

Авдеев Р.Ю., аспирант, Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, 690001, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89

© Авдеев Р.Ю., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).084.5+355

К вопросу об особенностях военной реформы 1924-1928 годов на примере организации военно-учетной работы в Псковской губернии

[1] Сковорода Е.В.,
[1] Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний

Аннотация: в статье рассматривается одна из особенностей военной реформы 1924-1928 годов, заключающаяся в приближении учетно-мобилизационной работы и допризывной подготовки к условиям реальной действительности путем непосредственного участия в этой работе воинских частей; анализируется исполнение закона о реорганизации местных органов военного управления, в соответствии с которым губернские и соответствующие им по правам военные комиссариаты реорганизуются в управления территориальных округов; дается описание военно-учетной работы 56-й дивизии; рассматриваются основания участия дивизии в мобилизации населения, призыве, допризывной и вневойсковой подготовке населения.

На основе архивных данных Государственного архива и Государственного архива новейшей истории Псковской области в статье приводятся данные о призыве и мобилизации населения в Псковской губернии в 1924–1928 годах; цитируются архивные документы о проведении учебных сборов, выдержки из агитационных материалов, предписаний терармейцам; дается подробное описание мест сбора подучетных лиц, дат прибытия командного и политического состава; рассматриваются обязанности руководителей предприятий, учреждений и организаций, а также председателей волисполкомов и органов милиции. Кроме того, в статье описывается проведение допризывной подготовки и вневойсковой работы среди населения.

Ключевые слова: военная реформа 1924-1928 годов, военный комиссариат, Псковская губерния, мобилизационная подготовка, допризывная подготовка, терармейцы

***Для цитирования**: Сковорода Е.В. К вопросу об особенностях военной реформы 1924-1928 годов на примере организации военно-учетной работы в Псковской губернии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 110 – 115.*

Поступила в редакцию: 11 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

On the features of the military reform of 1924-1928: the organization of military registration in the Pskov province

[1] Skovoroda E.V.,
[1] St. Petersburg University Federal Penitentiary Service

Abstract: the article examines one of the features of the military reform of 1924-28, which is to bring accounting and mobilization work and pre-conscription training closer to the conditions of reality through the direct participation of military units in this work; analyzes the implementation of the law on the reorganization of local military administration bodies, according to which provincial and their respective military commissariats are reorganized into the administration of territorial districts; a description of the military accounting work of the 56th division is

given; the reasons for the division's participation in the mobilization of the population, conscription, pre-conscription and non-military training of the population are indicated.

Based on archival data from the State Archives and the State Archives of the Modern History of the Pskov Region, the article provides information on the conscription and mobilization of the population in the Pskov Province in 1924-28. It cites archival documents on training exercises, excerpts from propaganda materials, and instructions for the Territorial Army. The article provides a detailed description of the locations where the conscripts were gathered, the dates of arrival of the command and political staff, and the responsibilities of the heads of enterprises, institutions, and organizations, as well as the chairmen of the village executive committees and the police. In addition, the article describes the implementation of pre-conscription training and non-military activities among the population.

Keywords: military reform of 1924-1928; military commissariat; Pskov province; mobilization training; pre-conscription training; Terarmeytsy

For citation: *Skovoroda E.V. On the features of the military reform of 1924-1928: the organization of military registration in the Pskov province. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 110 – 115.*

The article was submitted: July 11, 2025; Approved after reviewing: September 9, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Военная реформа 1924-1928 годов ознаменована важным этапом формирования вооруженных сил. Ее главной задачей было преобразование Красной Армии в соответствии с требованиями, которые были выявлены в ходе первой мировой и гражданской войны в СССР.

До 1924 года учетно-мобилизационная работа и допризывная подготовка была возложена на губернские и уездные военные комиссариаты.

Однако практический опыт этой работы без участия воинских частей не принес нужного результата.

9 января 1925 года местные органы военного управления, в их числе губернские, уездные, волостные военные комиссариаты, реорганизуются в корпусные, дивизионные и губернские (областные) управления территориальных округов [1].

Функции военных комиссариатов закрепляются за управлениями. В должностные обязанности начальников управлений входит организация мобилизационной, допризывной, вневойсковой, подготовки, а также призывов на срочную службу, проведение учебных сборов и т.д. [1].

Материалы и методы исследований

Для изучения особенностей военной реформы 1924–1928 годов обратимся к архивным материалам Псковской области и на примере работы военно-учетных органов Псковской губернии рассмотрим реализацию закона о реорганизации местных органов военного управления, принятого 9 января 1925 года, путем анализа и описания исторических документов.

Результаты и обсуждения

В январе 1923 года был расформирован Псковский уездный военный комиссариат.

В 1924 году та же участь постигла Псковский губернский военный комиссариат.

Упразднение комиссариатов всех ступеней, в их числе волостных, уездных, губернских, было обосновано проведением в стране на основе решения пленума ЦК РКП (б) и 13 съезда партии военной реформы [16, с. 110].

После вступления в силу закона о реорганизации местных органов военного управления в 1925 году уездные военные комиссариаты были сохранены лишь в отдельных регионах в качестве основного учетно-мобилизационного аппарата и подчинялись начальнику управления территориального округа [1].

Там же, где они были упразднены (в том числе и в Псковской губернии), учетом военнообязанных, лошадей, повозок и упряжи занимались волостные и районные исполнительные комитеты и военно-учетные столы при органах милиции – в городах с большой численностью населения [1].

На основании Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 21 декабря 1926 года число военных делопроизводителей в каждом волостном и районном исполнительном комитете определялось с учетом местных особенностей, плотности населения, занимаемой территории. Назначали военных делопрозводителей на должность и увольняли их с должности председатели исполнительных комитетов или начальники милиции, проводившие военно-учетную работу [14, с. 20].

В соответствии с реструктуризацией военного аппарата территория Ленинградского военного округа была разбита на 10 территориальных округов: Ленинградский, Череповецкий, Архангельский, Северо-Двинский, Карельской АССР, Мур-

манский, автономной области Коми, 10-й, 16-й и 56-й стрелковой дивизий [16, с. 111].

Управление территориального округа 56-й стрелковой дивизии размещалось в Пскове и осуществляло призыв и мобилизацию граждан на правах упраздненного военного комиссариата [10, с. 187-188, 197].

Уже 7 августа 1925 г. начальником управления округа был подписан приказ о проведении трехнедельных учебных сборов терармейцев 1899-1901 годов рождения.

Сбор военнообязанных Пскова и Псковоградской волости осуществлялся в городе в помещении Омских казарм 24 сентября 1925 г. Сборные пункты Славковской, Заройской, Горской, Краснопрудской волостей располагались на железнодорожных станциях Подсевы, Карамышево, Новоселье, Красные Пруды. Жители Палкинской волости прибывали в деревню Ветошка Псковоградской волости. Срок их прибытия был назначен на 23 сентября.

На неделю раньше 14 сентября на сборы собирался командно-политический состав, следом за ними 17 сентября – административно-хозяйственный.

В предписании, выдаваемом терармейцам, было рекомендовано вымыться в бане, сделать короткую стрижку, помимо постельных принадлежностей и двух мешков для хранения собственных вещей указывалось на обязательное наличие служебной книжки терармейца, проездного свидетельства и продуктов питания сроком на два дня [2, с. 31].

В организации учебных сборов, кроме территориальных управлений, были задействованы волисполкомы и органы милиции. Руководители этих органов власти, а также предприятий, учреждений и организаций должны были обеспечить выполнение сборов и своевременную явку военнообязанных. На учебных сборах предполагалось освоение не только военного дела, но военно-политическое просвещение, в частности изучение истории и задач Красной Армии, опасности новых войн и пр. [2, с. 56].

56-я дивизия проводит учебные сборы не только с приписным составом, но и с новобранцами. Такие сборы для новобранцев 1903 года рождения были организованы в начале 1926 г. В установленный срок к месту сборов прибыло 94,3 % или 3790 из подлежавших явке 4018 человек. Почти 6 % (228 человек) не явилось по уважительным причинам (5,7 %). Причинами неявки стали болезнь, выполнение хозяйственных дел, нахождение в промыслах. Из прибывших около 4 % были безграмотными, 96 % не состояли в партии и имели крестьянское происхождение [3, с. 32].

В том же 1926 г. 56-я дивизия проводит призыв приписного состава 1904 года рождения. Подлежало призыву 21504 человека, из них прибыли своевременно 95 %, 734 человека не прибыли по различным причинам, 346 терармейцев явились с задержкой [7, с. 2-3].

По данным архива ГАПО, призывная комиссия работала на Советской площади, дом имени Фрунзе, бывшие Присутственные места, подъезд № 1. Руководили призывом заместитель начальника Управления Борисов и начальник учмоботделения Ерохов [9, с. 31].

Подготовка к призыву была организована на 25 допризывных пунктах в Псковском, Порховском, Островском и Опочецком уездах. В 1926 и 1927 годах подготовку к призыву должны были пройти новобранцы 1905-1906 года рождения в количестве 11553 человека [11, с. 2].

В сентябре 1926 г. в течение двух недель дивизия проводит большие сборы для нескольких тысяч терармейцев и красноармейцев. Маневры организуются на территории Островского и Новоржевского уездов. Перед началом маневров Президиум губисполкома предпринял меры для исключения недоброжелательного отношения к бойцам местного населения. Последние также призывались бдительно относиться к незнакомым лицам, находящимся недалеко от мест проведения маневров. При подозрительном поведении лиц, сборе ими сведений о состоянии частей Президиум губисполкома призывал немедленно их задерживать и сопровождать в военный штаб [11, с. 2].

Впервые на эти маневры из Псковского и Порховского уездов была мобилизована 1 тысяча лошадей. Поставляли их обычные крестьяне, которым в сутки за лошадь с повозкой выплачивалась компенсация в сумме 1 рубль 25 копеек [11, с. 2].

Весенний осмотр лошадей в уезде производился ежегодно. В связи с этим по городу были размещены объявления, призывающие владельцев лошадей, как частных, так и государственных, доставлять их на сгонный пункт, расположенный на Советской площади [8, с. 50].

Помимо обучения допризывников и терармейцев дивизия проводила большую вневойсковую работу среди населения. За городскими клубами закреплялись части дивизии, в функции которых входило проведение военно-просветительской работы среди населения допризывного возраста. Представители частей проводили вечера «спайки», организовывали лекции, кружки просветительского характера и др. Благодаря этой работе в 1926 г. в клубах функционировали 126 военных

уголков и 112 кружков военных знаний. Военно-просветительская работа проводится и в школах [6, с. 98].

56-я дивизия выполняла функции Псковского губернского и уездного военных комиссариатов до середины 1927 года, когда на основании Постановления ВЦИК состоялось новое административно-территориальное деление, повлекшее преобразование управлений территориальных округов в военные комиссариаты.

В августе 1927 года территория страны вновь подвергается территориальному изменению. Постановлением ВЦИК от 1 августа 1927 года Псковская губерния была упразднена. Территория губернии примкнула к Ленинградской области и была разделена на Великолукский и Псковский округа. Вместо волостей в Псковском округе было создано 18 районов. Таким образом, на смену Псковской губернии – Псковского уезда и 18 волостей пришла Ленинградская область, Псковский округ и 18 районов этого округа [15, с. 32].

За новым административно-территориальным делением последовало преобразование военных управлений. Функционирующие управления территориальных округов были вновь заменены на окружные военные комиссариаты. Каждому комиссариату в зависимости от количества состоящих на учете военнообязанных присваивался разряд: от 1 до 5-го.

Самым малочисленным был окружной военный комиссариат 5 разряда, в котором на учете состояло менее 10 000 человек. Самому многочисленному военному комиссариату присваивался 1 разряд. В нем на учете состояло свыше 50 000 военнообязанных [1].

На основании постановления Революционного военного совета Ленинградского военного округа от 29 ноября 1927 года № 43004 Управление территориального округа 56-й стрелковой дивизии было переформировано в Окружной военный комиссариат 1 разряда, а окружному военному комиссару присвоена категория К–9 и разряд содержания 13-й [12, С. 4].

На должность окружного военного комиссара решением Реввоенсовета Округа был назначен начальник управления территориального округа 56-й стрелковой дивизии Борисов. В связи с тем, что на момент назначения, он находится на курсах усовершенствования командного состава, временное исполнение его обязанностей возложено на начальника мобилизационного отделения Ерохова [12, с. 4].

Через полтора года последний станет приемником Борисова в должности окружного военного комиссара (протокол № 1 п. 5 от 6 апреля 1929 г.) [5, с. 1об.].

Псковский окружной военный комиссариат обслуживает несколько районов округа, предположительно, Палкинский, Карамышевский, Славковский и Псковский районы, в состав которых входят населенные пункты бывших волостей Псковского уезда. На правах волостных в округе самостоятельно функционируют Порховский, Островский, Опочецкий и Новоржевский райвоенкоматы [12, с. 219].

Одним из ключевых аспектов в работе Псковского окружного военного комиссариата является подготовка к призыву. Этот вопрос неоднократно поднимается на заседаниях президиума окрисполкома. К призывной работе подключаются все его административные отделы. Производится проверка состояния приписной работы. Уполномоченные от военкомата посещают призывников на дому с целью проверки необходимых сведений, выявляют не приписанных к призывным участкам. Разворачивается массовая агиткампания. Для городских призывников агитационная работа проводилась по клубам, в сельских местностях – в сельсоветах. В день отправки к месту службы призывники посещали рабочие клубы, где для них были организованы киносеансы и концерты. На железнодорожной станции будущих защитников Родины провожали с оркестром [13, с. 14, 23, 28].

В отчете Ерохова о призыве граждан на военную службу за 1928 год звучат следующие показатели: преобладающие заболевания у призывников – глазные, внутренние, ухо, горло, нос, хирургические и нервные. Безусловно годными в 1928 году являются 57,8 % (1927 г. – 46,1 %), годными к строевой службе – 5,6 % (1927 г. – 7,6 %), годными к нестроевой службе – 14,3 % (1927 г. – 19,3 %), негодными – 13,9 % (1927 г. – 16,2 %), отсрочку получили – 8,5 % (1927 г. – 10,7 %) [13, С. 22–33].

Наряд на призыв в 1928 году составлял 1259 человек. Призвано – 1270, что составило 105 % от наряда. В розыске по округу насчитывалось 162 призывника [13, с. 22-33].

Во всех призывных комиссиях председателями являлись военкомы, а в их отсутствии – начальники мобилизационных частей военкоматов.

Псковские окружные военные комиссариаты ведут свою работу до 23 июля 1930 года, когда ввиду нового административно-территориального деления вместо окружного военного комиссариата формируется Псковский участковый военный комиссариат [5, с. 2].

Выводы

Таким образом, на основании документов Государственного архива Псковской области и Госу-

дарственного архива новейшей истории Псковской области авторами работы установлено, что упразднение Псковского губернского и уездного военного комиссариатов в 1923-24 годах и возложение их функций на 56-ю дивизию вызвано военной реформой 1924-1928 гг., главной задачей которой было приближении учетно-мобилизационной работы и допризывной подготовки к условиям реальной действительности путем непосредственного участия в этой работе воинских частей.

56-я дивизия выполняла функции Псковского губернского и уездного военных комиссариатов до середины 1927 года, когда на основании Постановления ВЦИК состоялось новое административно-территориальное деление, повлекшее преобразование управлений территориальных округов в военные комиссариаты.

С этого периода и до июля 1930 года в Пскове осуществляет свою работу Псковский окружной военный комиссариат.

Список источников

1. Военная реформа 1924-1925 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://studfile.net/preview/8924397/page:15/
2. Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 1. Оп. 3. Д. 544.
3. Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 385.
4. Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 65.
5. Государственный архив Псковской области. Р-324. Оп. 1. Д. 293.
6. Государственный архив Псковской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 422.
7. Государственный архив Псковской области. Ф. 1. Оп. 3. Д. 101.
8. Государственный архив Псковской области. Ф. 530. Оп. 1. Д. 463.
9. Государственный архив Псковской области. Ф. 530. Оп. 1. Д. 700.
10. Государственный архив Псковской области. Ф-590. Оп. 1. Д. 1506.
11. Государственный архив Псковской области. Ф-590. Оп. 2. Д. 192.
12. Государственный архив Псковской области. ФР-324. Оп. 1. Д. 245.
13. Государственный архив Псковской области. ФР-324. Оп. 1. Д. 246.
14. Государственный архив Псковской области. ФР-560. Оп. 1. Д. 463.
15. Манаков А.Г., Евдокимов С.И., Григорьева Н.В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. Псков, 2010. 216 с.
16. Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968. 564 с.
17. Псковский набат. 1926. 24 ноября.
18. Российский государственный военный архив. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 39.

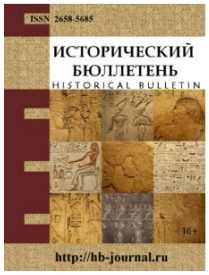
References

1. Military Reform of 1924-1925. [Electronic resource]. URL: https://studfile.net/preview/8924397/page:15/
2. State Archives of Contemporary History of Pskov Oblast. F. 1. Op. 3. D. 544.
3. State Archives of Contemporary History of Pskov Oblast. F. 1. Op. 1. D. 385.
4. State Archives of Contemporary History of Pskov Oblast. F. 7. Op. 1. D. 65.
5. State Archives of Pskov Oblast. R-324. Op. 1. D. 293.
6. State Archives of Pskov Oblast. F. 1. Op. 1. D. 422.
7. State Archives of Pskov Oblast. F. 1. Op. 3. D. 101.
8. State Archives of Pskov Oblast. F. 530. Op. 1. D. 463.
9. State Archives of the Pskov Region. F. 530. Op. 1. D. 700.
10. State Archives of the Pskov Region. F-590. Op. 1. D. 1506.
11. State Archives of the Pskov Region. F-590. Op. 2. D. 192.
12. State Archives of the Pskov Region. FR-324. Op. 1. D. 245.
13. State Archives of the Pskov Region. FR-324. Op. 1. D. 246.
14. State Archives of the Pskov Region. FR-560. Op. 1. D. 463.
15. Manakov A.G., Evdokimov S.I., Grigorieva N.V. Russia's Western Borderland: Geographical Aspects of the Formation and Development of the Pskov Region. Pskov, 2010. 216 p.
16. Order of Lenin: Leningrad Military District. Historical Essay. Leningrad, 1968. 564 p.
17. Pskov Alarm. November 24, 1926.
18. Russian State Military Archive. Collection 39352, List 1, D. 39.

Информация об авторе

Сковорода Е.В., кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний

© Сковорода Е.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (47)

Образ советского учителя в 60-70-е гг. XX в. на страницах «Учительской газеты»

[1] Иванов С.Е.,
[1] Иркутский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению образа учителя по материалам «Учительской газеты» 1960-1970 гг. На основе систематической выборки мы выявляем профессиональные роли и ценностные характеристики педагога в динамике двух десятилетий. Методологическая рамка включает тематический контент-анализ. Операционализация включает три группы индикаторов: ценностные качества, профессиональные роли и социальные роли. Новизна исследования в том, что в нашем подходе «Учительская газета» выступает как источник официальной трактовки образа советского учителя и в то же время, через жанры заметок, писем, репортажей позволяет считать образы учительской повседневности. Опираясь на такую платформу, мы сможем перейти к анализу повседневной жизни советского учителя с учетом региональной специфики – повседневности иркутского учителя 1960-1970-х гг., что позволит нам выявить региональные сдвиги: какие элементы официального образа в Иркутске усиливаются, адаптируются или дают сбой.

Ключевые слова: повседневность, нормативный образ, советский учитель, периодическая печать, СССР, школа

***Для цитирования**: Иванов С.Е. Образ советского учителя в 60-70-е гг. XX в. на страницах «Учительской газеты» // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 116 – 121.*

Поступила в редакцию: 12 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The image of a Soviet teacher in the 1960-70s on the pages of the "Teacher's Newspaper"

[1] Ivanov S.E.,
[1] Irkutsk State University

Abstract: the article is devoted to the study of the image of a teacher based on the materials of the "Teachers' Newspaper" of the 1960-1970s. Based on a systematic sample, we identify professional roles and value characteristics of a teacher in the dynamics of two decades. The methodological framework includes thematic content analysis. Operationalization includes three groups of indicators: value qualities, professional roles and social roles. The novelty of the study is that in our approach, the "Teachers' Newspaper" acts as a source of official interpretation of the image of a Soviet teacher and, at the same time, through the genres of notes, letters, reports, it allows us to consider the images of teachers' everyday life. Based on such a platform, we will be able to move on to an analysis of the everyday life of a Soviet teacher, taking into account regional specifics - the everyday life of an Irkutsk teacher in the 1960-1970s, which will allow us to identify regional shifts: which elements of the official image in Irkutsk are being strengthened, adapted or failing.

Keywords: everyday life, normative image, Soviet teacher, periodical press, USSR, school

***For citation**: Ivanov S.E. The image of a Soviet teacher in the 1960-70s on the pages of the "Teacher's Newspaper". Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 116 – 121.*

The article was submitted: July 12, 2025; Approved after reviewing: September 10, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Период 1960-1970-х гг. в истории отечественного школьного образования занимает особое место как время масштабных реформ и модернизационных процессов, определивших траекторию советской школы, но и время, в которое советское школьное образование становится полностью сформированным и устоявшимся государственным институтом. Установленный в эти годы образовательный «канон» оказал существенное влияние на весь последующий отечественный опыт в сфере массового школьного образования [3, с. 279-287].

Советская профессиональная школьная пресса значительно способствовала тому, чтобы в обществе формировался верный взгляд на совершенство системы школьного образования. Публикации в них формировали не только повседневную педагогическую работу, но и образ педагога как символа социального и культурного идеала: лицом школы, носителем ценностей служения, компетентности и инициативности, а также арбитром норм и устоев школьной жизни.

Материалы и методы исследований

В качестве основного источника анализа была выбрана «Учительская газета». Она представляла собой центральное педагогическое издание СССР и являлась специализированным общесоюзным источником для работников народного образования. Учредителем и издателем газеты выступало Министерство просвещения СССР совместно с Центральным комитетом профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений [2].

Материал газеты включал нормативные, методические разъяснения и передовой педагогический опыт. Как исторический источник газета ценна трансляцией официальной образовательной политики и идеологических норм. Она сочетает нормативный дискурс с живыми письмами работников школ, что позволяет сопоставить «верхний» курс и «низовую» практику педагогического сообщества.

Объектом исследования является образ советского учителя в публикациях «Учительской газеты» 1960-1970 гг. Предметом выступают способы конструирования и трансляции этого образа в периодической профессиональной прессе и их эволюция в пределах двух десятилетий.

Методология включает тематический контент-анализ и нарративный анализ иллюстративного ряда. [4] Тематический контент-анализ фиксирует частоты ролей и качеств, а также доли жанров и тональных регистров [6].

Результаты и обсуждения

Исследовательские вопросы структурируют анализ по пяти направлениям: какие типы образа учителя транслируются; какие качества нормируются и в каких комбинациях; как эти типы распределяются по жанрам.

В начале 1960-х гг. миссия учителя задаётся нормой – «дело школы – в характере дела учителя», а не в лозунге. «Учительская газета» этого периода не только сопровождает реформы и обмен опытом, но фактически конструирует новую грамматику профессии. На газетных полосах выстраивается целостный образ учителя с ясно проговорёнными ценностями служения, компетентности и инициативности, с расширенным спектром профессиональных ролей от предметника и классного руководителя до завуча и руководителя кружка, с социальными амплуа наставника, общественника, новатора и пропагандиста педагогических практик и с эмоциональным тоном от героизации к нормативной дидактике и спокойной проблематизации.

Основа педагогической деятельности в первой половине 1960-х гг. – служение учителя своей профессии. Публикации «Учительской газеты» о трудовом воспитании показывают учителя не как носителя лозунга, а как организатора устойчивых процессов: работа на пришкольных участках, мастерских, производственных бригадах, в кружках. «Дело школы держится на делах учителя» – так читается сквозной рефрен в репортажах 1962 г.: служение – это совместная с детьми ответственность за время и результат.

Компетентность учителя перестаёт быть синонимом «знает предмет». Учитель, в публикациях газеты 1965-1969 гг. конструирует учебную задачу, различает цель и средство, управляет ритмом, выстраивает вопросы, запускает самостоятельную работу учеников, применяет прозрачные критерии оценивания. Центральная фигура образовательно системы – педагог, который умеет превращать ошибку в ресурс, а знание – в деятельность. Инициативность учителя в газетной «оптике» – не вспышка энтузиазма, а норма профессионализма.

Организовать кружок, собрать олимпиадную команду, связать уроки с вузовской лабораторией, организовать «номера дружбы» со школой-соседом, наладить школьную редакцию – ожидаемая линия поведения опытного учителя. К концу десятилетия активные учителя получают управленскую поддержку: у директора и завуча появляются инструменты планирования, а удачные педагогические практики переводятся в «методические модели», готовые к тиражированию - «Зрелость учителя видна не в звании, а в том, как он превращает ошибку ученика в задачу для класса» [7, с. 111].

Учитель – предметник 1960-х гг. выступает конструктором урока и переводчиком исследовательской логики в школьный формат. В заметках газеты «о биологии на стыке школы и вуза» лаборатория становится не местом, а способом думать: «вопрос – опыт – объяснение – вывод» – такая представляется логика педагогической деятельности. В методических рубриках газеты урок раскладывается на этапы и «узлы»: постановка проблемы, отбор материала, вопросы, переходы, самостоятельная работа, критерии. **А учитель – классный руководитель представляется в «Учительской газете»** не просто организатором класса, а архитектором социальной среды – «школа-семья-досуг-производство». Газета описывает его работу через конкретику расписания: классный час, читательские конференции, расписание кружков, встречи с наставниками и шефствующим цехом, консультации для родителей. В подборках «Добрые вести, интересные дела» 1967 г. классный руководитель виден как координатор множества линий, который удерживает устойчивый ритм класса и обеспечивает продолжение урока в делах.

Учитель – завуч в статьях газеты выходит из учетной тени к роли модератора изменений. Очерки середины десятилетия называют его «домашним методистом»: он собирает сетку взаимопосещений уроков, планирует проблемные темы, организует методические дни и разборы уроков, распределяет поддержку молодых. По сути, завуч – оператор качества, он задаёт критерии качественного урока, обеспечивает обратную связь, превращает опыт в общешкольную норму. «Руководить – значит уметь задать вопрос к завтрашнему уроку, а не только снять отчёт за вчерашний» [7, № 121].

Учитель – молодой специалист – герой рубрик профессионального становления. Газета выстраивает его путь как серию публичных проб от первого открытого урока и совместной подготовки с наставником до публикаций коротких методических заметок. Ошибка для молодого учителя – это не пятно в репутации, а повод для разговора с администрацией и с наставником.

Образ учителя – наставника, общественника, новатора и пропагандиста так же возможно выделить при анализе статей «Учительской газеты» 1960-х гг. **Учитель – наставник** на газетных полосах – не просто контролер молодого специалиста, а его партнёр. При помощи совместных разработок урока, разборов допущенных ошибок вот стандартные инструменты, которыми наставник работает с молодым учителем. Взаимопосещения уроков педагогами и «учительские университеты» институционализируют наставничество: опыт превращается в инструкцию, а не в воспоминание, и получает «адресатов» внутри школы.

Учитель – общественник в свою очередь строит «соседство» школы с учреждениями микрорайона. Дом пионеров, библиотека, клубы по месту жительства, шефствующий цех – это не приписки в отчетных документах, а сцены работы с детьми и родителями. В 1967 г. газета показывает, как общественные связи становятся продолжением урока через читательские конференции учителя укрепляют словесность, при помощи кружков – математику и естественные науки, а производственные дела способствуют усвоению трудового воспитания.

Учитель – новатор в начале десятилетия именуется «энтузиастом», а к концу – становится источником «переносимой практики». Его урок или кружок описываются так, чтобы их можно было повторить: план, задачи, материалы, критерии, типичные ошибки. Такое видение на страницах газеты выражается при помощи перехода от биографических историй к методическим конструкциям урока. На страницах газеты 1962 г. изображается учитель, как мастер олимпиадных задач – **руководитель кружка**, а школьный кружок – лаборатория наблюдений в биологии, и радиотехническая мастерская. В 1969 г. акцент смещается к методике: как связать кружок с уроком, как вернуть задачи в «пятиминутки», как поддерживать устойчивый набор занятий. **И наконец, учитель – пропагандист** в школьном контексте – это редактор школьных практик. Он ведёт стенд, пишет заметки, инициирует «номера дружбы», организует обмен уроками и конспектами. Его задача – перевести удачный опыт в читаемую форму и сделать его общим достоянием педагогического коллектива. «Собственная газета – это урок, где отметку ставит читатель» [7, № 91].

На страницах «Учительской газеты» 1960-х гг. можно проследить определенный эмоциональный тон учительской профессии и его развитие от героизации к проблематизации через нормативную

дидактику. Первая половина 1960-е гг. окрашена героикой труда и многостаночничества. Учитель ведёт класс в мастерскую, на пришкольный участок, в лабораторию и труд проявляется как форма взросления, где результат полностью измерим. Этот тон поддерживается репортажами о соревнованиях юных математиков: победа – не медаль, а шаг за пределы учебника. В статьях 1969 г. обсуждается нагрузка педагогов, работа с отстающими и одарёнными учениками, организация самостоятельной работы учеников. Газета переходит от лозунгов к конструкторам и чек-листам, а героическая нота переходит в упорство повседневности – запуск и удержание долгих дел. «Плохой вопрос не даст хорошего ответа: начните с задачи, которую хочется решать» [7, № 141].

В дальнейшем, «Учительская газета» 1970-х гг. иллюстрирует ориентацию качества деятельности учителя от служения профессии к инициативности и четкой организации труда. В газетных полосах десятилетия школа говорит языком эффективности и ответственности. В начале 1970 г. постановлением Совета Министров СССР устанавливается официальная нормативная форма образа школьного учителя – Устав средней общеобразовательной школы. [1] Таким образом, при помощи настоящего устава в 70-е гг. XX в. четко с позиции правительства определяется структура не только учебно-воспитательного процесса, но и роль учителя в системе общего образования, а также его место в государственной идеологии. Учитель становится не просто служитель сферы, а носитель общественного долга. Его работа формулируется как забота о качестве общего дела и о каждом ученике. В колонке «С письмом обратился учитель» редакция прямо поддерживает нравственную позицию педагога: «не сглаживать острые углы, не запутывать факты, помочь школе, учителю, детям». [8, № 86] Смысл служения учителя своей профессии – сказать правду о препятствиях и добиться их решения.

Учительская компетентность подается не только как методическое мастерство, но и как умение работать в новой управленческой оптике. Статья «Бюджет народного образования. Вопросы экономики просвещения» вводит педагога в язык цифр и норм. [8, № 86] Там же звучит ключ: «надежность расчетов и дисциплина исполнения – условие повышения качества». Компетентный учитель знает свой фонд времени, оборудование, реальный уровень класса и доводит это до управленческого решения. Но для достижения больших профессиональных результатов учителю необходима и особая организующая энергия – инициативность. Это умение связать урок и производственную практику, держать ученический совет, организовать работу кружка, найти наставника молодому специалисту, договориться с предприятием о реальной помощи школе. Инициатива измеряется результатом, который виден и детям, и городу.

Учитель – предметник так же остается ядром профессии. Но газета чуть больше требует от него предметной точности и «выхода в дело»: задачи с реальным применением, лаборатории, работа на базе УПК. В отчетном языке статей 1970-х гг. результат предметника становится сопоставим: успеваемость, дисциплина, участие в практиках и кружках. **Учитель – классный руководитель** – фигура координации. Статья «Если смотреть вперед. О заботах классного руководителя» рисует практическую карту роли классного руководителя: связать семью, двор, цех и класс; вести индивидуальные планы классного руководителя; поддерживать педсовет; держать «тон коллектива класса». Один из характерных пассажей: «кому из учителей не знакома трудность, когда нужно добраться до ребячьего сердца, чтобы сделать его союзником». [8, № 116] Здесь классный руководитель – и психолог, и организатор, и медиатор с внешними партнерами.

Учитель завуч – его образ, наоборот, уходит в нормативную «тень» - администратор-экономист. В полосе о бюджете образования объясняется, почему от завуча зависит «дисциплина» планов и качество. Он переводит педагогическую работу в расписание, фонды времени, оснащение кабинетов, учет нагрузки, методсоветы и контроль. **А учитель – молодой специалист**, как в 1960-е гг. остается фигурой становления. В развороте «Педагогический резерв. Сибирь и Дальний Восток: дела школьные» показано, как распределение превращается в жизнь: жилье, наставник, первые классы, первые кружки. [8, №89] Газета настаивает на паре «молодой учитель — наставник» как условии профессионального закрепления.

Категории социальных ролей учителя в выпусках газеты 1970-х гг. уводят его от деятельности во благо к строгой управленческой ответственности.

Учитель – наставник – чрезвычайно ответственная роль, сопоставимая с административной. Директор школы и районо отвечают, чтобы у каждого молодого специалиста был реальный старший коллега и время для совместной работы. Так же и роль **учителя – общественника** стандартизируется и измеряется такими понятиями, как протокол, план, эффект. Он становится участником городских советов, шефских связей, соорганизатором соцсоревнования в просвещении. На первой

полосе «Учительской газеты» звучит общий рефрен: «за эффективность и качество!» [8, № 86].

Учитель – новатор – не «экспериментатор ради эксперимента», а внедренец организующих практик: педсоветы, проектные задания, учет общественных поручений, производственные минипроекты. Ценность новшества – в тиражируемости и пользе.

Учитель – пропагандист в газетных полосах 1970-х гг. выступает голосом школы в городе. Он постоянный член различных городских собраний, публикуется в печати, объясняет реформы и нормы педагогической деятельности, убеждает родителей. Эта роль укрепляет доверие к школе и задает «тон» общественного разговора о воспитании.

Эмоциональный тон в статьях «Учительской газеты» 1970-х гг. сохраняет некоторую степень героизации профессии учителя, но все же уводит читателей к нормативной дидактике – долг, честь, результат, обязанности, режим, дисциплина исполнения, расчеты [8, № 110] Учитель – профессионал, работающий по стандарту. Проблематизация профессии отражается в письмах и региональных очерках на страницах газеты. Таким образом редакция фиксирует право учителя на вопрос о бытовых и профессиональных трудностях и требование конкретного ответа. В колонке «С письмом обратился учитель» звучит установка: «разбирать по существу», «не прятать авторов за общими словами», «дать ответ и помощь» [8, № 85]. Эта «трезвость» делает образ учителя живым и надежным. Учитель 1970-х гг. одновременно предметник и организатор, наставник и общественник, новатор и руководитель кружка, иногда – пропагандист, который «держит слово школы» в городе и районе. В официальном регистре его труд героизируется, в управленческом – нормируется, а в письмах – проблематизируется и защищается. На пересечении этих трех регистров и рождается профессиональная идентичность эпохи: качество через организацию, порядочность и личную инициативу.

Выводы

Таким образом, анализ публикаций «Учительской газеты» 1960-1970-х гг. отражает эволюцию профессиональной роли учителя: от творческой автономии к интеграции в управленческие и социально-экономические рамки школы и образования в целом. Движение идет от языка педагогического вдохновения и экспериментаторства к языку управляемой эффективности. Контур профессии расширяется: в 1970-е гг. учитель сохраняет ядро урока и воспитания, но растит второй контур – экономико-организационный. Сдвиги между десятилетиями свидетельствуют о том, что влияние экономического и правительственного контекста становится заметным не только в специальных рубриках, но и в общем дискурсе образования: формальная регламентация, стандарты и критерии качества приобретают устойчивые позиции в представлениях профессии.

В нашем исследовании анализ публикаций «Учительской газеты» помогает сформировать официальный образ советского учителя, это необходимо для того, чтобы соотнести с той реальностью, в которой проходило профессиональное становление педагогов. Это является платформой для дальнейшего изучения повседневной жизни советского учителя, но уже с учетом региональной специфики деятельности, а именно повседневности иркутского учителя 60-70-х гг. XX в. Исследование деятельности иркутских учителей безусловно необходимо ориентировать на связь с городской средой, что и выявляется в проанализированных публикациях газеты. Так как сельский и городской учитель – две географии одного призвания. Городской учитель включен в производственные связи, внедрен в УПК и профориентацию, организует кружки НТО, участвует в соцсоревновании. Сельский – опора особой инфраструктуры: школа как дом культуры, связь с хозяйством, транспорт, тепло. Но в обоих случаях профессиональная роль переплетена с общественной.

Список источников

1. Об Уставе средней общеобразовательной школы: постановление Совета Министров СССР от 8 сентября 1970 г. № 749. Утратило силу на территории РФ с 22.07.2016 на основании постановления Правительства РФ от 11.07.2016 № 656. [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 25.05.2025)

2. Учительская газета: орган Министерства просвещения РСФСР и ЦК Профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений СССР. 1960. № 128 (4718), 25 октября. Москва. Электронная копия: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/item/1994103 (дата обращения: 21.05.2025)

3. Алмаев Р.З. Советское школьное образование в историографических дискуссиях постсоветского периода // Преподаватель XXI век. 2022. № 2-2. С. 279 – 287.

4. Горецкая Е.М. Сравнительный контент-анализ воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа: профессиональный, гендерный и хронологический аспекты: дис. канд. ист. наук: 5.6.5. М., 2024. 600 с.

5. Зубанова Л.Б. Контент-аналитические методы исследований СМИ: обзор подходов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2011. № 1 (7). С. 69 – 72.

6. Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3. С. 13 – 18.

7. Панфилова А.М. Советская периодическая печать как исторический источник: учебно-методическое пособие. 1-е изд. М.: Издательство Московского университета, 1974. 66 с.

8. Учительская газета // 1962. 6 января. № 3

9. Учительская газета // 1965. 9 октября. № 121.

References

1. On the Charter of the Secondary Comprehensive School: Resolution of the Council of Ministers of the USSR of September 8, 1970 No. 749. Repealed in the territory of the Russian Federation on July 22, 2016 based on the Resolution of the Government of the Russian Federation of July 11, 2016 No. 656. [Electronic resource]. URL: docs.cntd.ru (date of access: May 25, 2025)

2. Teachers' Newspaper: organ of the Ministry of Education of the RSFSR and the Central Committee of the Trade Union of Education Workers, Higher School and Scientific Institutions of the USSR. 1960. No. 128 (4718), October 25. Moscow. Electronic copy: B.N. Yeltsin Presidential Library. [Electronic resource]. URL: https://www.prlib.ru/item/1994103 (date of access: 21.05.2025)

3. Almaev R.Z. Soviet school education in historiographic discussions of the post-Soviet period. Teacher of the XXI century. 2022. No. 2-2. P. 279 – 287.

4. Goretskaya E.M. Comparative content analysis of memoirs of former GULAG prisoners: professional, gender and chronological aspects: dis. candidate of history: 5.6.5. Moscow, 2024. 600 p.

5. Zubanova L.B. Content analytical methods of media research: a review of approaches. Sign: problematic field of media education. 2011. No. 1 (7). P. 69 – 72.

6. Pashinyan I.A. Content analysis as a research method: advantages and limitations. Scientific periodicals: problems and solutions. 2012. No. 3. P. 13 – 18.

7. Panfilova A.M. Soviet periodicals as a historical source: a teaching aid. 1st ed. Moscow: Moscow University Publishing House, 1974. 66 p.

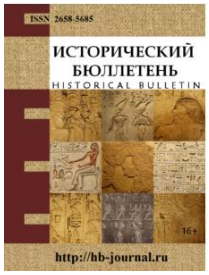
8. Teachers' newspaper. 1962. January 6. No. 3

9. Teachers' newspaper. 1965. October 9. No. 121.

Информация об авторе

Иванов С.Е., аспирант, Педагогический институт, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, д. 9, ivanov16s.ru@mail.ru

© Иванов С.Е., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93

Особенности создания советской милиции в Забайкалье в 1922-1925-х гг.

[1] Перфильева И.А.,
[1] Забайкальский институт железнодорожного транспорта,
Иркутский государственный университет путей сообщения

Аннотация: проблема эффективно работающих правоохранительных органов является актуальной для государства на любом этапе его развития. Изучение опыта Советской милиции может оказать помощь в осмыслении проблем современного государственного аппарата. Целью статьи является изучение процесса создания Советской милиции в 1920-е гг. на территории Забайкалья. В статье прослеживается процесс перехода от народной милиции ДВР к Советской милиции в Забайкальской губернии. На основе архивных данных анализируется процесс изменения структуры и состава милиции в первые годы ее создания в Забайкалье. Автор анализирует недостатки в работе милиции Забайкалья в рассматриваемый период. Особое внимание уделяется анализу причин неэффективности работы милиции в 1920-х гг. Освещается деятельность Забайкальской прокуратуры по налаживанию работы милиции и повышению квалификации ее сотрудников.

Автор привлек значительный фактический материал, комплекс неопубликованных документов, хранящихся в государственном архиве Забайкальского края.

В статье применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез, а также историко-сравнительный метод. Исследуя события прошлого, автор использовал принципы научной объективности и историзма. Статья и приведенные в ней данные могут быть использованы для изучения истории правоохранительных органов России.

Ключевые слова: правоохранительные органы, милиция, уголовный розыск, преступление, дознание, прокуратура

***Для цитирования**: Перфильева И.А. Особенности создания советской милиции в Забайкалье в 1922-1925-х гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 122 – 128.*

Поступила в редакцию: 12 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Features of the creation of the Soviet Militia in Transbaikalia in 1922-1925

[1] Perfilyeva I.A.,
[1] Trans-Baikal Institute of Railway Transport,
Irkutsk State Transport University

Abstract: the problem of effective law enforcement agencies is relevant for any state at any stage of its development. Studying the experience of the Soviet militia can help us understand the problems of the modern state apparatus. The purpose of this article is to study the process of creating the Soviet militia in the 1920s in the Trans-Baikal region. The article traces the transition from the People's Militia of the Far Eastern Republic to the Soviet Militia in the Trans-Baikal province. Based on archival data, the article analyzes the changes in the structure and composition of the Soviet Militia during its early years in the Trans-Baikal region. The author examines the short-

comings in the work of the Trans-Baikal militia during this period. Special attention is paid to the analysis of the reasons for the ineffectiveness of the police in the 1920s. The article highlights the activities of the Trans-Baikal Prosecutor's Office in improving the work of the police and enhancing the skills of its employees.

The author has used a significant amount of factual material and a set of unpublished documents stored in the State Archives of the Trans-Baikal Territory.

The article employs general scientific methods such as analysis and synthesis, as well as the historical-comparative method. The author has used the principles of scientific objectivity and historicism in their research. The article and its findings can be used to study the history of law enforcement agencies in Russia.

Keywords: law enforcement agencies, police, criminal investigation, crime, inquiry, prosecutor's office

***For citation**: Perfilyeva I.A. Features of the creation of the Soviet Militia in Transbaikalia in 1922-1925. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 122 – 128.*

The article was submitted: July 12, 2025; Approved after reviewing: September 10, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Защита интересов людей, обеспечение их безопасности является одной из ключевых функций государства на любом этапе его существования. В системе государственного аппарата указанная функция осуществляется правоохранительными органами, которые выступают гарантами конституционных прав и свобод граждан. Особое значение приобретает их деятельность в переломные моменты развития государства. К такому периоду можно, безусловно, отнести двадцатые годы прошлого века, когда в стране складывалась новая система государственного управления и система органов охраны правопорядка.

Государственное строительство Советской России проходило в тяжелых условиях послевоенной разрухи, голода, разгула преступности. В отдельных регионах России создание государственного аппарата имело свои особенности. В Забайкалье, как и в целом на Дальнем Востоке, из-за сложной политической ситуации формирование Советских органов власти началось позднее, чем в других регионах России. Присутствие интервентов, бандитизм, неналаженность отношений с Китаем - все это создавало благоприятные условия для развития преступности в этом регионе. По политическим причинам на территории Дальнего Востока и Забайкалья в 1920 г. было создано буферное государство – Дальневосточная республика, которая просуществовала до ноября 1922 г.

Материалы и методы исследований

Материалы и методы исследования основываются на анализе широкого круга нормативных актов, официальных документов и статистических данных 1920-х гг., а также на привлечении опубликованных источников и современной научной литературы, посвящённой истории государственного строительства и правоохранительных органов на Дальнем Востоке. В качестве эмпирической базы использованы отчёты губернских и уездных органов милиции, документы прокуратуры, положения и законы Дальневосточной республики, а также материалы периодической печати. Методологический инструментарий включает историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы, позволившие выявить специфику формирования и развития органов милиции Забайкалья в 1920-1925 гг., а также элементы институционального анализа для оценки их структуры и функций. Такой подход обеспечил комплексное рассмотрение социального состава, кадровых процессов и результативности работы милиции в условиях трансформации государственного аппарата.

Результаты и обсуждения

В ДВР для поддержания порядка и борьбы с преступностью была создана народная милиция. В народной милиции Забайкалья в 1920 г. служило 778 человек, многие из которых были бывшими партизанами. Милиционеры ДВР по социальному положению, в основном, были крестьянами, рабочих было не более 8% [6, с. 215]. Учитывая особенности буферной республики, которая позиционировалась как буржуазно-демократическое государство, массовые мобилизации коммунистов в народную милицию не проводились. Поэтому в 1922 г. члены РКП(б) среди сотрудников народной милиции составляли 9,22% [6, с. 216]. Во второй половине 1922 г. ввиду большого недокомплекта сотрудников на службу в милицию ДВР принимались бывшие жандармы, полицейские, охранники и даже люди с судимостью [5, с. 222].

На начальном этапе в ДВР отсутствовала правовая основа деятельности народной милиции, поэтому не было единообразия в создании органов милиции на местах. В 1921 г. было принято Вре-

менное положение о народной милиции ДВР, согласно которому милиция находилась в ведении МВД ДВР и его органов на местах. Ввиду того, что данное положение не соответствовало принятой позднее Конституции ДВР, было разработано новое положение и Закон о милиции ДВР [2, с.417]. В отличие от милиции в РСФСР, в ДВР милиция была самостоятельным органом, не подчинялась местным органам власти и руководилась непосредственно правительственным инспектором. Механизм деятельности и взаимодействия правоохранительных органов ДВР не успел сформироваться, поэтому они не могли эффективно противостоять преступности.

Только с освобождением от интервентов в октябре 1922 г. и с проведённой вслед за этим советизацией в новых условиях жизни Дальнего Востока началась планомерная работа по построению Советского государственного аппарата.

В ноябре 1922 г. была образована Дальневосточная область, в составе которой было выделено 7 субъектов, в том числе и Забайкальская губерния. Для управления губерниями создавались ревкомы, к которым перешел аппарат бывших областных управлений ДВР. Поэтому в ноябре 1922 г. структура аппарата Забайкальской милиции осталась без изменений. В составе отдела управления Забайкальского губернского ревкома были объединены: губернская инспекция, городское управление милиции, 5 городских участков милиции, уголовный розыск, конный полуэскадрон, 7 уездных управлений и 24 уездных участка милиции. К 1 января 1923 г. штат милиции по Забайкальской губернии и г. Чите с уголовным розыском и конным полуэскадроном составлял 712 человек. В январе 1923 г. из состава городской милиции был выделен в самостоятельную единицу уголовный розыск, а в марте – конный полуэскадрон.

Несмотря на многочисленный штат сотрудников, многие из которых еще работали в ДВР, работа Забайкальской милиции и угрозыска была неэффективна, раскрываемость дел была крайне низкой. Обследование прокуратурой 3 городских отделений и 3 управлений уездной милиции выявило значительное разбухание канцелярского аппарата и разнообразие в ведении делопроизводства и отчетности.

С февраля 1923 г. началась реорганизация ревкомов, целью которой было сокращение и удешевление аппарата, борьба с бюрократизмом и волокитой. В процессе реорганизации особое внимание уделялось отделам управления губернских и уездных ревкомов. Управления Р.К. Милиции входили в состав этих отделов на правах подотделов и отделений, а начальники управлений милиции находились в подчинении отдела управления ревкома. При отделе управления губернского и уездных ревкомов были созданы управления уголовного розыска, которые непосредственно подчинялись заведующему губернским отделом управления. Начальники уголовного розыска назначались по представлению отдела управления ревкомов, и их кандидатуры утверждались Дальневосточным ревкомом.

В течение 1923 г. в милиции по Дальневосточной области были проведены «чистки» сотрудников, в результате которых из Забайкальской милиции были уволены 20% командного состава милиции, 19% – рядового состава, 28% – канцелярского. За этот период было снято 4 начальника Забайкальской губернской милиции. В некоторых уездах губернии в процессе чисток увольнялся весь состав милиции. В Боханском аймаке за полтора года было уволено 15 начальников аймачной милиции. В результате, на 1 апреля 1923 г. в составе милиции и уголовного розыска Забайкальской губернии состояло 593 человека, из них командный состав - 211 человек, рядовой - 275 человек, вспомогательный - 107 человек [11]. Начальником Забайкальской губернской милиции и заместителем заведующего губотделом управления был назначен Красовицкий М.Л., который являлся и заместителем председателя Читинского уездного ревкома [16].

Благодаря проведенной «чистке» и подбору личного состава работа милиции и уголовного розыска в Дальневосточной области в целом была налажена. За первый год работы по Дальнему Востоку было зарегистрировано 35300 преступлений, из них раскрыто 60%, задержано по разным причинам 19064 человек, возбуждено уголовное преследование против 16258 человек [7, с. 6].

В Забайкалье «чистка» дала положительные результаты в смысле поднятия в рядах милиции революционной сознательности, т.к. пополнение уволенных проводилось преимущественно за счет демобилизованных красноармейцев. Но в плане повышения работоспособности результаты были незначительными, т.к. лица, принимаемые на службу вместо уволенных, были совершенно не знакомы с работой в органах милиции.

В июле 1923 г. была проведена коренная реорганизация составных частей милиции, в процессе которой губернское и городское управление были объединены в одно отделение, 5 городских участков были сведены в 4 отделения и 24 участка в уездах – в 12 районов. В итоге реорганизации штат милиции по Забайкальской губернии был сокращен и на 1 октября 1923 г. составил 417 человек.

Таким образом, за 1923 г. милиция была сокращена на 40%, соответственно, нагрузка на сотрудников милиции увеличилась.

Прокуратура, которая обеспечивала надзор за деятельностью органов власти, сыграла важную роль в создании и налаживании работы Забайкальской милиции и угрозыска. Прокурорский надзор осуществлял наблюдение за производством дознаний, помощники прокурора регулярно посещали участки милиции и отделы уголовного розыска, инструктируя их по существу проводимых дознаний. В конце 1922 г. в отчетах Забайкальской губернской прокуратуры отмечалось улучшение в работе Читинской городской милиции [12]. Сложнее было обеспечить наблюдение за деятельностью уездной милиции, в работе которой в конце 1922 г. – в начале 1923 г. отмечалось много недостатков. В прокуратуру часто поступали жалобы на медленность производства дознаний, неправильное производство обысков и арестов, отмечались случаи применения побоев подозреваемых.

Многие нарушения в работе Забайкальской милиции были обусловлены тем, что с 16 декабря 1922 г. были введены в действие УК РСФСР и УПК РСФСР. Изучение и разъяснение новых кодексов, учитывая невысокий уровень подготовки работников милиции и угрозыска, требовало времени, также нужно было время, чтобы отказаться от старых навыков по применению Устава уголовного судопроизводства и Устава о наказаниях, действовавших в ДВР. Поэтому в деятельности милиции отмечалась некоторая замедленность, как в первоначальной квалификации обследуемого деяния, так и в направлении дел и соблюдения требований отдельных статей УПК РСФСР. Долгое время Забайкальская прокуратура не могла изжить в деятельности как городской, так и уездной милиции нарушения статьи 106 УПК РСФСР, которая регламентировала сроки задержания подозреваемых в совершении преступлений [12].

Ревкомы были временными органами власти и, выполнив свою задачу, должны были заменяться Советами [1, с. 231]. Поэтому на Дальнем Востоке, в том числе и в Забайкальской губернии, прошли выборы, и к июлю 1923 г. была создана единая система Советов. Осенью 1923 г. в РСФСР начинается процесс упрощения аппаратов губернских и уездных исполкомов на основании Постановления ВЦИК и СНК от 11.07.1923 г. [3, с.75]. В ходе реорганизации уездных исполкомов уездные управления милиции из подотдела отдела управления, которое было ликвидировано, стали самостоятельными отделами и подчинялись непосредственно президиуму уездного исполкома и начальнику губернской милиции. В декабре 1923 г. в Забайкальской губернии произошла реорганизация уездного аппарата, и административные функции уездных исполкомов были переданы управлениям уездной милиции. Структура милицейского аппарата в уездах с передачей административных функций уездных исполкомов стала более гибкой.

В 1924 г. произошла реорганизация местных органов власти в связи с упразднением некоторых уездов и укрупнением волостей. К началу 1924 г. в Забайкальской губернии было 7 уездов с 96 волостями, в соответствии с этим административным делением существовал и аппарат милиции. Во второй половине января 1924 г. 7 уездных управлений милиции были преобразованы в 5 управлений, штат Забайкальской губернской милиции был сокращен до 314 человек. В апреле 1924 г. в составе Забайкальского губисполкома было упразднено Управление губернской милиции, вместо которого был сформирован подотдел Р.К. Милиции в составе 9 человек. Также были упразднены должности инструкторов. В уездах были учреждены 6 должностей Начальников волостной милиции. В итоге, на 1 июня 1924 г. штат губернской милиции был сокращен и составил 272 человека, из которых 129 человек обслуживали г.Читу, и 143 сотрудника - уезды губернии [13].

Работоспособность Забайкальской милиции и уголовного розыска оценивалась губернским исполкомом как удовлетворительная. Из 1107 преступлений за 3 месяца 1924 г. было раскрыто 850 преступлений, задержано 811 человек [13]. За год с 1.10.1923 г. по 1.10.1924 г. из общего числа 5571 преступлений по Забайкальской губернии силами милиции и уголовного розыска было раскрыто 65% преступлений [4, с. 10]. Наиболее сложно было организовать работу милиции в уездах. Только по Читинскому уезду, который был одним из лучших по раскрываемости преступлений, за первую половину 1924 г. было раскрыто 56% совершенных преступлений [10]. Главным препятствием для эффективной работы уездной милиции являлась большая протяжённость районов волостных милиционеров, каждый из которых единолично обслуживал целую волость. Многие волости Забайкальской губернии при большой разбросанности в них селений тянулись на протяжении 100-300 км. При таких условиях, а также учитывая еще и недостаточное финансирование милиции, сотрудники по большей части были лишены возможности соблюдать установленные УПК сроки. Как результат, в уездах дознание могло длиться до 3 месяцев. В то время, как производство дознаний по г. Чите составляло 3-10 дней. Помощники прокурора отмечали, что работа волостной милиции в

отдельных уездах нередко сводилась только к регистрации преступлений.

В рамках проводимой реорганизации исполкомов в ноябре 1924 г. в составе Забайкальского губернского исполкома был организован Административный отдел в составе подотделов: общего, милиции, уголовного розыска, инспекции мест заключения. Отдел руководил 3 городскими и 5 уездными управлениями милиции. Начальник отдела являлся в то же время и начальником губернской милиции. Подотдел милиции включал в себя строевую часть, службу милиции и адресный стол. В составе уездных административных отделов были созданы отделения: общее и службы милиции. Подотдел уголовного розыска состоял из активно-секретной части и регистратуры и руководил работой уголовного розыска в уездах. Отделения уголовного розыска в уездных исполкомах были организованы только в двух уездах: в Нерчинском и Сретенском.

В результате реорганизации в составе милиции Забайкальской губернии осталось 231 человек, из которых на наружную службу приходилось 160 человек. Штат уездной милиции вместе с уголовным розыском в 1925 г. составлял 139 человек. В уездах Забайкальской губернии вместо 96 волостных милиционеров осталось 43 милиционера [9]. В процессе реорганизаций штат милиции по Забайкальской губернии сокращался неравномерно: наибольшим сокращениям подвергался рядовой состав. Командный состав Забайкальской милиции в конце 1922 г. составлял 32% общего штатного состава, а в 1925 г. изменился незначительно и составил 36%. При этом процент сотрудников вспомогательного состава вырос с 15,8% в 1922 г. до 23,5% в 1925 г. Рядовой состав в конце 1922 г. составлял 52% общего штата милиции, а к 1925 г. стал составлять 40%. Вследствие нехватки рядовых сотрудников, часть обязанностей милиционеров в сельских местностях была переложена на сельских исполнителей, а в городах – на дворников [15]. Таким образом, само население привлекалось к участию в работе милиции.

За период с конца 1922 г. по 1925 г. штат Забайкальской милиции был сокращен практически на половину. Несмотря на сокращения, обслуживаемая милицией территория и объем работы значительно увеличились. Если в ДВР в 1920 г. один милиционер приходился на 400 жителей [6, с.97], то в 1925 г. на одного сотрудника милиции по Забайкальской губернии приходилось более 6 тыс. жителей, по г. Чите – 963 жителя [8].

За первые годы существования Советской милиции в Забайкальской губернии существенно изменился ее социальный состав. Если к началу 1923 г. рабочие среди сотрудников составляли 34%, а крестьяне – 50%, то к 1925 г. рабочие составляли 17%, а крестьян стало большинство (69%). В основном милиционеры не только не обладали специальными знаниями, но и не имели общеобразовательной подготовки. Всего 5,5% сотрудников в середине 1924 г. закончили школу милиции. Основная часть сотрудников (89%) к 1925 г. имели лишь начальное образование. Милиционеры со средним образованием в начале 1923 г. составляли 11,5% (в том числе и 3 специалиста с высшим образованием), а в 1924 г. среднее образование имели 10% сотрудников. В конце 1922 г. – начале 1923 г. в составе милиции Забайкальской губернии были неграмотные сотрудники (9%), которые в дальнейшем были уволены. Значительная часть милиционеров были достаточно молодыми: в конце 1924 г. 43% сотрудников были в возрасте до 26 лет, 39% – в возрасте от 26 до 33 лет, 9 сотрудников были моложе 20 лет. По сравнению с другими ведомствами процент членов и кандидатов в члены РКП(б) среди сотрудников милиции был незначительным на протяжении всего рассматриваемого периода и составлял 18-19% [17]. В актах обследования Забайкальского губернского административного отдела в 1925 г. неоднократно отмечалось, что «слишком низкая зарплата» милиционеров не позволяет подобрать квалифицированные кадры [8]. Недостаточная оплата указывалась и как причина невысокого процента коммунистов среди сотрудников милиции.

Уголовный розыск Забайкальской губернии также подвергался сокращениям, и на 1.10.1924 г. в его составе было 49 сотрудников. По сравнению с милицией среди работников уголовного розыска процент коммунистов был выше – 26%. Сотрудники уголовного розыска отличались немного более высоким уровнем образования, чем милиционеры: 20% сотрудников имели среднее образование, 65,6% – начальное, 12,5% – были малограмотны. Почти половина сотрудников угрозыска к концу 1924 г. были рабочего происхождения, крестьяне составляли треть состава и 8% – были служащими. Как и милиционеры, работники угрозыска в основном были молодыми: 45% сотрудников были в возрасте до 25 лет и 31% - в возрасте от 25 до 30 лет. Поэтому и стаж работы сотрудников был небольшим, практически все сотрудники, кроме двух, работали в угрозыске не более 3 лет [10].

Если в городах Забайкалья деятельность милиции не вызывала особых нареканий со стороны прокуратуры, то в уездах в работе милиции оставались многочисленные недостатки, в частности: нарушение сроков, не велся учет преступлений,

плохое состояние арестных помещений, отсутствие специальных камер для вещественных доказательств [14]. Причиной многих недостатков в работе правоохранительных органов являлась частая сменяемость сотрудников. Так, за год с 1.10.1924 по 1.10.1925 г. из милиции было уволено 259 человек и принято 253 человека [17]. Многие сотрудники были уволены ввиду несоответствия требованиям службы в Р.К. Милиции. Часть милиционеров ввиду низкой оплаты переходили на службу в другие ведомства. Наиболее высока была сменяемость милиционеров в уездах. С целью сокращения числа увольнений административный отдел Забайкальского губисполкома со второго полугодия 1925 г. обязывал сотрудников милиции прослужить не менее 1 года.

Для поднятия уровня юридических знаний среди сотрудников милиции и угрозыска регулярно проводились занятия по изучению материального и процессуального уголовного права, в городах действовали школы милиции, организовывались юридические кружки. Прокуроры проводили ревизии делопроизводства начальников волостной милиции с одновременным инструктированием их по поводу обнаруженных нарушений УПК. Для более тесной связи в работе и живого инструктажа проводились ежемесячные совещания командного состава. Но в волостях сложно было обеспечить регулярный инструктаж и контроль, так как один инспектор губернского административного отдела не мог охватить всю губернию. А при наличии одного начальника волостной милиции не всегда было возможно собирать их для надлежащего инструктажа и деловых совещаний.

Выводы

Таким образом, создание Советской милиции в Забайкалье в 1920-х гг. проходило в условиях дефицита бюджета и необходимости сокращения расходов на содержание административного аппарата. Одновременно с расширением круга обязанностей органов милиции и все с увеличивающейся нагрузкой на сотрудников личный состав подвергался сокращениям. За период с конца 1922 г. до 1925 г. милиция Забайкальской губернии была сокращена практически на половину. На протяжении рассматриваемого периода основными недостатками правоохранительных органов являлись частая сменяемость личного состава и низкая общеобразовательная и специальная подготовка большей части работников милиции и уголовного розыска. Ввиду частой сменяемости большинство сотрудников правоохранительных органов Забайкалья не обладало достаточным опытом работы, что приводило к нарушениям статей УПК РСФСР и негативно сказывалось на раскрываемости преступлений. Забайкальская прокуратура проводила постоянную работу по повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Финансирование

Договор №190-гр на выполнение научно-исследовательской работы от 19.03.2025. Тема: «Роль и функции государственной системы в управлении обществом в историческом контексте». Заказчик: ФГБОУ ВО ИрГУПС, ЗабИЖТ, ИрГУПС

Список источников

1. Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918-1921 / Отв. ред. Е.Г. Гимпельсон; АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1990. 318 с.
2. История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны // Гл. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: Дальнаука. 2003. 632 с.
3. Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1921-1936 гг.). М.: Госюриздат, 1959. 411 с.
4. Советское Забайкалье. Отчет Забгубисполкома II губернскому Съезду Советов. Чита, 1925. 227 с.
5. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление Советской государственности на Дальнем Востоке (1917-1922). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1987. 260 с.
6. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики. 1920-1922. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. 347 с.
7. Что сделала Советская власть на Дальнем Востоке за год: (Краткий отчет Дальревкома за 1923-1924 г.). Хабаровск, 1924. 146 с.
8. ГАЗК. Ф. Р.110. Оп. 1. Д. 454. ЛЛ. 22об., 35.
9. ГАЗК. Ф. Р.110. Оп. 1. Д. 82. Л. 202-204.
10. ГАЗК. Ф. Р.110. Оп. 1. Д. 198. Л. 8-38.
11. ГАЗК. Ф. Р.110. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 140, 142,144 об.
12. ГАЗК. Ф. Р.33. Оп. 1. Д. 31. Л. 5 с об.
13. ГАЗК. Ф. Р.33. Оп. 1. Д. 62. ЛЛ. 5,6.

14. ГАЗК. Ф. Р. 1237. Оп. 1. Д. 30. Л. 199.
15. ГАЗК. Ф. Р. 110. Оп. 1. Д. 20. Л. 69.
16. ГАЗК. Ф. Р. 33. Оп. 1. Д. 13. Л. 346.
17. ГАЗК. Ф. Р. 110. Оп. 1. Д. 188. Л. 154.

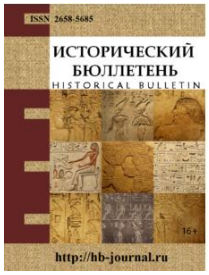
References

1. Bugai N.F. Extraordinary organs of the Soviet power: revolutionary committees of 1918-1921. Ed. E.G. Gimpelson; USSR Academy of Sciences. Institute of History of the USSR. Moscow: Nauka, 1990. 318 p.
2. History of the Russian Far East. Vol. 3, book 1: The Russian Far East during the revolutions of 1917 and the civil war. Ed. in chief V.L. Larin. Vladivostok: Dalnauka. 2003. 632 p.
3. Lepeshkin A.I. Local authorities of the Soviet state (1921-1936). Moscow: Gosyurizdat, 1959. 411 p.
4. Soviet Transbaikalia. Report of the Transbaikal Executive Committee to the II Provincial Congress of Soviets. Chita, 1925. 227 p.
5. Sonin V.V. The Great October and the Formation of Soviet Statehood in the Far East (1917-1922). Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 1987. 260 p.
6. Sonin V.V. Formation of the Far Eastern Republic. 1920-1922. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 1990. 347 p.
7. What Did the Soviet Government Do in the Far East in a Year: (Brief Report of the Far Revolutionary Committee for 1923-1924). Khabarovsk, 1924. 146 p.
8. GAZK. F. R.110. Op. 1. D. 454. LL. 22 rev., 35.
9. GAZK. F. R.110. Op. 1. D. 82. L. 202-204.
10. GAZK. F. R.110. Op. 1. D. 198. L. 8-38.
11. GAZK. F. R.110. Op. 1. D. 38. LL. 140, 142,144 rev.
12. GAZK. F. R.33. Op. 1. D. 31. L. 5 with rev.
13. GAZK. F. R.33. Op. 1. D. 62. LL. 5,6.
14. GAZK. F. R. 1237. Op. 1. D. 30. L. 199.
15. GAZK. F. R. 110. Op. 1. D. 20. L. 69.
16. GAZK. F. R. 33. Op. 1. D. 13. L. 346.
17. GAZK. F. R. 110. Op. 1. D. 188. L. 154.

Информация об авторе

Перфильева И.А., кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский институт железнодорожного транспорта, Иркутский государственный университет путей сообщения, 672040, Забайкальский край, г. Чита, ул. Магистральная, д. 11, ira.perfil@list.ru

© Перфильева И.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Проекты по реформированию уголовно-процессуального права в Уложенной комиссии 1720-х гг.

[1] Кушков Е.А.,
[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: настоящее исследование посвящено анализу проектов по реформированию судебно-следственной системы, разработанных в Уложенной комиссии 1720-х гг. Данное учреждение было создано для подготовки нового свода законов взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 г. В центре исследования – вопрос о рецепции западноевропейского правового опыта, который рассматривается на примере разработки раздела «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах». В предлагаемом исследовании последовательно рассматриваются три редакции указанного раздела, включая проект немецкого юриста на российской службе Э. Кромпейна. Данный проект предлагал новаторскую для российской практики концепцию «признаков» – систему формальных и верифицируемых оснований для применения пытки. Анализ показывает, что несмотря на изначально критическое отношение членов Уложенной комиссии к западному правовому опыту и стремление опереться на знакомые источники права, концепция «признаков» была в итоге воспринята ими. Делается вывод о том, что рецепция западного правового опыта имела избирательный и методологический характер. Российские чиновники заимствовали на столько конкретные нормы, сколько принципы разработки правовых норме. Особенно в тех сферах (как, например, регулирование пытки), где осознавалась необходимость реформы.

Ключевые слова: Уложенная комиссия, уголовно-процессуальное право, реформа судебной системы, розыскной процесс, пытка, рецепция права

***Для цитирования**: Кушков Е.А. Проекты по реформированию уголовно-процессуального права в Уложенной комиссии 1720-х гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 129 – 136.*

Поступила в редакцию: 12 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The drafts for the reform of criminal procedure in the Legislative comission of 1720s

[1] Kushkov E.A.,
[1] National Research University «Higher School of Economics»

Abstract: this study is devoted to the analysis of draft reforms for the judicial and investigative system developed by the Legislative commission of the 1720s. This institution was established to prepare a new law code to replace the outdated *Sobornoye Ulozheniye* (Council Code) of 1649. The research focuses on the question of the reception of Western European legal experience, examined through the lens of developing the section «On the Process in Criminal, or Inquisitorial and Torture Cases». The study sequentially examines three redactions of this section, including the draft by the German jurist in Russian service, E. Krompein. This draft proposed an innovative concept for Russian practice – that of *priznaki* (grounds for suspicion) – a system of formal and verifiable justifications for applying torture. The analysis shows that despite the initially critical

attitude of the Legislative commission's members towards Western legal experience and their striving to rely on familiar legal sources, the concept of *priznaki* was ultimately adopted by them. The conclusion is made that the reception of Western legal experience was selective and methodological in nature. Russian officials borrowed not so much specific legal norms but rather the principles of legal drafting and systematization, especially in those areas (such as the regulation of torture) where the need for reform was recognized.

Keywords: Legislative commission, criminal procedure, judicial reform, inquisitorial procedure, torture, reception of law

***For citation**: Kushkov E.A. The drafts for the reform of criminal procedure in the Legislative comission of 1720s. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 129 – 136.*

The article was submitted: July 12, 2025; Approved after reviewing: September 10, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Сенатским указом от 8 августа 1720 г. при Сенат была создана Уложенная комиссия – временный государственный орган, чьей задачей являлась подготовка проекта Нового Уложения, кодифицированного нормативного правового акта, призванного заменить Соборное Уложение 1649 г., которое не учитывало многие законодательные новации [4, с. 85-98].

Актуализация Соборного Уложения 1649 г. не являлась в нач. XVIII в. новой проблемой для российского правительства. Известно, что в течение 1680-х гг. предпринимались попытки дополнить Соборное Уложение нормативными правовыми актами, изданными после 1649 г., для чего создавался целый ряд учреждений [10, с. 474–476]. Впрочем, осязаемого результата они после себя не оставили.

Уже при Петре I, в 1700 г. была создана Палата об Уложении [6, с. 1-20]. Результатом ее работы должен был стать «свод» изданных после 1649 г. нормативных правовых актов с Соборным Уложением – Новоуложенная книга. К 1703 г. работа по составлению Новоуложенной книги была завершена, однако она так и не получила одобрения царя. Затем, в 1714 г. при Сенате была создана специальная комиссия, возглавляемая сенатором Василием Андреевичем Апухтиным, который до того имел опыт работы в Палате об Уложении [6, с. 20]. Перед данным учреждением также стояла задача кодификации-компиляции. Однако результаты его работы остаются неясными. Как показал Александр Сергеевич Замуруев, делопроизводственные материалы, которые в историографии обычно принимались за наработки данной комиссии, представляли собой выписки, подготовленные в Поместном приказе по запросу из Юстиц-коллегии в 1718-1719 гг. [5, с. 102].

К концу 1710-х гг. у законодателя сложилась обновленная кодификационная концепция, которая была гораздо шире простой актуализации Соборного Уложения 1649 г. Теперь решение виделось в создании кодифицированного нормативного правового акта, в котором были бы синтезированы нормы традиционного российского и европейского (прежде всего, скандинавского) права [6, с. 21]. Уложенная комиссия 1720-х гг. вела свою в работу в рамках описанной концепции.

10 сентября 1726 г. руководитель канцелярии Уложенной комиссии Авраам Степанович Сверчков докладывал в Сенат, что был «изготовлен весь порядок, в каких книгах, главах Новому Уложению быть» [8, л. 44-45]. 11 ноября 1726 г. проект начали готовить к обсуждению в Сенате [2, с. 15]. Однако он так и не получил сенатской апробации и не приобрел статус закона.

Такая судьба проекта дала последующим исследователям основания считать, что работа Уложенной комиссии в 1720-е гг. завершилась полным провалом [15, с. 5]. В современной историографии эта точка зрения подвергнута сомнению. Так, Дмитрий Олегович Серов писал о проекте, созданном в Уложенной комиссии 1720-х гг., как одном из самых проработанных и законченных проектов среди разрабатываемых Уложенными комиссиями в XVIII в., выполненный на высоком уровне юридической техники [11, с. 399].

Одним из вопросов, касающихся проектов Уложенных комиссий нач. XVIII в. и привлекающих внимание исследователей, является вопрос рецепции европейских правовых норм. Согласно подсчетам Александра Сергеевича Замуруева, нормы Соборного Уложения 1649 г. служили источником для 15% статей проекта, шведское законодательство использовалось при подготовке 32% статей, еще 30% базировались на российских нормативных правовых актах, изданных после Соборного

Уложения [5, с. 313]. Исходя из полученных цифры, исследователь делал вывод о достаточно среднем влиянии западной правовой мысли на проекты Уложенной комиссии 1720-х гг.

Однако стоит заметить, что правовая рецепция является комплексной проблемой, для обсуждения которой недостаточно лишь количественных данных. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка рассмотреть конкретные примеры применения западного правового опыта при разработке уголовно-процессуального раздела проекта Нового Уложения, созданного в 1720-е гг.

Материалы и методы исследований

Основной источниковой базы настоящего исследования являются материалы делопроизводства – проекты нормативных правовых актов, разработанные Уложенной комиссией 1720-х гг.

Разработанный к 1726 г. проект Уложения Российского государства состоял из 4 книг:

1. «О процессе, то есть, о суде, месте и о лицах, к суду надлежащих».
2. «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах».
3. «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют».
4. «О цивильных или гражданских делах».

Уголовно-процессуальному праву посвящалась вторая книга – «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах». В архивном деле, хранящемся в 342-м фонде Российского государственного архива древних актов, фактически отложились 3 редакции данного текста:

1. «Процесс сочинения Кромпейнова о криминальных или розыскных делах» – проект уголовно-процессуального кодекса, разработанный немецким юристом на российской службе Э. Кромпейном на основе шведских, немецких и саксонских источников права.
2. Фрагментарно сохранившаяся первая редакция проекта.
3. Финальная редакций проекта, оформленная в виде таблицы, содержавшей перечень источников той или иной статьи проекта:

в Уложенье	в Кормчей	в указах	в военных	в швецком	в дацком	сочиненное

Такое состояние источников позволяет проследить процесс складывание текста проекта, изменения, происходившие на каждом этапе, а также то, какую роль для разработчиков играл западный правовой опыт.

В рамках настоящего исследования указанные источники анализируются с опорой на формально-юридический и исторический методы.

Результаты и обсуждения

«Процесс сочинения Кромпейнова…» может рассматриваться как подготовительная документация для разработки уголовно-процессуального раздела будущего Уложения. Данный текст вносил предложения по регламентации всех стадий судебно-следственного процесса от процедуры возбуждения уголовного дела до приведения приговора в исполнение.

Проект Э. Кромпейна предполагал использование уголовного процесса розыскного типа. Центральным элементом такого типа уголовного процесса являлась пытка [14, с. 212].

В своем тексте Э. Кромпейн сделал попытку поставить возможность использования пытки (как и совершение прочих процессуальных действий) в зависимость от наличия у судьи достаточных оснований. Применительно к пытке данные основания описывались через термин «признак». Сам Э. Кромпейн давал ему такое определение: «признак есть ознамение учиненного какого дела, которой основание правды показует» [9, л. 19].

Далее немецкий юрист давал классификацию «признаков» и описывал процедуру их верификации. «Признаки» делились на общие и особые. Общие «признаки» относились ко всем категориям дел. Первым и главным общим «признаком» являлись показания свидетеля о совершении подозреваемым вменяемого ему правонарушения [9, л. 20]. При этом «один свидетель свидетелем не почитаеца» [9, л. 20], а судья должен обращать внимание на репутацию свидетеля [9, л. 20 об.].

К общим «признакам» относились обнаружение на месте преступления вещи, принадлежавшей подозреваемому, угрозы в адрес жертвы, сведения о том, что подозреваемый «прихвалялся» совершить вменяемое ему деяние, след подозреваемого «в мягкой земли», обнаруженный на месте преступления, попытки подозреваемого уладить дело во внесудебном порядке [9, л. 21-21 об.].

В свою очередь особые «признаки» есть те, «которые не всем злодействам, но токмо некоторым приличны» [9, л. 21]. Так особыми «признаками» убийства являлись: присутствие подозреваемого на месте преступления, найденное у него оружие («окровавленная шпага») либо его оружие (можно достоверно установить принадлежность), найденное на месте преступления, подозрительное поведение рядом с местом преступления [9, л. 26]. Если жена утаила убийство мужа, она становилась главным подозреваемым в его убийстве [9, л. 26]. Особым «признаком» детоубийства были заявления женщины о том, что младенец уже родился мертвым либо умер при родах («младенец из чрева выпал наземь и таким образом до смерти убился»), и при этом отсутствие тела младенца. Для отравителя особым «признаком» были сведения о покупке или изготовлении яда. Но только в том случае, если он не сможет доказать, что делал это для законных целей [9, л. 27]. Для разбоя или кражи: обнаружение у подозреваемого пропавших вещей или попытка их продажи, неожиданно появившиеся у него богатство, законность происхождения которого он не может доказать, обнаружение в его жилище специальных инструментов для взлома [9, л. 21].

Таким образом, применение пытки ставилось жесткие четко определенные рамки. При этом нельзя сказать, чтобы пытка в существовавшей на тот момент практике розыскного процесса использовалась абсолютно произвольно. Однако Э. Кромпейн стремился придать этому вопросу большую системность.

Также, предложения немецкого юриста включали ответственность для судьи за безосновательную либо чрезмерно жестокую пытку [9, л. 46]. Кроме того, на пытке было запрещено задавать наводящие вопросы и вопросы, относящиеся к другим уголовным делам (по которым в отношении подозреваемого еще не были собраны достаточные «признаки») [9, л. 48].

Создание проекта Э. Кромпейна было завершено не позднее 1724 г. [3, с. 16-17]. После поступления на рассмотрение членам Уложенной комиссии он столкнулся с достаточно критическим и настороженным отношением.

Первая редакция второй книги проекта Уложения «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах» сохранилась фрагментарно. Вероятная причина тому – частые переезды Уложенной комиссии между Москвой и Санкт-Петербургом, которые отрицательно сказались на состоянии ее архива [6, с. 19]. В сохранившемся архивном деле листы с первой редакцией помещаются между соответствующими местами текста Э. Кромпейна, что позволяет предположить, что работа над ней велась по мере рассмотрения предложений немецкого юриста.

При рассмотрении этой редакции становится заметно стремление заменить предложение Э. Кромпейна действующими российскими источниками права. Так, один из пунктов проекта должен был определять круг лиц, в отношении которых пытка не может быть применена ни при каких условиях – представители аристократии и высших чинов, старики, подростки и беременные женщины [9, л. 13]. В тексте Э. Кромпейна есть аналогичный пункт, однако члены Уложенной комиссии здесь предпочитают опереться на «Краткое изображение процессов» – военно-процессуальный кодекс, впервые изданный в 1712 г. [13, с. 145]. «Сочиняемые» на данном этапе статьи проекта почти дословно цитируют этот нормативный правовой акт.

Так, Следующий «сочиненный» пункт ставит повторное применение пытки в зависимости от открытия в деле новых обстоятельств [9, л. 13]. Это полностью соответствует идее, высказываемой в проекте Э. Кромпейна. Однако сам пункт, очевидно, имеет своим источником шестой артикул шестой главы второй части «Краткого изображения процессов…» [2, с. 202].

Ряд статей первой редакции помещаются отдельно от «Процесса Кромпейнова сочинения…». Этим статьям предшествуют подготовительные выписки, по которым можно судить о круге источников, используемых разработчиками при составлении этой части нормативного правового акта. Он включает Соборное Уложение 1649 г., Новоуказные статьи 1669 г., Артикул воинский 1715 г., отдельные указы, касающиеся порядка утверждения приговора (от 21-го ноября и 4-го апреля 1722 г.), Прохирон («Грацкие законы»), шведские нормативные правовые акты и «Процесса Кромпейнова сочинения…» [9, л. 56-57]. Состав шведских источников права в документе не конкретизирован, однако, вероятно, он включал Уложение Кристофера 1442 г., переводы и выписки из которого делались еще в Юстиц-коллегии в 1718 г., Декрет о суде 1614 г., Градское Уложение 1618 г., Устав о наказаниях 1669 г. и Процессуальный устав 1695 г. Выписки и переводы из Градского Уложения и Процессуального устава делались Э. Кромпейном [16, с. 47].

Однако несмотря на такое разнообразие источников авторы проекта почти всегда отдают предпочтение двадцать первой главе «О разбойных и о татиных делах» Соборного Уложения 1649 г. В то же время статьи этой главы не воспроизводятся дословно – заимствуются отдельные каузы.

Так, помещенный в этой части документа артикул с порядковым номером пять устанавливает, что в случае отсутствия признания на пытке подозреваемый должен быть отдан «добрым порутчиком» или отпущен под присягу [9, л. 58]. Его поручители в свою очередь несут ответственность за его дальнейшее поведение, а также несут ответственность в случае открытия новых обстоятельств, свидетельствующих о виновности обвиняемого.

Такой подход разработчиков первой редакции книги «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах», казалось бы, свидетельствует об их приверженности традиционным российским правовым нормам и нежелании заимствовать западный правовой опыт несмотря на общий подход к данному вопросу, сложившийся в правление Петра I. Впрочем, как представляется, все было несколько сложнее.

Во-первых, как было отмечено выше, из российских источников права авторы проекта использовали преимущественно Соборное Уложение 1649 г. и «Краткое изображение процессов…». Однако «Краткое изображение процессов…» не являлось традиционным российским источником права. Как указано уже в первой публикации данного текста в 1712 г., этот нормативный правовой акт был составлен «против римскоцесарских и саксонских прав» [12, с. 113–121]. Его источники – военное законодательство Саксонии, датская «Инструкция военным судам» 1683 г., а также шведский Устав воинского судопроизводства того же года. Источники российского права при подготовке данного нормативного правового акта не использовались [12, с. 115]. Более того, автором этого нормативного правового акта являлся все тот же Э. Кромпейн, который начал работу над ним вскоре после перехода на российскую службу.

Таким образом, активное обращение к «Краткому изображению процессов…» показывает, что при работе над уголовно-процессуальным разделом для членов Уложенной комиссии не играло определяющей роли противопоставление между заимствованием и традицией. Выдвигаемая гипотеза состоит в том, что авторы проекта предпочитали опираться на уже существующие источники права, институты и механизмы, т. к. их практическая применимость была уже доказана. Напротив, практическая применимость предложений Э. Кромпейна не была такой уж очевидной.

Кроме того, обращение к «Краткому изображению процессов…» находилось в русле существовавшего в российском праве раннего Нового времени подхода, согласно которому лакуны в гражданском законодательстве могли закрываться с помощью привлечения военных нормативных правовых актов. В 1765 г. Сенат закрепил этот принцип: «ныне чего в военных процессах не достает, одолживаются гражданскими правилами, а чего в гражданских недостаточно, то заимствуют из военных процессов» [1, с. 30].

Во-вторых, предложения Э. Кромпейна на были отклонены полностью. Часть вошедших в финальную редакцию проекта артикулов, имеющих помету «ис прежняго сочинения» (т. е. перешедших в нее из первой редакции) представляют собой почти дословное воспроизведение текста немецкого юриста. Так в проект была перенесена разработанная им концепция «признаков».

«Из 3 главы 3 пункта прежняго сочинения» (у Э. Кромпейна это 3 глава, 4 пункт) давалось определение: «признак есть оскринование учиненного уже какова учинка, которой признак основание правды показует» [9, л. 214 об.]. Пятый пункт третьей главы «прежняго сочинения» воспроизводил деление «признаков» на общие и частные [9, л. 215 об.]. Затем, в соответствии с предложениями Э. Кромейна, описывался процесс доказывания признаков.

Приводятся и сами «признаки». Общие – забытая подозреваемым на месте преступления вещь, следы, на месте преступления, принадлежащие подозреваемому, попытка подозреваемого заключить досудебное соглашение с пострадавшим (данные пункты помещались в третьей главе «прежняго сочинения») [9, л. 215 об.]. И частные – «признаки» фальшивомонетчества, поджигательства, кражи, разбоя, детоубийства и т.д. (они помещались в четвертой главе «прежняго сочинения») [9, л. 219 об. 220].

При этом кромпейновская концепция «признаков» не была механически скопирована разработчиками проекта. Во-первых, могли дорабатываться правила применения уже существующих «признаков». Так, согласно Э. Кромпейну и вслед за ним авторам проекта, «признаком» разбоя или кражи являлось обнаружение у подозреваемого имущества

потерпевшего либо попытка продать это имущество [9, л. 220, 224]. На данном этапе добавлялось положение, что такое имущество (поличное) должно быть зарегистрировано соответствующим образом при подаче истцом челобитной. В противном случае поличное теряло свою доказательную силу.

Во-вторых, могли добавляться новые «признаки». Так, общие «признаки» пополнились игнорированием призыва о помощи и отказом присоединиться к преследованию подозреваемого [9, л. 242]. В особых «признаках» появились «признаки» конокрадства, незаконного изготовления и продажи алкоголя и табака, ненадлежащее исполнение тюремщиками своих обязанностей, которое привело к побегу колодников [9, с. 244].

Можно предположить, что концепция «признаков» Э. Кромпейна оказалось для разработчиков проекта удобным инструментом, чтобы упорядочить применение пытки. Как было отмечено выше, российское право и правоприменительная практика того времени не предполагали, что пытка подозреваемого может применяться произвольно. Однако данному вопросу не хватало системности.

28 октября 1724 г. состоялось последнее заседание Уложенной комиссии, имевшее кворум [12, с. 155]. Разработка финальной редакции проекта осуществлялась силами канцелярии Уложенной комиссии, возглавляемой Авраамом Степановичем Сверчковым. Влияние предложений Э. Кромпейна на содержание проекта на данном этапе возросло.

Так, в финальную редакцию проекта было включено декларативное предисловие из «Процесс сочинения Кромпейнова…» [9, л. 150]. Определение функций пытки как следственного действия, категорий дел, в которых она применяется, и освобожденного от нее круга лиц излагается во второй главе в полном соответствии с предложениями Э. Кромпейна, дословно их воспроизводя [9, л. 154, 157].

Впрочем, большая опора на предложения немецкого юриста не означало механического копирования. Как и в случае с предыдущей редакцией текста, было продолжено экстраполирование концепции «признаков» на новые составы правонарушений. Так, критерий доказательной силы поличного, зарегистрирован-ного соответствующим образом, был распространен на ситуацию, когда предметом спора была лошадь [9, л. 221]. После покупки лошадь должны была быть надлежащим образом зарегистрирована, что являлось единственным доказательством ее принадлежности, которое могло приниматься во внимание судьей при вынесении решения о пытке. В качестве дополнительных оснований для подозрений называлось оставление места постоянного проживания без паспорта – оно могло служить дополнительным «признаком» к пытке при наличии других «признаков» [9, л. 329].

В то же время концепция «признаков» подверглась ряду ограничений. Во-первых, в финальную редакцию проекта было внесено положение, что обвинение, выдвинутое помещиком против своего крепостного, может рассматриваться как основание для пытки без сбора дополнительных доказательств [9, л. 117 об. 118]. Данный пункт вносился в соответствии с сорок восьмой стать двадцать первой главы Соборного Уложения [7, с. 144]. Во-вторых, концепция «признаков» оказалась неприменима в делах о политических преступлениях, процесс по которым был вынесен в отдельную главу. Как представляется, это было связано с тем, что применение пытки в политических делах имело иную функцию, нежели в делах общеуголовных. Если в процессе по общеуголовным делам пытка имела цель подтвердить ранее собранные доказательства и добиться от подсудимого признания для последующего вынесения приговора, то в политических делах пытка была инструментом получения новых показаний, открытия новых обстоятельств дела и подозреваемых [17, с. 207-208].

Вместе с тем несмотря на внесенные ограничения сохранялась магистральная идея, выдвинутая Э. Кромпейном и прослеживающаяся во всех редакциях текста проекта «О процессе…». Эта идея заключалась в необходимости введения стройной, детально регламентированной судебно-следственной процедуры, в рамках которой применение пытки будет поставлено в жесткие рамки – в зависимость от четких критериев.

Выводы

Анализ проектов по реформированию уголовно-процессуального права, разработанных в Уложенной комиссии 1720-х гг. позволяет в конкретике понять роль западного правового опыта в развитии российской юриспруденции в ранее Новое время. В процессе взаимодействия с европейской правовой мыслью большое значение имели заимствования методологического, а не смыслового характера. Напротив, российские чиновники предпочитали смотреть в сторону знакомых им российских источников права. Они осваивали не столько конкретные нормы, сколько принципы юридической техники и подходы к регулированию

определенных сфер общественной жизни посредством нормативных правовых актов.

Вопрос о применении пытки оказался точкой схождения западного правового опыта и российских администраторов. По-видимому, это было продиктовано осознанием в российском правовом дискурсе раннего Нового времени проблемности данного следственного действия. Предложения Э. Кромпейна об ограничении и систематизации применения пытки посредством концепции «признаков» оказались удачным решением, которое было принято. Таким образом, рецепция западного правового опыта происходила легче в тех областях, где положения западной правовой мысли находили точки соприкосновения с релевантным опытом российских чиновников. В то же время со стороны разработчиков проекта заметна тенденция вдумчивого и острожного заимствования – стремление опереться на действующие российские нормы права там, где это было возможно.

Список источников

1. Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики розыскного процесса в России первой половины XVIII в. // Cahiers du Monde russe. 2012. Vol. 53. № 1. P. 15 – 39.

2. Артикул воинский купно с процессами. СПб., 1756. 231 с.

3. Бабкова Г.О. «Осторожно в пытках поступать»: предложения по реформированию следствия и уголовного процесса в законопроектах 1720-х гг. // История государства и права. 2017. № 24. С. 14 – 20.

4. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. 602 с.

5. Замуруев А.С. Работы разных лет. Псков, 2006. 608 с.

6. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. 607 с.

7. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. СПб., 1830. Т. I. № 1. С. 1 – 161.

8. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1.

9. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2.

10. Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. 603 с.

11. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. 488 с.

12. Серов Д.О. «У сочинения Уложенья российского со швецким быть…»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии. Сборник научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсинова. М., 2012. С. 139 – 160.

13. Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex russica. 2013. № 2. С. 113 – 121.

14. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. 224 с.

15. Сперанский М.М. Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II-м Отделении Собственной Его императорского Величества канцелярии. Одесса, 1889. 55 с.

16. Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах» М., 2023. 320 с.

17. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. 342 с.

References

1. Akel'ev E.V., Babkova G.O. "So that searches and torture could be carried out decently, as the decrees command": The evolution of the theory and practice of the investigative process in Russia in the first half of the 18th century. Cahiers du Monde russe. 2012. Vol. 53. No. 1. P. 15 – 39.

2. Military article together with processes. St. Petersburg, 1756. 231 p.

3. Babkova G.O. "Proceed with caution in torture": proposals for reforming the investigation and criminal procedure in the bills of the 1720s. History of the state and law. 2017. No. 24. P. 14 – 20.

4. Legislative acts of Peter I. Moscow; Leningrad, 1945. Vol. 1. 602 p.

5. Zamuruev A.S. Works of Different Years. Pskov, 2006. 608 p.

6. Latkin V.N. Legislative Commissions in Russia in the 18th Century. Historical and Legal Research. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. 607 p.

7. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection. St. Petersburg, 1830. Vol. I. No. 1. P. 1 – 161.

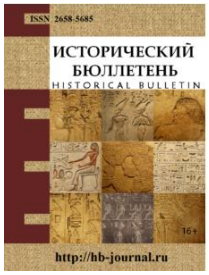
8. RGADA. F. 342. Op. 1. D. 10. Part 1.

9. RGADA. F. 342. Op. 1. D. 33. Part 2.
10. Sedov P.V. The Decline of the Muscovite Kingdom: The Tsar's Court at the End of the 17th Century. St. Petersburg, 2006. 603 p.
11. Serov D.O. The Judicial Reform of Peter I: Historical and Legal Research. Moscow, 2009. 488 p.
12. Serov D.O. "The Composition of the Russian and Swedish Ulozhenie Will Be...": The Ulozhenie Commission of 1720 and Its Works. Institutions of State and Law in Their Historical Development. Collection of Scientific Articles for the 60th Anniversary of Vladimir Alekseevich Tomsinov. Moscow, 2012. P. 139 – 160.
13. Serov D.O. Forgotten Versions of the Military Articles and the "Brief Description of Processes or Legal Proceedings" (from the History of the Codification of Military Legislation in Russia in the 18th Century). Lex Russica. 2013. No. 2. P. 113 – 121.
14. Smirnov A.V. Models of Criminal Procedure. St. Petersburg, 2000. 224 p.
15. Speransky, M.M. Review of Historical Data on the Code of Laws. Compiled from Acts Kept in the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery. Odessa, 1889. 55 p.
16. Trial and Investigation in 18th-Century Russia. Project "On the Trial in Criminal or Investigative, Torture Cases." Moscow, 2023. 320 p.
17. Telberg, G.G. Essays on Political Trials and Political Crimes in the Muscovite State of the 17th Century. Moscow, 1912. 342 p.

Информация об авторе

Кушков Е.А., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

© Кушков Е.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).084

Обеспечение безопасности и правопорядка советскими войсками в Германии в условиях оккупационного режима

[1] Павленко А.И.,
[1] Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Челябинске

Аннотация: в статье рассматривается вопрос обеспечения безопасности и правопорядка советскими войсками в Германии в первое послевоенное время. Особое внимание уделено тому, что основной целью было предотвращение реваншистских настроений и возможности возникновения новых военных угроз со стороны разбитой Германии. Для достижения этой цели были организованы строгие контрольные мероприятия. Отмечено, что группировка внутренних войск СССР, дислоцируемая в Германии, была предназначена для выполнения специфических функций, из которых можно выделить правоохранительную, – обобщенное понятие целого комплекса специальных полицейских и охранных функций; и политическую, которая заключалась в поддержании оккупационного режима на территории Восточной Германии.

Ключевые слова: Вторая мировая война, ГСОВГ, СССР, СВАГ

***Для цитирования**: Павленко А.И. Обеспечение безопасности и правопорядка советскими войсками в Германии в условиях оккупационного режима // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 137 – 141.*

Поступила в редакцию: 13 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Ensuring security and law and order by Soviet troops in Germany under the occupation regime

[1] Pavlenko A.I.,
[1] Branch of the Military Training and Scientific Center of the Air Force Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin in Chelyabinsk

Abstract: the article examines the issue of ensuring security and law and order by Soviet troops in Germany in the first post-war period. Particular attention was paid to the fact that the main goal was to prevent revanchist sentiments and the possibility of new military threats from a defeated Germany. Strict control measures were organized to achieve this goal. It is noted that the grouping of the internal troops of the USSR stationed in Germany was designed to perform specific functions, of which law enforcement can be distinguished, as a generalized concept of a whole range of special police and security functions; and political, which consisted in maintaining the occupation regime in East Germany.

Keywords: World War II, GSOFG, USSR, SVAG

***For citation**: Pavlenko A.I. Ensuring security and law and order by Soviet troops in Germany under the occupation regime. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 137 – 141.*

The article was submitted: July 13, 2025; Approved after reviewing: September 11, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

После окончания Второй мировой войны, в 1945 году, Советский Союз взял на себя ответственность за управление своей зоной оккупации в Германии. Одной из ключевых задач, стоявших перед советскими войсками, было обеспечение безопасности и поддержание правопорядка среди населения, разрушенного войной и пережившего национал-социалистический режим. Эта миссия требовала не только военной мощи, но и тонкого понимания социальных и политических процессов в послевоенной Германии.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на принцип объективности и принцип историзма, что подразумевает то, что автор руководствовался следующими принципиальными подходами: анализ исторических событий в их взаимосвязи, а не изолированно, выстраивая цепочки причин и следствий между различными историческими феноменами. В ходе исследования использованы следующие методы: общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, логический метод, факторный анализ; исторические методы: историко-типологический метод, историко-системный метод.

Результаты и обсуждения

В отечественной и зарубежной исторической мысли накоплен обширный массив исследовательских и публицистических материалов, рассматривающих функционирование воинских формирований СССР на немецкой территории после завершения Второй мировой войны. В основном, проблематика исследований фокусируется на демократических реформах антифашистского характера, проводимых на территории послевоенной Германии, контролируемой советскими оккупационными силами (ГСОВГ, ГСВГ, СВАГ и т.д,), а также обсуждаются вопросы, связанные с процессом обеспечения безопасности и правопорядка советскими войсками на территории Германии. В связи с этим можно выделить работы А.М. Филитова, С.Н. Мудрова, А.П. Сенторусова, А.А. Галкина, Д.С. Давидовича и др. Среди зарубежных исследователей, в центре внимания работ которых находится данная проблема отметим Й. Лауфера, Н. Наймарка, Й. Фойтзика.

Результаты исследования имеют важное значение для анализа значения деятельности советских войск в процессе обеспечения безопасности и правопорядка в Германии в первое послевоенное время. Кроме того, стоит отметить, что важной составляющей деятельности советских войск являлось установление нормальной жизни гражданского населения и восстановление экономики, что в итоге должно было «лечить раны» войны и заложить основу для нового, мирного начала в Германии.

После окончания военных действий Германия столкнулась с тотальным застоем управленческих структур. Особенно критическая ситуация наблюдалась в городских центрах, включая Берлин. Последствия военных разрушений усиливались эпидемиями и масштабным перемещением вынужденных переселенцев. В страну массово прибывали этнические немцы, депортированные с территорий, переданных Польше, а также из Чехословакии и других восточноевропейских государств. Острейший дефицит продовольствия и проблемы с доступом к чистой воде провоцировали население на отчаянные и непредсказуемые действия.

Местное население испытывало глубокие переживания ввиду внезапно наступившего обнищания, тогда как мигранты пребывали в состоянии крайней безысходности. Кроме беженцев в Берлин и другие крупные города Германии стекались преступные элементы всех категорий и даже целые преступные группировки. Так, преступность в первое послевоенное время в Германии достигла беспрецедентного уровня, ввиду неэффективности и первоначальной пассивности дезорганизованных немецких силовых структур, оставшихся без руководства.

Особенно массовый характер приобрело мародерство. Значительное количество депортированных, часть из которых первоначально стихийно начала свое движение на Восток, присваивали у германского населения различные ценности: скот, собственность, финансовые средства, моторизованный транспорт, гужевые средства передвижения, сельхозинвентарь и всевозможные предметы, которые можно было транспортировать. Относительно этой ситуации руководитель подразделений НКВД, обеспечивающих безопасность тыловых районов 1-го Белорусского фронта, направил инструктивное письмо руководителям подчиненных пограничных формирований, в котором обозначил: «Военный Совет фронта отмечает массовые случаи, когда освобожденные из немецкого плена военнослужащие и угнанные в неволю граждане иностранных государств при возвращении к себе на родину уводят с собой самовольно изъятых у немецкого населения лощадей, коров, трактора и повозки, нагруженные до отказа разным имуществом» [2]. Кроме того, под военно-

служащих часто маскировались и преступные группировки, используя военную форму.

Стоит отметить, что после окончания военных действий на территории остался значительный арсенал вооружения, который способствовал росту криминальной деятельности и обеспечивал ресурсами группировки, противостоящие установленному советскому режиму с применением силовых и военно-стратегических методов. С момента вступления на территорию Германии, контроль над управленческими полномочиями незамедлительно приняла на себя оккупационная администрация СССР, представленная СВАГ (Советской военной администрацией в Германии). Важным инструментом в реализации политики СВАГ и СССР явились оккупационные войска и в том числе войска НКВД СССР [8].

Осуществляя комплекс оперативных миссий, силы внутренней безопасности, дислоцированные в Германии, реализовывали два ключевых направления деятельности. Приоритетной являлась ежедневная правоохранительная [5]. По сути, это означало противодействие криминальным элементам, обеспечение стабильности и защиту объектов на подконтрольных территориях. Разумеется, понятие законности в тот период определялось директивами и постановлениями Советской военной администрации в Германии, а также совместимыми с ними немецкими нормативными актами.

Как отмечает А.П. Сенторусов второе направление являлось политическим и заключалось «в поддержании оккупационного режима специфическими, военно-полицейскими методами и выполнение решений Ялтинской (1945 г.) и Потсдамской (1945 г.) конференций, на которых была решена дальнейшая судьба Германии и был принят план денацификации, демилитаризации и демократизации Германии» [6]. Обязанности по реализации первого, а также отчасти и второго направления легли непосредственно на войска НКВД под руководством оперативных органов НКВД и ГУКР НКО «Смерш».

Выполняя указанные обязанности, подразделения НКВД решали множество конкретных специализированных вопросов, включающих как традиционные, так и впервые поставленные задачи. Приоритетным направлением выступало противостояние вооруженному сопротивлению и стратегическому давлению со стороны подпольных группировок и функционирующих диверсионно-террористических нацистских формирований. Согласно данной задачи предполагалась ликвидация диверсионно-террористических групп, бандформирований, формирований типа (например, «Вервольф» и «Фольксштурм»), которые не скрывали свои действия [3]. В целях реализации поставленной миссии подразделения НКВД систематизировали оперативно-тактическую работу разнообразных военных формирований, включая патрульные отряды, скрытые наблюдательные посты, тактические ловушки, барьерные группы, разведывательные патрули, поисково-аналитические команды, блокировочные отряды, контрольно-пропускные пункты, а также дополнительные специализированные подразделения, задействованные при осуществлении специфических тактических операций [4].

Так, в докладе начальника штаба внутренних войск МГБ СССР в Германии о состоянии внутренних войск МТБ в Германии за 8 месяцев 1947 года (от 15 сентября 1947 года) за данный период было задержано «агентов иностранных разведорганов – 36 человек; диверсантов и террористов – 43 человека; бандитов – 25 человек; активистов нацистской партии – 81 человек; изменников Родины – 56 человек; дезертиров – 23 человека; грабителей и насильников – 23 человека, лиц, незаконно хранивших оружие – 173 человека; нарушителей границы зоны оккупации – 878 человек; нарушителей оккупационного режима – 24 человека; подозрительных лиц, в т. ч. без документов – 2468 человек» [2].

По завершению боевых действий, начиная с 22 мая 1945 года, подразделения внутренних войск НКВД, дислоцированные в контролируемой Советским Союзом части Германии, приступили к формированию разведывательной структуры, вербуя агентов среди коренных немецких жителей. Изначально данное разведывательное подразделение фокусировалось на противодействии ранее упомянутой организации «Вервольф». В приказе начальника Управления войск НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта № Р/188 «О борьбе с «Вервольфом» от 1 июня 1945 г. говорилось, что необходимо сформировать сеть агентов, состоящую из бывших членов нацистской партии (НСДАП), которые демонстрируют преданность советской власти, вызывают доверие и имеют контакты в организации «Вервольф» либо могут эти связи установить. Кроме того, предполагалось нацелить агентуру на обнаружение хранилищ вооружения, взрывчатки, провианта и других ресурсов, с последующим их уничтожением, чтобы подорвать материальную основу, поддерживающую подпольную враждебную деятельность [10].

В исследовании А.П. Сенотрусова подчеркнуто, что «В 1945-1946 гг. каждый полк внутренних войск в Германии располагал агентурной сетью в количестве от 100 до 200 человек. Таким образом, общая численность агентуры войск (состав груп-

пировки внутренних войск в Германии в это время насчитывал 9-11 полков) составляла от 1000 до 3000 человек» [6].

В соответствии с дополнением к инструкции по функционированию пограничных постов «Об организации агентурно-оперативной работы на контрольно-пропускных пунктах», которое было ратифицировано руководителем подразделений НКВД по обеспечению безопасности тыловых территорий ГСОВГ генерал-майором П.М. Зиминым 18 февраля 1946 года, ключевыми целями наблюдения для данной разведывательной сети считались:

1) «шпионская и диверсионная агентура иностранных разведок, агентура националистических формирований;

2) лица, нелегально транспортирующие оружие, запрещенную литературу, крупные ценности и другие предметы, наличие которых вызывает подозрение;

3) нацистские и другие враждебные элементы, пытающиеся нарушить межзональную линию по подложным документам или при помощи других каких-либо ухищрений» [2].

Тем не менее, после формирования МГБ СССР в мае 1946 года произошла значительная реорганизация. Это ведомство сконцентрировало в своих руках практически все оперативно-чекистские функции, что привело к прекращению разведывательной деятельности внутренних войск, расположенных на территории Германии. Весь разведывательный аппарат внутренних войск был полностью передан под юрисдикцию нового министерства.

Необходимо также отметить особую функцию, возложенную на подразделения внутренней безопасности на территории Германии – контроль демаркационной линии между территорией, подконтрольной СССР, и районами, находящимися под управлением западных держав (американской, британской и французской администраций) [1]. Обеспечение безопасности на этом рубеже осуществлялось через систему мобильных групп наблюдения, скрытых постов и постоянно действующих контрольно-пропускных пунктов вдоль всей пограничной зоны. В ходе этой деятельности силами безопасности было обнаружено и задержано значительное количество лиц, подлежавших задержанию согласно действовавшим директивам. Защита мест расположения оперативных подразделений НКВД/МВД/МГБ и собственных формирований составляла важную часть обязанностей. Кроме того, внутренние войска на территории Германии обеспечивали безопасность стратегически значимых объектов и конвоирование особых грузов.

Следующие статистические данные демонстрируют размах охранной деятельности, проводимой подразделениями внутренних войск на территории оккупированной СССР части Германии: «В мае 1946 г. они охраняли 5 оперативных секторов в провинциях и землях, 17 окружных оперативных групп, 170 уездных и городских оперативных групп, 1 оперативный сектор и 13 оперативных групп в Берлине, 21 тюрьму при оперсекторах и опергруппах, 131 камеру предварительного заключения, 10 спецлагерей, 3 лагеря для военнопленных, здание бывшей имперской канцелярии, отделы и опергруппы по борьбе с бандитизмом, аппарат Уполномоченного НКВД СССР в Германии и представительство Совета по делам репатриации при Совете Министров СССР, а также производственные и административные объекты Саксонского горного управления» [10]. Впоследствии данные показатели варьировались, увеличиваясь или уменьшаясь под влиянием различных факторов, включая политические реформы, административные преобразования, кадровые перестановки и прочие трансформации.

Выводы

Таким образом, в послевоенной Германии, разрушенной и деморализованной, критическую роль в восстановлении порядка и безопасности сыграли советские войска. Оперируя в рамках оккупационного режима, они предотвращали возможные вспышки национализма, выявляли нацистские военные формирования и предотвращали мародёрство. ГСОВГ также обеспечивали защиту гражданского населения и поддерживали работу местных органов власти в становлении полицейской системы, которая была критически важна для восстановления общественного порядка и правосудия. Участие советских солдат в этих процессах было направлено на стабилизацию ситуации в стране и создание условий для политического и экономического восстановления Германии в рамках социалистической идеологии.

Список источников

1. Болдырев Р.Ю. Региональная политика советских оккупационных властей в Германии, 1945-1949: от федерализма к унитаризму // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57 (1). С. 70 – 74.

2. Внутренние войска в 1945-1960 гг. Документы и материалы. М.: Воениздат, 1989. 430 с.

3. Галкин А.А. Мельников Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос (1945-1965). М.: Наука, 1966. 262 с.

4. Генералов А.П. Историческое значение роли группы советских войск в германии (ГСОВГ, ГСВГ, ЗГВ) в поддержании мира и безопасности в Европе с 1945 по 1994 г. и нарушение баланса безопасности после ее вывода // XI Волконские чтения, посвященные 260-летию Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 309 – 331.

5. Калинин А.М. Советская военная администрация в Германии и ее деятельность по демилитаризации советской зоны оккупации в 1945-1949 гг. (современная историография проблемы) // Власть. 2011. № 6. С. 161 – 163.

6. Сенотрусов А.П. Внутренние войска НКВД/МГБ/МВД СССР в Восточной Германии 1945-1956 гг.: Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2001. 214 с.

7. Уль М. «Старший брат»: группа советских войск в германии как фактор власти советского союза в ГДР, 1945-1989 гг.// Имперская традиция в российской государственности в Новое и Новейшее время. Материалы международной научной онлайн-конференции. Москва, 2023. С. 221 – 229.

8. Филипповых Д.Н. Советская военная администрация в Германии; военно-политический аспект деятельности (1945-1949 гг.). М.: Наука, 1995. 148 с.

9. Foitzik J., Petrow N.W. Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953. Berlin: De Gruyter, 2009. 527 p.

10. Naimark N. Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin, 1997. 678 p.

References

1. Boldyrev R.Yu. Regional Policy of the Soviet Occupation Authorities in Germany, 1945-1949: From Federalism to Unitarism. Bulletin of Tomsk State University. History. 2019. No. 57 (1). P. 70 – 74.

2. Internal Troops in 1945-1960. Documents and Materials. Moscow: Voenizdat, 1989. 430 p.

3. Galkin A.A. Melnikov D.E. USSR, Western Powers, and the German Question (1945-1965). Moscow: Nauka, 1966. 262 p.

4. Generalov A.P. The Historical Significance of the Role of the Group of Soviet Forces in Germany (GSOVG, GSVG, WGV) in Maintaining Peace and Security in Europe from 1945 to 1994 and the Disruption of the Security Balance after its Withdrawal. XI Volkonsky Readings dedicated to the 260th Anniversary of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, 2024. P. 309 – 331.

5. Kalinin A.M. Soviet Military Administration in Germany and its Activities to Demilitarize the Soviet Occupation Zone in 1945-1949 (Modern Historiography of the Problem). Vlast. 2011. No. 6. P. 161 – 163.

6. Senotrusov A.P. Internal Troops of the NKVD/MGB/MVD of the USSR in East Germany 1945-1956: Historical Research: Dis. ... Cand. of History. Moscow, 2001. 214 p.

7. Uhl M. "Big Brother": The Group of Soviet Forces in Germany as a Factor in the Power of the Soviet Union in the GDR, 1945-1989. The Imperial Tradition in Russian Statehood in the Modern and Contemporary Times. Proceedings of the International Scientific Online Conference. Moscow, 2023. P. 221 – 229.

8. Filippov D.N. Soviet Military Administration in Germany; Military-Political Aspects of Its Activities (1945-1949). Moscow: Nauka, 1995. 148 p.

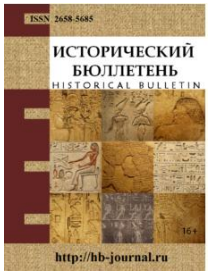
9. Foitzik J., Petrow N.W. The Soviet Military Administration in the SBZ/DDR from 1945 to 1953. Berlin: De Gruyter, 2009. 527 p.

10. Naimark N. Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin, 1997. 678 p.

Информация об авторе

Павленко А.И., старший преподаватель, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Челябинске, г. Челябинск, 11-й городок, 1, belgorod890@yandex.ru

© Павленко А.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 281.93

Развитие Ханты-Мансийского благочиния Ханты-Мансийской епархии

[1] Андреевских Л.В.,
[1] Борозенец Т.А.,
[1] Югорский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается история Ханты-Мансийского благочиния Ханты-Мансийской епархии с момента возникновения церковной жизни до сегодняшнего дня. Основной акцент делается на анализе основных направлений приходской и общеепархиальной жизни в границах Ханты-Мансийского благочиния: информационного, социального, миссионерского и просветительского. Описываются главные святыни, находящиеся в храмах Ханты-Мансийского благочиния. На основании изучения многочисленных свидетельств участников-очевидцев, информационных ресурсов Ханты-Мансийской епархии доказывается поступательный прогрессивный рост церковной жизни Ханты-Мансийского благочиния, который свидетельствует о продолжающемся возрождении Православия в Югре.

Ключевые слова: Ханты-Мансийская епархия, Ханты-Мансийское благочиние, информационная деятельность Ханты-Мансийской епархии, социальная деятельность Ханты-Мансийской епархии, миссионерская деятельность Ханты-Мансийской епархии, просветительская деятельность Ханты-Мансийской епархии, святыни Ханты-Мансийского благочиния

***Для цитирования**: Андреевских Л.В., Борозенец Т.А. Развитие Ханты-Мансийского благочиния Ханты-Мансийской епархии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 142 – 150.*

Поступила в редакцию: 14 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Development of the Khanty-Mansiysk Blagochinie of the Khanty-Mansiysk Diocese

[1] Andreevskikh L.V.,
[1] Borozenets T.A.,
[1] Yugra State University

Abstract: this article examines the history of the Khanty-Mansiysk Blagochinie (Deanery) of the Khanty-Mansiysk Diocese from the inception of church life in the region to the present day. The primary focus is on the analysis of the main spheres of parish and diocesan life within the Khanty-Mansiysk Deanery: informational, social, missionary, and educational activities. The principal sacred objects housed in the churches of the Deanery are described. Based on the study of numerous accounts from eyewitness participants and information resources of the Khanty-Mansiysk Diocese, the article demonstrates the progressive growth of church life in the Khanty-Mansiysk Deanery, which attests to the ongoing revival of Orthodoxy in Yugra.

Keywords: Khanty-Mansiysk Diocese, Khanty-Mansiysk Deanery, informational activity of the Khanty-Mansiysk Diocese, social activity of the Khanty-Mansiysk Diocese, missionary activity of the Khanty-Mansiysk Diocese, educational activity of the Khanty-Mansiysk Diocese, sacred objects of the Khanty-Mansiysk Deanery

***For citation**: Andreevskikh L.V., Borozenets T.A. Development of the Khanty-Mansiysk Blagochinie of the Khanty-Mansiysk Diocese. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 142 – 150.*

The article was submitted: July 14, 2025; Approved after reviewing: September 12, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Основными показателями развития Ханты-Мансийского благочиния Ханты-Мансийской епархии могут служить количество построенных храмов на его территории, а также проводимая информационная, социальная, просветительская и миссионерская работа. Особым показателем является количество святынь, обретаемых в храмах благочиния.

В 1990-е гг. историки начали преодолевать идеологические стереотипы, которые были заложены в советский период. В это время появились обобщающие работы по истории РПЦ, написанные ее представителями. Протоиерей В. Цыпин [5] первым провел систематическое исследование истории Русской Православной Церкви с начала XVIII в. по начало XXI в. Его работы содержат ценные факты, однако они не учитывают современное состояние РПЦ и не предлагают критического анализа ее проблем. Светские историки в основном сосредоточились на изучении отношений между государством и РПЦ во второй половине XX в. Например, И.И. Маслова [6] подробно анализировала государственно-церковные отношения в 1960-80-е гг., выдвигая тезис о том, что эволюция советской политики в отношении РПЦ во второй половине века претерпела ряд значительных поворотов – от давления до диалога. М.В. Шкаровский в своем труде «Русская Православная Церковь в XX веке» [25] рассматривает важнейшие моменты новейшей истории РПЦ и, что немаловажно, пытается выявить влияние церкви на общество и государство. В подготовительный период и на фоне празднования 1000-летия Крещения Руси прошли международные церковно-исторические конференции, были выпущены работы, такие как коллективный труд «Русское православие: вехи истории» и сборник «На пути к свободе совести», которые значительно изменили подходы к изучению истории РПЦ. В работах советских ученых признано, что история РПЦ оставалась одной из самых слабо разработанных тем в историографии XX века.

Деятельность РПЦ на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры стала объектом исследования ученых Нижневартовского государственного университета, Сургутского государственного университета и Югорского государственного университета. В работах преподавателей Югорского государственного университета Т.В. Ткачевой и Н.С. Хариной [10] была исследована миссионерская деятельность Русской Православной церкви на Севере Западной Сибири в конце XX – начале XXI вв. Представители Нижневартовского государственного университета В.В. Цысь и О.П. Цысь [23, 24] в своих трудах охватили историю Русской православной церкви на Севере Западной Сибири с конце XVI до начале XX в. Важную роль в сохранении исторической памяти о жизни православных общин и восстановлении храмов в Югре играют также работы Поливановой Светланы Валерьевны [13, 12], православного журналиста и краеведа Ханты-Мансийского автономного округа. Она активно публиковала научно-публицистические материалы о восстановлении православных храмов в регионе. Огромную работу по исследованию документов, касающихся жизни РПЦ в Югре, также ведет сотрудник Архивной службы Югры О.А. Спиридонова [17].

Несмотря на наличие архивных материалов и работ исследователей возрождения православных храмов, жизни приходов и сохранения православной веры в Югре остается недостаточно исследованной. Поэтому чрезвычайно важно, используя сохранившиеся документы и воспоминания людей, восстановить хотя бы часть исторических фактов, поскольку история православия в Югре является неотъемлемой частью региональной истории.

Таким образом, тема приходской общинной жизни Ханты-Мансийского благочиния в 1990-2020 гг. изучена частично. Вопросы становления приходов, восстановления храмов, а также образовательной и социальной деятельности требуют более глубокого анализа. Архивные материалы, воспоминания участников событий, краеведческая и региональная историческая литература создают основу для дальнейших исследований. В целом, тема представляет собой «белое пятно» в историографии региона и открывает широкие перспективы для научного изучения.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования стали архивные документы государственных и муниципальных архивов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, публикации в региональной периодической печати, воспоминания участников событий, а также научные труды отечественных историков и

краеведов, посвященные истории Русской Православной Церкви на Севере Западной Сибири. В работе использовались методы историко-сравнительного и проблемно-хронологического анализа, что позволило выявить основные этапы становления приходской жизни и определить специфику религиозной, образовательной, миссионерской и социальной деятельности Ханты-Мансийского благочиния в 1990–2020-е гг. Сопоставление данных различных источников обеспечило комплексный подход к изучаемой проблеме, а использование междисциплинарных подходов (исторического, социокультурного, религиоведческого) дало возможность проанализировать деятельность приходов в контексте региональной истории и общественных процессов конца XX – начала XXI вв.

Результаты и обсуждения

С приездом в Ханты-Мансийск в 1996 году священника Сергия Кравцова начинается стабильная и постоянная церковно-приходская жизнь в столице Югры [3]. До этого в городе не было постоянного православного священника, и духовные запросы людей удовлетворяли приезжие миссионеры-священники. Усилиями первого и главного из них, игумена Зосимы **(**Горшунова**)** был основан и зарегистрирован прихода храма иконы Божией Матери «Знамение», к 1995 г. возведен и освящен храм [4]. Иереем Сергием Кравцовым были заложены основы системной церковной деятельности в городе Ханты-Мансийске и Ханты-Мансийском районе в информационно, миссионерской, просветительской и социальной сферах. При нем создается православное сестричество милосердия, для деятельности которого 19 октября 2001 г. была освящена часовня в честь преподобномученицы Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары в Окружной клинической больнице. Священник благословил на эту работу трех врачей: Валентину Николаевну Бедерину, Любовь Анатольевну Конюхову и Александру Александровну Суворову. Первой старшей сестрой милосердия стала Бедерина В.Н., а после ее отъезда и до сего дня – Суворова А.А. Росло количество приходящих сестер милосердия [5]. Главным достижением на просветительском направлении стало создание Классов русской духовной культуры при МБОУ СОШ №8, по сути, полноценной православной гимназии, деятельность которой финансируется за государственный счет. Этот уникальный опыт даже заинтересовал Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, т.к. он дает возможность получать образование с православным уклоном бесплатно для всех желающих.

За период с 1996 года по 2011 в городе Ханты-Мансийске была восстановлена церковь Покрова Пресвятой Богородицы (2000 г.), построен храм в честь праведного отрока Артемия Веркольского на Северном кладбище (2005 г.), кафедральный собор «Воскресения Христова» (2006 г.), открыто несколько часовен и молельных комнат при высших учебных заведениях и учреждений здравоохранения города [5]. Священник Сергий Кравцовым регулярно совершал миссионерские поездки в населенные пункты Ханты-Мансийского района. Активно проповедовал по телевидению и радио.

С 1990 г. Знаменский приход входил в состав Тобольско-Тюменской епархии, а в 2011 г. из ее состава была выделена Ханты-Мансийская епархия во главе с епископом Ханты-Мансийским и Сургутским Павлом (Фокиным) [11]. Ханты-Мансийск стал кафедральным градом, столицей новообразованной епархии, которая обрела свою внутреннюю структуру – была поделена на благочиния. Первым из них было Ханты-Мансийское благочиние, приходы которого находятся на территории города Ханты-Мансийка и Ханты-Мансийского района. Дальнейшее развитие церковной жизни Ханты-Мансийского благочиния проходит под непосредственным руководством епископа, а с 2014 г. митрополита Павла.

В Ханты-Мансийске было создано Епархиальное управление, в состав которого вошли основные отделы церковной деятельности. Главами отделов и сотрудниками епархиального управления были назначены преимущественно священнослужители Ханты-Мансийского благочиния. Это усилило и придало больший масштаб развитию Православия не только в Ханты-Мансийском районе, но и во всей Югре.

В настоящий момент на территории города Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского района действуют 18 храмов и 29 священнослужителей [18], большинство из которых, кроме приходских, исполняет еще и епархиальные послушания. Зачастую бывает трудно отделить собственно церковную жизнь Ханты-Мансийского благочиния от жизни Ханты-Мансийской епархии. Многие события, осуществляемые священнослужителями и приходами Ханты-Мансийского благочиния, имеют одновременно и благочинное, и епархиальное значение.

Информационная деятельность Ханты-Мансийского благочиния курируется Отделом по взаимоотношению Церкви с обществом и СМИ, непосредственно осуществляется прихожанами и духовенством благочиния, которые являются основными ньюсмейкерами. С 2003 г. проводятся прямые трансляции праздничных богослужений

Рождества и Пасхи на окружном телевидении «Югра». У истоков трансляций стоял журналист Виктор Михайлович Журавлев. Начинают регулярно выходить сюжеты и передачи по православной тематике на телевидении и радио. С 2003 г. выходит просветительская телепрограмма «Воскресение», посвященная истории и современным актуальным событиям Православия в Югре. Последние пятнадцать лет ее постоянным автором и ведущим является журналист Павел Викторович Иньков. Главные события православной жизни епархии периодически транслируются в новостном блоке на православных телеканалах «Союз» и «Спас». С августа 2015 г. издается епархиальный общественно-политический журнал «Югра православная», раскрывающий ключевые темы церковной, епархиальной, социальной и государственной жизни. С 2016 г. издается «Ежегодный иллюстрированный календарь православных праздников, постов и трапез», а на радиоканале «Россия Югория» регулярно выходит программа «Югра православная», в которой священнослужители епархии отвечают на самые разные вопросы ведущих. Наибольший вклад в деятельность радиопрограммы внесли журналисты Юлия Кузнецова и Оксана Мороз. Большой вклад в развитие церковной журналистики Югры внесла С.В. Поливанова (1964-2020), деятельность которой в основном была посвящена истории политических репрессий в округе. С 2012 г. действует официальный вебсайт Ханты-Мансийской митрополии (ugraeparhia.ru). У каждого прихода также есть свои сайты, страницы в социальных сетях и мессенджерах. Священнослужители и активные миряне регулярно присылают новостные сообщения о происходящих церковных мероприятиях, а также статьи по актуальным вопросам церковной жизни на епархиальный и приходские информационные ресурсы.

Социальная деятельность Ханты-Мансийского благочиния осуществляется в рамках работы Отдела социального служения и благотворительности Ханты-Мансийского благочиния силами священнослужителей, работников храмов, волонтеров и неравнодушных прихожан. В благочинии действует мощное сестринское движение. Сестричества милосердия занимаются оказанием адресной помощи больным, пожилым и нуждающимся людям. 1 октября 2022 г. в Ханты-Мансийске был открыт гуманитарный православный центр «Твори добро» [16]. Сестры милосердия и волонтеры центра оказывают вещевую и продуктовую помощь всем нуждающимся. На ряде приходов организованы и действуют пункты сбора и выдачи одежды, обуви, продуктов питания, предметов первой необходимости для малоимущих. Проводятся различные благотворительные мероприятия. Например, Рождественские елки и Пасхальные утренники для многодетных и малоимущих семей, на которых всем детям раздаются праздничные подарки; сборы вещей и продуктов для лиц, находящихся в государственных исправительных учреждениях; благотворительные ярмарки. Также приходы принимают активное участие в различных акциях городских социальных служб и общественных организаций. Традиционные семейные ценности пропагандируются в рамках ежегодных мероприятий, приуроченных к Дню любви, семьи и верности, Дню защиты детей и Дню матери. В Ханты-Мансийске ежегодно проводятся массовые епархиальные шахматные турниры: Пасхальный (с 31 мая 2014 г.), Рождественский (с 7 февраля 2015 г.), блицтурнир, посвященный Всероссийскому Дню трезвости (с 19 сентября). Ежегодно проходит открытый турнир по боксу «За други своя» посвященный памяти преподобного Сергия Радонежского в п. Горноправдинск [18]. Благочиние активно сотрудничает со всеми государственными и общественными учреждениями социальной направленности Югры.

Просветительская деятельность Ханты-Мансийского благочиния курируется Отделом религиозного образования и катехизации, который бессменно возглавляет клирик Воскресенского собора, иерей Димитрий Губанищев. На территории благочиния нет средних и высших духовных заведений. Начальное духовное образование дается детям и подросткам в православной гимназии и воскресных школах, а взрослым – на Миссионерско-катехизичесих курсах. Всего в благочинии работают 8 воскресных школ. Так в Ханты-Мансийске просветительскую деятельность осуществляют: Воскресная школа при храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» [19], Воскресная школа «Маяк» при кафедральном Воскресенском соборе [3], Воскресная школа при храме Покрова Пресвятой Богородицы [20], Воскресная школа при храме Сергия Радонежского [23], Воскресная школа Прихода храма пророка Божия Илии [21], Воскресная школа при храме святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских [22]. В деревне Шапша действует Воскресная школа при храме в честь святого преподобного Евфимия Великого; в поселке Горноправдинск – Воскресная школа при храме Вознесения Господня. При кафедральном соборе Воскресения Христова в Ханты-Мансийске с 2002 г. действует НЧОУ ДО «Духовно-просветительский центр» [8]. В разные периоды работы центра в его секциях и творческих объединениях занимались от 50 до 400 детей. Сотрудники и воспитанники центра еже-

годно участвуют в театральных постановках праздничных спектаклей, посвященных Рождеству Христову и светлому Христову Воскресению. С 2014 г. на базе центра действуют двухгодичные Миссионерско-катехизические курсы. Слушатели изучают такие богословские дисциплины, как Новый Завет, Ветхий Завет, догматику, патрологию, аскетику, сравнительное богословие и сектоведение. С 2018 г. при центре действуют Епархиальные курсы повышения квалификации священнослужителей Ханты-Мансийской митрополии. В части реализации Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, с 2014 г. в дошкольных и общеобразовательных организациях Югры реализуется программа «Социокультурные истоки». С 2017 г. программа «Социокультурные истоки» введена как обязательная к изучению в рамках основной образовательной программы за счет часов внеурочной деятельности [18]. В 2023 г. программа «Социокультурные истоки» была выведена из школьной программы Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). Чиновники сослались на единые требования федеральных образовательных программ и «личное указание министра просвещения Российской Федерации. Ведется работа по возвращению этой программы в средние учебные заведения. В Ханты-Мансийской епархии на территории Ханты-Мансийского благочиния ежегодно проводятся такие масштабные научно-просветительские мероприятия, как региональный этап Международных Рождественских образовательных чтений и окружные Кирилло-Мефодиевские образовательные чтения (с 2013 г.), посвященные рассмотрению актуальных проблем взаимодействия Церкви, общества и государства, выработке конкретных рекомендаций по их решению. С 2017 г. в рамках регионального этапа Международных Рождественских чтений ежегодно проходят Парламентские встречи, на которых происходит общение правящего архиерея и духовенства Ханты-Мансийской митрополии с депутатским корпусом, руководителями и специалистами департаментов, представителями администраций городов и районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Миссионерское служение в Ханты-Мансийском благочинии осуществляется под эгидой Миссионерского отдела Ханты-Мансийской епархии. Много внимания уделяется внутренней миссии, то есть привлечению к православной вере маловерующих или невоцерковленных жителей города и района, которые все еще остаются во власти атеистической пропаганды и образа жизни. Для этого священнослужители регулярно выступают в СМИ, в теле- и радиопрограммах, ведутся трансляции богослужений и проповедей. Внешняя миссия в основном сориентирована на еще пребывающих в язычестве представителей коренных народов. В 2019 г. вышел в свет первый в истории Начальный православный молитвослов на хантыйском и церковнославянском языках [7]. Издание дополнено аудиоприложением для тех, кто не может читать на хантыйском, но понимает язык на слух. Презентация книги прошла в Ханты-Мансийске в рамках Дня православной книги. Публикация была подготовлена директором воскресной школы храма апостола **Андрея Первозванного** в деревне Русскинская Сургутского района **Ольгой Звоновой** и настоятелем храма иереем **Димитрием Галицким**. Большой силой воздействия на народные массы обладают крестные ходы. Эта форма миссионерской работы широко практикуется в Ханты-Мансийском благочинии. Традиционно проводятся Пасхальный крестный ход на Антипасху и Троицкий крестный ход в день Святой Пятидесятницы. Также каждый год митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский Павел вместе со всем духовенством столицы Югры в праздник Святого Богоявления возглавляет крестный ход на реку Иртыш, где совершает великое освящение воды. 7 апреля 2020 г., в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, владыка вместе с духовенством Ханты-Мансийского благочиния совершил воздушный крестный ход против распространения эпидемии коронавирусной инфекции, облетев на самолете территорию Югры с частицей Животворящего древа Креста Господня, чтимой иконой Божией Матери «Отрада и Утешение» и ковчегом с мощами святителя Нектария, архиепископа Сибирского. В этот же день по благословению митрополита все духовенство Ханты-Мансийской епархии провело антиковидные автомобильные крестные ходы вокруг городов и поселков Югры.

В храмах Ханты-Мансийского благочиния Ханты-Мансийской епархии находится наибольшее количество епархиальных святынь. Это связано с тем, что Ханты-Мансийск является кафедральным городом, столицей епархии, и с тем, что здесь находится единственный в епархии мужской монастырь святителя Димитрия Ростовского. Много святынь также находится в первом храме города и района, возведенном после советских гонений, и втором заново отстроенном на месте разрушенного храма в Самарово. В Воскресенском кафедральном соборе Ханты-Мансийска находятся частица Животворящего древа Креста Господня, ковчег с частицей мощей святителя Нектария, архиепископа Сибирского, особо чтимая икона Божией Матери «Отрада и Утешение», являющая-

ся точной копией чудотворной иконы Ватопедской обители Святой Горы Афон и др. В храме в честь Покрова Божией Матери в Ханты-Мансийске находятся Распятие с частицей Животворящего Креста Господня (26 сентября 2012 г. передано ктитором храма Олегом Юрьевичем Медведевым), икона свт. Иоанна, митрополита Тобольского с частицей его мощей (передана в 2013 г. архиепископом Тобольским и Тюменским Димитрием), икона Троицы с частицей Мамврийского дуба (передана в 2020 г. митрополитом Ханты-Мансийским и Сургутским Павлом). В храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» находятся ковчег с мощами святителя Филарета, архиепископа Черниговского и Нежинского (передана прот. Владимиром Леванчуком в сентябре 2012 г.), ковчег с мощами преподобного Нила Столбенского. (передана осенью 2012 г. Кирпичевым Антоном Александровичем), ковчег с мощами святого мученика Александра Римского (передана осенью 2012 г. иереем Андреем Зотовым), ковчег с частицами мощей преподобного Нестора Летописца, преподобномученика Василия Печерского, преподобного Алипия Печерского, преподобного Агапита Печерского (передан из Киева в июне 2017 г. иереем Леонидом Бартковым). Также в храме хранится чудесным образом обновленная икона Трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого (передана в конце 90-х гг. XX в. жителем деревни Цингалы Ханты-Мансийского района, обновилась в 2015 г.). В Мужском монастыре в честь святителя Димитрия митрополита Ростовского возле Ханты-Мансийска находятся Распятие с частицей Животворящего Древа Креста, частица камня Гроба Господня из Храма Воскресения Христова в Иерусалиме, часть десницы святителя Димитрия, Митрополита Ростовского, список Иверской иконы Божией Матери со Святой Горы Афон, икона преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского с частицами их мощей, икона великомученика Пантелеимона с частицей его мощей из Пантелеимонова монастыря на Святой горе Афон, икона преподобного Александра Свирского с частицей его мощей. Находящиеся в храмах Ханты-Мансийского благочиния святыни самим фактом своего наличия оказывают неизмеримое сакральное, просветительское и миссионерское воздействие на местных и приезжих верующих, мотивируют паломников из России и зарубежных стран приезжать в Ханты-Мансийск и Ханты-Мансийский район [1].

Выводы

История Ханты-Мансийского благочиния Ханты-Мансийской епархии на сегодняшний день официально начинается с момента образования Ханты-Мансийской епархии в 2011 г., в составе которой оно и было образовано. Таким образом, период развития на его территории православной жизни на сегодняшний день охватывает без малого 15 лет. Им предшествовали другие 15 лет, начавшиеся в 1989 г. с приездом в Ханты-Мансийск игумена Зосимы (Горшунова), который зажег свечу православной церковной жизни в городе и районе. Через семь лет город и район обрели своего первого постоянного священника, отца Сергия Кравцова, под руководством которого усиливалось и расширялось церковное строительство на территории будущего Ханты-Мансийского благочиния. Священники Зосима и Сергий стали теми, кто подготовил официальное образование Ханты-Мансийского благочиния в составе Ханты-Мансийской епархии. С тех пор церковная деятельность обрела системный и масштабный характер, была институализирована и организована сообразно современным вызовам и тенденциям. Результаты деятельности Ханты-Мансийского благочиния демонстрируют факт ее развития, углубления и масштабирования, что прямо ведет к распространению и укреплению православной веры среди жителей Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского района. Развитие Ханты-Мансийского благочиния продолжается. В рамках его деятельности проводится целый ряд многопрофильных мероприятий, укрепляются связи приходов благочиния с общественными организациями, государственными институтами, в их сотрудничестве рождаются новые социально-значимые проекты. Существенную помощь и поддержку развитию деятельности благочиния оказывают президентские и губернаторские грантовые программы.

Список источников

1. Азбука веры. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru (дата обращения: 09.06.2025)

2. Васькин А.Н. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской Православной Церкви: предпосылки создания, основание и развитие: 1970-е гг. – начало XXI в.: специальность 07.00.02 Отечественная история: автореф. дис. … канд. историч. наук. Кемерово, 2013. 36 с.

3. Воскресенский кафедральный собор (официальная страница). [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/public92460383 (дата обращения: 10.06.2025)

4. Дементьев В.С., Кроток Р.Н. Территориальное устройство русской православной церкви в России в постсоветский период // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 3. С. 56 – 70.

5. Цыпин В. История Русской православной церкви: синодальный и новейший периоды (1700-2005). М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. 816 с.

6. Маслова И.И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной церкви: 1953-1991 гг.: специальность 07.00.02 Отечественная история: автореф. дис. … на докт. историч. наук. М., 2005. 545 с.

7. Московская епархия Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: https://mepar.cerkov.ru/ (дата обращения: 01.02.2024)

8. Начальный православный молитвослов на церковно-славянском, хантыйском (тром-аганский говор, сургутский диалект) языках с аудиоприложением – Олен торем кот льильчехлепет кника: по благословению Высокопреосвященнейшего Павла, Митрополита Ханты-Мансийского и Сургутского: [Электронный ресурс]. URL: https://elib.slib.ru/surgut/etnografiya/nachalnyj-pravoslavnyj-molitvoslov-na-tserkovno-slavyanskom-khantyjskom-trom-aganskij-govor-surgutskij-dialekt-yazykakh-s-audioprilozheniem (дата обращения: 21.05.2025)

9. НЧОУ ДО «Духовно-просветительский центр» (официальная страница). [Электронный ресурс]. URL: https://dps-ugra.cerkov.ru (дата обращения: 21.05.2025)

10. Отчет о научно-исследовательской работе «Миссионерская деятельность Русской Православной церкви на Севере Западной Сибири в конце XX – начале XXI вв.»: промежуточный [Электронный ресурс]. Ханты-Мансийск, 2023. 60 с.

11. Павел, митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский (Фокин Павел Семенович). Русская Православная церковь (официальный сайт). [Электронный ресурс]. URL: http://old.patriarchia.ru/db/text/1498657.html.ru (дата обращения: 08.06.2025)

12. Поливанова С.В. Вера в опале: (по страницам газеты «Новости Югры») [Электронный ресурс]. Ханты-Мансийск: «Новости Югры», 2009. 158 с.

13. Поливанова С.В. Дух дышит идеже хощет. Тюмень: Тюменский изд. Дом, 2014. 351 с.

14. Правмир. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravmir.ru/ (дата обращения: 20.05.2024)

15. Православие.RU. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravoslavie.ru/ (дата обращения: 10.06.2024)

16. Православный гуманитарный центр «Твори добро» (официальная страница). [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/tvorydobrohm (дата обращения: 17.05.2025)

17. Спиридонова О.А. Некоторые факты о ликвидации Самаровской церкви Покрова Пресвятой Богородицы: (по документам Государственного архива Югры) // Лопаревские чтения (4; 2013; Ханты-Мансийск). Материалы IV Лопаревских чтений (Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 года). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2013. С. 62 – 69.

18. Ханты-Мансийская митрополия (официальный сайт). [Электронный ресурс]. URL: https://ugraeparhia.ru (дата обращения: 10.06.2025)

19. Храм в честь иконы Божьей Матери «Знамение» (официальная страница). [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/znam_hm (дата обращения: 10.06.2025)

20. Храм Покрова Пресвятой Богородицы (официальная страница). [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/pokrov_hm (дата обращения: 10.06.2025)

21. Храм пророка Илии г. Ханты-Мансийска (официальная страница). [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/hram_ilya_hm (дата обращения: 10.06.2025)

22. Храм святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских города Ханты-Мансийска (официальная страница) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/public216294834 (дата обращения: 10.06.2025)

23. Храм Сергия Радонежского в Ханты-Мансийске (официальная страница). [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/hramhm (дата обращения: 10.06.2025)

24. Цысь В.В., Солодкин Я.Г., Цысь О.П., Спичак А.В. Русская православная церковь на Севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы: формы, факторы, специфика, историческая роль: монография. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2020. 221 с.

25. Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX в.: монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2011. 304 с.

26. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 478 с.

References

1. The ABCs of Faith. [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru (date of access: 09.06.2025)

2. Vas'kin A.N. The Kemerovo and Novokuznetsk Diocese of the Russian Orthodox Church: Preconditions for its Creation, Foundation, and Development: 1970s – Early 21st Century: Specialty 07.00.02 Domestic History: author's abstract. dis. … candidate of historical sciences. Kemerovo, 2013. 36 p.

3. Resurrection Cathedral (official page). [Electronic resource]. URL: https://vk.com/public92460383 (date of access: 10.06.2025)

4. Dementyev V.S., Krotok R.N. Territorial structure of the Russian Orthodox Church in Russia in the post-Soviet period. Pskov Journal of Regional Studies. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 56 – 70.

5. Tsypin V. History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Modern Periods (1700-2005). Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2007. 816 p.

6. Maslova I. Evolution of the Religious Policy of the Soviet State and the Activities of the Russian Orthodox Church: 1953-1991: specialty 07.00.02 Domestic History: author's abstract. diss. … for Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2005. 545 p.

7. Moscow Diocese of the Russian Orthodox Church. [Electronic resource]. URL: https://mepar.cerkov.ru/ (date of access: 01.02.2024)

8. Basic Orthodox prayer book in Church Slavonic, Khanty (Trom-Agan dialect, Surgut dialect) languages with an audio appendix – Olen torem kot lil'chekhlepet knika: with the blessing of His Eminence Pavel, Metropolitan of Khanty-Mansiysk and Surgut: [Electronic resource]. URL: https://elib.slib.ru/surgut/etnografiya/nachalnyj-pravoslavnyj-molitvoslov-na-tserkovno-slavyanskom-khantyjskom-trom-aganskij-govor-surgutskij-dialekt-yazykakh-s-audioprilozheniem (date of access: 21.05.2025)

9. NCHOU DO "Spiritual and Educational Center" (official page). [Electronic resource]. URL: https://dps-ugra.cerkov.ru (date of access: 21.05.2025)

10. Report on the research work "Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the north of Western Siberia in the late 20th - early 21st centuries": interim [Electronic resource]. Khanty-Mansiysk, 2023. 60 p.

11. Pavel, Metropolitan of Khanty-Mansiysk and Surgut (Pavel Semenovich Fokin). Russian Orthodox Church (official website). [Electronic resource]. URL: http://old.patriarchia.ru/db/text/1498657.html.ru (date of access: 08.06.2025)

12. Polivanova S.V. Faith in Disgrace: (based on the pages of the newspaper "Yugry News") [Electronic resource]. Khanty-Mansiysk: "Yugry News", 2009. 158 p.

13. Polivanova S.V. The Spirit Breathes Where It Wills. Tyumen: Tyumen Publishing House, 2014. 351 p.

14. Pravmir. [Electronic resource]. URL: https://www.pravmir.ru/ (date of access: 20.05.2024)

15. Pravoslavie.RU. [Electronic resource]. URL: http://www.pravoslavie.ru/ (date of access: 10.06.2024)

16. Orthodox Humanitarian Center "Do Good" (official page). [Electronic resource]. URL: https://vk.com/tvorydobrohm (Accessed: 17.05.2025)

17. Spiridonova O.A. Some facts about the liquidation of the Samara Church of the Intercession of the Holy Mother of God: (based on documents from the State Archives of Yugra). Loparev Readings (4; 2013; Khanty-Mansiysk). Materials of the IV Loparev Readings (Khanty-Mansiysk, October 24, 2013). Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2013. P. 62 – 69.

18. Khanty-Mansiysk Metropolitanate (official website). [Electronic resource]. URL: https://ugraeparhia.ru (date of access: 10.06.2025)

19. Church in Honor of the Icon of the Mother of God "The Sign" (official page). [Electronic resource]. URL: https://vk.com/znam_hm (date of access: 10.06.2025)

20. Church of the Intercession of the Holy Mother of God (official page). [Electronic resource]. URL: https://vk.com/pokrov_hm (date of access: 10.06.2025)

21. Church of the Prophet Elijah in Khanty-Mansiysk (official page). [Electronic resource]. URL: https://vk.com/hram_ilya_hm (date of access: 10.06.2025)

22. Church of the Holy Blessed Princes Peter and Fevronia of Murom in Khanty-Mansiysk (official page) [Electronic resource]. URL: https://vk.com/public216294834 (date of access: 10.06.2025)

23. Church of St. Sergius of Radonezh in Khanty-Mansiysk (official page). [Electronic resource]. URL: https://vk.com/hramhm (date of access: 10.06.2025)

24. Tsys V.V., Solodkin Ya.G., Tsys O.P., Spichak A.V. The Russian Orthodox Church in the North of Western Siberia in the Late 16th – Early 20th Centuries: Institutional Influence on Political, Social, Economic, and Ethnocultural Processes: Forms, Factors, Specificity, and Historical Role: Monograph. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020. 221 p.

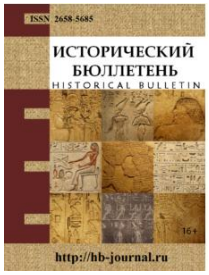
25. Tsys V.V., Tsys O.P. Education and Enlightenment in the North of Western Siberia in the 19th – Early 20th Centuries: Monograph. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State Humanitarian University, 2011. 304 p.
26. Shkarovsky M.V. Russian Orthodox Church in the 20th Century. Moscow: Veche, Lepta, 2010. 478 p.

Информация об авторах

Андреевских Л.В., преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-7533-9522, Югорский государственный университет, glikeria8122@yandex.ru

Борозенец Т.А., кандидат философских наук, кандидат богословия, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-8443-3048, Югорский государственный университет, tary_bary@mail.ru

© Андреевских Л.В., Борозенец Т.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.24

Хронологические таблицы основных исторических событий в Европе, Египте и Малой Азии на промежутке времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I (согласно датировкам, полученным методом астрономической хронологии)

[1] Волков А.С.,
[1] историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель

Аннотация: в статье проводится обобщение и уточнение хронологических данных по основным историческим событиям военного, политического, культурного и природного характера в Европе, Египте и Малой Азии за период времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I.

В ходе осуществления научной работы были составлены обобщающие хронологические таблицы, для того чтобы привести историческую хронологию в соответствие с закономими движения космических объектов, основанными на них датировками создания произведений древней литературы, работами Гелланика, Геродота, Фукидида, Диодора Сицилийского и других историков, используя данные об историческиж событиях зафиксированных в «Паросской хронике», а также для устранения многочисленных временных противоречий, на которые в своих трудах обращали внимание Плутарх и Исаак Ньютон. В таблицах, в хронологическом порядке были, во-первых, записаны даты создания произведений науки и культуры, а во-вторых, сопоставлены важнейшие военные, природные и астрономических события с их датировками. Кроме того проведение работ по обобщению хронологических данных позволило дополнить и уточнить некоторые датировки полученные в предыдущих исследованиях с использованием метода астрономической хронологии.

Хронологические данные, обобщённые и уточнённые в этой работе, будут способствовать установлению подлинных датировок исторических событий этого и последующих временных периодов не только в Европе, Малой Азии и Египте, но и в других регионах мира.

Ключевые слова: история, хронология, эра Олимпиад, Древний Египет, Древняя Греция, Древний Рим, Малая Азия, Византийская империя, император Юстиниан I

***Для цитирования**: Волков А.С. Хронологические таблицы основных исторических событий в Европе, Египте и Малой Азии на промежутке времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I (согласно датировкам, полученным методом астрономической хронологии) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 151 – 161.*

Поступила в редакцию: 15 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Chronological tables of the main historical events in Europe, Egypt and Asia Minor in the period between the first Olympiad and the years of the reign of Emperor Justinian I in Byzantium (according to the dating obtained by the method of astronomical chronology)

[1] Volkov A.S.,
[1] Historian-Researcher, Lawyer, Individual Entrepreneur

Abstract: the article summarizes and clarifies chronological data on the main historical events of military, political, cultural and natural nature in Europe, Egypt and Asia Minor for the period between the first Olympiad and the years of the reign of Emperor Justinian I in Byzantium.

In the course of the scientific work, generalizing chronological tables were compiled in order to bring the historical chronology into line with the laws of motion of cosmic objects, the dating of the creation of works of ancient literature based on them, the works of Hellanicus, Herodotus, Thucydides, Diodorus Siculus and other historians, using data on historical events recorded in the "Parian Chronicle", as well as to eliminate numerous time contradictions, which Plutarch and Isaac Newton drew attention to in their works. In the tables, in chronological order, firstly, the dates of the creation of works of science and culture were recorded, and secondly, the most important military, natural and astronomical events were compared with their dating. In addition, the work on generalizing chronological data allowed us to supplement and clarify some datings obtained in previous studies using the method of astronomical chronology.

The chronological data, generalized and clarified in this work, will help to establish the true datings of historical events of this and subsequent time periods not only in Europe, Asia Minor and Egypt, but also in other regions of the world.

Keywords: history, chronology, Olympian era, Ancient Egypt, Ancient Greece, Ancient Rome, Asia Minor, Byzantine Empire, Emperor Justinian I

***For citation**: Volkov A.S. Chronological tables of the main historical events in Europe, Egypt and Asia Minor in the period between the first Olympiad and the years of the reign of Emperor Justinian I in Byzantium (according to the dating obtained by the method of astronomical chronology). Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 151 – 161.*

The article was submitted: July 15, 2025; Approved after reviewing: September 13, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

За последние несколько десятилетий в хронологии, было проведено значительное количество научных исследований исторического периода времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I, и получены многочисленные датировки событий военно-политического, культурного и природного характера в Европе, Египте и Малой Азии, а также произведений литературы, с применением метода астрономической хронологии. По истории: Вавилона и эры Набонассара, можно упомянуть [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]; Древнего Египта [8, 9, 10, 11, 12]; Троянской войны, поэм Гомера и Вергилия [13, 14, 15, 16, 17, 18]; Древней Мидии и Лидии [19]; Пелопоннесской, Элейской, Коринфской и Беотийских войн, описанных Фукидидом, Ксенофонтом и Диодором Сицилийским, а также о произведениях литературы написанных в этот период [20, 21, 22, 23]; Александра Македонского и его походах [24, [25, 26, 27]; гибели Древнеримского города Помпеи [28, 29, 30, 31, 32, 33]; основания Константинополя, столицы Византийской империи и проведения Никейского собора [34, 35]; жизни Древнегреческого писателя Плутарха из Херонеи [36], [37]; создания «Паросской хроники», астрономических трактатов «Альмагест» и «Лейденская Аратея» [38, 39, 40].

Пришло время обобщить и уточнить эти хронологические данные в интересах исторической науки. Исходя из этих соображений актуальность проводимого исследования по обобщению и уточнению хронологических данных определяется тем, что даёт возможность привести историческую хронологию в соответствие с закономими движения космических объектов, основанными на них датировками создания произведений древней литературы, работами Гелланика, Геродота, Фукидида, Диодора Сицилийского и других историков, используя данные об историческиж событиях зафиксированных в «Паросской хронике», а также для устранения многочисленных временных про-

тиворечий, на которые в своих трудах обращали внимание Плутарх и Исаак Ньютон. Хронологические данные полученные в этой работе будут способствовать установлению подлинных датировок исторических событий этого и последующих временных периодов не только в Европе, Малой Азии и Египте, но и в других регионах мира.

Материалы и методы исследований

Методологическим каркасом проводимой обобщающей научно-исследовательской работы являются следующие принципы: изучение и оценка ландшафтно-геофизических и астрофизических событий, религиозно-мировоззренческих и социально-культурных процессов в их непрерывном развитии, анализ военно-политических конфликтов; критический и системный подход к изучению исходных и производных источников хронологической информации, а также объективность и комплексность. Для рассмотрения хронологии во всей полноте событий был задействован весь арсенал классических методов исторического исследования таких как: ретроспективный, исторической компаративистики, историко-типологического анализа, системно-функционального анализа и историко-генетический.

Целью исследования, в котором применяются специальные методы исторического исследования является установление подлинной, уточнённой на основе датировок, полученных методом астрономической хронологии, последовательности основных исторически значимых военно-политических, культурных и природных событий в Европе, Египте и Малой Азии за период времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I.

Предусматривается, с опорой на датировки исторических событий культурного, военного, природного характера, полученные с использованием методов астрономической хронологии за последние десять лет, а также на сохранившиеся документальные источники, описывающие исторические события актуального промежутка времени, в качестве решения задач, составление хронологических таблиц включающих обобщённые и уточнённые даты:

- во-первых, создания произведений науки и культуры, а также их авторов:
- во-вторых, основных военно-политических, природных и астрономических событий.

Результаты и обсуждения

При составлении хронологических таблиц были использованы труды Геродота, Диогена Лаэртского, Диодора Сицилийского, Евсевия Кесарийского, Ксенофонта, Исаака Ньютона, Плутарха,, Фукидида и других историков, были использованы данные об историческиж событиях зафиксированных в «Парросской хронике» и в других летописных документах. Все хронологические данные, приведённые в составленных таблицах даны в годах новой эры В ходе выполнения работы были также дополнены и уточнены некоторые датировки полученные в предыдущих исследованиях с использованием метода астрономической хронологии.

Подлинные датировки создания наиболее значительных произведений науки и искусства Европы, Египта и Малой Азии, полученные с использованием метода астрономической хронологии, приведены в табл. 1. Погрешность дат ± 2 дня.

Таблица 1

Подлинные датировки характерные для создания наиболее значительных произведений науки и искусства Европы, Египта и Малой Азии.

Table 1

Authentic dates characteristic of the creation of the most significant works of science and art in Europe, Egypt, and Asia Minor.

№	Произведение науки и искусства	Автор	Годы характерные для создания (г.н.э.)	Источники датировок
1	Пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина (Гиза, Египет)	Архитектор неизвестен	1197 – 1293 гг.	[8], [9], [10], [11], [12]
2	«Илиада» эпическая поэма	Гомер	19 февраля 1307 г. 05 июня 1308 г.	[8], [13], [14], [15]
2	«Одиссея» эпическая поэма	Гомер (соавтор женщина)	24 декабря 1346 г. 19-20 июня 1351 г.	[8], [13], [16], [17]
4	«Теогония» эпическая поэма	Гесиод	5 апреля 1391 г.	[23, стр. 511]
5	«Семеро против Фив»	Эсхил	2 августа 1384 г.	[23, стр. 512]
6	«Агамемнон»	Эсхил	3 декабря 1389 г.	÷
7	«Жертва у гроба»	Эсхил	24 февраля 1394 г.	÷
8	«Эвмениды»	Эсхил	20 декабря 1400 г.	÷
9	«Прометей прикованный»	Эсхил	23 ноября 1412 г.	÷
10	«Персы»	Эсхил	12 декабря 1414 г.	÷

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

11	«Просительницы»	Эсхил	23 ноября 1419 г.	÷
12	«Трахинянки»	Софокл	3-4 апреля 1421 г.	÷
13	«Антигона»	Софокл	21 декабря 1425 г.	÷
14	«Филоктет»	Софокл	13 ноября 1444 г.	÷
15	«Аякс»	Софокл	19-20 января 1453 г.	÷
16	«Царь Эдип»	Софокл	30 октября 1460 г.	÷
17	«Электра»	Софокл	17 - 18 мая 1483 г.	÷
18	«Эдип в Колоне»	Софокл	9-11 сентября 1485 г.	÷
19	«Алькеста»	Еврипид	15-17 декабря 1428 г.	÷
20	«Елена»	Еврипид	20-23 октября 1432 г.	÷
21	«Ион»	Еврипид	15-16 декабря 1434 г.	÷
22	«Ифигения в Тавриде»	Еврипид	27 октября 1435 г.	÷
23	«Гераклиды»	Еврипид	9 октября 1437 г.	÷
24	«Ипполит»	Еврипид	29 сентября 1440 г.	÷
25	«Электра»	Еврипид	14-19 июня 1442 г.	÷
26	«Орест»	Еврипид	20 октября 1443 г.	÷
27	«Киклоп»	Еврипид	19 февраля 1444 г.	÷
28	«Медея»	Еврипид	29-30 ноября 1448 г.	÷
29	«Умоляющие»	Еврипид	07 ноября 1449 г.	÷
30	«Фаэтон»	Еврипид	17 июня 1456 г.	÷
31	«Рес»	Еврипид	23-24 сентября 1460 г.	÷
32	«Ифигения в Авлиде»	Еврипид	21-22 сентября 1463 г.	[23, стр. 513]
33	«Троянки»	Еврипид	27-29 октября 1464 г.	÷
34	«Гекуба»	Еврипид	1 ноября 1472 г.	÷
35	«Финикиянки»	Еврипид	11 июня 1473 г.	÷
36	«Геракл»	Еврипид	5 октября 1474 г.	÷
37	«Вакханки»	Еврипид	30 сентября 1476 г.	÷
38	«Метаморфозы» поэма	Публий Овидий Назон	23 декабря 1443 г. 08 ноября 1446 г.	[23, стр. 514]
39	«Энеида» эпическая поэма	Публий Вергилий Марон	20 февраля 1452 г. 25 - 27 мая 1461 г.	[13], [18]
40	«Метонов цикл» календарная система	Метон	22 июня 1457 г.	[7], [8], [34]
41	«Всадники»	Аристофан	2-3 апреля 1472 г.	[23, стр. 513]
42	«Арахняне»	Аристофан	8 марта 1480 г.	÷
43	«Осы»	Аристофан	22 июля 1484 г.	÷
44	«Мир» («Тишина»)	Аристофан	16 марта 1485 г.	÷
45	«Облака»	Аристофан	29 августа 1486 г.	÷
46	«Женщины на празднике Фесмофорий»	Аристофан	26 октября 1487 г.	÷
47	«Лисистрата»	Аристофан	25 декабря 1498 г.	÷
48	«Птицы»	Аристофан	24 - 27 апреля 1501 г.	÷
49	«Лягушки»	Аристофан	03 ноября 1502 г.	÷
50	«Женщины в народном собрании»	Аристофан	26-27 октября 1508 г.	÷
51	«Плутос»	Аристофан	3-4 декабря 1513 г.	÷
52	«Альмагест» каталог звёздного неба	Клавдий Птолемей	1522 г.	[7], [8], [38], [39]
53	«Аргонавтика» эпическая поэма	Аполлоний Родосский	23-26 августа 1531 г.	[23, стр. 515]
54	«Амето» романтическая поэма	Джованни Боккаччо	19 мая 1546 г.	[23, стр. 513]
55	«Тесеида» эпическая поэма	Джованни Боккаччо	25 - 26 мая 1548 г.	[23, стр. 461-501]
56	«Фиваида» эпическая поэма	Публий Папиний Стаций	9-10 ноября 1561 г.	[23, стр. 514]
57	«Божественная комедия» философская поэма	Данте Алигьери	30-31 марта 1567 г	÷

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

58	«Триумфы» романтическая поэма	Франческо Петрарка	09 ноября 1557 г. 08 июня 1575 г.	÷
59	«Золотой осёл» («Метаморфозы») роман	Апулей	30 октября 1583 г.	[23, стр. 515]
60	Собор «Святой Софии» Православный храм	Император Юстиниан I	1621 г. – 27 декабря 1626 г.	[23, стр. 509], [34], [35]
61	«Паросская хроника» хронологические таблицы	Неизвестный автор	1627 г.	[40]

Подлинные датировки важнейших военных, природных и астрономических событий, произошедших в Европе, Египте и Малой Азии, полученные с использованием метода астрономической хронологии, приведены в табл. 2. Номера Солнечных и Лунных затмений указаны согласно каталогу НАСА. Погрешность датировок не астрономических событий ± 3 года для обеих дат.

Таблица 2

Подлинные датировки важнейших военно-политических, природных и астрономических событий, произошедших в Европе, Египте, Малой Азии, номера Солнечных и Лунных затмений согласно каталогу НАСА.

Table 2

Authentic dates of the most important military-political, natural, and astronomical events that occurred in Europe, Egypt, and Asia Minor, as well as the numbers of solar and lunar eclipses according to the NASA catalog.

№	Военно-политическое, природное или астрономическое событие	Страна, характеристика исторического события	Датировка (г.н.э.)	Источники датировок
1	Первый год эры Олимпиад	Греция, календарь	1111 - 1130 г.	[41]
2	Первый год эры Набонассара	Вавилон, календарь	1140 - 1144 г.	[1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]
3	Взятие Трои, «Троянская война»	Малая Азия	12 января 1197 г.	[13]
4	Начало ежегодного Архонтства в Афинах	Греция, управление городом-государством	1207 г.	[13, 40]
5	Затмение Фалеса (во время битвы у реки Галис)	Малая Азия, Солнечное затмение	5 июля 1293 г. № 07846	[19, 40]
6	Затмение Гесиода	Греция, Солнечное затмение	5 апреля 1391 г. № 08070	[23, стр.511]
7	Греко-персидские войны	Греция	1391 – 1441 г.	[23 стр. 504, 40, 41]
8	Сражение при Марафоне	Греция	1400 г.	[23стр. 504]
9	Сражение при о. Саламин	Греция	1410 г.	÷
10	Сражение при Фермопилах	Греция	1410 г.	÷
11	Сражение при Платеях	Греция	1411 г.	÷
12	Извержение вулкана Этна	Природная катастрофа	1411 г.	÷
13	Основание Константинополя	Малая Азия (Византия)	1412 г.	[35]
14	Первый (Никейский) Собор Христианских церквей	Никея (Изник), Малая Азия (Византия)	1412 г.	[23 стр. 504, 34 стр.157-265, 35]
15	Пелопоннесская война	Греция	1459 – 1486 гг.	[8, 20, 21, 40]
16	Первое Солнечное затмение Фукидида	Греция, Солнечное затмение	18 июля 1460 г. № 08223	[8, 20, 21, 40]
17	Второе Солнечное затмение Фукидида	Греция, Солнечное затмение	6 марта 1467 г. № 08238	[8, 20, 21, 40]
18	Лунное затмение Фукидида	Греция, Лунное затмение	18 января 1478 г. № 08383	[8, 20, 21, 40]
19	Элейская, Коринфская и Беотийская войны	Греция	1488 – 1529 гг.	[8, 20, 21, 22, 40]
20	Битва при Левктрах	Греция	6 июля 1520 г.	[22, 40]
21	Затмение Пелопида (перед битвой при Киноксефалах)	Греция, Солнечное затмение	18 мая 1528 г. № 08377	[22]
22	Битва при Мантинее	Греция	27 июня 1529 г.	[22]
23	Затмение Нерона	Рим	18 апреля 1539 г. № 08402	[37], [42], [43]
24	Сражение при Гранике	Малая Азия	май 1556 г.	[25, 26, 27]

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

25	Сражение при Иссе	Малая Азия	ноябрь 1557 г.	[25, 26, 27, 40]
26	Затмение Александра Македонского	Персия, Лунное затмение	16 сентября 1559 г. № 08569	[23 стр. 508, 24, 25, 37, 44]
27	Сражение под Гавгамелами (Арбелами)	Персия	1 октября 1559 г.	[24, 25, 26, 27, 37, 44]
28	Извержение вулкана Везувий	Природная катастрофа	1559 -1561 г.	[23, стр.508, 28 - 33]
29	Затмение Плутарха	Греция, Рим, Солнечное затмение	12 октября 1605 г. № 08553	[36, 37, 43]

Выводы

В данной работе было проведено обобщение и уточнение хронологических данных по основным историческим событиям военного, политического, культурного и природного характера в Европе, Египте и Малой Азии за период времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I. Хронологические данные, обобщённые и уточнённые в этой работе, будут способствовать установлению подлинных датировок исторических событий этого и последующих временных периодов не только в Европе, Малой Азии и Египте, но и в других регионах мира.

Список источников

1. Стивенсон Ф.Р., Стил, Дж.М. Астрономическая датировка Вавилонских текстов, описывающих полное Солнечное затмение 175 г. н.э. // Журнал истории астрономии (ISSN 0021-8286). Февраль, 2006. Т. 37. Ч. 1. № 126. С. 55 – 69. DOI: 10.1177/002182860603700105

2. Браун Д. Месопотамская планетарная астрономия-астрология Гронинген: Издательство: Стикс Паблишинг, 2000. 322 с. ISBN 9056930362.

3. Оссендрейвер М. Перевод вавилонских астрономических дневников и процессуальных текстов // Перевод трудов ранних учёных Древнего Ближнего Востока, Египта, Греции и Рима. С. 125 – 172. (Свободный университет Берлина), 21.01.2016. DOI: 10.1515/9783110448818-005

4. Оссендрейвер М. Луна и планеты в Древней Месопотамии // В книге: Исследовательская энциклопедия планетологии Оксфорда, Издательство: Oxford University Press, июль 2020 г. DOI: 10.1093/acrefore/9780190647926.013.198.

5. Рохберг Ф. «Рассуждение, представление и моделирование в вавилонской астрономии». // Журнал истории Древнего Ближнего Востока. Т. 5. 11.08.2018. DOI: 10.1515/janeh-2018-0009

6. Жерту Ж. Месопотамская хронология периода 2340-539 гг. до н. э. основанная на астрономически датированных синхронизмах и сравнения с радиоуглеродным датированием // Ежегодное собрание ASOR 2019, ноябрь 2019 г., Сан-Диего, Калифорния, США. https://hal.science/hal-03090272v6/file/Mesopotamian-chronologyrevised28129.pdf, веб-сайт Hal Science: https://hal.science/hal-03090272v6/ (дата обращения: 30.05.2025)

7. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Набонассара // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 5. С. 58 – 65. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/istor.-bjul.-tom-6-5-2023.pdf (дата обращения: 30.05.2025)

8. Постников М.М. Критическое исследование хронологии Древнего мира: в 3 т. М., Крафт+ и Леан, 2000. Античность. 444 с. ил., карт.. ISBN 5-85929-065-9; Библия. 398 с. ил.. ISBN 5-85929-086-1; Восток и средневековье. 399 с. ISBN 5-85929-066-7.

9. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая Хронология Египта. Астрономическое датирование памятников Древнего Египта. Исследования 2000-2002 годов. М., «Вече», 2002. Переработанное издание: М., АСТРЕЛЬ, АСТ, 2007.

10. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. «Древние Зодиаки Египта и Европы. (Датировки 2003-2004 годов)». М.: Изд-во ВЕЧЕ, 2005. Обновленное переиздание: М., Астрель, АСТ, 2009.

11. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. «Египетские, Русские и Итальянские Зодиаки. (Открытия 2005-2008 годов)». М., Астрель, АСТ, 2009.

12. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка периода времени строительства культовых сооружений Древнего Египта на плато Гиза – пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 1. С. 14 – 19. URL: https://hb-journal.ru/archives/9695 (дата обращения: 30.05.2025) DOI: 10.61726/6652.2024.77.94.001

13. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка методом астрономической хронологии взятия Трои – легендарного города из Гомеровского эпоса // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 4. С. 43 – 50. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf (дата обращения: 30.05.2025)

14. Эфендиев Э. Астрономические циклы в «Илиаде» Гомера: доказательство методом компьютерной симуляции» (pdf) // Электронный сборник статей «Новая Хронология». 2020. Вып. 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Сайт: Новая Хронология. https://new.chronologia.org/ (дата обращения: 30.05.2025)

15. Волков А.С. «Илиада» год написания. Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2016. 272 с. ISBN 978-5-9908487-1-9, DOI: 10.61726/5827.2024.51.61.001

16. Байкаузис К., Магнаско М. «Описано ли в «Одиссее» затмение?» // Труды Национальной академии наук США. 2008-07-01. Т. 105, вып. 26. С. 8823 – 8828. DOI: 10.1073/pnas.0803317105

17. Волков А.С. «Одиссея» год написания. Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2016. 206 с. ISBN 978-5-9908487-0-2. DOI: 10.61726/7350.2024.44.61.001.

18. Волков А.С. «Энеида» год написания. Санкт-Петербург, 2024. 175 с. ISBN 978-5-6048708-2-2. DOI: 10.61726/2164.2024.46.96.001

19. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 2. С. 171 – 177. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf (дата обращения: 30.05.2025). DOI: 10.61726/2235.2024.68.70.001

20. Фоменко А.Т. Четыреста лет обмана. Москва: АСТВКТ, 2010: Астрель. 350 с.: ил. ISBN 978-5-17-063267-1; 978-5-17-043506-7; 978-5-271-25928-9; 978-5-226-01955-5.

21. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Затмений Фукидида» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 78 – 86. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (дата обращения: 30.05.2025). DOI: 10.61726/2620.2024.46.81.001

22. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование с использованием методов астрономической хронологии, официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийских войн // Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень» https://hb-journal.ru. 2025. Т. 8. № 6. С. 138 – 148. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (дата обращения: 30.05.2025)

23. Волков А.С. «Аристофан комедии, Джованни Боккаччо «Тесеида» – хронологическое исследование и датировка». Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2022. 531 с. ISBN 978-5-6048708-0-8, DOI: 10.61726/5336.2024.83.93.001

24. Полкаро В.Ф., Вальсекки Г.Б., Вердераме Л. «Затмение битвы при Гавгамелах: археоастрономический анализ» // Средиземноморская археология и археометрия. January, 2008. Т. 8. № 2. С. 55 – 64. URL: https://www.researchgate.net/publication/267713196_The_Gaugamela_battle_eclipse_An_archaeoastronomical_analysis (дата обращения: 30.05.2025)

25. Котельников А.Л. Загадки походов Александра Македонского // Электронный альманах Арт&Факт. 2008. № 2 (10). http://artifact.org.ru/content/view/420/5/ Сайт Арт&Факт. http://artifact.org.ru/ (дата обращения: 30.05.2025)

26. Лендеринг И. Александр Македонский. Падение Персидской империи // Athenaeum-Polak & Van Gennep, Амстердам. 2004. стр. 407. ISBN 9025331440.

27. Лендеринг И. Астрономические дневники. http://www.pothos.org/content/index.php?page=astronomical-diaries, 14 мая 2011, Веб-сайт Александра Македонского: http://www.pothos.org/ (дата обращения: 30.05.2025)

28. Тюрин А.М. Состояние датирования события «Извержение Везувия 79 года» по фактическим данным // Электронный альманах Арт&Факт. 2007. № 4 (8). http://artifact.org.ru/content/view/361/81/, Сайт Арт&Факт: http://artifact.org.ru/ (дата обращения: 30.05.2025)

29. Тюрин А.М. «Гибель Помпей в 1631 году через кривые зеркала профессионального археолога» // Электронный сборник статей «Новая Хронология». 2020. Вып. 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Сайт: Новая Хронология. https://new.chronologia.org/ (дата обращения: 30.05.2025)

30. Лантратов А.В. Когда погибли Помпеи, или как «учёные» ведут борьбу с «лженаукой» // Электронный сборник статей «Новая Хронология». 2020. Вып. 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Сайт: Новая Хронология. https://new.chronologia.org/ (дата обращения: 30.05.2025)

31. Шуршиков Е.Н. Помпеи, 1631 год // Электронный альманах Арт&Факт. 2007. № 1 (5). http://artifact.org.ru/content/view/92/81/ Сайт Арт&Факт. http://artifact.org.ru/ (дата обращения: 30.05.2025)

32. Нарвидас В. Помпейские фрески и Ренессанс: Очная ставка // Электронный альманах Арт&Факт. 2007. № 1 (5). Сайт Арт&Факт. http://artifact.org.ru/, http://artifact.org.ru/content/view/268/79/ (дата обращения: 30.05.2025)

33. Чурилов Андреас (1962-2013). Гибель Помпеи: как лгут историки: [16+]. Москва: Алгоритм, 2014. 318, [1] с. : ил., факс. : (Величайшие исторические подлоги). ISBN 978-5-4438-0719-5.

34. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. «Семь чудес света. Библейская Русь. Календарь и Пасха. Рождество Христа и Никейский собор. Пророчество Даниила. Подземная Москва XVI века – прообраз знаменитого «античного» лабиринта». Москва : АСТ, cop. 2016. 575 с. : ил., ISBN 978-5-17-096593-9.

35. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием методов астрономической хронологии основания города Константинополя, столицы Византийской империи, императором Константином Великим // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2024. Т. 7. № 6. С. 101 – 109. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (дата обращения: 20.02.2025) DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-6-101-109

36. Стивенсон Ф. Ричард, Фатухи Луай Дж. «Полное солнечное затмение, описанное Плутархом» // История: Электронный журнал античной историографии. Университет Дарема (Великобритания). 1998. Т. 2. С. 72 – 82. DOI: 10.29173/histos175

37. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием методов астрономической хронологии Солнечного затмения, описанного Плутархом из Херонеи в произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны») // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2025. Т. 8. № 1. С. 38 – 48. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (дата обращения: 30.05.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-38-48

38. Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. (1942-2001). «Звезды свидетельствуют: датировка звездного каталога «Альмагеста»». Москва: Астрель, 2012. 557 с. ISBN 978-5-271-37700-6.

39. Мостерт Р., Мостерт М., «Использование астрономии как вспомогательного средства для датирования рукописей. На примере библиотеки Лейденского университета (Лейденской Аратеи), копии астрономического трактата Германика, основанного на «Явлениях Арата», Quaerendo. 1999. № 20. С. 248 – 261. DOI: 10.1163/157006990x00076

40. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (дата обращения: 30.08.2025) DOI 10.61726/8559.2024.17.44.001

41. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 4. С. 161 – 167. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf (дата обращения: 30.12.2024). DOI: 10.61726/6137.2024.60.74.001

42. Евсевий Кесарийский Хронологические каноны (Eusebius «Chronicle») в переводе Иеронима от 520 до н. э. до 379 г. part2 (pp. 188-332), by Jerome. URL: https://tertullian.org/fathers/jerome_chronicle_03_part2.htm (дата обращения: 30.05.2025)

43. Каталог Солнечных затмений (НАСА) URL: https://eclipse.gsfc.nasa.gov/SEcat5/SEcatalog.html (дата обращения: 30.05.2025)

44. Каталог Лунных затмений (НАСА) URL: https://eclipse.gsfc.nasa.gov/LEcat5/LEcatalog.html (дата обращения: 30.05.2025)

References

1. Stevenson F.R., Steele J.M. Astronomical dating of Babylonian texts describing the total solar eclipse of 175 AD. Journal of the History of Astronomy (ISSN 0021-8286). February, 2006. Vol. 37. Part 1. No. 126. P. 55 – 69. DOI: 10.1177/002182860603700105

2. Brown D. Mesopotamian planetary astronomy-astrology Groningen: Publisher: Styx Publishing, 2000. 322 p. ISBN 9056930362.

3. Ossendrijver M. Translation of Babylonian Astronomical Diaries and Processional Texts. Translation of the Works of Early Scholars of the Ancient Near East, Egypt, Greece, and Rome. P. 125 – 172. (Free University of Berlin), 21.01.2016. DOI: 10.1515/9783110448818-005

4. Ossendrijver M. The Moon and Planets in Ancient Mesopotamia. In: The Oxford Research Encyclopedia of Planetology, Oxford University Press, July 2020. DOI: 10.1093/acrefore/9780190647926.013.198.

5. Rochberg F. "Reasoning, Representation, and Modeling in Babylonian Astronomy." Journal of the History of the Ancient Near East. Vol. 5. 11.08.2018. DOI: 10.1515/janeh-2018-0009

6. Gertout J. Mesopotamian Chronology of the Period 2340–539 BCE Based on Astronomically Dated Synchronisms and Comparison with Radiocarbon Dating. ASOR Annual Meeting 2019, November 2019, San Diego, California, USA. https://hal.science/hal-03090272v6/file/Mesopotamian-chronologyrevised28129.pdf, Hal Science website: https://hal.science/hal-03090272v6/ (date of access: 30.05.2025)

7. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the era of Nabonassar. International research journal "Historical Bulletin". 2023. Vol. 6. No. 5. P. 58 – 65. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/istor.-bjul.-tom-6-5-2023.pdf (date of access: 30.05.2025)

8. Postnikov M.M. A critical study of the chronology of the Ancient World: in 3 volumes. Moscow, Kraft+ and Le-an, 2000. Antiquity. 444 p. ill., maps. ISBN 5-85929-065-9; Bible. 398 p. ill. ISBN 5-85929-086-1; East and Middle Ages. 399 p. ISBN 5-85929-066-7.

9. Nosovsky G.V., Fomenko A.T. New Chronology of Egypt. Astronomical dating of monuments of Ancient Egypt. Research of 2000-2002. Moscow, "Veche", 2002. Revised edition: Moscow, ASTREL, ACT, 2007.

10. Nosovsky G.V., Fomenko A.T. "Ancient Zodiacs of Egypt and Europe. (Datings for 2003-2004). Moscow: VECHE Publishing House, 2005. Updated reprint: Moscow, Astrel, ACT, 2009.

11. Nosovsky G.V., Fomenko A.T. "Egyptian, Russian, and Italian Zodiacs. (Discoveries for 2005-2008)." Moscow, Astrel, ACT, 2009.

12. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the construction period of religious buildings of Ancient Egypt on the Giza plateau – the pyramids of Cheops, Khafre, and Menkaure. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 14 – 19. URL: https://hb-journal.ru/archives/9695 (accessed: 30.05.2025) DOI: 10.61726/6652.2024.77.94.001

13. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating by the method of astronomical chronology of the capture of Troy – the legendary city from the Homeric epic. International research journal “Historical Bulletin”. 2023. Vol. 6. No. 4. P. 43 – 50. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf (date of access: 30.05.2025)

14. Efendiev E. Astronomical cycles in Homer’s Iliad: proof by computer simulation” (pdf). Electronic collection of articles “New Chronology”. 2020. Issue 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Website: New Chronology. https://new.chronologia.org/ (date of access: 30.05.2025)

15. Volkov A.S. “The Iliad” year of writing. Saint Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2016. 272 p. ISBN 978-5-9908487-1-9, DOI: 10.61726/5827.2024.51.61.001

16. Baykauzis K., Magnasco M. "Does the Odyssey Describe an Eclipse?". Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2008-07-01. Vol. 105, issue 26. P. 8823 – 8828. DOI: 10.1073/pnas.0803317105

17. Volkov A.S. "Odyssey": year of writing. Saint Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2016. 206 p. ISBN 978-5-9908487-0-2. DOI: 10.61726/7350.2024.44.61.001.

18. Volkov A.S. "The Aeneid" year of writing. St. Petersburg, 2024. 175 p. ISBN 978-5-6048708-2-2. DOI: 10.61726/2164.2024.46.96.001

19. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the "Eclipse of Thales". International research journal "Historical Bulletin". 2023. Vol 6. No. 2. P. 171 – 177. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf (date of access: 30.05.2025). DOI: 10.61726/2235.2024.68.70.001

20. Fomenko A.T. Four Hundred Years of Deception. Moscow: ASTVKT, 2010: Astrel. 350 p.: ill. ISBN 978-5-17-063267-1; 978-5-17-043506-7; 978-5-271-25928-9; 978-5-226-01955-5.

21. Volkov A.S. Astronomical Chronology in the Literature of Ancient Greece and the Dating of Thucydides' Eclipses. Scientific and Practical Electronic Journal "Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue 3. P. 78 – 86. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (date of access: 30.05.2025). DOI: 10.61726/2620.2024.46.81.001

22. Volkov A.S. A Historical and Chronological Study Using Astronomical Chronology Methods Officially Accepted in Historical Science for Dating the Eleatic, Corinthian, and Boeotian Wars. Research Journal "Historical Bulletin" https://hb-journal.ru. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 138 – 148. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (date of access: 30.05.2025)

23. Volkov A.S. "Aristophanes' Comedies, Giovanni Boccaccio's "Theseid" – Chronological Research and Dating". St. Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2022. 531 p. ISBN 978-5-6048708-0-8, DOI: 10.61726/5336.2024.83.93.001

24. Polcaro V.F., Valsecchi G.B., Verderame L. "The Eclipse of the Battle of Gaugamela: An Archaeoastronomical Analysis". Mediterranean Archaeology and Archaeometry. January, 2008. Vol. 8. No. 2. P. 55 – 64. URL: https://www.researchgate.net/publication/267713196_The_Gaugamela_battle_eclipse_An_archaeoastronomical_analysis (date of access: 30.05.2025)

25. Kotelnikov A.L. Riddles of Alexander the Great's Campaigns. Electronic Almanac Art&Fact. 2008. No. 2 (10). http://artifact.org.ru/content/view/420/5/ Art&Fact website. http://artifact.org.ru/ (accessed: 30.05.2025)

26. Lendering I. Alexander the Great. The Fall of the Persian Empire. Athenaeum-Polak & Van Gennep, Amsterdam. 2004. p. 407. ISBN 9025331440.

27. Lendering I. Astronomical Diaries. http://www.pothos.org/content/index.php?page=astronomical-diaries, May 14, 2011, Alexander the Great's Website: http://www.pothos.org/ (date of access: 05.30.2025)

28. Tyurin A.M. The Status of Dating the Event "The Vesuvius Eruption of 79 AD" Based on Factual Data. Electronic Almanac Art&Fact. 2007. No. 4 (8). http://artifact.org.ru/content/view/361/81/, Art&Fact Website: http://artifact.org.ru/ (date of access: 05.30.2025)

29. Tyurin A.M. "The Death of Pompeii in 1631 Through the Distorting Mirrors of a Professional Archaeologist". Electronic Collection of Articles "New Chronology". 2020. Issue 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Website: New Chronology. https://new.chronologia.org/ (date of access: 30.05.2025)

30. Lantratov A.V. When Pompeii Perished, or How "Scientists" Fight "Pseudoscience". Electronic Collection of Articles "New Chronology". 2020. Issue 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Website: New Chronology. https://new.chronologia.org/ (date of access: 30.05.2025)

31. Shurshikov E.N. Pompeii, 1631. Electronic Almanac Art&Fact. 2007. No. 1 (5). http://artifact.org.ru/content/view/92/81/ Art&Fact website. http://artifact.org.ru/ (date of access: 30.05.2025)

32. Narvydas V. Pompeii Frescoes and the Renaissance: Face-to-Face. Electronic Almanac Art&Fact. 2007. No. 1 (5). Art&Fact website. http://artifact.org.ru/, http://artifact.org.ru/content/view/268/79/ (date of access: 30.05.2025)

33. Churilov Andreas (1962-2013). The Death of Pompeii: How Historians Lie: [16+]. Moscow: Algorithm, 2014. 318, [1] p. : ill., fax. : (The Greatest Historical Forgeries). ISBN 978-5-4438-0719-5.

34. Nosovsky G.V., Fomenko A.T. “Seven Wonders of the World. Biblical Rus'. Calendar and Easter. The Nativity of Christ and the Council of Nicaea. The Prophecy of Daniel. Underground Moscow of the 16th Century – the Prototype of the Famous “Antique” Labyrinth”. Moscow: AST, cop. 2016. 575 p. : ill., ISBN 978-5-17-096593-9.

35. Volkov A.S. A Historical and Chronological Study of Documentary Sources and Dating Using Astronomical Chronology Methods of the Foundation of the City of Constantinople, the Capital of the Byzantine Empire, by Emperor Constantine the Great. International Research Journal "Historical Bulletin". 2024. Vol. 7. No. 6. P. 101 – 109. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (accessed: 20.02.2025) DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-6-101-109

36. Stevenson F. Richard, Fatouhi Louay J. "A Total Solar Eclipse Described by Plutarch". History: Electronic Journal of Ancient Historiography. University of Durham (UK). 1998. Vol. 2. P. 72 – 82. DOI: 10.29173/histos175

37. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating using methods of astronomical chronology of the Solar eclipse described by Plutarch of Chaeronea in his work “De facie in orbe lunae” (“On the face visible on the disk of the Moon”). International research journal “Historical Bulletin”. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 38 – 48. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (date of access: 30.05.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-38-48

38. Kalashnikov V.V., Nosovsky G.V., Fomenko A.T. (1942-2001). "The Stars Testify: Dating the Almagest Star Catalogue". Moscow: Astrel, 2012. 557 p. ISBN 978-5-271-37700-6.

39. Mostert R., Mostert M., "Using Astronomy as an Auxiliary Tool for Dating Manuscripts. Using the Leiden University Library (Leiden Aratea) as an Example, a Copy of Germanicus's Astronomical Treatise Based on Aratus's Phenomena", Quaerendo. 1999. No. 20. P. 248 – 261. DOI: 10.1163/157006990x00076

40. Volkov A.S. Astronomical Chronology in the Literature of Ancient Greece and the Dating of the Parian Chronicle. Scientific and Practical Electronic Journal "Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue 2. P. 8 – 19. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (date of access: 30.08.2025) DOI 10.61726/8559.2024.17.44.001

41. Volkov A.S. Historical and Chronological Study of Documentary Sources and Dating of the First Year of the Olympian Era. International Research Journal "Historical Bulletin". 2023. Vol. 6. No. 4. P. 161 – 167. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf (date of access: 30.12.2024). DOI: 10.61726/6137.2024.60.74.001

42. Eusebius of Caesarea. Chronological canons (Eusebius "Chronicle") translated by Jerome from 520 BC to 379. Part 2 (P. 188 – 332), by Jerome. URL: https://tertullian.org/fathers/jerome_chronicle_03_part2.htm (date of access: 30.05.2025)

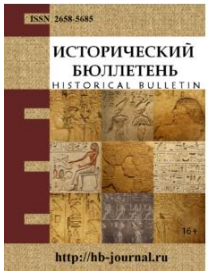
43. Solar Eclipse Catalog (NASA) URL: https://eclipse.gsfc.nasa.gov/SEcat5/SEcatalog.html (date of access: 30.05.2025)

44. Lunar Eclipse Catalog (NASA) URL: https://eclipse.gsfc.nasa.gov/LEcat5/LEcatalog.html (date of access: 30.05.2025)

Информация об авторе

Волков А.С., историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-6781-820X, fbsystem@yandex.ru

© Волков А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

К вопросу о создании и деятельности Псковского городского военного комиссариата в предвоенные годы

[1] Сковорода Е.В.,
[1] Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний

Аннотация: в статье рассматриваются основания создания и особенности деятельности Псковского городского военного комиссариата в предвоенные годы; анализируются причины усиления военно-учебной, мобилизационной, призывной и допризывной работы в городе Пскове. На основе архивных данных Государственного архива Псковской области рассматривается организация военкоматом учебных сборов; результаты их проведения; описываются проблемные вопросы, вызывающие опасения у руководящего состава, связанные с проведением сборов; указываются причины оперативного решения проблемных вопросов военных сборов, выполнение нарядов и приводятся общие выводы, сделанные руководящим составом Псковского городского военного комиссариата.

Статья содержит информацию об участии псковичей в войне с белофиннами; описание приоритетных задач, стоящих перед военными комиссариатами после окончания войны с Финляндией, и способах их решения. Кроме того, в статье описывается проведение оборонно-массовой работы в городе; указываются организации, задействованные в этой работе.

В статье также приводятся архивные данные об организации работы военкомата с призывниками; статистические показатели призывов, рассматривается агитационная составляющая призывной работы; методы, применяемые военным комиссариатом, для улучшения призывной работы с населением, результаты используемых методов.

Ключевые слова: городской военный комиссариат, учебные сборы, мобилизационная подготовка, призыв, призывники, оборонно-массовая работа

***Для цитирования**: Сковорода Е.В. К вопросу о создании и деятельности Псковского городского военного комиссариата в предвоенные годы // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 162 – 167.*

Поступила в редакцию: 16 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

On the establishment and activities of the Pskov City Military Commissariat in the pre-war years

[1] Skovoroda E.V.,
[1] St. Petersburg University of Federal Penitentiary Service

Abstract: the article examines the foundations of the creation and features of the activities of the Pskov City Military Commissariat in the pre-war years; the reasons for the intensification of mobilization work in the city are analyzed. Based on the archival data of the State Archives of the Pskov Region, the article analyzes the training camps conducted by the military commissariat; the results of these camps; the problematic issues that caused concerns among the leadership staff related to the camps; the reasons for the prompt resolution of the problematic is-

sues of military camps, the execution of orders, and the general conclusions made by the leadership staff of the military departments.

The article contains information about the participation of Pskovites in the war against the White Finns; a description of the priority tasks facing the military commissariats after the end of the war with Finland, and the ways to solve them. In addition, the article describes the conduct of defense-mass work in the city; it lists the organizations involved in this work, in addition to the military commissariat.

The article also provides archival data on the organization of the military enlistment office's work with conscripts, statistical indicators of conscription, and an analysis of the propaganda component of conscription work, as well as the methods used by the military enlistment office to improve conscription work with the population and the results of these methods.

Keywords: city military commissariat, training camps, mobilization training, conscription, conscripts, and defense-mass work

***For citation**: Skovoroda E.V. On the establishment and activities of the Pskov City Military Commissariat in the pre-war years. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 162 – 167.*

The article was submitted: July 16, 2025; Approved after reviewing: September 14, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

7 июня 1938 года Постановлением Совнаркома СССР было утверждено новое положение о местных органах военного управления, согласно которому вся система, приспособленная к специфике комплектования частей по территориальному принципу, была перестроена заново. В автономных республиках, краях, городах, областях, районах были созданы самостоятельные военные комиссариаты, на которые были возложены задачи учета мобилизационных ресурсов и призывного контингента, их подготовка, распределение по соответствующим родам войск и призыв на действительную военную службу [15, с. 115].

Материалы и методы исследований

На основе архивных материалов Псковской области путем анализа и описания исторических документов рассмотрим особенности функционирования Псковского городского военного комиссариата, сформированного в 1939 году, в предвоенные годы.

Результаты и обсуждения

Первые упоминания о Псковском городском военном комиссариате относятся к 25 мая 1939 года и связаны с отправкой работников Горкома ВЛКСМ на учебные сборы [13, с. 21]. Военный комиссариат Псковского района также упомянут в майских отчетных документах 1939 года как организатор 25-ти километрового похода для призывников [11, с. 4].

В этом же месяце составляется график работы военного отдела окружного комитета ВКП (б) на июнь, в котором запланировано заслушивание докладов Псковского городского и районного военных комиссаров о ходе подготовки к призыву [10, с. 1, 6].

Однако при наличии сведений о функционировании Псковского городского военного комиссариата с мая 1939 года, до августа в архивных документах по-прежнему фигурирует только окружной военкомат и фамилия окружного военного комиссара майора Брюханова, который присутствует на всех заседаниях Окружкома и Бюро Горкома, связанных с обсуждением вопросов подготовительной работы к призыву.

Отсюда полагаем, что в летние месяцы 1939 года происходит комплектование штата Псковского городского военного комиссариата, в том числе подбирается кандидатура городского военного комиссара, которым в августе 1939 года становится майор Брюханов, хорошо знавший специфику работы военкомата по городу и району. Псковским окружным военным комиссаром назначается Богданов Федор Петрович [14, с. 144].

8 октября 1939 года состоялось первое совещание райвоенкоматов, которые проводят призыв впервые, с показом работы призывного участка и комиссии Псковского военкомата [13, ч. 16].

В образованном городском военном комиссариате в 1939 году прошли призыв 372 человека, из них негодных по состоянию здоровья – 4, отсеяно по политико-моральным соображениям – 14 [4, с. 58-59].

На этом же совещании обсуждаются результаты проведения больших учебных сборов в сентябре 1939 года.

Наряд на сборы в Псковском городском военкомате составлял 2893 человека, выполнено – 2805 [12, с. 49].

В своем отчете о прошедших сборах майор Брюханов дает следующую характеристику проведанной работы: «Работа по подъему военнообя-

занных и поставке автотранспорта на большие сборы началась с момента получения устного распоряжения от окружного военного комиссара, то есть в 7.10 и проходила:

1. Оповещение.

Личный состав Горвоенкомата явился немедленно. Он вызывался дежурным Окрвоенкомата и Горвоенкомата. По явке личного состава ГВК – последнему была поставлены задача, вытекающая из телеграммы.

Всего было вызвано нарочных 120 человек для разноски повесток военнообязанным из числа призывного контингента, учащихся и военнообязанных.

Оповещение военнообязанных производилось путем вручения персональных повесток нарочными.

2. Работа на сборном пункте военнообязанных.

Через сборный пункт пропущено 700 человек в течение 3-х дней.

Команды были направлены своевременно, срывов отправки не было.

3. Работа сдаточного пункта автотранспорта.

На пункт всего поступило автомашин 110, из них принято – 97, а 13 автомашин как непригодные возвращены обратно.

Аппарат пункта выезжал непосредственно во все автохозяйства по осмотру автотранспорта в 3-й день для личного убеждения, что действительно все машины не предназначены к поставке по выполнению наряда.

Неисправности у автомашин – главным образом, отсутствие резины. У руководителей автохозяйств была вначале тенденция освобождения машин от сбора, но ГК ВКП(б) принял соответствующие меры, 2 и 3 день ходатайств стало меньше.

4. Выполнение нарядов.

Наряд на людской состав военнообязанных имели и выполнили:

младший начсостав – 563 человека, выполнили – 538 – 93,8 %;

рядовой состав – 2331 человек, выполнили 2267 – 97 %.

Наряд на автотранспорт: выполнили 137 машин – 60,9 %.

5. Общие выводы:

Горвоенкомат с вызовом на сбор рядового и младшего начсостава справился в сроки, предусмотренные мобпланом.

Политико-моральное состояние призываемых на сбор хорошее» [7, с. 27].

Итоги учебных сборов также подводятся на Бюро Окружкома ВКП(б), которое выносит заключение: «окрвоенкому, военным отделам ОК, ГК и РК ВКП(б) изучить недостатки в учете военнообязанных, в разработке мобилизационных планов и улучшить руководство райвоенкоматами» [12, с. 154].

Неудовлетворенность вышестоящего руководства работой окружного военкомата обоснована в докладе окрвоенкома Богданова, который говорит, что «окрвоенкомат впервые за все время своего существования осуществлял руководство районами по всем вопросам» и «аппарат окрвоенкомата, так же, как и в районах, скомплектован из неопытных работников» [9, с. 70].

30 ноября 1939 года началась советско-финская война.

Сведения об участии псковичей в войне с белофиннами в 1939 году незначительны. Из документов Государственного архива Псковской области от 15 февраля 1941 года № 137 следует, что в период этой войны сотрудники военкомата приняли 430 заявлений о добровольном зачислении в действующую Красную Армию, из них удовлетворено – 60» [2, с. 13].

После окончания войны с Финляндией международная обстановка по-прежнему оставалась напряженной. Коммунистическая партия и советское правительство видели опасность, которую представляла собой политика Германии, поэтому предпринимались меры по укреплению обороноспособности страны, совершенствованию вооруженных сил.

Приоритетными вопросами, обсуждаемыми на заседаниях исполкома Псковского городского совета депутатов трудящихся, являлись проблемы мобилизации, призыва и оборонно-массовой работы.

Партийные организации считали проведение оборонной работы своей важнейшей обязанностью. Совместно с горвоенкоматом, активную работу вел военный отдел партийного комитета Пскова, созданный на основании решения 18 съезда партии [8, с. 9-10].

Исходя из решений партийного съезда, Пленум Горкома ВКП(б) обязал все партийные, комсомольские и оборонные организации города значительно улучшить воспитание трудящихся города в духе готовности в любую минуту стать на защиту граждан Советского Союза, обеспечить ведущую роль коммунистов и комсомольцев в оборонной работе, добиваясь их личного примера в овладении военными знаниями.

Пленум Горкома ВКП(б) потребовал от парторганизаций обеспечить улучшение руководства первичными оборонными организациями и добиться безусловного выполнения конкретных

цифр по сдаче трудящимися норм ПВХО, ГСО, ГТО, Ворошиловского стрелка и распространения противогазов.

За 7 месяцев в городе обучено свыше 1-ой тысячи человек знаниям ПВХО, ПВО и медико-санитарных служб.

Свыше 300 человек внештатных инструкторов по подготовке трудящихся к ПВХО, их силами подготовлено 10 тысяч трудящихся на значок ПВХО 1 ступени.

В городе функционируют 150 первичных осоавиахимовских организаций, за 7 месяцев рост в членстве значительно превысил предыдущие 2-3 года вместе взятые, во многом улучшилась их практическая работа [9, С. 150–153].

Лучшими организациями в городе являются первичные организации завода «Металлист», «Льночесальной фабрики» и др.

Проведены массовые городские химические соревнования, в которых приняло участие 60 первичных организаций Осоавиахима [9, с. 150-153].

В это же время активируется мобилизационная работа.

В 1940-м году руководящими партийными организациями и Псковским городским военным комиссариатом проведена переаттестация руководящего партийного, советского и хозяйственного актива, произведена сверка личного состава военнообязанных с уточнением всех необходимых данных на случай немедленного вызова и отправки в армию.

С 1 ноября по 7 декабря прошел переучет военнообязанных рядового и младшего начсостава в количестве 5905 человек. Во время этой работы с гражданами, пребывающими в запасе, проводились разъяснительные беседы о правилах переучета, о законе всеобщей воинской обязанности, обсуждался Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года. В этот же период идет активная подготовка к переучету командно-политического состава [4, с. 6-20].

Опасение руководящего состава партии вызывает только 30 % мобилизационная готовность автотранспорта по городу Пскову, отсутствие контроля руководителей хозяйств за техническим состоянием машин, несоблюдение технических правил эксплуатации, низкая трудовая дисциплина [5, с. 76].

В результате Бюро ГК ВКП(б) постановляет всем руководителям привести автомашины в полную мобилизационную готовность, начальнику РОМ НКВД привлечь к ответственности тех, кто не выполняет технических правил эксплуатации автотранспорта.

Не менее значимая работа проводится сотрудниками горвоенкомата с призывниками. При приписке призывников выявляются неграмотные, малограмотные, нуждающиеся в лечении, информационно-агитационной поддержке, влияющей на морально-политические соображения. Выявленные недостатки оперативно устраняются. В школы направляются неграмотные. Производится оперативное лечение больных, обучаются значкисты на предприятиях и учреждениях города.

К концу 1940 года из 32 человек неграмотных и малограмотных остается 2, нуждающихся в лечении 26 из 91, подготовлено значкистов ВС 1 степени – 344, ВС 2 – 3, ГТО – 221, ГТО 2 – 1, ГСО 1 – 318, ГСО 2 – 16, ПВХО 1 – 433, ПВХО 2 – 104, Стахановских ударника – 104 [3, С. 17–33].

С призывниками проведены 4 общегородские конференции, 2 военно-тактических полевых учения. Дни призыва город отметил как большой праздник, образцово был оборудован призывной пункт. На пунктах приписки, расположенных в помещении Детского Дома культуры по ул. Кузнецкой, д. 31, лучшими партийными активистами читаются лекции по международному положению, воинской присяге, Закону о каре за измену Родине, Указу об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство и т. д.

В итоге наряд по призыву в 1940 году на 619 человек [4, с. 58-59] выполнен полностью, случаев аморального настроения не наблюдалось – такую оценку призывной кампании дал в своем выступлении городской военный комиссар майор В.Брюханов [4, с. 6].

Из 619 человек с высшим образованием призвано 7 человек и 139 со средним образованием. Малограмотных и неграмотных не было [4, с. 33].

По родам войск призывники были распределены следующим образом:

- пехота – 172 человека (30,3 %);
- артиллерия – 28 человек (4,87 %);
- связь – 35 человек (6,1 %);
- автомобильные войска – 2 (0,38 %);
- топографические войска – 14 (7,67 %);
- бронетанковые войска – 12 (0,38 %);
- химические войска – 22 (3,84 %);
- ВВС – 68 (11,8 %);
- тылы – 41 (7,15 %);
- железные дороги – 29 (5,06 %);
- стройчасти – 20 (3,48 %);
- морфлот – 40 (6,96 %);

НКВД – 30 (5,22 %) [4, с. 58].

В предвоенные 40-41 годы в целях решительного улучшения оборонной работы

между Новгородом, Боровичами и Псковом заключается соцдоговор на соревнования по подготовке к призыву в Красную Армию, противоздушной, химической и оборонно-санитарной работе, массово-строевой и физической подготовке [6, с. 69].

Итоги соревнования подведены только за 1940 год, где Псков занял второе место, а по подготовительным к призыву мероприятиям показал самые высокие результаты [6, с. 69].

В 1941 году соцсоревнование было прервано ввиду начала Великой Отечественной войны.

Выводы

На основании документов Государственного архива Псковской области авторами работы рассмотрены основания создания Псковского городского военного комиссариата и особенности его деятельности в предвоенные годы.

Предвоенная политика Германии определяла необходимость предпринимать меры по укреплению обороноспособности страны, совершенствованию вооруженных сил.

Отсюда, решение приоритетных вопросов, к которым относились мобилизация, призыв и оборонно-массовая работа, были возложены на созданный военный комиссариат.

Список источников

1. Государственный архив Псковской области. Р-2. Оп. 1. Д. 46.
2. Государственный архив Псковской области. Р-2. Оп. 1. Д. 94.
3. Государственный архив Псковской области. Ф. 1. Д. 120.
4. Государственный архив Псковской области. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 118.
5. Государственный архив Псковской области. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 155.
6. Государственный архив Псковской области. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 290.
7. Государственный архив Псковской области. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 45.
8. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1258.
9. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1282.
10. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1283.
11. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1285.
12. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 131.
13. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 150.
14. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 155.
15. Государственный архив Псковской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 297.
16. Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968. 564 с.

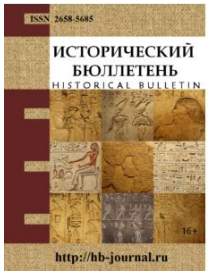
References

1. State Archives of the Pskov Region. R-2. Op. 1. D. 46.
2. State Archives of the Pskov Region. R-2. Op. 1. D. 94.
3. State Archives of the Pskov Region. F. 1. D. 120.
4. State Archives of the Pskov Region. F. 1048. Op. 1. D. 118.
5. State Archives of the Pskov Region. F. 1048. Op. 1. D. 155.
6. State Archives of the Pskov Region. F. 1048. Op. 1. D. 290.
7. State Archives of the Pskov Region. F. 1048. Op. 1. D. 45.
8. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 1258.
9. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 1282.
10. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 1283.
11. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 1285.
12. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 131.
13. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 150.
14. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 155.
15. State Archives of the Pskov Region. F. 3. Op. 2. D. 297.
16. Order of Lenin Leningrad Military District. Historical essay. Leningrad, 1968. 564 p.

Информация об авторе

Сковорода Е.В., кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний

© Сковорода Е.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.2

Изучение деятельности института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в российских регионах: опыт историографического обзора

[1] Амелина Т.В.,
[1] Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: в статье представлен историографический обзор исследований, посвящённых деятельности Совета по делам Русской православной церкви и института его уполномоченных в регионах СССР. Автор систематизирует ключевые работы отечественных историков, анализирующих правовой статус, функции и эволюцию полномочий уполномоченных, а также их роль в реализации государственной вероисповедной политики на местах. Особое внимание уделено комплексным исследованиям центрального аппарата Совета, а также диссертациям и монографиям, освещающим деятельность региональных уполномоченных в Верхнем Поволжье, Центральной России, Сибири, на Урале и в других регионах. Рассмотрены историографические подходы к оценке роли уполномоченных, отмечены расхождения мнений исследователей о степени их влияния на церковно-государственные отношения. Выявлены пробелы в изучении деятельности уполномоченных в ряде регионов и обозначены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченные Совета, государственно-церковные отношения, историография, архивные источники, религиозная политика СССР, региональные исследования

Для цитирования: *Амелина Т.В. Изучение деятельности института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в российских регионах: опыт историографического обзора // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 168 – 178.*

Поступила в редакцию: 16 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Study of the activities of the institution of Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in Russian regions: a historiographical review

[1] Amelina T.V.,
[1] Russian State University for the Humanities

Abstract: the article provides a historiographical review of studies devoted to the activities of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and the institution of its commissioners in the regions of the USSR. The author systematizes key works by Russian historians analyzing the legal status, functions, and evolution of commissioners' powers, as well as their role in implementing the state's religious policy at the regional level. Special attention is given to comprehensive studies of the Council's central apparatus, as well as dissertations and monographs focusing on regional commissioners in the Upper Volga, Central Russia, Siberia, the Urals, and other regions. The article examines historiographical approaches to assessing the commissioners' role and highlights dif-

fering scholarly opinions on their impact on church-state relations. The author identifies gaps in the study of commissioners' activities in a number of regions and outlines prospects for further research.

Keywords: Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, commissioners, church-state relations, historiography, archival sources, Soviet religious policy, regional studies

***For citation**: Amelina T.V. Study of the activities of the institution of Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in Russian regions: a historiographical review. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 168 – 178.*

The article was submitted: July 16, 2025; Approved after reviewing: September 14, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ) – это особый орган, образованный в сентябре 1943 года. Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 14 сентября 1943 года № 993 на Совет по делам РПЦ была возложена задача «осуществления связи между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим разрешения правительства СССР» [2]. Образование Совета – важный шаг в рамках возобновлявшихся отношений между советским государством и Церковью в непростой период Великой Отечественной войны. До этого такого диалога не было более двух десятилетий, которые были очень сложными для русской православной церкви.

Организационные вопросы деятельности Совета определялись «Положением о Совете по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР» [1] от 7 октября 1943 года. Согласно этому документу «Совет состоит из председателя, его заместителя, двух членов и ответственного секретаря» (п.2). Согласно п.3. этого же Положения «Совет по делам русской православной церкви имеет при Совнаркомах союзных и автономных республик, обл(край)исполкомах своих уполномоченных, действующих в соответствии с пунктами «в», «г», «д» и «е» статьи 3 настоящего Положения и инструкциями Совета» [1]. Эти полномочия включали в себя:

«в) наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и Постановлений Правительства СССР, относящихся к русской православной церкви;

г) представление Совнаркому СССР заключений по вопросам русской православной церкви;

д) своевременное информирование Правительства СССР о состоянии русской православной церкви в СССР, её положении и деятельности на местах;

е) общий учёт церквей и составление статистических сводок по данным, представляемым местными органами».

Первые назначения на должность уполномоченных были произведены уже в 1943 году. Так, к примеру, А.А. Трушин был назначен уполномоченным Совета по делам РПЦ при Совете народных комиссаров СССР по Москве и Московской области с декабря 1943 года. В феврале 1944 года, через несколько недель после снятия блокады, был назначен уполномоченный по Ленинграду и Ленинградской области А.И. Кушнарев. Назначались и другие уполномоченные. Помимо «Положений» от 7 октября 1943 года их деятельность регламентировалась «Инструкцией Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме Союза ССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик и при областных (краевых) исполкомах» [3], утверждённой на заседании Совета по делам Русской православной церкви 5 февраля 1944 г.

В дальнейшем полномочия уполномоченных неоднократно уточнялись и изменялись. Изменениям подвергалось и официальное наименование уполномоченных, в частности с 1966 года, в связи с реорганизацией Совета, они стали именоваться «Уполномоченными Совета по делам религий при Совете Министров СССР». Однако суть деятельности конкретных региональных Уполномоченных была неизменной на протяжении многих десятилетий они исполняли на местах функции Совета, они принимали «всякого рода заявления, как от духовенства, так и от верующих» [20] и формировали отчёты о своей деятельности.

Материалы работы Совета по делам Русской православной церкви и его уполномоченных в регионах несут в себе гигантский пласт информации о взаимоотношениях государства и Церкви в конкретных регионах и уже достаточно долгое время служат объектом для анализа целого ряда советских и российских исследователей.

В настоящей статье будут проанализированы работы ряда российских исследователей, которые касаются изучения деятельности Совета по делам

Русской православной церкви и его уполномоченных по ряду российских регионов. Эти труды во многом имеют общие черты, свидетельствуют о соотносимых явлениях и важны для понимания механизмов работы этих, очень специфичных органах власти. Подобных работ к настоящему времени вышло уже достаточно много, поэтому мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Материалы и методы исследований

В основу исследования положен метод историографического анализа, позволяющий выявить степень изученности проблемы и проследить эволюцию научных подходов к интерпретации деятельности Совета по делам Русской православной церкви и его уполномоченных в регионах СССР. Материалом послужил широкий комплекс источников: официальные нормативные акты (постановления Совнаркома СССР, «Положение о Совете по делам Русской православной церкви» 1943 г., «Инструкция для уполномоченных» 1944 г.), архивные фонды Государственного архива Российской Федерации, региональных государственных архивов, а также рассекреченные отчёты уполномоченных, опубликованные в специализированных изданиях.

Аналитическую базу составили диссертационные исследования, монографии и статьи ведущих отечественных историков (М.В. Шкаровского, Т.А. Чумаченко, М.И. Одинцова, А.В. Горбатова, О.С. Смирновой, Е.И. Малюкова и др.), посвящённые как центральному аппарату Совета, так и региональным аспектам деятельности уполномоченных. Для систематизации материала применялись сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, позволившие выделить основные этапы изучения темы, определить региональные особенности исследуемых сюжетов и соотнести их с общими тенденциями советской религиозной политики.

Результаты и обсуждения

Одни из первых комплексных исследований деятельности Совета в целом проводились доктором исторических наук М.В. Шкаровским. В его книге «Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве» [30] (1999 г.), на основе очень широкого круга привлечённых архивных источников анализируются обстоятельства создания Совета (в основном центрального его аппарата), также анализируется работа конкретных уполномоченных (так, очень много данных приводится о работе ленинградского Уполномоченного А.И. Кушнарёва). Интересные данные, со ссылкой на материалы РЦХИДНИ (в настоящее время – «Российский государственный архив социально-политической истории» приводятся исследователем относительно количества региональных Уполномоченных в различные периоды (в 1944 – 89, в 1946 – 114, в 1947 – 105), а также об их кадровом составе (по данным исследователя опирающиеся на фонды РЦХИДНИ 20% уполномоченных были офицерами госбезопасности, остальные пришли с советской (46%), партийной (19%) и хозяйственной (10%) работы) [30]. В работе анализируются и другие важные фактические данные.

В целом, автору удалось создать одно из первых комплексных исследований о взаимоотношениях советского государства и церкви в указанный период и дать обзор деятельности Совета, а также деятельности конкретных Уполномоченных (в первую очередь на материалах Ленинграда и Ленинградской области.

Безусловно стоит упомянуть работу профессора Т.А. Чумаченко «Государство, православная церковь, верующие. 1941-1946 гг.» [27] в которой, на основе материалов работы первого Председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова (работавшего в 1943-1960 годах) анализируется история взаимоотношений советского государства и Московской патриархии в военные и послевоенные годы. Работа построена на широком привлечении архивов и источников личного происхождения. В дальнейшем эта работа была продолжена в докторской диссертации на тему «Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943-1965 гг.» [29] (2011).

В рамках диссертации автором проведена «комплексная реконструкция механизма руководства центральным аппаратом СДРПЦ работой уполномоченных Совета на местах, выявления форм и методов контроля за выполнением уполномоченными указаний и распоряжений Совета, процессом реализации вероисповедной политики власти в различных регионах страны» [29]. Ценность работы также заключается в глубоком изучении (на базе архивных источников и источников личного происхождения) личных позиций двух первых председателей Совета – Г.Г. Карпова и В.А. Куроедова. Данные партийные деятели во многом повлияли на работу как внутри самого Совета, так и на внешнюю работу, в том числе и с региональными уполномоченными.

В 2013 году выходит совместная монография М.И. Одинцова и Т.А. Чумаченко «Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943-1965 гг.» [19]. Авторам, на основе архивных материалов, воспоминаний и материалов периодических изданий, удалось воссоздать обобщённую историю Совета, его роль и значение. Большое внимание уделено

деятельности первого председателя Совета Г.Г. Карпова, а также особенностям его рабочих взаимоотношений с уполномоченными Совета.

В целом, изученность деятельности центрального аппарата Совета можно признать как весьма значительную. В трудах М.И. Одинцова, А.Б. Онищенко, Т.А. Чумаченко, М.В. Шкаровского нашли отражение законодательные, организационные и иные аспекты деятельности этого Совета. Также глубоко изучалась работа его председателей, их взаимоотношений с партийным и государственным руководством с одной стороны и духовенством – с другой.

Большой историко-юридический анализ статуса уполномоченных в ретроспективе нескольких десятилетий представлен в статье «Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы» уже упоминавшейся нами Т.А. Чумаченко [28] (2010 г.). В статье, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалах фонда Совета по делам РПЦ, проводится исследование форм и методов организации деятельности уполномоченных Совета по реализации новой церковной политики советской власти особенно на материалах переписки региональных Уполномоченных с главой Совета В.А. Куроедова (возглавлял Совет в 1960–1984 годах).

В статье О.Н. Копыловой «Отчёты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви как источник по изучению истории Русской Церкви во 2-й половине XX столетия» [13] (2011 г.) с источниковедческих позиций исследуется содержание и ценность отчётов уполномоченных как исторических источников. По мнению автора, эти «являются едва ли не единственными документами, освещающими церковную жизнь и взаимоотношения Церкви и государственных учреждений СССР почти за 60-летний период» [13]. Автор также обозначает основные подходы к исследованию этого вопроса, а также публикует ряд важных, относительно недавно рассекреченных архивных документов.

Деятельность отдельных уполномоченных Совета изучена существенно меньше (в первую очередь за счёт того, что их было довольно много, а деятельность их производилась на самых разных территориях, что затрудняет работу с соответствующими источниками). Тем не менее и деятельность отдельных региональных уполномоченных в последние годы активно изучается.

Так, одной из первых работ, в которой анализировалась деятельность уполномоченных в региональном аспекте стала кандидатская диссертация О.А. Прядкиной на тему «Взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 1941-1954 гг.: на материалах областей Верхнего Поволжья» [23] (2004 г.). Автор глубоко исследовала соответствующие фонды Государственного архива Российской Федерации и областных архивов регионов Верхнего Поволжья (Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской) и создала картину общую работы уполномоченных этих областей. По мнению автора исследованные ей материалы свидетельствуют о «трудностях реализации новой государственно-церковной политики на местах, о препятствиях в их деятельности со стороны областного партийного руководства, о настороженности, и крайней медлительности районных и сельских властей в решении вопросов, касающихся церкви» [23]. Однако, работа уполномоченных в этой диссертации рассматривалась в числе других задач и материалы О.А. Прядкиной были существенно дополнены в работе О.С. Смирновой, которую мы рассмотрим в дальнейшем.

В диссертационной работе С.А. Чеботарева «Отношения государства и церкви в середине 1940-х – середине 1960-х гг.: на материалах Тамбовской области» [26] (2004 г.) на обширном архивном материале федеральных и тамбовских архивов анализируются аспекты деятельности уполномоченных по содействию и контролю за восстановлением церковной жизни, нормализации отношений с духовенством и верующим. Это одна из первых диссертаций где анализируется деятельность уполномоченных в конкретном регионе. Именно по этой причине объём вводимых диссертацией в научный оборот материалов именно о государственно-церковных отношений в Тамбовской области очень внушителен.

Нельзя не упомянуть диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук Ю.В. Гераськина «Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России)» [5] (2009 г). В работе, с широкой опорой на архивы, анализируются данные о работе уполномоченных Липецкой, Рязанской, Тамбовской областей. По мнению исследователя «несмотря на то, что в деятельности уполномоченных сплошь и рядом встречались ошибки и даже издержки, она была, безусловно, необходимой, поскольку ставила взаимоотношения Церкви, общества и власти на официальную почву в рамках законодательства о культах» [5]. При этом, автор высказывает интересную мысль о том, что «послевоенное состояние РПЦ воспринималось многими церковными деятелями того времени, как

возвращение к синодальному периоду, обер-прокуроры которого напоминали уполномоченных по делам РПЦ» [5].

В докторской диссертации А.В. Горбатова «Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.» [6] (2009 г.), в числе прочих задач, проводится «анализ становления института уполномоченных по делам религии, формирующих государственную религиозную политику и занимающихся её практическим осуществлением на местах» [6] с опорой на 22 региональных архива регионов Сибири (всех, кроме Тюменской области, где фонд уполномоченного по делам религии не обнаружен) [6]. Анализируя работу многочисленных сибирских уполномоченных автор отмечает, что «Уполномоченный являлся центральной, ключевой фигурой в процессе взаимодействия советских органов и религиозных организаций но всем каналам: хозяйственным и финансовым, правоохранительным, идеологическим, административным» [6]. При этом, А.В. Горбатов отмечает на относительно низкий «статус» уполномоченного в советской номенклатуре. Отсюда, по мнению исследователя в работе некоторых уполномоченных проявляются «за редким исключением, постоянная непоследовательность и импульсивность в решении и поступках, в стремлении угодить всем сторонам – боязнь принятия решений» [6]. Диссертационной работой, также вводится в научный оборот очень большой массив данных, однако, так как в работе анализируется работа сразу многих уполномоченных на огромной территории это несёт в себе как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, автор представляет масштабную и логичную картину взаимоотношения государства и церкви в Сибири, с другой стороны работа уполномоченных конкретных сибирских регионов анализируется весьма обзорно.

Диссертационная работа Е.В. Шуньгиной «Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940-1950-х гг.: возвращение культовых зданий церкви: на материалах Ленинграда» [31] (2009 г.) посвящена очень проблемной теме взаимоотношений Русской православной церкви с государством в Ленинграде периодов блокады и послевоенного восстановления. Во многом это исследование базируется на материалах учетно-статистической документации содержащейся в Отчётах уполномоченного по г. Ленинграду и Ленинградской области которые хранятся в фондах Государственного архива Санкт-Петербурга и вводятся в научный оборот исследователем впервые. По мнению автора «во многом благодаря личному участию уполномоченного Совета по делам РПЦ в решении конкретных проблем в деятельности Ленинградского епархиального управления, в 1940–1950-х гг. были открыты храмы Ленинграда» [31]. Такая активная деятельность в интересах верующих стала, по мнению Е.В. Шуньгиной одной их причин отставки Уполномоченного по г. Ленинграду и Ленинградской области А.И. Кушнарева (период работы – 1944-1956) которая связывается с передачей РПЦ Троицкого собора Александро-Невской лавры.

В исследовании Н.В. Зин «Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг.: на материалах Владимирского края» [10] (2010 г.) на материалах Государственного архива Владимирской области анализируется деятельность уполномоченных Совета по делам РПЦ во Владимирском крае. В отличии от уже упомянутой выше работы О.А. Прядкиной (в которой также рассматривалась работа уполномоченных Владимирской области во взаимосвязи с работой других Уполномоченных регионов Верхнего Поволжья) работа Натальи Васильевны Зин более специализирована, сосредоточена на одном регионе и за счёт этого даёт более широкую картину работы местных уполномоченных. Автор делает вывод о том, что «положение уполномоченных Совета по делам РПЦ было довольно сложным. Формально они не имели права вмешиваться в дела церкви, но в то же время должны были проводить политику ограничения её деятельности. Работа уполномоченных, их отношения с церковными органами, священнослужителями и верующими носила строго секретный характер» [10].

В кандидатской диссертации О.С. Смирновой «Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской Православной Церкви в 1944-1965 гг.: на материалах Верхнего Поволжья" [24] (2010 г.) автор в качестве предмета исследования выделяет «деятельность института уполномоченных Совета по делам РПЦ в областях Верхнего Поволжья» (в отличии от работы О.А. Прядкиной, где предмет был более широким и касался всего спектра взаимоотношений государства и РПЦ в регионах Верхнего Поволжья). Автором в работе «представлена модель анализа основных функций работы уполномоченных разных областей в рамках единого региона» [24] и вводятся в оборот ранее не опубликованные архивные данные.

В 2011 году также была закончена работа А.Ю. Михайловского «Взаимоотношения власти и Русской Православной Церкви в 1943-1965 гг. (на материалах Рязанской области)» [16]. По результатам исследования статуса уполномоченных (построенного в основным на фонда ГА РФ и Госу-

дарственного архива Рязанской области) автор делает вывод о том, что «институт региональных уполномоченных по делам РПЦ, базировавшийся на принципе двойного подчинения и выполнявший экспертные и консультативные функции, являлся особым, относительно автономным компонентом в вертикали исполнительной власти» [16]. Автором также делается заключение о том, что среди областных комитетов партии преобладал «формальный подход большинства областных комитетов партии к подбору и назначению кадров уполномоченных, привлечение к работе, не имеющей отношение к прямым обязанностям» [16].

Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК – СМ СССР по Челябинской области рассматривается в одноимённой диссертации Е.И. Малюкова [14] (2017 г.). В работе даётся правовой и фактический статус уполномоченного по Челябинской области, его значение в системе местных органов власти, характер и содержание взаимоотношений уполномоченного и органов власти Челябинской области, уделяется большое внимание первичной обработке и введению в научный оборот новых архивных документов. Автор, как и другие исследователи отмечает двойственный статус уполномоченных, который проявлялся в том числе и в том, что «входя в структуру Совета, подчиняясь его распоряжениям и постановлениям, уполномоченные назначались обкомом партии и получали заработную плату из областного фонда» [14]. Особенностью, характерной для Челябинской области автор называет частую сменяемость уполномоченных, причём «личная позиция каждого нового уполномоченного накладывали отпечаток на характер и содержание проводимой в жизнь в регионе церковной политики, на формы и методы взаимоотношений с церковным руководством, духовенством и верующими области» [14].

Ряд исследований по вопросам взаимоотношений церкви и советского государства в Среднем Поволжье и Куйбышевской (в настоящее время Самарской) провёл А.Г. Подмарицын. В 2017 году она защитил докторскую диссертацию на тему «Религиозная жизнь православного населения Средней Волги в системе церковно-государственных отношений» [21]. В работе над диссертацией автор использовал материалы 10 светских и церковных архивов, а также документы и материалы личного происхождения. В диссертации раскрывается работа уполномоченных Куйбышевской (Самаркой), Чкаловской (Оренбургской) и Ульяновской областей. Автор анализирует кадровый состав всех уполномоченных трёх областей (в этот период в этих областях работало 17 уполномоченных) их образовательный уровень, опыт работы, дана их личная характеристика. По мнению А.Г. Подмарицина «направление деятельности регионального уполномоченного СДРПЦ за два десятилетия существования этого института эволюционировало от разрешительно-контролирующей в сторону запретительно-надзирающей» также, со временем «возрастал объём работы уполномоченного, отчасти расширялись его полномочия, увеличивался документооборот» [21].

Полемическую по названию и духу статью «Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области в период «церковного возрождения»: гонитель или помощник?» опубликовал в 2021 году Н.А. Дмитриев [7]. В статье, основанной на материалах архива Тверской области (ранее Калининской), архивного отдела Тверской епархиальной научной библиотеки, а также на воспоминаниях современников автор анализирует двойственное положение региональных уполномоченных – они «дозировано» поддерживали ходатайства об открытии храмов» и при этом, «стремились ограничить влияние церкви рамками прихода, не допустить появления активных священнослужителей и прихожан, новых очагов православной веры на территории Калининской области» (стоит отметить, что неоднозначное правовое и организационное положение уполномоченных также отмечалось и другими исследователями для других регионов).

Интересные исследования деятельности уполномоченных по Москве и Московской области в последние годы проводятся В.В. Никоновым. В своей статье «Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО» (2022) В.В. Никонов рассматривает вопрос с опорой на данные отчётов уполномоченного по г. Москве и Московской области А.А. Трушина. Эти данные, вводимые в большинстве своём в научный оборот впервые, содержат в себе ценные статистические и фактические данные о числе действующих и закрытых храмов, а также о ходатайствах, направляемых в Совет верующими, с просьбами о возобновлении приходской жизни.

В другой статье «Отчёты уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944-1946 годах» [17] отчёты А.А. Трушина анализируются как источник наиболее полных и достоверных статистических сведений о положении приходов в Москве и области в середине 1940-х годов.

Помимо более или менее крупных исследований вопроса (в основном диссертаций и монографий) в научной литературе появляется множество статей частного характера, также посвящённых деятельности региональных уполномоченных. Так, авторами анализируется деятельность уполномоченных по Татарстану [11], Молотовской области (Пермский край [15]), Кемеровской области [12], Омской области [8], Читинской области [9], Южного Урала [22], Байкальского региона [25] и др. Как правило, эти статьи содержат интересный фактический материал и построены на анализе Отчётов и иной документации уполномоченных, которые хранятся в советующих фондах областных или краевых архивов.

Тем самым, накопленный историографический материал по работе региональных уполномоченных очень велик и уже становится самостоятельным объектом исследования. Об этом, в частности, свидетельствует историографическая работа И.В. Бурдукова «Институт уполномоченных совета по делам русской православной церкви в работах российских исследователей: темы, оценки, перспективы» [4]. Автор отмечает эволюцию оценок роли Уполномоченных в вероисповедной политике советского государства в трудах разных авторов, отмечает расхождение мнений историков по поводу роли и значения Уполномоченных в деле взаимоотношений местных органов власти и церкви.

Выводы

От себя отметим, что эти расхождения вполне объясняются масштабом личности отдельных уполномоченных. Некоторые из них занимали свои должности несколько десятков лет (к примеру, А.А. Трушин – уполномоченный Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области) и пользовались большим уважением как среди партийного и государственного руководства, так и среди церковных иерархов. Другие же сменялись часто, задерживаясь на должности порою всего на несколько месяцев (к примеру, в Ульяновской области). Говорить в этих условиях об особом авторитете вряд ли приходится.

Завершая статью заключим, что к настоящему времени есть комплексные исследования деятельности Совета по делам Русской православной церкви как особого органа государственной власти (М.И. Одинцов, А.Б. Онищенко, Т.А. Чумаченко, М.В. Шкаровский). В этих работах анализируются особенности деятельности центрального аппарата Совета и аспекты его работы с региональными уполномоченными.

Также в российской историографии есть исследования деятельности уполномоченных по целому ряду регионов. Работа уполномоченных рассматривается либо отдельно (Е.И. Малюков, О.С. Смирнова) либо в контексте более общих тем – к примеру в рамках взаимоотношений власти и Русской Православной Церкви в конкретном регионе (А.Ю. Михайловский, А.Г. Подмарицын, О.А. Прядкина, Е.В. Шуньгина). Как правило авторы (каждый на своём, но весьма схожем по сути, материале) отмечают двойственное положение уполномоченных и сложности их взаимоотношений и местными органами власти.

Отметим также, что несмотря на внушительный комплекс исследований работа региональных уполномоченных в качестве отдельного объекта исследования рассмотрена далеко не во всех регионах (к примеру работа большинства уполномоченных Сибири рассмотрена только в рамках диссертационного исследования А.В. Горбатова) Фактически нет никаких исследований работы Уполномоченных в ряде республик Поволжья, на Дальнем Востоке. Даже такой ключевой регион как Москва и Московская область лишь в последние годы стал исследоваться на предмет работы уполномоченных.

Список источников

1. Постановление № 1095 от 7 октября 1943 г «Об Утверждении Положения о Совете по делам русской православной церкви при СНК СССР». Заверенная копия. 7 октября 1943 г. Оригинал – ГА РФ. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 90 – 91. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall-35550076_6562?t2fs=6347f74939c35699c1_2&z=photo-164851212_457248458Fwall-164851212_5741 (дата обращения: 21.05.2025)

2. Постановление СНК СССР № 993 «Об организации Совета по делам русской православной церкви». Заверенная копия. 14 сентября 1943 г. Оригинал – ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 179. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300702#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 21.05.2025)

3. Инструкция Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме Союза ССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик и при областных (краевых) исполкомах. Утверждена на заседании Совета по делам Русской православной церкви 5 февраля 1944 г. // Вестник церковной истории. 2011. № 3-4 (23-24). С. 74 – 75.

4. Бурдуков А.И. Институт уполномоченных совета по делам русской православной церкви в работах российских исследователей: темы, оценки, перспективы // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2020. № 1 (6). С. 58 – 64.

5. Гераськин Ю.В**.** Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг.: на материалах областей Центральной России: автореф. дис. ... докт. историч. наук / Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2009. 49 с.

6. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: автореферат дис. ... докт. историч. наук / Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2009. 51 с.

7. Дмитриев Н.А. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области в период «церковного возрождения»: гонитель или помощник? // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 3 (12). С. 70 – 79.

8. Добровольский А.П., Воробьева Н.В. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете Министров по Омской области в 40-60е гг. XX в. // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2018. № 2 (5). С. 170 – 180.

9. Дроботушенко Е.В. Деятельность уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР в Читинской области как выражение религиозной политики советского государства // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Вып. 25. № 2. С. 79 – 87.

10. Зин Н.В. Взаимоотношения государства и церкви в 1943-1953 гг.: на материалах Владимирского края: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2010. 27 с.

11. Ибрагимов Р.Р. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви И Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Татарской АССР в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Российские исследования. 2023. Вып. 4. № 2. С. 17 – 26.

12. Климова Е.С. Анализ деятельности института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви примере Кемеровской области (1944-1949 гг.) // Евразийский Союз Учёных. 2015. № 1-3 (10). С. 145 – 147.

13. Копылова О.Н. Отчёты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви как источник по изучению истории Русской Церкви во 2-й половине XX столетия // Вестник церковной истории. 2011. № 3-4 (23-24). С. 64 – 92.

14. Малюков Е.И. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК-СМ СССР по Челябинской области, 1943-1965 гг.: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Юж.-Ур. гос. ун-т. Челябинск, 2017. 32 с.

15. Марченко А.Н., Чумаченко Т.А. Управление процессом религиозного возрождения в годы Великой Отечественной войны Советом по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР и его уполномоченными по Молотовской области // Ars Administrandi. 2017. Вып. 9. № 4. С. 531 – 549.

16. Михайловский А.Ю. Взаимоотношения власти и Русской Православной Церкви в 1943-1965 гг.: на материалах Рязанской области: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Владимир. гос. ун-т. Владимир, 2011. 24 с.

17. Никонов В.В. Отчёты уполномоченного Совета по делам РПЦ по Г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944-1946 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3 (59). С. 168 – 184.

18. Никонов В.В. Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО // История и архивы. 2022. № 4. С. 45 – 62.

19. Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943-1965 гг.: монография. Санкт-Петербург: Российское об-ние исслед. религии, 2013. 372 с.

20. Онищенко А.Б. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. Первые годы существования // Электронный ресурс. Режим доступа: https://bogoslov.ru/article/1415465 (дата обращения: 05.12.2024)

21. Подмарицын А.Г. Религиозная жизнь православного населения Средней Волги в системе церковно-государственных отношений: 1943-1965 гг.: автореф. дис. ... докт. историч. наук / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2017. 54 с.

22. Потапова А.Н. Правовое регулирование деятельности уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в 1944-1948-х гг. (на материалах Южного Урала) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 6 (44). С. 244 – 247.

23. Прядкина О.А. Взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 1941-1954 гг.: На материалах областей Верхнего Поволжья: автореферат дис. ... канд. историч. наук / Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2004. 29 с.

24. Смирнова О.С. Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской Православной Церкви в 1944-1965 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2010. 24 с.

25. Цыремпилова И.С., Злыгостева Ю.Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х – 1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47 – 50.

26. Чеботарев С.А. Отношения государства и церкви в середине 1940-х - середине 1960-х гг.: на материалах Тамбовской области: автореферат дис. ... канд. историч. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2004. 25 с.

27. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь и верующие. 1941-1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.

28. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при см СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30. С. 74 – 85.

29. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943-1965 гг.: автореферат дис. ... докт. историч. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2011. 50 с.

30. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М.: Грааль, 1999. 400 с.

31. Шуньгина Е.В. Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940-1950-х гг.: возвращение культовых зданий церкви: на материалах Ленинграда: автореф. дис. ... канд. историч. наук / С.-Петерб. ин-т истории РАН. Санкт-Петербург, 2009. 24 с.

References

1. Resolution No. 1095 of October 7, 1943 "On Approval of the Regulation on the Council for Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR." Certified copy. October 7, 1943. Original – GA RF. R-5446. Op. 1. D. 218. L. 90 – 91. [Electronic resource]. Access mode: https://vk.com/wall-35550076_6562?t2fs=6347f74939c35699c1_2&z=photo-164851212_457248458Fwall-164851212_5741 (date accessed: May 21, 2025)

2. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 993 "On the Organization of the Council for Affairs of the Russian Orthodox Church." Certified copy. September 14, 1943. Original – GA RF. F. R-5446. Op. 1. D. 218. L. 179. [Electronic resource]. Access mode: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300702#mode/inspect/page/1/zoom/4 (accessed: May 21, 2025)

3. Instructions of the Council for Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR for authorized representatives of the Council under the Council of People's Commissars of the Union and Autonomous Republics and under regional (territorial) executive committees. Approved at a meeting of the Council for Affairs of the Russian Orthodox Church on February 5, 1944. Bulletin of Church History. 2011. No. 3-4 (23-24). P. 74 – 75.

4. Burdukov A.I. The Institute of Commissioners of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in the Works of Russian Researchers: Themes, Assessments, Prospects. Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2020. No. 1 (6). P. 58 – 64.

5. Geraskin Yu.V. Relations between the Russian Orthodox Church, Society, and Government in the Late 1930s – 1991: Based on Materials from the Regions of Central Russia: Abstract of a Doctor of History Dissertation. Mosk. Pedagogical State University. Moscow, 2009. 49 p.

6. Gorbatov A.V. The State and Religious Organizations of Siberia in the 1940s – 1960s: Abstract of a Doctor of History Dissertation. Kemerovo State University. Kemerovo, 2009. 51 p.

7. Dmitriev N.A. Commissioner of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in Kalinin Oblast during the "Church Revival": Persecutor or Helper? Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2021. No. 3 (12). P. 70 – 79.

8. Dobrovolsky A.P., Vorobyova N.V. Activities of the Commissioners of the Council for Russian Orthodox Church Affairs under the Council of People's Commissars – Council of Ministers in Omsk Oblast in the 1940s–1960s. Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary. 2018. No. 2 (5). P. 170 – 180.

9. Drobotushenko E.V. Activities of the authorized representatives of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the Chita Region as an expression of the religious policy of the Soviet state. Bulletin of the Transbaikal State University. 2019. Issue 25. No. 2. P. 79 – 87.

10. Zin N.V. Relations between the state and the church in 1943-1953: based on materials from the Vladimir region: abstract of a dissertation by Cand. Sci. (History). Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, 2010. 27 p.

11. Ibragimov R.R. Activities of the authorized representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and the Council for Religious Cults under the Council of People's Commissars of the USSR in the Tatar ASSR during the Great Patriotic War and the first post-war years. Russian studies. 2023. Issue 4. No. 2. P. 17 – 26.

12. Klimova E.S. Analysis of the Activities of the Institute of the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church on the Example of the Kemerovo Region (1944-1949). Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 1-3 (10). P. 145 – 147.

13. Kopylova O.N. Reports of the Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church as a Source for the Study of the History of the Russian Church in the Second Half of the Twentieth Century. Bulletin of Church History. 2011. No. 3-4 (23-24). P. 64 – 92.

14. Malyukov E.I. Activities of the Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars and Council of Ministers of the USSR in the Chelyabinsk Region, 1943-1965: Abstract of a Cand. Sci. History. South-Ural State University. Chelyabinsk, 2017. 32 p.

15. Marchenko A.N., Chumachenko T.A. Management of the Process of Religious Revival during the Great Patriotic War by the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR and its Authorized Representatives in the Molotov Region. Ars Administrandi. 2017. Issue 9. No. 4. P. 531 – 549.

16. Mikhailovsky A.Yu. Relations between the Authorities and the Russian Orthodox Church in 1943-1965: Based on Materials from the Ryazan Region: Abstract of Cand. Sciences (History) Dissertation. Vladimir State University. Vladimir, 2011. 24 p.

17. Nikonov V.V. Reports of the authorized representative of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in Moscow and the Moscow Region as a source of information on the growth of religious practices of Muscovites in 1944-1946. Bulletin of Smolensk State University. 2022. No. 3 (59). P. 168 – 184.

18. Nikonov V.V. The process of returning closed churches to believers in the Moscow Region during the Great Patriotic War: based on materials from the Central State Archives of Moscow and Moscow Oblast. History and Archives. 2022. No. 4. P. 45 – 62.

19. Odintsov M.I., Chumachenko T.A. The Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR and the Moscow Patriarchate: an era of interaction and confrontation. 1943-1965: monograph. St. Petersburg: Russian Society for the Study of Religion, 2013. 372 p.

20. Onishchenko A.B. Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR. The First Years of Existence. Electronic resource. Access mode: https://bogoslov.ru/article/1415465 (date accessed: 05.12.2024)

21. Podmaritsyn A.G. Religious Life of the Orthodox Population of the Middle Volga in the System of Church-State Relations: 1943-1965: Abstract of a PhD in History. Orenburg State Pedagogical University. Orenburg, 2017. 54 p.

22. Potapova A.N. Legal Regulation of the Activities of the Authorized Representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in 1944-1948 (based on materials from the Southern Urals). Bulletin of the Orenburg State Agrarian University. 2013. No. 6 (44). P. 244 – 247.

23. Pryadkina O.A. Relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in 1941-1954: Based on Materials from the Upper Volga Region: Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation. Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Kostroma, 2004. 29 p.

24. Smirnova O.S. Activities of the Institute of Authorized Representatives of the Council for Affairs of the Russian Orthodox Church in 1944-1965: Based on Materials from the Upper Volga Region: Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation. Ivanovo State University, 2010. 24 p.

25. Tsyrempilova I.S., Zlygosteva Yu.G. Activities of the Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (Council for Religious Affairs) in the 1940s–1980s (using the Baikal Region as an example). Vlast. 2010. No. 10. P. 47 – 50.

26. Chebotarev S.A. Relations between the State and the Church in the Mid-1940s–Mid-1960s: Based on Materials from the Tambov Region: Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Tambov, 2004. 25 p.

27. Chumachenko T.A. The State, the Orthodox Church, and Believers. 1941-1961. Moscow: AIRO-XX, 1999. 246 p.

28. Chumachenko T.A. Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR and its authorized representatives in the first half of the 1960s: structure, forms, and methods of work. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2010. No. 30. P. 74 – 85.

29. Chumachenko T.A. Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR. 1943-1965: abstract of a dissertation ... Doctor of History. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, 2011. 50 p.

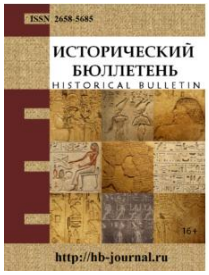
30. Shkarovsky M.V. The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in the USSR in 1939-1964). Moscow: Graal, 1999. 400 p.

31. Shungina E.V. The policy of the Soviet state towards the Russian Orthodox Church in the 1940-1950s: the return of religious buildings to the church: based on materials from Leningrad: author's abstract. diss. ... Cand. of History. St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2009. 24 p.

Информация об авторе

Амелина Т.В., Историко-ахивный институт, Российский государственный гуманитарный университет

© Амелина Т.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 821.21/.22

Образы эпохи саманидов (IX-X вв.) в текстах современных поэтов Таджикистана

[1] Болашенкова Е.А.,
[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: Эпоха Саманидов (IX-X вв.) – один из важнейших ориентиров исторической политики постсоветского Таджикистана. Вместе с образами зороастрийской культуры и арийского прошлого отсылки к временам Саманидов образуют своеобразную триаду исторической памяти. В связи с этим современный Таджикистан представляет собой перспективное поле для изучения в рамках дисциплины memory studies (изучение памяти). Одно из показательных проявлений памяти о Саманидах – отражение их истории в текстах современных поэтов Таджикистана. Мы рассмотрим два сборника поэзии на таджикском языке: *“Ҳафт сипеҳр”* – «Семь небесных сфер» или «Семь судеб» (А. Сайфуллоев, 1999 г.) и *“Эъҷози Раҳмон”* – «Чудо Рахмона» (коллектив из ста сорока восьми авторов, 2011 г.) – и проанализируем некоторые поэтические находки в них с исторической и антропологической точек зрения. Отдельный интерес для нас представляет и жанровое разнообразие представленных стихов. Среди мотивов, на которых мы сосредоточим внимание – образ эмира Исмаила Самани (правил в 892-907 гг.) как идеального правителя и заботливого хозяина, роль сасанидского военачальника Бахрама Чубина, преемственность между эпохами Сасанидов, Саманидов и современностью, образы городов Самарканда и Бухары, мотив стены Бухары, символика короны, обращение к зороастрийскому божеству Ахура Мазде и древнему иранскому понятию фарра. Интересен для нас оказался и выбор авторами тех или иных слов и выражений, а также стилизация текстов под образцы классической персидской литературы.

Ключевые слова: Таджикистан, историческая память, memory studies, литература, поэзия, культурная антропология, Саманиды

***Для цитирования**: Болашенкова Е.А. Образы эпохи саманидов (IX-X вв.) в текстах современных поэтов Таджикистана // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 179 – 189.*

Поступила в редакцию: 16 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Images of the Samanid epoch (9th-10th centuries ad) in modern Tajikistan’s poetry

[1] Bolashenkova E.A.,
[1] Saint Petersburg University

Abstract: The Samanid epoch (9th-10th centuries AD) is one of the most prominent themes in modern Tajikistan’s history politics. Along with Zoroastrian culture and Aryan past, references to the Samanids form a specific memory triad. Hence modern Tajikistan appears to be a promising research field within memory studies. One of the peculiar ways memories of the Samanids are being revived today is the representation of their history in poetry. In this article, we are attempting to analyze two collections of poems: *“Ҳафт сипеҳр”* – “Seven Heavenly Spheres”, or “Seven Fortunes” (A. Sayfulloev, 1999) and *“Эъҷози Раҳмон”* – “The Miracle of Rahmon (148 authors, 2011)

and comment on some literary findings from a historian and anthropologist's perspective. Another subject worth mentioning is the genre diversity of the poems featured in the books. Among the recurring motifs are: the image of amir Ismail Samani (reigned 892-907 AD) as an ideal ruler, the Sassanid military leader Bahram Chobin, the continuity between the Sassanid and Samanid epochs and modernity, the cities of Samarkand and Bukhara, the wall of Bukhara, symbolism of a crown, the Zoroastrian god Ahura Mazda, and the ancient Iranian concept of *farr*. Moreover, we are going to focus on stylistical pecularities inspired by classical Persian texts.

Keywords: Tajikistan, historical memory, memory studies, literature, poetry, cultural anthropology, the Samanids

***For citation**: Bolashenkova E.A. Images of the Samanid epoch (9th-10th centuries ad) in modern Tajikistan's poetry. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 179 – 189.*

The article was submitted: July 16, 2025; Approved after reviewing: September 14, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Обращение к образам древности и средневековья – одна из наиболее заметных тенденций как в исторической науке, так и во внутренней политике, искусстве и культурной жизни современного Таджикистана. Это проявляется в особенном отношении к литературному наследию (например, издание поэмы "Шахнаме" большими тиражами и съёмки посвящённых ей детских телепередач), историческим личностям (открытие памятника Киру Великому в Душанбе), доисламским традициям (празднование дней Навруз, Тиргон, Мехргон и Сада на государственном уровне).

Среди особенно популярных сегодня сюжетов прошлого – эпоха и государство Саманидов (IX-X вв.). Связанные с этой династией темы стали особенно востребованы в постсоветский период: после 1991 г. появилось большое количество работ, посвящённых ей. Во многих из них государство Саманидов со столицей в Бухаре, основанное эмиром Исмаилом (892-907 гг.) и просуществовавшее на территории Мавераннахра и Хорасана более столетия, характеризуется как эталонное, а сама эпоха именуется золотым веком.

Наследие Саманидов не только вызывает интерес у таджикских историков, выступая одним из популярных направлений исследований, но и всё чаще оказывается на слуху у обыкновенных граждан: достаточно вспомнить, что валюта, введённая в Таджикистане в 2000 г., была названа «сомони». Увековечивание Саманидов происходит на государственном уровне: имя Исмаила Самани получают улицы, населённые пункты, географические объекты. В ряде городов в его честь были возведены памятники (причём возможно уже, хоть и с некоторой осторожностью, говорить о возникновении и закреплении новой иконографии этого исторического лица).

О современных представлениях, связанных с эпохой Саманидов, можно судить как по материальным свидетельствам (экспозиции в музеях, плакаты на улицах городов, памятники, картины, логотипы), так и по нематериальным (официальные речи и статьи президента Таджикистана Эмомали Рахмона, тексты школьных учебников истории, монографии, научные и научно-популярные статьи).

Память о прошлом в постсоветском Таджикистане проявляется как через официальный государственный дискурс и принимаемые на высоком уровне меры, так и через представления граждан страны, их высказывания и творчество. Образы, популяризируемые государством, могут восприниматься людьми по-иному и жить в общественном сознании собственной жизнью. В связи с этим нас будет интересовать не только и не столько сама эпоха Саманидов с точки зрения историка, сколько историческая политика и трансформация исторической памяти, имеющие значение для антрополога.

В этой статье мы рассмотрим, как именно изображают этот исторический период и его героев поэты Таджикистана в постсоветские годы.

Материалы и методы исследований

В 1999 г. увидел свет поэтический сборник *"Ҳафт сипеҳр"* («Семь небесных сфер» или «Семь судеб») А. Сайфуллоева (1933-2017), общественного деятеля и литературоведа, секретаря Союза писателей Таджикистана, главного редактора «Таджикской советской энциклопедии» [27]. Произведение имеет подзаголовок «Сборник стихотворений о династии Саманидов» *("Маҷмӯаи манзумаҳо дар бораи Сулолаи Сомониён")* и представляет собой творческую попытку изложить историю династии в стихах. В предисловии автор упоминает 1100-летие государства Саманидов, торжественно праздновавшееся в Таджикистане в 1999 г. и приуроченные к нему научные публикации, а также повторяет тезис президента Эмомали Рахмона о важности опыта Саманидов в сфере

государственного управления для Таджикистана сегодняшнего [27, с. 3]. Как поясняет далее сам автор, название сборника обозначает семь выдающихся личностей эпохи Саманидов, которые были избраны им для описания. Книгу автор посвящает 1100-летию государства Саманидов и любителям поэзии [27, с. 7].

Спустя два года, в 2011 г. в Таджикистане был издан большой сборник стихов, приуроченный к двадцатилетию независимости республики и получивший название *"Эъҷози Раҳмон"* («Чудо Рахмона»). В нем представлены произведения 148 поэтов (в аннотации к книге особо подчеркивается: среди них есть как профессиональные литераторы, так и поэты-любители, представляющие простой народ). Произведения различны по объему, стилю и тематике. Тем не менее в них выделяется несколько наиболее популярных мотивов. Один из них – эпоха Саманидов.

Наши задачи – отобрать наиболее показательные фрагменты текстов из названных выше изданий, дать их подстрочный перевод с таджикского языка на русский, проанализировать их с исторической и культурно-антропологической точек зрения, найти отсылки к образам эпохи Саманидов, встречающиеся в них, и объяснить их связь с современными реалиями Таджикистана.

Результаты и обсуждения

Начнём исследование с упомянутого сборника *"Ҳафт сипеҳр",* опубликованного в 1999 г. В нём рассмотрены следующие семь фигур: сасанидский военачальник Бахрам Чубин, основоположник династии Саман-худат, правители Асад, Нух, Ахмад, Наср и, наконец, эмир Исмаил (правил в 892-907 гг.) - пожалуй, наиболее почитаемая в сегодняшнем Таджикистане фигура.

Остановимся на личности Бахрама Чубина – главнокомандующего сасанидской армии, вероятно, знатного, но не царского происхождения (иногда его связывают с парфянским домом Мехранов). Возведение генеалогии Саманидов к сасанидскому окружению вообще представляется крайне интересной проблемой. Б.Г. Фрагнер в своей работе «Персофония» уделяет внимание этому фактору как весьма показательному, однако ставит истинность такой генеалогии под сомнение и расценивает такое происхождение как «пожалуй, фиктивное» [17, с. 63]. Б.Г. Фрагнер подчеркивает то обстоятельство, что Бахрам Чубин выступает мятежником против династийной власти, провозгласившим сам себя шахиншахом Бахрамом VI [17, с. 64]. Достойной размышлений автор находит и ту подробность, что представители тюркской династии Газневидов, сменившей Саманидов, также возводили собственную генеалогию к близкому кругу Сасанидов, причем не к спорной фигуре Бахрама Чубина, а напрямую к последнему сасанидскому шахиншаху Йездигерду III. Таким образом, заключает автор, Газневиды хотели превосходить Саманидов [17, с. 64].

Исследователи также полагают, что к Сасанидам возводили своё происхождение и две иранские династии времен Арабского халифата, соперничавшие в своё время с ранними Саманидами: Тахириды и Саффариды [4, с. 101].

Советские историки называли Бахрама (Вахрама) Чубина талантливым полководцем, достигшим богатства и славы и попытавшимся по этой причине претендовать на царский престол. Его действия характеризуются как восстание против Хосрова II и неудавшаяся попытка захвата власти. О его предполагаемом благородном происхождении не говорится ничего [11, с. 67].

К.Э. Босворт в «Энциклопедии ислама» характеризует раннюю историю Саманидов как «неясную» (obscure) [18, с. 1026]. Согласно исследователю, они могли происходить либо из Согда, либо из Тохаристана к югу от Амударьи, вероятно, из мелких землевладельцев области Балха. Впоследствии развивается традиция, связывающая Саманидов с аристократическим происхождением, восходящим к сасанидскому военному герою Бахраму Чубину. Ссылаясь на ал-Бируни, К.Э. Босворт предполагает, что эти притязания Саманидов признавались всеми [18, с. 1026]. Также, согласно К.Э. Босворту, первый известный нам представитель династии, Саман-худат, изначально исповедовал зороастризм, однако позже принял ислам и назвал своего сына Асадом в честь омейядского наместника Хорасана того времени [18, с. 1026].

Так или иначе, автор поэтического сборника начинает повествование с древнейших времен: вспоминает ариев и времена Авесты, борьбу Спитамена против войск Александра Македонского и восстание Муканны против арабских правителей, эпического героя Рустама и легендарного царя Джамшида, Кушанскую державу, династии Сасанидов, Тахиридов и Саффаридов. Процитируем такие, особенно показательные строки:

Созмони давлате осон набуд,
Давлати тоҷик то Сомон набуд [27, с. 11].
Устройство государства было не просто,
Государства таджиков не было до Самана.

Далее автор переходит к главе о Бахраме Чубине и первыми же строками поддерживает версию о царском происхождение династии, причем к царскому дому здесь относится и сам Бахрам Чубин:

Ниёгони Сомон, ки шоҳон буданд,
Тавонотарин шаҳриёрон буданд.

…
Зи Баҳроми Чӯбина оғоз шуд
Қабоили Сомонӣ монанди руд [27, с. 13].
Предки Самана, которые были царями,
Были самыми могущественными из правителей.
…
С Бахрама Чубина начался
Род Саманидов, словно река.

Бахраму Чубину, согласно поэту, благоволит сам Ахура Мазда *(Ҳурмуз)*. Сам же доблестный Бахрам, в свою очередь, действует во славу зороастрийского божества и описывается в безусловно положительном ключе [27, с. 23].

Решительным и твердым почитателем Ахура Мазды *(аҳуропарасте ба азму субот)* показан здесь и Саман-худат – первый известный нам представитель династии, до обращения в ислам исповедовавший зороастризм [18, с. 1026]. Автор не игнорирует факта принятия Саман-худатом ислама, однако, даже описывая это событие его жизни, он не забывает о священной книге зороастризма Авесте и продолжает говорить о ней наряду с Кораном:

Авастою Қуръон чу нури хирад
Ба некӣ ҷаҳонро тавонад барад [27, с. 26].
Авеста и Коран, как свет разума,
Могут привести мир к благу.

Эмиру Исмаилу Самани посвящено тринадцать глав и около половины объема книги. Главы имеют следующие названия: «Исмаил Самани. После отца» *(Исмоили Сомонӣ. Баъд аз сари падар)*, «Исмаил – эмир Бухары. Первые разногласия с Насром» *(Исмоил – амири Бухоро. Аввалин ихтилоф бо Наср)*, «Победа Исмаила над хорезмийцами. Нападение Насра на Бухару и победа эмира Исмаила» *(Зафар ёфтани Исмоил бар хоразмиён. Ҳуҷуми Наср ба Буҳоро ва ғалабаи амир Исмоил)*, «Эмир Исмаил – щит Бухары» *(Амир Исмоил – сипари Бухоро)*, «Исмаил – эмир Мавераннахра» *(Исмоил – амири Моваройуннаҳр)*, «Эмир Исмаил и распространение ислама» *(Амир Исмоил ва густариши ислом)*, «Эмир Исмаил – защитник народа» *(Амир Исмоил – пуштибони халқ)*, «Интриги [халифа] Мутазида и война Амра ибн Лейса с эмиром Исмаилом» *(Фитнаи Мӯътазид ва ҷанги Амри Лайс бо Амир Исмоил)*, «Второе выступление Амра ибн Лейса против Исмаила и снова его поражение» *(Размоварии дуюми Амри Лайс алайҳи Исмоил ва такроран шикаст хӯрдани ӯ)*, «Овладение эмиром Исмаилом новыми землями» *(Ишорае аз кишваркушоии Амир Исмоил)*, «Эмир Исмаил и единство многоконфессиональных народов» *(Амир Исмоил ва вахдати мардумони гуногунмазҳаб)*, «Эмир Исмаил и структура государства Саманидов» *(Амир Исмоил ва сохтори давлати Сомониён)*, «Эмир Исмаил и духовная культура» *(Амир Исмоил ва маънавият)*.

Вот как описывает автор личность эмира Исмаила и его ценности:

Фикри ободии кишвар дар сараш,
Нақшаҳои рушди миллати дар бараш.
То бисозад халқи худ осудаҳол,
Серу пур, ором, бо молу манол [27, с. 55].
Мысли о процветании страны в его голове,
Планы развития нации в его груди.
Чтобы сделать свой народ обеспеченным,
Сытым и зажиточным, [живущим] в покое и [владеющим] имуществом.

В процитированном отрывке интерес для нас представляют два обстоятельства. Первое – использование современной лексики применительно к средневековым реалиям, прежде всего в строчке о «планах развития нации». Слово *миллат* («нация») напоминает нам в первую очередь о постсоветских лозунгах о независимости; в повествовании об эпохе Саманидов более ожидаемым могло бы стать слово «народ» (*халқ* или *мардум*). Второе – подчеркивание важности покоя, мира и стабильности, крайне характерное для Таджикистана после гражданской войны 1992-1997 г.

Особенно подробно описывается благородство Исмаила по отношению к брату Насру. Согласно поэтическому сборнику, даже одержав военную победу над Насром и окончательно установив свою власть в Бухаре, Исмаил обращался с побежденным великодушно:

Бо бародар шеваи ёрӣ намуд,
Бо садоқат лутфу ғамхорӣ намуд.
Дасти ӯ бӯсиду гуфто: – «Эй амир,
Эй ба адлу дод марди беназир!
Ман туро ҷои падар мехонамаш,
Бар мане некӯназар медонамаш.
Ҳарчӣ фармоӣ, адо хоҳам намуд,
То абад бо ту вафо хоҳам намуд» [27, с. 58].
С братом он завел дружеские речи,
Искренне, с лаской и заботой.
Поцеловал его руку и сказал: «О, эмир,
О, муж, несравненный в справедливости и правосудии!
Призываю тебя на место [нашего] отца,
Признаю твое снисхождение надо мной.
Что ни прикажешь, я исполню,
И до конца буду соблюдать преданность тебе».

Также мы встречаем в тексте упоминание мудрости и образованности эмира Исмаила, крайне типичное для его образа, создаваемого в постсоветской художественной и научной литературе. Кроме того, мы можем наблюдать игру слов, ос-

нованную на созвучности *тоҷик* («таджик», «таджикский») и *тоҷ* («венец», «корона»):

Ӯ хирадманду закӣ, соҳибҳунар,
Бар сари аҷдоди тоҷик тоҷи зар.
Дониши ӯ мисли дарёи равон,
Илму фазлаш шӯълаи нури ҷаҳон [27, с. 60].

Он – разумный и рассудительный, одаренный,
[Он] золотой венец на голове предков таджиков.
Знание его подобно бегущей реке,
Ученость и мудрость его – лучи света.

Еще одна характерная черта образа эмира Исмаила Самани, нашедшая отражение в рассматриваемом тексте – его забота о подданных. В стихах А. Сайфуллоева этому уделяется особенное внимание. Здесь мы встречаем мотивы, звучащие довольно современно и актуально: например, единение народа между собой и с правителем как источник независимости и процветания. В связи с этим стоит вспомнить словосочетание *ваҳдати миллӣ* (национальное единство), которое сегодня нередко можно встретить в официальном государственном дискурсе (например, в лозунгах на плакатах на улицах городов). Это понятие, обретшее особенный смысл после ожесточенной гражданской войны 1990-х гг., в последние три десятилетия выступает одной из важнейших ценностей руководства Таджикистана.

Чун амири одили мардумпараст,
Ҷуз ба халқу мамлакат меҳре набаст.
Халқи мо аз иттифоқ озод шуд,
Мамлакат аз иттиҳод обод шуд.
Иттиҳоди мо нишот оғоз кард,
Шоҳро бо мардумон ҳамроз кард.
Ибни Сомон раҳбари маҳбуб шуд,
Халққоро чеҳраи матлуб шуд [27, с. 60].

Как эмир справедливый и преданный народу,
Он ничто не любил так, как народ и страну.
Наш народ благодаря согласию стал свободным,
Страна благодаря единению стала процветать.
Наше единение породило радость,
Сделало шаха и людей друзьями.
Сын Самана стал любимым вождем,
Стал народу желанным лицом.

Отдельного внимания заслуживает глава об отношении эмира Исмаила к религиозному многообразию на подчиненных ему землях. Согласно автору, Исмаил Самани не выказывал явного предпочтения ни суннитскому, ни шиитскому течению в исламе и, кроме того, отдавал дань уважения и другим верам: зороастризму, манихейству, маздакизму. Политика Исмаила, согласно этой главе, состояла в терпимом отношении к любым идеологиям, исповедовавшимся на территории его государства, без ярко выраженной поддержки той или иной силе. Автор приписывает Исмаилу следующие слова:

Суннӣ гӯё ҷону шиа тан бувад,
Ҳар ду ҳам аркони ин миҳан бувад.
Шиа гар ҷон аст, суннӣ ҷисми ӯ,
Ҳар ду аз як гавҳару ду қисми ӯ.
Суннимазҳаб, шиъамазҳаб муслиманд,
Ёру ёвар, ду бародар муқбиланд.
Мурғи давлатро баробар болу пар,
Ҳарду бо ҳам – миллати соҳибзафар.
Ҳар мазоҳиброшаҳ озодӣ бидод,
Аҳли динро хуррамӣ, шодӣ бидод.
Дину оин раванақе афзун дошт,
Ҳар яки он хосса як мазмун дошт.
Дини зардуштӣ расид аз бостон,
Монавия зинда шуд аз баъди он.
Маздакия боқӣ аз Маздак, ки буд,
Кавмҳое шеъри онро месуруд [27, с. 86].

Суннизм словно душа, а шиизм – тело,
Оба – суть столпы этого дела.
Если шиизм – душа, то суннизм – тело,
Оба – две части из одной сущности.
И суннитский толк, и шиитский толк – мусульмане,
Друзья и товарищи, два счастливых брата.
У птицы государства есть крыло и крыло,
Оба они вместе – победоносная нация.
Каждой вере шах даровал свободу,
Верующим даровал процветание, радость.
Веры и религии стали развиваться,
У каждой из них был собственный смысл.
Вера Заратуштры пришла из древности,
После неё зародилось манихейство.
Маздакизм остался от Маздака,
Призывы которого повторяли народы.

Наконец, в последней главе, посвященной эмиру Исмаилу и духовной культуре, упоминается наследие трех особенно популярных сегодня деятелей культуры эпохи IX-X вв.: стихи Рудаки, «Шахнаме» Фирдоуси и трактаты Ибн Сины «Книга знания» *(Донишнома)* и «Книга исцеления» *(Шифо)*. Интересно, что все эти деятели не были современниками Исмаила и служили при дворе последующих Саманидов, его преемников. Тем не менее здесь мы не в первый раз наблюдаем характерную для сегодняшнего дня тенденцию связывать все наиболее яркие и важные достижения эпохи Саманидов именно с эмиром Исмаилом.

Перейдём к разбору изданного в 2011 г. большого сборника стихов 148 поэтов, приуроченного к двадцатилетию независимости республики и получившего название *“Эъҷози Раҳмон”* («Чудо Рахмона»).

В представленных в сборнике работах обраща-

ют на себя внимание частые параллели между президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и эмиром Исмаилом Самани. Президент называется здесь и Исмаилом нашего времени (*Исмоили даврони мо*), и его преемником либо наследником (*ҷонишин*), и новым Исмаилом (*Исмоили нав)*, и Исмаилом Вторым (*Исмоили Сонӣ*), и славным наследником либо продолжателем (*вориси нек*) рода Самана, и последователем рода Самана (*пайрави Оли Сомон*), и происходящим от Саманидов (*аз тухмаи Сомони*), и плотью от плоти потомства Самана (*як тан аз авлоди Сомон*), и живым символом рода Самана (*нишони зиндае аз Оли Сомон*). Он нередко называется эмиром (*амир*) и ещё чаще – шахом (*шоҳ*). Оба этих титула использовались в свое время и саманидскими правителями.

Заметим, что подобные сравнения со временем распространились и на сына президента, с 2017 г. – мэра Душанбе, Рустама Эмомали. В 2018 г. таджикский певец Зиёвиддин Нурзод посвятил ему песню *"Шаҳриёр"* («Правитель»). В ней Рустам Эмомали называется потомком рода Самана *(аз табори Оли Сомон)* [9]. Текст песни и видеоклип к ней показывают мэра заботливым хозяином, благоустраивающим свой город. Эти отсылки напоминают об образе саманидского эмира как *кадхудо* (справедливого хозяина, старосты), к которому часто обращается в своих речах и сам президент.

Довольно часто Эмомали Рахмон сравнивается с Исмаилом Самани на основании тех или иных действий:

Ҳамчу Исмоили Сомон вахдате эҷод кардӣ [23, с. 355].

Подобно Исмаилу Саманиду ты создал единство.

Можно встретить и отсылки к довольно интересному сюжету о стене Бухары:

Ту меъмори тамоми Тоҷикистонӣ.

Ту девори тамоми хонадони тоҷикони рӯи дунёӣ,

Чу Исмоили Сомонӣ! [26, с. 277].

Ты - архитектор всего Таджикистана.

Ты - стена всего таджикского рода на земле,

Как Исмаил Самани!

Фраза «Пока я жив, я – стена Бухары» (*«То зиндаам, девори Бухоро манам», вариант: "То зинда бошам, бораи Бухоро ман бошам"*) приписывалась эмиру Исмаилу историком X в. Наршахи, автором «Истории Бухары» [10, с. 46]. Сегодня она регулярно цитируется и является, вероятно, одним из наиболее известных высказываний этого правителя. По сообщению Наршахи, Исмаил освободил жителей Бухары от ежегодного налога на укрепление городской стены (называемой в народе «кампирак» – «старушка»), возведённой в своё время для того, чтобы «тюрки не могли проникать в Бухарскую область». Исмаил же, позволив стене прийти в разрушение, объяснял свое решение тем, что его власти и силы достаточно, чтобы держать врагов на расстоянии. «То, что обещал, он выполнил; он постоянно принимал личное участие в сражениях и не давал врагам овладеть бухарской областью» [10, с. 47].

Несколько реже встречаются уподобления Эмомали Рахмона другим выдающимся личностям эпохи Саманидов. Например, врачу и философу Абу Али ибн Сине:

Туӣ
беҳин корсоз,
ки эъмор мекунӣ
девори Исмоили Сомонии дилҳоро.
Ва Бӯаливоре
бо даҳ ангушти ҳунар
дар шикастабандии устухони миллат! [25, с. 104].

Ты – лучший защитник,
ведь ты возводишь
Исмаилову стену сердец.
И подобен Бу Али,
вправляя кости нации
десятью пальцами мастерства.

Отсылки к средневековым сюжетам, содержащие при этом современные слова и выражения, вообще встречаются довольно часто. Еще один яркий пример:

Шукӯҳу фарри Сомон дар чабини ӯ,
Зи фахри миллати худ сина моломол.
Чу шоҳи бомурувват сӯи тахт омад,
Лаболаб ҷом шуд аз шахди истиқлол [24, с. 229].

Величие и сияние Самана на его челе,
Грудь полна гордости за свою нацию.
Когда благородный шах взошел на престол,
Кубок до краев наполнился медом независимости.

В приведенном выше отрывке интересен выбор слова *фарр* – в современном таджикском языке «сияние», «блеск» либо «великолепие». Понятие *фарр* возникло в древнем, доисламском Иране, где означало некую божественную благодать, приходящую к человеку и дарующую ему право на царскую власть, величие и удачу (но способную также и покинуть его). А.Е. Бертельс определяет фарр как «божественное благословение, озаряющее шаха и дарующее ему силу, удачу и победы» [2, с. 278]. Так, Авеста рассказывает о легендарном царе Джамшиде (Йиме), обретшем фарр, а затем лишившемся его [1, с. 158; 6, с. 73; 20, с. 54; 15, с. 228; 7, с. 118]. Тот же сюжет, с некоторыми вариа-

циями, есть и в «Шахнаме» у Фирдоуси [16, с. 27; 6, с. 65]. Внешне фарр может принимать различные формы, в том числе зооморфные [13, с. 38]. Например, он может выглядеть как большая хищная птица, газель или столб пламени [2, с. 279]. В позднейших наскальных рельефах фарр мог изображаться также в виде нимба [3, с. 37]. С божественным фарром связывалось и могущество Сасанидских царей (III-VII вв.): например, в легендах о приходе к власти Ардашира I (III в.) его фарр принимает облик красивого большого барана [8, с. 6; 2, с. 279; 5, с. 54; 19, с. 54], по другой версии – тура с золочеными рогами [16, с. 653]. В.Г. Луконин говорит о понятии *фарр-е кейян* («царская удача»), употреблявшемся в источниках сасанидского времени [8, с. 6]. Примечательно, что, согласно персоязычным работам Э. Яршатера, фарр принадлежит только иранцам, а от их врагов «бежит» [21, с. 38].

Процитируем также современного таджикского философа и культуролога А. Турсона, который пишет так: «Древнеиранский *фар*, поэтически воспетый Фирдоуси, достался именно таджикам. Их политический первенец – Саманидское царство – фактически принял историческую эстафету, начатую Ахеменидами и продолженную Сасанидами и, таким образом, открыл новую страницу в многовековой истории ираноязычных народов» [14, с. 34].

Жанровое разнообразие стихов в сборнике напоминает о наследии классической персидской поэзии. Здесь есть и четверостишия-рубаи (*рубоиҳо*), и тексты, стилизованные под эпос (например, о строительстве Рогунской ГЭС на реке Вахш), и объемная поэма-маснави (*маснавӣ*) о городе Душанбе, и панегирики-касыды (*қасида*), очевидно, вдохновленные средневековыми касыдами, прославлявшими властителей.

Особенный интерес представляет небольшое стихотворение “*Ояд ҳаме*” [22, с. 109], явно отсылающее к знаменитому “*Бӯи ҷӯи Мӯлиён ояд ҳаме*” («Ветер, вея от Мульяна») Абу Абдаллаха Джафара Рудаки, поэта эпохи Саманидов. По легенде, это стихотворение Рудаки в свое время заставило саманидского эмира Насра вернуться в столицу – Бухару – после долгого отсутствия. У современного же автора фигурируют такие места как Хатлон (*Хутталон)*, под которым, вероятно, подразумевается родина президента Э. Рахмона (Хатлонская, бывшая Кулябская область), и Қасри Арбоб (Дворец Культуры Арбоб в Согдийской Области, играющий важную роль в культурной и политической жизни современного Таджикистана).

Слова “*Бӯи ҷӯи Мӯлиён”* упоминаются и в другом стихотворении [29, с. 282]. В нем Душанбе Эмомали Рахмона сопоставляется с Самаркандом и Бухарой саманидских эмиров и уподобляется прекрасному саду, земному раю (*боғи Ирам*) – еще один древний образ, имевший распространение в классической персидской поэзии. В этом сказочном месте оживает Рудаки, а воздух наполняется ароматом реки Мульян.

Интересна и символика короны (*тоҷ*), встречающаяся у ряда поэтов. Корону с семью звездами можно увидеть и на флаге Таджикистана, и на ряде эмблем. Иногда можно встретить этимологию (не признаваемую, впрочем, большинством исследователей), возводящую этноним «таджик» (*тоҷик*) к слову *тоҷ*. В любом случае, это созвучие охотно обыгрывается в стихах и порождает запоминающуюся метафору.

Приведем еще несколько примечательных цитат.

Андар тани миллати куҳан ҷон омад,
Бо ҳукми қазову амри Яздон омад.
Аз пушти ҳазор сол навмедиҳо
Сомонии нав ба тахти сомон омад! [32, с. 190].

В тело древней нации вошла жизнь,
Вошла по воле, предопределению и приказу Бога.
После тысячи лет отчаяния
Новый Самани взошел на престол порядка.

В этом четверостишии привлекает внимание сразу несколько любопытных моментов. Во-первых, намек на несколько веков правления в Мавераннахре династий тюркского и монгольского происхождения, последовавших за эпохой Саманидов. Этот период назван временем безнадежности и противопоставлен периодам до и после. Во-вторых, Бог назван иранским словом *Яздон*, которое может ассоциироваться не только и не столько с Аллахом и исламом, сколько с древней зороастрийской традицией (в ряде стихов авторы использовали также слово *худо* с тем же значением). Зороастрийское наследие играет важную роль в культурной политике постсоветского Таджикистана, а его изучение поощряется. Наконец, примечательна игра слов, основанная на многозначном существительном *сомон* («порядок» либо «могущество», «сила», «богатство») и созвучном с названием династии Саманидов. Упоминание «порядка» может быть также намеком на установление мира после кровопролитной гражданской войны, погрузившей Таджикистан в хаос в 1990-е гг. Окончание гражданской войны и приход к власти Эмомали Рахмона зачастую идут рука об руку в официальном дискурсе Таджикистана.

Любопытно и стихотворение, в котором автор представляется как «наследник Саман-худата, таджик»: “*Вориси Сомонхудоям, тоҷикам”* [30, с.

344]. В данном случае к династии Саманидов возводится не президент, а сам автор как представитель своего народа, причем в качестве предка назван не основатель могущественного государства Исмаил, а его предок Саман-худат, родоначальник династии. В том же стихотворении Исмаил фигурирует не как *Исмоили Сомонӣ*, а как *Исмоили Сомоннажод*. У иранского слова *нажод* есть значения «род, племя», «раса» и «происхождение», а кроме того, оно выступает в качестве составной части некоторых иранских фамилий, наглядно отличая их от фамилий арабского происхождения, в которых не бывает звука [*ж*].

Еще одна характерная цитата:

Як раҳмате шуд аз Худо,
Кард ӯ туро сарвар ба мо.
Эй пайрави Сомониён,
Аз насли поки Ориё,
Эмомалӣ Раҳмони мо.
Исмоили даврони мо!
Гардида чун ҷон дар бадан,
Эҳё намудӣ халқи ман.
Баъди шаби садсолаҳо,
Рӯшноӣ омад бар Ватан.
Эмомалӣ Раҳмони мо,
Нурӣ ту дар чашмони мо!
Рӯзе, ки сар кардӣ ба кор,
Кардӣ ту вахдатро шиор.
Бо ҷахди ту шуд дар ватан,
Сулҳу амонӣ барқарор.
Эмомалӣ Раҳмони мо,
Боаҳду бопаймони мо! [31, с. 211].

Милость пришла от Бога,
Он сделал тебя главой над нами.
О, последователь Саманидов,
Из чистого потомства ариев,
Наш Эмомали Рахмон.
Исмаил нашего времени!
Словно душа вернулась в тело,
Ты возродил наш народ.
После ночи длиною в века,
Свет пришел на Родину.
Наш Эмомали Рахмон,
Ты свет наших очей!
В день, когда ты взялся за дело,
Ты сделал девизом единство.
Твоими стараниями на Родине
Установились мир и спокойствие.
Наш Эмомали Рахмон,
В союзе и согласии с нами!

В этом отрывке отражены сразу несколько тенденций: аналогии между Эмомали Рахмоном и саманидскими эмирами, обращение к арийской древности, иранский термин для Бога – *худо*. В очередной раз используется образ многовековой темноты (очевидно, снова имеется в виду период владычества неиранских династий). Особенно интересно слово *Эҳё* («Возрождение»), получившее широкое распространение в постсоветских научных работах, посвященных эпохе Саманидов. О возрождении таджикской культуры и самого народа спустя века говорит в своих речах и президент Эмомали Рахмон: «Культура таджиков, вобравшая в себя достижения тысячелетий, не исчезла. Более того, народ возродился в XX веке, несмотря на попытки ассимиляции его в некоторых районах расселения» [13, с. 139]. Тема единства, мира и спокойствия, очевидно, снова отсылает к окончанию гражданской войны. В официальных речах самого Э. Рахмона часто подчеркивается миролюбие Исмаила Самани, вынужденный характер его войн с братом Насром и кочевниками в начале пути и дальнейшее стремление к спокойной и безопасной жизни. Строка о союзе и согласии с народом перекликается с темой *кадхудо* из ряда речей президента – темой правителя, выступающего по отношению к своим землям прежде всего как заботливый хозяин.

Подобные мысли можно заметить и в следующем отрывке:

Исмоили Сомонӣ, к-ӯ шоҳи тавоно буд,
Ҳам шоҳи тавоно буд, ҳам зираку доно буд.
Бо нерӯи имонаш девори Бухоро буд,
Дар мулки Бухорояш ӯ шӯҳра ба дунё буд.
Эмомалӣ Раҳмонӣ, аз тухмаи Сомонӣ,
Ҳам шоҳи бафарҳангу ҳам сарвари ирфонӣ.
Он ҷанги балоангез, он душмани хуношом,
Аз мулк бадар бинмуд бо фазлу ба пурдонӣ [28, с. 301].

Исмаил Самани, что был могущественным шахом,
Был шахом и могущественным, и сведущим, и мудрым.
Силою своей веры он был стеною Бухары,
В своем Бухарском царстве он был славен на весь мир.
Эмомали Рахмон происходит от Саманидов,
Он и просвещенный шах, и духовный глава.
Ту злополучную войну, того кровожадного врага
Он изгнал из царства с помощью учености и ума.

Выводы

Подводя итоги, можно назвать основные черты, придаваемые эпохе Саманидов современными таджикскими поэтами: преемственность между династиями Саманидов и Сасанидов, память о доисламской культуре и ценностях зороастризма, справедливость эмиров и их любовь к своему народу, забота о его безопасности и покое (мотив

стены Бухары). Власть правителей, в том числе эмира Исмаила Самани, нередко связывается с божественной избранностью, однако Бог называется не Аллахом, а иранскими словами *Яздон* и *худо,* иногда он прямо называется Ахура Маздой *(Ҳурмуз).* Используется уходящий корнями в древность образ *фарр*а, дарующего власть и удачу. Романтизируются образы утраченных территорий: Самарканда и Бухары. Период правления неиранских династий описывается как темные века. Характерны также отсылки к таким фигурам Саманидской эпохи, как врач и философ Абу Али ибн Сина и «Адам поэтов» Рудаки.

Список источников

1. Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата: пер. с авестийского И. М. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, КРАМДС – Ахмед Ясови, 1992. 208 с.

2. Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV веков (Слово, изображение). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 422 с.

3. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 556 с.

4. Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600-258). М.: Наука, 1988. 216 с.

5. Дашков С.Б. Цари царей – Сасаниды. Иран III-VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИ-АЗИЯ, 2008. 356 с.

6. Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпосов народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. 336 с.

7. Крюкова В. Ю. Зороастризм. СПб.: Азбука-классика, 2005. 285 с.

8. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V в. Очерки по истории культуры. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. 244 с.

9. Надиров Б. «Потомок Саманидов»: таджикский певец посвятил песню Рустаму Эмомали // Интернет-портал ASIA-Plus [Электронный ресурс]. URL: https://www.asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20180913/potomok-samanidov-tadzhikskii-pevets-posvyatil-pesnyu-rustamu-emomali (дата обращения: 16. 07. 2023).

10. Наршахи М. История Бухары: пер. с перс. / Под ред. В.В. Бартольда. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 125 с.

11. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. 390 с.

12. Рахимов Р.Р. Коран и розовое пламя (Размышления о таджикской культуре) / Отв. ред. В.Ю. Крюкова. СПб.: Наука, 2007. 387 с.

13. Рахмонов Э.Ш. Таджикский опыт истории и открытость будущему. Размышления накануне десятилетия независимости Таджикистана. 6 сентября 2001 г. // Рахмонов Э.Ш. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Том четвёртый. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 133 – 142.

14. Турсон А. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество / Отв. ред. М.Е. Резван. СПб: МАЭ РАН. 2014. С. 5 – 63.

15. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература, 2004. 284 с.

16. Фирдоуси А. Шах-наме. М.: Художественная литература, 1972. 798 с.

17. Фрагнер Б.Г. «Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М.: Фонд Марджани, 2018. 133 с.

18. Bosworth C. E. Sāmānids. 1. History, literary life and economic activity // The Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden: Brill, 1995. P. 1025 – 1029.

19. Katouzian H. The Persians: Ancient, Mediaeval and Modern Iran. New Haven, London: Yale University Press, 2010. 465 с.

20. Āмӯзгар Ж. Тāрӣх-и асāṭӣрӣ-йи Ӣрāн. Тегеран: Сāзмāни мутāли‘а ва тадвӣни кутуби ‘улӯми инсāнӣ (СМТ), Маркази таҳқиқ ва тауси‘а-йи ‘улӯми инсāнӣ, 1380 с. х./2001. 104 с.

21. Йāршāṭир Э. Дāстāнхā-йи Ӣрāн-и бāстāн. Тегеран: Шаркат-и интишāрāт-и ‘илмӣ ва фархангӣ, 1393 с. х./2014. 137 с.

22. Аҳмад З. Ояд ҳаме // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 109.

23. Бунёд Ш. Шаҳсавори миллати мо (Эҳдо ба Президенти мамлакат Эмомалӣ Раҳмон) // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 355.

24. Мукаррам Р. Субҳи истиқлол // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 229.

25. Наҷот Д. Бозтоби ваҳдат // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 103 – 105.

26. Осимӣ С. Ало, меъмори ин кишвар! // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 276 – 277.

27. Сайфуллоев А. Ҳафт сипеҳр (Маҷмӯаи манзумаҳо дар бораи Сулолаи Сомониён). Хуҷанд: Нашриёти давлатии ба ном Раҳим Ҷалил, 1999. 101 с.

28. Ҳадиса. Эмомалӣ Раҳмонӣ // *Эъҷози Раҳмон* (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 301.

29. Ҳисорӣ С. Тоҷикон // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 282.

30. Шаҳрия. Меҳри миллат // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 344–345.

31. Шодӣ О. Исмоили даврони мо // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 211 – 214.

32. Шоҳинбод М. Сомонии нав // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 190.

References

1. Avesta: Selected Hymns; From Videvdat: Translated from the Avestan by I. M. Steblin-Kamensky. Moscow: Druzhba Narodov, KRAMDS – Akhmed Yasov, 1992. 208 p.

2. Bertels A.E. Artistic Image in Iranian Art of the 9th-15th Centuries (Word, Image). Moscow: Publishing Firm "Vostochnaya Literature" of the Russian Academy of Sciences, 1997. 422 p.

3. Bertels E. E. History of Persian-Tajik Literature. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1960. 556 p.

4. Grunebaum G.E. von. Classical Islam. An Outline of History (600-258). Moscow: Nauka, 1988. 216 p.

5. Dashkov S.B. Kings of Kings – the Sassanids. Iran in the 3rd-7th centuries in legends, historical chronicles, and modern research. Moscow: SMI-ASIA, 2008. 356 p.

6. Korogly H.G. Interconnections between the epics of the peoples of Central Asia, Iran, and Azerbaijan. Moscow: Nauka, 1983. 336 p.

7. Kryukova V.Yu. Zoroastrianism. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2005. 285 p.

8. Lukonin V.G. The Culture of Sassanid Iran. Iran in the 3rd-5th centuries. Essays on the History of Culture. Moscow: Main Editorial Board of Eastern Literature, 1969. 244 p.

9. Nadirov B. "Descendant of the Samanids": a Tajik singer dedicated a song to Rustam Emomali. Internet portal ASIA-Plus [Electronic resource]. URL: https://www.asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20180913/potomok-samanidov-tadzhikskii-pevets-posvyatil-pesnyu-rustamu-emomali (date of access: 16.07.2023).

10. Narshakhi M. History of Bukhara: trans. from Persian. Ed. by V.V. Bartold. 2nd ed. Moscow: LENAND, 2016. 125 p.

11. Pigulevskaya N.V., Yakubovsky A.Yu., Petrushevsky I.P., Stroeva L.V., Belenitsky A.M. History of Iran from Ancient Times to the End of the 18th Century. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1958. 390 p.

12. Rakhimov R.R. The Koran and the Pink Flame (Reflections on Tajik Culture). Ed. V.Yu. St. Petersburg: Nauka, 2007. 387 p.

13. Rakhmonov E.Sh. Tajik Experience of History and Openness to the Future. Reflections on the Eve of the Decade of Independence of Tajikistan. September 6, 2001. Rakhmonov E.Sh. Independence of Tajikistan and the Revival of the Nation. Volume Four. Dushanbe: Irfon, 2006. P. 133 – 142.

14. Turson A. Samandar and Zulkarnayn: Toward a Historiosophy of the Tajiksю Tajiks: History, Culture, Societyю Ed. M.E. Rezvan. St. Petersburg: MAE RAS. 2014. P. 5 – 63.

15. Chunakova O.M. Pahlavi Dictionary of Zoroastrian Terms, Mythical Characters, and Mythological Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 284 p.

16. Firdausi A. Shahnameh. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 798 p.

17. Fragner B.G. "Persophony." Regionality, Identity, and Language Contacts in the History of Asia. M.: Marjani Foundation, 2018. 133 p.

18. Bosworth C. E. Sāmānids. 1. History, literary life and economic activity. The Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden: Brill, 1995. P. 1025 – 1029.

19. Katouzian H. The Persians: Ancient, Mediaeval and Modern Iran. New Haven, London: Yale University Press, 2010. 465 p.

20. Āmūzgar Zh. Tārīkẖ-i asāṭīrī-yi Īrān. Tehran: Sāzmāni mutāli'a wa tadvini kutubi 'ulūmi insāni (SMT), Markazi tahkīk wa tausi'a-yi 'ulůmi insāni, 1380 p. x./2001. 104 p.

21. Yarshantir E. Dāstānkhā-yi ārān-i bastan. Tehran: Sharkat-i intisārāt-i ‘ilmi wa farhangi, 1393 p. x./2014. 137 p.

22. Аҳmad Z. Oyad ҳame. Eҷozi Rҳmon (Маҷmүai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷumҳuriya Toҷikiston Emomali Rҳmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 109.

23. Bunyod Sh. Shaҳsavori millati mo (Eҳdo ba Presidenti mamlakat Emomali Rakhmon). Eҷozi Rakhmon (Маҷmҳai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷumҳuriya Toҷikiston Emomali Rakhmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 355.

24. Mukarram R. Subҳi istiqlol. Eҷozi Rҳmon (Маҷmүai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷumhuriya Toҷikiston Emomali Rҳmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 229.

25. Naҷot D. Boztobi vaҳdat. Eҷozi Rҳmon (Маҷmүai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷumhuriya Toҷikiston Emomali Rҳmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 103 – 105.

26. Osimi S. Alo, memory in kishvar! Eҷozi Rahmon (Маҷmҳai sheerҳo dar vasfi Presidenti Ҷumҳuriya Toҷikiston Emomali Rahmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 276 – 277.

27. Sayfulloev A. Ҳaft sipeҳr (Маҷmӯai manzumaҳo dar borai Sulolai Somoniyon). Khukhand: Nashriyoti davlatii ba nom Rahim khalil, 1999. 101 p.

28. Hadith. Emomali Rakhmon. E'kozi Rakhmon (Маҷmӯai she'rҳo dar vasfi Presidenti Ҷumhuria Toqikiston Emomali Rakhmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 301.

29. Ҳisori S. Toҷikon. Eҷozi Rakhmon (Маҷmүai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷumҳuriya Toҷikiston Emomali Rҳmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 282.

30. Shakhria. Meҳri millat. Eҷozi Raҳmon (Маҷmӯаи sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷumҳuriya Toҷikiston Emomali Rҳmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 344 – 345.

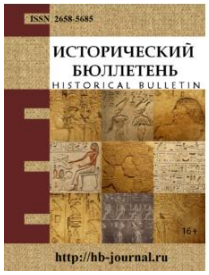
31. Shodi O. Ismoili davroni mo. Eҷozi Rahmon (Маҷmůai sheerҳo dar vasfi Presidenti Ҷumhuriya Toҷikiston Emomali Rahmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 211 – 214.

32. Shokhinbod M. Somoni Nav. Eҷozi Rakhmon (Маҷmҳai sherҳo dar vasfi Presidenti Ҷumhuriya Toҷikiston Emomali Rakhmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 190.

Информация об авторе

Болашенкова Е.А., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

© Болашенкова Е.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (470)

«Омский дневник, 1917-1920 гг.» и его автор Татьяна Николаевна Машинская

[1] Киселев А.Г.,
[1] Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Аннотация: в 2023 г. Омский государственный педагогический университет издал книгу воспоминаний двух урождённых сибирячек – русской А.М. Рандруп и немки А.М. Розенплэнтер, репрезентирующих дамский культурный мир «буржуазного» Омска – «Цветам былого не забвенья…». «Омский дневник» предвоенного времени ещё одной яркой представительницы этого мира – купеческой дочери Т.Н. Машинской, изданный пражским журналом «Слово», существенно дополняющий наши представления о культурном пространстве, в котором жила автор «дневника», не был включён в книгу издателем по соображениям, связанным с авторским правом. Единственная на сегодняшний день статья омского краеведа В.И. Селюка содержит лишь самое общее описание этого источника. Цель настоящей работы заключается в его исследовании, прежде всего, с содержательной точки зрения, выявлении основных тем, специфики авторских описаний и оценок, характеристики самого автора. Анализ текста позволил реконструировать образы детства, семьи родителей и взаимоотношений в ней, показать некоторые существенные черты времяпровождения, преимущественно досуга, на границе повседневности и праздника. Картины, рисуемые автором воспоминаний, рассматриваются в статье как образец «девичьего», «дамского» взгляда. Одновременно выстраивается и образ самой Татьяны Николаевны, её взросления, формирования личности – история человека во «времена, которые не выбирают». Представленные материалы могут быть использованы при разработки спецкурсов по истории гендера, истории городов Сибири первой четверти XX в.

Ключевые слова: воспоминания, дореволюционный Омск, купеческая семья, времяпровождение буржуазной молодёжи, повседневность и праздник, воспитание личности, женский взгляд

***Для цитирования**: Киселев А.Г. «Омский дневник, 1917-1920 гг.» и его автор Татьяна Николаевна Машинская // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 190 – 199.*

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

"Omsk diary, 1917-1920" and its author, Tatyana Nikolaevna Mashinskaya

[1] Kiselev A.G.,
[1] Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development

Abstract: in 2023, Omsk State Pedagogical University published a book of memoirs by two native Siberians – Russian A. M. Randrup and German A. M. Rosenplanter – representing the feminine cultural world of "bourgeois" Omsk: "Flowers of the Past Not Forgotten...." The pre-war "Omsk Diary" by another prominent representative of this world, merchant's daughter T.N. Mashinskaya, published by the Prague magazine "Slovo", significantly enriches our understanding of the cultural space in which the author of the "diary" lived. The publisher did not include it in the book for copyright reasons. The only article to date by Omsk local historian V.I. Selyuk contains only the most general description of this source. The purpose of this work is to examine it, primarily from a substan-

tive perspective, identifying the main themes, the specifics of the author's descriptions and assessments, and the characterization of the author herself. Textual analysis allowed us to reconstruct images of childhood, the parents' family, and the relationships within it, revealing some essential features of pastimes, primarily leisure, on the border between everyday life and celebration. The author's depictions of the memoirs are examined in the article as exemplary of a "girlish," "feminine" perspective. At the same time, an image of Tatyana Nikolaevna herself, her coming-of-age, and the formation of her personality are constructed—the story of a person in "times you can't choose." The presented materials can be used in developing specialized courses on the history of gender and the history of Siberian cities in the first quarter of the 20th century.

Keywords: memories, pre-revolutionary Omsk, merchant family, bourgeois youth pastime, everyday life and holidays, personal development, female perspective

***For citation**: Kiselev A.G. "Omsk diary, 1917-1920" and its author, Tatyana Nikolaevna Mashinskaya. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 190 – 199.*

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: September 15, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Исследования гендера, повседневности, биографий «человека исторического» – характерные признаки гуманитаризации современной историографии. В данной статье предпринята попытка совмещения подходов, обусловленная природой источника – «Омского дневника» Т.Н. Машинской [1].

Обращаясь к истории вопроса, назовём труды Ю.М. Гончарова, изучающего купеческую семью и внутрисемейные отношения, предпринимательскую и общественную деятельность купчих, сибирскую городскую повседневность, в том числе и те её стороны, которые были непосредственно связаны с интересами и потребностями обеспеченных горожанок [2, 3, 4, 5]. Об условиях повседневной жизни сибирского купечества писал А.В. Быков [6], об организации дома, досуга в Сибири датских предпринимателей – И.М. Ларсен [7]. Опыт исследования разных сторон купеческой жизни, включая анализ картины мира, предприняла Е.В. Комлева [8].

Целью настоящей статьи является характеристика буржуазного «женского мира» дореволюционного Омска и личности одной из его героинь – автора дневника Т.Н. Машинской.

Материалы и методы исследований

Источником исследования послужил «Омский дневник» Т.Н. Машинской, изданный в пражском журнале «Русское слово» в 2014-2015 гг. Очевидно, что жанр этого текста следует уточнить. По существу это воспоминания, написанные много позднее описываемых событий – уже в эмиграции, дневник, очевидно, являлся только их основой. Автор, безусловно, бережно относилась к запомнившимся детским и девичьим впечатлениям, переживаниям, корректируя их для читателя либо прямыми оценками «из сегодняшнего дня», либо тональностью. Поэтому некоторые зарисовки и мнения, выглядят как приданные тексту не девочкой подростком, девушкой, а уже состоявшейся, прошедшей через многие испытания, вполне осознающей, что́ было потеряно, женщиной (оценки роли общественной роли предпринимателей в истории России, событий гражданской войны и др.).

При работе с источником использован метод детального анализа текста.

Результаты и обсуждения

Татьяна Николаевна родилась в 1902 г. в семье Николая Николаевича (1867-1947) и Елены Константиновны (урождённой Кузнецовой, 1869 – 1944) Машинских.

Глава семьи – Николай Николаевич был единственным наследником своего отца – тарского купца 1 гильдии Николая Кирилловича. А.А. Жиров выявил предположительно имевших казачье происхождение генеалогические корни Машинских в г. Таре [9, с. 217].

Супруга Николая Николаевича – Елена Константиновна была дочерью чиновника из Ташкента, окончила женскую гимназию [10, с. 34].

Семья была многодетной. Старше Тани были Сергей, Константин, Владимир, Борис, Ольга и Екатерина, умершая в детстве; младше – Николай и Георгий [1, с. 39].

Дневник позволяет воссоздать некоторые черты семейства.

Главой семьи был Николай Николаевич.

Это главенство подтверждают некоторые детали дневника. Он первым начинает рождественскую молитву [1, с. 54], первым поздравляет дочь Ольгу и её жениха с помолвкой [1, с. 47].

После его отъезда из Омска супруга пишет ему, хотя имея в виду не только его, но и детей:

- *без вас в доме стало пусто* [1, с. 27].

К сожалению, за пределами внимания остались приметы взаимоотношений отца с детьми. Известно только, что он мог быть строгим. После травмы одной из участниц зимних развлечений

-*папа, узнавший о случившемся, возмущается нами: «Такое развлечение – варварство, и никаким другим именем его не назовёшь!». Володе, как инициатору попадает больше всех* [1, с. 53].

Можно предполагать и привязанность отца к младшим сыновьям Коле и Гоге. С Колей он скрывается из советского» Омска на Алтай [1, с. 38]. А когда позднее семья бежит на Восток, едет в поезде порознь из соображений конспирации, Николай Николаевич берёт с собой Гогу [1, с. 27]. Однако собственно обязанность воспитания младших сыновей лежала на специально нанятом гувернёре [1, с. 37].

Известно участие старших сыновей Владимира и Бориса в делах отца, основавшего в Омске товарищество «Н.Н. Машинский с Сыновьями» [10, с. 33, 34].

Встречаются в дневнике и упоминания дел Николая Николаевича, его кожевенного завода в Омске, торговой операции, в конце концов, обеспечившей семейство деньгами. Дочь понимает значение этих предприятий, видит даже общественное значение отцовского завода:

-*папа уже второй год работает в качестве директора <…> / устроил мастерскую <…> где работают главным образом офицеры, оказавшиеся не у дел / раздобыл машины, станки* [1, с. 43].

Она убеждена в трудовом происхождении капиталов и их созидательной роли:

-*наложили крупные контрибуции на капиталистов, отобрали, национализировали предприятия – кажется достаточно, так нет же – нужны драконовские меры. Чтобы уничтожить тех, которые тоже вышли из народа и боролись за его благополучие и счастье. Забыли заслуги Морозовых, Рябушинских, Третьяковых* [1, с. 37].

Созвучные мысли автор дневника вкладывает и в уста отца:

- *что же, отбери у русского человека золото, богатство, он не заплачет, а вот если ему учинят несправедливость, обвинят в том, что он нечестным трудом нажил свои деньги, только о своём кармане, а не о благе других думал всю жизнь, тогда он от обиды, пожалуй, заплачет и ни за что не простит своим обидчикам* [1, с. 38];

- *будем все работать. Вот только младших поставим на ноги, остальные ведь почти взрослые люди – этот вопрос меня не трогает. А вот куда зашла наша страна – это дело другое, и как она выйдет из этого тупика – не известно* [1, с. 28].

Татьяна видит, как плохо отцу из-за вынужденного безделья:

-*по моим наблюдениям, оторвавшись от дела, он в душе тяготиться бездельем, вида не показывает, но сильно скучает* [1, с. 26].

Семейное главенство отца уравновешивалось матерью. В дневнике Елена Константиновна упоминается чуть чаше Николая Николаевича. Оба способны играть социально-значимую роль агенса – субъекта, производящего действие. Но, во всяком случае, в советском Омске, под дамокловым мечом над «буржуями», чаще именно мать семейства, выступает в качестве представителя семьи. Так, в связи с арестом друзей семьи большевиками

- *мама сейчас же отправилась во дворец к видному большевику Попову, который по просьбе мамы дал распоряжение немедленно освободить наших «шильонских узников»* [1, с. 43].

Сказалось видимо общественное реноме Елены Константиновны, сложившееся «в старое время». В городе она была известна как действительный член Омского общества вспомоществования нуждающимся ученицам женской гимназии, организатор питательного пункта для больных и раненых во время русско-японской и первой мировой войны [10, с. 34].

В связи с ожидаемым обыском

- *дверь открывает наша отважная мама* [1, с. 38].

Когда

- *папа должен покинуть город, чтобы о нём никто не знал – ни куда он скрылся, ни где он, хотя бы на время* [1, с. 38],

- *у мамы уже готов план и твёрдое решение – бежать из Омска* [1, с. 38].

При обыске, учинённом красными в казачьей станице, куда семья переехала на время

- *мама берёт ведро и спокойно отправляется как будто за водой. Но мы прекрасно знаем, что в нём патроны… мама вернулась с полным ведром воды. На вид она спокойна или, может быть, умеет владеть собой и скрывать тревогу?* [1, с. 40].

Казаки собираются в станице после ухода большевиков

- *мама им выносит белый флаг, наскоро созданный из простыни* [1, с. 40].

Перед нами «женская слабость», способная «обезоружить» и ввести в заблуждение врагов, «очаровать» «своих».

В дневнике находим описание нескольких ситуаций, характеризующих взаимоотношения матери с детьми.

Дневник собственно и начинается с конфликта матери и старшего сына Серёжи – казачьего офицера. Его денщик

-увлёкся игрой в карты и обо всём на свете забыл, в том числе и о приказе командира. «Афанасий пойдёт под арест на двое суток, отправится немедленно!». «Что ты так сразу – и под арест, жаль всё-таки человека <…>. Подожди Серёжа, успокойся, сам знаешь ведь, что Афанасий – казак хороший, и в бою тебе преданность свою доказал, но уже прости его в этот раз, увидишь, как он сам это оценит». И не ожидая согласия Серёжи, мама вызывает Афанасия и прощает его от имени его командира.

Сын, не соглашается по существу:

- в стране революция и наш прямой долг перед Родиной всеми силами сохранить порядок и дисциплину,

и мать выражает понимание его мотивов:

- Я сама прекрасно вижу, куда мы идём, и что творится в нашей несчастной стране… [1, с. 39].

Но ситуация ею уже разрешена.

Елена Константиновна тактично оберегает Татьяну от возможной неосторожности в отношениях с квартирующим в их доме майором чехословацкого корпуса Кошеком. На просьбу Кошека отпустить Татьяну в Славянский клуб, соглашается:

- Конечно, но я думаю, что и Ляле (сестре) будет также интересно там побывать.

Этим мама чуть подчеркнула, что моё tete-a-tete с Кошеком её не устраивало, она очень с ним приветлива, бесконечно гостеприимна, но до определённых границ. На днях мама, которая всё видит и знает, перевесила мою шубу из передней на детскую вешалку. Зачем? Конечно, для того, чтобы я поменьше встречалась с майором <…>. Вот всё это мама предчувствует и поэтому за мной следит. Следит и Леля [1, с. 38].

И, конечно, Елена Константиновна занимается заболевшими, распоряжается по дому, воспитывает прислугу [1, с. 38; с. 53, 54].

Хотя тревожное время и наложило свой отпечаток на авторские репрезентации родительского дома

- а на улице всё ещё метель, и дом наш как корабль, заблудившийся в океане, плывёт в неизвестность в тумане [1, с. 55],

всё же в целом в дневнике они исключительно позитивны:

- Наш дом принадлежит к счастливым: в нём не задерживались надолго болезни, а приходили и уходили, как нежеланные гости. Дом наш гостеприимный, радостный, в летние вечера из открытых окон гостиной доносится музыка и портьеры в нижнем этаже, где приёмные комнаты, не опускаются – зачем? Вечером окна освещены, видна люстра, цветы – фикусы и пальмы. За шторами мелькают тени. В доме живёт большая дружная семья, вырастает молодёжь, подрастают младшие дети. Солнечный дом улыбается [1, с. 27].

Ни следа обид, упрёков, может лишь непонимание младшего брата Коли, да споры со старшей сестрой Ольгой.

Названные обстоятельства, наряду с признанием приоритета любви над брачным союзом, позволяют отождествлять семейство Машинских с типично новой, «буржуазной» семьёй, идущей на смену традиционной патриархальной семье. По оценкам исследователей, в новой семье заметно «больше интимности, демократизма, признания самоценности каждого члена семьи, будь то мужчина, женщина или ребёнок. Такая семья и становится колыбелью нового фундаментального принципа семейных отношений, прямо противоположного прежнему: «не человек для семьи, а семья для человека» [2, с. 287].

Эти наблюдения историков созвучны с рассуждениями Татьяны о союзе А.В. Колчака и А.В. Тимиревой, подкрепляемых однако старообрядческой традицией:

- я невольно вспоминаю один из принципов строобрядческой веры: «Будьте строги к себе и снисходительны к другим». Не в нём ли руководство для человеческих отношений, не в нём ли правда? Ведь нельзя же жить по-старому и отношения людей должны быть искреннее, человечнее [1, с. 39].

Теме семьи близка и тема быта. Однако в этом отношении автор весьма немногословна. Практически ничего об устройстве, планировке, интерьерах дома.

Немногое сообщается и о столе.

- приближается праздник Пасхи. На кухне пекутся куличи и творятся все приготовления к пасхальному столу. Фрося вынимает серебро и тщательно раскладывает его на столе [1, с. 46].

Пожалуй, единственная сцена семейного чаепития:

-пьём чай из светлых сиреневых фарфоровых чашечек. Липа подаёт блюдо печенья. Тётя Оля разливает чай, отражаясь в ярко начищенном серебряном самоваре [1, с. 42].

Ещё одна – с сестрой Ольгой – демонстрирует «бытовой нигилизм» автора дневника:

-Люля ждёт меня за завтраком, медленно, со вкусом намазывая булку маслом, как будто совершая какой-то священно действенный ритуал питания собственной особы. Но разве можно так много внимания и времени посвящать завтраку, обеду и ужину, когда вас ждут неотложные и интересные дела? [1, с. 37].

Упоминается в дневнике и послеобеденный «тихий мёртвый час» [1, с. 38].

Косвенным образом характеризует семейный быт и перечисление в разной связи прислуги. Это повара – «бывший» и «нынешний» – Потап Ульянович и Вацлав (Василий Васильевич), гувернёр Губерт Иванович, кучер Егор Александрович, прислуживающая за столом Липа, служанка Саша «Рыжик», горничная Фрося, портниха Анна Васильевна истопник Ян. Очевидно, что члены семьи были избавлены от каких-либо хозяйственных домоводческих забот.

В кругу бытовых тем Татьяну Николаевну по-настоящему интересовала лишь мода, прежде всего одежда, костюм, как взрослый, так и детский, дамский и мужской, аксессуары, обувь. На страницах дневника буквально разбросаны соответствующие характеристики и детали. Здесь и ‘полотняные панамы с воздушными жёлтыми шарфами’, ‘допотопные чепцы с лентами’, ‘белые фланелевые брюки’, ‘высокие французские каблуки’ и описания костюма или сочетания его элементов и аксессуаров:

-у одной из девочек, как и у меня, на голове бант-бабочка, коротенькая шотландская юбочка в складку и очень красивые часики на руке [1, с. 40];

-белая блузка с открытой шеей, красная юбочка выше колен, бархатный корсаж, красные чулки и чёрные туфельки – ну чем не неаполитанская рыбачка? [1, с. 45].

-вот и верховой костюм готов <…>. Сначала я надеваю белую полотняную блузку с синим галстуком, затем рейтузы и сверх всего синий костюм с юбкой с разрезом, чтобы было удобно и «прилично» выглядеть в седле, на ногах у меня высокие шнурованные ботинки, а на голове круглая бойскаутская шляпа с ремешком [1, с. 38].

Специфически девичий, дамский интерес к предметам, усиливающим эффект изящества, женственности сочетался с вниманием к военному мундиру, не лишённому эстетизма, но, очевидно, символизирующему мужественность:

-чехи одеты в русскую форму, на голове у них кепи с красно-белой их национального цвета ленточкой, на ногах обмотки и штиблеты [1, с. 38];

- французская форма на нём сидит безупречно, голубой френч украшен рядом орденских ленточек [1, с. 38];

- на нём французская голубая шинель с меховым воротником, фуражка, расшитая золотым шитьём, в руках меховые кожаные перчатки и стек [1, с. 55].

Прямую ассоциацию военных аксессуаров и героики воина-защитника находим в нарисованном воображением Татьяны портрете А. В. Колчака:

- он должен быть хорош на капитанском мостике с биноклем в руках, в надвинутой флотской фуражке, напряжённо смотрящий вдаль. Таким его мог бы изобразить художник. Сейчас он наш Правитель, наш капитан, на которого возложена непомерно тяжёлая задача вывести наш тонущий корабль из бури и разбушевавшейся стихии [1, с. 36].

Привлекал внимание Татьяны Николаевны и национальный костюм казахов и бурят [1, с. 40, 27].

В исторической литературе, посвящённой повседневности, наряду с семейной её стороной, бытом, обычно выделяются трудовая и досуговая стороны [12, с. 5].

Трудовая повседневность в омском дневнике по понятным причинам не представлена. Татьяна училась в гимназии, которую упоминает случайно всего два раза. Очевидно, гимназическая жизнь не увлекала. Видимо мало интересовали и сверстницы-гимназистки. Напротив, заметна тяга автора к старшим по возрасту девушкам и молодым людям.

В центре дневника – досуг – сфера жизни на границе повседневности и праздника, относящаяся к первой постольку, поскольку обычна, обиходна, «не принадлежит к явлениям однократным, необычным или харизматическим» [12, с. 333]. Более трети разделов дневника содержат упоминания собраний дружеских компаний, игр в жмурки, почту, зимних развлечений (катаний на санях, коньках, лыжах), танцев, теннисной игры, конных прогулок, дальних загородных поездок и отдыха в Боровом и на Карачинском озере – типичных форм досуга делового класса в Сибири.

При этом на первый план всегда выходит тема мироощущения, настроений, переживаний автора, складывающихся из общения с друзьями, встреч с новыми людьми, звучащей музыки, прочитанных строк, увиденных пейзажей. Завершение пубертатного периода, успех у молодых людей, мужчин, обстановка «праздничной праздности», развитый эстетизм – всё это способствовало

воспитанию определённой культуры чувств Татьяны Машинской.

На последних страницах омского дневника один из ухаживавших за ней – майор Кошек, прощаясь с сёстрами Машинскими, говорит, что не забудет своё пребывание в Омске и знакомство с ними:

-Да, девочки, такую жизнь я не забуду никогда, она уже неповторима! Если бы одна из вас её описала, как роман – попробуйте, запечатлейте её навсегда» [1, с. 28].

С источниковедческой точки зрения текст, написанный и отредактированный Татьяной Николаевной – скорее воспоминания, нежели собственно дневник, но с точки зрения литературной это в известном отношении именно роман, роман как многоплановая, с участием более 130 действующих лиц история, в которой, центральное место занимает она сама, её родители, друзья и поклонники.

Автору удалось передать психологизм, переживания первых влюблённостей:

- М.-м. Юзефович – привлекательная дама с сыном гимназистом Вовой, который мне нравится с первого взгляда. Почему? Разве можно это так просто объяснить? По какому принципу магнетизма люди разного пола сначала замечают друг друга, потом даже не смотрят друг на друга, а все равно чувствуют это присутствие друг друга. Я всегда безошибочно могу определить, где находится Вова в своей полотняной белой рубашке, куда он пошёл в настоящую минуту, что он делает, чувствует ли моё присутствие, смотрит ли на меня, и, пожалуй, только этим и занята. У нас разговор без слов, как песня без слов, понимание друг друга, которое и пугает немного, и радует. Я знаю, что от нашей тайны хорошею, становлюсь интереснее веселее, поездка на Синюху приобретает особую прелесть, крепче, ароматнее пахнет лес, звонче смех, значительнее паузы, многозначительна тишина [1, с. 40];

метафорически показать их неустойчивость:

- В саду с Колей Вова Юзефович. Но к нему не выйду, я его вижу в окно, но меня к нему не тянет <…>. Что это собственно такое? Температура ли воздуха другая, или кровь наша с наступлением ненастья охлаждается тоже, я не знаю, но нет у меня того подъёма, какой был когда-то в Боровом. Люди как мошки в солнечный день: рой мошек танцует, взлетает наверх, затем резко падает вниз, соблюдая ритм и такт. Две мошки танцуют вместе, то вправо, то влево в дружном pas de deux и вдруг отталкиваются друг от друга, и каждая сама по себе в том же ритме продолжает свой танец под солнцем. Так и я вот отшатнулась от своей случайной пары и хочу идти своим путём сама по себе до новой случайной встречи [1, с. 41-42].

И таких запомнившихся встреч было немало.

На костюмированном балу

-ко мне подходит паяц в шёлковом костюме, некто Ниса Ковлер. Мы танцуем, затем под руку гуляем в зале. Я довольна своим кавалером. Во-первых, он взрослый, во-вторых он красив, а в-третьих я ему нравлюсь, это очевидно. «Посмотрите, посмотрите, какую неаполитанка Таня поймала рыбу!» – громогласно произносит папин друг, директор банка, некто Гриневицкий <…>.Краснеет Ниса, краснею я. «Ах, не обращайте, пожалуйста, никакого внимания на слова этого циника. Знаете, Таня, сегодня мне так хорошо, и ничто и никто не должен омрачать этого чудного вечера. Я бы хотел Вас увидеть на вечере нашего Коммерческого Училища. Вы к нам придёте? Обещайте, без вас мне будет скучно!» – Ниса ко мне наклоняется и смотрит почти умоляюще своими красивыми, синими глазами [1, с. 45].

А вот другой летний бал.

-Вечером в курзале летний бал <…>Веселее кружиться в вальсе под звуки оркестра. «Раз-два-три … Раз-два-три» – в такт музыки приговаривает мой партнёр, студент Алексинский. «Ну Вы замечательно вальсируете … Смотрите, сейчас начнется фейерверк. Пойдёмте в сад посмотреть». Ракеты рвутся в небеса и пёстрыми шариками падают в озеро или же растворяются в тёмном небе.

Пахнет цветами, с озера веет прохладой. Серёжа Алексинский меня держит под руку и говорит о счастье, которое он ощущает будто бы вот в настоящий момент, его бледное лицо совсем близко ко мне наклоняется … В это время среди деревьев вижу силуэт Люли, она меня ищет, наверно или случайно нарушая наш tete á tete [1, с. 41].

Балы, танцы были школой воспитания чувств. Допустимо в данном случае обращение к исследованию культуры чувств в аристократических семействах: «В гендерной социализации девочек присутствовали явные противоречия. С одной стороны, родители ограничивали их общение с противоположным полом, а, с другой, – подогревали их кокетство, чувствительность, в том числе посредством светских мероприятий. В частности важным мероприятием для половой социализации девочек-подростков были так называемые детские балы и первые «взрослые» балы, на которые они попадали в 16 лет». Детские балы приоткрывали

девочкам «завесу светской жизни, становясь площадкой для демонстрации навыков изысканных манер, кокетства и основ флирта» [13, с. 23].

В известной мере образцами подобного воспитания служили и живые примеры красивых молодых женщин, ставших если не героинями, то весьма заметными персонажами дневника. Это и м.-м. Юзефович, и Наталья Иллиодоровна Гамкриелли, и известная в общественных кругах «белого Омска» Мария Александровна Гришина-Алмазова [14].

Наталья Иллиодоровна …

-она очаровательна: высокая блондинка на длинных стройных ногах, черты её лица, если рассмотреть их строго, даже неправильны, но гармоничны и озарены игрой молодости, одухотворены внутренней жизнью и освещены прелестной, ослепительной улыбкой. Она в розовом креповом платье, которое, к слову сказать, она сама себе сшила. У ворота украшено букетиком фиалок [1, с. 39].

Гришина-Алмазова …

- очень хороша собой. У неё бледное матовое лицо, тёмные бархатные глаза и ослепительные зубы. Такой красавице кокетство не к лицу, её взгляда достаточно даже того, чтобы она встала и прошлась по гостиной – и этого уже достаточно, чтобы взгляда от неё не оторвать <…>. Она встаёт и под аккомпанемент пианино танцует, плывёт как лебедь, как само воплощение женственности – и Володя, и Боба, и Стива целуют её руки, белые чудесные руки в бриллиантовых кольцах [1, с. 35-36].

Татьяна Николаевна Машинская понимала значение навыков манер и кокетства. Вот как она пишет о разговоре с подругой старшего брата Сергея Люлей:

- Люлю чувство уже захватило – в этом я уверена. Но мне кажется, что в ней не хватает кокетства. Нельзя с таким человеком, как Серёжа, избалованным успехом у женщин, быть как на ладони <…>. И знаете, не смотрите вы на него так преданно, вот мол, я вся твоя и делай со мной что хочешь – лучше, когда он в вас не уверен и даже немного ревнует» [1, с. 41].

А это о Наталье Илларионовне Гамрикелли:

- «Я хочу умереть молодой / Золотой закатиться звездой», – мелодекламирует Наталья Иллиодоровна, аккомпанируя себе на пианино. Но мне кажется, что умирать ей совсем не хочется и закатываться звездой также – и что это только кокетство, и звезда её горит в полном блеске и своим сиянием озаряет весь её окружающий мир. В орбиту сияния попал и наш Володя [1, с. 39-40]. Наталья Иллиодоровна и Владимир Машинский вскоре поженятся.

Видела автор дневника и «оборотную сторону» это игры, способной приносить страдания. Обращаясь к эпизоду пребывания в Боровом с участием м.-м. Юзефович она замечает:

- эта нарядная дама флиртует с Сергеем Христофоровичем (Рандруп), порой неестественно хохочет; порой напускает на себя томность, изображая беспомощную девочку. А там, внизу, м.-м. Рандруп, которая давно заметила, что её муж всецело увлечён м.-м. Юзефович, в свою очередь, хочет скрыть своё испорченное настроение и ревность, подчёркнуто любезна, но внутренне безусловно страдает [1, с. 41].

Глубоко оскорблённым и несчастным предстаёт после ухода Натальи Иллиодоровны к Владимиру Машинскому её супруг Семён Андреевич [1, с. 46].

И сама Татьяна рискует сделаться жертвой такой игры. Её воображение на долгое время захватил майор Кошек. Он

-очень нравится женщинам, знает это, любит общество женщин, становится в нём остроумным, выделяется среди мужчин <…>.

За столом у Машинских Кошек

-моментально, не прерывая разговора, <…> бросает нежный взгляд в мою сторону, взгляд Фальстафа соблазнителя, по выражению Люли. На мольеровского Фальстафа он характером, пожалуй, похож и на вкрадчивую лисицу немного тоже, но разве всё это меняет дело, он всё равно остаётся интересным собеседником и незаурядным человеком. Что поделаешь, но его внимание взрослого человека мне льстит [1, с. 39].

При этом Татьяна понимает разницу между флиртом и настоящим чувством, «держит дистанцию»:

-Вчера мы с Кошеком задержались в гостиной и долго говорили о литературе и поэзии, я ему декламировала Верлена, а он мне Врхлицкого. Люля твердо уверена, что я как неопытная девочка обязательно потеряю голову, но этого, пожалуй, не случится, я настороже и великолепно разбираюсь, что такое флирт и что настоящее чувство. И это новое увлечение не целиком захватывает мой внутренний мир, который насыщен до краёв самыми разнообразными впечатлениями [1, с. 39].

И эта игра, и известная осторожность, и настоящие чувства – всё это питается не только собственными наблюдениями и жизненным опытом автора, но произрастает также из личностного открытия, освоения литературы и искусства. На страницах дневника имена 19 поэтов и писателей – от Пушкина и Диккенса до Арцыбашева и Золя, чеш-

ских авторов, в частности Р. Медека, перевод поэмы которого «Зборов» был выполнен Татьяной, видимо при участии майора Кошека – 13-ти страничная книжечка издавалась в Омске в 1919 г.

В памяти омского периода музыка Баха, Моцарта, Чайковского, Грига, Дворжака, а также русские романсы, русский и испанский танцы, мазурка, вальс, аргентинское танго, one step.

Ещё одной эстетически окрашенной сферой мира Татьяны были запомнившиеся образы природных пейзажей. Примерно в половине случаев наряду с простыми описаниями, особенно часто встречающимися в конце дневника, когда Машинские бегут на восток, автор вспоминает о связанных с ними переживаниях и размышлениях:

-Может быть, мудрая природа поможет найти потерянный покой. Лодка медленно вплывает в залив разрезая носом гладь реки, вёсла путаются в камышах и водорослях, зелёная стена не пускает проникнуть глубже. Я останавливаюсь и наблюдаю, как вьются над гладью реки зелёные и синие стрекозы. Как пряно пахнет осока, переломленная пополам. Проворные водомерки режут определённое пространство воды, до точности, почти математической точности кем-то рассчитанного предела, чертят какие-то геометрические фигуры, вероятно, имеющие глубокий смысл, людскому уму не постижимый. Что мы собственно знаем о природе и её законах? Неужели и мы, люди, только букашки, и судьба наша тоже кем-то предопределена? Есть ли какой-либо смысл ломать голову, почему и зачем живёт человек? Нет возможности понять, почему мы, молодёжь, живём вот именно в это сумбурное время и есть ли какой-нибудь смысл в войне и в революции <…> [1, с. 39].

Большое место в дневнике Машинской занимает политика. События в Петрограде, переход в Омске власти из рук в руки, известия о происходящем в стране не описываются сколько-нибудь подробно, скорее обозначены их образы, наполненные тревогой, неустойчивостью, крушением и возрождением надежд, трудными мировоззренческими вопросами.

Тревога:

-в нашей столице неспокойно <…>. Все, в том числе интеллигенция, чего-то ждут [1, с. 42];

-тревожно стало по вечерам. То где-то раздаётся выстрел, то кто-то тяжёлыми сапогами прогремит по тротуару. Тени мигают на стенах и ползут по потолку. Прислушиваемся, ждём резкого звонка – обыска или ареста [1, с. 37];

- из Тобольска прибыл карательный отряд – в городе, по слухам, готовится «Варфоломеевская ночь». В воздухе нависло напряжённое ожидание какой-то мрачной развязки. Тревога нарастает с каждым днём с каждым часом [1, с. 38];

- на душе сумбурно и тревожно [1, с. 39].

Неопределённость:

- кажется, что внешне всё вошло в привычную колею, но это только кажется: на самом деле ритм жизни нарушен и нет уверенности в завтрашнем дне [1, с. 35];

- что же там, за тёмным окном творится? Неужели опять кровь, опять жертвы? Напряжённо ждём новостей [1, с. 36].

Крушение и возрождение надежд:

- в один миг жизнь оборачивается во всей своей неприглядной реальной сущности [1, с. 37];

-как ярко светит солнце! Неужели перед нами новая, лучшая жизнь? В одну ночь произошёл переворот, но, однако, как легко дышится после изгнания большевиков пока ещё только из Омска и его окрестностей [1, с. 40].

Предательство:

-генерал Сахаров предал белую идею: он работал на руку красным, пока окончательно не перешёл на сторону врагов с целой армией <…>

-приезжающая с фронта боевая молодёжь присматривается к тылу, проникается недоверием к обществу и правительству, приходит в отчаянье, не веря ни во что и никому, часто кончает жизнь самоубийством или же, чувствуя приближающуюся смерть, от отчаянья бросается кутить <…> [1, с. 51].

Трудные вопросы:

-откуда и почему взялась эта классовая борьба? Разве нам, каждому из нас, нет места под солнцем и разве не вольны мы жить, как хочется, в нашей богатой и независимой стране? [1, с. 37];

-братоубийственная война, какие проблемы она разрешает? Не несёт ли она ещё более сложные отношения, не запутывает ли их в тесный, неразрешимый узел? Зачем все эти жертвы и почему брат встаёт на брата? [1, с. 35];

-мы все склонны верить, что тот или другой человек «хороший», «бедный», «несчастный», но чтобы он был «вредным», «дурным», противного политического направления – делить людей на врагов или друзей мы до сих пор не научились [1, с. 52].

Представляется очевидным, что эти вопросы, как и некоторые оценки происходящего являются результатом размышлений не 16-летней девушки, а умудрённого жизнью человека, результатом позднейшей переработки текста:

-Пришла Великая Октябрьская. Как зверь из бездны. Дорогу низам, а то я тебя прикладом, да к стенке. Гуляй тёмная и рабская Россия, пока сама, выбившись из сил, не задохнёшься в ненависти, не захлебнёшься в крови [1, с. 37].

Выводы

«Омский дневник» даёт нам яркие зарисовки жизненного круга Машинских – одного из известных семейств омского делового класса, личную историю детства, девичества автора, формирования её личности. Текст можно рассматривать как своеобразный автопортрет. Выросшая в многодетной семье крупного сибирского дельца, в обстановке любви, довольства, свободы послушная и благодарная дочь своих родителей, Татьяна Николаевна представляла собой тип девушки развитой, интеллигентной, внимательной к окружающему её миру, способной точно и образно характеризовать те его стороны, которые привлекали девичье внимание. Её наблюдательность даёт нам возможность увидеть отдельные черты буржуазной культуры «старого» Омска периода гражданской войны и пребывания в городе чехословаков, картину социокультурного разлома, ставшего основой русской смуты начала XX в.

Список источников

1. Машинская Т.Н. Омский дневник // Русское слово (Прага). 2014-2015.
2. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. 384 с.
3. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.
4. Гончаров Ю.М. Социальные роли женщины в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Вып. 2. Сб. науч. тр. Барнаул: Азбука, 2008. С. 205 – 226.
5. Гончаров Ю.М. Одежда горожанок Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Нижневартовского гос. ун-та. 2010. № 4. 10 с. URL: https://sciup.org/odezhda-gorozhanok-sibiri-vo-vtoroj-polovine-xixnachale-xx-vv-14116613 (дата обращения: 20.06.2025)
6. Быков А.В. Образ жизни сибирского купечества (вторая половина XIX – начало XX вв.). Новосибирск: СГГА, 2005. 112 с.
7. Larsen I.M. En Dansk Familie i Vestsibirien, 1899-1919 // Rotunden. 2006. Nr. 22. Marts. P. 25 – 55.
8. Комлева Е.В. Сибирское купечество: социокультурные практики в контексте освоения Северной Азии (конец XVIII – XIX век): автореф. … докт. истор. наук. Новосибирск, 2020. 647 с.
9. Жиров А.А. Четыре века Тары в фамилиях её жителей // Жиров А.А. Если бы стены могли говорить… Очерки и статьи. Омск: Полиграф, 2008. С. 217 – 221.
10. Жиров А.А., Киселев А.Г. Машинские // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. Т. 2. С. 32 – 34.
11. Добушева М. Рассказ от первого лица. Ляля Туманова // Русское слово. 2013. № 2. С. 13 – 18.
12. Бурлуцкая Е.В., Абдрахманова К.А., Куренкова Ю.О., Фот А.Г., Клементьева Н.В. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века). Оренбург: Оренбургское книж. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020. 452 с.
13. Белова А.В., Мицюк Н.А. Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе (от «великих реформ» до «великих потрясений») // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 20 – 35.
14. Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 389 – 405.

References

1. Mashinskaya T.N. Omsk Diary. Russkoe Slovo (Prague). 2014-2015.
2. Goncharov Yu.M. Urban Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Barnaul: Altai University Publishing House, 2002. 384 p.
3. Goncharov Yu.M. Essays on the History of Urban Life in Prerevolutionary Siberia (Mid-19th – Early 20th Centuries). Novosibirsk: Sova Publishing House, 2004. 358 p.
4. Goncharov Yu.M. Social Roles of Women in Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Modern Historical Siberian Studies of the 17th – Early 20th Centuries. Issue 2. Collection of Scientific Papers. Barnaul: Az-buka, 2008. P. 205 – 226.

5. Goncharov Yu.M. Clothing of Siberian Townswomen in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2010. No. 4. 10 p. URL: https://sciup.org/odezhda-gorozhanok-sibiri-vo-vtoroj-polovine-xixnachale-xx-vv-14116613 (accessed: 20.06.2025)

6. Bykov A.V. Lifestyle of Siberian Merchants (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Novosibirsk: SGGA, 2005. 112 p.

7. Larsen I.M. En Dansk Familie i Vestsibirien, 1899-1919. Rotunden. 2006. Nr. 22. March. P. 25 – 55.

8. Komleva E.V. Siberian merchants: sociocultural practices in the context of the development of Northern Asia (late 18th – 19th centuries): author's abstract. … Doctor of History. Novosibirsk, 2020. 647 p.

9. Zhirov A.A. Four centuries of Tara in the surnames of its inhabitants. Zhirov A.A. If the walls could speak… Essays and articles. Omsk: Polygraph, 2008. P. 217 – 221.

10. Zhirov A.A., Kiselev A.G. Mashinsky. Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce in Siberia: in 2 volumes. Novosibirsk: Academic Publishing House "Geo", 2013. Vol. 2. P. 32 – 34.

11. Dobusheva M. First-Person Narrative. Lyalya Tumanova. Russkoe Slovo. 2013. No. 2. P. 13 – 18.

12. Burlutskaya E.V., Abdrakhmanova K.A., Kurenkova Yu.O., Fot A.G., Klementyeva N.V. Everyday Life of a Provincial Townswoman in Post-Reform Russia (Based on Materials from the Orenburg Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Orenburg: Orenburg Book Publishing House named after G.P. Donkovtsev, 2020. 452 p.

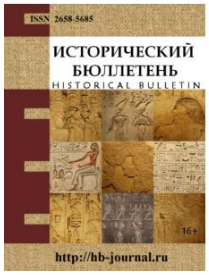
13. Belova A.V., Mitsyuk N.A. Sexual education of Russian noblewomen in the family, educational institution, and society (from the “great reforms” to the “great upheavals”). Novyi istoricheskii vestnik. 2016. No. 1 (47). P. 20 – 35.

14. Petin D.I. With adventure through life: Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova). Novye istoriya Rossii. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 389 – 405.

Информация об авторе

Киселев А.Г., доктор исторических наук, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

© Киселев А.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.6)"18"

Особенности освещения отдельных эпизодов вооружённого противостояния в Дагестане во второй половине 40-х – 50-е годы XIX в. в публикациях авторов газеты «Кавказ»

[1] Мкртчян Н.А.,
[1] Пятигорский государственный университет

Аннотация: статья посвящена дипломатии М.С. Воронцова на Кавказе в вопросах урегулировании кризиса российской политике в крае. Особое внимание уделяется методам князя М.С. Воронцова в решении поставленных задач. Также акцентируется внимание на информационном освещении в газете «Кавказ» – осады таких территорий Дагестана, как Салты и Гергебиль. Изучая газетные публикации, можно реконструировать уровень понимания сути происходящих событий той частью общества, которая непосредственно не была вовлечена в вооруженную борьбу. Такой подход позволяет выяснить, какие идеологические аспекты считались первостепенными по своей значимости и как они отражались на страницах региональной прессы. Важно выделить, что основными идеологическими установками газеты «Кавказ» являлись укрепление имперского имиджа, героизация армии и ее командиров, демонстрация военной эффективности, минимизация собственных провалов, создание негативного образа неприятеля. Так, газета «Кавказ» выступала проводником правительственной политики, стремясь представить Российскую империю как силу, способную обеспечить мир на Кавказе.

Ключевые слова: газета «Кавказ», вооруженные противостояния, Дагестан, имперская политика, урегулирование кризиса, пропаганда

***Для цитирования**: Мкртчян Н.А. Особенности освещения отдельных эпизодов вооружённого противостояния в Дагестане во второй половине 40-х – 50-е годы XIX в. в публикациях авторов газеты «Кавказ» // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 200 – 210.*

Поступила в редакцию: 18 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Features of the coverage of individual episodes of the armed conflict in Dagestan in the second half of the 40s-50s of the XIX century in the publications of the authors of the newspaper "Kavkaz"

[1] Mkrtchyan N.A.,
[1] Pyatigorsk State University

Abstract: this article examines M.S. Vorontsov's diplomacy in the Caucasus, addressing the crisis in Russian policy in the region. Particular attention is paid to Prince M.S. Vorontsov's methods for achieving these objectives. A focus is also placed on the newspaper "Kavkaz" coverage of the siege of Salty and Gergebil, Dagestan. By examining newspaper publications, it is possible to reconstruct the level of understanding of the events by those not directly involved in the armed conflict. This approach allows us to identify which ideological aspects were considered paramount and how they were reflected in the regional press. It is important to note that the main ideological

tenets of "Kavkaz" were strengthening the imperial image, glorifying the army and its commanders, demonstrating military effectiveness, minimizing one's own failures, and creating a negative image of the enemy. Thus, "Kavkaz" acted as a conduit for government policy, striving to present the Russian Empire as a force capable of ensuring peace in the Caucasus.

Keywords: newspaper "Kavkaz", armed confrontations, Dagestan, imperial politics, crisis resolution, propaganda

***For citation**: Mkrtchyan N.A. Features of the coverage of individual episodes of the armed conflict in Dagestan in the second half of the 40s-50s of the XIX century in the publications of the authors of the newspaper "Kavkaz". Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 200 – 210.*

The article was submitted: July 18, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Появление на Кавказе М.С. Воронцова ознаменовало собой активизацию усилий России по распространению в регионе своих порядков. Накопленный к середине 40-х гг. XIX в. опыт позволял внести существенные коррективы в выбранный курс по усмирению «немирных» горцев, сумевших выработать достаточно эффективные способы противостояния могущественному противнику. Пользовавшийся доверием государя опытный администратор и военачальник получил необходимые полномочия, чтобы успешно преодолеть кризис в российской политике в крае, применив для этого самые разные, но при этом дополняющие друг друга меры воздействия на ситуацию [3].

Среди них большое значение придавалось методам силового давления на неприятеля, без которого все остальные способы умиротворения Кавказа были тщетны. Среди наиболее значимых проблемных территорий выделялся Дагестан, в котором и зародилось движение мюридизма, поставившее под угрозу власть империи и на сопредельных землях. Труднодоступная горная местность, населенная воинственными обществами, станет одним из приоритетов в планах российского командования на ближайшие годы. Именно на примере Дагестана в немалой степени будут оцениваться успехи и неудачи нового наместника. Отсюда и повышенный интерес к информации, позволявшей получить представление о происходящих здесь событиях.

Материалы и методы исследований

Для анализа использовались материалы газеты «Кавказ» за 1846-1859 гг., включающие 256 публикаций, из которых 95 касались операций в Дагестане, 85 – в Чечне и Ингушетии, 76 – событий Западного Кавказа, что позволило реконструировать медийное освещение военно-политического противостояния на Северо-Восточном Кавказе и выявить доминирующие идеологические установки редакции. Методологическая основа исследования сочетала количественный и качественный подход: подсчет упоминаний ключевых российских командиров и лидеров горского сопротивления позволял оценить редакционную селективность и персонификацию власти, а содержательный анализ публикаций выявлял стратегии формирования образов «героя» и «антигероя», акцент на военных успехах, минимизацию провалов, создание негативного образа противника и использование средств героизации, контрастного нарратива и иронии. В качестве дополнения к газетным данным учитывались мемуары и исследования отечественных и зарубежных авторов, что обеспечивало сопоставление современных Воронцову и Барятинскому источников с послезнанием историков, позволяя оценить как фактический ход событий, так и восприятие их российской общественностью, а также эффективность методов идеологического воздействия.

Результаты и обсуждения

Князь М.С. Воронцов, понимавший значение влияния пропаганды на умонастроения подданных империи, стремился не отдавать освещение столь важной проблемы на откуп слухам и формировать общественное мнение с помощью подконтрольных местной администрации средств массовой информации. Как нельзя лучше для этого подходила газета «Кавказ», издававшаяся с 1846 г. в Тифлисе и своим появлением обязанная наместнику [15].

В дальнейшем перипетии военно-политического противостояния на Северо-Восточном Кавказе будут достаточно скрупулезно отображены в многочисленных мемуарах и изучены в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. В них выделены наиболее значимые с точки зрения достигнутых результатов события. Но это будет оценка, в немалой степени опирающаяся на послезнание, в то время как современники, за исключением немногочисленного числа лиц, имевших доступ к расширенному пласту инфор-

мации в силу своего служебного положения, такой возможности не имели. Изучая газетные публикации, мы можем реконструировать уровень понимания сути происходящих событий той частью общества, которая непосредственно не была вовлечена в вооруженную борьбу. Это позволит выяснить, какие идеологические аспекты считались первостепенными по своей значимости и как они отражались на страницах региональной прессы.

Военный дебют М.С. Воронцова, связанный с походом в селение Дарго, оказался неудачен, но послужил уроком как для самого главнокомандующего, так и для Петербурга, окончательно признавшего необходимость предоставить князю самую широкую автономию [13]. Российское командование не отказалось от практики штурма горских селений, но теперь больше внимания уделяло защите своих коммуникаций от нападений противника. В отличие от Чечни, где мюриды в случае опасности покидали аул, зная, что смогут легко восстановить разрушенные деревянные жилища, жители Дагестана отчаянно сражались за свои каменные сакли. Отсюда и упорство сторон в обороне и захвате этих по сути своей крепостей, позволявших контролировать всю близлежащую округу.

Шамиль стремился сохранить инициативу в борьбе против царских войск, вторгаясь в те территории, которые не подчинялись имамату. Осенью 1846 г. он захватил ряд аулов Акушинского общества, устроил нападения в пределы Мехтулы и шамхальства тарковского. Благодаря энергичному противодействию со стороны российской армии и отсутствию со стороны местного населения массовой поддержки мюридов они в итоге вынуждены были отступить, не достигнув желаемого [17].

Следующие три года, по словам Н.И. Покровского, для Дагестана стали периодом «ярко выраженной борьбы за укрепленные пункты, борьбы, в которой наступающей стороной являлись преимущественно русские войска». В результате были захвачены селения Салты (1847 г.) и Гергебиль (1848 г.) которые стоили и русским, и горцам больших потерь. К Гергебилю царскому командованию приходилось подступаться дважды и широко применять артиллерию, без которой захватить эту твердыню долго не удавалось [14]. В свою очередь, Шамиль в сентябре 1848 г. попытался занять крепость Ахты, но ее гарнизон и часть сочувствующих России горцев отразили его натиск и дождались подкрепления. К числу неудач кавказского командования следует отнести осаду аула Чох в июле – августе 1849 г. Несмотря на его значительные разрушения, гарнизон сумел удержать свои позиции, а отряд М.З. Аргутинского отступил.

В дальнейшем усилия российского командования оказались сосредоточены на Чечне, которую справедливо считали житницей имамата. Это, впрочем, не означало, что боевые действия в Дагестане полностью затихли. Известный наиб Хаджи-Мурат в июне 1850 г. совершил набег на стада, принадлежавшие мехтулинцам, но был настигнут преследователями и лишился добычи. И в дальнейшем он занимался подобной «промысловой деятельностью», которая не столько имела военное значение, сколько работала на героический имидж предводителя в глазах горцев, ценивших удачливость и храбрость.

Пока российские войска действовали в Чечне, имам Шамиль пытался расширить свое влияние на дагестанские народы. Его отряды действовали в Казикумухе, пытались поднять против русских жителей Кайтага и Табасарани. Но искомой поддержки мюриды не получили, и их действия в итоге стали обычными набегами за добычей. Неудачи явно поколебали верность Шамилю, и даже среди его наибов усилились оппозиционные настроения. Следствием этого стало бегство к русским Хаджи-Мурата, считавшегося одним из наиболее талантливых военных предводителей в имамате. В дальнейшем число противников имама из его недавних соратников будет только возрастать.

Начавшаяся Восточная (Крымская) война приостановила успешное наступление российской армии против «немирных» горцев. И даже внешне эффектный набег мюридов на Кахетию в 1854 г. серьезных военных последствий не имел [20]. А когда Россия заключила в 1856 г. Парижский мир и вновь сосредоточилась на решении кавказского вопроса, имамат оказался обречен. К весне 1859 г. Чечня окончательно была покорена, и силы русской армии устремились в Дагестан. Последним приютом имама стал аул Гуниб, где он и сдался на милость победителю с немногочисленными сохранившими преданность приближенными [1].

Описанные события в разной степени нашли отражение в газете «Кавказ», пытавшейся удовлетворить естественный интерес своих читателей к драматическому противостоянию в крае. Начиная с первого номера и вплоть до октября 1859 г. было выявлено девяносто пять сюжетов, относящихся к событиям вооруженного противостояния в Дагестане. Примечательно, что зачастую на страницах издания говорилось о второстепенных эпизодах развернувшейся борьбы, а ряд ярких эпизодов не попал в поле зрения авторов. Нам представляется, что причиной подобной «избирательности» стала не политика цензуры, а сложность адекватной

оценки того или иного события. Требовалось время, чтобы разобраться в последствиях происходивших процессов.

Тем не менее внимание к событиям в этой части Кавказа следует признать устойчивым, и даже на фоне успехов сторонников мюридизма редакция не пыталась замалчивать происходящие здесь столкновения. Интересно представлено освещение в газете упорной борьбы за селение Гергебиль. Уже в конце июня в газете «Кавказ» встречается упоминание о безуспешном нападении мюридов на отряд генерал-лейтенанта Аргутинского-Долгорукова, прикрывавшего движение основных сил войска. В заметке подчеркивалась умелое командование начальника левого фланга Кавказской линии, храбрость, решительность и дисциплинированность его подчиненных. Другим героем сообщения стал генерал-лейтенант В.О. Бебутов, который занял селение Ходжал-Махи и сумел избежать потерь от эпидемии, которая в высокогорных аулах не проявилась [4]. Безусловно, представленный материал подвергался военной цензуре. Болезненные потери и фактический провал задуманной операции не были удостоены внимания автора. Но сам факт отражения происходящих событий позволяет оценить редакционную политику издания как вполне отвечающую существующим реалиям и настроенную на удовлетворение интереса в обществе к такой информации.

Исследователь Х.А. Касумов отмечает, что в условиях продолжительного конфликта региональная периодическая печать находилась в определенном «подчинении» российского командования [11]. По этой причине некоторые неоднозначные или не самые успешные военные эпизоды изданием освещались опционально. В сложившихся обстоятельствах такой подход видится вполне оправданным и, что примечательно, практикуется и в наше время. Подобные информационные технологии формирования имиджа (позиционирование, убеждение и внушение) позволяют построить образ и направить его восприятие в нужное русло посредством понятных и благоприятных категорий [21].

Использование таких методов работы с информацией свидетельствует о высоком уровне мастерства сотрудников издания, которые не умолчали о событии, отдав его на откуп паническим слухам, а подали его с наиболее выигрышной для поддержания авторитета армии стороны.

Вторая попытка занятия Гергебиля состоялась в начале июня 1848 г., и спустя месяц подробности осады уже приводились на страницах газеты [8]. Судя по имеющимся подробностям, журналиста явно ознакомили с официальными отчетами командования, постаравшегося преподнести завершившееся сражение в выгодном для себя изложении. Фигурировали имена участников битвы, причем назывались как российские командиры (полковник Барятинский, майор Саймонов), так и представители горской стороны (Хаджи-Мурат), хорошо знакомые читателям газеты. Из статьи становилось известно, что войска под командованием полковника А.И. Барятинского отразили одновременную вылазку неприятельского гарнизона и отряда под предводительством Хаджи-Мурата. Хотя силы горцев удостоились несколько уничижительно-пренебрежительной оценки («большая толпа»), но от читателя не скрывали, что действовали они организованно, и это никак не соответствовало такой характеристике. Возможно, здесь мы сталкиваемся с примером «эзопова языка», практиковавшегося отечественными публицистами, стремящимися обойти цензуру и объективно оценить происходящие события. В результате сражения с участием батальона Дагестанского полка под командованием майора Саймонова потери противника оценивались в 300 человек. Горцы не смогли вынести все тела павших и брошенное на поле боя оружие. Участники столкновений прекрасно знали, что такие случаи встречались крайне редко, и произошедшее свидетельствовало о панике, поразившей ряды мюридов. В числе убитых автор выделял одного наиба и главного кадия Аварского.

Для сравнения упоминалось о том, что императорские войска потеряли убитыми и раненными до 140 человек, 9 раненных офицеров. Такая статистика демонстрирует масштаб сражения, величину его значения и уровень интенсивности.

В финале описания покорения Гергебиля подчеркивается, что всё это происходило на глазах у имама Шамиля, который, «как и в прошлом году, при Салтах, был свидетелем потери укрепления, объявленного им недоступным». Не без язвительности в адрес сбежавшего гарнизона читателю напоминали о том, что мюриды обещали «умереть скорее, нежели оставить Гергебиль», но не сдержали своего слова. Для местных реалий и психологии населения был важен символизм, факт личного присутствия главы мюридов, что понимали и авторы «Кавказа». Результат нередко оценивался не столько потерями и занятыми территориями, сколько личным участием в битве первых лиц противоборствующих сторон.

Воинское мастерство отдельных командиров также заслуживало похвалы, что в комплиментарных выражениях и доводилось до сведения читателей. Сочли необходимым подчеркнуть, что завершение осады Гергебиля обошлось «без всякой

с нашей стороны потери». Командование берегло солдат и предпочло выбивать силы неприятеля огнем артиллерии. Горцы не выдержали натиска и вынуждены были скрыться, воспользовавшись темнотой.

Наиболее часто автор этой публикации выделяет фигуры генерал-лейтенанта князя М.З. Аргутинского-Долгорукова (2 упоминания) и главнокомандующего М.С. Воронцова (2 упоминания). В материале также выделяются фигуры князя В.О. Бебутова (1), барона Э.К. Деллингсгаузена (1), будущего наместника А.И. Барятинского (1), начальника артиллерии Э.В. Брюммера (1), майора Соймонова (б.и.) (1), полковника Н.И. Евдокимова (1), князя Г.Д. Орбелиани (1), барона Л.П. Николаи (1).

Покорение Гергебиля выделялось по нескольким причинам, связанным как с военной, так и с информационной политикой того времени. Во-первых, Гергебиль имел стратегическое значение для обеих сторон, так как овладение этим аулом открывало путь к дальнейшему продвижению российских войск в Дагестане. Во-вторых, несмотря на то, что пресса очень выборочно осветила первую экспедицию в этот аул, его окончательное покорение стало важной вехой в многолетнем конфликте, что позволило авторам привести подробности похода, опираясь на официальные отчеты командования. Тем не менее даже после успешного штурма редакция ограничилась одной публикацией, что, может быть, связано с нежеланием акцентировать внимание на трудностях и потерях, которые сопровождали обе попытки.

Невозможно обойти стороной одну из наиболее успешных военных операций этого периода, которая во многом способствовала окончательному покорению Гергебиля, – поход на дагестанский аул Салты, расположенный на реке Кара-Койсу. Освещению благополучной экспедиции в издании посвятили несколько выпусков. Первый эпизод в череде публикаций затрагивает материал о противостоянии войск имамата и Самурского отряда, которое произошло в ночь с 6 на 7 августа [5]. Ущерб, нанесенный российской армии, оценивается как «ничтожный». В следующем номере была опубликована развернутая статья о военных действиях двух последующих дней. Описывая поход главнокомандующего на высоты, занятые неприятельскими отрядами под начальством Абакер Аджи и Муссы Белаканского, и действия роты дагестанского пехотного под начальством полковника Евдокимова, редакция в очередной раз выражает восхищение храбростью, решительностью командования и военнослужащих и определяет их действия как доказательство того, что «в открытом бою, несмотря на те ущелья и скалы, где они (горцы) гнездятся, их всегда ожидает поражение при встрече с нами» [6]. Сам факт использования таких негативно окрашенных слов, как «гнездиться», по отношению к неприятелю свидетельствует о попытке психического кондиционирования – способа формирования у определенных социальных групп негативного отношения к противнику [12].

Уже в газете № 39 от 29 сентября на первой полосе был размещен материал, в котором сообщалось о благодарственном молебне в Сионском кафедральном соборе по случаю взятия аула Салты и уничтожения его гарнизона. Следующая статья в этом же номере сообщает подробности этого события. Подчеркивалось, что командование берегло жизни своих солдат и офицеров и не бросало их в кровавые штурмы. Вместо этого селение было блокировано, что вызвало «затруднение гарнизона в добывании воды из ближних садов и пресечение по возможности всех дорог, по коим хотя бы несколько вьюков с провиантом могли входить к осажденным».

Критерий потерь становился главным мерилом успешности проведенной операции, и авторы материалов стремились подчеркнуть несопоставимость этих показателей у горцев и русских. Фактор воздействия на умонастроение населения становился одним из приоритетов в планах командования, а потому, подчеркивая, что Шамиль потерял «лучших людей из всех обществ и почти всякой деревни в стране ему подвластной» [7], автор подводил читателя к мысли об утрате имамом доверия среди местных жителей. Оценивая значение покорения Салтов, автор подчеркивает, что «взятие и истребление сего аула обеспечивает навсегда линию покорной нам части Дагестана от непокорной».

В отличие от других крупных военных акций, действующих лиц упоминается не так много. Помимо главнокомандующего князя М.С. Воронцова (2 раза), встречаются только генерал-лейтенант князь Аргутинский-Долгорукий (2 раза), полковник Н.И. Евдокимов (1 раз) и поручик Карамзин (1 раз). Примечательно, что, несмотря на небольшой список участников, автор преследует некую иерархию – от главнокомандующего до простого поручика. В данном случае освещение взятия аула было сфокусировано не столько на личностях, сколько на факте победы и ее стратегическом значении. Небольшое количество упомянутых фамилий на контрасте с подробным описанием хода осады и последствий действий Шамиля свидетельствует о том, что авторы стремились представить событие в большей степени как результат систем-

ных усилий и эффективной военной стратегии, а не как подвиг отдельных героев.

Новую славу русского оружия увенчала защита самурского укрепления Ахты в 1848 году. Информация об этих событиях появилась в газете «Кавказ» лишь к 30 октября [10]. Публикация характеризовала защиту укрепления как «блистательнейший геройский подвиг русских на Кавказе», причем редакция особо ручалась за достоверность сведений. Материал начинался с описание сентябрьского выдвижения многочисленных неприятельский отрядов к Самурскому округу, которым противостоял полковник Рот с гарнизоном и милицией. Среди главных предводителей горских сил выделялись наибы Хаджи-Мурат и Даниель-Бек. В статье не скрывалось тактическое мастерство противника: прибывший Шамиль организовал возведение баррикад у реки Ахтычай. Автор признавал эффективность этой меры, отмечая, что «завал, в скорости поднялся на такую высоту, что неприятель мог за ним скрываться невредимо». Примечательно, что данный материал является одним из немногих, где открыто демонстрируется отчаянное положение осажденного гарнизона. Потери русских упоминаются уже в середине повествования, без традиционного сопоставления с уроном неприятеля. Особенное внимание уделяется фигуре командира гарнизона. Сообщалось, что тяжело раненный полковник Рот передал командование капитану Новоселову, напутствовав офицеров держаться «до последней крайности» и взорвать пороховые погреба в случае падения крепости. Нарратив публикации подробно описывает драматизм обороны: взрыв 400 пудов пороха и артиллерийских припасов унес жизни штабс-капитана Байдакова и 30 нижних чинов. Атмосфера седьмого дня осады передана предельно реалистично: полуразрушенные казармы, заваленные ранеными, груды непогребенных тел и женщины с детьми, ищущие укрытия. Этот «ужасный вид» контрастировал с непоколебимостью защитников, вдохновленных речью полковника, Рота о долге «не щадить жизни за Царя». Автор резюмирует этот эпизод патетически: «Защита была в руках героев!» В отличие от многих аналогичных публикаций, здесь подчеркивается численное и тактическое превосходство горцев. Однако именно этот контраст позволяет авторам ярче изобразить исключительную жертвенность русских солдат и офицеров, таких как погибший поручик Щекин и раненый капитан Новоселов. «Бой ужасен!» – таким восклицанием завершается часть, в которой рассказывается о попытке окончательного захвата крепости горцами. Исследователь Н.Б. Руженцева отмечает, что внутритекстовое использование образа врага в сочетании с образом защитника имеет глубокие национальные корни, уходящие в фольклорную традицию. Воздействие, направленное на возбуждение чувства патриотизма, в первую очередь связано с созданием целостного образа защитника России [18].

В 1851 году редакция опубликует «Рассказ об осаде укрепления Ахты» – воспоминания непосредственного участника событий, капитана Семена Новоселова, удостоенного за оборону высоких наград [19]. Это повествование не только содержало дополнительные детали обороны укрепления, но и знакомило читателей с личностями непосредственных защитников Ахтов, их семьями, разделившими все тяготы обороны, теми горцами, которые сохранили верность России и остались в крепости, и, конечно же, с судьбой самого капитана Семена Новоселова. Все участники героической обороны укрепления были награждены императором. Автор мемуаров получил Георгиевский крест, был удостоен чина майора и стал подполковником. В эпизоде с защитой Ахтинского укрепления авторы привели наибольшее количество фамилий участников сражений, среди них были не только командующие и офицеры, но также и рядовые и нижние чины. Таким образом, редакция делает упор на значимость каждого, кто проявил храбрость в таких сложных и кровопролитных сражениях.

Освещение Ахтинской защиты стало наглядной иллюстрацией изменения редакционной политики издания. Если в случае с Даргинской экспедицией большое количество жертв, отрицательные или сомнительные результаты просто замалчивались, то теперь публикации о тяжелых боях и понесенных потерях допускались, что подчеркивало верность долгу и готовность Кавказской армии к самопожертвованию. Место краткой официозной реляции заняли развернутые очерки, мемуары, элементы хроники. Издание начинает откликаться на потребность читательской аудитории в необезличенных историях и реалистичных подробностях.

Чтобы увидеть, насколько тщательно в газете освещались военные события, мы свели все публикации за 1846-1859 гг. в три укрупнённых блока: военные сюжеты (донесения с Кавказской линии, описания походов, списки награждённых, мемуары участников) – 267 публикаций; материалы культурно-образовательного характера (этнография, археология, литература, культурные события) – 153 публикации; социально-экономические сюжеты – 67 публикаций. Ниже приведена сравнительная таблица, в которой отражена процентная доля в объёме публикаций за весь период.

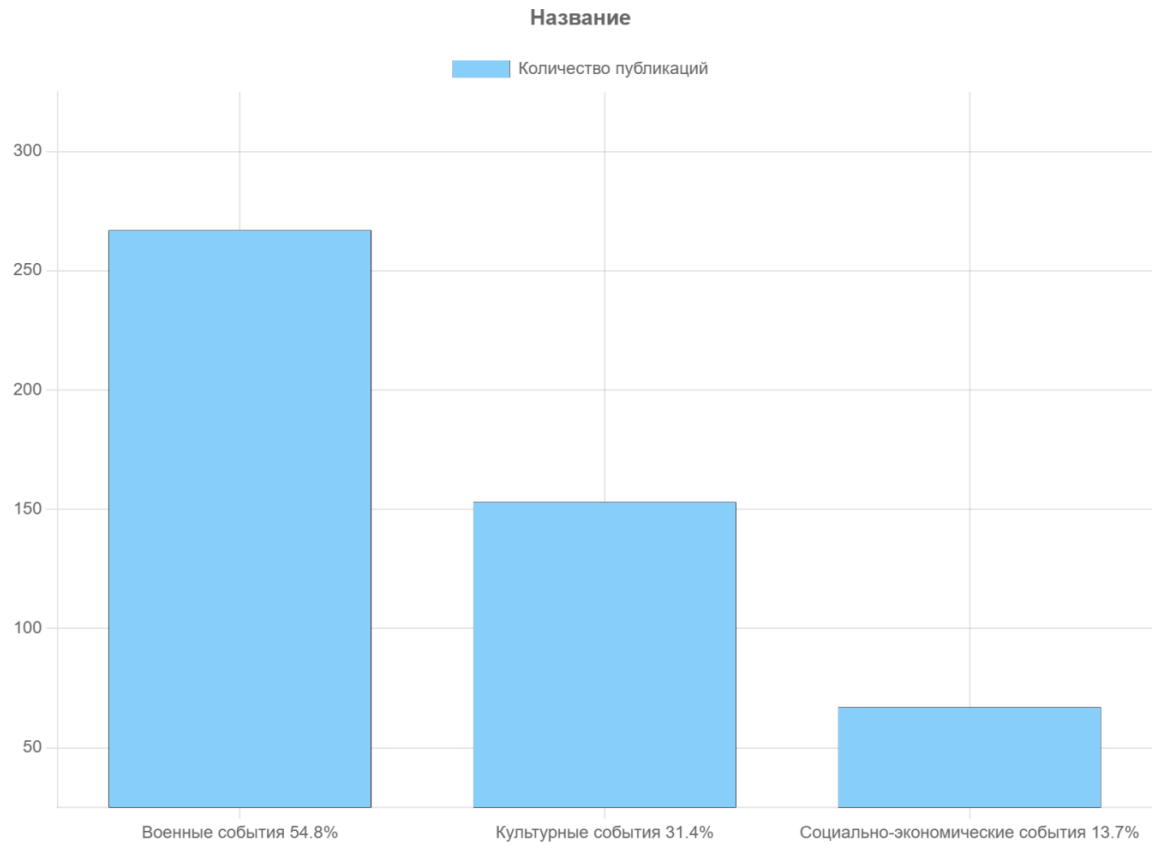


Рис. 1. Соотношение публикаций о военных событиях к прочим сюжетам.
Fig. 1. Ratio of publications about military events to other topics.

Таблица подчеркивает селективность редакционной политики: военные материалы использовались для легитимизации колониальной экспансии, тогда как другие темы дополняли повествование, но не противоречили основной пропагандистской цели – укреплению имперского имиджа. Прежде чем переходить к числам, важно разобраться, как «Кавказ» распределял внимание к событиям внутри самого театра войны. Если общая доля военных публикаций показывает, «сколько» писали о войне, то географический срез отвечает на вопрос – где именно, по мнению редакции, эта война велась. На диаграмме ниже мы свели все военные материалы 1846-1859 гг. к трем условным зонам: Дагестан и прилегающие горные общества; Чечня и Ингушетия; Западный Кавказ (Черкесия, Абхазия, побережье).

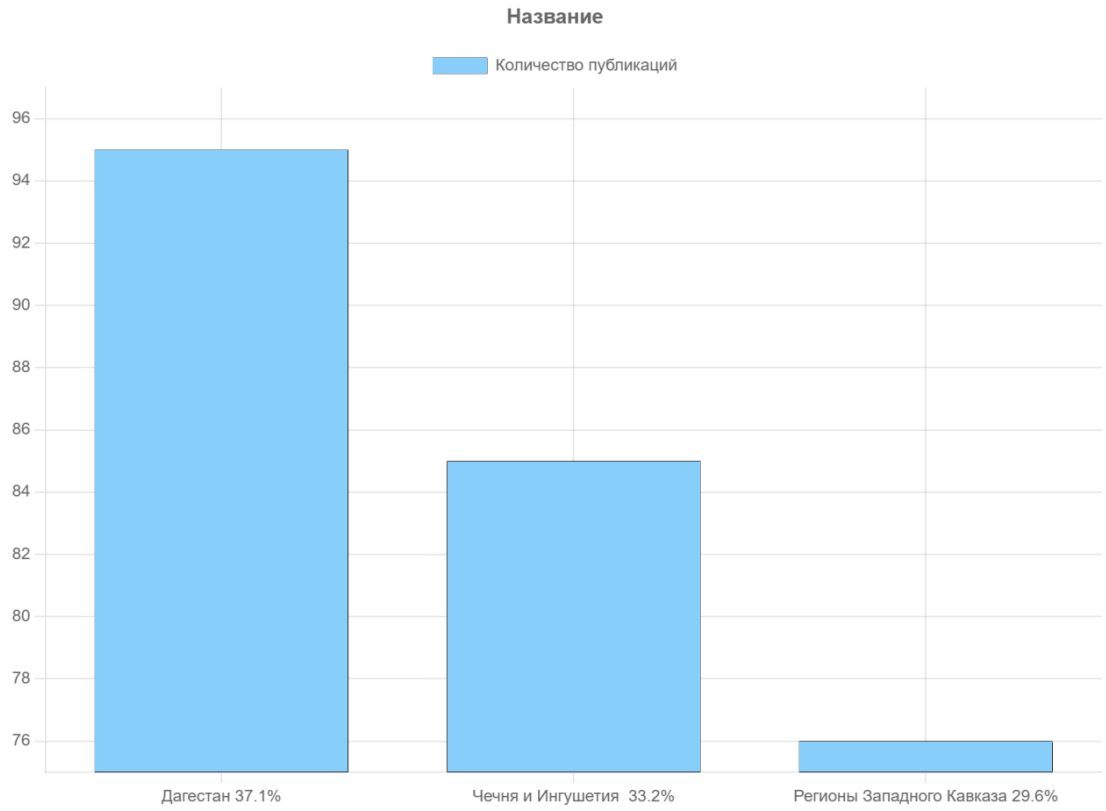


Рис. 2. Соотношение публикаций по регионам.
Fig. 2. Ratio of publications by region.

Анализ публикаций показал, что вплоть до 1859 года (пленения лидера мюридов Шамиля) публикации авторов в большинстве были посвящены событиям в Дагестане и Чечне. С 1846 по 1859 год практически всё внимание редакции было сконцентрировано на военных акциях Северо-Восточного Кавказа. Из 256 публикаций 95 было посвящено операциям в Дагестане, 85 – в Чечне и Ингушетии, а 76 – событиям Западного Кавказа.

Штурмом последней резиденции Шамиля – аула Гуниб – завершилось противостояния на Северо-Восточном Кавказе. Повествованию об одном из главных событий кавказских войн посвящены материалы пяти номеров [9]. Авторы описывают движение трех главных отрядов – Чеченского, Лезгинского и Дагестанского в долину Андийского Койсу. Соответственно, главными действующими лицами выступали их начальники – генерал-лейтенант граф Евдокимов, генерал-майор князь Меликов, генерал-адъютант барон Врангель и, конечно, главнокомандующий А.И. Барятинский. Итоговые публикации, информирующие читателя об окончательной победе над мюридизмом и установлении мира «после 50 лет кровавой борьбы», начинаются с описания штурма, дислокации войск и предварительных работ. Решение наместника А.И. Барятинского остановить перестрелку с засевшими в Гунибе мюридами и предложение им сдаться авторы связали с желанием «не подвергать напрасно аул, в котором было столько женщин, и детей, всем ужасам штурма». В эпизоде со сдачей Шамиля в плен намерение имама характеризуется как «повержение своей судьбы милосердию Государя Императора». После статистики потерь со стороны императорских войск и перечисления полученных трофеев редакция подчеркивала, что геройский подвиг овладения Гунибом блистательно заключил «ряд беспримерных подвигов, совершенных в последнее время кавказскими войсками».

За охваченный нами период деятельности газеты «Кавказ» – с 1846 по 1859 г. – на страницах издания фигурировало множество совершивших военные подвиги героев. Но и среди них были свои лидеры, в частности, генерал-адъютант Н.И. Евдокимов, подвигам которого было посвящено 49 публикаций.

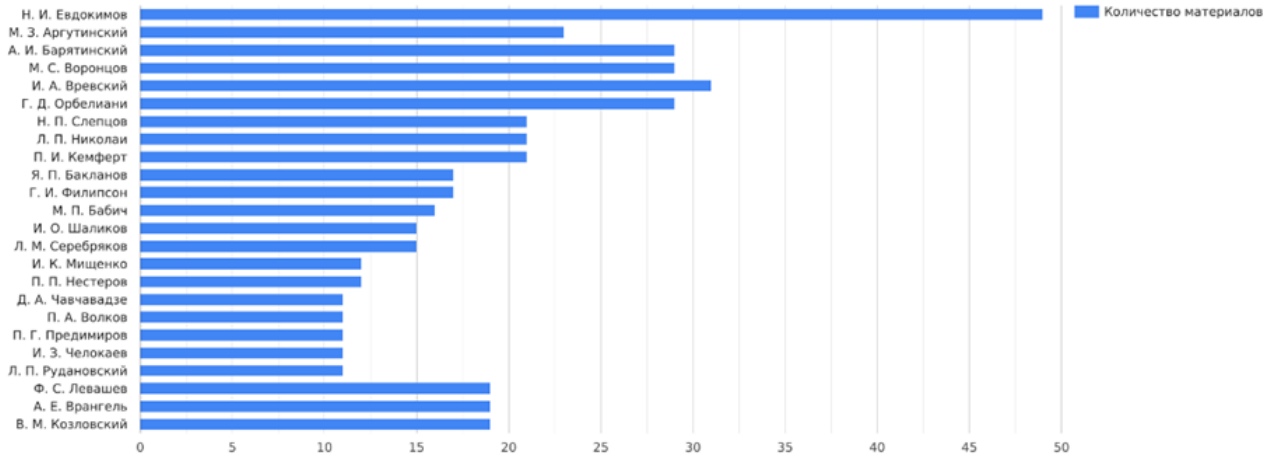


Рис. 3. Известные военачальники.
Fig. 3. Famous military leaders.

Среди наиболее известных военачальников авторы выделяли фигуры наместников М.С. Воронцова (29) и А.И. Барятинского (29), а также барона И.А. Вревского (31), генерал-лейтенанта Г.Д. Орбелиани (29), генерал-адъютанта М.С. Аргутинского-Долгорукова (23), генерал-майора Н.П. Слепцова (21), генерал-майора Л.П. Николаи (21 раз), генерал-лейтенанта П.И. Кемферта (21) и др. Упоминание лидеров горского сопротивления встречается в разы реже. Так, среди наибов имама редакция выделяла Хаджи-Мурата (4 раза), Гумбетовского наиба Абакар Дибира (2 раза), Дубу Вашиндароевского (2 раза), Талгика Шалинского, наибов Акиноского и Шатоевского (без упоминания имен), Ичкирийского наиба Муртазали, Наибов Анкрательских и Джурмутского (без упоминания имен), Адалова, Мола-Шахбана и Бакрак Али (2 раза), Лезгинского наиба Мелкума Раджаба, наибов Мехельтинского и Унцукульского, наиба Сильдинского Махама Хатиашвили, наибов Алхана и Хапцова, Гехи, Гебека, Шамхала и сына Шамиля Кази-Магомеда (2 раза). Сам горский лидер упоминался редакцией в 47 материалах. Действительно, полководческие способности и талант организатора позволили Шамилю стать символом горского сопротивления, а в глазах российской общественности – главным оппонентом. Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головин в письме к военному министру А.И. Чернышеву характеризовал Шамиля как «врага лютейшего и опаснейшего» [1].

Такой контраст в количестве упоминаний позволяет сделать ряд выводов о редакционной политике издания: во-первых, авторы стремились персонифицировать российскую власть посредством создания образа героя-покорителя. Этому свидетельствует лидерство генерал-адъютанта Н.И. Евдокимова, известного своими победами; во-вторых, соблюдался иерархический принцип упоминания – частота фигурирования фамилий российских военачальников коррелирует с их положением в военно-административной структуре. Наместники (М.С. Воронцов и А.И. Барятинский) и военачальники А.И. Вревский и Г.Д. Орбелиани упоминаются примерно одинаковое количество раз – 29/31; большая разница между частотой упоминаний российских военачальников и лидеров горского сопротивления (за исключением Шамиля) свидетельствует, с одной стороны, о попытках редакции деперсонализировать противника – обезличить его, зачастую представить горцев в образе анонимных антагонистов, возглавляемых отдельными личностями, а с другой стороны, может говорить об отсутствии достаточного количества информации о лидерах горского сопротивления. Эти пункты подтверждает статистика упоминания наибов – военачальников, на которых опиралась власть имамата.

Профессор В.Б. Петухов определял создание образа «героя» и «антигероя» в информационном пространстве как самый распространенный прием дифференциации базовых символических ценностей в общественном сознании. Так, логичным представляется тот факт, что на фоне низкой статистики упоминания воюющих горцев выделяется фигура их лидера – имама Шамиля. Это, несомненно, говорит о признании его ключевой роли в восстании региона и о попытке редакции изобразить в его лице того самого «антигероя» [16]. И если при описании действий императорских войск часто упоминается большое количество участников боевых действий – от простых солдат до офицеров, то при освещении вражеских операций наиболее узнаваемым остается имам Шамиль.

Выводы

Основными идеологическими установками редакции являлись укрепление имперского имиджа, героизация армии и ее командиров, демонстрация военной эффективности, минимизация собственных провалов, создание негативного образа неприятеля. Газета выступала проводником правительственной политики, стремясь представить Российскую империю как силу, способную обеспечить мир на Кавказе. Это достигалось через акцент на военных победах, на «цивилизаторской миссии» и демонстрации превосходства российских войск над «немирными» горцами. Акцент делался на личность командующего (например, М.С. Воронцова, А.И. Барятинского, Н.И. Евдокимова, М.С. Аргутинского-Долгорукова, В.О. Бебутова), выделялась их решительность, тактическая грамотность и мужество. Это создавало образ эффективного и непогрешимого руководства, способного преодолевать любые трудности. Успехи российских операций (взятие Гергебиля, Салтов, оборона Ахты) преподносились как неоспоримые доказательства превосходства имперской стратегии. Подчеркивались масштабы потерь противника и его неспособность удерживать ключевые пункты, что укрепляло идею неизбежности поражения горцев, которые изображались как отсталые и неорганизованные силы. Однако в некоторых случаях их упорство признавалось, чтобы подчеркнуть ценность победы («даже сильный враг был побежден»). Основными приемами пропаганды выступили селективность в подаче материалов, героический нарратив, контрастное изображение действительности и употребление иронии в адрес противника, а также политическое обоснование действий.

Список источников

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 376.
2. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. С. 601 – 607.
3. Дегоев В.В. Три силуэта Кавказской войны: А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский // Вестник института цивилизации. 2000. № 3. С. 67 – 116.
4. Кавказ. // 1847. № 26. С. 102 – 103.
5. Кавказ. // 1847. № 33. С. 130.
6. Кавказ. //1847. № 34. С. 135.
7. Кавказ. //1847. № 39. С. 153 – 154.
8. Кавказ. // 1848. № 29. С. 115.
9. Кавказ. // 1859. № 61 С. 335 – 337.
10. Кавказ. Ахты. // Кавказ. 1848. № 44. С. 174.
11. Касумов Х.А. Российская пресса и Кавказ в первой трети XIX века: информирование, просвещение, анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 83.
12. Кафтан В.В. Коммуникативные технологии конструирования «образа врага» в современных политических конфликтах // Политика развития, государство и мировой порядок. Сборник материалов VIII Всероссийского конгресса политологов 6-8 декабря 2018 г., Москва. М.: «Аспект Пресс», 2018. С. 252.
13. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Даргинская экспедиция 1845 г. и ее значение для планов российского командования // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. С. 52 – 57.
14. Овладение укрепленным аулом Салты в Дагестане в 1847 году // Б.м. 1847. 53 с.
15. Памятные даты по Ставропольскому краю на 2006 год. Ставрополь. Ставропольский хронограф на 2006 год: Краеведческий сборник. 2006. С. 4 – 17.
16. Петухов В. Б. Образы «героя» и «антигероя» в информационном пространстве противодействия терроризму.Ульяновск: Ул.ГТУ, 2014. С. 8.
17. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000. С. 415 – 416.
18. Рассказ об осаде укрепления Ахты // Кавказ. 1851. № 66. С. 269 – 270.
19. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. С. 145 – 146.
20. Виноградов В.Б. Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 183 – 184.
21. Судаков А.Ю. Политические технологии в формировании позитивного имиджа Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник ПАГС. 2008. № 3. С. 187.

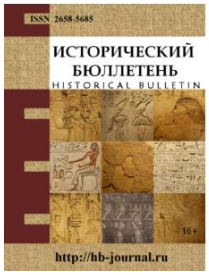
References

1. Bliev M.M., Degoev V.V. The Caucasian War. Moscow, 1994. P. 376.
2. Bliev M.M. Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. Towards Civilization. Moscow: Mysl, 2004. P. 601 – 607.
3. Degoev V.V. Three Silhouettes of the Caucasian War: A.P. Ermolov, M.S. Vorontsov, A.I. Baryatinsky. Bulletin of the Institute of Civilization. 2000. No. 3. P. 67 – 116.
4. The Caucasus. 1847. No. 26. P. 102 – 103.
5. The Caucasus. 1847. No. 33. P. 130.
6. The Caucasus.1847. № 34. P. 135.
7. The Caucasus.1847. № 39. P. 153 – 154.
8. The Caucasus. 1848. № 29. P. 115.
9. The Caucasus. 1859. № 61 P. 335 – 337.
10. The Caucasus. Akhty. The Caucasus. 1848. № 44. P. 174.
11. Kasumov H.A. Russian press and the Caucasus in the first third of the 19th century: information, education, analysis. Current problems of the humanitarian and natural sciences. 2013. № 4. P. 83.
12. Kaftan V.V. Communicative technologies of constructing the "image of the enemy" in modern political conflicts. Development policy, state and world order. Collection of materials from the VIII All-Russian Congress of Political Scientists, December 6-8, 2018, Moscow. Moscow: Aspekt Press, 2018. P. 252.
13. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. The Dargin Expedition of 1845 and its Significance for the Plans of the Russian Command. Scientific Problems of Humanitarian Research. 2009. No. 4. P. 52 – 57.
14. Capture of the fortified village of Salty in Dagestan in 1847. B.m. 1847. 53 p.
15. Memorable dates in Stavropol Krai for 2006. Stavropol. Stavropol chronograph for 2006: Regional studies collection. 2006. P. 4 – 17.
16. Petukhov V.B. Images of “Hero” and “Antihero” in the Information Space of Counteracting Terrorism. Ulyanovsk: Ul.GTU, 2014. P. 8.
17. Pokrovsky N.I. Caucasian Wars and the Imamate of Shamil. Moscow: “Russian Political Encyclopedia”, 2000. P. 415 – 416.
18. Story of the Siege of the Akhta Fortification. Caucasus. 1851. No. 66. P. 269 – 270.
19. Ruzhentseva N.B. Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse. Yekaterinburg, 2004. P. 145 – 146.
20. Vinogradov V.B. The North Caucasus from Ancient Times to the Early Twentieth Century (Historical and Ethnographic Essays). Pyatigorsk: PGLU, 2010. P. 183 – 184.
21. Sudakov A.Yu. Political Technologies in Shaping a Positive Image of the Armed Forces of the Russian Federation. Vestnik PAGS. 2008. No. 3. P. 187.

Информация об авторе

Мкртчян Н.А., аспирант, Пятигорский государственный университет, NareMK8@yandex.ru

© Мкртчян Н.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 94(100)

Динамика российско-египетских отношений: основные направления и региональное значение (2013-2025 гг.)

[1] Звягинцев Н.В.,
[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье рассмотрена динамика основных направлений развития в отношениях Российской Федерации и Арабской Республики Египет в период с 2013 по 2025 гг. Выделяются ключевые этапы двустороннего сотрудничества после прихода к власти в Египте президента Абдель Фаттаха ас-Сиси. Исследовательский интерес направлен на анализ результатов активизации многоплановых связей между двумя государствами, прежде всего в политической, экономической, энергетической и военно-технической сферах. Особое внимание уделено взаимодействию России и Египта в рамках Договора о всестороннем партнёрстве и стратегическом сотрудничестве (2018 г.), а также появлению новых драйверов сближения, обусловленных принятием Стратегии устойчивого развития Египта до 2030 года (2016 г.). Отмечается, что за указанный период отношения между Россией и Египтом приобрели устойчивый стратегический характер, основанный на равноправном и взаимовыгодном участии двух стран в реализации многоплановых инициатив и проектов, оказывающих значительное влияние на региональные и глобальные процессы.

Ключевые слова: Египет, Россия, международные отношения, «Договор о всестороннем партнёрстве и стратегическом сотрудничестве», Стратегия Египта – 2030, АЭС «Эль-Дабаа», энергетическое сотрудничество, региональная безопасность, военно-техническое сотрудничество, Восточное Средиземноморье

***Для цитирования**: Звягинцев Н.В. Динамика российско-египетских отношений: основные направления и региональное значение (2013-2025 гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 211 – 220.*

Поступила в редакцию: 19 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Dynamics of Russian-Egyptian relations: priorities and regional significance (2013-2025)

[1] Zvyagintsev N.V.,
[1] People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article reviews the dynamics of the main directions of development in relations between the Russian Federation and the Arab Republic of Egypt in the period from 2013 to 2025. It highlights the key stages of bilateral cooperation after President Abdel Fattah al-Sisi came to power in Egypt. The research focuses on analysing the results of the intensification of multifaceted ties between the two states, primarily in the political, economic, energy and military-technical spheres. Particular attention is paid to the interaction between Russia and Egypt within the framework of the Agreement on Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation (2018), as well as the emergence of new drivers of rapprochement due to the adoption of Egypt's Sustainable Development Strategy until 2030 (2016). It is noted that during the period in review, relations between Russia and Egypt became stable and

strategic in character, based on the equal and mutually beneficial participation of the two countries in the implementation of multifaceted initiatives and projects that have a significant impact on regional and global processes.

Keywords: Egypt, Russia, international relations, Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Agreement, Egypt's Strategy 2030, El Dabaa Nuclear Power Plant, energy cooperation, regional security, military-technical cooperation, Eastern Mediterranean

***For citation**: Zvyagintsev N.V. Dynamics of Russian-Egyptian relations: priorities and regional significance (2013-2025) Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 211 – 220.*

The article was submitted: July 19, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Отношения между Россией и Египтом носят стратегический, партнёрский характер. Связи между двумя странами имеют глубокие корни, основанные на многолетней дружбе и взаимопонимании. После хаоса, в который погрузился Египет в результате событий «Арабской весны», и свержения кратковременного правления «Братьев-мусульман», в июле 2013 года руководство страной взял в свои руки генерал Абдель Фаттах ас-Сиси, возглавив военное вмешательство с целью стабилизации внутриполитической обстановки. Новый президент Арабской Республики обозначил иной политический курс, направленный на укрепление безопасности и достижение региональной стабильности, что способствовало сближению с Российской Федерацией. В контексте укрепления российско-египетских связей период с 2013 по 2025 гг. является значимым этапом, который выводит современную историю отношений между странами на уровень стратегического партнёрства. Рассмотрение данного периода представляет существенный интерес для учёных-востоковедов и сохраняет свою актуальность, поскольку этот временной промежуток позволяет восполнить пробел, сформировавшийся в отношениях двух стран в позднесоветскую эпоху.

Материалы и методы исследований

В написании статьи применялись описательно-аналитический метод и системный подход с целью описания целостной системы международных отношений, в рамках которой рассматривались двусторонние отношения России и Египта. Сравнительный анализ, проблемно-хронологический, индуктивный и дедуктивный методы помогли сформулировать контекст сближения двух государств с учётом ключевых драйверов, точек соприкосновения интересов, проблем и перспектив. Метод контент-анализа позволил изучить материалы, опубликованные в СМИ и на различных официальных ресурсах.

Целью статьи является выявление значимых направлений двустороннего сотрудничества и определение их регионального значения. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть ключевые этапы сближения России и Египта в период с 2013 по 2025 гг.; исследовать роль основных совместных проектов (АЭС «Эль-Дабаа», Российская промышленная зона в Суэцком канале); чопределить основные драйверы укрепления отношений между государствами; оценить перспективы участия Египта в БРИКС, а также его возможность интеграции с ЕАЭС в рамках соглашения о зоне свободной торговли; проанализировать значение современных вызовов для отношений России и Египта, а также оценить дальнейшие перспективы.

Египет занимает роль ключевого игрока на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также является важным партнёром Российской Федерации в регионе, что предопределило исследовательский интерес к данной теме со стороны многих ученых-востоковедов. Среди авторов, внёсших значительный вклад в изучение российско-египетских отношений, необходимо отметить работы: В.В. Наумкина [1], В.А. Кузнецова [2], М.Л. Богданова [3], А.Б. Подцероба [4], В.Е. Титоренко [5], И.О. Абрамовой [6], А.А. Ткаченко [7], А.А. Емельянова [8], А.О. Филоник [9], В.П. Юрченко [10], Д.С. Крылова [11], С.Н. Волкова [12], Е.М. Савичевой [13], М.М. Агазаде [14], Е.С. Бирюкова [15], И.И. Ибрагимова [16], В.Ю. Скрябиной [17], О.Н. Мисько и А.Ш. Дарвиша [18]. Так, М.М. Агазаде и У.И. Мордвинцев в своей работе проанализировали динамику двустороннего взаимодействия в эпоху президентства Абдель Фаттаха ас-Сиси. Д.С. Крылов рассмотрел перспективы сотрудничества России и Египта в рамках интеграционных объединений. С.Н. Волков в своей статье подробно исследовал историю и современное положение экономических отношений двух стран. Е.С. Бирюков, И.И. Ибрагимов, В.Ю. Скрябина О.Н. Мисько и А.Ш. Дарвиш в своих работах рассмотрели перспективы интеграции Египта с ЕАЭС и создание зоны свободной торговли.

Результаты и обсуждения

Первые сигналы о возобновлении российско-египетских отношений начали появляться сразу после смены власти в Египте. В ноябре 2013 года состоялся знаковый визит главы МИД России Сергея Лаврова и министра обороны РФ Сергея Шойгу в Каир, в результате которого были возобновлены политическое и военно-техническое взаимодействия [19].

Отправной точкой российско-египетского сотрудничества стал визит Абдель Фаттаха ас-Сиси, являвшегося на тот момент министром обороны и военной промышленности АРЕ, в Россию в феврале 2014 года, незадолго до его избрания президентом в мае того же года [20].

Следующим важным шагом стал визит президента Российской Федерации Владимира Путина в Египет 10 февраля 2015 года. В рамках визита были подписаны три ключевых документа: 1) Соглашение о развитии проекта по строительству первой в Египте атомной электростанции «Эль-Дабаа»; 2) Меморандум о взаимопонимании в области привлечения инвестиций и строительства объектов инфраструктуры на территории Египта; 3) Меморандум о взаимопонимании о развитии инвестиционного сотрудничества. Подписание этих документов ознаменовало выход отношений двух стран «на новые рубежи сотрудничества» [21].

Подписание данных соглашений стало важным этапом укрепления отношений между Россией и Египтом, продемонстрировав высокий уровень доверия между странами, готовность развивать многоплановое сотрудничество.

Проект строительства АЭС «Эль-Дабаа» стал крупнейшей несырьевой сделкой, а также крупнейшим контрактом в сфере атомной энергетики за всю историю России, открыв новые возможности для Египта в обеспечении энергетической безопасности и технологического развития. Реализация данного совместного российско-египетского проекта осуществляется за счёт выделения российской стороной государственного кредита в размере 25 млрд. долларов США, что составляет 85% от общей стоимости строительства.

Помимо обеспечения страны стабильным источником энергии, введение в эксплуатацию четырёхблочной атомной станции позволит значительно стимулировать экономический рост, посредством создания новых рабочих мест, развития потенциала высокотехнологичных отраслей и снижения нагрузки на энергосистему в условиях бурного демографического роста. АЭС «Эль-Дабаа» позволит ускорить индустриальное развитие, подготовит новые национальные квалифицированные кадры в области атомной энергетики, и станет основой для появления новых промышленных кластеров на северном побережье Египта в регионе Марса-Матрух. Так, перспективным видится строительство заводов по опреснению морской воды, требующих большого потенциала энергоёмкости [22].

Проект сооружения атомной электростанции «Эль-Дабаа» во многом напоминает строительство Ассуанской плотины, введённой в эксплуатацию при поддержке Советского Союза в 1971 году. Сегодня этот проект также символизирует дружбу между двумя странами и подчёркивает стратегическую значимость двусторонних отношений.

Подписание соглашений в сфере привлечения инвестиций и развития инфраструктуры позволило Египту диверсифицировать внешнеэкономические связи, снизив зависимость от западных партнёров.

В период с 2015 по 2018 гг. российско-египетские отношения прошли период интенсивное укрепление всестороннего партнёрства. Этот период охарактеризовался активным военно-техническим сотрудничеством. Были заключены контракты на поставку 50 истребителей МиГ-29М/М2, ЗРС С-300ВМ в количестве трёх дивизионов, 46 ударных вертолётов Ка-52К, на общую сумму свыше 3,5 млрд. долларов США, а также нескольких десятков истребителей Су-35 на сумму более 2 млрд. долларов [23]. В октябре 2016 г. прошли совместные антитеррористические учения с участием десантных войск РФ и АРЕ «Защитники дружбы-2016», подобные учения между двумя странами проходили также в 2017, 2018, 2019, 2021 гг. [24].

С 2014 г. двумя странами активно обсуждалось создание Российской промышленной зоны (РПЗ) в Египте, в результате чего 23 мая 2018 г. было подписано Межправительственное соглашение о создании Российской промышленной зоны в Суэцком канале. На территории особой экономической зоны Суэцкого канала разрешены различные виды предпринимательской деятельности, в т.ч.: производственная, коммерческая, финансовая, страховая и посредническая [25]. В 2024 г. проведение проектных и инженерных работ на производственных площадках РПЗ было возобновлено после приостановки реализации проекта в 2020-2022 гг. из-за пандемии COVID-19. Проект направлен на формирование устойчивой базы для выхода российских компаний на рынки Ближнего Востока и Северной Африки. В этой связи значимым условием является ратификация Египтом Африканского соглашения о свободной торговле, позволяющее вести беспошлинную торговою по африканскому континенту [26]. Льготные условия налого-

обложения, низкие логистические издержки и отсутствие таможенных пошлин на ввозимое сырьё и материалы, необходимые для производства продукции в РПЗ, позволят российским компаниям эффективно осуществлять экспорт продовольствия, зерна, лесопродукции и сырья, а также наращивать объёмы высокотехнологичного производства. Как отмечают В.И. Белов и М.И. Эльсергани в своей работе, Россия является важнейшим партнёром для Египта, который обеспечивает растущие потребности страны в импорте критически необходимых продовольственных товаров и зерна, а также выступает важным элементом региональной архитектуры безопасности [27].

С 2015 г. Египет вовлечён в процесс подготовки соглашения о свободной торговле с ЕАЭС. В 2018 г. между Египтом и ЕАЭС был подписан рамочный документ, заложивший дальнейшую основу для переговоров о создании зоны свободной торговли и формировании правовой базы. Потенциальное соглашение о свободной торговле может способствовать значительному увеличению объёмов двусторонней торговли, привлечению доли иностранных инвестиций, а также развитию научно-технического сотрудничества между Египтом и ЕАЭС. В.Ю Скрябина и И.Э. Ибрагимов в своих работах отмечают важность формирования устойчивых зон свободной торговли для либерализации мировой экономики и развития международной торговли, а также укрепления интеграционных связей [28,29].

Важным этапом развития отношений двух стран стало подписание Договора между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о всестороннем партнёрстве и стратегическом сотрудничестве 17 октября 2018 г. в г. Сочи в ходе визита президента АРЕ А. Сиси. Договор официально вступил в силу 10 января 2021 г. [30]. Документ подчёркивает важную роль укрепления дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами в формировании справедливого и многополярного мироустройства, основанного на верховенстве права, равноправия всех членов мирового сообщества, безопасности и положений Устава ООН. Договор создаёт благоприятный контекст для развития диалога и многопланового сотрудничества, углубляет координацию на различных уровнях между Россией и Египтом в экономической, политической, культурной, образовательной, торговой, научно-технической и других областях. Ключевые статьи Договора образуют условия для обеспечения непрерывного диалога на высшем уровне и предусматривают: поддержание регулярного взаимодействия между министрами и руководителями ведомств двух стран, формирование Рабочей группы по борьбе с международным терроризмом, содействие контактам между Федеральным Собранием Российской Федерации и Палатой депутатов Арабской Республики Египет, сотрудничество и консультации в рамках ООН. Одним из важнейших пунктов Договора является закрепление практики обмена визитами президентов двух государств на регулярной основе, не реже одного раза в год, поочередно в Москве и в Каире.

Период с 2021 по 2022 гг. охарактеризовался спадом экономической активности, туризма и торговли во всём в мире в связи с пандемией COVID-19, что в значительной степени повлияло и на темпы развития многосторонних отношений между Россией и Египтом. Так, замедлились переговоры о создании зоны свободной торговли между Египтом и ЕАЭС, был заморожен проект российской промышленной зоны в Суэцком канале, а переговоры шли преимущественно в онлайн-формате.

После начала специальной военной операции на Украине (СВО) 24 февраля 2022 г. внешнеполитическая ориентация России сменила направление своей активности с Запада в сторону стран Востока и Глобального Юга. В контексте формирования новой архитектуры международных отношений Египет также, в свою очередь, сохранил приверженность прежним дружественным отношениям и, несмотря на внешнее давление, отказался от участия в антироссийских санкциях.

Вступление Египта в БРИКС стало важным этапом формирования многополярной архитектуры международных отношений. 1 января 2024 г. Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия разделили общую судьбу, став частью одного объединения. Стоит отметить, что руководство Египта ещё с 2013 г. демонстрировало устойчивый интерес к деятельности организации, видя в членстве широкий спектр возможностей для укрепления суверенитета и диверсификации внешнеэкономических связей. Президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси объявил о начале движения к интеграции на саммите БРИКС+ в 2017 г.

Отношения России и Египта при президентстве Владимира Путина и Абдель Фаттаха ас-Сиси демонстрируют нам устойчивое развитие и доверительный характер отношений. Значимым жестом со стороны Египетского руководства стал визит 9 мая 2025 г. президента Египта в Россию для участия в параде на Красной площади, посвящённом 80-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Как заявила член Египетского совета по иностранным делам, профессор политологии Нурхан аш-Шейх: «В настоящее время между Египтом и Россией стратегическое сотруд-

ничество в военной сфере. Участие египетских военных в параде было признаком или отражением этого» [31].

Следует отметить, что укрепление отношений между Россией и Египтом опирается на многоплановый формат сотрудничества, стимулирующий региональную динамику. Одной из важнейших целей этого сотрудничества является обеспечение региональной безопасности, направленной на борьбу с терроризмом, урегулирование на ливийском направлении и посредничество палестино-израильском конфликте. Совокупность экономических и торговых проектов, реализуемых и планируемых к реализации, опираются на позиционирование Египта в качестве «ворот в Африку», позволяющих эффективно наращивать экспорт, налаживать производство и логистику. В целом активизация российско-египетского сотрудничества позволяет двум государствам в перспективе оказывать заметное влияние на процессы, происходящие в регионе Восточного Средиземноморья, прежде всего в сферах торговли, энергетики, газодобычи и контроля над морскими коммуникациями.

При рассмотрении условий развития российско-египетских отношений в период с 2013 по 2025 гг. необходимо обратить внимание на вызовы, которые осложнили взаимодействие или замедлили темпы реализации ряда совместных проектов. Крушение российского пассажирского самолёта 31 октября 2015 г. в результате террористического акта унесло жизни 224 человек, находившихся на борту. Ответственность за теракт взяла на себя террористическая организация ИГИЛ (Террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ). Данная трагедия стала тёмным пятном в истории отношений между Россией и Египтом, авиасообщение между двумя странами возобновилось только 9 августа 2021 г. Ответом на террористическую атаку стали активизация двустороннего сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и проведение совместных военных учений «Защитники дружбы – 2016».

Экономическое положение Египта, характеризующееся высокой инфляцией, валютным кризисом, ростом цен, высоким уровнем безработицы, а также зависимостью от кредитов МВФ и международной помощи, является негативным фактором, который осложняет оплату совместных проектов. Тем не менее, российские компании стараются находить решения, позволяющие эффективно сотрудничать на равных условиях. Так, госкорпорация «Росатом» реализует строительство АЭС «Эль-Дабаа» за счёт выделенных российской стороной кредитных средств в размере 25 млрд. долл. США, что составляет 85% от общей стоимости работ. Выплачивать кредит Египет будет в течение 22 лет начиная с 2029 г., когда планируется завершение строительства АЭС и введение в эксплуатацию энергоблоков [32].

Конфликты в Ливии, Судане и Палестине, с которыми граничит Египет, являются важными эскалирующими факторами, оказывая влияние на региональную безопасность стабильность. Подобные угрозы безопасности подстёгивают общий уровень социальной и политической напряжённости, влияют на логистику, ценообразование, общественные настроения, увеличивают потоки беженцев и мигрантов в страну. В условиях данных конфликтов Россия стремится проводить политику «равной близости», сохраняя равную дистанцию со всеми сторонами конфликта и демонстрируя заинтересованность в политическом процессе с целью скорейшего урегулирования [33].

К значимым факторам, осложняющим течение российско-египетских отношений, можно отнести высокую конкуренцию за влияние в регионе между Россией, США, Китаем и странами Персидского залива. Египет имеет большую перспективу развития в силу своего бурного демографического роста и выгодного географического положения, открывающего пути к торговле по всей Африке. В этой связи Арабская Республика остаётся привлекательным партнёром для ряда мировых держав, стремящихся навязать выгодные им условия отношений.

В 2014 г. Египет и Китай подписали «соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве», предусматривающее сотрудничество в области обороны, технологий, экономики, борьбы с терроризмом и киберпреступностью. Во время визита Си Цзиньпина в Египет в 2016 г. был подписан ещё 21 договор, в том числе соглашение о китайских инвестициях в размере 15 миллиардов долларов в различные проекты. После запуска китайской инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. связи Египта с Китаем стали еще более значимыми [34].

Общий объём военной и экономической помощи США Египту в период с 2013 по 2021 гг. составлял более 1.3 млрд. долл. США ежегодно [35]. США предоставляют помощь Египту по следующим направлениям: продвижение демократии, борьба с терроризмом, обеспечение безопасности границ, а также поддержание американских систем, находящихся на вооружении у армии Египта.

В 2024 г. Египет заключил сделку на сумму 35 млрд долларов с Объединёнными Арабскими Эмиратами по развитию района Рас-аль-Хикма на

северо-западном побережье. Проект направлен на привлечение инвестиций, создание рабочих мест, развитие туристической и социальной инфраструктуры [36]. Также стоит отметить, что Египет занимает первое место в списке стран с непогашенным кредитом МВФ в размере 11,3 млрд долларов США, согласно данным на 1 апреля 2025 г. Зависимость страны от финансирования МВФ свидетельствует о трудностях в обеспечении финансовой и экономической стабильности [37].

В этой связи политика России выгодно выделяется долгосрочным характером направленности на проекты в сферах энергетической и продовольственной безопасности. В отличие от сугубо инвестиционной направленности США, Китая и стран Персидского залива в отношении Египта, Россия демонстрирует готовые решения в виде строительства АЭС «Эль-Дабаа», создания российской промышленной зоне в районе Суэцкого канала и расширения военно-технического сотрудничества. Все эти аспекты многостороннего партнёрства требуют постоянного вовлечения сторон и создания условий для поддержания долгосрочных и взаимовыгодных отношений.

С началом проведения специальной военной операции России на Украине (СВО) 24 февраля 2022 г. и установлением жестких антироссийских санкций российско-египетские отношения сохранились на высоком уровне. Однако, экономика Арабской Республики столкнулась с рядом сложностей из-за нарушения прежних логистических цепочек поставок российской и украинской пшеницы, которые обеспечивали до 80% потребности страны. Население Египта положительно настроено в отношении России, принимая во внимание большое наследие советско-египетских отношений. Египет не поддержал вторичные санкции против России, и, как отметил Д.С. Крылов в своей статье, тематика антироссийских санкций не эксплуатируется какими-либо серьезными политическими силами, в том числе потому, что основное внимание направлено на поддержание Египта в условиях глобальной турбулентности [38].

Выводы

Период с 2013 по 2025 гг. в истории российско-египетских отношений представил собой путь от дипломатии к стратегическому сотрудничеству. Проекты АЭС «Эль-Дабаа» и РПЗ в зоне Суэцкого канала сформировали прочный фундамент для сотрудничества на десятилетия вперёд, позволив создать тысячи рабочих мест, сформировать базу квалифицированных специалистов и стимулировать торгово-экономические процессы. Военно-техническое сотрудничество между двумя странами активно развивается, наполняясь многомиллиардными контрактами на поставку российской техники для нужд египетской армии. Совместные военные учения «Защитники дружбы», которые проводились на ежегодной основе, позволяют поддерживать высокую планку в обеспечении региональной безопасности и борьбе с международным терроризмом. Подписание договора о всестороннем партнёрстве и стратегическом сотрудничестве обеспечивает условия для непрерывного диалога на высшем уровне и предусматривают поддержание регулярного взаимодействия между президентами, министрами и руководителями ведомств двух стран.

Заданная траектория развития отношений между Россией и Египтом свидетельствует о перспективах в укреплении различных секторов сотрудничества. энергетического (АЭС «Эль-Дабаа»), торгово-экономического (российская промышленная зона, процесс подготовки соглашения о свободной торговле с ЕАЭС), транспортного (модернизация железных дорог совместно с РЖД), сельскохозяйственного (поставки пшеницы), военно-технического (поставки вооружения, проведение совместных учений), научно-образовательного (обучение специалистов-атомщиков совместно с МИФИ, реализация программы образовательной квоты на обучение в РФ), туристического (повышение турпотока) и культурно-гуманитарного (участие представителя Египта в интервидении) секторов.

Важным аспектом российско-египетского сотрудничества является работа по созданию условий для достижения договорённости о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Египтом. Данное условие позволит значительно увеличить экспортные возможности стран-членов ЕАЭС и выйти на рынки ряда африканских стран, с которыми Египет заключил соглашение о свободной торговле. Египет в рамках соглашения с ЕАЭС в свою очередь может получить возможность увеличения экспорта овощей, фруктов и текстильной продукции [39]. Также участие Египта в БРИКС и ШОС усиливает его позиции в качестве участника формирования новой многополярной системы международных отношений.

Список источников

1. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). НН, 2008. С. 15 − 80.

2. Попов В.В., Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? // Институт востоковедения РАН: Сборник статей. М.: ИВ РАН, 2012. С. 204 − 221; 580 − 589.

3. Богданов М.Л. Российско-египетские отношения на рубеже веков: тенденции, закономерности, перспективы // Азия и Африка сегодня 12 (667). 2013. С. 2 – 7.

4. Подцероб А.Б. Россия и Арабский мир // МГИМО МИД РФ, Институт востоковедения РАН. М.: МГИМО-Университет, 2015. 540 с.

5. Титоренко В.Е. Формирование внешней политики Египта после Г.А. Насера (1970-1993 гг.). М., 1994.

6. Абрамова И.О. Экономические реформы и перспективные направления деятельности российских коммерческих структур в Египте // Ближний Восток и современность. М.: ИИИиБВ, 2002. Вып. 13. С. 210 − 220.

7. Ткаченко А.А. Российско-египетское торгово-экономическое сотрудничество: состояние и перспективы развития // Ближний Восток и современность. М.: ИИИиБВ, 2004. Вып. 24. С. 115 − 120.

8. Емельянов А.А. Египет и ЕС: проблемы взаимодействия // Ближний Восток и современность. М.: ИБВ, 2007. Вып. 33. С. 127 − 138.

9. Филоник А.О. Проблемы российско-арабского делового сотрудничества // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. М.: ИИИиИБВ, 2001. С. 224 − 232.

10. Юрченко В.П. Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века). Ч. 2. М., 2007. С. 170 – 173.

11. Крылов Д.С. Перспективы российско-египетского сотрудничества в рамках интеграционных объединений (обзор) // Социальные новации и социальные науки. 2023. Т. 17. № 2. С. 46 – 57.

12. Волков С.Н. Российско-египетские экономические отношения: история и современность // Учёные записки Института Африки РАН № 2 (43). 2018. С. 23 – 37.

13. Савичева Е.М., Турекулова Ж.Е. Роль Суэцкого канала в контексте обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник РУДН, Серия Международные отношения. 2014. № 2. С. 75 – 83.

14. Мордвинцев У.И., Агазаде М.М. Российско-египетские отношения в эпоху правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 297 – 309.

15. Бирюков Е.С. Политика Египта по созданию зон свободной торговли и перспективы создания зон свободной торговли между Россией и Египтом // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1 (5). С. 55 – 64.

16. Ибрагимов И.И. Египет и ЕАЭС: новый формат экономического сотрудничества // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3 (56). С. 105 – 119.

17. Скрябина В.Ю. Экономический эффект от участия России в интеграционных процессах со странами дальнего зарубежья (на примере возможных последствий создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Египтом): автореф. Дис. Канд. Экон. Наук. М., 2019. 28 с.

18. Мисько О.Н., Дарвиш А.Ш. Российско-египетское сотрудничество в контексте перспектив Большого евразийского партнёрства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 46 – 57.

19. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Египта Н.Фахми. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/eg/1653197/

20. Владимир Путин принял первого вице-премьера Египта – министра обороны Абделя-Фаттаха ас-Сиси. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-02-13/51959-vladimir_putin_prinyal_pervogo_vitse_premiera_egipta_ministra_oborony_abdelya_fattaha_as_sisi

21. Белов В.И. Эльсергани М.И.М. Стратегия развития Египта на период до 2030 года и значение партнерства с Россией // Информация и инновации. 2022. Т. 17, № 2 С. 5-19. URL: journal.icsti.int›jour/article/download/171/183

22. Прохоров Н.А., Шибков С.Н., Гаврилов А.В., Пелагеечева Н.А. и др. Получение обессоленной и питьевой воды из морской для собственных нужд АЭС «Эль-Дабаа» (Угипет) // Атомная энергия. 2022. Т. 132. № 4. URL: https://www.j-atomicenergy.ru/index.php/ae/article/view/5180

23. Кожанов Н. Экспорт оружия даёт России новые рычаги влияния на Ближнем Востоке. URL: https://defence.mgimo.ru/?q=node/36899

24. Под Александрией завершаются российско-египетские учения – РИА Новости, 03.03.2020. URL: https://ria.ru/20161026/1479996756.html

25. Соглашение о создании и обеспечении условий деятельности российской промышленной зоны в экономической зоне Суэцкого канала. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53322/

26. Волков С.Н. О российской промышленной зоне в Египте. ИМЭМО РАН. URL: https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/o-rossiyskoy-promishlennoy-zone-v-egipte

27. Белов В.И. Эльсергани М.И.М. Стратегия развития Египта на период до 2030 года и значение партнерства с Россией // Информация и инновации. 2022. Т. 17. № 2 С. 5 – 19. URL: journal.icsti.int›jour/article/download/171/183

28. Скрябина В.Ю. Торгово-экономические отношения России и Египта: база для свободной торговли // Институт торговой политики НИУ ВШЭ. Торгово-политические приоритеты России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-rossii-i-egipta-baza-dlya-svobodnoy-torgovli/viewer

29. Ибрагимов И.Э. Египет и ЕАЭС: новый формат экономического сотрудничества // ИМЭМО РАН Межгосударственные отношения. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2022_03/14_Ibragimov.pdf

30. Договор между РФ и АРЕ о всестороннем партнёрстве и стратегическом сотрудничестве. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53509/

31. Эксперт прокомментировал участие Египта в параде Победы в Москве – РИА Новости. URL: https://ria.ru/20250511/ekspert-2016377222.html

32. Россия предоставит Египту кредит в $25 млрд на строительство АЭС. Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/business/634004

33. Kuznetsov V., Naumkin V., Zvyagelskaya I. Russia in the Middle East: The Harmony of Polyphony // Valdai Discussion club May 2018. URL: https://valdaiclub.com/files/18375/http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2019/DIEEEA31_2019PEDSAN_Rusia.pdf

34. The Growth of Chinese Influence in Egypt: Signs and Consequences | The Washington Institute. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/growth-chinese-influence-egypt-signs-and-consequences

35. Project MUSE – Struggles for Political Change in the Arab World URL: https://muse.jhu.edu/pub/166/oa_edited_volume/chapter/3243884/131234.htm

36. ئيس الوزراء: 24 مليار دولار سيولة مباشرة من مشروع رأس الحكمة URL: https://www.cairo24.com/1961190

37. Egypt's Debt to GDP Ratio | 2025 | Economic Data | World Economics URL: https://www.worldeconomics.com/Debt/Egypt.aspx

38. Крылов Д.С. Перспективы российско-египетского сотрудничества в рамках интеграционных объединений (обзор) // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 3. С. 94 – 104. URL: https://sns-journal.ru/ru/archive/ DOI: 10.31249/snsn/2023.03.05

39. Евразийский экономический союз: связи с внешним миром. Глава 5. С. 156-184. Спб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с. URL: https://eabr.org/upload/docs/EDBCentre2017_Monograph_Chapter205.pdf

References

1. Naumkin V.V. Islam and Muslims: Culture and Politics (articles, essays, and reports from different years). NN, 2008. P. 15 – 80.

2. Popov V.V., Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. The Middle East, the Arab Awakening, and Russia: What's Next? Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences: Collection of Articles. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2012. P. 204 – 221; 580 – 589.

3. Bogdanov M.L. Russian-Egyptian Relations at the Turn of the Century: Trends, Patterns, and Prospects. Asia and Africa Today 12 (667). 2013. P. 2 – 7.

4. Podtserob A.B. Russia and the Arab World. MGIMO, MFA of the Russian Federation, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow: MGIMO-University, 2015. 540 p.

5. Titorenko V.E. Formation of Egypt's Foreign Policy after G.A. Nasser (1970-1993). Moscow, 1994.

6. Abramova I.O. Economic Reforms and Promising Directions of Activity of Russian Commercial Structures in Egypt. The Middle East and Modernity. Moscow: IIIBV, 2002. Issue 13. P. 210 – 220.

7. Tkachenko A.A. Russian-Egyptian Trade and Economic Cooperation: Status and Development Prospects. The Middle East and Modernity. Moscow: IIIBV, 2004. Issue 24. P. 115 – 120.

8. Emelyanov A.A. Egypt and the EU: Problems of Interaction. The Middle East and Modernity. Moscow: IBV, 2007. Issue 33. P. 127 − 138.

9. Filonik A.O. Problems of Russian-Arab Business Cooperation. Russia in the Middle East: Goals, Objectives, Possibilities. Moscow: IIIiIBV, 2001. P. 224 − 232.

10. Yurchenko V.P. Military Policy and Military Development in the Countries of the Arab East (Late 20th – Early 21st Century). Part 2. Moscow, 2007. P. 170 – 173.

11. Krylov D.S. Prospects for Russian-Egyptian Cooperation within the Framework of Integration Associations (review). Social Innovations and Social Sciences. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 46 – 57.

12. Volkov S.N. Russian-Egyptian Economic Relations: History and Modernity. Scientific Notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences No. 2 (43). 2018. P. 23 – 37.

13. Savicheva E.M., Turekulova Zh. E. The Role of the Suez Canal in the Context of Ensuring Regional Security in the Middle East. RUDN University Bulletin, International Relations Series. 2014. No. 2. P. 75 – 83.

14. Mordvintsev U. I., Aghazade M. M. Russian-Egyptian Relations during the Reign of Abdel Fattah el-Sisi. Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. No. 3. P. 297 –309.

15. Biryukov E.S. Egypt's Policy on Creating Free Trade Zones and Prospects for Creating Free Trade Zones between Russia and Egypt. International Trade and Trade Policy. 2019. No. 1 (5). P. 55 – 64.

16. Ibragimov I.I. Egypt and the EAEU: A New Format of Economic Cooperation. Russia and the New States of Eurasia. 2022. No. 3 (56). P. 105 – 119.

17. Skryabina V.Yu. The Economic Effect of Russia's Participation in Integration Processes with Non-CIS Countries (Based on the Possible Consequences of Creating a Free Trade Zone between the EAEU and Egypt): Abstract of Cand. Sci. (Econ.) Cand. Sci. (Moscow), 2019. 28 p.

18. Misko O.N., Darwish A.Sh. Russian-Egyptian Cooperation in the Context of the Prospects of the Greater Eurasian Partnership. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 46 – 57.

19. Speech and Answers to Media Questions by Russian Foreign Minister S.V. Lavrov Following Talks with Egyptian Foreign Minister N. Fahmy. Russian Foreign Ministry. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/eg/1653197/

20. Vladimir Putin Received First Deputy Prime Minister and Defense Minister of Egypt Abdel Fattah el-Sisi. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-02-13/51959-vladimir_putin_prinyal_pervogo_vitse_premiera_egipta_ministra_oborony_abdelya_fattaha_as_sisi

21. Belov V.I. Elsergany M.I.M. Egypt's Development Strategy until 2030 and the Importance of Partnership with Russia. Information and Innovations. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 5 – 19. URL: journal.icsti.int›jour/article/download/171/183

22. Prokhorov N.A., Shibkov S.N., Gavrilov A.V., Pelageecheva N.A. and others. Obtaining desalinated and potable water from seawater for the needs of the El Dabaa NPP (Egypt). Atomic Energy. 2022. Vol. 132. No. 4. URL: https://www.j-atomicenergy.ru/index.php/ae/article/view/5180

23. Kozhanov N. Arms exports give Russia new levers of influence in the Middle East. URL: https://defence.mgimo.ru/?q=node/36899

24. Russian-Egyptian exercises near Alexandria conclude – RIA Novosti, 03.03.2020. URL: https://ria.ru/20161026/1479996756.html

25. Agreement on the creation and provision of conditions for the operation of a Russian industrial zone in the Suez Canal economic zone. Russian Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53322/

26. Volkov S.N. On the Russian industrial zone in Egypt. IMEMO RAS. URL: https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/o-rossiyskoy-promishlennoy-zone-v-egipte

27. Belov V.I. Elsergani M.I.M. Egypt's Development Strategy for the Period up to 2030 and the Importance of Partnership with Russia. Information and Innovation. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 5 – 19. URL: journal.icsti.int›jour/article/download/171/183

28. Skryabina V.Yu. Trade and Economic Relations between Russia and Egypt: A Basis for Free Trade. Institute of Trade Policy, National Research University Higher School of Economics. Trade and Political Priorities of Russia. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-rossii-i-egipta-baza-dlya-svobodnoy-torgovli/viewer

29. Ibragimov I.E. Egypt and the EAEU: A New Format of Economic Cooperation. IMEMO RAS Interstate Relations. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2022_03/14_Ibragimov.pdf

30. Agreement between the Russian Federation and the Arab Republic of Egypt on Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation. Russian Foreign Ministry. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53509/

31. Expert commented on Egypt's participation in the Victory Parade in Moscow – RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20250511/ekspert-2016377222.html

32. Russia will provide Egypt with a $25 billion loan for the construction of a nuclear power plant. Interfax. URL: https://www.interfax.ru/business/634004

33. Kuznetsov V., Naumkin V., Zvyagelskaya I. Russia in the Middle East: The Harmony of Polyphony. Valdai Discussion club May 2018. URL: https://valdaiclub.com/files/18375/http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2019/DIEEEA31_2019PEDSAN_Rusia.pdf

34. The Growth of Chinese Influence in Egypt: Signs and Consequences. The Washington Institute. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/growth-chinese-influence-egypt-signs-and-consequences

35. Project MUSE – Struggles for Political Change in the Arab World URL: https://muse.jhu.edu/pub/166/oa_edited_volume/chapter/3243884/131234.htm

36. URL: 24 URL: https://www.cairo24.com/1961190

37. Egypt's Debt to GDP Ratio. 2025. Economic Data. World Economics URL: https://www.worldeconomics.com/Debt/Egypt.aspx

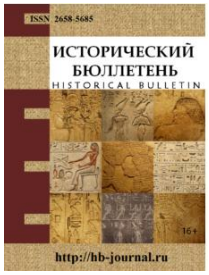
38. Krylov D.S. Prospects for Russian-Egyptian Cooperation within the Framework of Integration Associations (review). Social Innovations and Social Sciences. 2023. No. 3. P. 94 – 104. URL: https://sns-journal.ru/ru/archive/ DOI: 10.31249/snsn/2023.03.05

39. The Eurasian Economic Union: Relations with the Outside World. Chapter 5. P. 156 – 184. St. Petersburg: EDB Center for Integration Studies, 2017. 296 p. URL: https://eabr.org/upload/docs/EDBCentre2017_Monograph_Chapter205.pdf

Информация об авторе

Звягинцев Н.В., аспирант, Российский университетадружбы народов им. Патриса Лумумбы, i@nzviagintcev.ru

© Звягинцев Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47)

Военное противостояние России и Османской империи: к вопросу о систематизации учебного материала в школьном курсе истории

[1] Курков В.В.,
[1] Симакова В.Н.,
[1] Бункова А.В.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье рассматривается проблема систематизации значительного по своему объему и неизменно вызывающего сложности у учащихся (особенно в рамках итоговых испытаний на уровне ОГЭ и ЕГЭ) раздела школьного курса посвященного истории русско-турецких войн. Авторы статьи предлагают систематизировать тринадцать русско-турецких военных конфликтов путем выделения в их истории трех исторических этапов на основе анализа таких критериев как: общая характеристика состояния Османской империи и российского государства, позволяющая педагогу и учащимся оценить соотношение сил противоборствующих сторон на каждом этапе, обусловленная вышеуказанными факторами стратегия и тактика военного противоборства и сам ход военных действий, исторические итоги и последствия русско-турецкого противостояния. В итоге, в статье применительно к требованиям школьного курса, анализируются противоборство Московского царства с Османской империей в XVI – XVII вв., противостояние России и Турции с конца XVII в. и течении всего XVIII столетия, а также, позднеимперский этап противостояния двух великих держав в XIX – первых десятилетиях XX вв.

Ключевые слова: Османская империя, Россия, русско-турецкие войны, причинно-следственные связи, Восточный вопрос, систематизация, периодизация

Для цитирования: *Курков В.В., Симакова В.Н., Бункова А.В. Военное противостояние России и Османской империи: к вопросу о систематизации учебного материала в школьном курсе истории // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 221 – 229.*

Поступила в редакцию: 19 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Military confrontation between Russia and the Ottoman Empire: on the question of systematizing educational material in the school history course

[1] Kurkov V.V.,
[1] Simakova V.N.,
[1] Bunkova A.V.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article examines the problem of systematizing a section of the school curriculum devoted to the history of the Russo-Turkish wars, which is significant in its scope and invariably poses difficulties for students (especially in the context of final examinations at the BSE and USE levels). The authors of the article propose to systematize thirteen Russo-Turkish military conflicts by identifying three historical stages in their history based on

an analysis of such criteria as: a general description of the state of the Ottoman Empire and the Russian state, allowing the teacher and students to assess the balance of power of the opposing sides at each stage; the strategy and tactics of military confrontation determined by the above-mentioned factors and the course of military operations themselves; and the historical results and consequences of the Russo-Turkish confrontation. Ultimately, the article, in relation to the requirements of the school curriculum, analyzes the confrontation between the Muscovite Tsardom and the Ottoman Empire in the 16th-17th centuries, the confrontation between Russia and Turkey from the end of the 17th century and throughout the 18th century, as well as the late imperial stage of the confrontation between the two great powers in the 19th and first decades of the 20th centuries.

Keywords: the Ottoman Empire, Russia, Russo-Turkish wars, cause-and-effect relationships, Eastern Question, systematization, periodization

***For citation**: Kurkov V.V., Simakova V.N., Bunkova A.V. Military confrontation between Russia and the Ottoman Empire: on the question of systematizing educational material in the school history course. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 221 – 229.*

The article was submitted: July 19, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Хроника русско-турецких войн представляет собой один из важнейших разделов как отечественной, так и всемирной истории, значимость которого определяется как развернутыми хронологическими рамками военного противостояния России и Османской империи, протянувшегося с XVI в. до второго десятилетия XX столетия (т.е. от эпохи Ивана Грозного до конца Первой мировой войны), так и количеством самих русско-турецких конфликтов (обе державы тринадцать раз сталкивались на поле боя – включая «Азовское осадное сидение», Крымскую и Первую мировую войны) – что, впрочем, не помешало России и Турции трижды становиться союзниками. Не менее значимы и исторические последствия русско-турецкого противоборства, которое вкупе с Восточным вопросом, в который будут втянуты все великие европейские державы, в конечном итоге станет одной из главных составляющих мировой бойни 1914-1918 гг., похоронившей практически одновременно и Российскую и Османскую империи. Поэтому вполне закономерно, что история военного противостояния России и Османской Турции составляет важный программный раздел школьного исторического курса, порождая для учащихся немало трудностей в ходе итоговой аттестации в рамках ОГЭ и ЕГЭ, в связи с насыщенностью данной темы фактологическим и картографическим материалом, а также достаточно сложными причинно-следственными связями [14]. В итоге важным условием успешного изучения данного раздела (особенно в рамках итогового повторения перед экзаменами) является систематизация объемного учебного материла, позволяющая преподавателю представить для учащихся историческую логику военного противоборства двух великих держав.

Материалы и методы исследований

Основным критерием в ходе отбора и систематизации учебного материала по исследуемой теме стал практический опыт авторов в преподавании исторических дисциплин на школьном и вузовском уровне, позволяющий с опорой на метод педагогического эксперимента отобрать наиболее оптимальные формы представления для учебной аудитории тринадцати военных конфликтов России и Османской Турции. Обязательный принцип историзма позволяет представить в динамике всю парадигму русско-турецкого противостояния, охватывающую три с половиной столетия, в то время как использование сравнительно-исторического метода обеспечивает анализ и понимание как общих черт, так и исторических особенностей каждой отдельно взятой русско-турецкой войны, что позволяет систематизировать объемный материал и выделить ключевые исторические этапы в противостоянии России и Турции.

Результаты и обсуждения

Изучение в рамках школьной программы (и особенно предэкзаменационного повторения при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ) значительного по объему и растянутого на три с половиной столетия учебного материала по истории русско-турецких войн – охватывающего тринадцать военных конфликтов с XVI по XX столетие – порождает актуальную потребность в четкой систематизации данной исторической проблематики, которая гарантировала бы успешное усвоение этого важного раздела отечественной истории, к тому же перегруженного межпредметными связями с историей всемирной. Наш практический опыт позволяет предложить систематизацию русско-турецких войн путем выделения в их истории трех этапов на основе анализа следующих критериев:

– общая характеристика состояния Османской империи и российского государства, позволяющая педагогу и учащимся оценить соотношение сил противоборствующих сторон на данном историческом этапе;

– обусловленная вышеуказанными факторами стратегия и тактика военного противоборства и сам ход военных действий;

– исторические итоги и последствия русско-турецкого противостояния на данном этапе.

Первый этап в истории русско-турецких войн может быть определен как противоборство Московского царства с Османской империей – хронологически он охватывает XVI-XVII вв. (от эпохи Ивана Грозного до регентства Софьи). Характеризуя содержание данного начального периода русско-турецкого противоборства, преподавателю важно акцентировать внимание учащихся на том, что соотношение сил на этом этапе складывалось явно не в пользу России:

– Османская Турция как мировая империя простиралась в Европе, Азии и Африке и находилась на пике своего могущества – турецкие полчища дважды прорывались в центр Европы осаждая в 1529 и 1683 гг. Вену, а флот османов оспаривал у европейцев господство на Средиземном море (в то время как Черное и Азовское моря являлись внутренними озерами турецкой державы) [6, с. 141, 155-156];

– в то же время Московское царство едва завершив процесс формирования централизованного государства, с огромными жертвами пережило катастрофу Смутного времени, а при первых Романовых ослаблялось потрясениями «Бунташного века» и церковного раскола.

В итоге, учащиеся должны иметь четкое представление о том, что Московское государство, не имевшее регулярной армии, флота, развитой мануфактурной промышленности, с вечно пустой казной после разорения Смуты, оказывалось в очень сложной геополитической ситуации – сталкиваясь сразу с четырьмя сильными противниками (каждый из которых фактически переживал эпоху исторического подъема): на севере – со Швецией, отрезавшей Россию от Балтики, на западе – с Речью Посполитой, захватившей Смоленск и Северские земли, на юге – с Османской империей и ее вассалом – Крымским ханством, перекрывшими выход к Черному и Азовскому морям, на востоке с Цинской империей, которой по Нерчинскому договору придется отдать Приамурье.

Необходимо обратить внимание учащихся на то, что сил и ресурсов Московского царства явно не хватало для решения всех сложных стратегических задач по всему периметру ее протяженных границ. Так, процесс ликвидации осколков Золотой Орды, обоснованно характеризуемый успехами Ивана Грозного (присоединение Казани, Астрахани и Западной Сибири), определил возможность расширения русского государства через весь континент на восток: для осознания значимости этих побед преподаватель может смоделировать с классом фантастическую ситуацию в стиле альтернативной истории: когда упущенная русской стороной, из-за начавшегося раньше чем в реальной истории династического кризиса, возможность покорить Казань, оборачивается тем, что Казанское, Астраханское и Сибирское ханства становятся, как и Крым, вассалами Османской мировой империи, и в итоге не Россия, а Турция расширяется до тихоокеанского побережья и китайской границы, занимая большую часть Евразии. В этой связи ключевой акцент при подведении для учащихся итогов внешней политики Ивана IV и первых Романовых представляется возможным сделать на проблемном вопросе, объясняющем, почему Крымское ханство не было покорено на данном этапе – в отличии от других осколков Золотой Орды: подчеркивая при этом мощь и расцвет Османской империи в XVI-XVII вв. и защищенность Крыма как естественную (полуостровное положение), так и рукотворную (укрепления Перекопа) [15].

Под воздействием перечисленных выше факторов стратегия и тактика вооруженных сил Московского царства в противостоянии с Османской империей в XVI-XVII вв. имели преимущественно оборонительный характер – при этом учащиеся должны понимать что Россия с переменным успехом отражала удары турок-османов и крымских татар: в 1569 г. провалился турецкий поход на Астрахань, но в 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей сжег Москву, в 1572 г. он же был разбит русскими войсками в битве при Молодях [8, с. 116-117, 118, 120-121], в ходе русско-турецкой войны 1672 – 1681 гг. удалось отразить первый поход турок на крепость Чигирин (1677 г.), но второй поход османов заставил русский гарнизон оставить руины Чигирина (1678 г.) [8, с. 135; 19, с. 12-13]. Также с переменным успехом в течении всего этого периода длилась борьба российского государства с непрерывными набегами крымских татар – огромные силы и средства вложенные Московским царством в строительство протянувшихся на сотни километров засечных черт не гарантировали безопасность южных окраин – уводимый крымцами полон порождал серьезную демографическую проблему для населения России: по оценкам советских исследователей лишь за первую половину XVII столетия татарами было

угнано в рабство 150-200 тысяч русских людей [8, с. 133-134]. Наступательные военные действия с русской стороны против Османской империи на данном этапе вели на свой страх и риск лишь донские и запорожские казаки – следует обратить внимание учащихся, что их морские походы в Черном и Азовском морях явно выходили за рамки грабительских экспедиций «за зипунами» [9, с. 566-567]. Самая масштабная и успешная наступательная операция казачества против османов – взятие Азова в 1637 г. и знаменитое «Азовское осадное сидение» [9, с. 458-459] одновременно наглядно иллюстрируют для учащихся ограниченность военного и экономического потенциала Московского царства на этом этапе: преподавателю необходимо обратить внимание учеников на решение Земского собора 1641 г. о возвращении Азова туркам ввиду финансовых проблем русского государства. Попытка же правительства царевны Софьи впервые перейти в наступление против Османской империи (крымские походы князя Голицына 1687 и 1689 гг.) [8, с. 135-136] закончилась провалом и политическим крахом самой регентши.

Подводя итоги начального этапа военного противостояния России и Османской империи, необходимо выделить для учащихся его главные исторические итоги: Московское царство сумело остановить турецкую экспансию в Поволжье и на Украине, однако нерешенными оставались болезненные проблемы связанные с существованием Крымского ханства и отсутствием у России выхода к южным морям. Завершая характеристику данного этапа важно, чтобы учитель активизируя межпредметные связи с мировой историей обратил бы внимание класса на то, что первые поражения турок – на Мальте (1565 г.), при Лепанто (1571 г.) [6, с. 157] и двойная неудача под Веной – были симптомами надвигающегося упадка великой империи – в особенности катастрофическое венское поражение османов в 1683 г. [19, с. 157-158]. Необходимо подчеркнуть для учащихся, что на этом фоне правительство царевны Софьи приходит к осознанию необходимости присоединения России к общеевропейской коалиции против османов – отсюда и Вечный мир с Речью Посполитой и вхождение Московского царства в антиосманскую Священную лигу (1686 г.).

Второй этап в истории военного противостояния России и Османской империи хронологически охватывает конец XVII в. и все XVIII столетие (от эпохи Петра I до правления Екатерины II и Павла I) и несмотря на то, что формально Россия обрела статус империи с 1721 г., данный этап предлагается нами определить как первый имперский. Характеризуя содержание данного этапа, который станет переломным в русско-турецком противоборстве, со стороны преподавателя важно обратить внимание учебной аудитории на факты, свидетельствующие о том, что соотношение сил в эту эпоху меняется в пользу России, получившей качественный перевес над противником:

– глубочайший кризис, поразивший все сферы жизни турецкого общества обусловил упадок Османской империи, погрязшей к тому же в трех сериях бесконечных войн: на севере – русско-турецкие войны, на западе – войны с Австрийской империей Габсбургов, на востоке – противостояние с Сефивидской Персией, и сил угасающей империи, внутри которой начинает разгораться борьба покоренных народов, на успешной противоборство по всему периметру своих протяженных границ в отличии от предыдущих столетий уже явно не хватает [6, с. 157-159, 190-191; 19, с. 19-20];

– напротив, Россия, обретшая начиная с периода петровских реформ регулярную армию, флот, мануфактурную военную промышленность, европейскую систему государственного управления и подготовки кадров находится на историческом подъеме, символом которого является расцвет русского военного искусства в XVIII в., ознаменованный такими великими фигурами как Румянцев, Суворов и Ушаков [23, 95-96, 139-140].

Однако, в то же самое время, необходимо избежать формирования у школьников иллюзорных представлений о легкости русских побед над турками на данном этапе, тем более, что в школьной программе ключевое внимание обращается именно на победные русско-турецкие войны при Екатерине II – но к этому триумфальному финалу учащихся нужно подвести через анализ сложной череды предыдущих конфликтов, которые как и на первом этапе русско-турецкого противостояния первоначально велись с переменным успехом: провал первого Азовского похода (1695 г.) стал для Петра I наглядным уроком, обусловившим создание военного флота и взятие Азова в 1696 г., тем не менее избежать «головокружения от успехов» не удалось – петровская армия победившая шведов в полтавской баталии, была окружена турками и крымским татарами на р. Прут в 1711 г. и избежала гибели только благодаря просчетам самих турок и ловкости российских дипломатов, но Азов был вновь потерян. Точно такая же переменчивость успехов и неопределенность результатов, характерна и для русско-турецкой войны 1735-1739 гг., проходившей в царствование Анны Иоанновны: прорыв в Крым русских армий Миниха (1736 г.) и Ласси (1737 г.), победа при Ставучанах и взятие Хотина (1739 г.), ознаменованное одой Ломоносова, не смогли перевесить всех нега-

тивных последствий «войны с пространством» на степных просторах Северного Причерноморья [18, с. 65-66] – прежде всего огромных потерь русской армии от болезней, а подписание Австрией сепаратного мира с османами заставило Россию согласится на окончание войны с результатом близким к нулевому [18, с. 66] – по Белградскому миру 1739 г. Азов был возвращен русской стороне в разоруженном и практически бесполезном состоянии.

Изучение же переломных побед над турками в екатерининскую эпоху (войны 1768-1774 и 1787-1791 гг.) представляется логичным построить через анализ влияния личностного фактора (рассматривая роль как самой Екатерины II, так и поколения «екатерининских орлов» – выдающихся военачальников и государственных деятелей этой эпохи) и новой решительной стратегии и тактики русской армии и флота: для первой войны – это гром побед Румянцева (при Ларге и Кагуле), Орлова и Спиридова в Чесменском сражении (в итоге для учеников важно выделить именно 1770 г. как переломный в русско-турецком противоборстве); для второй войны – на суше это победы Суворова (Кинбурн в 1787 г., Фокшаны и Рымник в 1789 г., и, наконец Измаил – в 1790 г.), на море, соответственно, победы Ушакова, с акцентом на сражении у мыса Калакрия в 1791 г. Программные ограничения учебного времени диктуют для учителя необходимость выделения наиболее значимого и яркого эпизода этого триумфального перелома исторического противостояния двух империй в пользу России – своего рода события-символа этой героической эпохи. Таковым нам представляется выбрать штурм Измаила войсками Суворова – как наиболее масштабную и кровопролитную битву своего времени, изучение которой может опираться как на обширную отечественную историографию, так и на содержательные исторические источники [20].

Подводя итоги второго этапа противостояния России и Османской Турции, преподавателю следует акцентировать внимание учащихся на решении русской стороной исторических задач по выходу к Черному морю и присоединению земель Северного Причерноморья (Новороссии) с одновременным зарождением геополитического интереса Российской империи к проблеме Черноморских проливов и планов по полному сокрушению и разделу Османской империи (Греческий проект Екатерины II) [22]. Полезным представляется и вывод о превращении русско-турецкого противостояния в важную часть большой европейской политики: здесь уместно подчеркнуть коварство политики Вены – когда Австрия дважды становилась союзником России против османов и оба раза выходила из войны, заключая сепаратный мир с турками (в ходе войн 1735-1739 гг. и 1787-1791 гг.) [18, с. 65-66] – эти факты помогут подготовить учащихся к пониманию русско-австрийских противоречий на Балканах на последующем этапе. Показательна в этом плане и неудачная попытка Швеции воспользоваться отвлечением сил России на войну с Турцией (русско-шведская война 1788-1790 гг.). Завершить анализ второго этапа русско-турецкого противостояния позволяет обзор первого и кратковременного военного союза России и Османской империи – в рамках второй антифранцузской коалиции при Павле I – и совместной военной операции русского и турецкого флотов под общим командованием Ушакова по захвату французской крепости на о. Корфу.

Третий, заключительный этап русско-турецкого противоборства может быть определен как позднеимперский – хронологически охватывая XIX – первые десятилетия XX вв. (от эпохи Александра I до краха империи при Николае II), данный этап может быть охарактеризован преподавателем как трагический финал растянувшегося на более чем три столетия противостояния двух великих империй, которые на стадии последней исторической схватки практически одновременно придут к своему распаду:

– качественное превосходство Российской империи, активно стремящейся на этом этапе к решению в свою пользу Восточного вопроса (в котором четко определились российские стратегические интересы – Босфор и Дарданеллы, Балканы, Кавказ), практически не оставляет Турции, опустившейся до положения «больного человека Европы», шансов на победу и выживание [6, с. 198-199];

– однако, сама Российская империя на этом этапе на фоне амбициозных внешнеполитических задач, оказывается неспособна эффективно решить болезненные внутренние проблемы, угрожающие ее существованию (от крепостного права и самодержавия до аграрного, рабочего и национального вопросов) – поэтому важно подчеркнуть для учащихся общность нисходящего вектора исторического развития и для России и для Турции в данную эпоху, активизируя межпредметные связи всеобщей и отечественной истории и проводя исторические параллели между противоречивыми и незавершенными реформами Селима III и эпохи Танзимата в Османской империи и Великими реформами Александра II в России, и как следствие – между первой русской революцией 1905-1907 гг. и младотурецкой революцией [6, с. 204-205, 211-212, 235; 24, с. 31-32; 25];

– и главное, русско-турецкие конфликты на этом этапе уже выходят за рамки противостояния только двух держав: амбициозные планы России в Восточном вопросе наталкиваются на активное противодействие великих европейских держав: в итоге православная империя и на полях сражений, и в дипломатических кулуарах сталкивается не с привычным «больным человеком» а с сильнейшими западными противниками и поэтому приходит к историческому поражению и краху.

Поэтому, при характеристике позднеимперского этапа русско-турецких войн, для преподавателя наиболее продуктивным представляется подход, ориентированный на логичное вписывание этих конфликтов в общеевропейскую политическую ситуацию, позволяющий учащимся понять и оценить причины и последствия вмешательства великих европейских держав в противоборство России и Турции. Так, русско-турецкая война 1806-1812 гг. при всей значимости ее влияния на освободительное движение в Сербии, прежде всего должна рассматриваться как фрагмент наполеоновских войн – победы Кутузова под Рущуком и Слободзеей (1811 г.) позволят заключить Бухарестский мир накануне французского вторжения в 1812 г. и сконцентрировать все силы на борьбе с Наполеоном [6, с. 201]. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. предваряется общеевропейской демонстрацией силы в Наваринском сражении (1827 г.) и исторически обусловит восстановление независимости Греции. Территориальные приобретения России по сравнению с XVIII в. выглядят скромнее (Бессарабия по Бухарестскому миру 1812 г., Черноморское побережье Кавказа по Адрианопольскому миру), тем не менее, Петербург приближается в своему максимальному успеху в Восточном вопросе. При этом крайне важно чтобы преподаватель осветил для учащихся ряд вопросов, которым обычно в рамках школьной программы уделяется очень мало внимания: египетский кризис 1830-х гг., наступление египетской армии, поставившее Османскую империю на грань краха, русский военный десант на Босфоре, спасший Турцию и как результат – русско-турецкий договор в Ункяр-Искелеси (1833 г.), по которому русская сторона получали право беспрепятственного прохода для своих кораблей через Черноморские проливы, которые наоборот, фактически закрывались для Англии и Франции. Однако очень скоро дипломатия Николая I под давлением западных стран сделала шаг назад – по Лондонской конвенции 1841 г. Россия откажется от этого договора [4; 6, с. 206-207].

При изучении Крымской войны 1853-1856 гг. преподаватель может опереться как на обширную историографию по данной теме, так и на целый пласт методических публикаций – наиболее продуктивным нам представляется подход нацеливающий учебную аудиторию прежде всего на анализ сложного комплекса причинно-следственных связей: от причин и повода данного военного конфликта до причин поражения Российской империи и исторических последствий Восточной войны [12, 13]. Анализ же русско-турецкой войны 1877-1878 гг. может быть осуществлен в форме обсуждения с учащимися проявления крайних аспектов этого военного конфликта: от серьезных просчетов российского командования, обусловивших трагедию кровопролитных штурмов Плевны до массового героизма русских солдат и офицеров на примере обороны Шипки [7]. Принципиально важным является определение исторических итогов этой войны – совершая с учебной аудиторией исторический экскурс от мирного договора в Сан-Стефано до Берлинского конгресса и трактата преподаватель наглядно демонстрирует степень влияния великих европейских держав объединенных Бисмарком, на проблематику Восточного вопроса, в итоге превративших военную победу Росси в дипломатическое поражение. Продуктивной представляется и постановка перед школьниками проблемного вопроса, позволяющего оценить результативность российской политики на Балканах – почему Болгария, освобожденная ценой жизни русских солдат в двух мировых войнах. будет воевать на стороне противников России?

Завершает разбор заключительного этапа военного противостояния России и Турции исторический обзор Кавказского фронта Первой мировой войны, где успешные военные операции русских войск под командованием генерала Юденича (от Саракамышского сражения в начале войны до взятия Эрзерума в 1916 г.) уже не могли отменить для российской державы в целом катастрофического исхода мирового конфликта 1914-1918 гг., который одновременно приведет и к краху Османской империи. Применительно к анализу действий против Турции в этой войне Черноморского флота, для учебной аудитории может быть интересна роль немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау» (их прорыв в Черное море Уинстон Черчилль оценил как морскую операцию приведшую к наибольшим масштабам потерь и разрушений в мировой истории – так как именно этот фактор определил вступление Турции в войну на стороне Германии и закрыл для России южный и наиболее удобный путь поставок от союзников) [16, с. 59], а также проблема объективной оценки деятельности адмирала Колчака, превратившегося старания кинематографа и популярной литературы в гения и мученика, хотя именно в период его командования рус-

ский флот на Черном море лишился дредноута «Императрица Мария» [1, с. 70-71].

При организации итогового повторения по теме активизировать интерес учащихся поможет построение обобщающих вопросов и заданий на основе использования хорошо запоминающегося ряда исторических почетных прозваний – Орлов-Чесменский, Долгоруков-Крымский, Румянцев-Задунайский, Потемкин-Таврический, Суворов-Рымникский, Дибич-Забалканский, Муравьев-Карский – т.е. титулов-именований полученных выдающимися российскими военачальниками XVIII – XIX вв. за их победы над турками.

Выводы

В заключении представляется необходимым подчеркнуть значительный краеведческий потенциал раздела учебной программы, посвященного истории русско-турецких войн. Применительно к истории Калуги и Калужского края данная проблематика предоставляет преподавателю набор интереснейших тем для организации научно-исследовательской работы как школьников, так и студентов: начиная с истории полков русской армии, расквартированных в имперский период на калужской земле и принимавших самое активное участие в войнах с Турцией [3] до изучения на основе краеведческого материала сложных судеб исторических личностей, оказавшихся в водовороте военных событий – и не только российских участников этих войн, но и турецких. Объектом исследования здесь может быть история последнего крымского хана Шагин-Гирея, определенного Екатериной II в почетную ссылку в Калугу [21, с. 202-203], судьба Мустафы Субхи – основателя коммунистической партии Турции [10, 11], также оказавшегося в годы Первой мировой войны в Калуге, равно как и тысяч других турецких военнопленных прошедших через Калужскую губернию [2, 11, 17]. Особо следует отметить возможность использования в исследовательской работе материалов Государственного архива Калужской области (ГАКО) [5], позволяющих по-новому оценить целый ряд важных гуманитарных аспектов в истории русско-турецких войн.

Список источников

1. Айзенберг Б.А., Костриченко В.В. Линкор «Императрица Мария». Главная тайна российского флота. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2010. 128 с.

2. Бессонов В.А. Численность и состав военнопленных Крымской войны 1853-1856 гг. в Калужской губернии // Вопросы археологии истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI всероссийской научной конференции 5-7 апреля 2005 года. Калуга, 2005. С. 151 – 154.

3. Бессонов В.В. Знамёна 9-го и 10-го Ингерманландских полков из фондов Калужского объединённого музея-заповедника // Калужское наследие. 2020. № 3 (11). С. 68 – 73.

4. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.: Наука, 1985. 336 с.

5. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 783. Оп. 1, Д. 1185. Л.11.

6. Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1992. 246 с.

7. Золотарёв В.А., Межевич М.Н. История нелёгкой победы. М.: Наука, 1979. 80 с.

8. Каргалов В.В. Свержение монголо-татарского ига. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 144 с.

9. Королев В.Н. Босфорская война. М.: Вече, 2007. 608 с.

10. Красин В.М. Мустафа Субхи и Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде: политические эмигранты из Османской империи в Калужской губернии в годы Первой мировой войны // Армия, общество, человек в Первой мировой войне: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Брусиловского прорыва. Курск, 2016. С. 13 – 18.

11. Курков В.В. Восток и российская провинция: пересечение судеб в истории Калуги // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 3 (37). С. 18 – 25.

12. Курков В.В. К вопросу об изучении причинно-следственных связей в школьном курсе истории на примере Крымской войны 1853-1856 гг. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 113 – 121.

13. Курков В.В. Севастополь и Порт-Артур: к истории героической обороны и падения главных приморских крепостей Российской Империи – сравнительно-исторический метод в учебном процессе // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 6. С. 155 – 161.

14. Курков В.В., Пименов Е.А. Таблицы и логические схемы как актуальный инструмент систематизации знаний при изучении истории русско-турецких войн // Вестник педагогических наук. 2022. № 7. С. 234 – 240.

15. Курков В.В., Калмыкова Д.Д. Ордынский фактор в отечественной истории: к вопросу об изучении причинно-следственных связей при использовании проектного метода обучения // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 6. С. 272 – 278.

16. Мужеников В.Б. Немецкие линейные крейсера Первой мировой. М.: Яуза-пресс, 2018. 176 с.

17. Зубов Д.Ю., Красин В.М., Курков В.В., Тихонов А.В. Народы Востока и Калужский край: ссыльные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / отв. ред. В.В. Курков. Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2009. 241 с.

18. Петрухинцев Н. Война с пространством // Родина. 1998. № 5-6. С. 62 – 66.

19. Подхородецкий Л. Вена. 1683. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 208 с.

20. Рапорт А.В. Суворова Г.А. Потемкину о взятии Измаила с подробным изложением хода штурма // А.В. Суворов / под. ред. Г.П. Мещерякова: сб. документов: в 4 т. М.: Воениздат, 1951. Т. 2. С. 543 – 577.

21. Смирнов В.Д. Крымскок ханство под верховенством Отоманской Порты в 2-х томах. Т. 2. М.: Издательский дом «Рубеж XXI», 2005. 314 с.

22. Стегний П.В. Еще раз о Греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 52 – 78.

23. Строков А.А. История военного искусства. СПб.: Полигон, 1994. Т. 5. 712 с.

24. Тодорова М.Н. Англия, Россия и танзимат (вторая четверть XIX в.). М.: Наука, 1983. 184 с.

25. Шеремет В.И. Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М.: АВИР, 1994. 548 с.

References

1. Ayzenberg B.A., Kostrichenko V.V. Battleship "Empress Maria". The Main Secret of the Russian Fleet. Moscow: Collection, Yauza, Eksmo, 2010. 128 p.

2. Bessonov V.A. The Number and Composition of Prisoners of War of the Crimean War of 1853-1856 in the Kaluga Province. Issues of Archaeology, History, Culture, and Nature of the Upper Oka Region: Proceedings of the XI All-Russian Scientific Conference, April 5-7, 2005. Kaluga, 2005. P. 151 – 154.

3. Bessonov V.V. Banners of the 9th and 10th Ingrian Regiments from the Collections of the Kaluga United Museum-Reserve. Kaluga Heritage. 2020. No. 3 (11). P. 68 – 73.

4. Vinogradov, V.N. Great Britain and the Balkans: From the Vienna Congress to the Crimean War. Moscow: Nauka, 1985. 336 p.

5. State Archives of Kaluga Oblast (GAKO). F. 783. Op. 1, D. 1185. L. 11.

6. Eremeev D.E., Meyer M.S. History of Turkey in the Middle Ages and Modern Times: A Textbook. Moscow: Moscow State University Press, 1992. 246 p.

7. Zolotarev V.A., Mezhevich, M.N. History of a Hard-Won Victory. Moscow: Nauka, 1979. 80 p.

8. Kargalov V.V. Overthrow of the Mongol-Tatar Yoke. Moscow: Knizhny Dom "LIBROKOM", 2011. 144 p.

9. Korolev V.N. Bosphorus War. Moscow: Veche, 2007. 608 p.

10. Krasin V.M. Mustafa Subhi and Mustafa Nizametdin Bin Dervish Kibarzade: Political Emigrants from the Ottoman Empire in the Kaluga Province During the First World War. Army, Society, Man in the First World War: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Brusilov Breakthrough. Kursk, 2016. P. 13 – 18.

11. Kurkov V.V. The East and the Russian Province: Intersection of Fates in the History of Kaluga. The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. No. 3 (37). P. 18 – 25.

12. Kurkov V.V. On the Study of Cause-and-Effect Relationships in the School History Course Using the Crimean War of 1853-1856 as an Example. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 113 – 121.

13. Kurkov V.V. Sevastopol and Port Arthur: On the History of the Heroic Defense and Fall of the Main Coastal Fortresses of the Russian Empire – a Comparative Historical Method in the Educational Process. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 155 – 161.

14. Kurkov V.V., Pimenov E.A. Tables and Logical Schemes as a Relevant Tool for Systematizing Knowledge in Studying the History of the Russo-Turkish Wars. Bulletin of Pedagogical Sciences. 2022. No. 7. P. 234 – 240.

15. Kurkov V.V., Kalmykova D.D. The Horde Factor in Russian History: On the Study of Cause-and-Effect Relationships Using the Project-Based Teaching Method. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 6. P. 272 – 278.

16. Muzhenikov V.B. German Battlecruisers of World War I. Moscow: Yauza-press, 2018. 176 p.

17. Zubov D.Yu., Krasin V.M., Kurkov V.V., Tikhonov A.V. The Peoples of the East and the Kaluga Region: Muslim Exiles and Prisoners of War in the Kaluga Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. ed. V.V. Kurkov. Kaluga: N.F. Bochkareva's Scientific Literature Publishing House, 2009. 241 p.

18. N. Petrukhintsev. War with Space. Rodina. 1998. No. 5-6. P. 62 – 66.
19. L. Podkhorodetsky. Vienna. 1683. Moscow: OOO Izdatelstvo AST, 2002. 208 p.
20. A.V. Suvorov's Report to G.A. Potemkin on the Capture of Izmail with a Detailed Account of the Assault. A.V. Suvorov. ed. G.P. Meshcheryakov: Collection of Documents: in 4 Volumes. Moscow: Voenizdat, 1951. Vol. 2. P. 543 – 577.
21. Smirnov V.D. The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte in 2 Volumes. Vol. 2. Moscow: Rubezh XXI Publishing House, 2005. 314 p.
22. Stegniy P.V. Once Again on Catherine II's Greek Project. New Documents from the Archives of the Supreme Commander-in-Chief of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. New and Contemporary History. 2002. No. 4. P. 52 – 78.
23. Strokov A.A. History of Military Art. St. Petersburg: Polygon, 1994. Vol. 5. 712 p.
24. Todorova M.N. England, Russia, and the Tanzimat (Second Quarter of the 19th Century). Moscow: Nauka, 1983. 184 p.
25. Sheremet V.I. Empire on Fire. One Hundred Years of Wars and Reforms of the Sublime Porte in the Balkans and the Middle East. Moscow: AVIR, 1994. 548 p.

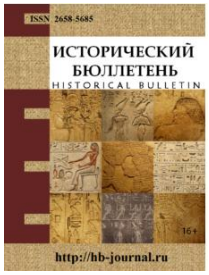
Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Симакова В.Н., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Бункова А.В., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Симакова В.Н., Бункова А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.2

Научный вклад А.А. Кауфмана в методологию статистических исследований: из истории статистической мысли конца XIX – начала XX века

[1] Скопа В.А.,
[1] Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: Кауфман А.А. является выдающимся российским исследователем, который внес существенный вклад в становление методологических подходов статистической науки в период кардинальных трансформаций общественной жизни. Его научные труды представляли принципиально новый взгляд на систему статистических исследований, отличавшийся глубоким теоретическим осмыслением и практической направленностью. Основные направления научных разработок Кауфмана включали критический анализ существующих статистических методик, разработку инновационных исследовательских стратегий и формирование методологических принципов количественного анализа социально-экономических процессов. Ученый последовательно доказывал необходимость комплексного подхода к статистическому изучению, который предполагает не только математическую обработку данных, но и глубокое содержательное интерпретирование полученных результатов. Особое внимание Кауфман уделял совершенствованию методик сбора и систематизации статистической информации, обосновывая важность репрезентативности и научной достоверности эмпирических данных. Его фундаментальные работы стали значительным вкладом в развитие отечественной статистической науки и методологии социальных исследований.

Ключевые слова: история статистической мысли, А.А. Кауфман, статистический учет, перепись, история Сибири, миграционные процессы, история статистических служб

Для цитирования: *Скопа В.А. Научный вклад А.А. Кауфмана в методологию статистических исследований: из истории статистической мысли конца XIX – начала XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 230 – 236.*

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

A.A. Kaufman's scientific contribution to statistical research methodology: from the history of statistical thought in the late 19th – early 20th centuries

[1] Skopa V.A.,
[1] Altai State Pedagogical University

Abstract: A.A. Kaufman is a prominent Russian researcher who made a significant contribution to the development of methodological approaches in statistical science during a period of fundamental social transformation. His scientific works represented a fundamentally new perspective on statistical research, distinguished by profound theoretical understanding and practical focus. Kaufman's main areas of research included a critical analysis of existing statistical methods, the development of innovative research strategies, and the formulation of methodological principles for the quantitative analysis of socioeconomic processes. The scientist consistently demonstrated the need for a comprehensive approach to statistical research, which involves not only the mathematical processing of

data but also a profound and meaningful interpretation of the results obtained. Kaufman devoted particular attention to improving methods for collecting and systematizing statistical information, substantiating the importance of representativeness and scientific reliability of empirical data. His fundamental works made a significant contribution to the development of Russian statistical science and social research methodology.

Keywords: history of statistical thought, A.A. Kaufman, statistical accounting, census, history of Siberia, migration processes, history of statistical services

***For citation**: Skopa V.A. A.A. Kaufman's scientific contribution to statistical research methodology: from the history of statistical thought in the late 19th – early 20th centuries. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 230 – 236.*

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: September 17, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Статистический анализ является неотъемлемой составляющей любого научного исследования в области истории. Цифровые показатели и количественные характеристики дают возможность всесторонне и объективно раскрыть особенности изучаемых исторических событий, процессов и социальных явлений, представив их не только в количественном, но и в качественном измерении. В научных кругах экономической историографии существует устойчивое противопоставление количественной экономической истории и традиционного исторического подхода [8]. Часто исследователи воспринимают количественный метод как принципиально отличный от классического описательного направления, подчеркивая его аналитическую природу в противовес нарративной методологии. Если традиционная экономическая история опирается преимущественно на описательные, контекстуальные методики, то количественный подход базируется на строгих эконометрических инструментах, математических моделях и статистическом анализе, что принципиально трансформирует процесс научного исследования [10].

В рамках рассматриваемой проблематики особого внимания заслуживает выдающийся отечественный ученый, внесший значительный вклад в развитие методологии статистического исследования – Александр Аркадьевич Кауфман. Его научные разработки и подходы к организации статистического учета стали поворотным моментом в становлении отечественной статистической науки. Его исследования были сосредоточены на принципиально важных областях: теории и методологии статистического анализа, комплексном изучении земельных отношений в Сибирском регионе, детальном исследовании аграрных общин и миграционных процессов [3, 4, 5, 6]. Работы Кауфмана отличались глубиной методологического подхода и новаторским взглядом на статистические закономерности социально-экономических явлений. Его научные труды и практические разработки существенно обогатили методологический аппарат статистического учета. К основным направлениям научной деятельности Кауфмана можно отнести совершенствование методик сбора статистической информации; разработку теоретических оснований для проведения масштабных статистических обследований; анализ социально-экономических процессов через призму статистических данных [1, 2].

Ключевой особенностью научного подхода Кауфмана было стремление к максимальной объективности и точности при интерпретации статистических показателей. Он последовательно развивал принципы научной статистики, подчеркивая необходимость строгого методологического инструментария.

Материалы и методы исследований

Представленное исследование опирается на теорию модернизации как фундаментальную историософскую парадигму и цивилизационный подход, интегрирующий комплексное понимание социальных трансформаций. Методологический инструментарий базируется на ключевых принципах научного познания, среди которых можно выделить объективность как непредвзятость оценки исторических процессов; системность в анализе взаимосвязей явлений; историзм, предполагающий контекстуальное рассмотрение событий; аксиологический подход к интерпретации исторических фактов. Методология исследования представляет собой многоуровневую динамичную систему, включающую взаимодополняющие методы исследования: философско-логические; исторические и общенаучные. Такой комплексный подход обеспечивает всестороннее и глубокое постижение исторических закономерностей в рамках рассматриваемой проблемы.

Результаты и обсуждения

Выдающийся статистик и исследователь Александр Аркадьевич Кауфман, последователь научной школы Юлия Эдуардовича Янсона и преподаватель Петербургского университета, значительно обогатил теорию и практику статистической науки. Новаторские подходы ученого способствовали совершенствованию методологии статистических исследований, что непосредственно повлияло на трансформацию и развитие статистических организаций того времени [9].

Теоретические подходы исследователей государственной статистики и представителей описательной школы, сформированные К. Ф. Германом и его учениками, канули в историю. Научные воззрения данного направления утратили свою актуальность и методологическую состоятельность. К исходу столетия российская статистическая наука переживала значительные трансформации. Под воздействием складывающихся статистических школ и методологических подходов в Европе, а также благодаря внутреннему научному развитию, в стране сформировалось несколько самостоятельных направлений в области статистического анализа [11]. Параллельно эволюция государственных и социальных институтов диктовала необходимость выработки инновационных методик и теоретических концепций в области сбора и обработки статистических данных. Основные изменения были обусловлены двумя ключевыми факторами: расширением научного инструментария статистической науки и потребностью общества в более глубоком и многогранном понимании социально-экономических процессов.

Научный вклад исследователя можно условно разделить на два магистральных направления: теоретические разработки, раскрывающие сущностные характеристики статистической науки, и прикладные изыскания, непосредственно связанные с формированием и реализацией переселенческой стратегии. Работы Кауфмана отличались глубиной аналитического подхода и комплексным осмыслением статистических явлений. Его теоретические труды формировали концептуальную основу научного понимания статистики, в то время как практические исследования были нацелены на решение конкретных социально-политических задач, прежде всего в сфере миграционной политики [4].

К первой группе научных изысканий Кауфмана можно отнести концептуальное осмысление статистической науки, её методологический потенциал и функциональное назначение в системе гуманитарного знания [5]. Он один из первых выдвинул принципиально новую идею в отношении статистики, подчеркивая её вспомогательную роль в процессе научного познания. Исследователь аргументированно доказывал, что статистика не является самодостаточной наукой, а выступает инструментом первичной обработки эмпирических данных. По его мнению, глубинные закономерности общественных трансформаций необходимо интерпретировать через призму профильных дисциплин – политической экономии, отраслевой экономики и других специализированных наук [10]. Такой подход принципиально отличался от превалировавших в то время представлений и существенно расширял понимание статистики как методологического инструментария для научного анализа социально-экономических процессов. Развивая свою концепцию, А.А. Кауфман радикально позиционировал статистику как вспомогательный инструмент научного познания, метафорически называя её «служанкой всех наук» [7]. Ключевая особенность его подхода заключалась в глубоком понимании диалектической взаимосвязи качественных и количественных характеристик статистического анализа. Исследователь подчеркивал методологическую самобытность статистики, принципиально отделяя её от математики. Он утверждал, что статистика обладает собственным уникальным методологическим арсеналом и специфическими задачами исследования, которые не могут быть редуцированы к чисто математическим процедурам [3]. Сложность статистического анализа, по мнению Кауфмана, заключается в необходимости одновременного и взаимосвязанного рассмотрения количественных показателей и их качественной интерпретации, что требует особого научного подхода и методологической культуры.

Интеграция статистических способов в сферу общественных наук представляла собой закономерный и объективно обусловленный процесс научной эволюции. Этот трансформационный период характеризовался принципиальными изменениями в методологии научных исследований, где на первый план выходили точные, формализованные способы количественного анализа. Ключевыми факторами такого научно-методологического сдвига стало стремительное развитие математического инструментария; потребность в более глубоком и объективном изучении социальных явлений; необходимость количественной верификации гуманитарных гипотез и расширение технологических возможностей обработки больших массивов данных [8, 10]. Математические приемы дозволили перевести социальные исследования на отменно новый уровень строгости и доказательности,

обеспечивая возможность формализации сложных публичных действий через систему количественных характеристик и зависимостей.

Кауфман принципиально акцентирует внимание на эпистемологической роли статистики как уникального научного инструмента. Ключевой тезис исследователя состоит в том, что статистика выступает принципиально новым методологическим подходом, позволяющим количественно измерять и верифицировать социальные процессы [5]. По мнению ученого, статистика – это фактически единственный релевантный способ осуществления научного анализа общественных явлений. Научная значимость статистического метода, по Кауфману, раскрывается через возможность объективного количественного измерения социальных процессов; формализацию сложных общественных взаимосвязей; обеспечение точности и доказательности научного исследования и трансформацию качественных характеристик в измерительные показатели [5, 6].

При исследовании закономерностей статистической науки Кауфман сформулировал принципиальное положение: статистический анализ представляет собой уникальный инструмент, позволяющий максимально точно характеризовать масштабные социальные процессы, причем таким образом, который недоступен никаким альтернативным методикам [4]. Развивая свой научный подход, исследователь подчеркнул многогранность статистики, поскольку она выступает не просто методом описания, но и мощным средством глубокого научного познания. Более того, статистические методики дают возможность проникнуть в сущность явлений, выявить глубинные причинно-следственные связи и детерминанты, определяющие механизмы функционирования изучаемых социальных объектов.

Творческий союз теоретических изысканий и практического применения наиболее ярко проявился в концепции табличного метода, созданной А. А. Кауфманом. Научный подход исследователя настолько фундаментален, что его ключевые принципы и методологические разработки продолжают оставаться актуальными и в современной статистической методологии. Инновационные идеи Кауфмана в области структурирования и визуализации статистических данных средствами таблиц стали существенным вкладом в методологию статистического анализа. Разработанные им теоретические основы не только сохраняют свою значимость, но и продолжают активно применяться в различных областях статистической практики.

На рубеже XIX-XX столетий статистические исследования становятся ключевым инструментом познания социальных закономерностей. Углубленное научное изучение статистики раскрыло ее сущность как уникального методологического подхода к исследованию общественных процессов. Принципиальная особенность статистического анализа заключается в способности расчленять сложные, труднодоступные для непосредственного измерения социальные явления на элементарные составляющие. Посредством детального подсчета и фиксации характерных признаков каждого структурного компонента исследователи получают возможность формировать количественную модель изучаемого массового феномена. Такой методологический прием позволяет трансформировать аморфные, казалось бы, неуловимые социальные процессы в систему точных цифровых показателей, что принципиально расширяет горизонты научного познания.

Значительным вкладом Кауфмана в методологию статистической науки стала принципиальная критика математического подхода к статистическому анализу. Он последовательно выступал против формального механического подхода, при котором исследователи попросту подставляли числовые данные в готовые математические формулы, не вникая в суть процесса. Опираясь на авторитетное мнение выдающегося российского математика А. А. Маркова, Кауфман настаивал на необходимости тщательного предварительного анализа [5]. Принципиальным условием корректного статистического исследования, по его мнению, является глубокое понимание внутренних ограничений и специфики применяемых формул. Марков подчеркивал, что перед использованием любой математической конструкции требуется скрупулезно проанализировать условия ее применимости и убедиться в возможности их реализации в конкретном исследовательском контексте [12]. Такой научно выверенный подход принципиально отличается от формального механического манипулирования цифрами.

Кауфман критически осмысливал фундаментальные принципы теории вероятностей, демонстрируя ее ограниченность в социально-экономических исследованиях. Классическая теория подразумевает три ключевых условия: независимость испытаний, константность вероятности и равновозможность результатов. Однако в социальной статистике эти постулаты не выдерживают критики. Каждое последующее явление испытывает влияние предыдущего, вероятностные параметры постоянно трансформируются, а равновозможность вообще отсутствует. Опираясь на исследования В. И. Бортковича, ученый утверждал, что социальные процессы характеризуются наложени-

ем множественных вероятностных составляющих. Поэтому механическое применение классических статистических схем методологически некорректно. Особенно скептически Кауфман относился к оценке вариативности показателей. Он убедительно доказывал, что даже незначительная погрешность в определении дисперсии может кардинально изменить интерпретацию результатов – превратить случайную разницу в существенную и наоборот.

Критикуя стохастическую школу, исследователь последовательно демонстрировал уязвимые места ее теоретических конструкций, отстаивая необходимость более глубокого и контекстуального подхода к статистическому анализу социально-экономических явлений. Благодаря солидному научному багажу А.А. Кауфман значительно повлиял на методологию и проведение статистических исследований. На протяжении двадцати пяти лет, работая в Министерстве земледелия и государственных имуществ, он глубоко изучал особенности землепользования и хозяйственной деятельности сельских жителей Сибири как коренных, так и переселенцев. Начиная с 1894 года, занимался вопросами земельного устройства крестьянских хозяйств и распределением территорий для новых поселенцев. В ходе профессиональной деятельности ученый разработал уникальные методики сбора информации, которые впоследствии были восприняты социологами и этнографами. Он фактически апробировал исследовательский подход эволюционистов, который назвал «методом переживаний». Результаты многолетних трудов нашли отражение в фундаментальных работах, посвященных хозяйственному укладу сельских жителей Тобольской и Томской губерний. Особо значимым стало подворное исследование переселенцев Томской губернии, выполненное по специально разработанной программе статистического обследования. Венцом научной деятельности Кауфмана стала монография «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях», комплексно раскрывающая сельскохозяйственные реалии региона.

В эпоху становления отраслевой статистики и активного применения статистических методов исследования вклад А.А. Кауфмана в развитие сельскохозяйственной статистики трудно переоценить. Опираясь на многочисленные источники, включая «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», «Материалы для изучения быта государственных крестьян и инородцев в Западной Сибири», а также труды современников Н.М. Астырева, Л.С. Личкова и А.Н. Ушакова, Кауфман создал фундаментальную работу «Крестьянская община в Сибири». Этот труд отличался беспрецедентной глубиной анализа и масштабностью статистического материала. При этом сам исследователь весьма сдержанно относился к романтизации крестьянской общины, не считая аграрно-политический аспект общинного устройства определяющим. Его научный подход характеризовался объективностью и стремлением к всестороннему изучению социально-экономических процессов сибирской деревни.

Научная ценность работ Кауфмана заключается в скрупулезном подходе к сбору и интерпретации статистических данных, что позволило создать максимально достоверную картину крестьянского уклада Сибири конца XIX – начала XX века. Погружаясь в теорию и практику статистического учета, А.А. Кауфман уделял особое внимание функционированию существующих статистических служб. Анализируя информационные массивы, сформированные центральным статистическим органом, он давал критически острую оценку сложившейся системы. Исследователь подчеркивал системную дилемму статистических структур того времени: Центральный статистический комитет и Статистический совет практически находились в состоянии профессиональной стагнации. По мнению Кауфмана, эти институции не только не способствовали развитию статистики как научной дисциплины, но и не могли обеспечить полноценную координацию административно-статистической деятельности, хаотично распределявшейся между различными ведомствами.

Выводы

Таким образом, А.А. Кауфман стал не только критиком существующей статистической системы, но и активным участником ее трансформации и усовершенствования. Научное наследие А.А. Кауфмана выходит за рамки традиционных экономических и статистических исследований. Его работы скорее представляют собой фундаментальные историко-этнографические труды с глубоким социологическим контекстом. Многогранность научного подхода Кауфмана проявляется в комплексном исследовании социальных действий через призму статистических данных. Его методология кардинально трансформировала понимание статистики не только как инструмента количественного анализа, но и как средства научного познания социальной реальности. Принципиальный вклад ученого состоит в расширении методологических горизонтов статистической науки. Он фактически заложил новые стандарты исследования, где цифры и факты становятся не самоцелью, а

инструментом глубокого социального и исторического анализа. Теоретические разработки и практические наработки Кауфмана имеют непреходящее значение для развития науки. Его подход демонстрирует, как статистический учет может трансформироваться в мощный инструмент научного познания, выходящий за рамки простой регистрации данных. Вклад ученого навсегда изменил представление о статистике как чисто технической дисциплине, превратив ее в мощный метод социального исследования.

Список источников

1. Елисеева И.И. Дмитриев А.Л. Очерки по истории государственной статистики России. СПб.: Росток, 2016. 288 с.

2. Ефимова М.Р. Сочетание практической, научной и педагогической деятельности – традиции отечественных статистиков // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 80 – 88.

3. Кауфман А.А. К вопросу о значении измерений дисперсии и теоретической статистике // Статистический вестник. 1916-1917. 89 с.

4. Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика: сборник статей. М.: Изд. Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1915. 511 с.

5. Кауфман А.А. Статистика. Ее приемы и значения для общественных наук. М., 1919. 165 с.

6. Кауфман А.А. Теория и методы статистики. М., 1909. 218 с.

7. Плошко Б.Г. История статистики. М., 1990. 294 с.

8. Скопа В.А. Оформление административной статистической системы в структуре государственного управления Российской империи в первой трети XIX века // Актуальные проблемы исторической науки: сборник научных трудов. Пенза, 2011. Вып. 8. С. 54 – 56.

9. Скопа В.А. Томская губернская статистика и общественные организации во второй половине XIX – начале XX веков: к постановке проблемы // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. М., 2005. С. 55 – 57.

10. Скрыдлов А.Ю. Институциализация статистической науки в университетах Российской империи // Genesis: Исторические исследования. 2020. № 3. С. 24 – 38.

11. Срезневский И.И. Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно. Харьков: Универс. тип., 1839. 124 с.

12. Суетин П.К. Работы академика А.А. Маркова по математическому анализу. М.: Наука, 1987. 251 с.

References

1. Eliseeva I.I. Dmitriev A.L. Essays on the History of State Statistics of Russia. St. Petersburg: Rostok, 2016. 288 p.

2. Efimova M.R. Combination of Practical, Scientific, and Teaching Activities: Traditions of Russian Statisticians. Issues of Statistics. 2015. No. 4. P. 80 – 88.

3. Kaufman A.A. On the Importance of Dispersion Measurements and Theoretical Statistics. Statistical Bulletin. 1916–1917. 89 p.

4. Kaufman A.A. Community. Resettlement. Statistics: A Collection of Articles. Moscow: Publishing House of G.A. Lehman and B.D. Pletnev, 1915. 511 p.

5. Kaufman A.A. Statistics. Its Methods and Significance for the Social Sciences. Moscow, 1919. 165 p.

6. Kaufman A.A. Theory and Methods of Statistics. Moscow, 1909. 218 p.

7. Ploshko B.G. History of Statistics. Moscow, 1990. 294 p.

8. Skopa V.A. Formation of the Administrative Statistical System in the Structure of Public Administration of the Russian Empire in the First Third of the 19th Century. Actual Problems of Historical Science: Collection of Scientific Papers. Penza, 2011. Issue 8. P. 54 – 56.

9. Skopa V.A. Tomsk Provincial Statistics and Public Organizations in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Toward a Problem Statement. Actual Issues in the History of Siberia. Second Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkin. Moscow, 2005. P. 55 – 57.

10. Skrydlov A.Yu. Institutionalization of Statistical Science in Universities of the Russian Empire. Genesis: Historical Research. 2020. No. 3. P. 24 – 38.

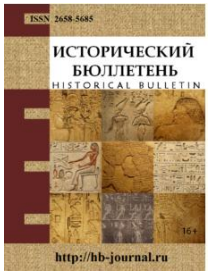
11. Sreznevsky I.I. An Essay on the Subject and Elements of Statistics and Political Economy Comparatively. Kharkov: Universal Type, 1839. 124 p.

12. Suetin P.K. Works of Academician A.A. Markov on Mathematical Analysis. Moscow: Nauka, 1987. 251 p.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

© Скопа В.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(571.56)

Источниковый комплекс по истории ОСОАВИАХИМа Якутской АССР: проблемы репрезентативности и интерпретации

[1] Варвариков Д.С.,
[1] Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Аннотация: статья представляет собой комплексный источниковедческий анализ документальной базы по истории Якутской республиканской организации ОСОАВИАХИМа за период 1927-1948 гг. В основу исследования положены ранее не публиковавшиеся материалы Национального архива Республики Саха (Якутия) и муниципальных архивов, впервые вводимые в научный оборот. Особое внимание уделяется критическому анализу репрезентативности различных групп источников, в первую очередь официальной отчетной документации, которая за парадными цифрами скрывала реальное состояние дел в организации. Автор детально рассматривает методику источниковедческой критики, позволяющую выявить за формальными показателями такие характерные явления, как массовый формализм, системные приписки и фиктивный характер деятельности многих первичных организаций.

В работе доказывается необходимость комплексного использования разнообразных видов источников – отчетных документов, ведомственной переписки, материалов ревизионных проверок, местной периодической печати и воспоминаний – для реконструкции объективной картины деятельности ОСОАВИАХИМа в специфических условиях Якутии. Разработанная методика позволяет преодолеть ограниченность официальной статистики и выявить реальные механизмы функционирования организации. Статья вносит существенный вклад в развитие источниковедения истории общественных организаций СССР, предлагая новые подходы к работе с документами тоталитарной эпохи. Полученные результаты имеют важное значение для изучения не только истории оборонного общества, но и более широких проблем взаимодействия центра и периферии в советской административной системе.

Ключевые слова: источниковедение, ОСОАВИАХИМ, Якутская АССР, архивные документы, репрезентативность, историческая интерпретация, отчетность, формализм, Национальный архив РС(Я)

***Для цитирования**: Варвариков Д.С. Источниковый комплекс по истории ОСОАВИАХИМа Якутской АССР: проблемы репрезентативности и интерпретации // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 237 – 241.*

Поступила в редакцию: 21 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The source complex on the history of the YASSR OSOAVIAKHIM: problems of representativeness and interpretation

[1] Varvarikov D.S.,
[1] M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract: this article provides a comprehensive source study analysis of the documentary base on the history of the Yakut Republican Organization of OSOAVIAKHIM for the period 1927-1948. The research is based on previously unpublished materials from the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) and municipal archives,

introduced into scholarly discourse for the first time. Particular attention is paid to a critical analysis of the representativeness of various source groups, primarily official reporting documentation, which concealed the organization's actual state of affairs behind impressive statistics. The author details the methodology of source criticism, which makes it possible to identify, beyond the formal indicators, such characteristic phenomena as widespread formalism, systemic data falsification, and the fictitious nature of the activities of many primary organizations.

The study argues for the necessity of a comprehensive use of diverse source types – reporting documents, internal correspondence, audit materials, local periodicals, and memoirs – to reconstruct an objective picture of OSOAVIAKHIM's activities in the specific conditions of Yakutia. The developed methodology allows for overcoming the limitations of official statistics and revealing the real mechanisms of the organization's functioning. The article makes a significant contribution to the development of source studies concerning the history of Soviet public organizations by proposing new approaches to working with documents from the totalitarian era. The obtained results are important for studying not only the history of the defense society but also the broader issues of the center-periphery interaction within the Soviet administrative system.

Keywords: source studies, OSOAVIAKHIM, YASSR, archival documents, representativeness, historical interpretation, reporting, formalism, National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)

***For citation**: Varvarikov D.S. The source complex on the history of the YASSR OSOAVIAKHIM: problems of representativeness and interpretation. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 237 – 241.*

The article was submitted: July 21, 2025; Approved after reviewing: September 18, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Источниковедческий анализ является фундаментальной основой любого исторического исследования. При изучении деятельности советских общественных организаций, особенно в сталинский период, он приобретает особое значение в связи со спецификой формирования источниковой базы, характеризующейся высокой степенью идеологизации и тенденциозности. История ОСОАВИАХИМа Якутской АССР не является исключением. Несмотря на наличие значительного массива архивных материалов, их репрезентативность и достоверность требуют тщательного критического анализа.

Целью данного исследования является выявление состава, специфики и проблем репрезентативности источникового комплекса по истории ОСОАВИАХИМа ЯАССР. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- Классифицировать и охарактеризовать основные группы источников;
- Выявить системные проблемы репрезентативности официальной отчетной документации;
- Разработать методические подходы к критике источников и их комплексной интерпретации;
- Продемонстрировать на конкретных примерах возможности реконструкции реальной картины деятельности организации.

Материалы и методы исследований

Методологическую базу исследования составляют принципы историзма и объективности, а также специальные методы источниковедческого анализа (внешняя и внутренняя критика источника), сравнительно-исторический и статистический методы.

Результаты и обсуждения

1. Состав и характеристика источникового комплекса

Источниковая база по истории ОСОАВИАХИМа ЯАССР представляет собой сложный многокомпонентный комплекс, который можно классифицировать по следующим основным группам:

1. **Официальная делопроизводственная документация** составляет ядро источниковой базы. В Национальном архиве РС(Я) фонд Р-624 (Центральный Совет Осоавиахима ЯАССР) содержит протоколы заседаний, годовые отчеты, статистические сводки, переписку с районными советами. Особую ценность представляют материалы проверок, выявлявшие расхождения между отчетными данными и реальным положением дел [1].
2. **Партийные документы** (фонды П-3, П-35, П-375 НА РС(Я)) отражают механизмы партийного контроля над деятельностью организации, содержат характеристики руководящих кадров, информацию о чистках и репрессиях.
3. **Документы местных советов ОСОАВИАХИМа**, хранящиеся в муниципальных архивах Чурапчинского, Таттинского, Олекминского, Кобяйского, Нюрбинского и других улусов, позволяют изучать региональную специфику деятельности организации [2].
4. **Периодическая печать** (газеты "Кыым",

"Социалистическая Якутия", "Автономная Якутия") содержит богатый материал о повседневной деятельности организации, пропагандистских кампаниях, однако требует критического отношения в силу своей агитационной направленности.

5. **Визуальные источники** (фотографии, плакаты) и материалы личного происхождения (воспоминания) дополняют официальную документацию, но их сохранность и репрезентативность ограничены.

2. Проблемы репрезентативности официальной отчетности

Ключевой проблемой источниковедения истории ОСОАВИАХИМа является критический анализ официальной отчетной документации. Парадный характер отчетов, составлявшихся для вышестоящих инстанций, скрывал реальное положение дел в организации.

Ярким примером служат данные о численном составе организации. Согласно отчетам ЦС ОСОАВИАХИМа ЯАССР, на 1 июня 1947 года в организации состояло 36 440 членов [3, л. 45]. Однако проведенные проверки выявили массовые приписки. В Якутском Горсовете вместо "существующих" 8869 членов фактически насчитали только 3137 человек. В Горном районе из 195 числившихся первичных организаций реально функционировали лишь три [4, л. 5-6].

Аналогичные проблемы характерны для отчетов о военной подготовке. В Нюрбинском районе в отчетах фигурировала подготовка 17 снайперов за 10 дней, что физически невозможно при существовавших программах обучения [4, л. 7]. Подобные факты свидетельствуют о ориентации местного руководства на формальное выполнение количественных показателей.

Особую проблему представляет статистика выполнения плановых заданий. Например, в первые полгода войны планы по подготовке ворошиловских стрелков в Якутии выполнялись лишь на 15,8% (I ступень) и 12,1% (II ступень) [5, л. 18], однако в сводных отчетах эти показатели часто "корректировались".

3. Методика критики источников и комплексной интерпретации

Для преодоления проблем репрезентативности источников необходима разработка специальной методики их критики, включающей:

1. Сравнительный анализ документов различного происхождения – сопоставление данных официальной отчетности с материалами проверок, перепиской, жалобами. Например, отчеты о "успешной" работе ОСОАВИАХИМа в колымских районах в конце 1920-х годов опровергаются воспоминаниями ветерана труда И. Сухомясова, свидетельствующего, что реальная работа там либо не велась, либо не документировалась [6, с. 34].

2. Выявление внутренних противоречий в документах. В отчетах часто соседствуют данные о "перевыполнении планов" и жалобы на катастрофическую нехватку оружия, инструкторов, финансирования. Так, в докладе 1947 года констатируется "выполнение контрольных заданий на 122%", но одновременно отмечается, что "стрелково-спортивная работа из-за отсутствия малокалиберных патронов лишена возможности участвовать во Всесоюзных соревнованиях" [7, с. 21].

3. Контент-анализ формулировок и стандартных клише, характерных для документов эпохи. Фразы типа "дело обстоит неблагополучно", "имеются серьезные недостатки", "работа страдает формализмом" при системном анализе позволяют выявить реальные, а не декларируемые проблемы.

4. Перекрестная проверка данных по различным периодам и регионам. Сравнение динамики численности организации, показателей подготовки в процветающих и депрессивных районах позволяет выявить аномалии и противоречия.

4. Возможности реконструкции реальной картины деятельности организации

Несмотря на отмеченные проблемы, комплексное использование различных групп источников позволяет реконструировать объективную картину деятельности ОСОАВИАХИМа ЯАССР.

Например, анализ кадрового состава организации становится возможным при сопоставлении данных официальной статистики, материалов партийных характеристик и документов о репрессиях. Это позволяет проследить судьбу таких руководителей, как Гавриил Табунанов – энергичного организатора, снятого с должности в 1937 году по обвинению в связях с "врагом народа" Р. Эйдеманом [8, л. 33].

Реконструкция материально-технического обеспечения организации возможна через сопоставление заявок на снаряжение, накладных на его получение и актов проверок сохранности имущества. Это выявляет хронический дефицит ресурсов: в 1939 году для нужд организации было выделено всего 80 винтовок, ни одного пулемета и 120 зачастую устаревших гранат [9, л. 28], что совершенно не соответствовало потребностям.

Изучение адаптационных практик организации к условиям Якутии требует привлечения самых разнообразных источников – от официальных отчетов об использовании элементов традиционных промыслов в подготовке стрелков до заметок в местной прессе о развитии национальных видов спорта в условиях дефицита инвентаря.

Проведенное исследование позволяет сделать

вывод о сложном и противоречивом характере источникового комплекса по истории ОСОАВИАХИМа Якутской АССР. С одной стороны, он представляет значительный по объему и разнообразию массив материалов, позволяющий изучать различные аспекты деятельности организации. С другой стороны, высокая степень тенденциозности многих документов, особенно официальной отчетности, требует разработки специальных методов критического анализа.

Ключевой проблемой источниковедения является преодоление парадного фасада отчетных документов и реконструкция реальной практики функционирования организации. Это возможно через комплексное использование различных групп источников, выявление внутренних противоречий в документах, сравнительный анализ данных за разные периоды и по разным регионам.

Разработанная методика критики источников позволяет не только выявлять формализм и приписки в работе ОСОАВИАХИМа, но и реконструировать механизмы адаптации общесоюзной модели к специфическим условиям Якутии, выявлять реальные, а не декларируемые проблемы в кадровом обеспечении, материально-техническом оснащении и организационной работе.

Выводы

Таким образом, при правильной методике работы источниковый комплекс по истории ОСОАВИАХИМа ЯАССР представляет значительную ценность для изучения не только собственно истории оборонного общества, но и более широких проблем взаимодействия центра и периферии в советской системе, механизмов реализации государственной политики в национальных регионах, а также повседневной жизни советской провинции в 1927-1948 гг.

Список источников

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 1-150.
2. Муниципальный архив Чурапчинского улуса. Ф. 1. Оп. 1. 1945-1947 гг.
3. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 2. Д. 78. Л. 45-47.
4. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 201. Л. 5-8.
5. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 131. Л. 18-19.
6. Сухомясов И.Н. Орто Халымаулууһугар ОСОАВИАХИМ-тан ЫБМ диэри: история кэрчиктэрэ, субэлэ-амалар. Якутск, 2014. 135 с.
7. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 2. Д. 82. Л. 21-23.
8. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 95. Л. 33-35.
9. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 102. Л. 28-29.
10. Анохин А.И. ДОСААФ России: история и современность. М.: ДОСААФ России, 2009. 455 с.
11. Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927-1941 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 348 с.
12. Преображенский А.А. Теория и методика источниковедения в отечественной истории. М.: РГГУ, 2015. 320 с.
13. Токарев П.Н. История военного комиссариата Республики Саха (Якутия). Ч. 1. Якутск: Бичик, 2018. 400 с.

References

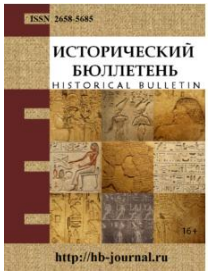
1. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Y)). F. R-624. Op. 1. D. 1-150.
2. Municipal archive of Churapchinsky ulus. F. 1. Op. 1. 1945-1947
3. ON RS(Y). F. R-624. Op. 2. D. 78. L. 45-47.
4. ON RS(Y). F. R-624. Op. 1. D. 201. L. 5-8.
5. ON RS(Y). F. R-624. Op. 1. D. 131. L. 18-19.
6. Sukhomyasov I.N. Orto Halymauluuhugar OSOAVIAKHIM-tan YBM dieri: history of kerchiktere, subeleamalar. Yakutsk, 2014. 135 p.
7. ON RS(Y). F. R-624. Op. 2. D. 82. L. 21-23.
8. ON RS(Y). F. R-624. Op. 1. D. 95. L. 33-35.
9. ON RS(Y). F. R-624. Op. 1. D. 102. L. 28-29.
10. Anokhin A.I. DOSAAF of Russia: history and modernity. M.: DOSAAF Russia, 2009. 455 p.

11. Nikonova O.Yu. Raising patriots: Osoaviakhim and military training of the population in the Ural province (1927-1941). M.: New Chronograph, 2010. 348 p.
12. Preobrazhensky A.A. Theory and methodology of source study in Russian history. M.: RSUH, 2015. 320 p.
13. Tokarev P.N. History of the military commissariat of the Republic of Sakha (Yakutia). Part 1. Yakutsk: Bichik, 2018. 400 p.

Информация об авторе

Варвариков Д.С., ассистент кафедры истории, обществознания и политологии, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского 58, каб. 520, depo139@mail.ru

© Варвариков Д.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 331.108.2:355.354(470)

Деятельность главного управления и политорганов гражданского воздушного флота по активизации духовного фактора во фронтовых и тыловых условиях в годы Великой Отечественной войны

[1] Кузнецов В.Н.,
[1] Лавская К.К.,
[1] Санкт-Петербургский университет гражданской авиации им. А.А. Новикова

Аннотация: статья посвящена анализу деятельности Главного и Политического управлений ГВФ, территориальных партийно-политических органов по активизации духовного (идейно-нравственного и психологического) фактора во фронтовых подразделениях и тыловых авиапредприятиях в годы Великой Отечественной войны. Рассматривается значение понятия «духовный фактор», направления, формы, средства и методы политико-воспитательной работы, проводимой политработниками, партийными и общественными организациями по мобилизации и сплочению воинских и трудовых коллективов, формированию у личного состава необходимых в боевой обстановке и на трудовом фронте ментальных качеств (патриотизма, мужества, воинской чести, верности в дружбе, самоотверженности, взаимопомощи, совестливости, отзывчивости к чужому горю, энтузиазма в коллективном труде, трудолюбия и др.), благодаря которым успешно решались боевые и производственные задачи. Результаты исследования актуальны для реализации намеченного высшими органами государственной власти стратегического курса развития России.

Ключевые слова: Главное управление, политорганы ГВФ, духовный фактор, ментальность, партийно-политическая и идейно-воспитательная работа, фронтовые и тыловые подразделения, Великая Отечественная война

***Для цитирования**: Кузнецов В.Н., Лавская К.К. Деятельность главного управления и политорганов гражданского воздушного флота по активизации духовного фактора во фронтовых и тыловых условиях в годы Великой Отечественной войны // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 242 – 249.*

Поступила в редакцию: 21 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Activities of the main department and political bodies of the civil air flight to activate the spiritual factor in front and rear conditions during the Great Patriotic War

[1] Kuznetsov V.N.,
[1] Lavskaya K.K.,
[1] Saint-Petersburg State University of Civil Aviation named after A.A. Novikov

Abstract: the article analyzes the activities of the Main and Political Directorates of the Civil Air Fleet, as well as the territorial party and political bodies, in promoting the spiritual (ideological, moral, and psychological) factor in frontline units and rear aviation enterprises during the Great Patriotic War. The article examines the meaning of the concept of "spiritual factor," as well as the directions, forms, means, and methods of political and educational work carried out by political officers, party organizations, and public organizations to mobilize and unite military

and labor collectives, and to develop the mental qualities necessary for combat and labor in the military and labor fronts (patriotism, courage, military honor, loyalty in friendship, selflessness, mutual assistance, conscience, empathy for others' suffering, enthusiasm in collective work, diligence, etc.).Thanks to them, combat and production tasks were successfully solved. The results of the study are relevant both for using the experience of organizing political and educational work by command and leadership personnel and political officers of civil aviation units in the zone of the special military operation, and for implementing the strategic course of Russia's development planned by the highest state authorities.

Keywords: Main Directorate, political bodies of the Civil Air Fleet, spiritual factor, mentality, party-political and ideological work, front-line and rear units, and the Great Patriotic War

***For citation**: Kuznetsov V.N., Lavskaya K.K. Activities of the main department and political bodies of the civil air flight to activate the spiritual factor in front and rear conditions during the Great Patriotic War. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 242 – 249.*

The article was submitted: July 21, 2025; Approved after reviewing: September 18, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

В настоящее время наблюдается повышенный интерес российского общества к отечественной истории, системе образования и воспитания, что обусловлено рядом причин. Во-первых, в результате либеральных реформ 1990-х гг., затронувших все сферы общественной жизни, в том числе и духовную, были подорваны идейно-нравственные основы воспитательной деятельности. Следствием курса на деидеологизацию явились деструктивные изменения у значительной части российского общества, выразившиеся, с одной стороны, в снижении привлекательности традиционных идейно-нравственных ценностей, составляющих основу российского менталитета, а, с другой стороны, замещении их псевдодемократическими западными ценностями (индивидуализм, прагматизм, конкурентность, стремление к обогащению и т.д.).

Во-вторых, в начале XXI века в связи с изменением геополитической ситуации вокруг России западные подрывные идеологические центры развернули массированное информационно-психологическое воздействие на население, в первую очередь, молодое поколение с целью подрыва духовного потенциала России. Для противодействия деструктивным замыслам противника в декабре 2014 г. была утверждена новая Военная доктрина Российской Федерации. В 2018 г. Коллегия Министерства Обороны и Совет Безопасности РФ в целях информационной защиты Вооруженных Сил РФ обратилась с предложением к Президенту РФ В.В. Путину создать в Вооруженных Силах систему военно-политической работы (ВПР), который поддержал эту инициативу. 30 июля 2018 г. указом Президента РФ было учреждено Главное военно-политическое управление ВС РФ. В соответствии с приказом Министерства Обороны № 404 от 22.07.2019 г. «Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации» началось формирование этой системы.

80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне послужили исходной точкой для реализации государством комплекса мероприятий, направленных на сплочение воинских и тыловых трудовых коллективов, формирование патриотизма у народов России, столь необходимых во время мобилизации всех возможных ресурсов страны на отражение внешней агрессии геополитического противника.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался комплексный историко-педагогический и архивно-исторический подход, включающий анализ документов Главного управления и Политического управления ГВФ, приказов Министерства обороны, указов Президента РФ, а также материалов партийно-политических органов и общественных организаций авиапредприятий в годы Великой Отечественной войны. Основой эмпирической базы стали отчёты, планы, протоколы заседаний, стенгазеты, листовки, газеты, а также воспоминания участников событий и публикации советской и современной историографии, отражающие деятельность политорганов ГВФ и их влияние на формирование идейно-нравственных, профессионально-деловых и психологических качеств авиаспециалистов. Методы исследования включали системный анализ, сравнительно-исторический метод, контент-анализ печатных и устных источников, а также количественные и качественные приёмы оценки эффективности политико-воспитательной работы, направленной на мобилизацию личного состава, сплочение фронтовых и тыловых коллективов и активизацию духовного потенциала, обеспечивавшего успешное выполне-

ние боевых и производственных задач. Такой методологический подход позволял выявить формы, средства и методы политорганов ГВФ, оценить их воздействие на морально-психологическую готовность и профессиональное мастерство авиаработников, а также определить особенности функционирования партийно-политической системы управления в условиях военного времени.

Результаты и обсуждения

Не претендуя на освещение проблемы организации и совершенствования ВПР, выходящей за рамки нашего исследования и достаточно полно раскрытой в литературе, дадим краткий обзор литературы по избранной теме в отечественной историографии. В советской литературе исследованию деятельности политорганов Красной Армии и ВМФ на фронте и в тылу уделялось большое внимание. В меньшей степени отражена в ней деятельность Главного Управления и органов партийно-политической работы ГВФ [1, 4, 5, 7]. Среди немногих общих работ по истории гражданской авиации и рассматриваемой теме выделяется исследование Н.А. Котова, в котором подробно раскрываются содержание и механизм политической и организаторской работы, проводимой в подразделениях ГВФ в годы Великой Отечественной войны. Эта работа, проводимая политорганами, командным составом и общественными организациями ГВФ, по мнению автора, укрепляла моральный дух авиаторов, воспитывала у них чувство патриотизма, боевые качества, способствовала росту профессионального мастерства на протяжении всего периода войны. В целом положительно оценивая результаты деятельности партийно-политических органов, в тоже время Н.А. Котов отметил ее неоднозначность, обусловленную противоречивостью влияния «власти ВКП(б) на советское общество». С одной стороны, политические партии зарубежных стран не играли такой роли, как в СССР, а в их армиях в годы Второй мировой войны не было такого же проявления патриотизма, самоотверженности, жертвенности и массового героизма. С другой стороны, в исследовании отмечены и недостатки в проведении организаторской и политической работы (ограничение внутрипартийной и внутрисоюзной демократии, сковывавшее инициативу и самостоятельность коммунистов и комсомольцев; администрирование и формализм в воспитательной работе; переоценка роли и значения марксистко-ленинской подготовки личного состава; ошибки в подборе и расстановке кадров партийно-политического аппарата и др.) [7, с. 3, 14-15]. Говоря об особой значимости «морального фактора», отечественные историки воздавали должное и другим специфическим для советской системы управления факторам (централизованной, плановой социально-экономической системе государственного управления, которая в начале Великой Отечественной войны была оперативно перестроена в единую, военно-политическую систему управления, возглавляемую общенациональным лидером – И.В. Сталиным). Эти факторы в совокупности обеспечили Великую Победу в борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками.

Анализ современной литературы по рассматриваемой теме, свидетельствует о возрастании внимания к ней ученых и практиков. Не случайным представляется и большой интерес высшего государственного и военного руководства страны к проблеме организации и совершенствования ВПР, активная разработка учебно-методической литературы по новой дисциплине в 2020-2025 гг. в государственных военных учебных заведениях. Не обходят вниманием исследователи и опыт организации партийно-политической и идеологической работы в Вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны, в том числе и по рассматриваемой в данной статье теме. Однако тематика и содержание исследований ограничена узкими хронологическими и предметно-тематическими рамками.

Завершая обзор литературы, необходимо подчеркнуть, что рассматриваемая тема еще недостаточно разработана. В советской и современной историографии «духовный (морально-политический) фактор», сыгравший важную роль в достижении Великой Победы, по нашему мнению, ограничивается лишь несколькими морально-политическими качествами авиаторов, тогда как их общее количество было больше. Более того, по нашему мнению, у представителей конкретных социально-профессиональных групп авиаспециалистов (пилотов, инженерно-технический состав, связисты и т.д.) количество личных и профессионально-деловых качеств было разным, как и степень развития. Вообще говоря, до настоящего времени в исторической литературе еще недостаточно разработан вопрос о месте и роли российского (советского) менталитета, сыгравшем определяющую (если не сказать, ключевую) роль в Победе советского народа в Великой Отечественной войны.

Сознавая сложность рассматриваемой проблемы и ограниченность объема статьи, авторы не претендуют на полное освещение всех ее аспектов. Целью данной статьи является выяснение основных направлений, форм, средств и методов деятельности политорганов ГВФ по формированию базовых идейно-политических, нравственно-

психологических и профессиональных качеств, составлявшими сердцевину духовного фактора, у авиаспециалистов в годы Великой Отечественной войны, позволяющих с успехом осуществлять свою профессиональную деятельность в боевых условиях и тыловых авиапредприятиях.

Среди факторов, обеспечивших успешные действия гражданской авиации в годы Великой Отечественной войны, особое место занимал «духовный фактор». В литературе под ним подразумевается «общественное сознание авиаработников, выражающее их отношение к войне, степень морально-психологической готовности и способности решать сложные задачи, преодолевать трудности и лишения, вынести все испытания и сохранить волю к победе» [7, с. 3]. Поддерживая в целом такую трактовку, авторы считают ее недостаточной, не раскрывающей специфики и содержания организационно-политического и идейно-воспитательного «механизма» активизации духовного потенциала личного состава ГВФ. Устранить это противоречие возможно выяснение сущности понятий «советский (российский) менталитет» населения страны и «российская цивилизация». Менталитет представляет собой совокупность особенностей мышления, свойственных определенной социальной группе, народу и т.д. Особенности мышления находят отражение в проявлении культуры через демонстрацию определенной модели поведения в различных ситуациях, отражающих мировосприятие народа [2, с. 350]. Свою особую роль в отличительных особенностях менталитета народов СССР играют принятые и разделяемые народные ценности. К ценностям, присущим большинству населения советского периода, сохранившим и приумножившим их народам Российской Федерации, относятся: стремление к коллективизму, общности и приоритету духовных ценностей над материальным богатством, что отличается от западноевропейских ценностей, связанных с индивидуализмом, прагматизмом, стремлением к обогащению и т.д. [9, с. 189].

Опуская описание в упомянутом выше труде специфики указанных ценностей в экономической жизни, социальных отношений и государственности, духовного мира, скажем лишь, что для нашей темы важен не весь комплекс идейно-нравственных ценностей и психологических качеств, свойственных российскому менталитету, а только те ментальные качества советских воинов и тружеников тыла, которые являлись главной целью и основой организационной и политической-воспитательной работы (далее ПВР), разрабатываемой и осуществляемой на всех уровнях государственно-политического руководства, начиная с высшего (Ставка Верховного главнокомандования, СНК, ЦК ВКП (б) и др.), центрального и местного отраслевого управления (ГУ ГВФ) и заканчивая низовыми субъектами организаторской и политико-воспитательной работы (политотделы, партийные и общественные организации авиапредприятий). Перейдем к рассмотрению избранной темы.

С лета 1941 года высшие и местные партийно-политические и иные органы управления страной претерпели изменения, вызванные началом военных действий в годы Великой Отечественной войны и необходимые для осуществления эффективной работы и решения новых задач военного времени [10, с. 174]. Так, одним из изменений стало утверждение «Положения о Главном Управлении Гражданского Воздушного флота на военное время» [5, с. 148], который лег в основу разработанных планов по развертыванию баз по производству военной техники и оружия в восточных районах СССР. Изменения затронули и партийно-политическую работу (ППР), составной частью которой являлась политико-воспитательная работа, направленная на идейно-нравственное и психологическое воздействие на личный состав гражданской авиации [8].

Особое положение в разработке и реализации ПВР в масштабе отрасли занимали Главное управление и Политическое управление ГВФ (далее ПУ ГВФ). В своей практической работе последнее опиралось на политотделы фронтовых и тыловых подразделений. Перед политотделами, партийными и комсомольскими организациями стояла задача осуществить работу по психологической перестройке личного состава ГВФ.

Главными функциями ПУ ГВФ являлись: разработка основных направлений деятельности политорганов, партийных и комсомольских организаций, идейно-политическое и нравственное воспитание авиаспециалистов; подбор и расстановка кадров политработников для фронтовых подразделений и политотделов территориальных управлений ГВФ; создание резерва политсостава; обобщение и распространение положительного опыта воспитания авиаработников и организации партийно-политической работы; забота о материальном обеспечении и бытовом устройстве авиаторов. Политуправление ГВФ также осуществляло контроль и проверку исполнения партийно-политическими органами, партийными и комсомольскими организациями постановлений ЦК ВКП (б), решений правительства, приказов Верховного Главнокомандующего и НКО СССР, директив Главного политического управления РККА (ГлавПУ РККА). Оно организовывало выполнение

решений вышестоящих партийных, государственных, военных инстанций и являлось органом обратной связи.

Необходимая численность работников политорганов и задачи, поставленные перед ними, с начала войны неоднократно пересматривались. Такие изменения напрямую зависели от успехов или трудностей на фронте, влекущие за собой постановку новых задач и выделения новых функций у политработников [11]. Важной частью перестройки ППР было перераспределение партийных сил из тыловых организаций в военные, в результате которого значительное количество коммунистов перешло на военную работу, увеличивалась партийная прослойка среди авиаработников. На заключительном этапе Великой Отечественной войны в тыловых территориальных управлениях и учреждениях ГВФ каждый третий авиаспециалист был коммунистом. Во фронтовых частях и соединениях насчитывалось 37% членов и кандидатов в члены ВКП (б). Как на фронте, так и в тылу, гражданские авиаторы отдавали все силы и не жалели своей жизни для Родины и быстрейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков. По состоянию на 1 августа 1944 г. система управления ППР включала: 31 политотдел, 345 первичных партийных организаций, 8950 членов и кандидатов в члены ВКП (б), 8201 комсомолец .

В начале войны инициаторы преобразований наделили их исключительно идеологическими функциями, затем наделили их правами командно-руководящих кадров, что нарушило принцип единоначалия и нередко приводило к двоевластию с неизбежными негативными последствиями. По мере накопления опыта и профессионального обучения политорганы заняли свое место в системе управления личным составом на фронте и в тылу, приобрели необходимый для успешной ПВР интеллектуальный и идейно-нравственный потенциал. Политорганы ГВФ активной организаторской деятельностью воодушевляли авиаторов, обеспечивали выполнение боевых задач, укрепляли дисциплину. Всеми формами, средствами и методами (от убеждения до принуждения) воспитывали у авиаторов такие необходимые и в боевой обстановке, и на трудовом фронте качества, как: патриотизм, мужество, готовность к самопожертвованию во имя Отечества, героизм, ответственность, трудолюбие, чувство взаимопомощи, интернационализм (укрепление дружбы народов и преодоление межнациональных разногласий). Кроме этого, они отвечали за организацию и проведение мероприятий, направленных на обеспечение безопасности полетов, поддержание и укрепление дисциплины в коллективах, улучшение условий труда и быта.

В начале Великой Отечественной войны политработники особое внимание уделяли формированию патриотизма в авиаколлективах. В целях воспитания идейно-политических и психологических качеств авиаторов, ненависти к захватчикам, популяризации героизма и мужества политработники на митингах распространяли листовки, зачитывали выдержки из газет, в которых сообщалось о подвигах советских пилотов, специалистов наземных служб. Эти формы и средства ППР получили широкое распространение в подразделениях особого назначения, действующих во фронтовых условиях. 6 таких групп были созданы в июне 1941 г отдельными приказами Главного Управления ГВФ. Результаты воспитательной работы оказались успешными. При выполнении заданий авиаторы ГВФ проявляли образцы мужества и самоотверженности. Так, например, «при перевозке раненых из угрожаемой полосы, пилоты Прибалтийской группы тт. Зинченко, Гребенюк и Андреев выполняли в день по 20-25 рейсов, вывозя каждый раз до 70 раненых, находясь за штурвалом самолета по 14-16 часов в сутки».

При формировании авиагрупп особого назначения руководители Главного и Политического управлений ГВФ требовали от командиров и комиссаров авиагрупп добиваться организованности и сплоченности личного состава, прикреплять его к магазинам и закрытым торговым сетям, оказывать помощь семьям в разрешении бытовых условий.

В тыловых подразделениях ГВФ партийно-политический аппарат, партийные и общественные организации в первые месяцы Великой Отечественной войны проводили активную политико-воспитательную работу, главными задачами которой были: мобилизация усилий на всемерную помощь фронту, достижение максимальной производительности труда и высокого качества военной продукции. В этой деятельности КПСС опиралась на государственные и общественные организации – Советы депутатов трудящихся, профсоюзы, комсомол. Коммунисты и комсомольцы были инициаторами общественных движений, примером самоотверженного труда, инициаторами социалистического соревнования. Так, в ноябре 1944 г. накануне 25-летия Ленинского комсомола комсомольцы и молодежь ремонтных предприятий ГВФ взяли на себя клятвенное обязательство «…умножить количество двухсотников и фронтовых бригад, работать еще с большей энергией, мобилизовать все силы, чтобы полностью обеспечить Красную армию всем необходимым для разгрома врага». И

свои обязательства они выполнили успешно. Количество таких бригад выросло до 150. Благодаря помощи партийных и комсомольских организаций, на заводе № 245 бригады комсомольцев Рафикова, Хмельникеева, Евсеевского и. др. ежемесячно выполняли свои производственные задания на 300-400%.

В годы Великой Отечественной войны Советский Союз столкнулся с беспрецедентными социально-экономическими трудностями. Экономика страны была полностью перестроена на военный лад, что обусловило мобилизацию всех ресурсов для нужд фронта и тыла. Вынужденное перераспределение трудовых и материальных ресурсов в первую очередь на обеспечение боевых подразделений, привело к значительному снижению уровня жизни гражданского населения. Продовольственные карточки, ограничения на потребление и длительные рабочие смены стали нормой для большинства тружеников тыла, включая и сотрудников авиапредприятий. В таких условиях поддержание морального духа и работоспособности населения стало важнейшей задачей государства и его структур, включая авиапредприятий. ПВР в тыловых подразделениях ГВФ была направлена на преодоление дефицита материально-технических ресурсов, улучшение организации питания, обеспечение приемлемых бытовых условий. Лекции и беседы, проводимые в коллективах, помогали работникам осознать важность их вклада в общую победу, укрепляли их моральный дух и стимулировали к выполнению задач в условиях ограниченных возможностей. Эти мероприятия способствовали созданию атмосферы взаимопомощи и коллективной ответственности, что стало одним из факторов успешного выполнения задач, стоящих перед ГВФ.

Политико-воспитательная работа в тыловых подразделениях ГВФ включала разнообразные формы, средства и методы идейно-нравственного воспитания. Среди них наиболее распространенными и важными были: устная агитация и пропаганда, печатные издания (стенгазеты и листовки), радио, наглядная агитация, которые информировали сотрудников о текущих событиях, достижениях и задачах, литература и искусство. Эти материалы не только служили источником информации, но и вдохновляли работников на выполнение своих обязанностей, напоминая им о важности их вклада в общую победу. Партийные и комсомольские собрания, лекции играли ключевую роль в воспитательной работе. Они проводились с участием партийно-политического аппарата, идеологического актива, которые разъясняли текущую политическую ситуацию, поднимали вопросы патриотизма и ответственности за выполнение задач. Такие мероприятия способствовали формированию у сотрудников чувства сопричастности к общей борьбе и укрепляли их веру в победу. Кроме того, с теми же целями проводились совещания командно-руководящих кадров, конференции личного состава авиапредприятий. Партполитаппарат принимал непосредственное участие в организации военно-технической учебы личного состава, совершенствовании летного мастерства пилотов, обобщении и распространении опыта передовых авиапредприятий по снижению аварийности, воспитании у авиаработников бережного обращения к технике и расходования горюче-смазочных материалов.

Культурно-просветительские мероприятия стали важной частью идейно-воспитательной работы в тылу. Они включали выступления артистов, демонстрацию кинофильмов и проведение литературных вечеров. Эти мероприятия не только повышали культурный уровень сотрудников, но и создавали атмосферу соучастия в общем деле, чувства сплоченности в коллективе.

Перестройка партийно-политической и идейно-воспитательной работы дала положительные результаты уже на начальном этапе войны, что привело к дальнейшему повышению профессионализма политработников и применению разнообразных и более сложных методов работы с авиаперсоналом за счет использования периодической печати, организации и пропаганды социалистического соревнования, конференций, учебных курсов и культурно-развлекательных мероприятий [6].

Выводы

В ходе исследования авторы проанализировали деятельность политорганов гражданского воздушного флота по активизации духовного фактора во фронтовых и тыловых условиях в годы Великой Отечественной войны. Деятельность политработников выходила за рамки традиционных идейно-политических функций и способствовала формированию у авиаспециалистов не только профессиональных навыков, но и устойчивых идейно-нравственных и психологических качеств, необходимых для успешного выполнения боевых задач в условиях военной обстановки и в трудовой деятельности в тыловых авиапредприятиях. Полученные результаты подчеркивают актуальность формирования духовного потенциала страны в период кризиса, а также важность опыта организации патриотической работы для решения современных задач, стоящих перед руководством страны.

Список источников

1. Филиппов В.В.. Авиация Красноярского края в документах архивов, публикациях и фотографиях. Гражданская авиация в Красноярском крае 1938-1942 годах. Документальное издание. Красноярск: СФУ, 2017. С. 294.
2. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. 3-е изд. М.: Мартин, 2011. С. 350.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза.1941-1945: 4 том / Ред. кол. Поспелов П.Н. и др. ИМЛ при ЦК КПСС. Отд. истории Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1963. 253 с.
4. История гражданской авиации СССР. Научно-популярный очерк / Под общей ред. Б.П. Бугаева. М.: Воздушный транспорт, 1973. 20 с.
5. История отечественной гражданской авиации / Отв. ред. И.А. Филатов. М.: Воздушный транспорт, 1996. С. 148.
6. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941-1945): Документы и материалы. М.: Политиздат, 1970. С. 118.
7. Котов Н.А. Политическая и организаторская работа в Гражданском Воздушном Флоте в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): автореф. дис. … канд. истор. наук. СПб., 1996. 13 с.
8. Кузнецов В.Н. Идейно-воспитательная работа КПСС в коллективах гражданской авиации (1971-1975 гг.): автореф. дис. … канд. истор. наук. Л., 1989. С. 8 – 13.
9. Курс отечественной истории IX – нач. XXI веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе: учебник для вузов / Под ред. Л.И. Ольштынского. 3-е изд. М.: Изд-во ИТРК, 2012. С. 189.
10. Мальцев Е.Е., Кабанов А.А., Жилин Н.А. Партия и армия. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1980. С. 174.
11. Политорганы Советских Вооруженных Сил: историко-теоретический очерк. М., 1984. С.178; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 643. Оп. 2. Д. 10. л. 70, 76.
12. Комаров Н.Я. Постановление Государственного Комитета Обороны № 1657 от 26.04.1942 года. Приложение 2. Государственный Комитет Обороны постановляет: Документы. Воспоминания. Комментарии. М.: Воениздат, 1990. С. 21 – 24.

References

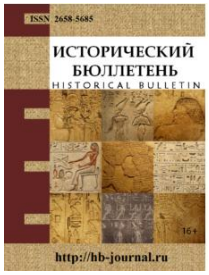
1. Filippov V.V. Aviation of Krasnoyarsk Krai in Archival Documents, Publications, and Photographs. Civil Aviation in Krasnoyarsk Krai in 1938-1942. Documentary Edition. Krasnoyarsk: SFU, 2017. P. 294.
2. Bulyko A.N. Comprehensive Dictionary of Foreign Words. 3rd ed. Moscow: Martin, 2011. P. 350.
3. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941-1945: Vol. 4. Ed. Pospelov P.N. et al. IML under the Central Committee of the CPSU. Department of the History of the Great Patriotic War. Moscow: Voenizdat, 1963. 253 pages.
4. History of Civil Aviation of the USSR. Popular Science Essay. Under the general editorship of B.P. Bugaev. Moscow: Air Transport, 1973. 20 p.
5. History of Domestic Civil Aviation. Ed. I.A. Filatov. Moscow: Air Transport, 1996. P. 148.
6. The Communist Party in the Great Patriotic War (June 1941-1945): Documents and Materials. Moscow: Politizdat, 1970. P. 118.
7. Kotov N.A. Political and Organizational Work in the Civil Air Fleet during the Great Patriotic War (1941-1945): Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. St. Petersburg, 1996. 13 p.
8. Kuznetsov V.N. Ideological and educational work of the CPSU in civil aviation teams (1971-1975): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Leningrad, 1989. P. 8 – 13.
9. Course of Russian History of the 9th – early 21st Centuries. Main Stages and Features of the Development of Russian Society in the World Historical Process: Textbook for Universities. Ed. L.I. Olshtynsky. 3rd ed. Moscow: ITRK Publishing House, 2012. P. 189.
10. Maltsev E.E., Kabanov A.A., Zhilin N.A. Party and Army. 2nd ed., supplemented. Moscow: Politizdat, 1980. p. 174.
11. Political organs of the Soviet Armed Forces: historical and theoretical essay. M., 1984. P. 178; Russian Center for the Storage and Study of Documents of Contemporary History (RCSCHIDNI). F. 643. Op. 2. D. 10. l. 70, 76.
12. Komarov N.Ya. Resolution of the State Defense Committee No. 1657 of April 26, 1942. Appendix 2. The State Defense Committee decrees: Documents. Memories. Comments. M.: Voenizdat, 1990. P. 21 – 24.

Информация об авторах

Кузнецов В.Н., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет гражданской авиации им. А.А. Новикова, kvnguga@mail.ru

Лавская К.К., старший преподаватель, Санкт-Петербургский университет гражданской авиации им. А.А. Новикова, kristinalavskaya@yandex.ru

© Кузнецов В.Н., Лавская К.К., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Разворот на Восток: вывод ЗГВ из Германии и конец эпохи

[1] *Павленко А.И.,*
[1] *Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия*

Аннотация: в статье рассматривается проблема вывода Западной группы войск (ЗГВ) из Германии в 1994 году. Вывод ЗГВ в 1994 году рассматривается не как изолированное событие, а как стратегический «разворот на Восток» – вынужденный отказ от роли центральной державы в Европе и начало поиска новой идентичности в изменившемся мире. В статье исследуются двойственные последствия этого шага: с одной стороны, он заложил основу для новых отношений с объединенной Германией, а с другой – обернулся масштабными социальными проблемами и стал символом геополитического поражения. В заключении статьи сделан вывод о том, что окончание «германской» страницы истории стало для России болезненной, но необходимой точкой отсчета, предопределившей ее дальнейшую внешнеполитическую стратегию и место в международной системе.

Ключевые слова: Вторая мировая война, ГСВГ, СССР, ГДР, ЗГВ

***Для цитирования**: Павленко А.И. Разворот на Восток: вывод ЗГВ из Германии и конец эпохи // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 250 – 255.*

Поступила в редакцию: 21 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

A turn to the East: the withdrawal of the WGF from Germany and the end of an era

[1] *Pavlenko A.I.,*
[1] *Branch of the Military Training and Scientific Center of the Air Force Air Force Academy*

Abstract: the article deals with the problem of the withdrawal of the Western Group of Forces from Germany in 1994. The withdrawal of the WGF in 1994 is considered not as an isolated event, but as a strategic "turn to the East" – the forced abandonment of the role of the central power in Europe and the beginning of the search for a new identity in a changed world. The article examines the dual consequences of this step: on the one hand, it laid the foundation for new relations with a united Germany, and on the other, it turned into large – social problems and became a symbol of geopolitical defeat. In conclusion, the article concludes that the end of the "German" page of history has become a painful but necessary starting point for Russia, which predetermined its further foreign policy strategy and its place in the international system.

Keywords: World War II, GSFG, USSR, GDR, WGF

***For citation:** Pavlenko A.I. A turn to the East: the withdrawal of the WGF from Germany and the end of an era. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 250 – 255.*

The article was submitted: July 21, 2025; Approved after reviewing: September 19, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Вывод Западной группы войск (ЗГВ) с территории Германии в 1994 году стал одним из ключевых событий, ознаменовавших окончание «холодной войны». Этот беспрецедентный шаг подвел черту под почти полувековой историей советского военного присутствия в сердце Европы. Так, наиболее боеспособная группа войск во всей Советской армии вынуждена была отступить и з Германии. Но группа войск отступила, не будучи при этом разгромленной и обращенной в бегство. Вывод войск был осуществлён мирным путём, в обстановке стремительного развала соцлагеря, который включал упразднение ГДР, распад СССР и роспуск Организации Варшавского договора. Таким образом, не войска потерпели поражение, а им пришлось уйти в результате крушения политического военного руководства. Данное значимое историческое обстоятельство нуждается в объяснении.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на принцип объективности и принцип историзма, что подразумевает то, что автор руководствовался следующими принципиальными подходами: анализ исторических событий в их взаимосвязи, а не изолированно, выстраивая цепочки причин и следствий между различными историческими феноменами. В работе использованы следующие методы: историко-генетический (для реконструкции последовательности событий, связанных с подготовкой и реализацией вывода войск), сравнительно-исторический метод (для сопоставления позиций сторон: СССР/Россия, ФРГ, ГДР, страны НАТО).

Результаты и обсуждения

Современная отечественная историография преодолела идеологическую ангажированность советского периода и выработала комплексный, критический и многогранный подход к изучению советского военного присутствия в Германии. Однако тема остается политически чувствительной, что порождает текущие дискуссии о ее итогах и историческом значении. Современные российские историки (Д.Н. Верхотуров, М.Е. Болтунов, А.М. Филитов и др.) активно развенчивают мифы советской эпохи, давая комплексную и зачастую критическую оценку деятельности ГСВГ/ЗГВ на всех этапах. Активное исследование проблемы вывода западной группы войск из Германии становится возможным ввиду того, что в научный оборот введены ранее засекреченные документы из российских архивов (Минобороны, МИД, ГАРФ), что позволяет детально изучить процесс принятия решений, логистику вывода, переговоры с западными партнерами.

Вывод западной группы войск стал прямым следствием и окончательным подтверждением конца биполярного мира. Он символически и фактически завершил эру «холодной войны» в Центральной Европе, ликвидировав физическую линию противостояния двух блоков. Понимание логики и результатов этого процесса необходимо для выстраивания дальнейшего диалога между Россией и Западом.

В 1970-х годах, когда стало вполне очевидно, что Советская армия обладает способностью собрать значительную группировку войск и внезапно перейти в наступление, что, в свою очередь, давало возможность действовать даже без масштабного применения ядерного оружия, за счет быстроты маневра, сближения с противником и атаки на важнейшие объекты (командные центры, ракетные позиции, авиабазы и т.д.). Ввиду этого в США начался интенсивный поиск новой военной стратегии.

Требовалась принципиально иная концепция ведения войны, способная обеспечить превосходство в борьбе за глобальное влияние. Однако решение этой проблемы представляло значительные трудности, учитывая, что все прежние военно-стратегические подходы продемонстрировали ограниченную результативность или полную несостоятельность. Массированный удар с применением атомного оружия утратила статус надёжного инструмента для достижения военного триумфа по двум причинам: во-первых, подобные действия не могли полностью уничтожить боевые возможности и промышленную базу Советского Союза; во-вторых, СССР располагал достаточным арсеналом для нанесения ответного ракетно-ядерного удара сопоставимой мощности, что грозило катастрофическими последствиями для хозяйственных систем Соединённых Штатов и их союзников по Североатлантическому альянсу.

Ставка на сухопутную войну также не давала гарантий, ввиду очень высокого наступательного потенциала ГСВГ, которая в 1970-е годы обладала способностью разбить сухопутные войска НАТО в Европе с применением тактического ядерного оружия или без него. Поражение в Европе вело к пату в мировой войне, когда обе стороны будут не в состоянии достичь решающей победы при огромных жертвах и разрушениях. Всякий раз, когда обстановка накалялась и приближалась к началу боевых действий, американцы проявляли сдержанность или шли на уступки. Попытки воздействия через идеологию приносили минималь-

ные результаты и практически не меняли общую картину. США оказались неспособны сформировать на советской территории альтернативные политические силы, способные завоевать массовую поддержку населения и бросить вызов партийному руководству [5].

Тем не менее, советское руководство определенно боялось большой войны, и это выражалось в настойчивой пропаганде мира во всем мире, избегания каких-либо намеков на агрессивные намерения. Разумеется, Советский Союз обладал военным потенциалом, однако рассматривал его исключительно как оборонительный инструмент на случай агрессии извне. Подобная позиция во многом объяснялась составом партийной верхушки и армейского руководства 1970-х гг.: это были фронтовики, прошедшие через Великую Отечественную войну и на собственном опыте познавшие весь масштаб человеческих потерь и материальных опустошений, которыми сопровождается крупномасштабный военный конфликт [1]. Потому СССР шел на различные мирные инициативы и переговоры, в том числе связанные с ограничением и сокращением вооружений. Более того, именно в середине 1970-х годов в СССР стали прислушиваться к идеям конвергенции двух систем – капиталистической и социалистической, то есть мирного сосуществования, партнерства и совместного развития.

Психологическое давление со стороны США заставило советских лидеров переосмыслить целесообразность содержания мощной военной группировки, предназначенной для масштабного наступления в случае глобального ядерного конфликта. Утратила актуальность сама идея военного триумфа на европейском театре военных действий, когда ценой такой победы становилось уничтожение всего человечества. Именно это соображение подтолкнуло кремлёвское руководство к решению о выводе вооружённых сил из восточноевропейских государств. Военное присутствие Советского Союза на территории Германской Демократической Республики создавало реальную угрозу возникновения военного столкновения.

Возникновение вооруженного конфликта по любым причинам (например, в результате провокации, самочинных действий военных, или вовлечения войск в политический кризис в ГДР) вело к эскалации войны, к неограниченной ядерной войне, что в рамках теории ядерной зимы означало всеобщее самоубийство. С такой точки зрения отвод войск обратно в СССР смотрелся как способ недопущения подобного развития событий в корне [7]. После провозглашения ядерного разоружения, то есть отказа от важнейшего компонента наступательных сил, на котором вообще держалась вся военная стратегия, ничто не могло помешать принятию подобного решения.

Процесс вывода советских военных подразделений с территории Восточной Германии стартовал в 1989-м, после того как М.С. Горбачёв утвердил программу по одностороннему уменьшению численности армии. Летом того же года, первого июля, Группа советских войск в Германии получила новое название – Западная группа войск (ЗГВ). Данное переименование символизировало переход к финальному этапу присутствия СССР на германской земле. Окончательное постановление о полной эвакуации военного контингента было оформлено при заключении соглашения от 12 сентября 1990-го – «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии». Документ регламентировал воссоединение двух немецких республик, закреплял отказ объединённой Германии от территориальных требований к другим государствам, устанавливал лимит общей численности вооружённых сил в 370 тысяч военнослужащих и определял срок завершения вывода советских частей – до окончания 1994 года [1]. В результате предполагалось, что Германия обретёт абсолютный суверенитет, а четвёрка стран-оккупантов снимет с себя все полномочия и ликвидирует созданные ими органы управления оккупированными территориями.

С этого момента основное внимание командования ЗГВ было направлено на обеспечение вывоза огромного количества техники и имущества с территории Германии. Первый заместитель командующего Западной группой войск, генерал-полковник А.В. Терентьев, ныне президент «Союза ветеранов Группы войск в Германии», указывает, что вывод ЗГВ стал крупнейшей военно-транспортной операцией, проведенной в мирное время: «С 1990 по 1994 годы из Германии были выведены 6 армий, 22 дивизии, 49 бригад, 42 отдельных полка , общей численностью 338,8 тысячи человек. Кроме военнослужащих из Германии вывозились 207 тысяч членов семей военнослужащих и 50 тысяч школьников. Это было равноценно населению крупного города, который вывезли вместе с личным имуществом к новому месту жительства» [3]. Д.Н. Верхотуров в своей работе отмечает, что «из вооружения, техники и имущества было вывезено 3300 артиллерийских систем и пусковых установок, 4300 танков, 8200 бронированных машин, 123 тысячи единиц другого вооружения и боевой техники, 105 тысяч автомобилей а также 2,5 млн тонн различных материальных средств, в том числе 677 тысяч тонн боеприпасов [3].

Процесс вывода войск создал серьезные препятствия после того, как польская сторона в 1991 году выдвинула требование об оплате транзита военных составов. Сумма составляла приблизительно 10-12 миллиардов марок, при этом расчёты должны были осуществляться исключительно в американской валюте. В результате масштабная транспортировка по железной дороге оказалась невозможной, так как российский бюджет не располагал средствами для покрытия подобных расходов, которые поглотили бы значительную долю финансирования всей операции по выводу войск. В результате этого основная часть вывозимой техники и грузов пошла морем, через порты на Балтийском море: Росток и Мукран. В Мукране грузились техникой и грузами в железнодорожных вагонах пять паромов, каждый из которых брал на борт по 103 вагона за рейс. Паром шел из Мукрана в Клайпеду, где формировались составы и эшелоны уходили по назначению. Часть грузов из Ростока сухогрузами Балтийского флота перевозилась в Высоцк или в Санкт-Петербург [3].

Железнодорожные переговоры с прежними партнёрами на этом не завершились. Руководство Западной группы войск достигло договорённости с чехословацкими железными дорогами о значительном снижении стоимости транспортировки грузов. Данная договорённость пришлась как нельзя кстати. Для 1-й танковой армии, размещённой в южных районах Восточной Германии около Дрездена, маршрут через территорию Чехословакии представлялся гораздо более выгодным вариантом. Когда информация об этом достигла польских представителей, транспортное ведомство Польши предложило осуществлять перевозки по ценам, которые оказались ещё ниже чехословацких расценок, при этом готовы были получать расчёт в немецкой валюте [2]. Подобный прием разжигания конкуренции командование 3ГВ использовало не раз, когда транспортники повышали тарифы.

ФРГ взяла на себя финансирование вывода военного контингента, предоставив 15,5 миллиарда марок. Эта внушительная цифра покрывала примерно пятнадцатилетний бюджет на обеспечение Западной группы войск (годовое финансирование в 1991-м достигало 820 миллионов марок). Однако уходящие военные подразделения передавали немецкой стороне всю созданную за пятьдесят лет присутствия материально-техническую базу: казармы, тренировочные площадки, образовательные комплексы, хранилища для вооружений и техники, ангарное хозяйство. Согласно расчётам начала девяностых, совокупная ценность более 36 тысяч объектов недвижимости превосходила отметку в 30 миллиардов марок [3]. Финансирование, предоставленное Германией, оказалось недостаточным для обеспечения возвращающихся военных подразделений. Как следствие, значительное количество воинских формирований после прибытия в Россию подверглось ликвидации, а военное оборудование отправилось на склады, нередко размещаясь прямо на открытых площадках.

Важным стоял также вопрос о судьбе недвижимого имущества, которое оставляли в Германии выводимые части и соединения. Это целые военные городки. Германская сторона с самого начала заняла позицию, что Россия должна передать всю недвижимость по т.е. «нулевому варианту», то есть в порядке компенсации за нанесенный войсками экологический ущерб. Это решение было оформлено 16 декабря 1992 году на встрече канцлера ФРГ Гельмута Коля и президента России Б. Н. Ельцина. В совместном заявлении говорилось, что недвижимое имущество передается немецким властям, в связи с чем стороны отказываются от предъявления друг другу претензий.

В целом, следует отметить, что страны Запада сознательно устанавливали крайне жёсткие временные рамки для эвакуации войск и урезали финансирование этого процесса. Подобная политика преследовала цель ликвидировать данное мощнейшее воинское формирование, которое сохраняло стратегическое значение и после передислокации, оказывая существенное воздействие на расстановку военных сил на европейском континенте. Власти России, столкнувшись с острым дефицитом бюджетных ресурсов, были вынуждены избрать стратегию роспуска отводимых военных подразделений и увольнение квалифицированного офицерского состава, среди которого было немало ветеранов афганской кампании, продолживших службу в Группе советских войск в Германии по завершении афганской миссии. Расформированные воинские части, утратившие профессиональное офицерское ядро и существенную долю боевой техники и оружия, несомненно, потребуют огромных усилий для их повторного создания.

Кроме того, немцы настаивали на экологическом ущербе, вокруг которого прошла целая кампания, чтобы в качестве компенсации забрать недвижимое имущество 3ГВ. Они стремились к тому, чтобы Россия не получила денег за продажу имущества и не смогла за счет этой выручки обустроить войска на новом месте. Дивизия же, или бригада, не имея казарм, квартир для офицеров, ангаров, складов и т.д., фактически перестает существовать как боеспособное соединение [3]. Германское руководство исходило из элементарного предположения: Москва окажется неспособ-

на поддерживать военное присутствие своих формирований, что вызовет катастрофическое снижение оборонного потенциала страны вплоть до практически полной утраты боеспособности. Однако следует признать, что подобные прогнозы в существенной мере не реализовались, и абсолютной ликвидации российских вооруженных сил не случилось.

Выводы

Таким образом, вывод ЗГВ стал не следствием, а финальным актом и наглядным воплощением конца биполярной эпохи. Он был возможен только благодаря кардинальным изменениям в международной политике, инициированным перестройкой, и одновременно стал их самым зримым результатом. Мирный и организованный характер этого процесса, осуществлённый в рекордные сроки, доказал возможность разрешения казалось бы незыблемых противоречий через дипломатию, а не конфликт.

Этот финал «холодной войны» имел двойственные последствия, определившие дальнейшие пути России и Европы. С одной стороны, он создал уникальный фундамент для партнёрства между объединённой Германией и новой Россией, позволив выстроить отношения на основе взаимных интересов, а не идеологической конфронтации. С другой стороны, для России он обнажил глубокий системный кризис. Возвращение армии стало масштабным социальным потрясением, ярко высветившим проблемы переходного периода: от сложностей трудоустройства и размещения сотен тысяч человек до кризиса армейской идентичности в отсутствие ясного внешнего врага.

Таким образом, событие стало болезненной, но необходимой точкой отсчёта для формирования новой российской государственности. Оно заставило страну в одиночку, без опоры на союзников по бывшему лагерю, искать своё место в изменившемся мире. Опыт управления этим беспрецедентным отступлением, со всеми его логистическими, экономическими и гуманитарными вызовами, стал суровой проверкой на прочность для молодого российского государства.

Список источников

1. Ахтамзян А.А. Объединение Германии обстоятельства и последствия: очерки. М.: МГИМО-ун-т, 2008. 406 с.

2. Бабаков А.А. Вооруженные Силы СССР: Вопр. и ответы. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1987. 141 с.

3. Болтунов М.Е. ЗГВ: горькая дорога домой: [О выводе Зап. группы войск из Германии]. СПб.: Шанс, 1995. 364 с.

4. Верхотуров Д.Н. Группа советских войск в Германии: 50 лет на грани ядерной войны. М.: Вече, 2019. 256 с.

5. Павлов Н.В. Объединение, или Рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями. М.: ИПО «Полигран», 1992. 229 с.

6. Г.Ф. Кривошеев и др. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Стат. исслед. / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.

7. Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению Новое прочтение. М.: Междунар. Отношения, 1993. 240 с.

8. Черняев А. Объединение Германии. // Политические механизмы и психологические стереотипы. М.: Свободная мысль. 1997. № 8. С. 25 – 34.

9. Foitzik J., Petrow N.W. Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953. Berlin: De Gruyter, 2009. 527 p.

10. Matthias U. Krieg um Berlin? Die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. München, 2008. 301 p.

References

1. Akhtamzyan A.A. The Unification of Germany: Circumstances and Consequences: Essays. Moscow: MGIMO-University, 2008. 406 p.

2. Babakov A.A. The Armed Forces of the USSR: Questions and Answers. Moscow: Publishing House of the Novosti Press Agency, 1987. 141 p.

3. Boltunov M.E. Western Group of Forces: The Bitter Road Home: [On the Withdrawal of the Western Group of Forces from Germany]. St. Petersburg: Shans, 1995. 364 p.

4. Verkhoturov D.N. The Group of Soviet Forces in Germany: 50 Years on the Brink of Nuclear War. Moscow: Veche, 2019. 256 p.

5. Pavlov N.V. Unification, or the Story of the Resolution of the German Question with Comments and Digressions. Moscow: IPO "Poligran", 1992. 229 p.

6. G.F. Krivosheev et al. Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces: Statistical Research. Under the general editorship of G.F. Krivosheev. Moscow: OLMA-PRESS, 2001. 607 p.

7. Filitov A.M. The German Question: From Split to Unification. A New Reading. Moscow: Mezhdunarodnaya Otnosheniya, 1993. 240 p.

8. Chernyaev A. The Unification of Germany. Political Mechanisms and Psychological Stereotypes. Moscow: Svobodnaya Mysl, 1997. No. 8. P. 25 – 34.

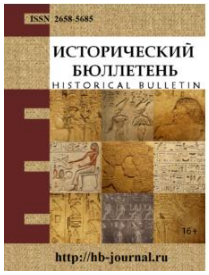
9. Foitzik J., Petrow N.W. Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953. Berlin: De Gruyter, 2009. 527 p.

10. Matthias U. Krieg um Berlin? Die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. München, 2008. 301 p.

Информация об авторе

Павленко А.И., старший преподаватель, филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия, г. Челябинск, 11-й городок, 1, belgorod890@yandex.ru

© Павленко А.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 94 (100)

Политика «мягкой силы» как ресурс российского влияния в Восточном Средиземноморье (2019-2024 гг.)

[1] Звягинцев Н.В.,
[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация: статья посвящена анализу деятельности государственных и негосударственных акторов, реализующих цели гуманитарной политики Российской Федерации в регионе Восточного Средиземноморья. Автор отмечает различие между устоявшимся в западном научном дискурсе термином «мягкая сила» и понятием «гуманитарное сотрудничество», использующимся в России и странах постсоветского пространства. Проводится подробное рассмотрение государственных органов Российской Федерации, фондов и неправительственных организаций, принимающих участие в осуществлении гуманитарной миссии в Турции, Сирии, Ливане, Израиле и Египте, а также их проектов, направленных на укрепление позиций российского культурно-образовательного и политического влияния. Делается вывод о возросшей интенсивности деятельности Российской Федерации по усилению гуманитарного влияния в Восточном Средиземноморье в период с 2020 по 2024 гг.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, гуманитарная политика, мягкая сила, общественная дипломатия, международное развитие, Русский мир, Россотрудничество, Русский дом, волонтерство, русский язык, культурные инициативы, образование, соотечественники, НПО, молодёжь, сохранение исторического наследия, права русскоязычного населения

***Для цитирования**: Звягинцев Н.В. Политика «мягкой силы» как ресурс российского влияния в Восточном Средиземноморье (2019-2024 гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 256 – 265.*

Поступила в редакцию: 22 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Soft power policy as a resource of Russian influence in the East Mediterranean region (2019-2024)

[1] Zvyagintsev N.V.,
[1] People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article is focused on the analysis of the activity of governmental and non-governmental actors realizing the goals of the humanitarian policy of the Russian Federation in the Eastern Mediterranean region. The author points out the difference between the term «soft power», established in the Western scientific discourse, and the concept of «humanitarian cooperation» used in Russia and post-Soviet countries. The article provides a comprehensive review of Russian government agencies, foundations and non-governmental organizations involved in humanitarian missions in Turkey, Syria, Lebanon, Israel and Egypt, as well as their projects aimed at consolidating the position of Russian cultural, educational and political influence. The conclusion is made about the increased intensity of the Russian Federation's activities to increase humanitarian influence in the Eastern Mediterranean in the period from 2020 to 2024.

Keywords: Eastern Mediterranean, humanitarian policy, soft power, public diplomacy, international development, Russian Peace, Rossotrudnichestvo, Russian House, volunteering, the Russian language, cultural initiatives, education, compatriots, NSOs, youth, preservation of historical heritage, rights of the Russian-speaking population

For citation: *Zvyagintsev N.V. Soft power policy as a resource of Russian influence in the East Mediterranean region (2019-2024). Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 256 – 265.*

The article was submitted: July 22, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Термин «мягкая сила» был сформулирован американским профессором международных отношений Джозефом Наем в 1990 г. Данная концепция стала важной составляющей в рамках современной системы международных отношений, где помимо традиционного элемента «жесткой силы» (англ. – «strong power») появляется иное понятие, предлагающее политикам новые, альтернативные средства оказания воздействия на другие государства. Д. Най называл «мягкую силу» мощным оружием, позволяющим добиваться стратегических целей и распространять своё влияние на другие нации и культуры, определять траекторию их политического движения без необходимости чрезмерного использования военных средств [1]. Ключевой составляющей эффективности «мягкой силы» профессор называл общую привлекательность культурной системы и её элементов, формирующих целостный образ государства. Привлекательность может распространяться посредством популярной культуры, дипломатии, деятельности НПО, образования, идеологии и общественно-политических процессов [2].

В дальнейшем данная система понятий породила третий элемент политического воздействия – «острую силу» (англ. – «sharp power»), находящуюся на стыке двух других понятий и представляющую собой яркую демонстрацию эволюции западных инструментов политического влияния [3]. Представленный понятийный аппарат идейно сформировался в рамках агрессивного контекста однополярной либерально-демократической гегемонии. В отчётах Госдепартамента США, Стратегии национальной безопасности США (от 2022 г.), отчётах Конгресса понятие «мягкая сила» находит своё развитие в терминах «public diplomacy», «cultural diplomacy», «foreign Aid and development assistance», «climate diplomacy», «humanitarian assistance». В действительности сам термин «soft power» может не всегда использоваться в доктринальных документах и отчётах государственных институтов США, однако лежащие в его основе идеи заложены во многих областях внешней политики и стратегии Соединенных Штатов.

Материалы и методы исследований

В написании статьи применялись системный подход, а также описательно-аналитический метод для описания системы международных отношений, в рамках которой реализуется гуманитарное сотрудничество. Проблемно-хронологический, индуктивный и дедуктивный методы позволили описать и сопоставить деятельность основных акторов, координирующих реализацию целей гуманитарной политики РФ за рубежом.

Целью статьи является оценка результативности и потенциала существующих инструментов реализации гуманитарной политики РФ. Для достижения указанной цели следует проанализировать основные документы, регламентирующие внешнюю политику и гуманитарное сотрудничество, определить основные государственные институты и некоммерческие организации, вовлечённые в гуманитарное сотрудничество, а также выявить основные направления деятельности. Для решения указанных используется институциональный и функциональный анализ, сравнительный подход, а также метод контент-анализа.

Результаты и обсуждения

В российском научном дискурсе и бюрократическом языке термин «мягкая сила» пользуется меньшей популярностью, чем понятие «гуманитарное сотрудничество», утвержденное в таких официальных документах, как «Концепция внешней политики Российской Федерации (от 2023 г.)» [4], «Стратегия национальной безопасности (от 2021 г.)» [5], «Государственная программа по сотрудничеству с соотечественниками», «Концепция гуманитарного сотрудничества» (от 2022 г.) [6]. Таким образом указанные документы определяют гуманитарную политику в качестве ключевого инструмента внешнеполитического влияния России за рубежом. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом 31 марта 2023 г. определяет следующие приоритеты международного гуманитарного сотрудничества:

1) популяризация и защита от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сферах культуры, науки, образования и искусства;

2) поддержка распространения русского языка и укрепление его позиций как языка международного общения, одного из официальных языков ООН и ряда других международных организаций;

3) развитие механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества;

4) содействие в развитии международных связей религиозных организаций, принадлежащих к традиционным для России конфессиям, защита от дискриминации за рубежом Русской православной церкви;

5) содействие в формировании единого гуманитарного пространства Российской Федерации и государств – участников СНГ, сохранение многовековых цивилизационных и духовных связей народа России с народами этих государств;

6) обеспечение гарантированного свободного доступа российских спортсменов и спортивных организаций к международной спортивной деятельности, содействие ее деполитизации, совершенствованию деятельности международных спортивных межправительственных и общественных организаций;

7) распространение за рубежом правдивой информации о роли и месте России в мировой истории и формировании справедливого миропорядка, в том числе о решающем вкладе Советского Союза в победу над нацистской Германией и в создание ООН, о его масштабном содействии в деколонизации и становлении государственности народов Африки, Азии и Латинской Америки;

8) принятие мер по противодействию искажению значимых событий мировой истории, затрагивающих интересы России, в том числе замалчиванию преступлений, реабилитации и героизации германских нацистов, японских милитаристов и их пособников;

9) принятие мер в отношении иностранных государств и их объединений, иностранных должностных лиц, организаций и граждан, причастных к совершению недружественных действий в отношении российских объектов, имеющих историко-мемориальное значение и находящихся за рубежом;

10) содействие конструктивному международному сотрудничеству по сохранению исторического и культурного наследия.

Цели гуманитарного сотрудничества России реализуются федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также заинтересованными организациями, которые осуществляют деятельность в сфере гуманитарной политики за рубежом в соответствии с принципом единства внешней политики Российской Федерации при общей координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД России). Так, ключевыми субъектами, выполняющими указанные задачи, являются: МИД России, Россотрудничество, Министерство просвещения Российской Федерации, Министерство образования Российской Федерации, МЧС России, Фонд «Русский мир», АНО ПГП «Русская гуманитарная миссия», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, Российский совет по международным делам, международные телевизионные сети Russia Today и Sputnik, государственные корпорации Газпром, Роснефть, Росатом, Русская православная церковь, международная общественная организация «Императорское Православное Палестинское Общество», Координационный союз организаций русских соотечественников (КСОРС), а также акторы региональных и частных инициатив.

Важность гуманитарного направления внешней политики Российской Федерации в Восточном Средиземноморье определяется значимостью данного региона в международной повестке. Восточное Средиземноморье, нередко называемое перекрестком цивилизаций, занимает ключевое положение в мировом пространстве с точки зрения геополитики. Его стратегическое расположение на пересечении Европы, Азии и Африки превратило его в центр торговли, культурного обмена и политических взаимодействий. В регионе расположены страны с древней историей, различными этническими группами и отличными друг от друга политическими системами [7].

Одним из важнейших аспектов, определяющих значение Восточного Средиземноморья, является его значительная роль в международной торговле и энергетических маршрутах. Наличие важнейших морских путей, таких как Суэцкий канал и Турецкие проливы, подчеркивает его стратегическое значение для перемещения товаров и ресурсов между континентами. Кроме того, обнаружение значительных запасов энергоносителей, в частности природного газа в бассейне Восточного Средиземноморья, повысило экономическую значимость региона и вызвало споры о разведке ресурсов и территориальных претензиях [8].

Связи между странами Восточного Средиземноморья многогранны и отражают сочетание исторических связей, экономических интересов и общих геополитических проблем. Сотрудничество и конкуренция между странами региона формируют альянсы и дипломатические отношения, оказывая влияние не только на местную динамику, но

и отражаясь на глобальном уровне. Отношения между ключевыми игроками, такими как Турция, Греция, Кипр, Израиль и другие, влияют на региональную стабильность, безопасность и более широкие международные отношения [9].

Важными вехами двусторонних отношений между нашими странами являются: укрепление региональной безопасности, формирование благоприятного экономического и инвестиционного климата, энергетическое сотрудничество, туризм, культурно-гуманитарное сотрудничество.

Страны региона Восточного Средиземноморья занимают важное стратегическое значение, в т.ч. в доктринальных документах, например, в Концепции внешней политики Российской Федерации (от 2023 г.), где подчеркивается важность развития всеобъемлющего и доверительного взаимодействия с такими странами, как Египет, Турция, Сирия с целью формирования на Ближнем Востоке и в Северной Африке устойчивой всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности, продвижения межрелигиозного, межкультурного диалога и взаимопонимания, консолидации усилий по защите традиционных духовно-нравственных ценностей, а также поддержки региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, защиты христиан и содействия урегулированию и преодолению последствий вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке [10].

В Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (от 2022 г.) отмечается важность повышения уровня гуманитарного сотрудничества со странами Ближнего Востока и Африки, и культурного присутствия в них России с учетом взаимных интересов, материальных и финансовых возможностей. Также в данной Концепции акцентируется особое внимание на развитии двустороннего гуманитарного сотрудничества с Египтом, Израилем, Ливаном, Сирией и Государством Палестина.

Увеличение всестороннего сотрудничества со странами региона Восточного Средиземноморья по научно-техническим, военно-промышленным, культурно-образовательным и прочим стратегически значимым проектам требует формирования и задействования широкого круга иностранных специалистов, которые вовлечены в изучение русского языка, понимают русскую культуру и содействуют распространению ценностей, совпадающих с целями гуманитарной политики Российской Федерации.

Одну из ключевых ролей в осуществлении целей гуманитарной политики Российской Федерации занимает Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) [11].

Россотрудничество осуществляет организацию и проведение магистральных проектов, таких как «Новое поколение», «Здравствуй Россия!», «Миссия Добро, проектов в рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования», а также проектов, учреждённых представительствами Агентства в странах за счёт государственной программы Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность». Важными направлениями Федерального агентства являются квотный отбор иностранных студентов и поддержка соотечественников за рубежом.

В Турции, Сирии, Ливане, Израиле, Палестине, Египте Россотрудничеством с 2011 г. реализуется программа «Новое поколение», направленная на развитие и углубление общественных, деловых и научных связей между Россией и иностранными государствами; содействие объективному восприятию в мире происходящих в российском обществе преобразований; расширение круга позитивно настроенных по отношению к Российской Федерации активных молодых иностранных граждан и привлечение их к участию в укреплении партнерских отношений между Российской Федерацией и государствами, которые они представляют. Участниками Программы могут стать молодые лидеры в возрасте от 25 до 35 лет, набор кандидатов осуществляется Российскими центрами науки и культуры, а также организациями-партнерами. Так, с 2011 года в программе «Новое поколение» суммарно приняли участие более 8400 иностранных граждан из 137 стран, а также побывали в более чем 35 субъектах Российской Федерации.

«Здравствуй, Россия!» – программа культурно-образовательных поездок для молодых соотечественников, проживающих за рубежом, которую Россотрудничество реализует с 2014 года. Ежегодно более 700 молодых людей в возрасте от 14 до 19 лет из ближнего и дальнего зарубежья приезжают в Россию, чтобы познакомиться с жизнью современного российского общества, посетить главные достопримечательности, почувствовать многонациональную культуру нашей страны и найти новых друзей среди сверстников со всего мира. Участники программы являются победителями различных конкурсов на знание русского языка, отечественной истории и культуры. Цель программы – воспитание нового поколения российских соотечественников за рубежом в духе любви к России, а также сохранение их языковой и этнокультурной идентичности.

Международная программа «Миссия Добро» – волонтерская программа помощи сообществам стран мира силами российских волонтеров. Цель программы – оказание помощи людям и организациям по всему миру с привлечением специалистов из России в формате волонтерских миссий. В задачи программы входят: развитие и укрепление международного гуманитарного сотрудничества; создание и расширение международного волонтерского сообщества; содействие в достижении целей устойчивого развития ООН. Программа реализуется Россотрудничеством и Ассоциации волонтерских центров с 2021 года. В течении года в адрес организаторов программы поступают запросы на оказание волонтерской помощи со всего мира: от помощи в восстановлении популяции редких видов животных, до организации обучения для специалистов по работе с детьми-аутистами. За 3 года участниками программы стали 99 волонтеров. В 2023 году при сотрудничестве с Российским Красным Крестом волонтеры медики оказывали помощь населению, пострадавшему от землетрясения в Сирии.

В рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» в странах Восточного Средиземноморья в период с 2019 по 2024 гг. были реализованы разноформатные мероприятия, направленные на укрепление позиций русского языка и популяризацию русской культуры, повышение престижа и качества науки и образования на русском языке в мире с учетом региональных аспектов, в т.ч.:

- Неделя русского языка и литературы в Турецкой Республике (2022 г.);
- Организация и проведение курсов повышения квалификации «Современные методики преподавания русского языка как иностранного для преподавателей Сирийской Арабской Республики» (2022 г.);
- Повышение квалификации преподавателей русского языка как иностранного из стран Ближнего Востока и Северной Африки (2022 г.);
- Форум выпускников российских и советских вузов из стран Ближнего Востока и Африки (2022, 2024);
- Международная неделя русского языка Восток-Запад в г. Стамбуле (2023 г.);
- Организация курсового обучения русскому языку как иностранному за рубежом в дистанционном формате при участии представителей из 60 стран, в т.ч. из Турции, Сирии, Ливана, Израиля, Палестины и Египта) (2023-2024 гг.);
- Выставки российского высшего образования в Ливане, Сирии, Египте, Тунисе, Иордании и Палестине (2023 г.).

Квотная работа – это важная миссия Агентства. Ежегодно Российской Федерацией выделяется около 35 тыс. квот на обучение иностранных студентов в российских вузах. Данные квоты делятся между странами в соответствии с межправительственными соглашениями и политической обстановкой. В Африке и на Ближнем Востоке ценится российское образование, абитуриенты ориентируются на высокое качество образовательных стандартов, перспективы и опыт предыдущих поколений, которые обучались в Советском Союзе и стали высококлассными специалистами у себя на Родине. В данном регионе стабильно высокий конкурс, который имеет тенденцию к увеличению из года в год. Работа по формированию прослойки иностранных специалистов, комплиментарно настроенных в отношении России, русского языка, культуры, осознающих ценностные ориентиры, в направлении которых развивается наша страна, является важнейшей задачей Россотрудничества. У иностранных студентов, приезжающих учиться в Россию, формируется связь со страной на всю жизнь, они обрастают знакомствами, проникаются русским духом, кто-то остаётся в России, а те, кто возвращаются к себе на Родину, продолжают действовать и принимать решения, ориентируясь на тот опыт, который они получили, проживая и обучаясь в России.

Также немаловажным направлением работы Россотрудничества является взаимодействие с соотечественниками, ведь они представляют из себя мост дружбы между странами, являются точкой входа в общественное пространство. По данным на 2024 г. российская диаспора в странах Восточного Средиземноморья представлена значительным числом (Турция – 240 тыс. чел., Сирия 20-30 тыс. чел., Ливан – 15 тыс. чел, Израиль 1 млн. чел., Палестина – 1 тыс. чел., Египет – 35-40 тыс. чел.). Задача гуманитарной политики осуществлять поддержку, отбирать перспективных лидеров мнений и воспитывать в них дух патриотизма и любови к Родине. Многие соотечественницы, проживающие в странах Восточного Средиземноморья, находятся замужем за гражданами этих государств и имеют детей-билингвов. Работа с детьми имеет особое значение, поскольку они наиболее восприимчивы к западной пропаганде, информационному шуму, манипуляциям и деятельности иностранных агентов. Задача Россотрудничества и прочих заинтересованных ведомств и организаций показать им реальную картину мира, наполненную традиционными ценностями, привлечь их к родной культуре и продемонстрировать благоприятные условия жизни в России.

Фонд «Русский мир» (далее – Фонд) является некоммерческой организацией, деятельность которой направлена на популяризацию русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержку программ изучения русского языка за рубежом. Фонд поддерживает общественные и некоммерческие организации, содействует распространению информации о современной России, содействует экспертному обеспечению внешней политики России, поддерживает экспорт российских образовательных услуг [12].

Фондом осуществляется реализация гуманитарных проектов по всему миру, в частности, в странах региона Восточного Средиземноморья, в т.ч.:

- Проводится мониторинг потребностей грантополучателей, реализующих гуманитарные проекты, при этом страны Ближнего Востока и Северной Африки также выделяются в качестве приоритетных направлений;

- Оснащение Русских центров и «Кабинетов Русского мира» в различных странах мира, в т.ч. в Египте, Ливане и Турции с целью популяризации русского языка, расширения культурно-гуманитарного сотрудничества и обеспечения доступа всех заинтересованных граждан к ресурсам и учебно-методическим пособиям по изучению русского языка;

- По указу Президента Российской Федерации с 2011 года на ежегодной основе 6 июня отмечается День русского языка, приуроченный ко дню рождению великого поэта А.С. Пушкина. В странах присутствия российских гуманитарных организаций, 6 июня ежегодно проводятся разноформатные мероприятия, направленные на популяризацию русского языка;

- Реализуются разноформатные культурные и просветительские инициативы, проводились Ассамблея русского языка, Педагогический форум Русского мира, Фестиваль студентов, изучающих русский язык, «Друзья, прекрасен наш союз!», Международная молодежная программа «Поколение мира», Международный форум «Вместе с Россией», Международная конференция «Русский мир», Всемирный форум «В единстве с Россией», Международная акция «Год славянской письменности», Международная программа «Ломоносов - 300»;

- Осуществляются программы «Профессор Русского мира» и «Студент Русского мира», направленные на поддержку командированных российских специалистов, иностранных партнеров, преподающих русский язык, а также студентов, приступающих к изучению русского языка.

В 2023 г. прошёл международный образовательный форум «Россия и Египет: тысячелетний диалог цивилизаций» на площадке Русского дома в Александрии, соорганизатором которого выступил Кубанский государственный университет при поддержке фонда «Русский мир» [13].

С 16 по 18 апреля 2024 г. в Тунисе при поддержке фонда «Русский мир» прошёл Международный форум для преподавателей русского языка стран Северной Африки и Ближнего Востока TERRA RUSISTICA в т.ч. при участии представителей из Сирии и Египта [14]. Мероприятие было направлено на расширение российского гуманитарного влияния в регионе, мониторинг сформировавшихся потребностей в сфере преподавания русского языка и решение текущих проблем.

АНО «Русская гуманитарная миссия» - некоммерческая организация, реализующая международные гуманитарные проекты, направленные на осуществление благотворительной деятельности, помощь пострадавшим в конфликтах и катаклизмах, а также укрепление мира и региональной стабильности. Организация осуществляет проектную деятельность по следующим направлениям: программа развития и улучшения качества жизни, программы поддержки образования, медицинские программы, основы безопасности в кризисных зонах, программы охраны и защиты экологии.

В странах Восточного Средиземноморья Русская гуманитарная миссия реализовала различные проекты, направленные на улучшение гуманитарной ситуации в зонах конфликтов. Вот некоторые из ключевых инициатив [15]:

- Оснащение мобильных медицинских пунктов в Сирии и Ливане;

- Восстановление образовательной инфраструктуры, пострадавшей в результате конфликтов, а также снабжение образовательных организаций оборудованием и материалами (при поддержке Русской гуманитарной миссии написаны учебники русского языка для арабских стран, которые широко используются в Палестине и Сирии) [16];

- Реализованы проекты по восстановлению водоснабжения в Сирии, что повлияло на доступ гражданского населения к чистой воде;

- Оказание немедленной гуманитарной помощи пострадавшим в результате конфликтов и стихийных бедствий (помощь пострадавшим в землетрясении в Турции и Сирии в 2023 г.).

Государственная корпорация «Росатом» осуществляет строительство двух крупномасштабных проектов в регионе Восточного Средиземноморья

– АЭС Ак-кую (Турция) и АЭС Эль-Дабаа (Египет). Проекты имеют долгосрочную направленность, обслуживание АЭС требует постоянной включённости экспертов Росатома в функционирование энергоблоков, а также задействования значительного числа местных специалистов, владеющих русским языком. На данный момент корпорация проводит изучение египетского рынка с целью адаптации продуктов и решений для бизнеса и реализации совместных проектов в сферах энергетики, здравоохранения и образования. Помимо своей основной деятельности Росатом финансирует ряд гуманитарных проектов в регионах присутствия, так, например, при участии государственной корпорации проходили следующие мероприятия:

- Египетско-российский форум в Каире по атомной энергетике, организованный Госкорпорацией «Росатом» и Управлением по атомным электростанциям Египта (NPPA) в 2021 г.;

- Форум выпускников советских и российских вузов в Каире (2020,2022, 2024 гг.). Мероприятие проходит каждые два года при поддержке Федерального агентства Россотрудничество, египетской Ассоциации выпускников и Министерства высшего образования Арабской Республики Египет. Росатом также осуществляет финансирование форума и направляет своих представителей для участия;

- Фестиваль российской науки, который в Египте проводит Госкорпорация «Росатом» при поддержке представительства Россотрудничества 21 февраля 2021 г.;

- С 27 по 29 мая 2024 года более 30 молодых специалистов из Сирии и Египта посетили объекты ветроэнергетического дивизиона Госкорпорации «Росатом» в рамках специально организованной информационной сессии «Ознакомление с опытом реализации проекта в области ВИЭ» президентской программы Россотрудничества «Новое поколение»;

- Организация клуба египтологии АЭС Эль-Дабаа при поддержке Русского дома в Александрии, сотрудники Росатома принимают участие в лекциях, экскурсиях, круглых столах, изучают культуру Египта.

Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) также ведёт внешнеполитическую деятельность и имеет специализированное подразделение – Отдел внешних церковных связей, в задачи которого входят различные гуманитарные инициативы, направленные на организацию паломнических мероприятий, укрепление связей с православными общинами, защиту прав христиан за рубежом, оказание помощи беженцам и временно перемещённым лицам.

РПЦ в регионе Восточного Средиземноморья в рамках реализации деятельности, имеющей международную гуманитарную направленность, осуществляет евхаристическое общение с Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским Патриархатами. Со стороны Восточных Церквей ведется взаимодействие с представителями Сирийской Ортодоксальной и Коптской Церквей. Также содействие в реализации гуманитарных проектов оказывает Императорское Православное Палестинское общество [17].

Русская Православная Церковь осуществляет работу по следующим направлениям деятельности за рубежом:

- Церковная дипломатия, направленная на конструктивное взаимодействие с другими патриархатами и конфессиями в регионе;

- Гуманитарная помощь христианским общинам, пострадавшим от войны;

- Организация культурно-образовательных программ.

Одной из значимых зарубежных инициатив РПЦ является проект по восстановлению храмов и христианских святынь, разрушенных во время войны в Сирии [18]. Так, при содействии РПЦ в период с 2019 по 2024 гг. были восстановлены храмовый комплекс в Арбиле, церковь в г. Аз-Забадани, древний монастырь святой Феклы в г. Маалюле, храм святого Георгия Победоносца в г. Маалюле, храмовый комплекс в г. Сайедная [19].

Также важным проектом РПЦ в регионе является гуманитарная поддержка православных общин, перемещенных христиан и жертв войны. Церковь отправляла припасы, продовольствие, медикаменты, оборудование, финансовую помощь Антиохийскому Патриархату и пострадавшим общинам для восстановления домов, школ и храмов.

РПЦ координирует паломнические миссии на Святую Землю при взаимодействии с Иерусалимским Патриархатом.

В Египте Русская Православная Церковь тесно взаимодействует с Коптской Православной Церковью, способствуя межправославному диалогу, сотрудничеству и христианской солидарности в исламской стране. Это партнерство подразумевает совместное участие в богословских дискуссиях, культурных обменах, поддержке христианских общин, паломнических миссиях. Так, в 2022 г. Коптская Церковь предоставила помещение для регулярных богослужений приходу Русской Церкви в г. Шарм-эш-Шейхе [20].

Российские регионы как субъекты гуманитарной политики также принимали участие в между-

народной деятельности в рамках усилий по укреплению культурно-образовательных, научных, экономических и политических связей со странами Восточного Средиземноморья. Хотя подобные масштабные проекты поддерживаются и координируются Правительством Российской Федерации, отдельные регионы также важную роль в реализации целей гуманитарной политики. Вот некоторые из региональных инициатив:

- Поддержка гражданского населения Сирии, восстановление школ и мечетей при содействии Чеченской Республики и Фонда Ахмата Кадырова;

- Поставка медицинского оборудования и машин скорой помощи в Сирию, организованная Правительством Нижегородской области. Так, в сирийские больницы были переданы 4 кареты скорой помощи на базе автомобиля ГАЗ и 3 фельдшерско-акушерских пункта [21];

- В октября 2024 г. прошел рабочий визит Делегации Нижегородской области во главе с заместителем губернатора Нижегородской области Петром Банниковым в провинцию Латакия Сирийской Арабской Республики. В рамках визита делегации в Сирии были проведены Дни культуры Нижегородской области при участии артистов Нижегородского губернского оркестра, проведены мастер-классы по вышивке, ножевому промыслу, росписи игрушек. Вторая часть программы визита прошла в Дамаске. В ходе работы в сирийской столице нижегородская делегация провела ряд встреч и переговоров, в числе которых была встреча со специальным представителем президента Российской Федерации по развитию отношений с Сирийской Арабской Республикой, чрезвычайным и полномочным послом РФ в Сирийской Арабской Республике Александром Ефимовым. Одной из тем беседы стало обсуждение открытия филиала ГП НО «Нижегородская областная фармация» в Сирии. По решению губернатора Нижегородской области Глеба Никитина «Нижегородская областная фармация» стала «мостиком» в развитии делового и экономического сотрудничества [22];

- В период с 29 февраля по 7 марта 2024 г. по Указу Президента Российской Федерации на базе федеральной территории Сириус при поддержке генеральных партнеров из заинтересованных российских корпораций, а также Правительства Краснодарского края проведен Всемирный фестиваль молодёжи [23]. Фестиваль включал в себя различные форматы вовлечение молодёжи на основе ценностей – единства, равноправия, справедливости и взаимопомощи. Мероприятие собрало 20 тыс. участников из более чем 180 стран. В рамках Фестиваля также прошёл День Ближнего Востока, в рамках которого представители ближневосточных делегаций рассказывали об истории и культуре своих стран. Представитель Союза прогрессивной молодёжи Египта, Махмуд ад-Дасуки заявил, что «Подобные фестивали нужны, чтобы молодежь приобрела опыт преодоления разногласий. Ведь религиозных, политических, социальных или других сложностей так много в нашем мире» [24].

Выводы

Подводя итог следует отметить, что гуманитарная политика Российской Федерации, проводимая в странах Восточного Средиземноморья различными федеральными органами исполнительной власти, фондами, НПО и прочими заинтересованными организациями и субъектами находится в наиболее активной фазе. В период с 2019 по 2024 гг. Россия значительно расширила своё гуманитарное влияние в регионе Восточного Средиземноморья за счёт эффективной организации внешнеполитических инструментов МИД России, Россотрудничества, Министерства просвещения, Русской гуманитарной миссии, Фонда «Русский мир», госкорпорации Росатом, РПЦ и регионов РФ. На сегодняшний день основную координирующую роль в осуществлении гуманитарной политики Российской Федерации выполняет «Концепция внешней политики Российской Федерации от 2023 г.», которая подчёркивает важность позиционирования России в качестве основного стратегического партнёра за счёт экспорта традиционных и духовно-нравственных ценностей, формирования позитивного образа страны, дипломатии, культурно-гуманитарного и научного сотрудничества.

Представленный многосторонний подход позволил России нарастить долгосрочное влияние в Восточном Средиземноморье, укрепив её стратегическое присутствие. По мере роста конкуренции в регионе Россия будет способна эффективно отстаивать свои политические интересы с помощью формирующейся на сегодняшний день базы гуманитарного сотрудничества.

Список источников

1. Nye J.S. Soft power and public diplomacy revisited // The Hague Journal of Diplomacy. 2019. Т. 14. № 1-2. С. 7 – 20.

2. Русакова О.Ф., Жакьянова А.М. Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов // Культура и природа политической власти: теория и практика. Екатеринбург, 2022. С. 65 – 73.

3. Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's ‘soft power’ // Emerging Powers in International Politics. Routledge, 2019. С. 61 – 79.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.)

5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г.

6. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом

7. هلال. السياسة الروسية الجديدة فى المنطقة العربية: دراسة فى أدوات القوة الناعمة وفعاليتها //مجلة كلية الاقتصاد والعلوم السياسية. 2021. Т. 22. № 3. С. 165 – 201.

8. Ефременко А.А., Чернышов В. А. "Мягкая сила" как средство манипуляции и распространения культурного влияния России на Ближнем Востоке // Формы культуры и противоречия современного общества. 2019. С. 212 – 216.

9. Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство “Aspekt Press”, 2022. 288 с.

10. Сардарова М.А. «Мягкая сила» России в арабских странах // Восточный альманах. 2020. С. 50 – 58.

11. Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

12. Устав фонда «Русский мир».

13. Стратегическая бизнес-миссия российских регионов в Египет и международный образовательный форум «Россия и Египет: тысячелетний диалог цивилизаций». URL: https://russkiymir.ru/events/316687/

14. TERRA RUSISTICA: русский язык в странах Северной Африки и Ближнего Востока. URL: https://russkiymir.ru/publications/324374/

15. Журнал Русская гуманитарная миссия. URL: https://rhm.agency/wp-content/uploads/2024/04/rhm_block_23.pdf

16. Русская гуманитарная миссия – это образование на русском. URL: https://russkiymir.ru/publications/219620/

17. Tasopoulos I. The Russian Orthodox Church and The State: The Middle East Connection //From Pluralism to Extinction? Perspectives and Challenges for Christians in the Middle East. – Transnational Press London, 2023. P. 127 – 148.

18. В Сирии восстановили и освятили два православных храма. URL: https://russkiymir.ru/news/309602/

19. Храмы одного из крупнейших центров христианского паломничества восстанавливают в Сирии. URL: https://www.ippo.ru/news/article/hramy-odnogo-iz-krupneyshih-centrov-hristianskogo--406105

20. Коптская Церковь предоставила помещение для регулярных богослужений приходу Русской Церкви в Шарм-эш-Шейхе / Новости / Патриархия.ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5955490.html

21. Нижегородская область передала гумпомощь сирийской Латакии – РИА Новости, 05.10.2024. URL: https://ria.ru/20241005/siriya-1976473035.html

22. Делегация Нижегородской области посетила Сирийскую Арабскую Республику | Официальный сайт Правительства Нижегородской области. URL: https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/delegatsiya-nizhegorodskoy-oblasti-posetila-siriyskuyu-arabskuyu-respubliku

23. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2023 № 249 "О проведении Всемирного фестиваля молодежи в 2024 году".

24. День Ближнего Востока прошел на ВФМС. URL: https://sputnik-georgia.ru/20171019/Den-Blizhnego-Vostoka-proshel-na-VFMS-237806876.html

References

1. Nye J.S. Soft power and public diplomacy revisited. The Hague Journal of Diplomacy. 2019. Vol. 14. No. 1-2. P. 7 – 20.

2. Rusakova O.F., Zhakyanova A.M. The evolution of the concept of “soft power” in the work of Joseph Nye: an analysis of the main stages. The Culture and Nature of Political Power: Theory and Practice. Ekaterinburg, 2022. P. 65 – 73.

3. Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's ‘soft power’. Emerging Powers in International Politics. Routledge, 2019. P. 61 – 79.

4. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)

5. The National Security Strategy of the Russian Federation of July 2, 2021

6. The Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad

7. أدوات فى دراسة :العربية المنطقة فى الجديدة الروسية السياسة All rights reserved. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 165–201.

8. Efremenko A.A., Chernyshov V.A. "Soft Power" as a Means of Manipulation and Spread of Russia's Cultural Influence in the Middle East. Forms of Culture and Contradictions of Modern Society. 2019. P. 212 – 216.

9. The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions. ed. by I.D. Zvyagelskaya; IMEMO RAS. Moscow: Aspekt Press Publishing House, 2022. 288 p.

10. Sardarova M.A. Russia's "Soft Power" in the Arab Countries. Eastern Almanac. 2020. Pp. 50–58.

11. Regulations on the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation.

12. Charter of the Russkiy Mir Foundation.

13. Strategic Business Mission of Russian Regions to Egypt and the International Educational Forum "Russia and Egypt: A Millennial Dialogue of Civilizations." Available at: https://russkiymir.ru/events/316687/

14. TERRA RUSISTICA: The Russian Language in North Africa and the Middle East. Available at: https://russkiymir.ru/publications/324374/

15. Russian Humanitarian Mission Magazine. URL: https://rhm.agency/wp-content/uploads/2024/04/rhm_block_23.pdf

16. The Russian Humanitarian Mission is Education in Russian. URL: https://russkiymir.ru/publications/219620/

17. Tasopoulos I. The Russian Orthodox Church and The State: The Middle East Connection. From Pluralism to Extinction? Perspectives and Challenges for Christians in the Middle East. – Transnational Press London, 2023. P. 127 – 148.

18. Two Orthodox churches were restored and consecrated in Syria. URL: https://russkiymir.ru/news/309602/

19. Churches of one of the largest centers of Christian pilgrimage are being restored in Syria. URL: https://www.ippo.ru/news/article/hramy-odnogo-iz-krupneyshih-centrov-hristianskogo--406105

20. The Coptic Church provided premises for regular services to the parish of the Russian Church in Sharm el-Sheikh. News. Patriarchia.ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5955490.html

21. The Nizhny Novgorod Region transferred humanitarian aid to Latakia, Syria – RIA Novosti, 10/05/2024. URL: https://ria.ru/20241005/siriya-1976473035.html

22. A delegation from the Nizhny Novgorod Region visited the Syrian Arab Republic. Official website of the Government of the Nizhny Novgorod Region. URL: https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/delegatsiya-nizhegorodskoy-oblasti-posetila-siriyskuyu-arabskuyu-respubliku

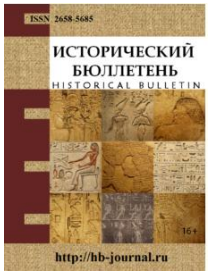
23. Decree of the President of the Russian Federation of April 5, 2023, No. 249, "On holding the World Youth Festival in 2024."

24. Middle East Day was held at the WFMS. URL: https://sputnik-georgia.ru/20171019/Den-Blizhnego-Vostoka-proshel-na-VFMS-237806876.html

Информация об авторе

Звягинцев Н.В., аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, i@nzviagintcev.ru

© Звягинцев Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(47)

Журнал «Интернациональная литература» как выразитель образа Запада в глазах СССР

[1, 2] Амбарян С.С.,
[1] Армавирский государственный педагогический университет,
[2] Школа № 15 имени Тамбиева Владимира Григорьевича

Аннотация: статья посвящена изучению образа западных стран, создавшегося на страницах известного советского журнала «Интернациональная литература», издаваемого в СССР с 1933 года по 1943 год под этим названием, а с 1955 по 1991 под наименованием «Иностранная литература». Издание журнала продолжается и сегодня, однако нас интересует именно советский период его существования. В работе анализируются ключевые темы, обсуждаемые в журнале, которые раскрывают образ западного общества. Основными из них являются: тема нравственности и брачно-семейных отношений капиталистического общества, тема одиночества и эгоизма «западного» человека, а также обсуждение самого капиталистического строя, его общего влияния на свих обитателей. Цель работы: описание образа буржуазного общества, который сложился на страницах журнала «Интернациональная литература». В ходе написания работы использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, систематизация), так и специально-исторические методы, такие как: диахронный, историко-сравнительный. В заключение статьи формулируется вывод об изменении образа Западных стран на страницах журнала. Проводится связь между «раскрепощением» советского общества в последние годы существования СССР и переменой изображения Запада в публикациях журнала.

Ключевые слова: журнал «Интернациональная литература», образ Запада, советское общество, буржуазное общество, капитализм

***Для цитирования**: Амбарян С.С. Журнал «Интернациональная литература» как выразитель образа Запада в глазах СССР // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 266 – 271.*

Поступила в редакцию: 22 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The International Literature magazine as an expression of the image of the West in the eyes of the USSR

[1, 2] Ambaryan S.S.,
[1] Armavir State Pedagogical University,
[2] Secondary School № 15 named after Tambiev Vladimir Grigorievich

Abstract: the article is devoted to the study of the image of Western countries created on the pages of the famous Soviet magazine "International Literature magazine", published in the USSR from 1933 to 1943 under this name, and from 1955 to 1991 under the name "Foreign Literature". The publication of the magazine continues today, but we are interested in the Soviet period of its existence. The paper analyzes the key topics discussed in the journal, which reveal the image of Western society. The main ones are: theme the morality of marriage and family relations in capitalist society, the topic of loneliness and selfishness of a "Western" person, as well as a discussion

of the capitalist system itself, its general impact on its inhabitants. The purpose of the work is to describe the image of bourgeois society that has developed on the pages of the International Literature magazine. In the course of writing the work, both general scientific methods (analysis, synthesis, systematization) and special historical methods such as diachronic, historical and comparative were used. In conclusion of the article The author makes a conclusion about the changing image of Western countries on the pages of the magazine. A connection is made between the "emancipation" of Soviet society in the last years of the USSR and the change in the image of the West in the magazine's publications.

Keywords: International Literature magazine, image of the West, Soviet society, bourgeois society, capitalism

***For citation**: Ambaryan S.S. The International Literature magazine as an expression of the image of the West in the eyes of the USSR. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 266 – 271.*

The article was submitted: July 22, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Периодическая печать, издаваемая в СССР, создавала образ капиталистических стран Запада, наделяя последних следующими характерными чертами: во-первых, буржуазный уклад экономики, позволяющий беспощадно эксплуатировать человека человеком; во-вторых, эгоцентризм западного человека, его неспособность мыслить о коллективной, общественной потребности в чем-либо; в-третьих, распущенные нравы западного мира, сводящие на нет ценности семьи.

Актуальность рассмотрения образа западной культуры остается непоколебимой, пока существуют отличие ее от других культур, например, азиатской, южно-американкой, африканской. Исходя из этого положения, настоящая статья рассматривает формирование и развитие образа Запада на страницах известного журнала.

Материалы и методы исследований

Для успешной реализации поставленной цели, автор использовал общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации информации. Исходя из специфики исследования, использовались специально-исторические методы: диахронный, историко-сравнительный. Материалом для написания работы служили статьи журнала «Интернациональная литература» («Иностранная литература» – с 1955 г.).

Результаты и обсуждения

Ключевыми точками, характеризующими образ Запада, создавшийся на страницах журнала «Иностранная литература» являются: нравы, положение людей в социальной структуре, эгоцентризм человека. Подтверждение вышеуказанным характеристикам находим в текстах статей изучаемого журнала.

Тема нравов воспевается во многих публикациях журнала. Так, в своей статье Чармиан фон Виганд «От Караибского моря к подножию креста» упоминает о распущенности Бэббитов послевоенной Америки: «В США послевоенный период был свидетелем бунта буржуазной интеллигенции против традиционных условностей, уродства и стандартизации Главной улицы с ее Бэббитами, чей круг интересов ограничивается церковными развлечениями, спортом, кино, джином и тайным развратом» [12, с. 176]. Западные нравы, отраженные в буржуазной литературе, находят острый отклик в статьях советских критиков. Особое внимание последние обращают на обстановку вокруг главных героев произведений, влияющую на их поведение и одновременно порожденную им. Так, статья А. Елистратовой о трудах английского писателя Эвлина Во показывает, что характерно для западных произведений с точки зрения нравственности. В статье читаем: «Бред алкоголика, допившегося «до чертиков», – явление весьма антиэстетическое. Это, однако, нимало не смущает бывалого романиста. Широким жестом он выплескивает по ноги читателям одно за другим вёдра помоев. Вся грязь и муть, накопившаяся в больном сознании его «героя», всплывает наружу и льется через край. Садистские кошмары и грязные эротические сцены, грубейшая площадная ругань …» [5, с. 259].

Одним из виновников (и одновременно результатом) столь распущенных нравов западного общества, становится Зигунт Фрейд, известный своими открытыми формулировками о естестве человеческого существа. Обсуждению влияния его работы на умы западных читателей посвящена статья В. Днепрова «О фрейдистской психологии и реалистическом романе». «Фрейдистская эпидемия стала опасной для духовного здоровья целых народов. Её тлетворное и вредоносное влияние чувствуется во всей идеологической жизни Запада» [4, с. 186]. В продолжение темы далее следует: «Как из рога изобилия, сыплются на голову ошеломленного читателя фрейдистские книги и исследования, касающиеся самых разнообразных

областей культуры <…> Эта всепроникающая способность фрейдизма сама по себе весьма примечательна и требует объяснения. Дело тут не только в потворстве эротизму, всегда составлявшему атмосферу гибнущих обществ <…> Ханжество всегда было одним из отвратительнейших и злобных проявлений мещанства. Фрейдизм реабилитировал тайную и грязную чувственность мещанина, объявил ее выражением всеобщей сущности человека<…>. Но главное, что обеспечило фрейдизму неслыханную популярность, - усовершенствование приемов оправдания и защиты капиталистического общества <…> Сикофаты буржуазной реакции, бесстыдно подкрашивая реальность, говорили: это хорошо, поэтому так должно быть. Фрейдизм везде опирается на другую формулу: увы, это плохо, но иначе быть не может» [4, с. 186].

Характерно, что критика нравственных устоев буржуазного общества тем более становится открыта, чем моложе год издания «Иностранной литературы». Так, статья, вышедшая в свет в 1975 году под названием «Мода и современность», обсуждая популярные в среде французских зрителей кинокартины, пишет следующее. «Но вот в другом списке, списке фильмов – рекордсменов по числу просмотревших их зрителей, фаворитами оказываются отнюдь не те картины, что завоевали премии на международных фестивалях и получили пятерки у строгих критиков. Долгое время во Франции этот второй список возглавляла, например, эротическая «Эммануэль» <…> Впрочем, если говорить о кассе, спекуляция на сексе сейчас приносит куда меньше доходов, чем прежде. Примелькались бесчисленные порнофильмы, которые тем только и отличаются один от другого, что каждый следующий грубее, грязнее, циничнее предыдущего и что сегодня его авторы норовят показать на экране такие патологические извращения, которые еще не отважились показать вчера <…> Опротивело. Надоело. Наскучило» [3, с. 235]. Как видится, все более раскованными становятся эпитеты, характеризующие западный мир в публикациях журнала.

Еще одной значимой точкой для обсуждения Запада на страницах «Интернациональной литературы» являются брачно-семейные отношения. В публикациях, характеризующих эту черту Запада, семья предстает как претерпевающая значительные изменения по сравнению с традиционным укладом. Причем в некоторых статьях прямо указывается на разложение семейных ценностей западного общества. Так в статье М. Ваксмахера «Реализм под бременем вериг» читаем: «Сильная сторона таланта Франсуа Мориака – это его незаурядное мастерство психолога <…> психологический анализ дает Мориаку возможность наглядно представить реальные процессы распада буржуазной семьи. Ведущая тема его творчества – уродство семейных отношений в буржуазной и дворянской среде, аморализм эксплуататорских классов» [2, с. 207]. Некоторые статьи формируют образ отношений в западной семье как иерархию по степени материальной подчиненности (или независимости) ее членов. Например, в статье «Мифы и правда американского юга» авторы так характеризуют буржуазную семью, воспетую в литературных произведениях: «Флобер, Толстой и Голсуорси, изображая страдания женщин в несчастливых браках, в столкновениях с жестокими, бесчеловеческими законами буржуазной или дворянской лицемерной морали, в тщетной борьбе против неумолимых губительных сил внешней материальной необходимости, управляющей жизнями отдельных людей и семей в буржуазном обществе, видели при этом и все многообразные сложные последствия..» [10, с. 212].

Эгоцентризм и одиночество человека, его отделение от остального общества проявляется в образе Запада. Об этом, в частности, свидетельствует статья Мариэтты Шагинян. Автор пишет о разности в этом отношении социалистического и капиталистического государств, нашедшей отражение в их литературе. Вот образ англо-американской литературы: «Но откуда же, повторяю, грусть? От страшного, безнадежного чувства одиночества. От страшного и ненормального соотношения между отдельным человеком и обществом, где собраны люди. От удивительного вывода о счастье, как о «приватном» деле. От страшной внутренней изоляции человека и семьи, супружеских пар, – словно каких-то одиноких островков, – в необъятном океане огороженного от них человечества» [13, с. 235]. Таким мрачным предстает мир западного общества, отраженного в англо-американской литературе. Иная картина видится в советских произведениях, которые отражают жизнь коммунизма: «А все-таки, закрываю книгу, чувствуешь удивительный прилив любви к жизни, веры в жизнь, силы жить. Почему? Потому что здесь общество и индивидуум не разделены никакой стеной, человек живет в обществе; человек в советской литературе не пасынок истории, а ее творец; «голос общества» для него не голос со стороны; он сам этот голос» [13, с. 235]. Сама литература капитализма имеет своей целью убедить читателя в безнадежном и всеобщем одиночестве каждого человека. Например, в статье Ивашевой В. читаем: «Убедить в принципиальной невозможности правдивого отражения жизни общества и даже отдельных людей

– такова первая задача, которую стараются выполнить представители буржуазной эстетической мысли. Убедить в безнадежности одиночества каждой отдельной человеческой личности, якобы бессильной вырваться из пут своих темных инстинктов, – такова вторая задача» [7, с. 182].

Что видится виновником и основной причиной столь нелицеприятного образа западного общества? Причиной тому – капитализм, точнее – его эксплуататорская, несправедливая суть. Раскрывая сущность капиталистического уклада Западного общества, нашедшего свое выражение на страницах произведений О'Нейля, Чармиан фон Виганд рассуждает: «Изобразив жизнь на ферме в виде убогого, однообразного существования, заполненного скучным трудом, а жизнь на море такой же скучной, О'Нейль, однако, не в состоянии сделать конечного вывода, – а именно, что капиталистическое общество осуждает рабочего на рабское существование, где бы он не находился» [12, с. 177].

Особое место в выражении сущности капитализма, а именно его угнетательского характера занимает проблема рабства. Доказательством угнетающего характера капитализма по отношению к населению негроидной расы выступает интервью негритянского певца Поля Робсона, вышедшего в свет в журнале «Филадельфия рекорд»: «Я послал своего сына учиться в Россию, чтобы избавить его от издевательств и оскорблений в Америке. До тех пор, пока я не попал в Россию, я не мог отделиться от чувства горечи, которую испытывает каждый негр, живущий в Америке» [8, с. 196].

Капитализм как экономический строй государства угнетает и саму культуру. Освещая интервью писателя и публициста Олдоса Хаксли о свободе творческих профессий, страницы журнала «Иностранная литература» публикуют следующие выводы. «Для того чтобы производить товары, – заметил в своем интервью Хаксли, – нужно не так уж много свободы». О какой «свободе» вообще можно говорить в обществе, где сама культура превращается в товар?» [6, с. 267].

Капитализм формирует общество с присущими ему ценности. Об их особенностях читаем в очередной статье журнала, в которой автор дает оценку творчеству английского прозаика Олдоса Хаксли. «Надо отдать автору справедливость: типичны и жизненны супруги Клакстон – мещане, полные самодовольства и гордые своей «высокодуховной» жизнью. Ни к чему не обязывающее краснобайство на «высокие» темы (толстовство, вегетарианство, «социализм» и прочее) у них очень мирно уживается с паразитизмом и весьма практическим отношением к самым земным, материальным и даже, точнее, гастрономическим «радостям» жизни» [14, с. 267]. Жизнь капиталистического общества на примере американской повседневности характеризуется в статье Н. Анастасьева «Обыденная Америка»: «Дальняя цель и у Андерсона, и у Льюиса, и у О'Хары <…> одна – обнажить фальшь, скудность, жестокость американской провинциальной жизни» [1, с. 263].

В ходе проведения исследования, установлено, что общая картина Западного мира в тестах журнала «Иностранная литература» на протяжении долгого времени (от начала существования журнала, до второй половины 1970-х годов) имеет следующие черты:

1. Тяжелый уклад жизни эксплуатируемых слоев населения соседствует с перенасыщенным во всех смыслах миром буржуа.
2. Распущенные нравы капиталистического общества, порожденные им же.
3. Угнетение традиционных семейных ценностей. Основа семейных отношений – экономическое подчинение одних членов семьи другими.
4. Губительное одиночество каждого члена капиталистического общества. Отреченность его от хода истории.

Заключая, следует также отметить, что, с конца 1970-х г. редко встречается критика западного образа жизни. Наиболее часто теперь на страницах журнала можно обнаружить следующие формулировки, касаемые СССР и Запада: «разные культуры», «стереотипы друг о друге», и тому прочее. В самих статьях журнала чаще констатируется факт расширения печати произведений иностранных авторов, причем критика последних сводится к обсуждению образов главных героев без указания на идеологические черты и различия их с советскими. Так, например, статья, выпущенная в 1983 году, освещающая американскую поэзию, говорит: «Первая в нашей стране антология американской поэзии вышла в конце 30-х годов <…> Интенсивное освоение американского поэтического наследства началось в последнее двадцатилетие» [11, с. 233]. В более позднем издании уже прямо говориться: «Для меня нет вопросов о том, какую роль сыграли послеапрельские события в развитии российской культуры. Да, мы раскрепостились. Да, мы многое узнали. Мы перестали скрывать свое давнее знание …» [9, с. 246].

Результаты исследования представляют собой анализ образа Запада, сформировавшегося на страницах публикуемых статей журнала «Интернациональная литература». В работе прослеживаются изменения этого образа в период «гласности». Впервые совершается попытка анализиро-

вать образ буржуазного общества посредством накопления, анализа и систематизации информации из периодического издания «Иностранная литература».

В работе дается характеристика, основанная на реальных текстах статей рассматриваемого издания. Раскрытие образа западных обществ, сформированного на страницах журнала, ведется через рассмотрение основных его характерных черт: эксплуататорский капитализм, одиночество личности, распущенность нравов, изменение ценностей семьи.

Выводы

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, как менялся образ Запада на страницах известного советского журнала. Если еще в 1930-х, 1940-х, 1950-х годах складывается образ враждебного, противопоставляемого советскому уклада жизни, причем сама критикующая терминология не была столь «распущена», то к 1970-м годам журнал все чаще употребляет более раскованные эпитеты к содержанию культуры западного мира. В более поздние годы существования СССР страницы журнала, кажется, позабыли об отличиях образа советского и западного обществ. Напротив, все чаще слышны местоимения «они», зажатые в кавычки, вместо: «буржуазное общество», «капиталисты» – всего лишь «разность культуры» по отношению к советским и западным образам жизни, вместо четкого разграничения. Интересным кажется тот факт, что вместо привычного конформизма культур встречаются статьи, критикующие образ жизни не западного мира, а советского.

Список источников

1. Анастасьев Н. Обыденная Америка // Иностранная литература. 1971. № 4. С. 262 – 265
2. Ваксмахер М. Реализм под бременем вериг // Иностранная литература. 1960. № 3. С. 205 – 213.
3. Галанов Б. Современность и мода // Иностранная литература. 1975. № 12. С. 235 – 246
4. Днепров В. О фрейдистской психологи и реалистическом романе // Иностранная литература. 1961. № 7. С. 185 – 204.
5. Елистратова А. Свобода циничного зубоскальства // Иностранная литература. 1958. № 5. С. 258 – 260.
6. Затонский Д. Свобода купли-продажи// Иностранная литература. 1959. № 2. С. 264 – 267.
7. Ивашева В. Борьба не закончена // Иностранная литература. 1959. № 5. С. 180 – 188.
8. Кармов У. Заметки о литературной жизни в США // Интернациональная литература. 1940. № 2. С. 194 – 197.
9. Немзер А. Всё как дома // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 246 – 248
10. Орлова Л., Копелев Л. Мифы и правда американского юга // Иностранная литература. 1958. № 3. С. 206 – 220.
11. Попов И. Древо американской поэзии // Иностранная литература. 1983. № 12. С. 236 – 238
12. Чармиан фон Виганд. От Караибского моря к подножию креста // Интернациональная литература. 1937. № 3. С. 175 – 186.
13. Шагинян М. Встреча англо-американской и советской литератур // Интернациональная литература. 1941. № 9. С. 231 – 235.
14. Эйшискина Н. Рассказы Олдоса Хаксли // Иностранная литература. 1958. № 4. С. 266 – 267.

References

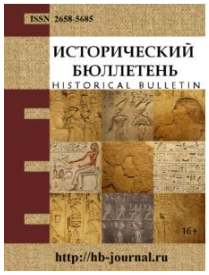
1. Anastasyev N. Everyday America. Foreign Literature. 1971. No. 4. P. 262 – 265.
2. Vaksmacher, M. Realism Under the Burden of Chains. Foreign Literature. 1960. No. 3. P. 205 – 213.
3. Galanov B. Modernity and Fashion. Foreign Literature. 1975. No. 12. P. 235 – 246.
4. Dneprov V. On Freudian Psychology and the Realistic Novel. Foreign Literature. 1961. No. 7. P. 185 – 204.
5. Elistratova A. Freedom of Cynical Jest. Foreign Literature. 1958. No. 5. P. 258 – 260.
6. Zatonsky D. Freedom of Purchase and Sale. Foreign Literature. 1959. No. 2. P. 264 – 267.
7. Ivasheva V. The Struggle Is Not Over. Foreign Literature. 1959. No. 5. P. 180 – 188.
8. Karmov U. Notes on Literary Life in the USA. International Literature. 1940. No. 2. P. 194 – 197.
9. Nemzer A. Everything Like Home. Foreign Literature. 1989. No. 8. P. 246 – 248
10. Orlova L., Kopelev L. Myths and Truth of the American South. Foreign Literature. 1958. No. 3. P. 206 – 220.
11. Popov I. The Tree of American Poetry. Foreign Literature. 1983. No. 12. P. 236 – 238
12. Charmian von Wiegand. From the Caribbean to the Foot of the Cross. International Literature. 1937. No. 3. P. 175 – 186.

13. Shaginyan M. The Meeting of Anglo-American and Soviet Literatures. International Literature. 1941. No. 9. P. 231 – 235.
14. Eishiskina N. Stories by Aldous Huxley. Foreign Literature. 1958. No. 4. P. 266 – 267.

Информация об авторе

Амбарян С.С., апирант, Армавирский государственный педагогический университет, 352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, д. 159; учитель истории и географии, Школа № 15 имени Тамбиева Владимира Григорьевича, 352900, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Калинина, д. 32, Susanna.A.16@yandex.ru

© Амбарян С.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 327.8

Политика Российской Федерации по продвижению русского языка: глобальные стратегии и реализация в Сирии в условиях трансформаций

[1, 2, 3] Алаеддин М.М.,
[1] руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Ливане и Сирии,
[2] военный корреспондент РИА Новости,
[3] Мелитопольский государственный университет им. А.С. Макаренко

Аннотация: в статье анализируется политика Российской Федерации в области поддержки и продвижения русского языка на международной арене, рассматриваемая как компонент «мягкой силы». Исследуются концептуальные основы, стратегические приоритеты и механизмы реализации данной политики на глобальном уровне. Особое внимание уделяется специфике применения российских языковых и образовательных инициатив в Сирийской Арабской Республике, особенно в контексте затяжного внутреннего конфликта и последующих политических трансформаций. Были проанализированы как достижения, так и проблемы и трудности в расширении охвата русского языка в Сирии. С одной стороны, число школьников и студентов быстро увеличивается за последние несколько лет. С другой стороны, существует целый ряд проблем, вызванных как гражданской войной, разрушением инфраструктуры и нехваткой финансирования, так и недостаточной квалификацией преподавателей и их недостаточным количеством. Отдельную проблему представляют устаревшие и недостаточно эффективные методы преподавания русского языка. Также, сирийцам тяжело выучить русский язык из-за серьезно отличающейся грамматики и непохожего алфавита. Тем не менее, в Сирии интерес к изучению русского языка сохраняется на высоком уровне. В статье также рассматривается адаптация российской политики к изменяющимся условиям в Сирии после декабря 2024 года.

Ключевые слова: русский язык, мягкая сила, внешняя политика России, Сирия, международное гуманитарное сотрудничество, языковая политика, российско-сирийские отношения, образование за рубежом, Русский мир

***Для цитирования**: Алаеддин М.М. Политика Российской Федерации по продвижению русского языка: глобальные стратегии и реализация в Сирии в условиях трансформаций // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 272 – 280.*

Поступила в редакцию: 23 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The Russian Federation's policy on promoting the Russian language: global strategies and implementation in Syria in the context of transformations

[1, 2, 3] *Alaeddin M.M.,*
[1] *Head of the Representative Office of MIA Rossiya Segodnya in Lebanon and Syria,*
[2] *Military Correspondent of RIA Novosti,*
[3] *Melitopol State University named after A.S. Makarenko*

Abstract: this article analyses the Russian Federation's policy of supporting and promoting the Russian language on the international stage as a component of 'soft power'. It examines the conceptual foundations, strategic priorities and mechanisms for implementing this policy globally. Particular attention is paid to the specifics of applying Russian-language and educational initiatives in the Syrian Arab Republic, especially in the context of protracted internal conflict and subsequent political transformation. The analysis covers both the achievements and the problems and difficulties encountered in expanding the coverage of the Russian language in Syria. On the one hand, the number of schoolchildren and students has increased rapidly over the past few years. However, a number of issues have arisen due to the civil war, infrastructure destruction and lack of funding, as well as insufficient teacher qualifications and numbers. Another problem is the outdated and ineffective methods of teaching Russian. Additionally, Syrians find it challenging to learn Russian due to its significantly different grammar and alphabet. Nevertheless, interest in learning Russian remains high in Syria. Based on an analysis of official documents, academic publications and open-source data, this article assesses the results achieved, the existing challenges and the prospects for Russian-Syrian cooperation in linguistic and educational spheres. The article also examines how Russian policy has adapted to changing conditions in Syria since December 2024.

Keywords: the Russian language, soft power, Russian foreign policy, Syria, international humanitarian cooperation, language policy, Russian-Syrian relations, education abroad, Russkiy Mir

***For citation**: Alaeddin M.M. The Russian Federation's policy on promoting the Russian language: global strategies and implementation in Syria in the context of transformations. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 272 – 280.*

The article was submitted: July 23, 2025; Approved after reviewing: September 21, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

В современной системе международных отношений культурное и лингвистическое влияние, часто объединяемое понятием «мягкой силы», приобретает все большую значимость. Концепция «мягкой силы», автором которой является Джозеф Най, описывает способность государства добиваться желаемых результатов во внешней политике посредством привлекательности собственной культуры, ценностей и политики, а не через принуждение [7]. В России академическое осмысление данного феномена также находит отражение в научных работах, исследующих его применимость и специфику в контексте российской внешней политики [3-5].

Теоретические выкладки Дж. Ная тщательно рассмотрены в работе О.Г. Леоновой. Так, она показывает, путем приведения цитат Дж. Ная, что он был убежден, что «мягкая сила» не связана ни с каким принуждением (силовым или даже взамен на предоставление выгоды), а связана именно с поощрением добровольного сотрудничества для достижения общей цели, чему помогают симпатия к разделяемым общим ценностям, чувство долга и понимание необходимости достижения этих ценностей. В результате, если культура данной страны и её идеология привлекательны для других стран, те охотно следуют ее примеру. Привлекательность культуры, внутреннего высокого уровня жизни и внешней политики более влиятельной страны в совокупности приводят к тому, что другие страны добровольно совершают действия, обусловленные их симпатией и притяжением, и стимулируют их следовать за страной-лидером, страной – субъектом «мягкой силы» [6]. Тут можно обнаружить связь темы данной работы с рассматриваемой теорией: ведь одной из важнейших целей внешней политики России является добровольная популяризация русского языка в других странах для укрепления своего авторитета на внешнеполитической арене и увеличения интереса к русской культуре, что наглядно можно наблюдать на примере Сирии.

Настоящая статья посвящена анализу политики Российской Федерации по продвижению русского языка за рубежом, рассматривая ее как важный

инструмент «мягкой силы». Особое внимание уделяется стратегическим основам этой политики и ее конкретной реализации в Сирийской Арабской Республике – стране, имеющей для России важное геополитическое значение и переживающей сложный период трансформаций.

Актуальность темы обусловлена как возрастающей ролью «мягкой силы» в мировой политике, так и необходимостью понимания механизмов ее применения Россией, особенно в таких сложных и динамично меняющихся регионах, как Сирия. Уникальный сирийский контекст, характеризующийся многолетним конфликтом и недавними политическими изменениями, создает особые условия для реализации языковых и культурных инициатив.

Материалы и методы исследований

В процессе подготовки статьи использовались методы качественного и сравнительного анализа, а также элементы контент-анализа официальных документов, научных публикаций и средств массовой информации. Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие сферу продвижения русского языка за рубежом (включая Концепцию государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом 2015 года и Концепцию внешней политики РФ 2023 года), государственные программы и отчёты профильных ведомств (МИД, Россотрудничество, Минобрнауки), а также аналитические и статистические материалы о реализации языковых инициатив в Сирийской Арабской Республике. Для анализа применялся системный подход, позволивший рассмотреть продвижение русского языка как элемент более широкой стратегии «мягкой силы» России, а также методы сравнительного анализа – для сопоставления этапов и направлений языковой политики до и после политических трансформаций в Сирии. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов, посвящённые концепции «мягкой силы» (Д. Най, О.Г. Леонова, А. Лебедева и др.) и проблемам международного культурно-гуманитарного сотрудничества [5, 6].

Результаты и обсуждения

Концептуальные основы и стратегические приоритеты российской языковой политики за рубежом

Российская Федерация рассматривает русский язык не просто как средство коммуникации, а как фундаментальный элемент национальной идентичности, истории и культуры, а также как важный инструмент для реализации своих стратегических интересов на международной арене. Официальные документы, включая Концепцию внешней политики Российской Федерации от 2023 г., подчеркивают его роль в качестве основы российской истории и культуры, государственного языка РФ, языка межэтнического общения и взаимодействия в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), средства этнокультурной и языковой самоидентификации соотечественников, проживающих за рубежом, и инструмента российского влияния в мире. Такое понимание определяет подходы к формированию и реализации государственной политики в данной сфере.

Предшествующим этапом формирования современной языковой политики можно считать документ «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» от 2010 года. Однако ключевым документом, определяющим стратегию в этой области, стала «Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом», утвержденная Президентом России 3 ноября 2015 года. Основными целями концепции являются укрепление роли, значения и конкурентоспособности русского языка в мире, поддержка его изучения и преподавания, а также совершенствование инфраструктуры международного культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества. В качестве приоритетных направлений деятельности выделены популяризация и поддержка изучения русского языка как одного из основных мировых языков и элемента мирового культурного многообразия, сохранение статуса русского языка как языка межгосударственного и межнационального общения в СНГ, а также поддержка русского языка в целях сохранения этнокультурной и языковой идентичности соотечественников, проживающих за рубежом. Эта концепция формализует связь между продвижением языка и более широкой идеей «Русского мира», подчеркивая как практическую поддержку, так и идеологическую связь.

Реализация концепции предполагает консолидацию усилий федеральных и региональных органов государственной власти, образовательных и культурных организаций, общественных объединений, фондов и бизнес-структур. Ключевыми исполнителями являются Министерство иностранных дел (МИД России), разрабатывающее общую стратегию и координирующее деятельность, Министерство науки и высшего образования (Минобрнауки России), Министерство культуры (Минкультуры России), Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству

(Россотрудничество) и его представительства за рубежом, а также фонд «Русский мир». Механизмы включают проведение масштабных мероприятий, формирование единой государственной системы курсов русского языка за рубежом на базе российских загранучреждений, расширение использования технологий дистанционного обучения, направление российских преподавателей и специалистов за рубеж, оказание научно-методической, материально-технической и информационной помощи зарубежным образовательным организациям, а также поддержку российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному [2].

Дальнейшее развитие эта политика получила в государственной программе «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» на 2022–2031 годы. Приоритетами данной программы являются укрепление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, в том числе его роли как языка международного общения, а также популяризация отечественных культурных достижений, национального исторического наследия, культурной самобытности народов России, российского образования и науки. Программа включает пять основных направлений: «Культурно-гуманитарная сфера», «Образование и наука», «Информационная сфера», «Международно-политическая сфера» и «Экспертно-аналитическое обеспечение Программы». Это свидетельствует о долгосрочной, структурированной приверженности и многоаспектном подходе к продвижению языка.

Продвижение русского языка органично вписывается в более широкую стратегию «мягкой силы» России. Как отмечалось ранее, «мягкая сила» определяется как способность влиять на поведение или мышление других через привлекательность и убеждение, а не принуждение. Язык, будучи носителем культуры, ценностей и знаний, является одним из ключевых инструментов такого влияния. Официальные российские документы прямо указывают на язык как на средство формирования позитивного образа Российской Федерации и инструмент российского влияния в мире, что соответствует теоретическим положениям о «мягкой силе», хотя, как показывает практика, например, в Сирии, ее применение часто сочетается или следует за использованием более «жестких» инструментов внешней политики.

Распространение и поддержка русского языка в Сирии: динамика, инициативы и вызовы

Сотрудничество в образовательной сфере между Россией (ранее СССР) и Сирией имеет давнюю историю. С 1956 года более 40 тысяч сирийских граждан получили образование в советских и российских вузах, что заложило основу для интереса к русскому языку и культуре в стране.

Введение русского языка в систему сирийского школьного образования началось на фоне развивающегося сирийского кризиса. В январе 2014 года министр просвещения Сирии Газван аль-Вазз объявил о включении русского языка в качестве второго иностранного на выбор с 7-го класса. Министр высшего образования Сирии Малек Али тогда же заявил о цели сделать русский язык вторым основным языком общения в Сирии после арабского, вытеснив английский или французский, мотивируя это тем, что сирийцы считают Россию ближайшим другом, особенно в период кризиса.

Динамика числа изучающих русский язык в сирийских школах демонстрировала значительный рост. В 2014 году Кафедра русского языка была открыта в Дамасском университете. И если в том же 2014 году русский язык изучали около двух тысяч школьников, то к 2020 году их число достигло примерно 24 тысяч. К 2022 году русский язык преподавался уже в 217 школах в 12 провинциях более чем 200 специалистами для свыше 35 тысяч школьников и студентов. В 2019 году бывший президент Сирии Башар Асад на встрече с российским депутатом Дмитрием Саблиным заявил, что преподавание русского языка «способствует решению проблем арабских стран, связанных с влиянием Запада, ваххабизма и террористических идей».

Российская сторона активно поддерживает эти процессы через различные инициативы. Министерство науки и высшего образования РФ увеличило квоты на бесплатное обучение для сирийских граждан в российских вузах до 759 мест на 2022/2023 учебный год (по сравнению с 513 в предыдущем году), хотя ежегодный спрос на такие места составляет не менее 2500 заявок. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина совместно с Россотрудничеством проводил онлайн-курсы повышения квалификации для сирийских преподавателей русского языка. Активно развивалось межвузовское сотрудничество: МГТУ «СТАНКИН», РУДН, МГУ, СПбГУ, СевГУ и другие российские университеты системно работали в Сирии. По разным данным, подписано от 43 до 68 документов о сотрудничестве между российскими университетами и сирийскими организациями. В Дамаске возобновил работу Российский центр науки и культуры (в 2020 году) для подготовки преподавателей русского языка для сирийских школ, а также действовал Российско-сирийский научно-образовательный центр

«СТАНКИН – Аль-Баас». В конце 2023 года сирийское Министерство образования получило около 5000 экземпляров нового учебника «Русский язык» для седьмого класса, созданного совместной сирийско-российской комиссией.

По словам Посла Российской Федерации в Сирии А.В.Ефимова, в 2023/2024 годах по просьбе сирийских властей было резко увеличено количество стипендий на обучение в российских вузах, предоставляемых гражданам Сирии – до 1000 мест. Причем бóльшую квоту имеют только несколько государств, входивших ранее в состав СССР. Можно полностью согласиться с утверждением А.В.Ефимова, что «сирийская молодёжь, получившая в России бесплатное высококачественное образование по самым разным специальностям – от медицинских и инженерных до творческих – внесёт огромный вклад в дальнейшее развитие своей страны». Это означает более чем трехкратное увеличение квоты на поступление в российские вузы для сирийских студентов по сравнению с 2016 г., когда их число составляло 300, что наглядно иллюстрирует всю важность для России сотрудничества с Сирией в области образования. Однако, согласно заявлению заместителя главы Россотрудничества Павла Швецова, приём сирийских студентов в российские вузы приостановлен как минимум до 2025 года из-за политической ситуации в стране.

На финальном этапе согласования находится комплексный проект по строительству в Дамаске средней школы, образовательный процесс в которой будет проходить на русском языке по передовым отечественным стандартам. В связке с ней в сирийской столице планируется открыть филиал российского вуза, на базе которого будет вестись подготовка национальных педагогических кадров.

Несмотря на достигнутые успехи, продвижение русского языка в Сирии сталкивается с серьезными вызовами. Военные действия создавали угрозу безопасности и приводили к отмене занятий. Ощущалась острая нехватка учебных материалов и квалифицированных преподавателей на начальном этапе, что было связано как с отъездом проживавших в Сирии русских и русскоязычных специалистов из-за войны и немногочисленностью местных специалистов, так и с недостатком финансирования в условиях военных действий. Не говоря уже о том, что в заевфратских провинциях Сирии, находящихся под контролем проамериканских Сирийских демократических сил, продвигать русский язык не было возможности. Продолжающийся внутренний вооруженный конфликт, санкции против Сирии и России, вызывающие сложности с банковскими транзакциями, и ограниченная платежеспособность сирийского населения также являются существенными препятствиями. Родители проявляли нерешительность при выборе русского языка для своих детей из-за нехватки профессиональных кадров, предпочитая более устоявшийся французский язык. Кроме того, существует конкуренция с другими языками: французский имеет давние позиции, а персидский язык до смены власти в декабре 2024 года активно продвигался Ираном, который предлагал финансовую помощь и бесплатные курсы, воспользовавшись ухудшающейся ситуацией в системе образования Сирии для укрепления своих позиций. Эта конкуренция подчеркивает, что для успеха языковых инициатив важны не только сами занятия, но и сопутствующие преимущества, такие как стипендии и перспективы трудоустройства.

Молодой исследователь и ассистент преподавателя русского языка в Университете Дамаска, Рита Мадхат Альрхаль, в своей работе решила подробно проанализировать основные трудности в обучении русскому языку как иностранному для учащихся в современной Сирии (по состоянию на 2022 г.). Во-первых, очевидной трудностью для учащихся является огромная разница в грамматическом строе русского и арабского языков. Глубокие грамматические различия серьезно мешают успешному усвоению сирийскими учащимися грамматики русского языка, особенно это касается падежной системы существительных, очень сложной для усвоения носителями тех языков, где (на разговорном уровне) ее не существует или остались лишь ее небольшие следы, что справедливо для сирийского диалекта арабского. В результате, как она отмечает, «в сознании сирийского обучающегося может сформироваться третья система, в которой смешиваются черты двух неродственных языков, под влиянием интерференции может сложиться ошибочное мнение о соответствии родного языка и изучаемого русского языка». Серьезные сложности вызывает также овладение русской кириллицей, особенно учитывая, что далеко не все учащиеся привыкли регулярно делать письменные домашние задания. По ее мнению, наиболее эффективным подходом в обучении русскому языку для сирийцев является коммуникативный подход, ориентированный на то, чтобы учащиеся могли свободно общаться на русском с носителями, который недавно начал применяться в университете; до этого главными были менее эффективные методы, нацеленные на механическое заучивание и запоминание лексики и грамматики. Однако такие методы до сих пор применяются в сирийских школах, что затрудняет эффективное освоение русского [1].

Помимо собственно языковых трудностей, существуют также большие сложности, вызванные гражданской войной, мешающие учащимся эффективно заниматься: перебои с электричеством и с интернетом, в том числе в Дамаске; низкая зарплата школьных учителей и преподавателей вузов, что является одной из причин, затрудняющих привлечение необходимого количества специалистов; нехватка учебников и особенно современных компьютеров и проекторов. Также среди важных трудностей является отсутствие в университете Дамаска аспирантуры по русскому языку (если бы она была, можно было бы проводить научные исследования в области преподавания русского). Автор предлагает свои методы по решению этих проблем – в частности, проведение на более регулярной основе встреч между должностными лицами министерств образования РФ и Сирии для обсуждения острых проблем в обучении русскому языку в Сирии, повышение квалификации сирийцев – преподавателей русского языка с помощью специалистов-россиян, разработка новых учебников и учебных пособий с более эффективными методами обучения, введение дополнительных курсов с упором на усвоение русской живой речи, активизация научного сотрудничества сирийских и российских академических журналов, посвященных изучению русского языка и т.д. [1]. С оценкой автором существующих проблем и с ее рекомендациями, в целом, можно согласиться.

Российская диаспора в Сирии, насчитывающая около 6300 человек (преимущественно смешанные семьи), также является объектом внимания в рамках языковой политики. В стране действуют объединения соотечественников, такие как клуб «Родник» в Дамаске, клуб «Точка Ру» в Алеппо и ассоциация «Дар» в Латакии. Поддержка этой группы соответствует целям Концепции 2015 года по сохранению этнокультурной идентичности соотечественников.

В более широком контексте российской помощи Сирии, анализ данных о гуманитарных поставках за период с марта 2012 по ноябрь 2021 года (3819 зарегистрированных фактов доставки помощи) показывает, что основные усилия были сосредоточены на других направлениях. Продовольствие и вода составили 49% поставок, медицинская помощь – 20%, в то время как помощь, классифицированная как образовательная, составила лишь 1% [8]. Это позволяет предположить, что масштабные программы по продвижению русского языка, особенно после 2014 года, финансировались и реализовывались по линии специфического образовательного и культурного сотрудничества, а не как основная составляющая общих гуманитарных конвоев в указанный период.

Русист Светлана Родыгина, преподаватель кафедры русского языка в Университете Дамаска, рассказывает, что в финансировании обучения русскому языку важную роль играет департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы. В частности, эта структура при московском правительстве поддерживает "русские классы" в Сирии новым оборудованием (только в 2023 г. открылись два таких класса: в Дамаске и Хомсе). Специально для сирийских детей совместно с издательством "Златоуст" русские лингвисты составили книгу "Полет". Московское правительство также организовало визит в Сирию доктора педагогических наук, автора учебных пособий для иностранцев и детей-билингвов, живущих в России и за рубежом, Елизаветы Хамраевой, которая провела курсы повышения квалификации для сирийских учителей. С. Родыгина, также, как и Р.М. Альрхаль, говорит о серьезной нехватке профессиональных кадров русистов, однако постепенно новые кадры готовятся: так, целых 50 преподавателей прошли переквалификацию с помощью Министерства просвещения РФ и Московского педагогического университета. По ее словам, основная мотивация для изучения русского языка у школьников – шанс выиграть Олимпиаду по русскому языку после 9 класса и поехать в Россию, в Москву или в летние лагеря отдыха «Артек» и «Орленок». Так как дети большей частью – выходцы из бедных семей, школы находили для них спонсоров, чтобы помочь им купить билет и оформить визу. У студентов была другая мотивация: обучаться в российских университетах, где, как уже говорилось, существует около 1 тысячи квот, а в будущем – работать в престижной профессии.

Российско-сирийское сотрудничество в сфере образования и языка в условиях политических трансформаций

После смены власти в Сирии в декабре 2024 года российская сторона продемонстрировала прагматичный подход, направленный на сохранение и развитие двусторонних отношений. Официальная позиция России заключается в приверженности принципам дружбы и партнерства, оказании помощи сирийскому народу и поддержке суверенитета, единства и территориальной целостности Сирии, независимо от смены руководства.

Подтверждением этого курса стали контакты на высоком уровне. В феврале 2025 года состоялся телефонный разговор между Президентом России Владимиром Путиным и временным главой Сирии Ахмедом аш-Шараа, в ходе которого обсуждались

вопросы практического взаимодействия в торгово-экономической, образовательной и других областях. Ранее, в январе 2025 года, заместитель министра иностранных дел РФ Михаил Богданов встретился с Ахмедом аш-Шараа для обсуждения развития двустороннего сотрудничества. Новое сирийское руководство также выразило открытость к продолжению российского военного присутствия в стране, если это будет отвечать интересам Сирии. Особо примечательно упоминание сферы «образования» в коммюнике о разговоре В.В. Путина и А. аш-Шараа, что указывает на намерение России продолжать и адаптировать свое образовательное, а следовательно, и языковое сотрудничество с новыми сирийскими властями.

Перспективы развития образовательных проектов и продвижения русского языка в новых условиях во многом будут зависеть от реализации ранее намеченных планов и их адаптации. Еще до смены власти, в апреле 2024 года, в качестве перспективных направлений рассматривались открытие филиалов российских вузов в Сирии (обсуждение филиала МГУ велось с 2020 года), запуск программ двойных дипломов, реализация программ «приглашенный профессор», а также студенческие и научные обмены. Долгосрочные цели включали трансформацию таких структур в полноценные университеты, содействие Сирии в подготовке квалифицированных кадров для восстановления экономики и переход к коммерчески жизнеспособным проектам. Важным шагом на этом пути является совершенствование нормативно-правовой базы, в частности, ускорение рассмотрения проекта межправительственного соглашения о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней, которое должно обновить протокол 1966 года.

Новые власти Сирии начали процесс реформирования образовательной системы. В январе 2025 года Министерство просвещения Сирии разъяснило поправки к учебным программам, которые включали удаление символики прежнего режима, замену государственного флага, отмену на текущий учебный год предмета «Национальное воспитание» и коррекцию толкований Корана. Важно отметить, что в этих первоначальных разъяснениях не содержалось информации об изменениях в политике изучения иностранных языков, включая русский. Отсутствие немедленных заявлений по этому поводу может интерпретироваться поразному: либо этот вопрос не является первоочередным для новых властей на фоне более срочных символических и идеологических изменений, либо существующие программы изучения иностранных языков продолжат действовать по умолчанию, либо обсуждения ведутся непублично. Это создает явную неопределенность и требует дальнейшего наблюдения.

Тем не менее смена политического режима в Сирии привела к фундаментальной трансформации условий для российского культурно-языкового присутствия. Если до декабря 2024 года политика продвижения русского языка и поддержки диаспоры опиралась на тесное сотрудничество с лояльным правительством Башара Асада и значительные государственные инвестиции в образовательную инфраструктуру, то новая реальность характеризуется высокой степенью неопределенности, возможным сокращением официальной поддержки русского языка со стороны Дамаска и необходимостью пересмотра всей стратегии *«мягкой силы»* РФ. Сообщения о реформе сирийской системы образования и потенциально возможном исключении русского языка из школьной программы, наряду с отсутствием активных сообщений о продолжении прежних совместных культурных проектов, свидетельствуют о серьезных вызовах. Оценка степени влияния политической трансформации на российские культурно-языковые проекты показывает, что их будущее во многом будет зависеть от прагматизма новых сирийских властей и способности России предложить форматы сотрудничества, отвечающие насущным потребностям Сирии в восстановлении и развитии, а не воспринимаемые как исключительно инструменты геополитического влияния. Гипотеза о сохранении языкового фактора как значимого инструмента продвижения интересов РФ требует уточнения: его потенциал сохраняется, но реализация этого потенциала потребует кардинально иных подходов, чем ранее.

Оценка перспектив сохранения и развития российского гуманитарного влияния в Сирии

В краткосрочной перспективе следует ожидать снижения масштабов российского гуманитарного и культурного влияния, обусловленного периодом нестабильности, пересмотром прежних договоренностей и возможным скептическим отношением новых властей к инициативам, ассоциирующимся с предыдущим режимом. Однако в среднесрочной перспективе Россия может сохранить определенное культурное присутствие, если сможет адаптировать свои подходы. Условиями для этого являются: Выстраивание конструктивного диалога с новыми сирийскими властями на деполитизированной основе, акцент на проекты, имеющие очевидную практическую ценность для сирийского общества (образование в востребованных областях, научное сотрудничество, способствующее восстановлению страны). А также ис-

пользование гибких и менее зависимых от государственной поддержки форматов (онлайн-обучение, поддержка независимых культурных инициатив, народная дипломатия). Не мало важной будет и работа по улучшению имиджа России, преодолению негативных ассоциаций, связанных с ее ролью в конфликте.

Долгосрочное влияние России в Сирии через языковой фактор и диаспору будет зависеть от ее способности перейти от пассивного ожидания лояльности, характерного для предыдущего этапа, к активному предложению ценности – как для сирийского государства в его новом виде, так и для сирийского общества в целом. Это требует пересмотра подходов от «продвижения» к «сотрудничеству».

Выводы

Анализ политики Российской Федерации по продвижению русского языка за рубежом показывает, что она является многогранной и стратегически важной составляющей ее внешней политики, тесно связанной с концепцией «мягкой силы». Государственные программы и концепции, принятые в последнее десятилетие, свидетельствуют о системном подходе и долгосрочных планах по укреплению позиций русского языка и культуры в мире.

Пример Сирии наглядно демонстрирует как возможности, так и сложности реализации такой политики в условиях геополитической нестабильности и внутреннего конфликта. Действительно, начиная с середины 2010-х гг. удалось добиться серьезного роста числа как школьников, так и студентов, изучающих русский язык в Сирии, а для сирийцев в российских вузах число квот выросло в 3 раза. Однако обучение русскому языку в Сирии сталкивается с многочисленными трудностями. Часть их была вызвана гражданской войной: нехватка учебников, перебои с электричеством и интернетом, а часть – недостаточно эффективными методами преподавания вкупе с нехваткой самих преподавателей (как, впрочем, и недостаточным уровнем квалификации у некоторых из них). К этим трудностям добавляются сложности освоения русского арабскими учащимися из-за кардинально отличающейся грамматики и совершенно другого алфавита. Поэтому для хорошего усвоения русского необходимо делать ставку на развитие навыков живого общения, что уже делается в Университете Дамаска.

Несмотря на значительный рост числа изучающих русский язык и развитие образовательных инициатив, устойчивость этих достижений зависит от множества факторов, включая ситуацию с безопасностью, наличие ресурсов, квалифицированных кадров и конкуренцию с другими языками. Российская сторона проявляет готовность адаптировать свое сотрудничество с Сирией в образовательной сфере к новым политическим реалиям, возникшим после декабря 2024 года, что подтверждается продолжением диалога на высоком уровне с акцентом на образовательные проекты.

Сложности реализации инициатив «мягкой силы» в таких странах, как Сирия, указывают на необходимость долгосрочных обязательств и адекватного ресурсного обеспечения для достижения устойчивых результатов, а не только краткосрочных количественных показателей. Дальнейшая эволюция российско-сирийских отношений в образовательной сфере после 2024 года и потенциальная адаптация сотрудничества к новым условиям представляют значительный интерес.

Список источников

1. Альрхаль Р.М. Проблемы и перспективы в реализации методики сотрудничества в обучении сирийских школьников русскому языку // Методика сотрудничества в обучении русскому языку: материалы международно-практической конференции. М.: Московский педагогический государственный университет, Институт филологии. 2022. С. 187 – 193.

2. Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. //М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2012. 482 с.

3. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С. 189 – 197.

4. Громыко А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 3 – 19.

5. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 212 – 223.

6. Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101 – 114.

7. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
8. Robinson J. Russian Foreign Humanitarian Assistance Identifying Trends Using 15 Years of Open-Source Data [Электронный ресурс] // Expeditions with MCUP. 13.04.2022. URL: https://muse.jhu.edu/pub/419/article/853324 (дата обращения: 27.05.2025)

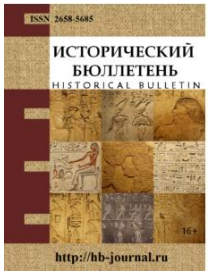
References

1. Alrhal R.M. Problems and Prospects in Implementing the Collaborative Methodology in Teaching Russian to Syrian Schoolchildren. Collaborative Methodology in Teaching Russian: Proceedings of the International Practical Conference. Moscow: Moscow State Pedagogical University, Institute of Philology. 2022. P. 187 – 193.
2. Arefyev A.L. Russian Language at the Turn of the 20th–21st Centuries. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. 2012. 482 p.
3. Budaev A.V. “Soft Power” in Russia’s Foreign Policy: Origins, Features, and Prospects. Public Administration. Electronic Bulletin. 2015. No. 48. P. 189 – 197.
4. Gromiko A.A. "Soft Power" and the Force of Law: Toward a Problem Statement. Moscow University Bulletin. Series 25, International Relations and World Politics. 2014. No. 3. P. 3 – 19.
5. Lebedeva M.M. "Soft Power": Concept and Approaches. MGIMO University Bulletin. 2017. No. 3 (54). P. 212 – 223.
6. Leonova O.G. "Joseph Nye and Soft Power: An Attempt at a New Reading". Social and Humanitarian Knowledge. 2018. No. 1. P. 101 – 114.
7. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
8. Robinson J. Russian Foreign Humanitarian Assistance Identifying Trends Using 15 Years of Open-Source Data [Electronic resource]. Expeditions with MCUP. April 13, 2022. URL: https://muse.jhu.edu/pub/419/article/853324 (date of access: 05.27.2025)

Информация об авторе

Алаеддин М.М., руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Ливане и Сирии, военный корреспондент РИА Новости, аспирант, Мелитопольский государственный университет им. А.С. Макаренко, 272312, Запорожская обл., г. Мелитополь, пр-кт Богдана Хмельницкого, 18, dim1945@mail.ru

© Алаеддин М.М., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 9.94

От "Тора! Тора! Тора!" до "Перл-Харбора": эволюция образа японской атаки на Перл-Харбор в зарубежном кинематографе

[1] Волкова В.С.,
[1] Куделин А.А.,
[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация: статья посвящена анализу репрезентации атаки на Перл-Харбор в зарубежном кинематографе как важного инструмента формирования культурной памяти и общественного восприятия исторических событий. Рассматривается эволюция кинематографических трактовок на примере двух ключевых фильмов «Тора! Тора! Тора!» (1970 г.) и «Перл-Харбор» (2001 г.).

Первый фильм анализируется как образец стремления к документальной точности и объективности, демонстрирующий события с обеих сторон конфликта и опирающийся на широкую источниковую базу. Второй фильм, напротив, представляет собой пример драматизации и романтизации истории, где историческая достоверность приносится в жертву зрелищности и эмоциональному воздействию на массовую аудиторию.

Целью данной статьи является через сравнительный анализ двух картин провести эволюцию кинематографического подхода: от попытки беспристрастной реконструкции событий и их причин в «Тора! Тора! Тора!» до создания масштабной патриотической саги в «Перл-Харбор», где исторический фон служит лишь антуражем для личной драмы. Этот переход от «фактов к эмоциям» не только отражает изменение культурных запросов аудитории и технологические возможности кинематографа, но и напрямую влияет на формирование массового исторического сознания, зачастую подменяя сложность прошлого мифологизированными и упрощенными образами.

Ключевые слова: кинематограф, США, история Второй Мировой войны, Перл-Харбор, Япония, Тихоокеанский фронт

***Для цитирования**: Волкова В.С., Куделин А.А. От "Тора! Тора! Тора!" до "Перл-Харбора": эволюция образа японской атаки на Перл-Харбор в зарубежном кинематографе // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 281 – 289.*

Поступила в редакцию: 23 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

From "Tora! Tora! Tora!" to "Pearl Harbor": the evolution of the Japanese attack on Pearl Harbor in foreign cinema

[1] Volkova V.S.,
[1] Kudelin A.A.,
[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article is devoted to the analysis of the representation of the attack on Pearl Harbor in foreign cinema as an important tool for the formation of cultural memory and public perception of historical events. The evo-

lution of cinematic interpretations is considered on the example of two key films "Tora! Tora! Tora!" (1970) and "Pearl Harbor" (2001).

The first film is analyzed as an example of the desire for documentary accuracy and objectivity, demonstrating events on both sides of the conflict and relying on a broad source base. The second film, on the contrary, is an example of the dramatization and romanticization of history, where historical authenticity is sacrificed for entertainment and emotional impact on a mass audience.

The purpose of this article is to conduct the evolution of the cinematic approach through a comparative analysis of the two films: from an attempt at an impartial reconstruction of events and their causes in "Tora! The Torah! Tora!" before creating a large-scale patriotic saga in Pearl Harbor, where the historical background serves only as an entourage for a personal drama. This transition from "facts to emotions" not only reflects the changing cultural demands of the audience and the technological capabilities of cinema, but also directly affects the formation of mass historical consciousness, often replacing the complexity of the past with mythologized and simplified images.

Keywords: cinema, USA, history of the Second World War, Pearl Harbor, Japan, Pacific Front

***For citation**: Volkova V.S., Kudelin A.A. From "Tora! Tora! Tora!" to "Pearl Harbor": the evolution of the japanese attack on Pearl Harbor in foreign cinema. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 281 – 289.*

The article was submitted: July 23, 2025; Approved after reviewing: September 21, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Атака на Перл-Харбор, произошедшая 7 декабря 1941 года, стала одним из наиболее значительных событий Второй мировой войны, оказавшим глубокое влияние на ход истории и геополитическую ситуацию в мире. Эта неожиданная военная операция Японской империи не только привела к вступлению США в конфликт, но и оставила яркий след в сознании людей, став символом трагедии и героизма.

Отражение и интерпретация атаки на Перл-Харбор в зарубежном кинематографе стало важным аспектом культурной памяти, формируя общественное восприятие войны и ее последствий. Кинематограф является мощным инструментом массовой культуры и способен не только отражать исторические события, но и формировать общественное мнение, создавая различные образы, которые могу влиять на восприятие целых наций и эпох. Американское кино 1939-1945 гг. заложило традиции изображения войны в национальной культуре [11].

Материалы и методы исследований

Основу данного исследования составил комплексный анализ широкого круга источников, для обработки которых был применен ряд взаимодополняющих научных методов. Материальную базу работы образуют три группы источников. Во-первых, это кинематографические источники, представленные художественными фильмами «Тора! Тора! Тора!» (реж. Р. Флейш, К. Фукасаку, 1970 г.) и «Перл-Харбор» (реж. М. Бэй, 2001 г.), которые были отобраны как репрезентативные примеры, отражающие различные исторические эпохи и принципиально разные подходы к осмыслению прошлого. Во-вторых, это корпус историографических источников, включающий научные труды как зарубежных (С. Морисон, Р. Волштеттер, Ч. Бирд, Дж. Толанд), так и отечественных исследователей (Г.Н. Севастьянов, М.С. Маслов), а также комплекс статей, посвященных американскому кинематографу (С.О. Буранок).

Для решения исследовательских задач был задействован ряд методов. Основным выступил сравнительно-сопоставительный анализ, позволивший провести детальное сравнение двух кинокартин по ключевым параметрам: степень исторической достоверности, особенности нарративной структуры, визуальные решении, а также трактовка образов ключевых исторических фигур и идеологическая направленность. Историко-генетический метод был применен для прослеживания эволюции кинообразов Перл-Харбора от 1970-х к 2000-м годам и выявления связи этих изменений с историко-политическим и культурным контекстом эпох их создания. Для систематизации выявленных подходов был использован историко-типологический метод, позволивший выделить и охарактеризовать два доминирующих типа киноповествования: документально-реконструкционный и драматически-зрелищный. Наконец, для анализа специфики киноязыка был задействован визуальный анализ, фокус на работе оператора, использовании спецэффектов, постановке батальных сцен и общем эмоциональном воздействии визуального ряда на зрителя. Подобный методологический синтез позволяет не только описать кинокартины, но и проанализировать механизмы их влияния на формирование коллективных представлений о истории.

Результаты и обсуждения

Историография самого события обширна и включает как официальные версии о «внезапном нападении», так и ревизионистские концепции, обвинявшие американское руководство в провокации конфликта и умышленном допущении атаки. Однако для широкой аудитории именно художественный кинематограф зачастую становится главным, если не единственным, источником знаний о прошлом. Это возлагает на кинопроизведения особую ответственность и делает анализ их содержания и нарративов крайне актуальной научной задачей.

Зарубежная историография начала развиваться сразу после получения информации о событии, а научное изучение стало возможным после победы над Японией благодаря публикации документов (1945-1947 гг.) и мемуаров участников войны в 1950-х. Это расширило источниковую базу и углубило историографию.

С. Морисон [17], Р. Волштеттер [7], Дж. Стефан [5], изучали японскую атаку на Пёрл-Харбор в контексте Второй мировой войны. Они считают, что США перед войной проводили противоречивую политику, но при этом они целенаправленно не провоцировали японское нападение. Поэтому атака явилась полной неожиданностью.

Также одной из главных концепций, в отличие от официальной, стала концепция «ревизионистов», которая рассматривала предвоенную внешнюю политику США, которая была направлена на провоцирование военного конфликта с Японией, следовательно, высшее руководство, в том числе Ф. Рузвельт знали о готовящемся нападении, но не предприняло никаких действий по укреплению обороноспособности или нанесению превентивного удара. Это в первую очередь работы Ч. Бирда «Американская внешняя политика в процессе становления, 1932-1940» [1] и Д. Толанда «Позор: Перл-Харбор и его последствия» [6].

Отечественная историография делится на два этапа: советский и современный. На первом этапе господствовал марксистский взгляд на японское нападение на Перл-Харбор. В соответствии с этим взглядом атака рассматривалась как следствие проявления либо классовой борьбы, межпартийного противостояния в США или же как империалистические планы Японии по захвату тихоокеанского фронта.

В рамках истории Второй мировой войны Перл-Харбор рассматривали В.Я. Аварин «Борьба за Тихий океан» [8], В.И. Андреев «Борьба на океанских коммуникациях» [9], З.М. Солонцов «Дипломатическая борьба США за господство на море и противоборство империалистических держав: 1918-1945 гг.» [22] Они показали реакцию американских военных, политических и общественных деятелей на японскую атаку и дали им оценку.

Историки, изучавшие международные отношения, рассматривали атаку на Перл-Харбор как итог развития японо-американских противоречий на Дальнем Востоке и Тихом океане. Это в первую очередь, работы Г.Н. Севастьянова «Дипломатическая история войны на Тихом океане» [21], Д.Г. Наджафова «Нейтралитет США 1935-1941» [18], Ю.А. Кузнец «Вступление США во вторую мировую войну» [14].

Работа М.С. Маслова «Перл-Харбор. Ошибка или провокация?» [16] - первое в постсоветской историографии исследование, посвящённое событиям 7 декабря 1941 г. В ней более подробно рассматриваются политический причины нападения, реакция политического руководства.

Нападение Японии на США не было такой неожиданностью, как принято считать. Ухудшение отношений между странами началось с того момента, когда интересы Японии, США, Великобритании и, в том числе России, начали сталкиваться в Китае и Тихоокеанском регионе. Хоть Япония и учувствовала на стороне Антанты в Первой Мировой войне и получила мандат на управление бывшими немецкими владениями в Тихом океане, такими как: Маршалловы, Каролинские и Марианские острова, но это не остановило Японию сблизиться с фашистским блоком. Уже после Второй лондонской конференции 1936 г., договор между Японией, США, Великобританией и Италией не содержало ограничений по количеству кораблей. И Япония официально заявила о своем нежелании следовать договорам, что в результате обострило ее отношения с Великобританией и США. А в 1937 г. началась японо-китайская война [16, С.88], которую лидер США Ф. Рузвельт лишь осудил и предлагал выступить посредником между конфликтующими. США продолжали помогать Китаю, а с Японией торговать. Это продолжалось до случая 12 декабря 1937 г., когда 4 американских суда подверглись «ошибочной» атаке японскими орудиями на р. Янцзы. В тоже время, зависимость японской промышленности от американского сырья была очень сильной. Весь 1938 г. и до сентября 1939 г. политика США на Дальнем Востоке притормозилась, в связи с известными событиями в Европе. К декабрю 1938 г. ситуация в Китае становилась для США экономически невыгодной, и страна резко осудила

ситуацию в регионе (нападение Японии на Китай в Манчжурии). Летом 1940 г. японские войска стали стягиваться к границам Индокитая. Это событие послужило принятием решения ввести экономические санкции в отношении Японии [16, с. 131] (ограничения по ввозу металлов и самое главное – нефти). На этом этапе США уже были уверены в том, что война неизбежна. Таким образом, решение Ф. Рузвельта о введении эмбарго было спровоцировано в основном оккупацией японскими военными Южного Индокитая [13, с. 116]. Япония направила свои силы на юг: получила военно-морские базы в Индокитае, имела планы по захвату Малайи, Сингапура и Индонезии. С этого момента обе страны усиливают свои военные приготовления. До атаки на Перл-Харбор страны проводили переговоры, ставя различные условия друг другу, но договориться не смогли. В это время общественное мнение в отношении японского населения трансформировалось, это было спровоцировано стремительным продвижением японских солдат

С военной точки зрения Гавайские острова считаются важной заморской территорией – они расположены в сердце Тихого океана. Для их защиты Соединенные штаты построили одно из крупнейших военно-морских баз на острове Оаху. С начала войны там базировался весь Тихоокеанский флот. Ответственность за руководство военно-морскими и сухопутными силами США в Тихом океане лежала на адмирале Эдварде Киммеле, адмирале Томасе Чарлзе Харте и генерале Дугасе Макартуре [16, С. 68].

6 декабря президент Рузвельт лично с посланием обратился к императору Хирохито, призывая его к мирному урегулированию конфликта. Но ответа не было получено. В 8 утра 1941 г. пробил роковой час для боевых сил Тихоокеанского флота в Оаху.

Западный кинематограф неоднократно обращался к этой теме, создавая фильмы, отражающие как исторические факты, так и эмоциональную сторону трагедии.

В данной работе будет проведен анализ атаки на Перл-Харбор в западном кинематографе в двух фильмах, которые наиболее точно отражают свою эпоху кинематографа: «Тора! Тора! Тора!» 1970 г. [24] и «Перл-Харбор» 2001 г. [19].

Художественный фильм «Тора! Тора! Тора!», выпущенный в 1970 г. режиссера Р. Флейша (американская часть) и К. Фукасаку (японская часть) детально воссоздаёт события, предшествующие нападению Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. Это редкий пример совместного американо-японского проекта, где создатели с обеих сторон попытались воссоздать события. Фильм создавался в тесном сотрудничестве с военными консультантами и ветеранами с обеих сторон конфликта.

Данный фильм известен как наиболее достоверное киноизображение атаки японского флота на Перл-Харбор. Фильм получил премию Американской академии кинематографических искусств и наук, известную как «Оскар» за лучшие визуальные эффекты, а также получил 4 номинации за операторскую работу, работу художника-постановщика, монтаж и звук. Название фильма «Тора! Тора! Тора!» (с яп. Тигр! Тигр! Тигр!) символично – это условный сигнал, который был передан, когда началась атака и означал, что неожиданность, на которую рассчитывали японцы, была достигнута. Японское название было непривычно для американского зрителя и это привело к кассовому провалу в США, фильм принес прибыль лишь когда вышел на видеокассетах.

Сюжет передан с документальной точностью. В фильме раскрыты события, предшествующие нападению и события самого нападения. Обстановка на Тихом океане накаляется, администрация президента США проводят переговоры с послом Японии Номура Китасабуро, пытаясь прийти к компромиссу. Параллельно данным событиям показывается как в штабе ВМФ США расшифровывают все послания Японии, а на Перл-Харборе адмирал Казбенд Киммел говорит, что не стоило из Сан-Диего переносить сюда из-за мелководья и проживавших на нем 130 тыс. японцев. Но также показана и неготовность США к нападению из-за бюрократии, ошибок разведки и самое главное – недооцененность угрозы со стороны Японии, несмотря на то, что верховное руководство знало о нападении, но не знало о готовящемся нападении на Перл-Харбор, т.к. японская стороны в ходе подготовки и реализации этой операции соблюдали полное радиомолчание.

К разработке Гавайской операции авианосных сил японского Объединенного флота против Тихоокеанского флота США привлекается адмирал Ямамото Исороку. Главной целью они ставят завоевание Юго-восточной Азии и нефтяные месторождения Голландской Ост-Индии. Ему помогает в этом капитан Минор Гэнда. Главный акцент делается на том, чтобы нанести превентивный точечный удар по базе в Перл-Харборе, для того чтобы причинить как можно больше ущерба в очень короткие строки и уничтожить авианосцы. Для этого Ямамото предлагает модифицировать торпеды для мелководья Перл-Харбора.

Ямамото Исороку – одна из главных ролей в фильме. Делается акцент на его деятельность и размышления. В фильме он настроен очень пессимистически по поводу войны с США, он говорит: «Если разразится военный конфликт между Японией и Соединенными Штатами, будет недостаточно захвата Гуама и Филиппин и даже Гавайских островов и Сан-Франциско. Нам будет нужно маршировать до самого Вашингтона и подписать капитуляцию в Белом доме. Я сомневаюсь. что наши политики уверены в победе и готовы принести нужные жертвы» [4, с. 254]. О его мнении о войне мы знаем со слов других участников событий, которые оставили разные свидетельства, большинство сходятся в том, что Ямамото считал, что война против США будет успешной, если продлится не более года («надежда на победу Японии в войне ограничена временем и нефтью») [4, с. 235]. Поэтому оценить его мнение достаточно сложно. Также Ямамото видел большое будущее за авианосцами, а не линкорами. Однако, он не имел возможности оказать влияние на соотношения между строящимися кораблями. И в августе 1939 г. его перевели из министерства военно-морских сил в море в качестве командующего флотом. Это считается попыткой Мицумасы Ёнаи (министра военно-морских сил) спасти его от покушений на жизнь. Также известно, что эти противоречия были между Ямамото и Тюити Нагумо (вице-адмирал Императорского морского флота) [12, с. 38-39], но они не отражены в фильме.

Здесь нет однобоких трактовок: японские адмиралы показаны не как карикатурные злодеи, а как расчётливые военные, а американские командиры – как люди, допустившие роковые ошибки, но не глупцы.

Сама атака на Перл-Харбор показа реалистично: ландшафт о. Оаху, боевые действия, приведшие к разрушению линкоров, гибели людей и хаосу на базе.

Фильм основан на официальных документах: отчеты Комиссии **Конгресса США по расследованию атаки** (1945-1946), мемуары адмирала Нимица, японские военные архивы (планы операции).

Визуальная составляющая передана достаточно точно: японские самолёты A6M Zero, торпедоносцы B5N Kate, пикирующие бомбардировщики D3A Val, были одеты в фальшивые обтекатели, а также использовались учебно-тренировочные самолеты, фюзеляжи которых были удлинены на 2 метра, а капоты и лобовые стекла модифицированы. Американский истребитель Curtiss «Уорхок» использовался настоящий в воздухе, а уничтоженные на земле – стеклопластиковые макеты.

Американские линкоры Аризона и Оклахома изображались с помощью муляжей, а съемки проходили на настоящем линкоре «Миссури», который загримировали под японский флагман. Также для съемок использовали миниатюрные американские линкоры.

В роли японского авианосца снимался противолодочный авианосец США Йорктаун CV-10 – американский авианосец типа «Эссекс» времен Второй мировой войны. Однако, было трудно собрать японский флот, поскольку только один из линкоров пережил настоящую войну [17, С.362].

Военная форма времен Второй мировой войны передана точно. Основные отличительные элементы японской военной формы Императорского флота – однобортный синий и белый китель (в зависимости от времени года). А летчиков морской авиации – неразъёмные комбинезоны из коричневого габардина с большим нагрудным карманом слева, зимой можно увидеть на форме воротник из кроличьего меха, головным убором служил кожаный шлем с подкладкой из меха.

Военная форма американского офицерского состава включала белые кители и брюки, фуражку с синей тульёй. Форма американских летчиков включала в себя кожаную куртку А-2, летный комбинезон из светло-коричневого габардина [17, с. 364].

Съемки фильма проходили на двух площадках: в США (Перл-Харбор и Гонолулу, Оаху, Гавайи – боевые действия. Государственный парк Малибу-Крик в Калифорнии – гражданские действия) и в Японии (Токийский Императорский дворец в Токио – гражданские действия. Залив Кагосима – действия на море).

"Тора! Тора! Тора!" стала эталоном для исторических фильмов о войне, подчеркивая важность фактов и объективности. Этот фильм можно назвать документальным. Однако ее холодный, почти документальный стиль не нашел широкого отклика у массовой аудитории, что подтолкнуло кинематографистов к поиску новых подходов.

И этот новый подход выразился в американской романтической военной драме «Перл-Харбор» 2001 г. режиссёра М. Бэя, в центре сюжета которого история любви. А историческая достоверность поддается сомнению. Фильм был номинирован на 4 премии Американской академии кинематографических искусств и наук «Оскар», победив в категории лучший звуковой монтаж. В отличие от своего предшественника, фильм имел кассовый успех.

Фильм н как «основанный на реальных событиях», но совпадения с реальностью наблюдаются в следующих фактах: дата и время атаки, цели

Японии, масштаб разрушений и операция «Рейд Дулиттла», которая реальна, но в фильме показана как немедленный ответ на атаку японцев, хотя состоялась она только 18 апреля 1942 г. [21, с. 533-534].

Любовная линия между Рэйфом, Дэнни и Эвелин полностью вымышлена и никак не могла повлиять на событие. Также, в реальности не было пилотов, которые бы так эффектно сражались в воздухе (большинство американских самолетов было уничтожено на земле). А знаменитый эпизод, в котором герой Б. Аффлека сбивает японский самолет, врезаясь в него – чистый вымысел; тараны не зафиксированы в тот день.

Образ адмирала Ямамото показан в фильме как главного противника войны с США, но, когда она становится неизбежной, разрабатывает план, рассчитывая деморализовать противника. Однако, человеку, который также разрабатывал план, в том числе тактику массированного применения авианосцев – Минору Генда – практически не уделяется экранное время.

Визуальная составляющая очень гиперболизирована: взрывы и разрушения переданы в голливудском стиле. Техника же показана правильно, это японские самолеты A6M Zero (они окрашены в зеленый свет, хотя в реальность они были светло-серыми) и американские P-40. Для сцен взлета японских самолетов использовали американский авианосец.

Однако, линкор Аризона был заменен похожим линкором «Северная Каролина», в отличие от первого фильма, в которых использовались специально сделанные макеты, которые были более похожи на линкоры, находившиеся в Перл-Харборе в день атаки. Но некоторые сцены, как например бомбардировка госпиталя – вымысел. На одном из панорамных кадров можно заметить мемориал «Аризона», который был построен только в 1962 г. В целом, есть множество несоответствий со временем. Например, в начале фильме демонстрируются кадры штурма Кельна, в реальности же это битва произошла только в 1945 г. Основные причины, такие как нефтяное эмбарго США против Японии, а также геополитический конфликт в Тихоокеанском регионе почти не упоминается, в отличие от фильма «Тора! Тора! Тора!».

Выводы

Оба фильма, несмотря на разный подход, одинаково искажают один факт: количество жертв среди гражданского населения. В реальности погибло 68 мирных жителей, в основном от своих же зенитных снарядов.

Кроме того, в послевоенный период государственными службами Соединенных Штатов Америки активно спонсировались съемки множества фильмов, направленных на пропаганду и разъяснения действий правительства простым гражданам [15, с. 236]. Посвящены они, главным образом началу войны для Америки – нападению на Перл-Харбор. Практически все эти фильмы выдержаны в тональности героического стоицизма с обязательными элементами мелодрамы [25]. В Японском послевоенном кинематографе отразилось достаточно мнений об итогах Второй Мировой войны и о роли японцев в ней: от героизма японских военных, в том числе летчиков, до стратегических ошибок, совершенных в ходе Второй Мировой войны [20, с. 164]. В современных исследованиях, посвященных кинематографу, дается анализ визуализации Второй Мировой войны через кинематограф, что позволяет более подробно изучать тему, устанавливать закономерности развития данного процесса [10, с. 81].

Таким образом, эволюция образов можно обозначить как «от фактов к эмоциям» или «от исторической точности к драматизации». Это анализ двух принципиально разных подходов к истории в кино, которые менялись в зависимости от исторического и политического контекста в стране. Например, в период выхода первого фильма впервые появляются исследования, ставящих под сомнение версию о «полной неожиданности» атаки, начинается американо-японской сближение. В период выхода второго фильма меняются технологии и происходит возврат к упрощенному патриотизму и героизации, тем самым искажая образ японца, без попытки понять мотивацию действий.

Фильм «Тора! Тора! Тора!» использует объективность, показывая события с разных сторон и избегая эмоциональных оценок. Это сделало фильм, рассчитанным на интересующихся зрителей, в отличие от «Перл-Харбор», который рассчитан на массовую аудиторию. Этот фильм стал исключением среди типичного американского искусства, прославляющее свою страну, ее ценности и людей [23, с. 278]. Но именно такие фильм значительно влияют на массовое сознание. Сейчас большинство людей узнают о важных событиях именно из кинематографа. И если кино искажает факты, у зрителей складывается ложное представление.

Список источников

1. Beard C. American Foreign Policy in the making 1932-1940. Hamden, Connecticut: Archon Books, 1968. 336 p.
2. Chiefs of U.S. Forces in Pacific War Area // The New York Times. 1941. 8 December. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/1941/12/08/archives/chiefs-of-us-forces-in-pacific-war-area.html?searchResultPosition=4 (дата обращения: 10.06.2025)
3. Hawaii Fortified to Match Attacks; Navy and Army Bases There Contain Every Device for Defense // The New York Times. 1941. 8 December. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/1941/12/08/archives/hawaii-fortified-to-match-attacks-navy-and-army-bases-there-contain.html?searchResultPosition=2 (дата обращения: 10.06.2025)
4. Hoyt E.P. Yamamoto. The man who planned the attack on Pearl Harbor. Boston: The Lyons Press, 1990. 254 p.
5. Stephan J. Hawaii Under the Rising Sun. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii press, 1984. 221 p.
6. Toland J. Infamy: Pearl Harbor and its aftermath. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2014. 408 p.
7. Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford, California: Stanford University Press, 1962. 419 p.
8. Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1947. 470 с.
9. Андреев В.И. Борьба на океанских коммуникациях. М.: Воениздат, 1961. 370 с.
10. Буранок С.О. Мифологизация Второй Мировой войны в кинематографе: историография США. Самара, 2022. 81 с.
11. Буранок С.О. Фильм Джона Форда и Грега Толанда «Седьмое декабря»: формирование образа войны // Шаги/Steps. 2022. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/film-dzhona-forda-i-grega-tolanda-cedmoe-dekabrya-formirovanie-obraza-voyny (дата обращения: 11.06.2025)
12. Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии. М.: Изд-во вост. литературы, 1959. 156 с.
13. Ермаков Д.Н. Влияние Соединенных Штатов Америки на военно-политическую ситуацию в Восточной Азии во втором полугодии 1941 г.: историко-политический анализ. М., 2022. 116 с.
14. Кузнец Ю.А. Вступление США во вторую мировую войну. М.: Соцэкгиз, 1962. 290 с.
15. Левин Я.А. Американский кинематограф, ФБР и пропаганда: образ внутреннего врага. Самара, 2023. 236 с.
16. Маслов М.С., Зубков С.Л. Перл-Харбор. Ошибка или провокация? М.: Вече, 2006. 468 с.
17. Морисон С.Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне: Восходящее солнце над Тихим океаном, декабрь 1941 - апрель 1942. М.: АСТ, 2002. 640 с.
18. Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. 1935-1941. М.: Наука, 1990. 212 с.
19. Перл-Харбор: художественный фильм / автор сценария Р. Уоллес; режиссер М. Бэй; в главных ролях Б. Аффлек, Д. Хартнетт, К. Бекинсейл [и др.]. 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/1957/ (дата обращения: 27.11.2024)
20. Романова М.И. Отражение исторической памяти о Второй мировой войне в японском кинематографе. 2024. 164 с.
21. Севастьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М.: Наука, 1969. 648 с.
22. Солонцов З.М. Дипломатическая борьба США за господство на море и противоборство империалистических держав: 1918-1945 гг. М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1962. 415 с.
23. Теракопян М.Л. Война на Тихом океане в интерпретации японских кинематографистов. 2020. 278 с.
24. Тора! Тора! Тора!: художественный фильм / авторы сценария: Л. Форрестер, Х. Огуни, Р. Кикисума; режиссеры: Р. Флейшер, К. Фукасаку; в главных ролях М. Болсам, Со Ямамура и др. 1970. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/10079/ (дата обращения: 11.11.2024)
25. Щеголихина С.Н. Образ американского военного в художественных фильмах Голливуда // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 322 – 346. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-amerikanskogo-voennogo-v-hudozhestvennyh-filmah-gollivuda (дата обращения: 19.06.2025)

References

1. Beard C. American Foreign Policy in the Making 1932-1940. Hamden, Connecticut: Archon Books, 1968. 336 p.

2. Chiefs of U.S. Forces in Pacific War Area. The New York Times. 1941. December 8. [Electronic resource]. URL: https://www.nytimes.com/1941/12/08/archives/chiefs-of-us-forces-in-pacific-war-area.html?searchResultPosition=4 (date of access: 06.10.2025)

3. Hawaii Fortified to Match Attacks; Navy and Army Bases There Contain Every Device for Defense. The New York Times. 1941. December 8. [Electronic resource]. URL: https://www.nytimes.com/1941/12/08/archives/hawaii-fortified-to-match-attacks-navy-and-army-bases-there-contain.html?searchResultPosition=2 (date of access: 06.10.2025)

4. Hoyt E.P. Yamamoto. The man who planned the attack on Pearl Harbor. Boston: The Lyons Press, 1990. 254 p.

5. Stephan J. Hawaii Under the Rising Sun. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii press, 1984. 221 p.

6. Toland J. Infamy: Pearl Harbor and its consequences. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2014. 408 p.

7. Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford, California: Stanford University Press, 1962. 419 p.

8. Avarin V.Ya. The Struggle for the Pacific Ocean. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1947. 470 p.

9. Andreev V.I. The Struggle on Oceanic Communications. Moscow: Voenizdat, 1961. 370 p.

10. Buranok S.O. Mythologization of World War II in Cinema: US Historiography. Samara, 2022. 81 p.

11. Buranok S.O. John Ford and Greg Toland's Film "The Seventh of December": Shaping the Image of War. Steps. 2022. No. 3. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/film-dzhona-forda-i-grega-tolanda-cedmoe-dekabrya-formirovanie-obraza-voyny (date of access: 11.06.2025)

12. Goldberg D.I. Japan's Foreign Policy. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1959. 156 p.

13. Ermakov D.N. The Influence of the United States of America on the Military-Political Situation in East Asia in the Second Half of 1941: A Historical and Political Analysis. Moscow, 2022. 116 p.

14. Kuznets Yu.A. The US Entry into World War II. Moscow: Sotsekgiz, 1962. 290 p.

15. Levin Ya.A. American Cinema, the FBI, and Propaganda: The Image of the Enemy Within. Samara, 2023. 236 p.

16. Maslov M.S., Zubkov S.L. Pearl Harbor. Mistake or Provocation? Moscow: Veche, 2006. 468 p.

17. Morison S.E. The American Navy in World War II: Rising Sun over the Pacific, December 1941 – April 1942. Moscow: AST, 2002. 640 p.

18. Nadzhafov D.G. US Neutrality. 1935-1941. Moscow: Nauka, 1990. 212 p.

19. Pearl Harbor: a feature film. screenplay by R. Wallace; director M. Bay; Starring B. Affleck, D. Hartnett, K. Beckinsale [and others]. 2001. [Electronic resource]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/1957/ (date of access: 11.27.2024)

20. Romanova M.I. Reflection of the Historical Memory of World War II in Japanese Cinema. 2024. 164 p.

21. Sevastyanov G.N. Diplomatic History of the War in the Pacific. Moscow: Nauka, 1969. 648 p.

22. Solontsov Z.M. The US Diplomatic Struggle for Naval Supremacy and the Confrontation of the Imperialist Powers: 1918-1945. Moscow: Publishing House of the Institute of International Relations, 1962. 415 p.

23. Terakopyan M.L. The Pacific War as Interpreted by Japanese Filmmakers. 2020. 278 p.

24. Tora! Tora! Tora!: feature film. screenplay by L. Forrester, H. Oguni, R. Kikisuma; directors: R. Fleischer, K. Fukasaku; starring M. Balsam, So Yamamura, and others. 1970. [Electronic resource]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/10079/ (date of access: 11.11.2024)

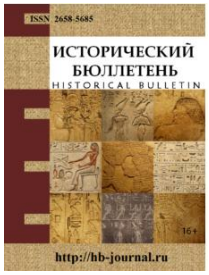
25. Shchegolikhina S.N. The Image of the American Military Man in Hollywood Feature Films. Metamorphoses of History. 2013. No. 4. P. 322 – 346. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-amerikanskogo-voennogo-v-khudozhestvennyh-filmah-gollivuda (date of access: 19.06.2025)

Информация об авторах

Волкова В.С., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Volkova_valeriya_01@mail.ru

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

© Волкова В.С., Куделин А.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 372.893

Военно-патриотическое и интернациональное воспитание учащийся молодежи в середине 1980-х годов по материалам Смоленского региона

[1, 2] Иванов А.М.,
[1] Кисилёва А.Н.,
[1] Лаврова Е.В.,
[1] Меша Т.В.,
[1] Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
[2] Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: данная статья посвящена организации и проведению военно-патриотическому и интернациональному воспитанию учащийся молодежи в середине 1980-х годов на примере научно-практической конференция проходившей 28-29 марта 1985 г. в Смоленске. Авторы затрагивают вопросы выносимые лекторами на обсуждение перед выступающими, делая вывод что Коммунистическая партия, партийный и советские органы, общество «Знание» проводили научно-исследовательскую и научно-методическую работу по проблемам военно-патриотического и интернационального воспитания, включая разработку теоретических аспектов этой работы, ее психолого-педагогических основ, методики организации и проведения на учебных занятиях и во внеучебное время, научное обобщение накопленного опыта.

Ключевые слова: военно-патриотическое и интернациональное воспитание, лекторские группы, научно-практическая конференция пропаганда, политико-воспитательная работа, Общество «Знание»

Для цитирования: *Иванов А.М., Кисилёва А.Н., Лаврова Е.В., Меша Т.В. Военно-патриотическое и интернациональное воспитание учащийся молодежи в середине 1980-х годов по материалам Смоленского региона // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 290 – 295.*

Поступила в редакцию: 24 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Military-patriotic and international education of youth students in the mid-1980s based on the materials of the Smolensk region

[1, 2] *Ivanov A.M.*,
[1] *Kisileva A.N.*,
[1] *Lavrova E.V.*,
[1] *Mesha T.V.*,
[1] *Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*,
[2] *Smolensk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation*

Abstract: this article is devoted to the organization and conduct of military-patriotic and international education of young students in the mid-1980s on the example of a scientific and practical conference held on March 28-29, 1985 in Smolensk. The author touches upon the issues brought up by the lecturers for discussion in front of the speakers, concluding that the Communist Party, party and Soviet bodies, the society "Znanie" carried out research and scientific-methodological work on the problems of military-patriotic and international education, including the development of theoretical aspects of this work, its psychological and pedagogical foundations, methods of organization and conduct in classes and extracurricular time, scientific generalization of the accumulated experience.

Keywords: military-patriotic and international education, lecture groups, scientific and practical conference, propaganda, political and educational work, Znanie Society

***For citation**: Ivanov A.M., Kisileva A.N., Lavrova E.V., Mesha T.V. Military-patriotic and international education of youth students in the mid-1980s based on the materials of the Smolensk region. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 290 – 295.*

The article was submitted: July 24, 2025; Approved after reviewing: September 22, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Весной 1985 года Советский Союз готовился праздновать 40-ю годовщину окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., еще 31 мая 1984 года было принято постановление ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». В документе предстоящий юбилей рассматривался во внутриполитическом и международном контексте [7, с. 112]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. все оставшиеся в живых ветераны войны – бывшие военнослужащие Красной Армии, партизаны и подпольщики были награждены орденом Отечественной войны. Окончательно сформировался перечень населенных пунктов, удостоенных почетного статуса городов-героев. Указами Президиума ВС СССР от 6 мая 1985 г. такой чести были удостоены Мурманск и Смоленск [8, с. 18].

Материалы и методы исследований

Авторы статьи по архивным материалам фондов Государственного архива новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО) и материалов периодической печати освещают особенности военно-патриотического и интернационального воспитания молодежи в середине 1980-х годов в городе Смоленске. В работе использовались методы научного исследования: анализ, синтез, индукция, системный подход, метод формальной логики, и другие [6, с. 125].

Результаты и обсуждения

На кануне награждения г. Смоленска звездой города-героя 28-29 марта 1985 г. состоялась научно-практическая конференция по проблеме «Пути совершенствования военно-патриотического и интернационального воспитания учащийся молодежи в свете постановления ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» [3, с. 145], подготовленной Министерством просвещения РСФСР, Смоленским обкомом КПСС и Смоленским государственным педагогическим институтом имени Карла Маркса.

В работе конференции приняли участие сотрудники Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, Министерства просвещения РСФСР, Академии педагогических наук СССР, Института военной истории Министерства обороны СССР, представители почти 50 педагогических вузов Российской Федерации (среди них – ректоры институтов, заведующие ка-

федрами общественных наук, истории СССР и всеобщей истории, педагогики и психологии, более 20 докторов наук и профессоров, свыше 80 кандидатов наук и доцентов), учителя истории общеобразовательных школ, техникумов и профессионально-технических училищ г. Смоленска и Смоленской области [1, л. 133], внештатные лекторы общества «Знание» [9, с. 261].

На пленарных заседаниях с докладами выступали: член ЦК КПСС, первый секретарь Смоленского обкома КПСС И.Е. Клименко – «Партийное руководство военно-патриотическим и интернациональным воспитанием населения»; заместитель министра просвещения РСФСР, профессор Д.М. Забродин – «Работа педагогических учебных заведений РСФСР по военно-патриотическому и интернациональному воспитанию будущих учителей в свете требований реформы общеобразовательной и профессиональной школы и постановления ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; начальник Института военной истории Министерства обороны СССР, член-корреспондент Академии наук СССР П.А. Жилин – «Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне»; старший научный сотрудник Академии педагогических наук СССР Е.Н. Цветаев – «Основные проблемы военно-патриотического воспитания подрастающего поколения»; директор средней школы № 5 г. Вязьмы Смоленской области Л.В. Степанова – «Система военно-патриотического и интернационального воспитания в средней общеобразовательной школе»; ректор Смоленского государственного педагогического института имени К. Маркса, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор А.А. Кондрашенков – «Военно-патриотическое и интернациональное воспитание в педвузе, его место в профессионально-педагогической подготовке будущего учителя» [1, л. 134].

В шести секциях было заслушано более 100 докладов и сообщений, в которых получил отражение накопленный в педагогических учебных заведениях опыт военно-патриотического и интернационального воспитания студентов и учащихся. В докладах и сообщениях были раскрыты теоретические и методологические основы военно-патриотического и интернационального воспитания как составной части коммунистического воспитания молодежи, формы, средства и методы данной работы в процессе преподавания истории КПСС, марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, политической экономии, истории СССР и всеобщей истории, а также в процессе внеучебной и общественно-политической деятельности студентов. Свыше 30 докладов и сообщений было посвящено роли предметов психолого-педагогического цикла (психология, педагогика, частные методики) в патриотическом и интернациональном воспитании будущих учителей, в подготовке их к проведению воспитательной работы со школьниками. [1, л. 134]. В докладах и сообщениях подчеркивалась, что в сложной международной обстановке особое внимание уделялось обращению на реализацию решений июньского (1983 г.), апрельского (1984 г.) и мартовского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС, постановления ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы», дальнейшее совершенствование идеологической, политико-воспитательной работы. На занятиях по общественным, историческим и другим дисциплинам глубоко раскрывались учения основоположников марксизма-ленинизма о вооруженной защите завоеваний революции, указаний В.И. Ленина, ЦК КПСС и Советского правительства о поддержании на высоком уровне боевых и морально-политических качеств Вооруженных Сил СССР, разъясняя миролюбивую политику Советского Союза. Всесторонне пропагандировался подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, который являлся неиссякаемым источником воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Показывался справедливый характер борьбы советского народа против гитлеровской Германии, его решающий вклад в освобождении народов мира от фашизма, огромное влияние Победы Советского Союза на ход мировой истории, аргументированно разоблачать фальсификаторов истории Второй мировой войны [1, л. 135].

Значительную помощь в подготовке к выступлениям оказывали методические пособия, тексты лекции, справочные материалы, которые регулярно выпускались лекторскими группами партийных комитетов, областной и районной организациями общества «Знание». В издании отдела пропаганды и агитации Смоленского обкома КПСС «Политическая информация» ежегодно публиковалось около 20 различных материалов в помощь лекторам, докладчикам, пропагандистам [5, с. 331]. В областных и районных газетах были введены дополнительные рубрики «Летопись Великой Отечественной войны», «40-летию Великой Победы – 40 ударных недель», «Поклон ветеранам» и некоторые другие [2, л. 34]. Также в 1985 г. были изданы материалы к лекциям для лекторов общества

«Знание» на темы: «КПСС – организатор работы по осуществлению стратегии ускорения», «Революционный подвиг смолян», «Победа Октября на Смоленщине», «Школа мужества и патриотизма», «Ускорение социально-экономическое развитие страны – стратегический курс партии» и другие [10, с. 237].

Участниками конференции отмечалось, что практическая направленность и высокая результативность военно-патриотического и интернационального воспитания учащийся молодежи достигалась в случае, когда оно осуществлялось в системе, охватывающей весь учебно-воспитательный процесс. Обращалось внимание на важность систематической пропаганды героических традиций Вооруженных Сил СССР не только на период Гражданской и Великой Отечественных войн, но мужество и героизм воинов 1980-х годов при исполнении интернационального долга. Рекомендовалось установить более тесное сотрудничество педагогических институтов с воинскими подразделениями и военными училищами [1, л. 135].

В многообразной деятельности вузовских коллективов по военно-патриотическому воспитанию студентов важно было не ограничиваться только методикой. Необходим был практический опыт поднимать до уровня теоретического обобщения с целью превращения знаний и умений в убеждения, во внутреннее достояние личности [4, с. 69]. Эта задача успешно решалась в условиях, когда обеспечивалось: раскрытие студентам методологических основ, содержания, форм и методов военно-патриотического воспитания, при изучении и анализе самими студентами опыта работы учителей и воспитателей, при их участии в военно-патриотическом воспитании школьников, при условии, когда самостоятельная деятельность студентов по овладению теоретическим материалом завершался глубоким осмыслением полученных знаний, выработкой и навыков [1, л. 135].

В рекомендациях, принятых конференцией, указывалось на необходимость широкого использования в интересах военно-патриотического и интернационального воспитания давно сложившихся и хорошо зарекомендовавших себя форм учебной и общественной работы студентов: спецкурсы и семинары, факультативные практики, курсовые и дипломные работы, экскурсии в музеи и к памятникам боевой славы, читательские конференции, научные кружки и группа «Поиск», походы по местам революционной, боевой и трудовой славы, факультеты общественных профессий и школы молодого лектора, кинолектории, различные формы и средства привлечения краеведческие материалы [1, л. 135-136].

Выводы

Таким образом в свете постановления ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» рекомендовалось усилить научно-исследовательскую и научно-методическую работу по проблемам военно-патриотического и интернационального воспитания, включая разработку теоретических аспектов этой работы, ее психолого-педагогических основ, методики организации и проведения на учебных занятиях и во внеучебное время, научное обобщение накопленного опыта [11, с. 11]. Министерство просвещения РСФСР приняло решение опубликовать материалы научно-практической конференции.

Список источников

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 65. Д. 66. Материалы обкома партии, направляемы в ЦК КПСС. 1985 г. Л. 132-136.

2. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 62. Д. 69. Информации обкома партии о выполнении постановлений ЦК КПСС. Т. 2. Л. 28-35.

3. Иванов А.М., Аксенова Е.К., Зиновьева И.В. Реформирование советской системы школьного образования 1984-1986 гг. (на примере материалов Смоленской области) // Modern Science. 2020. № 4-2. С. 144 – 149.

4. Иванов А.М., Зиновьева И.В. Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в советском союзе в середине 1980-х гг. на примере Смоленской области // Modern Science. 2020. № 6-2. С. 67 – 72.

5. Иванов А.М., Силина К.В. Лекционная пропаганда общества "Знание" в конце 1970-х – начале 1980-х годов по материалам Смоленской области // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: Материалы XXIII Международной научной конференции, Иваново, 27-28 марта 2024 года. Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. С. 327 – 333.

6. Иванов А.М., Силина К.В. Правовое регулирование общества смоленских скаутов в начале 1990-х годов по материалам Смоленской области // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 2. С. 124 – 130.

7. Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Якутин А.В. Отечественная история советского периода (1917-1991 гг.). Смоленск, 2018. 170 с.

8. Попов А.Д. Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // Российские регионы: взгляд в будущее. История и археология. 2018. С. 15 – 34.

9. Силина К.В. Идеологическая и политико-воспитательная работа общества «Знание» в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (по материалам Смоленской области) // Лебедевские чтения : Сборник статей по материалам XXV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию Педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета, Пенза, 18 апреля 2024 года. Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. С. 257 – 263.

10. Силина К.В. Военно-патриотическая работа Советского комитета ветеранов войны и труда в середине 1980-х гг. по материалам Смоленской области // Историко-культурные связи славянских народов: от союза племен до союза государств: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Смоленск, 27 сентября 2024 года. Смоленск: ООО "Свиток", 2024. С. 229 – 239.

11. Федоскин Н.Н. История отечественного государства и права. Смоленск, 2011. Часть 2. 224 с.

References

1. State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region (GANISO). F. 6. Op. 65. D. 66. Materials of the regional party committee, sent to the Central Committee of the CPSU. 1985. L. 132-136.

2. GANISO. F. 6. Op. 62. D. 69. Information of the regional party committee on the implementation of resolutions of the Central Committee of the CPSU. Vol. 2. L. 28-35.

3. Ivanov A.M., Aksenova E.K., Zinovieva I.V. Reforming the Soviet school education system in 1984-1986 (based on materials from the Smolensk region). Modern Science. 2020. No. 4-2. P. 144 – 149.

4. Ivanov A.M., Zinovieva I.V. The Main Directions of Restructuring Higher and Secondary Specialized Education in the Soviet Union in the Mid-1980s: The Case of the Smolensk Region. Modern Science. 2020. No. 6-2. P. 67 – 72.

5. Ivanov A.M., Silina K.V. Lecture Propaganda of the "Knowledge" Society in the Late 1970s – Early 1980s Based on Materials from the Smolensk Region. State, Society, and Church in the History of Russia in the 20th – 21st Centuries: Proceedings of the XXIII International Scientific Conference, Ivanovo, March 27-28, 2024. Ivanovo: Ivanovo State University, 2024. P. 327 – 333.

6. Ivanov A.M., Silina K.V. Legal Regulation of the Smolensk Scout Society in the Early 1990s Based on Materials from the Smolensk Region. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 2. P. 124 – 130.

7. Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yakutin A.V. Domestic History of the Soviet Period (1917-1991). Smolensk, 2018. 170 p.

8. Popov A.D. Celebration of the 40th Anniversary of Victory and Trends in the Development of Historical Memory of the Great Patriotic War in the Last Soviet Decade. Russian Regions: A Look into the Future. History and Archaeology. 2018. P. 15 – 34.

9. Silina K.V. Ideological and political-educational work of the "Knowledge" society in the late 1970s – early 1980s (based on materials from the Smolensk region). Lebedev Readings: Collection of articles based on materials of the XXV All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the V.G. Belinsky Pedagogical Institute of Penza State University, Penza, April 18, 2024. Penza: Penza State University, 2024. P. 257 – 263.

10. Silina K.V. Military-patriotic work of the Soviet Committee of War and Labor Veterans in the mid-1980s based on materials from the Smolensk region. Historical and cultural ties of Slavic peoples: from a union of tribes to a union of states: Collection of articles from the International scientific and practical conference, Smolensk, September 27, 2024. Smolensk: OOO "Svitok", 2024. P. 229 – 239.

11. Fedoskin N.N. History of the Russian State and Law. Smolensk, 2011. Part 2. 224 p.

Информация об авторах

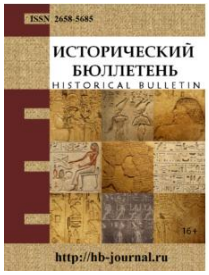
Иванов А.М., кандидат исторических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Aleks-I-82@yandex.ru

Кисилёва А.Н., кандидат фармацевтических наук, доцент, младший научный сотрудник Центра науки и дополнительного образования, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, a.kisilyova@mail.ru

Лаврова Е.В., кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e.v.lavrova@list.ru

Меша Т.В., преподаватель, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, mesha-tv@ranepa.ru

© Иванов А.М., Кисилёва А.Н., Лаврова Е.В., Меша Т.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Проблемы модернизации помещичьих имений и деятельность общественных организаций Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века

[1] Топильский А.Г.,
[1] Житин Р.М.,
[1] Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Аннотация: целью статьи является рассмотрение особенностей распространения новаций в помещичьих хозяйствах на территории Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века. Определена роль общественных организаций, способствовавших распространению интенсивных технологий и внедрению агротехнических новаций в крупных хозяйствах. В научный оборот введены дела Фонда инспектора сельского хозяйства Тамбовской губернии Государственного архива Тамбовской области, посвященные нововведениям в сельское хозяйство (включая особенности выращивания отдельных культур) и сельскохозяйственным курсам. Проанализировано взаимодействие крупных латифундистов и организаторов сельскохозяйственных курсов. Охарактеризовано влияние выставочной деятельности (включавшей как продукцию земледелия и животноводства, так и подборки удобрений и сельскохозяйственных машин) на развитие помещичьих хозяйств. На основании широкого представительства владельцев и управляющих крупными поместьями в структуре делается вывод о заинтересованности как крупных землевладельцев, так и самих служащих данных имений в повышении своих профессиональных качеств, обмене опытом, стремлении завести деловые контакты. На основании приведенного материала утверждается, что модернизация помещичьих хозяйств Тамбовской губернии была тесно связана с экономической деятельностью общественных и земских организаций, распространяющих в регионе агротехнические новации.

Ключевые слова: модернизация, помещичье землевладение, Тамбовская губерния, Российская империя, земледелие, животноводство

***Для цитирования**: Топильский А.Г., Житин Р.М. Проблемы модернизации помещичьих имений и деятельность общественных организаций Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 296 – 304.*

Поступила в редакцию: 24 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Problems of modernization of landed estates and activities of public organizations of Tambov province in the late 19th – early 20th century

[1] *Topilsky A.G.*,
[1] *Zhitin R.M.*,
[1] *Derzhavin Tambov State University*

Abstract: the purpose of the article is to consider the peculiarities of the spread of innovations in landlord farms in the Tambov province in the late 19th – early 20th century. The role of public organizations that contributed to the spread of intensive technologies and the introduction of agrotechnical innovations in large farms is determined. The files of the Fund of the Inspector of Agriculture of the Tambov Province of the State Archive of the Tambov Region, dedicated to innovations in agriculture (including the peculiarities of growing individual crops) and agricultural courses, have been put into scientific use. The interaction of large latifundists and organizers of agricultural courses is analyzed. The influence of exhibition activities (which included both agricultural and livestock products, as well as a selection of fertilizers and agricultural machinery) on the development of landed estates is characterized. Based on the wide representation of owners and managers of large estates in the structure, it is concluded that both large landowners and the employees of these estates themselves are interested in improving their professional skills, exchanging experience, and seeking to establish business contacts. Based on the above material, it is argued that the modernization of the landed estates of the Tambov province was closely linked to the economic activities of public and zemstvo organizations that spread agrotechnical innovations in the region.

Keywords: modernization, landed proprietorship, Tambov province, Russian Empire, agriculture, animal husbandry

***For citation**: Topilsky A.G., Zhitin R.M. Problems of modernization of landed estates and activities of public organizations of Tambov province in the late 19th – early 20th century. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 296 – 304.*

The article was submitted: July 24, 2025; Approved after reviewing: September 22, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

В конце XIX – начале XX века помещичьи имения Тамбовской губернии переживали период интенсивной модернизации. Перемены затрагивали технологию земледелия, структуру производства, владельческую инфраструктуру. При этом в экономических вопросах владельцы поместий опирались не только на собственные ресурсы. Велика была роль общественных организаций, способствующих распространению интенсивных технологий и внедрению агротехнических новаций. Сформированное партнерство обогащало аграрную практику, служило общим целям развития сельского хозяйства региона.

Активной модернизации помещичьего производства способствовали высокие хлебные цены. В 1901-1911 гг. совокупный пахотный фонд тамбовских имений увеличился на 33 тыс. десятин: если в 1901 году тамбовские помещики возделывали 2258 тыс. дес. земли, то в 1911 г. они засевали уже 2292 тыс. дес. [20, с. 123]. Рост пахотных угодий проходил параллельно с механизацией земледелия и неизбежно вел к повышению урожайности. Так, если в 1896-1905 гг. средний урожай ржи на помещичьих полях равнялся 68 пудов с десятины, то в 1906-1910 гг. владельцы собирали уже 68,4 пудов [23, с. 222]. Для дальнейшего роста владельцем требовалась продолжение инвестиций в технологии полеводства, удобрения, семенной фонд, улучшенные орудия.

Материалы и методы исследований

В научный оборот введены дела Фонда инспектора сельского хозяйства Тамбовской губернии Государственного архива Тамбовской области, посвященные нововведениям в сельское хозяйство (включая особенности выращивания отдельных культур) и сельскохозяйственным курсам.

Изучение вопросов модернизации помещичьих имений и роли в преобразованиях аграрного сектора началось еще с конца XIX века [7, 8]. В советской историографии вопросы крупного капиталистического хозяйства рассматривались, прежде всего, в контексте крестьянского вопроса [13, 26]. На современном этапе исследования по модернизации крупных помещичьих хозяйств Центрального Черноземья охватывают проблемы аграрной пропаганды [25], рационального хозяйствования

[11, 12], которое требовалось из-за проявившегося в пореформенное время аграрного кризиса [9, 10].

Результаты и обсуждения

Большое значение для рационализации имела властная и общественная поддержка свободной продажи земледельческих орудий и семян. Показателен в данном случае уверенный рост доходности земских складов сельскохозяйственных машин. Если в 1901 г. их совокупная выручка составляла 205 тыс. руб., то в 1904 г. она превысил 827,2 тыс. руб. [1, с. 127]. Положительная динамика прослеживается и на уровне отдельных организаций. Если в 1894 г. бюджет Тамбовского склада равнялся всего 2 тыс. руб., то в 1896 г. он увеличился до 20,3 тыс. руб., а в 1900 г. достиг уже 97,7 тыс. руб. Аналогичными темпами рос торговый баланс Козловского земского склада. В 1896-1901 гг. его обороты возросли с 10,9 тыс. руб. до 51,8 тыс. руб. В числе лидеров было и борисоглебское предприятие, владевшее собственным капиталом в 470 тыс. руб. [26, с. 46].

Большие обороты земских складов объясняются профессиональным подходом к реализации продукции. В большинстве случаев данной работой занимался профессиональный агрономический персонал с средним или высшим профильным образованием. По свидетельству соименников, это повышало эффективность торговли, «давая возможность покупателю не только купить хорошее орудие, но и получить объяснение, как им пользоваться» [12, с. 320]. Если в 1907-1909 гг. сотрудники Тамбовского земского склада продавали 65 рядовых сеялок, то в 1910-12 гг. они смогли реализовать 181. Одновременно склад активно зарабатывал на семенном материале, продавая тимофеевку, красный клевер и люцерну. В 1901 году только по этому направлению в кассу поступило 5,7 тыс. руб. [8, с. 320].

Деятельность тамбовских земских складов высоко оценивалась тамбовскими специалистами. Автор очерков о Козловском сельскохозяйственном обществе с воодушевлением отмечал: «Еще не более 10 лет тому назад Козловский уезд почти не знал ни усовершенствованных орудий, ни каких-либо иных организаций хозяйства, кроме обычных зерновых; не задумывался над введением более разнообразных полевых культур, над возможностью каких-либо перемен в севообороте. Теперь, напротив, стоит только взглянуть на растущую из года в год деятельность земского склада земледельческих орудий, чтобы в нашем воображении нарисовалась весьма интересная и поучительная картина промышленного переворота в сел.-хозяйственных отношениях населения, происходящая на наших глазах под влиянием внедрения в сельскохозяйственную жизнь уезда десятков и сотен усовершенствованных орудий производства, заставляющих помещичий эле-мент приспособлять свои хозяйства к восприятию совершенно новых хозяйственных течений» [18, с. 21-22]. Поражала автора и номенклатура имеющихся в наличии сельскохозяйственных машин. Здесь были «паровые молотилки и молотилки конные простые и полусложного типа, различные машины для очистки зерна и уборки урожая, орудия для посева и заделки семян, запашники Эккерта, двух и многолемешные плуги, бороны «Зигзаг», шотландские, Валькура» [18, с. 21-22].

Применение каждого улучшенного орудия требовало минимальной величины земельного участка, ниже которой механизация не окупала расходов и приносила убытки. Так, например, для сенокосилки требовался участок в 7 дес., для конных грабель полагалось не менее 10 дес. Именно поэтому основными клиентами земских складов были крупные помещики, имевшие необходимые площади и возможности для их применения [13].

Значительный вклад в продажу семенного материала вносили владельцы тамбовских латифундий. Фактически в начале XX века семеноводство превратилось в самостоятельную отрасль крупных поместий Тамбовщины. Высококачественные сорта зерновых культур (овес «шатиловский», озимая пшеница «высоколитовская», рожь «ивановская») можно было найти в Циммермановской экономии, Воронцовской экономии Болдыревых Матчеровской экономии Пашковых, поместье «Красное Колено» И.И. Сатина, Ново-Покровском имении Орловых-Давыдовых и многих других экономиях края [12, с. 225-229]. Среди наиболее крупных семеноводческих хозяйств Тамбовской губернии следует отметить Периксинское имение Чичериных, реализовавших семена красного клевера, Черкинское владение Чолокаевых, торговавших сахарным горохом и бобовыми культурами [12, с. 225] и имение Александровка семьи Хлудовых, продававшего авторские «хлудовские» сорта яровой пшеницы [21, с. 157]. При этом посредническую помощь в поиске торговых партнеров и реализации семенного материала оказывали государственные органы власти. В 1907 г. инспектора по сельскому хозяйству департамента земледелия даже разослали предложения о покупке тамбовской продукции всем семеноводческим хозяйствам России [3, л. 11-12].

Значительная помощь по линии государственно-общественные партнерства оказывалась сфере помещичьего животноводства, особенно, коневодства. В начале XX века при поддержке государственных органов открывались пунктов случки

лошадей, причем часть находилось поблизости или прямо на территории крупных имений (Циммермановской экономии, Воронцовской экономии Болдыревых) [8, с. 320]. В свою очередь основным источником комплектования случного поголовья стала Тамбовская государственная конюшня стали и крупнейшие конные заводы помещиков (Новотомниковский завод Воронцовых-Дашковых) [15, с. 21].

Модернизация помещичьих экономий была невозможна без наличия грамотных агрономов, адаптировавших хозяйственные новации в структуру владельческого производства. Письма тамбовских помещиков в адрес Тамбовского сельскохозяйственного общества свидетельствуют об остром дефиците таких специалистов. Так, один из корреспондентов просил «рекомендовать хороших и достойных, приказчиков, садовников, объездчиков» в свое поместье. При этом в условиях кадрового дефицита он считал «необходимым создать что-либо, что могло бы указать хозяевам достойных разных отраслей помощников по сельскому хозяйству и создать служащих, ответственных за нерадивость пред хозяевами» [24, с. 2]. Другой помещик интересовался «при каких условиях и, за какую плату и через какое учреждение можно был пригласить в свое имение рабочих – китайцев». Оценивая текущее положение дел на рынке труда, он считал, что «вопрос о найме подобных работников в качестве сельскохозяйственных рабочих» должен был интересовать «большинство помещиков» [24, с. 2-3].

Потребность тамбовских помещиков в квалифицированных рабочих стимулировала создание курсов по подготовке специалистов для разных отраслей аграрного производства. Первым этапом данной работы стали занятия в сфере молочного хозяйства. В 1903-1916 гг. по этой программе было реализовано 11 обучающих курсов [4, л. 1-20]. Образовательный процесс был связан с изучением норм и практик рационализации молочного скотоводства, основ ветеринарных знаний, особенностей переработки и реализации продукции, ухода за разными видами скота. При этом тамбовские владельцы не только учились новому, но и активно делились личным агрономическим опытом. Так, одними из первых занятия по молочному производству прошли в крупном Воронцовском поместье Болдаревых (Тамбовского уезда). С 20 октября 1902 по 20 марта 1903 г. здесь рассказывалось о породах крупного рогатого скота, нормах их содержания, правилах разведения, метизации. Обучение велось под руководством опытного инструктора А. А. Поповой [5]. В последующем этапе занятия по этой программе проводились в других образцовых хозяйствах Тамбовщины: Пашинском имении семьи Плевако (Козловского уезд), Матчеровском поместье семьи Пашкова (Моршанского уезда), Яблонцевском хозяйстве Салазкина (Липецеком уезд), экономии Батьки Воронцовых (Моршанском уезд), Златоусовском хозяйстве Д.Д. Шереметьевой (в Козловском уезде). После обучения участники курсов были востребованы на рынке труда. Так, в подобных специалистах были остро заинтересованы Можаровы, Бенкендорфы, Сатины, предлагавшие слушателям свои варианты трудоустройства. Именно так был найден специалист в имение Черкино Чолокаеых (Моршанского уезд), куда ушла ученица Тамбовских курсов по молочному хозяйству [6].

В начале XX века по образцу занятий по молочному хозяйству в Тамбовской губернии были организованы курсы садоводов. С апреля по июль 1909 г. подобные занятия прошли в имении А.С. Исаевой Моршанского уезда [4, л. 1-20]. Преподавателем стал известный инструктор М.Т. Ломов. Программа обучения, помимо сугубо теоретической части (основы садоводства, огородничества, ботанических знаний, формы и методы сбора урожая), включала экскурсии в крупные садоводческие поместья региона, наглядно демонстрирующих возможности рационализации садовых зон. Некоторые участники занятий в последующем трудоустроились в имении графа Воронцова-Дашкова [4, л. 45].

Однако одними только сельскохозяйственными курсами профессионализация персонала тамбовских имений не исчерпывалась. В начале XX века в широкую практику вошла консультационную поддержка экономических и производственных инициатив помещиков. Так, в 1912 году специалистом по табаководству М. Соболевым была организована серия поездок в частные хозяйства Тамбовщины с целью проведения разъяснительных бесед с заинтересованными владельцами. В Караульском поместье Чичериных были проведены опыты по селекции некоторых видов табака [5]. Одновременно с этим специалист по животноводству Иов содействовал организации молочного производства на базе Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых (Тамбовский уезд). При его участии в экономию были закуплены племенные животные и обустроена необходимая хозяйственная инфраструктура [3, л. 83]. Значительный вклад в правильную постановку помещичьего скотоводства внесли мастерицы Александра Александровна Попова, Евгения Макаровна Зинькович, Ольга Николаевна Ванькович. Они посещали отдельные поместья Тамбовщины, где «оказывали помощь

полезным советом и делом сельским хозяевам губернии» [4, л. 1-20].

Огромную роль в деле модернизации аграрного сектора Тамбовской губернии внесла деятельность сельскохозяйственных обществ. В начале XX века в губернии насчитывалось не менее 70 подобных организаций, при этом 11 обществ имело общегубернский статус [22, с. 16-26]. Наиболее активными были Общество тамбовских сельских хозяев (1873 г.), Тамбовское сельскохозяйственное общество (1902 г.), Козловское сельскохозяйственное общество (1899 г.). Общественная инициатива отражала насущные проблемы модернизации аграрного сектора Тамбовщины. «Настало время для нашего сельского хозяйства думать не о том, сколько десятин засеять земли, а о том, как лучше обработать землю для того, чтобы получить средний урожай не в 50-60 пудов, а ровно вдвое – как получают его Германия, Франция и другие опередившие нас страны» [24, с. 3] – констатировали тамбовские земцы.

По своему социальному статусу тамбовские сельскохозяйственные общества были помещичьими структурами. Так, в 1913 году Тамбовское сельскохозяйственное общество насчитывало не менее 290 членов, среди которых не 133 человек принадлежало к категории частных владельцев [25, с. 31]. Из 43 членов Козловского общества больше половины (27 человек) были крупными земледельцами [25, с. 31]. Наряду с помещиками в состав многих тамбовских обществ входили управляющие. Так, среди членов тамбовских обществ можно было встретить управляющего Матчеровского имения семьи Пашковых Александра Ивановича Величко, управляющего Карин-Строгоновским поместьем князя Щербатова Генриха Петровича Клявина [24, с. 24-30]. Присутствие в общественных структурах представителей администрации поместий свидетельствует о заинтересованности самих служащих в повышении своих профессиональных качеств, обмене опытом, стремлении завести деловые контакты.

Большое значение в деятельности тамбовских сельскохозяйственных обществ занимала выставочная деятельность. Участие в таких мероприятиях создавало условия для распространения агрономических новаций, давало представления «о величии сельскохозяйственного труда, о громадном значении всех тех экспонатов, которые раньше представлялись только феноменами» [24, с. 43]. В этой связи отметим большую экономическую пользу Тамбовской сельскохозяйственной выставки, организованной Тамбовским обществом в 1912 году. Выставочные экспонаты были распределены по 18 отделам, охватившим все направления аграрного производства. Согласно отчету, были представлены «отделы полеводства, садоводства, огородничества, лесоводства, лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, домашней птицы, кроликов, молочного хозяйства, пчеловодства, сельскохозяйственных технических производств, сельскохозяйственных машин и орудий, сельскохозяйственного строительства, кустарный и земский» [24, с. 42]. Посетители мероприятия могли так же приобрести образцы редких для Тамбовщины посевных культур: семян шлантедской и петкусской ржи, лиговского, шлантедского, остендского, свалефского овса, русского крупного гороха и пр. Одновременно здесь можно было ознакомиться с саженцами от ведущих садоводческих хозяйств региона (имения Чолокаевых, Пановых, Н.Д. Скалон, А.С. Кускова и др.). увидеть редкие породы крупного рогатого скота (чистокровные симменталы, метисы- симменталы, чистокровные швицы, метисов-швецов, чистокровные альгауски, фюнены, головейцы), купить новейшую сельскохозяйственную технику от Брянского завода, Русско-шведского товарищества, фирм Бенц и Джон Гривз, Харьковского паровозостроительного завода [24, с. 42]. Выставку посетило более 20 тыс. человек, а общий объем организованного здесь аукциона превысил 57 тыс. руб. [24, с. 47].

Награды, полученные на сельскохозяйственных выставках, позволяли лучшим хозяйствам успешно рекламировать свою продукцию. Например, участники Тамбовской сельскохозяйственной выставки 1912 г. были отмечены 46 свидетельствами на золотые и 86 свидетельствами на серебряные медали [24, с. 47]. Постоянный участник всероссийских и международных конкурсов Матчеровское поместье В.А. Пашкова имело 25 наград разного достоинства от центральных и местных сельскохозяйственных обществ и учреждений. Среди них медали от Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, Императорского Московского Общества Сельского хозяйства. Императорского Вольного Экономического Общества, Сельскохозяйственного Общества Юго-Восточной России, Моршанского Сельскохозяйственного Общества, Государственного Коннозаводства [2]. Известное в Тамбовской губернии садоводческое заведение Мартина Михайловича Крумминг могло похвастаться двумя серебряными медалями на всероссийской выставке в Санкт-Петербурге, большой серебряной медалью на выставке в Саратове и серебряной медалью на выставке в Тамбове [19, с. 1]. Информацию о подобных достижениях тамбовские производители помещали на прейску-

рантах цен и каталогов, часто указывали на бланках своих организаций.

Значительным вкладом в распространение сельскохозяйственных новаций служили опытные поля, которые засевались для проведения агротехнических экспериментов. Инициатива по данному направлению шла как по линии земских органов, оборудовавших собственные экспериментальные участки, так и частных владельцев, которые предоставляли для исследований свою землю, семенной материал и технику. Так, на базе Тамбовского уездного земства проводилось «испытание разных сортов растений», изучалась «закладка семян различными орудиями, производилось «сравнение рядового посева с разбросным» [7, с. 6]. В ходе опытов также проверялась всхожесть семенного материала, выяснялись особенности его акклиматизации, анализировалось влияние «укатывания» на урожайность. При этом, для боле качественной работы местные площади подразделялось на трех, четырех и девятипольный севообороты [7, с. 6].

Открытое в имения Смесова опытное поле наглядно демонстрировало значение разных видов удобрений для повышения продуктивности полеводства. На участке № 11, постоянно удобрявшемся навозом (до 1500 пудов в год) и фосфорной мукой (до 11 пудов на десятину) было зафиксировано планомерное повышение урожая зерна (до 16 пудов 32 фунта на единицу посева). Это 24% превышало показатели соседних неудобренных секторов. Особенность проводимых здесь экспериментов также заключалась в использовании местных сортов муки, привозимых с Земетчинского костемольного завода Тамбовской губернии [17, с. 15].

В конце XIX века вопросы организации собственного опытного поля активно решались членами Козловского общества сельского хозяйства. В результате их работы удалось не только приобрести необходимые для экспериментов площади, но и создать уникальное земско-общественное партнерство, обеспечивающее правильную постановку агрономических исследований. Вопрос о покупке нужного участка был впервые поставлен членами Козловского организации на общем собрании 12 марта 1899 года. По их мнению, «опытное поле могло бы с большим и несомненным успехом служить на пользу местного населения» стать основой для «устройства образцового семенного хозяйства, рассадником улучшенных, пород животных [18, с. 23]. Для приобретения земли (125 десятин при деревне Смородиновке Екатерининской волости) председатель Общества А.А. Ушаков и товарищ председателя М.М. Любощинский выделили из личных средств по 1000 руб., а для лучшей постановки они предложили воспользоваться услугами земского агронома. В этом же 1909 году козловским общественникам и местному земству удалось достичь соглашения о перенесении сюда метеорологической станции и лаборатории, а также выделения ежегодной субсидии (500 рублей) на рационализацию [18, с. 23]. При этом по рекомендации А.А. Ушакова в совете общества должен был появиться представитель земства. После окончания работ по обустройства участка специалисты перешли к экспериментам по улучшению приемов обработки пара, возделыванию пропашных культур, работе с трех, четырех и девятипольными севооборотами. При этом все операции «велись в строго научном направлении» и по тщательно проверенной и разработанной программе [18, с. 23].

Широкие возможности для распространения новейшего сельскохозяйственного опыта появились благодаря появлению в Тамбовской губернии полноценной агрономической организации. Впервые вопрос ее создании возник после неурожая 1891-1892 гг. Тогда для тамбовских земцев стала очевидна необходимость повышения уровня тамбовского сельского хозяйства и учреждения особого органа, поддерживающего экономическую активность крестьянства. В 1894 г. земцы попытались создать такую структуру. Однако когда в 1895 г. уездным управам было предложено выделить средства на содержание агрономов, большинство местных деятелей по этому вопросу ответило отрицательно, организация распалась [18, с. 21].

Столыпинская аграрная реформа позволила успешно завершить создание агрономической организации (1910 г.) Благодаря ее появлению в регионе была выработана целая сеть агроучастков. В 1913 г. в губернии начитывалось 53 агроучастка с 53 агрономами. Кроме того, в регионе действовало 52 прокатных, 41 случных пунктов [26, с. 53]. Для повышения уровня хозяйственных знаний тамбовских владельцев агрономы устраивали беседы по самому широкому спектру экономических вопросов.

Большое значение тамбовские помещики уделяли борьбе с вредителями сельскохозяйственных посевов. Наибольшую опасность представляло нашествие гессенской мухи (Cecidomya destructor). Изучавший этого «паразита» профессор К. Э. Линдеман рекомендовалось делать «ранние и, вообще, своевременные посевы озимых хлебов», организовывать приманочные (ложные) участки пшеницы, выжигать жнивы на пораженных полях [14]. Осознавая всю тяжесть проблемы, тамбовская власть пыталась минимизировать ущерб от

распространения гессенки. 27 июля 1880 г. губернское собрание обязало владельцев делать обязательным посев не позже 15 августа [16, с. 3].

Выводы

Таким образом, в конце XIX – начале XX века модернизация помещичьих хозяйств Тамбовской губернии была тесно связана с экономической деятельностью общественных и земских организаций, распространяющих в регионе агротехнические новации. Данное партнерство реализовывалось через подготовку квалифицированных кадров рабочих, организацию сельскохозяйственных курсов, внедрение в практику опытных полей, просветительская роль земств и агрономов. Положительные экономические эффекты данного сотрудничества укрепляли рыночную ориентацию ряда поместий, повышали устойчивость всего аграрного комплекса региона.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01520, https://rscf.ru/project/24-28-01520/

Список источников

1. Гайстер А.И. Сельское хозяйство капиталистической России: в 2 ч. Москва: Коммун. акад, 1928. 175 с.
2. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. Л. 124-124 об.
3. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 131.
4. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 152.
5. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 200. Л. 66.
6. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 203. Л. 27.
7. Дружкин Ф.И. Отчет по опытному полю Тамбовского уездного земства. Тамбов: Губернская земская типография, 1898. 127 с.
8. Дьяков В.Н. Деятельность земских складов по продаже земледельческих орудий, машин, семян в Тамбовской губернии // Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год / издание Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов: Издание Тамбовского Губернского Статистического Комитета, 1903. С. 318 – 325.
9. Жиров Н.А. Развитие крестьянского хозяйства и демоэкологические процессы в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 168 – 174.
10. Жиров Н.А. Социально-экономическое развитие черноземной деревни в XIX – начале XX вв.: от процветающей житницы дореформенной России к демоэкологическому кризису сельских поселений // Былые годы. 2024. № 19 (4). С. 1605 – 1614.
11. Житин Р.М., Топильский А.Г. Особенности рационального природопользования в земледельческом хозяйстве крупных имений Тамбовской губернии в конце XIX века // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 288 – 295.
12. Житин Р.М., Топильский А.Г., Облицов М.А. Экономические особенности рационализации хозяйственной деятельности крупных помещиков Тамбовской губернии во второй половине XIX века // Былые годы. 2022. № 17 (1). С. 330 – 337.
12. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах: в 4 вып. Вып. 1. Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1900. 476 с.
13. Ларин Ю. Экономика досоветской деревни. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. 216 с.
14. Линдеман К.Э. Гессенская муха: Гессенская муха. Москва: К.И. Тихомиров, 1895. 242 с.
15. Мизис Ю.А. и др. Новотомниково. Воронеж: Центр духов. возрождения Черноозем. края, 2002. 157, [2] с.
16. Обзор Тамбовской губернии за 1880 г. Тамбов: тип. Губ. правл., 1881. 74 с.
17. Отчет о результатах опытов, произведенных на опытном поле Моршанского земства в имении А.А. Смесова в 1906 году. Моршанск: Типография М. Прокофьева, 1906. 29 с.
18. Очерк развития деятельности Козловского сельскохозяйственного общества и в связи с настоящим и прошлым сельского хозяйства в Козловском уезде // Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год / издание Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов: Издание Тамбовского Губернского Статистического Комитета, 1903. С. 19 – 26.
19. Прейскурант фруктовым и декоративным растениям и кустарникам, розам и тепличным и оранжерейным растениям садового заведения Мартина Михайловича Крумминг 1897-1898 годы: каталог. Тамбов: Тип. губернского правления, 1897. 34 с.

20. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / М-во земледелия. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. Год восьмой. Петроград: тип. Ис.Ф. Вайсберга, 1915. 640 с.

21. Сборник статистических данных по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1894. 196 с.

22. Свиридов В.В. Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии: Вторая половина XIX - начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2006. 27 с.

23. Тамбовское губернское земство. Урожай хлебов, трав и проч. в Тамбовской губернии за пятнадцатилетие 1896-1910 г.г. по сведениям, полученным от добровольных корреспондентов / издание Тамбовского губернского земства. Тамбов: Тип. губернского земства, 1913. 74 с.

24. Тамбовское сельскохозяйственное общество. Отчет о деятельности Тамбовского сельскохозяйственного общества за период со 2 марта 1902 г. по 1 января 1913 г. Тамбов: Тип. губернского земства, 1913. 84 с.

25. Туманова А.С. Вопросы агропропаганды в деятельности сельскохозяйственных обществ Тамбовской губернии второй половины XIX – начала XX вв. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму: в 4 вып. Вып. 3. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. С. 31 – 39.

26. Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода. 1861-1917-й годы. Тамбов: тип. "Пролетарский светоч", 1928. 100 с.

References

1. Gaister A.I. Agriculture of Capitalist Russia: in 2 parts. Moscow: Kommun. acad., 1928. 175 p.

2. GATO. F. 51. Op. 1. D. 9. L. 124-124 ob.

3. GATO. F. 51. Op. 1. D. 131.

4. GATO. F. 51. Op. 1. D. 152.

5. GATO. F. 51. Op. 1. D. 200. L. 66.

6. GATO. F. 51. Op. 1. D. 203. L. 27.

7. Druzhkin F.I. Report on the experimental field of the Tambov district zemstvo. Tambov: Gubernskaya Zemstvo Printing House, 1898. 127 p.

8. Dyakov V.N. Activities of Zemstvo Warehouses for the Sale of Agricultural Implements, Machines, and Seeds in Tambov Province. Collection of the Tambov Province Calendar for 1903. publication of the Tambov Provincial Statistical Committee. Tambov: Publication of the Tambov Provincial Statistical Committee, 1903. P. 318 – 325.

9. Zhirov N.A. Development of Peasant Farming and Demoecological Processes in Oryol Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2020. Vol. 25. No. 189. P. 168 – 174.

10. Zhirov N.A. Socio-economic development of the black soil village in the 19th – early 20th centuries: from a thriving breadbasket of pre-reform Russia to the demo-ecological crisis of rural settlements. Bylye Gody. 2024. No. 19 (4). P. 1605 – 1614.

11. Zhitin R.M., Topilsky A.G. Features of rational nature management in agriculture of large estates of Tambov province at the end of the 19th century. Bylye Gody. 2021. No. 16 (1). P. 288 – 295.

12. Zhitin R.M., Topilsky A.G., Oblitsov M.A. Economic features of rationalization of economic activities of large landowners of Tambov province in the second half of the 19th century. Bylye Gody. 2022. No. 17 (1). P. 330 – 337.

12. Brief reference information on some Russian farms: in 4 issues. Issue 1. St. Petersburg: V. Kirshbaum printing house, 1900. 476 p.

13. Larin Yu. Economy of the pre-Soviet village. Moscow; Leningrad: State publishing house, 1926. 216 p.

14. Lindeman K.E. Hessian fly: Hessian fly. Moscow: K.I. Tikhomirov, 1895. 242 p.

15. Mizis Yu.A. et al. Novotomnikovo. Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2002. 157, [2] p.

16. Review of Tambov Province for 1880. Tambov: Gubernia printing house. ed., 1881. 74 p.

17. Report on the results of experiments conducted on the experimental field of the Morshansk zemstvo on the estate of A.A. Smesov in 1906. Morshansk: M. Prokofiev Printing House, 1906. 29 p.

18. Essay on the development of the activities of the Kozlov Agricultural Society and in connection with the present and past of agriculture in the Kozlov district. Collection of the calendar of the Tambov province for 1903. publication of the Tambov Provincial Statistical Committee. Tambov: Publication of the Tambov Provincial Statistical Committee, 1903. P. 19 – 26.

19. Price list of fruit and ornamental plants and shrubs, roses, and hothouse and greenhouse plants of the gardening establishment of Martin Mikhailovich Krumming, 1897–1898: catalog. Tambov: Provincial Government Printing House, 1897. 34 p.

20. Collection of statistical and economic data on agriculture in Russia and foreign countries. Ministry of Agriculture. Department of Rural Economy and Agricultural Statistics. Year Eight. Petrograd: Printing House of Is.F. Weisberg, 1915. 640 p.

21. Collection of statistical data on Tambov province: in 24 volumes. Volume 19. Private land ownership of Tambov district. Tambov: Publishing House of Tambov Provincial Zemstvo, 1894. 196 p.

22. Sviridov V.V. Agricultural societies of Tambov province: Second half of the 19th – early 20th centuries: Abstract of Cand. Sci. (History) dissertation. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Tambov, 2006. 27 p.

23. Tambov Provincial Zemstvo. Harvest of grain, grass, etc. in Tambov province for the fifteen years 1896-1910 according to information received from voluntary correspondents. Publishing House of Tambov Provincial Zemstvo. Tambov: Type of the Provincial Zemstvo, 1913. 74 p.

24. Tambov Agricultural Society. Report on the activities of the Tambov Agricultural Society for the period from March 2, 1902 to January 1, 1913. Tambov: Type of the Provincial Zemstvo, 1913. 84 p.

25. Tumanova A.S. Issues of Agro-Propaganda in the Activities of Agricultural Societies of Tambov Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Tambov Peasantry: From Capitalism to Socialism: in 4 issues. Issue 3. Tambov: Publishing House of Tomsk State University named after G.R. Derzhavin, 2000. P. 31 – 39.

26. Chermensky P.N. From Serfdom to October in Tambov Province: An Essay on the Economy and Culture of the Post-Reform Period. 1861-1917. Tambov: Proletarian Light Publishing House, 1928, 100 p.

Информация об авторах

Топильский А.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-9416-1312, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, a-topil@yandex.ru

Житин Р.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-6031-6088, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, istorik08@mail.ru

© Топильский А.Г., Житин Р.М., 2025